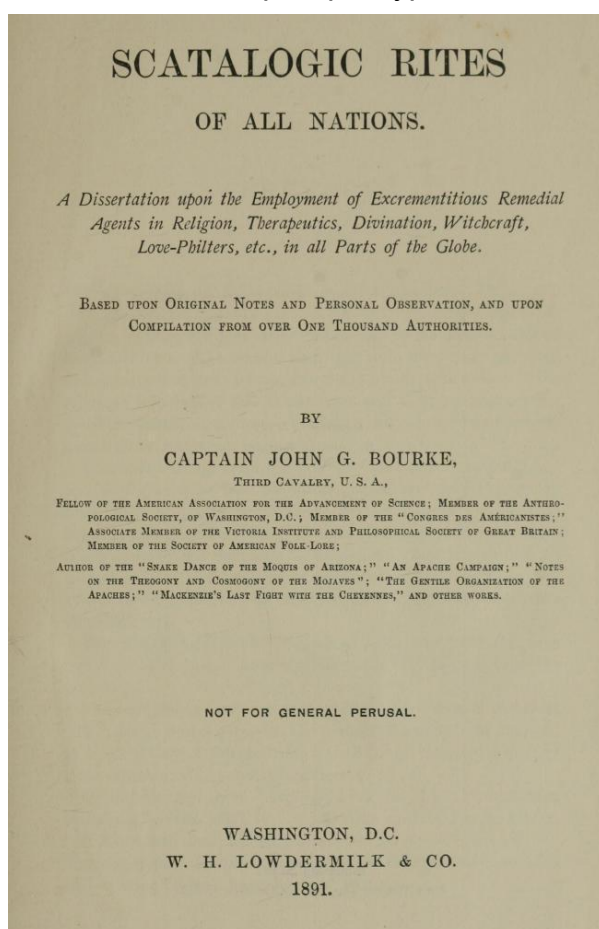

Копрологические обряды всех
народов. Диссертация о применении
экскрементальных средств в религии,
терапии, гадании, колдовстве,
любовных приворотах и т.д. во всех
частях земного шара

Джон Грегори Бурке

The Project Gutenberg eBook of Scatalogic Rites of All Nations

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Копрологические обряды всех народов

Автор: Джон Грегори Бурке

Дата выхода: 9 мая 2021 года [eBook #65295]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: MWS и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SCATALOGIC RITES OF ALL NATIONS ***

SCATALOGIC RITES OF ALL NATIONS.

A Dissertation upon the Employment of Excrementitious Remedial Agents in Religion, Therapeutics, Divination, Witchcraft, Love-Philters, etc., in all Parts of the Globe.

Основано на оригинальных заметках и личных наблюдениях, а также на компиляции из более чем тысячи источников.

BY CAPTAIN JOHN G. BOURKE,
Третьей кавалерийской армии США,

Член Американской ассоциации содействия развитию науки; член Антропологического общества в Вашингтоне, округ Колумбия; член "Конгресса американистов"; ассоциированный член Института Виктории и Философского общества Великобритании; член Общества американского фольклора;

Автор книг "Змеиный танец мокиков Аризоны", "Кампания апачей", "Заметки о теогонии и космогонии мокиков", "Языческая организация апачей", "Последний бой Маккензи с шайенами" и других работ.

НЕ ДЛЯ ОБЩЕГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ.

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ.
W. H. LOWDERMILK & CO.
1891.

Авторское право, 1891,
Джоном Г. Бурком.

Издательство университета:
John Wilson and Son, Cambridge, U.S.A.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тема скаталических или стеркообразных обрядов и практик, какой бы отталкивающей она ни была в некоторых своих аспектах, заслуживает самого глубокого рассмотрения, - если не по той причине, что по прежнему повсеместному распространению подобных отклонений интеллекта, а также религиозных импульсов человеческой расы и их нынешнему ограничению или сдерживанию можно судить о прогрессе человечества в направлении вверх и вперед.

Философские и эрудированные мыслители прошлых веков опубликовали тома большего или меньшего объема по этому вопросу; среди этих авторов сейчас достаточно упомянуть Шурига, Этмюллера, Флемминга, Пауллини, Бекхериуса, Розина Лентилия и Левина Лемниуса. Историк Бакл считал этот предмет достойным изучения, о чем свидетельствуют меморандумы, найденные в его альбомах после смерти.

Философу Бойлю приписывают отцовство работы, вышедшей за подписью "Б" и посвященной той же теме.

Анонимный автор или авторы весьма ученого памфлета "Bibliotheca Scatologica", за ознакомление с которым я обязан любезности хирурга Джона С. Биллингса, собрали массу ценнейших библиографических ссылок.

Совсем недавно в "Mitterlungen Gesselsch.", Wien, 1888, появились две страницы работы доктора М. Хофлера "Volksmedizin und Aberglaube in Oberbayern Gegenwart und Vergangenheit", описывающей некоторые экскрементальные средства, все еще существующие в народной медицине Баварии.

Но хотя трактаты на эту тему отнюдь не редки, они недоступны, за исключением тех ученых, которые находятся в пределах досягаемости крупнейших библиотек; и хотя все или почти все они указывают на связь этих практик с колдовством и чародейством, а также с народной медициной, ни один писатель до сих пор не осмелился предположить, что им следует приписывать отчетливо религиозное происхождение.

С того момента, когда в присутствии автора был исполнен отвратительный "Танец мочи зуньи", и до момента завершения этой работы было тщательно изучено более тысячи трактатов различных видов и размеров, от заплесневелых черных писем пятнадцатого века до более скромных, но не менее ценных памфлетов более поздних лет. Эти трактаты охватывают область первобытной религии, медицины и магии, а также включают в себя наиболее обширную часть лучших книг о путешествиях и наблюдениях за первобытными народами во всех частях света; здесь представлены не только английские авторитеты, но и труды лучших французских, испанских, немецких, латинских, греческих, арабских и

кельтских авторов, а также анализ того, что дошло до нас от лидеров восточной религиозной мысли и от монашеских "пиявок" англосаксов.

Большое количество примеров использования стеркореациевых средств было включено в раздел "Терапия" по двум веским причинам: во-первых, чтобы показать, что использование таких средств было наиболее широко распространено; во-вторых, чтобы продемонстрировать, что это использование передавалось из века в век.

Если бы был выбран другой путь, могли бы возникнуть возражения, что необычные средства или средства только эксцентричных практиков были найдены и процитированы целью доказать, что Filth Pharmacy была тщательно последовательной и полностью развитой школой в науке терапии, начиная с самых примитивных времен до наших дней и даже перекрывая их.

Ознакомление с этим томом не может не убедить самого критически настроенного читателя в том, что он написан в духе справедливости, насколько это возможно по отношению к человеческой природе, и без предвзятости или предубеждения в каком-либо направлении.

Тот факт, что так много цитат было включено в этот сборник без комментариев, можно считать дополнительным доказательством непредвзятого характера работы.

Ни одна коллекция фактов не является наукой. Все, что можно сделать с фактами, не имеющими достоверной связи, - это поместить их, как здесь, в сопоставлении, предоставив читателю самому делать выводы; никаким другим способом автор не может избежать обвинений в искажении или извращении фактов.

Большое количество писем, полученных от выдающихся ученых во всех частях света, от Эдинбурга до Нового Южного Уэльса, свидетельствует об интересе к этому трактату и в то же время налагает на автора обязательства, которые невозможно выразить словами. Особые благодарности заслуживают

Профессору В. Робертсону Смиту, редактору Британской энциклопедии.

Генерал-майору Дж. Г. Форлону, автору книги "Реки жизни", Эдинбург.

Хэвелок Эллис, эсквайр, редактор серии "Современная наука".

Профессор Тиррелл С. Лейт из Бомбея (скончался).

Фрэнк Редс Фокс, эсквайр, Музей Южного Кенсингтона, Лондон.

Джеймс Г. Фрейзер, эсквайр, магистр философии, автор "Золотой ветви", Тринити-колледж, Кембридж.

Доктор Густав Ягер из Штутгарта.

Д-р Дж. У. Кингсли, Кембридж.

Профессор Э. Б. Тайлор, Оксфорд.

Профессор Э. Н. Хорсфорд, Гарвардский университет.

Профессор Ф. В. Путнам, Археологический музей Пибоди, Кембридж, Массачусетс.

Хирург Вашингтон Мэтьюс, армия США.

Хирург Б. Дж. Д. Ирвин, армия США.

Г. Б. Кингдон, эсквайр, секретарь Королевского общества, Сидней, Новый Южный Уэльс.

Л. Ф. Манн, эсквайр, Сидней, Новый Южный Уэльс.

Джон Фрейзер, эсквайр, доктор права, Сидней, Новый Южный Уэльс.

Капитан Анри Жуан, французский флот.

Доктор Бернар, Канны, Франция.

Доктор Роберт Флетчер.

Д-р Франц Боас, Университет Кларка, Вустер, Массачусетс.

Д-р Генри Стрикер, Франкфорт, Германия.

Главный инженер Мелвилл, ВМС США.

Профессор Отис Т. Мейсон, Национальный музей, Вашингтон, округ Колумбия.

Уильям Г. Гилдер, исследователь Арктики и писатель.

Доктор Альберт С. Гатше, Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.

Преподобный Генри Клей Трамбулл, редактор "The Sunday School Times" из Филадельфии, штат Пенсильвания.

Достопочтенный Ламберт Три, бывший министр по делам России.

Эндрю Лэнг.

Л. С. Хиттель, Сан-Франциско, Калифорния.

М. М. Х. Гайдос, редактор журнала "Мелюзина", Париж.

Доктор С. Б. Эванс, Оттумва, штат Иа.

Преподобный Дж. Оуэн Дорси, Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.

Мистер У. У. Рокхилл, выдающийся востоковед и исследователь.

Достопочтенный Х. Т. Аллен, секретарь Корейского легата.

Миссис Ф. Д. Берген и многие другие корреспонденты.

И, наконец, доктор Дж. Хэмпден Портер из города Вашингтона, чьи дружеские услуги практически равнозначны сотрудничеству.

Все статьи этой серии, касающиеся нравов и обычаев индейцев юго-западной части нашей территории, особенно те, которые касаются танцев мочи, фаллических танцев, танцев змей у зуни, моки и других пуэбло; навахо из Нью-Мексико; танца солнца у сиу и т.д., были составлены из меморандумов, собранных под руководством генерал-лейтенанта П.Х. Шеридана в 1881 и 1882 годах. Те, что касаются апачей и т. д, Аризоны; Северной Мексики; руины пуэбло, скалы и пещерные жилища; Сиу, Шайенны, Кроу, Арапахо, Пауни, Шошоны, Утес и другие племена, начиная с 1869 года, были получены в основном во время службы

автора в качестве адъютанта при штабе бригадного генерала Джорджа Крука, во время кампаний, проведенных этим офицером против враждебных племен к западу от Миссури, от британской линии до Мексики, и в значительной степени под руководством генерала Крука, при его поддержке и помощи.

Переводы с немецких текстов были сделаны господами Смитом, Пратцем и Буннемайером, а за анализ пилюль, изготовленных из ордуры Великого ламы Тибета, автор выражает благодарность доктору В. М. Миу.

Л. Г. Б.

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава	Страница
I. Предварительные замечания	1
II. Танец с мочой у зунисов	4
III. Праздник дураков в Европе	11
Сравнение между праздником дураков и танцем мочи.- Праздник дураков восходит к древнейшим временам.- Исчезновение праздника дураков.- "Шомбятки" Трансильвании.	
IV. Памятный характер религиозных праздников	24
Сакральный характер танцев.- Рассказ Брея Диего Дурана о мексиканских праздниках.- Танец с мочой у зунисов может сохранять традицию того времени, когда использовался мерзкий пищевой продукт.	
V. Человеческие экскременты, используемые в пищу душевнобольными и другими людьми	29
VI. Использование экскрементов в пищу дикими племенами	33
VII. Моча в пище человека	38
Оливки чинук. Моча в хлебопечении. Человеческая моча, которую едят фанатики из Восточной Индии.	
VIII. Ордура Великого ламы Тибета	42
Сравнение Хука и Дюбуа.	
IX. Стеркоранисты	54
Ирландский Далай-Ламас.	
X. Вакхические оргии греков	62
Вакхические оргии в Северной Америке. Жертвоприношение собаки как замена человеческим жертвоприношениям.	
XI. Ядовитые грибы, используемые в ур-оргиях	65
Грибной напиток из колодца Борджи.	
XII. Гриб в связи с феями	85
XIII. Использование ядовитых грибов, вероятно, существовало у	89

	мексиканцев	
	Грибы и поганки, которым поклонялись американские индейцы. Былое использование грибов указано в мифах Цейлона и в законах браминов.	
XIV.	Лук, обожаемый египтянами	94
XV.	Священное опьянение и фаллизм	97
XVI.	Исследование друидического использования омелы	99
	Прежнее использование настоя или отвара омелы.- Омела, которая, как утверждается, считалась священной у строителей курганов.- Праздник омелы у мексиканцев.- Следы друидических обрядов в наши дни.- Лингвистика омелы.	
XVII.	Коровий навоз и коровья моча в религии	112
	Коровьим навозом пользовались и израильтяне.	
XVIII.	Навоз, который израильтяне якобы использовали в пищу	119
	Экскременты священной коровы заменяют человеческие жертвоприношения. Человеческий орду и моча до сих пор используются в Индии.	
XIX.	Боги экскрементов у римлян и египтян	127
	Ассирийская Венера возлагала на свои алтари подношения из навоза.- Мексиканская богиня Сучикекаль ест навоз.- Израильские навозные боги.	
XX.	Уборные	134
	Поза при мочеиспускании.	
XXI.	Исследование природы обрядов, связанных с поклонением Бел-Фегору	154
XXII.	Непристойные обычаи	165
XXIII.	Пошлина, взимаемая с проституток во Франции	168
	Священный характер строительства мостов.	
XXIV.	Непристойные пережитки в играх английских деревенщин	173
XXV.	Моча и ордура как знаки траура	176
XXVI.	Моча и ордура в промышленности	177
	Дубление.- Отбеливание.- Крашение.- Штукатурка.- Как лекарство от табака.- Для восстановления запаха мускуса и цвета кораллов.- Производство сыра.- Фальсификация опиума.- Высиживание яиц.- Налоги на мочу.- Хризоколлон.- Для удаления чернильных пятен.- Как украшение.- Татуировка.- Сельское хозяйство. Моча используется в производстве соли.- Приготовление аммиачной соли, фосфора, раствора индиго.- Навоз используется в качестве топлива.- Грязь.- Человеческие и животные экскременты способствуют росту волос и уничтожают перхоть.- Как средство для мытья сосудов.- Грязные привычки в приготовлении пищи.	
XXVII.	Моча в церемониальных омовениях	201
XXVIII.	Моча в церемониальных обрядах	206
	Стеркообразный стул пап.	
XXIX.	Моча в курении	214

XXX.	Ухаживание и брак Ордура в любви - Филлеры - Антифиллеры.	216
XXXI.	Сибирское гостеприимство	228
XXXII.	Роды Отлучение от груди.	233
XXXIII.	Инициация воинов. Страшный обряд у хоттентотов.- Воинские обычаи.- Оружие и доспехи.	237
XXXIV.	Охота и рыбалка	244
XXXV.	Гадание.- Омены.- Сны	246
XXXVI.	Испытания и наказания, земные и надземные	249
XXXVII.	Оскорбления	256
XXXVIII.	Церемонии погребения	261
XXXIX.	Мифы	266
XL.	Уриноскопия, или диагностика по моче О влиянии эмоций на эгесты.	272
XLI.	Моча и моча в медицине Выдержки из трудов Диоскорида.- Взгляды Галена.- Секст Плацит.- "Саксонские пиявки".- Авиценна.- Разное.- Человеческий ордур.- Идеи Шурига относительно использования в медицине эгестазы животных.- Ордур и моча в народной медицине.-Оккультные влияния, приписываемые ордуру и моче.-Другие средства от экскрементов.- Волосы.-Суеверия, связанные со слюной человека.-Серумен или ушная сера.-Женское молоко.-Человеческий пот.-Суеверия, связанные с катамениальной жидкостью.-Послеродовые и лохии.-Человеческая сперма.-Человеческая кровь.-Человеческая кожа, плоть и сало.- Человеческий череп.-Мозг.-Мох, растущий на человеческом черепе.- Мох, растущий на статуе.-Вши.-Шерсть.-Кости и зубы.-Мозоль.- Человеческие зубы.-Примеси зубного камня.-Ренал и желчные камни.- Человеческая желчь.-Безоаровые камни.-Линкурий.-Косметика.	277
XLII.	Амулеты и талисманы	370
XLIII.	Колдовство.- Чародейство.- Амулеты.- Заклинания.- Наговоры.- Магия	373
XLIV.	Несколько замечаний о храмовой или сакральной проституции и о рогах рогоносцев	405
XLV.	Исцеление путем трансплантации	411
XLVI.	Использование лингама в Индии	428
XLVII.	Фаллические суеверия во Франции и других странах	431
XLVIII.	Выжившие в бурлеске Использование мочевых пузырей в религиозных церемониях.	432
XLIX.	Поклонение петухам и курам Испано-американский спорт "Correr el Gallo" и английская забава "Метание в петухов на масленицу".	440
L.	Стойкость средств от грязи	456

	Эпилепсия.	
LI.	Объяснение причины, по которой человеческий орду и человеческая моча использовались в медицине и религиозных церемониях	459
LII.	Пасхальные яйца	461
LIII.	Использование мочевых пузырей для приготовления колбасы из экскрементов	464
LIV.	Заключение	467
	БИБЛИОГРАФИЯ	469
	ИНДЕКС	485

СКАТАЛИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ ВСЕХ НАРОДОВ.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

"Правильное изучение человечества - это человек".

"Изучение человека - это изучение его религии" - Макс Мюллер.

"Немногие, кто отдаст свои умы освоению общих принципов религии дикарей, когда-нибудь снова сочтут ее смешной..... Далеко не всегда ее верования и обычаи представляют собой мусорную кучу разнородных глупостей, они последовательны и логичны в такой высокой степени, что начинают, как только их хотя бы приблизительно классифицируют, демонстрировать принципы их формирования и развития; и эти принципы оказываются по сути рациональными, хотя и действуют в ментальном состоянии сильного и закоренелого невежества" -Primitive Culture, E. B. Tylor, New York, 1874, vol. i. p. 21.

Цель настоящей монографии - упорядочить в удобной для использования форме те упоминания, которые попали в поле зрения автора и касаются использования человеческой или животной мочи или предметов, очевидно предназначенных для ее замены, как в обрядах явно религиозного или "медицинского" типа, так и в тех, которые, не будучи явно таковыми, наводят на мысль, что они могут быть пережитками прежних танцев с мочой или ур-оргий среди племен и народов, из чьего более позднего образа жизни и мышления они были исключены.

Трудности, связанные с раскрытием этой темы, несомненно, возникнут у каждого студента, изучающего антропологию или этнологию. Обряды и практики, о которых здесь идет речь, можно встретить только в изолированных от мира сообществах, причем таких, о которых даже дикари не стали бы без нужды рассказывать чужакам; В то время как слишком часто умные наблюдатели не использовали возможности отметить существование подобных обрядов, или же, сдерживаемые ложной скромностью, облакали свои замечания в туманную и неопределенную фразеологию, забывая, что как врач, чтобы быть искусным, должен изучать своих пациентов и в болезни, и в здравии, так и антрополог должен изучать человека не только там, где он отражает величие своего Создателя, но и в его грубых и более животных наклонностях.

Когда Смитсоновский институт распространил первое издание "Заметок и записок" и т. д. по этой теме, автор был готов поверить, что для большого и постоянно растущего круга ученых эта тема будет представлять необычайный интерес, и что, повторяя слова великого императора, процитированные великим философом, все, что относится к первобытному человеку, достойно пристального внимания и изучения теми, кто ознакомится с его историей и эволюцией.

"Мы должны быть в состоянии сказать, подобно императору Максимилиану, *"homo sum, humani nihil a me alienum puto"*, или, переводя его слова буквально, "Я - человек; ничто, относящееся к человеку, я не считаю чуждым себе"" - (Макс Мюллер, "Фишки из немецкой мастерской". Максимилиан использовал цитату из Теренция).

Автор также считал, что в таком кругу ему не придется приносить извинения, аналогичные тем, которыми Пеллегрини пытался защитить благородную профессию врача в первые дни книгопечатания.^[1] Но он с немалой гордостью увидел, что его памфлет удостоился искреннего внимания выдающихся людей, которые своими предложениями и критикой, высказанными с добротой и принятыми с благодарностью, способствовали дополнению оригинальных "Заметок и записок" до настоящего трактата.

То, что эти отвратительные обряды имеют ярко выраженное религиозное происхождение, никто не станет отрицать после внимательного прочтения всего, что будет представлено по этому вопросу; И то, что их изучение принесет важные результаты, будет столь же неопровержимо, если это изучение будет проводиться на основе широкого принципа, согласно которому пользу или вред, которые человечество могло получить от религии в целом или от любой конкретной ее формы, можно установить только путем сравнения действий человека и принципов поведения на самых ранних стадиях культуры с теми, которые можно наблюдать, руководствуясь религиозными чувствами сегодняшнего дня.

Евреи и христиане найдут общую почву для поздравлений в том, что верующие в их системы сейчас абсолютно свободны от любого намека на эту грязь, каждый пример обратного прямо противоречит духу и практике этих двух великих тел, которым мировая цивилизация так глубоко обязана.

Но с другой точки зрения, изучение первобытного человека невозможно и абсурдно, если только оно не проводится как исследование его религиозного мышления, поскольку религия руководила каждой его мыслью и поступком в повседневной жизни. Ринк, заявив, что "все исследование доисторического человека... которое до сих пор основывалось почти исключительно на изучении украшений, оружия и других останков первобытных народов", в будущем должно основываться на исследовании их духовной мысли, замечает: "Несомненно, придет время, когда любой реликт духовной жизни, дошедший до нас от доисторического человечества, который еще можно найти в фольклоре более изолированных и примитивных народов, будет цениться так же высоко, как эти первобытные останки". - ("Сказки и предания эскимосов", Ринк, Эдинбург, 1875, стр. 6 предисловия).

Поэтому, как ни отвратителен этот предмет с большинства точек зрения, автор счел себя обязанным воспроизвести все, что он видел и читал, надеясь, что в более полном рассмотрении, которое сейчас получают все формы первобытной религии, эта, самая жестокая, возможно, из всех, может претендовать на некоторую долю рассмотрения и обсуждения. Чтобы послужить ядром для собранных с тех пор заметок и воспоминаний, автор воспроизвел свою оригинальную монографию, впервые опубликованную в "Transactions of the American Association for the Advancement of Science" за 1885 год и зачитанную на заседании в Анн-Арборе, штат Мичиган, в том же году.

II. ТАНЕЦ МОЧИ ЗУНИ.

Вечером 17 ноября 1881 года, во время моего пребывания в деревне Зуни, штат Нью-Мексико, *нехуэ-куэ*, один из тайных орденов зуни, передали мистеру Фрэнку Х. Кушингу,^[2] гостем которого я был, что они окажут нам необычную честь, придя в наш дом, чтобы дать нам один из своих характерных танцев, который, по словам Кушинга, был беспрецедентным.

Скво из семьи губернатора привели в порядок длинную гостиную, подмели пол и окропили его водой, чтобы убрать пыль. Вскоре после наступления темноты вошли танцоры; их было двенадцать человек, двое из них - мальчики. Центральные мужчины были обнажены, за исключением черных бриджей архаичного фасона. Волосы были уложены в прическу, спереди повязан пучок перьев дикой индейки, а над каждым ухом - по одному из кукурузной шелухи. На лице у глаз и рта были нарисованы белые полосы. Каждый носил воротник или шейный платок из черной шерстяной ткани. Широкие белые полосы шириной в один дюйм были нарисованы вокруг тела у пупка, на руках, на ногах у середины бедер и на коленях. На правом колене висели погремушки из черепашной скорлупы. На ногах были надеты синие шерстяные леггинсы без ступней и мокасины с низким вырезом, а в правой руке каждый размахивал палочкой из кукурузного колоса, украшенной оперением дикой индейки и макаки. Остальные были одеты в старую, списанную одежду американской армии, и на всех были белые хлопчатобумажные ночные колпаки, а в волосы на макушке и в ушах вплетены кукурузные рыльца. Несколько человек, помимо погремушек из черепаховой скорлупы, носили на коленях латунные колокольчики для саней. Один был одет более гротескно, чем остальные, - в длинный комбинезон из индийской резины и с парой очков, покрашенных в белый цвет, на глазах. В целом его "грим" был похож на мексиканского священника. Другой был очень удачной подделкой молодой женщины.

Под аккомпанемент продолговатого барабана и упомянутых погремушек и колокольчиков они протащились в длинную комнату, заполненную зрителями обоих полов, всех размеров и возрастов. В их песне, очевидно, нелепо упоминалось все и вся, Кушинг, Минделефф и я пользовались особым вниманием, к безудержному веселью краснокожих слушателей. Я занял свое место в одной из сторон комнаты, расположившись на банкетке и поставив перед собой грубую скамью или стол, на котором стояла маленькая угольно-нефтяная лампа. Полагаю, что в ореоле, распространяемом слабым светом, и в своей "витражной позе" я должен был иметь некоторое сходство с изображениями святых, висящими на стенах старых мексиканских церквей; этому воображаемому сходству я, по крайней мере, приписываю последовавшее затем представление.

Танцоры внезапно выстроились в ряд, бросились на колени перед моим столом и с экстравагантными ударами в грудь начали необычное, но верное издевательство над мексиканской католической общиной на вечерне. Один выкрикивал пародию на патер-ностер, другой бормотал что-то на манер старика, читающего четки, а парень в резиновом пальто вскочил и начал страстное увещевание или проповедь, которая по достоверности подражания не имела себе равных. Несколько минут зрители смеялись до боли в боках, пока по сигналу ведущего танцоры внезапно не вышли из зала в одном строю, как и вошли.

Последовала десятиминутная пауза, во время которой пыльный пол окропляли мужчины, насильно выплескивая воду из рта. *Нехуэ-Куэ* снова вошли в зал; на этот раз двое из них были обнажены. Их пение было весьма своеобразным и напоминало хор трубочистов, а их танец представлял собой прыжки на жестких ногах, пятки которых находились на расстоянии двенадцати дюймов друг от друга. После того как они два или три раза обошли комнату, Кушинг объявил на языке зуны, что для них приготовлен "пир", на что они громко закричали, выражая свое одобрение, и вышли вперед, чтобы ударить по рукам с щедрыми "американосами", обращаясь к нам на забавной тарабарщине из ломаного испанского, английского и зуны. Затем они уселись на корточки и с усердием поглощали большие "оллы", полные чая, и тарелки с твердой приправой и сахаром. Когда они уже заканчивали, вошла скво, неся "олла" с мочой, из которой грязные скоты от души напились.

Я отказался верить показаниям своих органов чувств и спросил Кушинга, действительно ли это человеческая моча. "Конечно", - ответил он, - "и вот еще". На этот раз это было большое оловянное ведро, не меньше двух галлонов. Я стоял рядом со скво, когда она предлагала это странное и отвратительное угощение. Она сделала движение рукой, чтобы показать мне, что это моча, и один из стариков повторил испанское слово *tear* (мочиться), а мое обоняние подтвердило истинность их слов.

Танцоры глотали большими порциями, чмокали губами и, под всеобщее веселье зрителей, отмечали, что это очень, очень вкусно. Клоуны теперь были на высоте, каждый старался превзойти своих соседей в мерзостях. Один проглотил кусок кукурузной шелухи, заявив, что считает ее очень вкусной и лучше хлеба; его *визави* попытался разжевать и проглотить кусок грязной тряпки. Другой выразил сожаление, что танцы не проводятся вне дома, на одной из площадей; там они могли бы показать, на что способны. Там они всегда считали за честь съесть экскременты людей и собак.

Со своей стороны, я был доволен этим исключением, тем более что в комнате, набитой сотней зунийцев, стало так дурно и грязно, что почти невыносимо. Танец, как на счастье, длился недолго, и мы вскоре смогли выбежать на освежающий ночной воздух.

К этому краткому описанию отвратительного обряда мне нечего добавить. Зуны, давая пояснения, заявили, что *нехуэ-куэ* - это медицинский орден, который время от времени устраивает такие танцы, чтобы приучить желудки своих членов к любой пище, какой бы отвратительной она ни была. Это утверждение может показаться достаточно правдоподобным, если мы поймем, что религия и медицина среди примитивных рас почти всегда являются одним и тем же, или, по крайней мере, так тесно переплетены, что трудно решить, где начинается одно и заканчивается другое[3].

Религия в своих драматических церемониях в определенной степени сохраняет историю той расы, в которой она обитает. Среди народов с высоким уровнем развития чудеса, моралите и пьесы страсти вплоть до наших дней преподавали в виде предметных уроков священную историю, в которую верили зрители. Возможно, аналогичную цель преследовали и первые организаторы танца мочи. В своей ранней истории зуны и другие пуэбло страдали от постоянных войн с дикими антагонистами и друг с другом. Судя по расположению их деревень, они должны были выдерживать длительные осады, в которых голод и болезни, несомненно, были союзниками, на которых рассчитывали нападающие. Возможно, в этом отвратительном танце заключена традиция о крайности, до которой были доведены зуны в давние времена в какой-то неизвестный период. На подобную катастрофу в истории евреев намекает 2 Царств xviii. 27; и еще раз в Исaе xxxvi. 12: "Рав-Шакех же сказал им: разве господин мой послал меня к господину твоему и к тебе говорить слова сии? разве не послал

он меня к людям, сидящим на стене, чтобы они *ели навоз свой и пили мочу свою* вместе с вами?" В ходе своих исследований я наткнулся на упоминание об очень похожем танце, происходящем среди одной из фанатичных сект аравийских бедуинов, но журнал, в котором он был записан, "Лондонский ланцет", кажется, был, к сожалению, утерян[4].

В качестве иллюстрации того, с какой настойчивостью подобные мерзкие обряды, однажды принятые сектой, прикрепляются к ней и становятся неотъемлемой частью ее жизни, спустя долгое время после того, как мотивы, побудившие к их принятию, исчезают в забвении, позвольте мне привести несколько строк из книги Макса Мюллера "Фишки из немецкой мастерской", "Очерк о парсеях", стр. 163, 164, издание Скрибнера, 1869 год: "*Ниранг* - это моча коровы, быка или козы, и растирание ею лица и рук - это второе, что делают парси после того, как встают с постели. Либо до нанесения *ниранга* на лицо и руки, либо пока он остается на руках после нанесения, он не должен касаться ничего непосредственно руками; но для того, чтобы смыть *ниранг*, он либо просит кого-то другого вылить воду на руки, либо прибегает к способу взять горшок через вмешательство куска ткани, такого как носовой платок или его *sudra*, то есть блузка. Сначала он льет воду на руку, затем берет горшок в эту руку и моет другую руку, лицо и ноги" (цитата из книги Дадабхай-Надроси "Описание парсов").

Продолжая, Макс Мюллер говорит: "Каким бы странным ни казался этот процесс очищения, он становится совершенно отвратительным, когда нам говорят, что женщины после родов должны не только пройти это священное омовение, но и выпить немного *ниранга*, и что тот же обряд налагается на детей во время их посвящения в *судру* и *кошти*, - знаки зороастрийской веры".

Прежде чем продолжить, целесообразно подчеркнуть тот факт, что танец с мочой у зунисов не был единичным случаем, свойственным этому пуэбло или определенной части этого пуэбло; это был племенной обряд, признанный и одобренный всей общиной и вошедший в ритуал всех пуэбло Юго-Запада.

В доказательство существования этого обряда среди моки можно привести несколько слов из личного дневника автора от 24 ноября 1881 г. - информатор, Нана-дже, молодая моки, отличающаяся исключительной честностью и правдивостью: "В кругу я заметил Нана-дже и молодого мальчика Нехуэ-куэ, который был с нами несколько ночей назад. Во время паузы в разговоре я спросил молодого нехуэ, пил ли он в последнее время мочу. Это вызвало смех среди индейцев, но, к моему удивлению, Нана-дже заговорила и сказала: "Я тоже нехуэ". Нехуэ из Зуны не имеют ничего общего с теми, кто живут у моки. Там нехуэ не только пьют мочу, как вы видели прошлой ночью, но и едят человеческие и животные экскременты. Они едят их и здесь; но мы едим все, что нам предлагают. У нас есть лекарство, которое пьянит нас, как виски; мы пьем его много, прежде чем приступить к работе; оно делает нас пьяными. Нам все равно, что будет; и ничто из того, что мы едим или пьем, никогда не может причинить нам вреда". Нехуэ-куэ можно встретить во всех пуэбло на Рио-Гранде и рядом с ней; только там они не делают все открыто".

В дополнение к вышесказанному мы располагаем свидетельством мистера Томаса В. Кима, который много лет прожил среди моки, и который подтверждает из личных наблюдений все, что было здесь сказано.

Особую ценность представляют выдержки из личной переписки с профессором Банделье, который посвятил годы кропотливого изучения истории пуэбло и приобрел самые глубокие

знания о них, основанные на постоянном личном наблюдении и эрудиции высочайшего порядка.

В личном письме, датированном Санта-Фе, штат Нью-Мексико, 7 июня 1888 года, он, помимо многих других интереснейших сведений, рассказывает, что 10 ноября 1880 года видел в пуэбло Кочити "кошару, поедающую собственные экскременты".

Интересным может показаться следующее описание "дома-клуба" нехуэ-куэ: "Он был двадцать один шаг в длину, девять шагов в ширину, с банкеткой, идущей вокруг с трех сторон; перед алтарем стояли священные чаши из фаянса, с рисунками головастика для обозначения летней воды, лягушек для многолетней воды, и морского змея для океанской воды. (Морской змей (*vibora del mar*) описывается ими как очень большой, с перьями (брызгами?) на голове, поедающий людей, вошедших в воду, и при разрезании большими ножами дающий много масла). В первом из священных блюд лежала раковина конча, сделанная из моря, жезлы из колосьев кукурузы, с сердцами из чалчихуитля, и внешнее украшение из оперения попугая и индейки. На полу стояли чаши со священной мукой (кунке); эта священная мука, которую можно найти в нишах в доме каждого зуни, да и почти в каждом пуэбло на территории Нью-Мексико и Аризоны, обычно состоит из смеси голубой кукурузной муки, раковин и чалчихуитля; но для более торжественных случаев, как уверял меня старый индеец Педро Пино, в нее добавляют морской песок. Вокруг комнаты через определенные промежутки располагались пиктограммы птиц - уток и других, - в количестве девяти штук на одной стороне и девяти богов-клоунов на другой. Эти изображения были довольно хорошо прорисованы черной и красной и желтой охрой. За алтарем был изображен бог "Крылатого ножа". В этой комнате также хранилось несколько раскрашенных продолговатых деревянных барабанов, которые можно увидеть в каждом священном танце" (Выдержка из личных записей капитана Бурке, 17 ноября 1881 г.).

"Приходилось ли вам, будучи в Нью-Мексико, наблюдать танец того скопления или ордена, который называется "Ко-ша-ре" у кересов, "Ко-са-ре" у техуа и "Шу-ре" у тигуа? Я был свидетелем этого несколько раз; и эти джентльмены, многие из которых принадлежат к кругу моих теплых личных друзей, проявляют особый аппетит к тому, что человеческое тело обычно не только отторгает, но и выбрасывает. Мне жаль, что я не узнал о вашей работе раньше, так как в противном случае я мог бы дать вам очень полное описание этих танцев. У кластера, о котором идет речь, очень своеобразная задача, поскольку в их ведении находится созревание всех видов плодов, даже плодов в материнской утробе, и поэтому их обряды отличаются тошнотворной непристойностью. Глотание экскрементов - всего лишь легкое представление по сравнению с тем, что мне пришлось видеть и наблюдать" (письмо профессора Банделье, датированное 25 апреля 1888 года в Санта-Фе, штат Нью-Мексико).

Майор Ферри, с которым автор встретился в офисе генерала Роберта Макфили, исполняющего обязанности военного секретаря, 5 октября 1888 года, заявил, что он сын первого протестантского миссионера, построившего церковь в Макинау, , и что индейцы племени оджибвеев, жившие в окрестностях этого поста, время от времени предавались оргиям, в ходе которых пили мочу.

Мистер Дэниел В. Лорд, джентльмен, который некоторое время был связан с мистером Фрэнком Х. Кушингом в его исследованиях среди зуни в Нью-Мексико, делает следующее заявление: - "В июне 1888 года я был на месте.

"В июне 1888 года я был зрителем оргии в пуэбло зуни в Нью-Мексико. Церемониальный танец того дня был закончен на небольшой площади, обычно используемой для танцев в северо-западной части пуэбло, когда произошел этот дополнительный обряд. Один из индейцев принес на площадь экскременты, которые должны были использоваться, их передавали из рук в руки и ели. Участников церемонии было немного, не более восьми или десяти человек. Они пили мочу из большой неглубокой чаши и при этом поддерживали между собой огонь комментариев и восклицаний, как бы призывая друг друга пить от души, что они и делали. В конце концов одному из участников стало плохо, и после окончания церемонии его вырвало. Жители пуэбло, расположившиеся на крышах домов, выходящих на площадь, с интересом наблюдали за происходящим. Некоторые выступления актеров были встречены смехом, другие - признаками отвращения и неприязни, но не осуждения. Насколько мне известно, эта церемония не повторялась во время моего пребывания в пуэбло, которое продолжалось до июля 1889 года" (личное письмо капитану Бурке от 26 мая 1890 года, Вашингтон, округ Колумбия).

III. ПРАЗДНИК ДУРАКОВ В ЕВРОПЕ.

Близко соответствующим этому танцу мочи у зунисов был праздник дураков в континентальной Европе, описание которого здесь приводится по цитате из Дюлора: - "La grand'messe commençait alors; tous les ecclésiastiques y assistaient, le visage barbouillé de no.

"В это время начинался великий месседж; все церковники присутствовали на нем, их лица были покрыты черной краской, или на них была надета маска, скрывающая или высмеивающая их. Во время торжества одни, одетые в баладины или в женское платье, входили в окружение хора и исполняли буффонные или непристойные песнопения. Другие выходили, чтобы накормить друг друга соусами и будинами, поиграть в карты или в дец, в присутствии премьер-министра, и накрывали на стол, или раскуривали старые саваты, и вдыхали дым.

"После мессы - новые акты экстравагантности и нечистоплотности. Священники, сбитые с толку вместе с жителями обоих полов, кутили, танцевали в церкви, возбуждались от всех этих глупостей, от всех этих развратных действий, которые вдохновляли их расстроенное воображение. Больше чести, больше грубости; ни одно рыло не препятствовало разгулу глупости и страстей.....

"В окружении шума, криков и распущенных песнопений можно было наблюдать, как одни отходят от своих привычек, а другие живут в актах самого почетного либертинажа.

"... Действующие лица, расположившиеся на могилах, усеянных орденами, забавлялись тем, что подшучивали над населением, которое их развлекало. Ces scènes étaient toujours accompagnées de chansons ordurières et impies."-(Dulaure, "Des Divinités Génératrices", chap. xv. p. 315 et seq., Paris, 1825.)

СРАВНЕНИЕ МЕЖДУ ПРАЗДНИКОМ ДУРАКОВ И ТАНЦЕМ МОЧИ.

Из приведенного выше описания видно, что у главных действующих лиц (завладевших церковью во время мессы) лица были вымазаны и разрисованы, или на них были маски

арлекинов; что они были одеты как клоуны или как женщины; что они ели на самом алтаре колбасы и кровавые пудинги. Слово "кровавый пудинг" по-французски - *boudin*; но *boudin* также означает "экскременты". "[5] Добавьте к этому, что эти клоуны, выйдя из церкви, садились в тележки с навозом (*tombereaux*) и вываливали экскременты на прохожих; и, наконец, что некоторые из этих актеров появлялись совершенно голыми ("*on voyait les uns se dépouiller entièrement de leurs habits*"), и следует признать, что между этими грязными и необъяснимыми обрядами по разные стороны великого океана, безусловно, существует удивительное сходство.

ПРАЗДНИК ДУРАКОВ ВОСХОДИТ К ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ.

Дюлор не делает никаких попыток проследить происхождение этих церемоний во Франции; он довольствуется тем, что говорит: "Эти церемонии... существовали в течение двух или пяти веков", или, другими словами, что они были языческого происхождения. За двенадцать или пятнадцать сотен лет обряд вполне мог сублимироваться от поедания чистых экскрементов, как у зуни, до употребления *boudin*, символа экскрементов. [6] Признав на время правильность этого подозрения, мы получаем доказательство древности танца с мочой у зуни. Сходство между обрядом зуни и только что описанным Дюлором настолько велико, что у нас есть основания полагать, что новая страна заимствовала у старой некоторые черты, переданные до наших дней; И если бы не было доказательств более широкого распространения этого обряда, можно было бы предположить, что католические миссионеры (которые работали среди зунийцев с 1580 года или около того, и, за исключением периодов восстания, оставались на службе в Зуни вплоть до периода американской оккупации) застали непристойную и отвратительную оргию в полном разгаре, И, понимая, что неразумная поспешность может разрушить все надежды на завоевание этого народа, они благоразумно решили молчаливо принять религиозную ненормальность и привить ей растение, так смело процветающее в окрестностях их европейских домов.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРАЗДНИКА ДУРАКОВ.

Во Франции праздник дураков исчез только с Французской революцией; в других частях континентальной Европы он начал ослабевать примерно со времен Реформации. В Англии "аббат неразумия", чьи проделки описаны сэром Вальтером Скоттом в романе "Аббат", чудесные пьесы, которые когда-то сослужили хорошую службу в преподавании уроков Священного Писания неграмотному крестьянству, и "моралите" того же общего содержания угасли под суровым антагонизмом пуритан-иконоборцев. Праздник дураков как таковой был отменен Генрихом VIII. 1541 г. (см. "Английская реформация", Фрэнсис Чарльз Массингберд, Лондон, 1857, с. 125) [7].

Рассказ Пикарта о празднике дураков схож с тем, что приводит Дюлор. Он говорит, что он проходил в церкви во время Рождества и был заимствован из римских сатурналий; он никогда не одобрялся христианской церковью как единым целым, но с ним боролись с древнейших времен: - "*Les uns étoient masquent*".

"*Les uns étoient masqués ou avec des visages barbouillés qui faisoient peur ou qui faisoient rire; les autres en habits de femmes ou de pantomimes, tels que sont les ministres du théâtre.*

Они танцевали в хоре, входя, и пели непристойные песни". Дьяки и су-дьяки с удовольствием едят будины и сосиски на столе, в присутствии преподобного; они играют в карты и в карты;

они накладывают в энсенсуар несколько мордочек старых саватов, чтобы он мог дышать непристойной атмосферой.

"После мессы каждый из них бродил, шагал и танцевал по церкви с такой наглостью, что некоторые из них не имели чести носиться со всеми видами неосторожностей и отступать от них; Затем, они тренировались на улицах в своих усыпальницах, в которых было много цветов, или же они не прочь были пошутить с населением, которое собралось вокруг них.

"Они поднимаются и делают из своих тел движения и позы, которые сопровождают нецензурные речи".

"Les plus impudiques d'entre les séculiers se mêloient parmi le clergé, pour faire aussi quelques personnages de Foux en habits ecclésiastiques de Moines et de Religieuses." - (Picart, "Coûtures et Cérémonies religieuses de toutes les Nations du Monde", Amsterdam, Holland, 1729, vol. ix. pp. 5, 6).

Дидро и д'Алембер используют почти те же термины; священнослужители были одеты "одни - в буфоны, другие - в женские повадки или маскарадные костюмы чудовищного фасона... Они мандражировали и играли на руках у престола, который возглавлял мессу. Ils mettoient des ordures dans les encensoirs". Говорят, что подробности не нуждаются в повторении. Этот праздник распространен в континентальной Европе от Рождества до Богоявления, а в Англии, особенно в Йорке. (Дидро и д'Алембер, Энциклопедия, "Fête des Fous", Женева, Швейцария, 1779).

Маркхэм обнаруживает сходство между "монахом-затворником" христианства в Средние века и "гилонгами, одетыми в разноцветные одежды... поющими и танцующими перед Тешу-ламой в Тибете" (см. Markham's "Thibet", London, 1879, page 95, footnote). См. также описание Боглом церемоний, связанных с Новым годом, в присутствии ламы Тешу, в книге Маркхэма "Тибет", стр. 106).

У манданов был ежегодный праздник, одной из особенностей которого было "изгнание дьявола..... Его прогоняли из деревни... женщины забрасывали его грязью" ("The Golden Bough", Frazer, London, 1890, vol. ii. p. 184, цит. по Catlin's "North American Indians", p. 166).

Авторов, которые более или менее подробно и с большей или меньшей точностью упоминали о празднике дураков, празднике ослов и других подобных праздниках, великое множество; к сожалению, все без исключения они довольствовались описанием непристойных нелепостей, связанных с этими популярными религиозными собраниями, не пытаясь проанализировать основные мотивы, побудившие их к этому, и даже не предпринимая разумных усилий, чтобы проследить их происхождение. Если последнее вообще упоминалось, то почти неизменно с утверждением, что праздник дураков перешел от римских сатурналий.

Вряд ли дело обстояло именно так; в ходе работы предполагается доказать, что использование человеческих и животных жестов в религиозных церемониях было распространено по всему миру, предшествовало римским сатурналиям или, по крайней мере, совершенно не было с ними связано. Поэтому правильной интерпретацией Праздника дураков представляется та, которая признает его возвращением к дохристианскому типу мышления, восходящему к самому раннему появлению арийской расы в Европе.

Внедрение христианской религии сопровождалось многими компромиссами; везде, где ей противостояли слишком большие шансы с точки зрения численности, она допускала сохранение практики, противоречащей ее собственному учению; или, если термин "допускала" не подходит для некоторых ушей, мы можем заменить выражение "соглашалась" на "допускала", а затем проследить ход упорного антагонизма, который через некоторое время превратил постоянное сохранение в периодическое, возможно нерегулярное, возобновление, а последнее - в бурлескное выживание.

Дюканж в своем "Глоссарии" приводит ритуал мессы на праздник Осла, знакомый большинству читателей, но он ничего не добавляет к тому, что уже было процитировано в отношении самого праздника Дураков.

Эту ссылку Дюканжа также можно найти в Schaff-Herzog, "Religious Encyclopædia", New York, 1882, статья "Festival". Этот ритуал был написан в 1369 году в Вивье во Франции.

Фосброк не дает никакой информации по теме Праздника дураков, которая не была бы уже включена в этот том. Он просто говорит: "В праздник дураков они надевали маски, принимали женские платья и т.д., танцевали и пели на хорах, ели жирные пироги на роге алтаря, где празднующий священник играл в кости, клали в кадку вонючий материал из кожи старых башмаков, прыгали по церкви, с добавлением непристойных шуток, песен и неприличных поз". Другой частью этой непристойной буффонады было бритье прецента дураков на сцене, воздвигнутой перед церковью, в присутствии народа; во время этого действия он забавлял их непристойными и вульгарными речами и жестами. Кроме того, у них были телеги, набитые яствами, которые они периодически вываливали на народ. Эта выставка всегда происходила в Рождество или около него, но не была приурочена к определенному дню" (преподобный Томас Дадли Фосброк, "Циклопедии древностей", Лондон, 1843, том 2, статья "Праздники"). Большая часть его информации, похоже, почерпнута из Дюканжа).

"Праздник дураков отмечался, как и прежде, различными маскарадами женщин, львов, игроков и т. д. Они танцевали и пели в хоре, ели жирные пироги на роге алтаря, где празднующий священник играл в кости, клали в кадку вонючий материал из кожи старых башмаков, бегали, прыгали и т.д. по церкви"[8].

В книге Бранда "Популярные древности", Лондон, 1873, т. 3, с. 497-505, можно найти довольно полное описание Владык Беззакония, но единственная ссылка, представляющая ценность для наших целей, принадлежит Полидору Вергилию, который признавал происхождение этих праздников от римских сатурналий. "Нет ничего, - говорит автор труда по восстановлению древних кельтов, - что можно было бы продемонстрировать яснее, чем то, что первобытные христиане, чтобы примирить язычников с лучшим культом, смиряли их предрассудки, уступая в соответствии имен и даже обычаев, если они не мешали основам христианской доктрины..... Среди них, в подражание римским сатурналиям, был Festum Fatuorum, когда частью веселья сезона были бурлескные выборы шуточного папы, шуточных кардиналов, шуточных епископов, сопровождаемые тысячей нелепых и непристойных церемоний, и выходками, такими как пение и танцы в церквях, в непристойных позах, под смехотворные гимны, все это было направлено на взрывные притязания друидов, которых эти развлечения должны были выставить на посмешище и издевательство. Этот праздник дураков, - продолжает он, - возымел свое действие и, возможно, больше способствовал истреблению этих язычников, чем все сопутствующие средства огня и меча, которых не жалели при их преследовании" (Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. i. p. 36).

В книге Стратта "Спорт и развлечения", издание Лондон, 1855 год, статья "Праздник дураков" в lib. iv. cap. 3, не содержит ничего, что не было бы уже изучено.

Якоб Гримм, "Тевтонская мифология" (Stallybrass), Лондон, 1882, т. i. стр. 92, имеет следующее:-.

В сборнике "Письма Бонифация" есть отрывок, в котором он сетует на смешение христианских и языческих обрядов, в которое впали глупые или безрассудные священники".

Банье показывает, что первого января жители Франции бегали по улицам своих городов, переодеваясь в животных, надевая маски и устраивая всевозможные розыгрыши. Этот обычай был заимствован у друидов и продержался в полной силе "до двенадцатого века христианской эры" ("Мифология", Банье, т. iii. с. 247).

"Языческие боги, хотя и представлялись слабыми по сравнению с истинным Богом, не всегда изображались бессильными сами по себе; они превращались во враждебные, злобные силы, в демонов, колдунов и великанов, которых нужно было усмирять, но которым, тем не менее, приписывалась определенная злонамеренная активность и влияние. То тут, то там языческая традиция или суеверный обычай продолжали жить, просто меняя имена и применяя к Христу, Марии и святым то, что раньше относили и считали идолами" ("Тевтонская мифология", Якоб Гримм (Сталлибрасс), Лондон, 1882, том I. Введение, стр. 5). ... "В то время, когда христианство стало продвигаться вперед, многие язычники, похоже, вынашивали идею, которой миссионеры всеми силами сопротивлялись, соединить новое учение с древней верой и даже слить их в одно целое" (Idem, p. 7.) ... О норманнах, как и об англосаксах, нам рассказывают, что некоторые из них одновременно верили в Христа и в языческих богов или, по крайней мере, продолжали обращаться к последним в конкретных случаях, в которых они ранее оказывались им полезными. Так что даже у христиан гораздо более позднего времени старые божества, похоже, назывались по имени и к их помощи обращались в чарах и заклинаниях. Тевтонские расы отказывались от веры своих отцов очень постепенно и медленно с четвертого по одиннадцатый век" (Idem, p. 8.).

На следующих страницах, 9, 10 и 11, Гримм показывает нам, как мало на самом деле известно о религиях древней Европы, как латинской, так и тевтонской или кельтской; он упоминает о "постепенном превращении богов в дьяволов, мудрых женщин в ведьм, богослужения в суеверные обычаи" (Idem, p. 11.) Языческие праздники и обычаи были превращены в христианские (Idem, p. 12.) ... Частные жертвоприношения, предназначенные богам или духам, не могли быть искоренены в народе в течение долгого времени, потому что они были связаны с обычаями и праздниками, и в конце концов могли стать бессмысленной практикой" (Idem, vol. iii. p. 1009.).

"Это естественный и хорошо известный факт, что боги одного народа становятся дьяволами их завоевателей или преемников."- (Народная медицина, Уильям Джордж Блэк, Лондон, 1883, стр. 12).

"Мало что так неистребимо, как суеверная вера, однажды внедренная в человеческое легкоеверие. Священные обряды вытесненной веры становятся запретной магией ее преемников" ("История инквизиции", Генри Чарльз Леа, Нью-Йорк, 1888, т. iii. с. 379). "Ее боги становятся злыми духами" (Idem, p. 379.) ... Те же взгляды изложены в книге мадам Блаватской "Разоблаченная Изида".

ШОМБАТЬЯКИ" ИЗ ТРАНСИЛЬВАНИИ.

Для дальнейшего объяснения упорства, с которым старые культы сохраняются долгое время после того, как новые религии, казалось бы, завоевали господство в странах и народах, чрезвычайно уместно привести отрывок из статьи в "Сент-Джеймской газете", озаглавленной "Криптоевреи", перепечатанной в воскресном выпуске "Сан", Нью-Йорк, где-то в октябре 1888 года.

Писатель, говоря о шомбатиках из Трансильвании, замечает: "Криптоиудаизм шомбатики подозревался на протяжении веков, но только двадцать лет назад о нем стало известно достоверно. Тогда, по случаю принятия закона об освобождении евреев в Венгрии, крепкие старые крестьяне, неотличимые по одежде, манерам и языку от коренных шеклеров, отправили в Пешт депутацию с просьбой вычеркнуть их имена из церковных списков. Они объяснили, что являются евреями, чьи предки поселились в Венгрии во времена экспедиции Тита в Дакию. Хотя они крестились, женились и были похоронены как христиане, имели христианских пасторов и посещали христианские церкви, они всегда втайне соблюдали свою древнюю религию".

Удивительно, что в обширном труде Форлонга "Религия" так мало говорится о празднике дураков. Все, что он говорит, это то, что "праздники Йоля были отмечены тем, что мужчины переодевались в женщин и *наоборот*, что показывает их связь со старыми сигилляриями Сатурналий, которые, ранее отмечавшиеся 14 января, впоследствии были продолжены на три, четыре, пять, а некоторые говорят, что и на семь дней, а у простого народа даже до дня Свечи. Оба праздника были запрещены, когда их грубая безнравственность стала очевидной для более образованных людей. В Париже, - пишет Труслер в своей "Хронологии", - первое января в течение двухсот сорока лет отмечалось как День Масок, когда происходили всевозможные непристойности и непристойные обряды" ("Реки жизни", Форлонг, Лондон, 1883, т. I. с. 434).

В дополнение к вышесказанному, есть свидетельства его выживания среди деревенского населения Германии. Бранд перечисляет множество любопытных обычаев карнавала накануне Пепельной среды и даже в этот день, после раздачи пепла. Юных девиц в Германии молодежь деревни везла "в повозке или тумбе" к ближайшему ручью или пруду и там тщательно окунала, при этом ящики повозки забрасывали пылью и пеплом всех, кто находился рядом с ними. В Оксфордшире было принято, чтобы группы мальчиков ходили от дома к дому, распевая и требуя щедрых яиц и бекона, не получив которых, "они обычно срезали засов на двери или затыкали замочную скважину грязью" ("Popular Antiquities", London, 1872, vol. i. pp. 94 et seq., article "Ash Wednesday"), "или оставляли еще какой-нибудь неприятный знак неудовольствия" (idem). Возможно, это перешло от праздника дураков. Бранд ссылается на Хоспиниана, "De Origine Festorum Christianorum", "для нескольких любопытных обычаев и церемоний, наблюдаемых за границей в течение трех первых дней недели Quinquagesima" (стр. 99).

Переходя от тевтонской расы к славянам, мы обнаруживаем, что праздник дураков, похоже, все еще сохраняется среди русского крестьянства. "Когда-то существовал обычай ходить от одного дома друга к другому в маске и совершать всевозможные розыгрыши. Затем люди пировали блинами - оладьями, похожими на английский кекс" ("Хузиер в России", Перри С. Хит, Нью-Йорк, 1888, с. 109); и все это на Рождество.

Нечто очень похожее, без каких-либо непристойных черт, было отмечено Блантом в начале нынешнего века. См. его "Vestiges", p. 119.

Хоун ("Ancient Mysteries Described", London, 1823, pp. 148 et seq.) считает, что первой чудопьесой была еврейская имитация греческой драмы конца II века, сюжет, персонажи и т. д. которой были взяты из Исхода. Автором был некий Иезекииль, который, как полагают, написал ее с патриотическими целями после разрушения Иерусалима. Первые отцы - Кирилл, Тертуллиан, Киприан, Василий, Клеменс Александрин и Августин - выступали против священных драм; но внешнее давление было слишком велико, и церковь была вынуждена уступить народным требованиям.

Еще в XV веке Пий II говорил, что итальянские священники, вероятно, никогда не читали Новый Завет; Роберт Стивенс выдвинул то же обвинение против докторов Сорбонны в ту же эпоху.

Поэтому необходимость драматического представления вскоре перевесит возражения, вызванные историческим анахронизмом или доктринальной неточностью этих чудодейственных пьес.

Византийский историк Кедран приписывает Феофилакту, патриарху Константинопольскому в десятом веке, введение праздника дураков и праздника ослиц, "тем самым скандализируя Бога и память его святых, допуская в священную службу дьявольские танцы, возгласы грубости и баллады, заимствованные улиц и борделей." - (Хоун, цитируя Уортона, "Разные сочинения о драме и художественной литературе", т. ii. с. 369).

В 1590 г. в Париже ордена мендикантов во главе с епископом Сенлисским прошли по улицам с подоткнутыми рясами, представляя Воинствующую церковь. Считалось, что эти шествия являются законным потомком языческих представлений, например, шествие Святого Петра в Винкулисе было преобразованным зрелищем в честь победы Августа при Акциуме и т. д.

Белетус описывает праздник дураков таким, каким он видел его в двенадцатом веке. Его рассказ, приведенный Хоуном (стр. 159), слово в слово совпадает с рассказом Дюлора, за исключением того, что, возможно, из-за ошибки в переводе, ему приходится говорить, что участники "ели богатые пудинги на углах алтаря"; но поскольку слово "пудинг" даже в английском языке означало мясной пудинг или колбасу, ошибка несущественна.

Виктор Гюго вкратце описывает Праздник дураков в том виде, как он проходил в Париже в 1482 году, 6 января. Он говорит, что "Fête des Rois и Fête des Fous были объединены в двойной праздник с незапамятных времен". Его описание очень скудно, но из него можно извлечь информацию о том, что на этих праздниках дураков выступали женщины-актрисы в масках; что самые знатные и великие особы королевства Франция были среди видных зрителей; но больше там ничего нет. (См. начальные главы "Нотр-Дама").

Праздник Мохаррен в Персии - это своего рода пьеса чудес, или Страстная игра, посвященная подъему и прогрессу исламизма. "Среди этих событий - смерть Хассейна и Хоссейна, рождение пророка, мученическая смерть имама Резы и смерть Фатимех, дочери Магомета" (Бенджамин, "Персия", Лондон, 1887).

Это упоминание об использовании пудинга или колбасы на самом алтаре - самая постоянная черта в описаниях всей церемонии. Но не составит большого труда доказать, что изначально это была колбаса из экскрементов, приготовленная и принесенная в жертву, а возможно, и съеденная, с определенной целью. Эта фаза темы будет рассмотрена далее, а пока необходимо привести лишь одну цитату, чтобы показать, что в карнавальное время появились человеческие экскременты, а не их символ:...

"Следующий отрывок из перевода "Наогеоргия" Барнаби Гуге покажет масштабы этих празднеств (то есть карнавала в масленичный вторник). После описания развратного поведения мужчин, переодетых в женщин, и женщин, одетых в мужские одежды, клоунов, одетых в костюмы дьяволов, животных или бегающих по улицам совершенно голыми, рассказ продолжается так: - "А другие несут торбу".

"А другие носят торбу, что на подушке мягкой лежит;

А один, что лоскутом отгоняет мух:

Я бы хотел, чтобы был еще один, офицер из тех,

Чья комната могла бы служить для отвода запаха от каждого носа".

(Цитируется в Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. i. p. 66, статья "Shrove Tuesday").

Ужас пуританина перед языческими обрядами и суеверными пережитками имел в своей основе нечто гораздо большее, чем неразумный фанатизм; он понимал, если не благодаря изучению, то по интуиции, обладавшей всей силой гения, что любая бессмысленная практика, любое деревенское соблюдение, которые не могут доказать свое право на благородную генеалогию, являются языческим выживанием, которое совесть требует от него вырвать и уничтожить, корень и ветвь.

Пуританин, возможно, стал очень тяжелым бременем и помехой для своих соседей, прежде чем его самоназванная задача была выполнена, но стоит отметить и похвалить, что его миссия была наиболее эффективной в стирании с лица земли бесчисленных пережитков дохристианского идолопоклонства.

Если это понятно, то определенную важность приобретает следующее неясное двусмысленное из "Гудибраса".

"Батлер упоминает черный пудинг в своем "Гудибрасе", говоря о религиозных пристрастиях некоторых фанатиков своего времени: "Некоторые за отмену черного пудинга..."

"Некоторые выступают за отмену черного пудинга,

и не есть ничего с кровью внутри".

(Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. i. p. 400, статья "Martinmas").

Эти колбасы, сделанные в виде звеньев, несомненно, напоминают *будины* праздника дураков. Они были сделаны из плоти, крови и внутренностей свинины, убитой несколькими семьями в 17-й день декабря, известный как "День свиноматки".

В начале Реформации в Германии на майских играх Папу Римского "изображали в его pontificalibus верхом на большой свиноматке, а перед ее дегустатором держали грязный пудинг" (Harington, "Ajaх", p. 35.).

Самое разумное объяснение Праздника дураков, которое до сих пор, можно найти в книге Фрейзера "Золотая ветвь" (Лондон, 1890, т. I, стр. 218 и далее, статья "Временные короли"). Он показывает, что царская власть в древности не была пожизненной, а отменялась по указанию священноначалия, когда у занимавшего этот пост начинались признаки увеличения возраста и ослабления умственных способностей, или по истечении определенного срока, обычно около двенадцати лет. За это время отречение царя становилось пустой формой, а его отказ от власти - чисто фарсовым, а его временный

преемник - клоуном, который развлекал непостоянное население во время своего эфемерного принятия почестей. Примеры взяты из Вавилонии, Камбоджи, Сиам, Египта, Индии и т. д., причем странной особенностью является то, что эти праздники приходятся на даты, варьирующиеся от нашего февраля до апреля. Во время фестиваля в Сиаме, в апреле, "танцующие брахманы несут рога буйвола, которыми они черпают воду из большого медного котла и окропляют ею людей; предполагается, что это приносит удачу" ("Золотая ветвь", Джеймс Г. Фрейзер, М.А., Лондон, 1890, т. I. стр. 230).

В предыдущем абзаце мы имеем явное выживание. Рога буйвола могут представлять фалли, а вода может быть заменой жидкости, которая для нынешнего поколения может быть более неприятной.

Но следует обратить внимание на другое: и в "Празднике дураков", и в "Танце с мочой" зуньи было показано, что некоторые из актеров были обнажены или переодеты в женщин.

Попытка доказать что-либо в отношении европейских оргий не предпринимается, поскольку исследования не пролили свет на причины, по которым участники принимали одеяние противоположного пола.

В случае с зунийцами у автора с самого начала возникло подозрение, о котором он три года назад сообщил профессору Ф. В. Патнэму, что эти люди принадлежат к тому классу, который отец Лафито назвал "мужчинами, переодетыми в женщин", и о котором так часто упоминают самые ранние французские и испанские авторитеты. Это подозрение было усилено корреспонденцией, полученной в последнее время от профессора Банделье, которая, однако, опускается по просьбе последнего.

В этой связи студентам следует ознакомиться с замечательной статьей А. Б. Холдера, доктора медицины из Мемфиса, штат Теннесси, опубликованной в "Нью-Йоркском медицинском журнале" от 7 декабря 1889 года под названием "Боте: описание особого сексуального извращения, встречающегося у североамериканских индейцев".

Объяснение "мужчин, одетых в женское", можно найти в следующих словах Боаса, описывающих некоторые религиозные танцы эскимосов: "Те, кто родился в аномальных представлениях, носят женские платья на этом празднике и должны совершать свой круг в направлении, противоположном движению солнца" ("Центральные эскимосы", Франц Боас, в Шестом ежегодном отчете Бюро этнологии, Вашингтон, 1888, стр. 611).

IV. ПАМЯТНЫЙ ХАРАКТЕР РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ.

Высказанное выше мнение о памятном характере религиозных праздников перекликается с мнением, высказанным Годфри Хиггинсом несколько поколений назад. Эрудированный автор "Анакалипсиса" говорит, что праздники, "сопровождаемые танцами и музыкой"... "учреждались для того, чтобы сохранить в памяти победы или другие важные события". (Higgins' "Anacalypsis", London, 1810, vol. ii. p. 424.) Он подробно рассуждает на эту тему на страницах 424-426, но для данной цели достаточно и вышеприведенного.

"В религиозных обрядах народа я должен ожидать найти самые ранние из его привычек и обычаев" (Idem, vol. i. p. 15).

Если применить это замечание к танцу зуньи, то его можно интерпретировать как драматическую пиктограмму какого-то полузабытого эпизода в истории племени. Чтобы подкрепить эту точку зрения примером, вспомним, что армия крестоносцев под командованием Петра Отшельника была так плотно осаждена мусульманами в Никомедии в Вифинии, что они были вынуждены пить собственную мочу. Мы читаем повествование, набранное холодным шрифтом. Зунийцы передали бы запись этого события в виде драматического представления, которое время наделило бы их всем тем почтением, которое могла придать религия.

Авторитет для приведенного выше утверждения в отношении крестоносцев можно найти у Пурчаса, "Пилигримы", lib. 8, cap. 1, p. 1191. Ни Гиббон, ни Мишо не выражают этот факт так ясно, но каждый из них говорит об ужасных страданиях, которые уничтожили недисциплинированные полчища Вальтера Бескопейного и Петра и довели оставшихся в живых до каннибализма.

Мочу лошадей пили жители Кротты, когда их осаждал Метелл. (См. в "Эссе" Монтеня, "О лошадях", глава xlviii; см. также в "Аяксе" Харингтона, "Улисс на Аяксе", с. 42).

Потерпевшие кораблекрушение английские моряки за неимением воды пили человеческую мочу. (См. в Purchas, vol. iv. p. 1188.) В 1877 году капитан Николас Нолан, Десятая кавалерия, во время разведки со своим отрядом враждебных индейцев на равнинах Техаса, был потерян; и поскольку припасы истощились, команда была вынуждена несколько дней питаться кровью своих лошадей и собственной мочой, так как воды поблизости не оказалось. (См. Hammersley's Record of Living Officers of the United States Army.)

История изобилует примерами такого же общего характера; вспомните осады Иерусалима, Нумантии, Гента, голод во Франции при Людовике XIV и многие другие.

САКРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТАНЦЕВ.

"Изначально танцы были чисто религиозными, призванными помочь памяти сохранить священное обучение, которое возникло еще до изобретения букв. Я полагаю, что не было ни одной части обрядов и церемоний древности, которая не была бы принята с целью сохранить в памяти древние знания, полученные до появления букв" (Higgins' "Anacalypsis", vol. ii. p. 179).

В одной из осад Самарии говорится, что "четвертая часть кочана голубинового помета продавалась за пять сребреников" (2 Царств, vi. 25).

Есть и другое толкование смысла этого выражения, не столь буквальное, которое хорошо бы вставить в этот момент.

"Когда Самария была осаждена, город подвергся всем ужасам голода; голод был настолько сильным, что пять сребреников давали за небольшую меру (четвертую часть кэба) голубинового помета. На первый взгляд, это кажется нелепым. Но Бохарт очень правдоподобно утверждает, что это название тогда и сейчас дается арабами разновидности вики (*pois chiches*)."-("Философия магии", Eusebe Salverte, New York, 1862, vol. i. p. 70.)

"Некоторые авторы считают, что пульпа, называемая garbansos, - это голубиный помет, упомянутый при осаде Самарии; ... их также принимали за голубиный помет, упомянутый при осаде Самарии. И действительно, поскольку цицерна заострена с одного конца и

приобретает пепельный цвет при перетирании, первое из этих обстоятельств соответствует фигуре, а второе - обычному цвету голубиного помета, предположение ни в коем случае нельзя игнорировать" ("Путешествия Шоу в Барбарю" в "Путешествиях Пинкертон", Лондон, 1814, т. хв. с. 600).

РАССКАЗ ФРАЕРА ДИЕГО ДЮРАНА О МЕКСИКАНСКИХ ПРАЗДНЕСТВАХ.

Все, во что верил Хиггинс, верил и утверждал доминиканский миссионер Диего Дюран. Дюран с горечью жалуется, что неразумное уничтожение древних мексиканских пиктограмм и всего, что объясняло религию туземцев, оставило миссионеров в неведении относительно того, что является религией, а что нет. Индейцы, воспользовавшись этим, высмеивали и издевались над догмами и обрядами нового вероучения перед лицом его толкователей, которые все еще не владели языком покоренных. Индейцев никогда нельзя было заставить признать, что они все еще придерживаются своих старых суеверий или что они смело предаются своим религиозным обрядам; много раз, говорит проникательный старый летописец, казалось, что они просто предаются приятному времяпрепровождению, в то время как на самом деле они занимались идолопоклонством; или что они играли в игры, когда на самом деле они бросали жребий о будущих событиях перед глазами священника; или что они подвергали себя покаянной дисциплине, когда они приносили жертвы своим богам. Это замечание относилось ко всему, что они делали. В танцах, в банях, на рынках, в пении своих песен, в своих драмах (слово "*comedia*", комедия, но примечание на полях рукописи говорит, что, вероятно, это должно быть "*comida*", еда, или ужин, или пир), в севе, в жатве, в складывании урожая в свои житницы, даже в обработке земли, в строительстве своих домов, в похоронах, в погребениях, в браках, в рождении детей, во всем, что они делали, вошло в идолопоклонство и суеверие.

"Parece muchas veces pensar que estan haciendo placer y estan idolatrando; y pensar que estan jugando y estan echando suertes de los sucesos delante de nuestros ojos y no los entendemos y pensamos que se disciplinan y estanse sacrificando.

"Y asi erraron mucho los que con bueno celo (pero no mucha prudencia), quemaron y destruyeron al principio todas las pinturas de antiguallas que tenian; pues, nos dejaron tan sin luz que delante de nuestros ojos idolatran y no los entendemos.

"En los mitotes, en los baños, en los mercados, y en los cantares que cantan lamentando sus Dioses y sus Señores Antiguos, en las comedias, en los banquetes, y en el diferenciar en el of ellas, en todo se halla supersticion é idolátria; в семени, в когтях, в зарывании в трофеи, вплоть до работы над землей и строительства домов; а также в моргах и энтиерросах, в домах и в местах рождения детей, особенно если они были сыновьями какого-либо Сеньора; были эстраны церемоний, которые совершались; и где все это совершалось, было в праздновании праздников; наконец, во всем этом смешались суеверие и идолопоклонство; вплоть до того, как они стали купаться в реке, лос въехос, которые были эскриптами республики, но все же имели место предшествовать этим церемониям; все, что мы имеем, окружено большим секретом, который они имеют." - (Диего Дуран, т. 2, заключительные замечания).

Фрай Диего Дуран, фрау Предикадор из доминиканского ордена, в конце второго тома говорит, что он был закончен в 1581 году.

Таких же взглядов придерживался отец Джеронимо Боскана, францисканец, который в течение семнадцати лет служил индейцам Калифорнии. Каждый поступок в жизни индейца

определялся религией. (См. "Чинигчинич", включенный в книгу А. А. Робинсона "Калифорния", Нью-Йорк, 1850 г.).

У апачей есть танцы, в которых представлено доисторическое состояние племени; у мохаве и зуни; а в танце змеи у моки и танце солнца у сиу прослеживается та же верность традиционному костюму и манерам.

ТАНЕЦ С МОЧОЙ У ЗУНЫ, ВОЗМОЖНО, СОХРАНЯЕТ ТРАДИЦИЮ ТОГО ВРЕМЕНИ, КОГДА В ХОДУ БЫЛ МЕРЗКИЙ КОРМ.

Таким образом, танец зуны может быть рассмотрен среди других точек зрения, под той, которая предполагает память о ранней жизни этого народа, когда мерзкая пища любого вида могла быть в употреблении по необходимости.

Изучение доказательств покажет, что пища, которую сейчас справедливо считают вредной, когда-то была небезызвестна народам с еще более высоким уровнем развития, чем тот, которого достигли пуэбло Рио-Гранде.

Необходимость не всегда была побудительным мотивом; часто религиозное безумие вызывало оргии, о которых до нас дошли лишь смутные рассказы и еще более смутные объяснения.

Религиозные примеры будут приведены позже, как и те, в которых человеческие или животные выделения использовались в испытаниях и наказаниях, земных и сверхземных.

До тех пор, пока линия исследования находится в пределах цивилизованных границ, отмеченные случаи очень правильно подпадают под классификацию мании и аномального аппетита; а последний, в свою очередь, может быть подразделен на два класса - врожденный и приобретенный, второй из которых представляет собой постоянное уменьшение с тех пор, как врачи отказались от столь отвратительных средств лечения в *Materia Medica*.

То, что человеческие экскременты и моча добавлялись и могут до сих пор в ограниченной степени добавляться деревенским населением некоторых стран Европы к содержимому любовных фляг, является фактом, установленным вне всяких сомнений; А о том, что последователи Великого Ламы Тибета обвиняются, на основании, как кажется, превосходного авторитета, в получении от своих священников эгестов этого могущественного иерарха и принятии их в качестве приправ, пищи, амулетов и талисманов, а также внутренних лекарств, будет подробно рассказано в главах, посвященных этой цели.

Шуриг приводит многочисленные примеры поедания человеческих и животных экскрементов эпилептиками, маньяками, хлоротичными девушками или беременными женщинами, детьми, которые оскверняли свои постели и, боясь обнаружить, глотали доказательства своей вины, и, наконец, мужчинами и женщинами с ненормальным аппетитом (см. Schurig, "Chylologia", Dresden, 1725, pp. 45, 81, 84, 780-782).

Бертон приводит историю молодой немецкой девушки Екатерины Гуальтер, рассказанную Корнелиусом Геммой в 1571 году, которую рвало, "помимо всего прочего, голубиным и гусиным пометом". По всей видимости, она была жертвой истерии и в пароксизмах до этого глотала всевозможные нежелательные вещества (см. "Анатомию меланхолии", издание Лондон, 1806 г., т. i. с. 76).

"On a vu, surtout dans les hôpitaux, des femmes se faire un jeu d'avaloir clandestinement leurs urines à mesure qu'elles les rendaient, et essayer faire croire qu'elles n'en rendaient point du tout." (Личное письмо капитану Бурке от мистера Фрэнка Реда Фоука, датированное отделом науки и искусства, Южно-Кенсингтонский музей, Лондон, С.В., 18 июня 1888 года).

V. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКСКРЕМЕНТЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПИЩУ СУМАСШЕДШИМИ И ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ.

Тема употребления экскрементов в пищу сумасшедшими привлекает внимание медиков. Х. Б. Оберштайнер в своем сообщении в "Psychiatrisches Centralblatt", Wien, 1871, vol. iii. p. 95, сообщает этому изданию, что доктор А. Эрленмейер-младший, под впечатлением от лекции, прочитанной профессором Лангом в 1872 году, подготовил табличную серию данных, воплощающих результаты его наблюдений за существованием копрофагии среди умалишенных. Он обнаружил, что один из ста человек, страдающих психическими заболеваниями, предавался этому ненормальному аппетиту; большинство из них были мужчинами. Никакой особой связи между экскрементами и онанизмом установить не удалось, и никакого пагубного влияния на органы пищеварения обнаружено не было.

"При патологическом изменении типа, вызванном церебральным заболеванием, существуют определенные стадии некоторых форм психических заболеваний, при которых некоторые из действий, на которые вы ссылаетесь, не являются редкостью." (Личное письмо капитану Бурке от хирурга Джона С. Биллингса, армии США, ответственного за Медицинский музей армии, от 23 апреля 1888 г., Вашингтон, округ Колумбия).

"Мальчик четырех лет испачкался в постели; но, сильно опасаясь порки, он съел свой собственный помет, однако не смог стереть знак с простыни; тогда, будучи спрошен угрозами, он наконец рассказал о шансе. Но когда его спросили о его вкусе, он сказал, что он вонючий и немного сладковатый. Одна благородная дева, очень желая спастись, ела свой навоз и была слаба и больна. Ее спросили, какого он вкуса, и она ответила, что он вонючий и водянисто-сладкий". Эти примеры, по словам фон Гельмонта, были известны ему лично, как и пример брюссельского художника, который, сойдя с ума, двадцать три дня питался собственными экскрементами (см. "Оритрику" фон Гельмонта (английский перевод), Лондон, 1662, стр. 211, 212). Труд фон Гельмонта представляет собой фолиант в 1161 страницу).

Одна французская дама имела привычку носить с собой измельченные человеческие экскременты, которые она ела, а после облизывала пальцы. (Christian Franz Paullini, "Dreck Arothek", Frankfort, 1696, p. 9.) Пауллини также приводит пример брюссельского художника, уже упоминавшегося на предыдущей странице.

"Бульон Лагранж, аптекарь в Париже, которого его друзья называли Бульон а Пуанту, опубликовал книгу "Химия и здоровье", посвященную изготовлению столовых ликеров, и приводит рецепт одного препарата, который он называет "Милле Флерс", состоящего из василька, настоящего в живительной влаге" ("Bibliotheca Scatologica", pp. 93-96).

"Что касается экскрементов коровы, то они до сих пор используются для приготовления так называемой "Милле флерс", рекомендуемой несколькими фармакопеями в качестве средства от кахексии" ("Зоологическая мифология" Анджело де Губернатиса, Лондон, 1874, т. i. стр. 275-277).

"Scatophagi. Гурманы особого жанра, жвачные животные нового вида, голубые или рафинированные эпикуры, называются скатофагами, или сцибалофагами. (De scybales, scybala, σκύβαλα. Voyez dans Dioscoride, lib. 5, c. 77, et Gorreus, Def. med. p. 579, les diverses acceptions de ce mot.). L'empereur Commode était de ceux-là; "Dicitur sæpe prætiosissimis cibis humana stercora miscuisse, nec abstinuisse gustu," dit Lampride (Vie de l'empereur Commode, p. 160). Riedlinus (Linear. Medic., an. 1697, mens. nov. obs. 23, p. 800) рассказывает о случае с женщиной, которая утверждает, что "nullum cibum in tota vita sua palato magis satisfacisse". Соваж (Nosologie méthodique) утверждает, что одна девушка говорила, что она мандражировала в течение года с бесконечной радостью от кротов, которые прикреплялись к муралам в уборных. Закут Лузитанус познакомился с демуазель, которая, не выдержав своих экскрементов, наложила на себя любимое питание, так что она не могла пройти мимо, чтобы не стать злой.

"J. J. Wypffer, Dec. III? an. 2, obs. 135, schol., p. 199, сообщает об одном факте того же жанра. De même: Ehrenfreid; Pagendornius (Obs. et hist. phys. med. cent. 3, hist. 95); Daniel Eremita (Descript. Helvet. oper. p. 402); P. Tollius (Epist. itinerar. 62, p. 247); Tob. Пфаннер (Diatrib. de Charismati, seu miracul. et antiq. eccles., c. 2); [приводятся также цитаты из фон Гельмонта, Фроммана, Посинуса Лентилия и Пауллини, которые в других местах цитировались непосредственно у этих авторов]. P. Borellus (Obs. phys. med. cent. 4, obs. 2); J. Johnstonus (Thaumagograph, admirand. homin. c. 2, art. 2); George Hanneous (Dec. II., an. 8, obs. 115); P. Romelius (Dec. III., an. 7 и 8, obs. 40); Mich. Берн. Валентин. (Novell. med. log. as. II). Мы считаем, что существуют примеры подобного жанра в книге Ж. Б. Кардана "De Abstinens ab usu ciborum fetidorum", напечатанной на фоне трактата "De Utilitate ex adversis capienda" его отца. В Париже был известен богатый буржуа по имени Бумагаль, который, при необычайном преувеличении своего благородства, скупал экскременты маленьких детей. (Virey, Nouv. Dict. d'hist. nat. Deterville, tom. X.) La traduction même rapporte qu'ils les mangeait avec une cuiller d'or. Это не единственный пример столь странного поведения. Бульон постоянно носил с собой буфет, наполненный не табаком, а человеческими экскрементами. (Voy. Dulaure, Hist. de Paris, edit. de 1825, t. VII. p. 262.)" - (Bibliotheca Scatologica, pages 93 to 96.)

"La fiente de bécasse, dont les fines gourmets, véritablement scatophages, sont, comme on sait, très friands."-(Bibliotheca Scatologica, p. 133.)

В этой любопытной книге, полной познаний и исследований, есть цитаты из более чем трехсот источников, некоторые из которых, конечно, просто непристойны и не входят в сферу действия этих заметок, но другие, как можно легко понять, прочитав взятые из них выдержки, представляют собой высочайшую ценность в научном смысле. Шуриг приводит пример прожорливости, когда некий обжора, поглотив всю остальную пищу, которую только можно было увидеть, удовлетворял себя мочой и экскрементами: "Et si panes deerant, sua ipse excrementa comedebat et lotium bibebat". (Schurig, "Chylologia", Dresden, 1725, p. 52.) Приводится случай, когда пациент, однажды испытавший на себе благотворное влияние мышиного помета при некоторых заболеваниях, стал постоянным пожирателем мышиного помета и имел привычку подбирать его с пола своего дома, прежде чем слуги успевали его вымести (см. Schurig, "Chylologia", Dresden, 1725, p. 823 и далее).

Одержимая жена фермера из города Хассфорт на Майне ела экскременты своего мужа, теплые и дымящиеся. (См. Христиан Франц Пауллини, "Dreck Apothek", издание Франкфорта, 1696, стр. 8. См. также цитату из "Ephemeridum Physico-Medicorum", Leipsig. 1694, на стр. 212 этого тома).

"Chacun en fait, en voit, en sent, en touchche, en parle, souvent en écrit, quelquefois en lit, et si chacun n'en mange pas, c'est que nous ne sommes pas encore au temps où les bécasses tomberont toutes rôties; mais de celui-là en voudrait manger."- (Bibliotheca Scatologica, p. 21, "Oratio pro Guano Humano").

Здесь приводится выдержка из письма, отправленного Шарлотте Елизавете Баварской, принцессе-палатине, дочери Карла Людовика, курфюрста-палатина Рейнского, родившейся в Гейдельберге в 1652 году; она вышла замуж за брата Людовика XIV, вдовца Генриетты Марии Английской.

Письмо, о котором идет речь, было послано ей ее тетей, женой курфюрста Ганноверского, и может дать представление о смелости мнений, которых придерживались высокопоставленные дамы в ту эпоху, и о грубости, с которой они их выражали: - "Гановр, 31 октября.

"Гановр, 31 октября 1694 года.

"Si la viande fait la merde, il est vrai de dire que la merde fait la viande.... Est-ce que dans les tables les plus délicates, la merde n'y est pas servie en ragoûts?... Les boudins, les andouilles, les saucisses, ne sont-ce pas des ragoûts dans des sacs à merde?"

Письма, о которых здесь идет речь, можно найти почти полностью в Bibliotheca Scatologica, страницы 17-21.

В статье "Последняя эпидемия холеры в Париже" в "Общем гомеопатическом журнале", том xliii, страница 15, 1886 год, было написано следующее: "Соседи одного заведения, известного своими превосходными хлебами, кондитерскими изделиями и подобными продуктами роскоши, снова и снова жаловались на отвратительные запахи, царившие в нем и проникавшие в их жилища. Появление холеры, наконец, придало силу этим жалобам, и санитарные инспекторы, посланные для расследования, обнаружили, что существует связь между водопроводными шкафами этих домов и резервуаром, содержащим воду, используемую для приготовления хлеба. Эта связь была немедленно прервана, но результатом этого стало заметное ухудшение качества хлеба. Химикам, очевидно, нетрудно доказать, что вода, пропитанная "экстрактом ватерклозета", обладает особым свойством заставлять тесто подниматься особенно тонко, тем самым придавая хлебу красивый вид и приятный аромат, который является главным качеством роскошного хлеба."- (Личное письмо от доктора Густава Егера, Штутгарт, Германия. См. стр. 39).

VI. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСКРЕМЕНТОВ В ПИЩУ ДИКИМИ ПЛЕМЕНАМИ.

Самые ранние рассказы об индейцах Флориды и Техаса упоминают об использовании такой пищи. Кабеза де Вака, один из выживших в злополучной экспедиции Панфило де Нарваэса,

много лет находился в плену у различных племен и, наконец, в сопровождении трех таких же несчастных товарищей, как и он сам, сумел пересечь континент, выйдя в 1536 году в Кулиакане, на побережье Тихого океана. В его рассказе говорится, что "флоридцы" "для еды копали корни, ели пауков, муравьиные яйца, червей, ящериц, саламандр, змей, землю, дерево, помет оленей и многое другое"[9] В том же рассказе, приведенном в "Пилигримах" Перчасы (т. iv. lib. 8, cap. 1, sec. 2, p. 1512), говорится, что "они также едят землю, дерево и все, что могут достать; помет диких зверей". Эти замечания можно понимать как относящиеся ко всем племенам, увиденным этим ранним исследователем к востоку от Скалистых гор.

Гомара отождествляет эту отвратительную диету с конкретным племенем, "ягуасами" из Флориды. "Они едят пауков, муравьев, червей, ящериц двух видов, змей, землю, дерево и помет всех видов диких животных"[10].

Калифорнийские индейцы были еще ужаснее. Немецкий иезуит, отец Якоб Бегерт, говоря о нижних калифорнийцах (среди которых он постоянно проживал с 1748 по 1765 год), говорит: - "Они едят семена ямы.

"Они едят семена питахайи (гигантского кактуса), которые выходят неперевавленными из их собственных желудков; они собирают свои собственные экскременты, отделяют от них семена, жарят, перемалывают и едят их, веселясь над этим отвратительным блюдом". И снова: "В миссии Святого Игнатия... есть люди, которые привязывают кусок мяса к веревке, глотают его и вытаскивают снова дюжину раз подряд, чтобы подольше насладиться его вкусом" (перевод доктора Чарльза Ф. Рау в ежегодном отчете Смитсоновского института, 1866, с. 363).

Подобное использование мяса, привязанного к веревке, как известно, когда-то практиковали европейские моряки, чтобы дразнить зеленых товарищей, страдающих от мук морской болезни.

(Один из них тут же выкашлял кусок ворвани, который он ел, и отдал его другому, который проглотил его с большой церемонией и с особым гортанным звуком" ("Путешествие "Приключений" и "Бигля"", Лондон, 1839, т. i. с. 315).

Такую же информацию можно найти у Клавигеро ("Historia de la Baja California", Mexico, 1852, p. 24) и в книге Х. Х. Бэнкрофта "Туземные расы тихоокеанского склона", т. i. p. 561; оба они опираются на отца Бэгерта. У Ороско-и-Берра также есть эта история; но он добавляет, что часто многие калифорнийцы встречались и передавали вкусный лакомый кусочек из уст в уста[11].

Кастаньеда говорит о калифорнийцах как о расе голых дикарей, которые ели свои экскременты[12].

Индейцы Северной Америки, по словам Хармона, "варят буйвола с большим количеством прилипшего к нему помета" - грязный способ приготовления пищи, который сам по себе мало что значит, поскольку его можно встретить почти во всех племенах. Но в другом абзаце тот же автор говорит: "Многие считают бульон, приготовленный из помета карибу и зайца, изысканным блюдом" (Harmon's "Journal," etc., Andover, 1820, p. 324)[13].

Аббат Доменек утверждает то же самое о племенах у озера Верхнее: "Варя дикий рис для еды, они смешивают его с экскрементами кроликов - деликатес, который ценят эпикуры среди них" (Domenech, "Deserts", vol. ii. p. 311).

О неграх Гвинеи один из старых авторитетов сообщает, что они "едят грязную, вонючую плоть слонов и буйволов, в которой тысячи личинок, и много раз она воняет, как падаль. Они едят сырые собачьи кишки, никогда их не варят и не жарят" (De Bry, Ind. Orient. in Purchas's "Pilgrims", vol. ii. p. 905). В другом месте говорится, что мосаги готовят себе "похлебку из молока и свежего козьего помета, которую, смешав вместе и подогрев на огне, пьют, говоря, что она делает их сильными" (Purchas, lib. 9, cap. 12, sec. 4, p. 1555).

Перуанцы ели мясо и рыбу сырыми, но Гомара больше ничего не говорит. "Comen crudo la carne y el pescado" (Gómara, "Hist. de las Indias", p. 234).

Дикари Австралии "делают сладкий и приторный напиток, смешивая таарп с водой. Таарп - это экскременты маленького зеленого жука, в которых откладываются его личинки" ("Аборигены Виктории и Риверины", П. Беверидж, Мельбурн, 1889, с. 126; получено по любезному приглашению Королевского общества Сиднея, Новый Южный Уэльс, Т. Б. Кингдон, секретарь).

"Один из них (змеи), захвативший около девяти футов внутренностей, жевал их на одном конце, а рукой старательно расчищал себе путь, выпуская содержимое другого. Невозможно было смотреть на этих несчастных, хищно питающихся животной грязью, и на кровь, текущую из их пастей, и не сожалеть о том, насколько состояние дикарей приближается к состоянию животного мира" (Льюис и Кларк, цитируется Спенсером, "Описательная социология: "Змеи").

"Некоторые авторы утверждают, что все хоттентоты пожирают внутренности зверей, очищенные от грязи и экскрементов, и что, будь они живыми или гнилыми, они считают их величайшим деликатесом в мире; но это неправда. Я всегда обнаруживал, что когда они ели внутренности, то разворачивали их, очищали от грязи и мыли в чистой воде" ("Путешествие Питера Колбена к мысу Доброй Надежды", в книге Нокса "Путешествия и поездки", Лондон, 1777, т. ii. с. 385).

Аткинсон отказался обедать с группой киргизов, которые убили барана, "увидев, как внутренности кладут в кастрюлю после очень легкой очистки" ("Сибирь", Т. В. Аткинсон, Нью-Йорк, 1865, стр. 219, и снова стр. 433).

"Внутренности животных и другие отбросы, выброшенные за борт английских кораблей, охотно собираются и поедаются кочи-китайцами, которых мистер Уайт даже обвиняет в пристрастии к нечистотам" ("Encyc. of Geography", Philadelphia, 1845, vol. ii. p. 397, статья "Дальняя Индия").

(Арабы Красного моря.) "Вода в Добелеве и Ирви имеет сильный мускусный вкус, от помета коз и антилоп, и запах, прежде чем выпить ее, более тошнотворный, чем вкус."- ("Путешествия для открытия источника Нила", Джеймс Брюс, Дублин, 1790, т. i. с. 367).

От употребления воды, загрязненной экскрементами животных, до питья напитков, в которые намеренно добавлена моча, как показывают сэр Сэмюэл Бейкер и полковник Шай Лонг, в обычае негров близ Гондокоро с их молоком, - всего лишь небольшой шаг.

Шайл Лонг рассказывает, что в Центральной Африке он и его люди были вынуждены пить воду, которая представляла собой смесь экскрементов носорога и слона (см. "Центральная Африка", Нью-Йорк, 1877, стр. 86). Ливингстон рассказывает, что африканцы, живущие по берегам Замбези, стараются не пить, кроме как из источников или колодцев, которые они выкапывают в песке. "В течение почти девяти месяцев в году вокруг бесчисленных деревень на тысячах миль, осушаемых Замбези, откладывается навоз. Когда идут сильные дожди и сметаю огромные фекальные скопления в потоки, вода загрязняется нечистотами" ("Замбези", Лондон, 1865, с. 181).

Преподобный Дж. Оуэн Дорси сообщает, что, находясь среди понков, он видел, как "женщина и ребенок пожирали говяжьи внутренности вместе с содержимым" (личное письмо капитану Бурке).

Реклю говорит, что восточные инуиты едят экскременты. "Ils ne reculent pas devant les intestins de l'ours, pas même devant ses excréments, et se jettent avec avidité sur la nourriture mal digérée qu'ils retirent du ventre des rennes" ("Les Primitifs", Paris, 1885, pp. 31, 32).

"Филиппинские игарроты, которые используют в качестве соуса к своим блюдам сок из мяса буйвола, которого очень много" (idem, p. 31).

Племена Анголы (Западная Африка) готовят внутренности оленей, не удаляя содержимого; это делается для получения аромата, так как сами экскременты не едят ("Мухонго", перевод преподобного г-на Шателена).

Тибетский монах не должен был есть внутренности. "Ne pas manger des tripes" ("Пратимокша Сутра", W. W. Rockhill, Soc. Asiatique, Paris, 1885).

(Тунгусы Сибири.) "Они съедают все части убитого ими животного, не выбрасывая даже нечистот из кишок, из которых они делают нечто вроде черного пудинга из смеси крови и жира." (Гаврила Сарычев, в "Путешествиях" Филлипса, Лондон, 1807, т. V).

Туземцы Восточной Сибири "с жадностью ели внутренности тюленя, нисколько не очищая кишечник от частично переваренной пищи, причем потроха тюленя были столь же оскорбительны для цивилизованного человека, как и фекалии людей или собак" (личное письмо главного инженера Мелвилла, ВМС США, капитану Бурке).

Алеуты и индейцы с крайнего северного побережья Америки, с которыми путешествовал Мелвилл, с таким же аппетитом поедали полупереваренное содержимое лап убитых ими тюленей. Этот аппетит не был вызван недостатком пищи, как заботливо объясняет Мелвилл. В другой раз он застал своих "туземцев" за поеданием "обильного, хотя и скрытого, помета северных оленей" (idem).

VII. МОЧА В ПИЩЕ ЧЕЛОВЕКА.

ОЛИВКИ ЧАВЫЧА.

Добавление мочи в пищу человека упоминается различными авторами. Говоря о чинуках, Пол Кейн описывает деликатес, приготовленный некоторыми индейцами, среди которых он путешествовал, и названный им "оливки чинука". Это было не что иное, как желуди,

вымоченные в течение пяти месяцев в человеческой моче (см. Kane, "Artist's Wanderings in North America", London, 1859, p. 187). Спенсер копирует рассказ Кейна в своей "Описательной социологии", статья "Чинуки".

"В Квинсленде, недалеко от Дарлингтона, есть местность, покрытая особым видом кедра, дающим съедобный орех, который туземцы очень любят..... Мужчины формировали в почве большие глиняные кастрюли, в которые мочились; затем они собирали большое количество этих семян и замачивали их в моче. Происходило брожение, и все семена жадно поедались, что приводило к временному сумасшествию среди мужчин, фактически к совершенному delirium tremens. В таких случаях к ним было опасно приближаться. Жидкость никак не использовалась" (личное письмо от Джона Ф. Манна, эсквайра, Нейтрал-Бей, Сидней, Новый Южный Уэльс).

Этот рассказ не только напоминает историю, рассказанную художником Кейном в предыдущем абзаце, но и подтверждает тот факт, что в Австралии есть нечто, имеющее удивительное сходство с ур-орги народа Сибири.

Главный инженер Джордж У. Мелвилл, ВМС США, автор книги "В дельте Лены", имел большой опыт общения с аборигенами Северной Сибири, среди которых ему выпало несчастье быть выброшенным. В личном письме капитану Бурке он сообщает, что наблюдал несколько случаев, когда сибирские женщины пили свою собственную или соседскую свежевypущенную мочу. Однажды в гавани Сатке, в заливе Святого Лаврентия, у Восточного мыса, когда он "нахмурился на их нечистый и неприличный поступок, они казались очень забавными, и после минутного разговора одна из них выпустила свою мочу, а другая выпила ее, причем обе были очень веселы от моего отвращения". Далее он рассказывает, что когда его "туземцы" не могли получить из его ограниченных запасов весь алкоголь, который им был нужен, они делали смесь из спирта и собственной мочи в равных частях и выпивали ее.

"Утром 8 мая, борясь с приступом лихорадки, меня навесил Гилморо, который принес мне тыкву молока в знак благодарности за то, что я в удобный момент спас его положение. Сгорая от лихорадки, я одним махом осушил кубок, полный пенящейся жидкости, прежде чем чувство вкуса смогло распознать тошнотворную смесь; мой желудок, однако, быстро взбунтовался и с яростью отверг невкусное снадобье, семь восьмых которого были просто мочой коровы - практика, кстати, общая для всех жителей Центральной Африки, которые никогда не пьют молоко, если оно не смешано таким образом."

"Этот фетиш и суеверие таким образом обеспечивает защиту коровы здесь, как и на Бахр-эль-Абиаде, таинственно связанной с неизвестным, - возможно, это тень старого египетского культа" ("Central Africa", Chaille Long, New York, 1877, p. 70).

МОЧА В ХЛЕБОПЕЧЕНИИ.

Один сравнительно поздний автор говорит о моки в Аризоне: "Они не так чистоплотны в быту, как навахо, и есть намек на то, что они иногда смешивают свою еду с камер-ли для этих праздничных случаев; но я не знал этого, пока не поговорил с мормонами, посетившими их" (J. H. Beadle, "Western Wilds," Cincinnati, Ohio, 1878, p. 279).

Бидл жил и ел с моки в течение нескольких дней. Эта история, пришедшая от мормонов, может относиться к какому-то несовершенному обряду.

Есть некоторые основания подозревать, что моча могла использоваться пекарями в Европе до появления "барма" или элевых дрожжей в качестве закваски. В настоящее время аммиак используется немцами в этой отрасли (см. стр. 32).

Возможно, что следующий рассказ о том, как патагонцы едят ворвань, означает, что на нее выливали мочу: "Он снова положил тот же кусок на огонь и, добавив к нему что-то слишком оскорбительное, чтобы упоминать об этом, снова стал сосать его" ("Путешествие "Приключений" и "Бигля"", Лондон, 1839, т. i. с. 343).

В связи с проглатыванием человеческих экскрементов, которые, казалось бы, должны вызывать естественное чувство отвращения, следующее утверждение может иметь определенное значение: Спенсер Сент-Джон в своей "Жизни на Дальнем Востоке", Лондон, 1842 г., после описания головного пира у даяков, говорит, что после некоторых предварительных обрядов и развлечений "они начинают есть и пить ... необыкновенное количество пищи, - птицы, зажаренные с перьями, яйца, черные от старости, гнилые фрукты, рис всех цветов и видов, сильно пахнущая рыба, почти доходящая до состояния гнили, и их напиток, имеющий вид и толщину творога, в который они подмешивают перец и другие ингредиенты. Это оказывает на них тошнотворное воздействие, и они глотают это скорее по обязанности, чем потому, что им это нравится".

Очевидно, противность является объектом внимания, так как "до того, как они добавили какие-либо посторонние вещества", этот напиток "не является неприятным, имея вкус елового пива" (с. 66).

Если рассматриваемая церемония носит характер жертвоприношения, - что совсем не очевидно из текста, в котором она описывается как "развлечение", но что представляется вероятным, поскольку она связана с организацией и представлением племени и связана с охотой за головами, - то можно предположить, что испорченная пища и тошнотворный напиток являются совершенно естественными признаками, которые имеют свои аналоги во многих местах.

Как правило, чем болезненнее, дороже, неестественнее и отвратительнее обряд, тем более жертвенный характер он имеет, - по очевидным причинам.

Фон Страленбург говорит о кораксах, что они используют те же ванны в качестве писсуаров и для хранения питьевой воды (см. цитату на стр. 152 данного тома).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОСТАНКИ, СЪЕДЕННЫЕ ВОСТОЧНО-ИНДИЙСКИМИ ФАНАТИКАМИ.

Говоря об остатках индуистской секты Агозис, один английский писатель замечает: "Доказательством их безразличия служит то, что они едят человеческие трупы.

"В доказательство своего безразличия к мирским вещам они едят и пьют все, что им дают, даже человечину и падаль. Они также обмазывают свои тела экскрементами и носят их с собой в деревянной чашке или черепахе, чтобы либо проглотить их, если таким образом они могут получить несколько пик, либо бросить их на людей или в дома тех, кто отказывается выполнить их требования" ("Религиозные секты индусов", в "Asiatic Researches", vol. xvii. p. 205, Calcutta, India, 1832).

Другой писатель подтверждает вышесказанное. Аббат Дюбуа говорит, что Учителя, или индийские священники, иногда, в знак благосклонности, дарят своим ученикам "воду, в которой они омыли ноги, которая сохраняется и иногда выпивается теми, кто ее принимает"

(Dubois, "People of India", London, 1817, p. 64). Эта практика, говорит он, распространена среди сектантов Сивы и нередко у многих вишнуитов в отношении их вастума. "Это также не самая отвратительная из практик, преобладающих в этой секте фанатиков, поскольку их упрекают в том, что они едят как освященную пищу тот самый ордус, который исходит от их Учителей, и глотают воду, которой они полоскали рот или умывали лицо, а также многие другие практики, столь же отвратительные для природы" (idem, p. 71).

И снова, на странице 331, Дюбуа упоминает гимнософистов "или голых самьясистов Индии... которые едят человеческие экскременты, не проявляя ни малейшего симптома отвращения".

В связи с этим автор хотел бы отметить, что в его личных записях и меморандумах можно найти упоминания об одном из знахарей племени сиу, который уверял своих поклонников, что все в нем - "лекарство", даже его экскременты, которые можно превратить в медные гильзы.

"Мне сообщили, что огромное количество шордров пьют воду, в которую брамин окунает свою ногу, и воздерживаются от еды по утрам, пока эта церемония не закончится. Некоторые делают это каждый день..... Можно увидеть людей, которые несут небольшое количество воды в чашке и просят первого встречного брамина опустить в нее палец ноги..... Некоторые люди держат воду, освященную таким образом, в своих домах" (Уорд, цитируется Саути в его "Commonplace Book", London, 1849, 2d series, p. 521).

VIII. ОРДУРА ВЕЛИКОГО ЛАМЫ ТИБЕТА.

В то, что такое же отвратительное почитание было оказано личности Великого ламы Тибета, когда-то было общепринятым мнением. Мальтебрун утверждает это в положительных выражениях: "Это несомненный факт, что отбросы, выделяемые из его тела, собираются со священной тщательностью, чтобы использоваться в качестве амулетов и безошибочных противоядий от болезней".

И, цитируя Палласа, книга 1, стр. 212, он добавляет: "Не стоит сомневаться в том, что содержимое проткнутой чаши будет тщательно извлечено; твердые части распределены как амулеты, которые можно носить с собой; жидкое вещество хранится внутри как непогрешимое лекарство" (Maltebrun, Universal Geography, статья "Thibet", vol. ii. lib. 45, американское издание, Филадельфия, 1832 г.).

Аббат Гук опровергает это утверждение: "Тале-лама почитается тибетцами и монголами как божество. Влияние, которое он оказывает на буддийское население, поистине поразительно; но все же слишком далеко заходит утверждение, что его экскременты тщательно собираются и превращаются в амулеты, которые верующие помещают в мешочки и носят на шее" - (Нус, "Travels in Tartary, Thibet, and China", London, 1849, vol. ii. p. 198).

ХУК И ДЮБУА В СРАВНЕНИИ.

Гук был внимательным и наблюдательным путешественником; он хорошо знал языки и обычаи монголов; его путешествие в Тибет изобиловало происшествиями, и его повествование никогда не теряло интереса. Однако в Тибете он был всего лишь путешественником; высшие слои буддийского священства смотрели на него с подозрением.

Низшие слои священства и народ, правда, воспринимали его как ламу с далекого Востока, но ему не удалось завоевать доверие тибетцев в той степени, в какой Дюбуа пользовался им среди браминских сект. История последнего автора весьма своеобразна: Французский священник, изгнанный из родной страны эксцессами революции, он нашел убежище в Индии и почти двадцать лет посвятил миссионерской работе среди людей, с которыми настолько сроднился, что когда появились его записки, они были изданы за счет британской Ост-Индской компании и распространены среди ее чиновников в качестве учебника.

Хотя можно обратиться к более ранним авторитетам, не следует допускать, чтобы решение этого вопроса оставалось спорным. Первыми европейцами, проникшими в Тибет (или Барантолу, как они его называли), были иезуиты Грюбер и Дорвилл, которые, возвращаясь из Китая в Европу, прошли через Тибет и спустились через Индию к морскому побережью. Это было в 1661 году; другой член того же ордена, отец Андраде, утверждал, что ему удалось совершить такое же опасное путешествие в более ранний срок (1621 год), но названия городов, которые он посетил, доказывают, что он не заходил дальше территории, известной сейчас как Афганистан, у подножия гор, граничащих с Тибетом. Пока Грюбер и Дорвилль совершали свое путешествие или спустя несколько лет после него, отец Гербильон, также иезуит, поселился среди кочевых татар, приобретя на них влияние, которым император Китая с удовольствием пользовался в чрезвычайных ситуациях. Никто из этих путешественников не утверждал, что лично видел Великого Ламу.

"Грюбер уверяет нас, что вельможи королевства очень хотят заполучить экскременты этого божества (то есть Великого Ламы), которые они обычно носят на шее как реликвию. В другом месте он говорит, что ламы извлекают большую выгоду из больших подарков, которые они получают за то, что помогают вельможам выпить немного его экскрементов или мочи; поскольку, нося первые на шее и смешивая вторые с пищей, они воображают, что защищены от всех телесных недугов. В подтверждение этого Гербильон сообщает, что монголы носят его экскременты, растертые в порошок, в маленьких мешочках на шее, как драгоценные реликвии, способные уберечь их от всех несчастий и излечить от всех видов недугов". Когда этот иезуит совершал свое второе путешествие в Западную Тартарию, заместитель одного из главных лам предложил дяде императора некий порошок, содержащийся в маленьком пакете из очень белой бумаги, аккуратно завернутом в платок из очень белой тафты; но тот принц сказал ему, что, поскольку у манчестерцев не принято пользоваться такими вещами, он не смеет его принять. Автор принял этот порошок либо за экскременты Великого Ламы, либо за пепел чего-то, что использовалось им." ("Описание Тибета", в Pinkerton's "Voyages and Travels", London, 1814, vol. vii. p. 559).

"Грюбер в своем позднем рассказе о возвращении из Китая в 1661 году, через Лассу, или Барантолу, как называет ее Кирхер (см. Kircher, China Illustrata, part ii. с. 1), но сам Грюбер Барантока (где, по его словам, никогда не бывал ни один христианин) ... прежде всего он удивлялся их Папе (Великому Ламе Тибета), которому они воздают божественные почести, поклоняются его экскрементам и складывают их в золотые ящики, как самое прекрасное средство против всех бед" (Стиллингфлит, "Защита рассуждений об идолопоклонстве в Римской церкви", Лондон, 1676, с. 116-120, цитируется Х. Т. Баклом в его "Commonplace Book", с. 79, т. ii. его Сочинений, Лондон, 1872).

Тернер, "Посольство в Тибет", Лондон, 1806 г., не упоминает об использовании экскрементов Великого Ламы.

Монах Одорик из Порденоне посетил Л'хассу, Тибет, между 1316 и 1330 гг. н.э. (см. издание Маркхэма "Тибет" Богла, Лондон, 1879, с. 46). Маркхэм считает, что иезуит Антонио Андрада

"в 1624 году", которого он называет "неустрасшим миссионером", "нашел путь через высокие перевалы к Рудоку", "поднялся по ужасающим перевалам к истокам Ганга и в конце концов, после страшных страданий, достиг берегов священного озера Мансоревар, истока Сатледжа" (Введение к книге Богла "Тибет", Лондон, 1879).

Уоррен Гастингс говорит о тибетских священниках высокой степени, "ку-чук-тос", которые, по его словам, "признают превосходство Далай-ламы, так что его экскременты продаются как амулеты по большой цене среди всех тартарских племен этой религии" ("Меморандум о Тибете", сопровождающий инструкции для г-на Богла, первого английского посольства в эту страну. См. в книге Маркхэма "Тибет", Лондон, 1879, с. 11).

Поистине замечательно, что ни в отчете, ни в письмах Богла, ни в записках Мэннинга, ни во фрагментах Грюбера, Дезидери и Горация Делла Пенна, сохранившихся в "Тибете" Маркхэма, нельзя найти никаких намеков на использование экскрементов Великого Ламы в религии или медицине.

"Les grands du royaume" (т. е. из Барантолы), "recherchent fort les excréments de cette divinité" (т. е. Ламаконджу). "Ils les portent ordinairement à leur col comme des reliques."-("Voyage de P. Grueber à Chine", взято из "Conversations with P. Grueber". См. в Thévenot, vol. ii., "Relations de Divers Voyages curieux", Melchisédec Thevenot, Paris, 1696, vol. ii.)

Несколько авторитетов, от которых многого ожидали, хранят полное молчание.

У Рубрукиса нет ни одного упоминания о том, что татары, среди которых он путешествовал, использовали человеческие экскременты или мочу; все, что он говорит, это то, что они пекли свой хлеб на коровьем навозе. Этот монах, францисканец, был послан королем Франции Людовиком IX. (Святой Людовик), король Франции, с миссией к Великому хану Тартарии в 1253 году, во исполнение которой он проехал тысячи миль по их территории. В книге Пинкертонна сказано: "Путешествия Рубрука одинаково поразительны, в каком бы свете их ни рассматривать. Если взять их по длине, то они простираются на пять тысяч миль в одну сторону и почти на шесть тысяч в другую" (Vol. vii. p. 96.).

Во время столь долгого путешествия он должен был многое заметить, но мы должны помнить, что нравы татар Великого Хана были в то время несколько изменены контактом с европейской цивилизацией, среди них было много пленных, как указывает Рубрукис, которые служили ремесленниками, а с другой стороны, мы знаем, что монах был совершенно незнаком со всеми их диалектами. Марко Поло, живший среди татар примерно в то же время, говорит: "Но теперь татары смешаны и перепутаны, и таковы же их моды" (Marco Polo, "Travels", in Pinkerton's "Voyages", London, 1814, vol. vii. p. 124.).

Дю Хальде, хотя и рассказывает о Тибете в своем четвертом томе и, похоже, знаком со всеми работами об этой стране, упоминая отцов Грюбера и Дорвиля, все же не упоминает об использовании экскрементов Великого Ламы в качестве амулетов или внутренностей. (См. "Историю Китая" Дю Хальде, Лондон, 1736 г.) Возможно, вина лежит на его переводчике, который стремился к "изложению".

Дю Хальде, миссионер-иезуит, пользовался помощью всех членов своего ордена, находившихся на службе в Китае; не менее десятка или более человек помогали ему; один из них, отец Констансин, прослужил в Цветочном королевстве в качестве миссионера более тридцати двух лет подряд. За поколение, предшествовавшее появлению работы Дю Хальде, иезуиты побывали в Китае, Тартарии и Тибете. Тавернье, чьи возможности для наблюдений

были великолепны, утверждал этот факт без обиняков. Экскременты Великого Ламы были тщательно собраны, высушены и различными способами использованы как приправа, как нюхательный табак и как лекарство.

"Бутанские купцы уверяли Тавернье, что они посыпают его экскременты порошком на свои блюда" (Tavernier, "Travels", vol. ii. p. 185). Сноска к странице 559, том vii. Pinkerton's "Voyages and Travels", London, 1814).

"Unde tantis venerationis indiciis ab omnibus colitur, ut beatum ille se reputet, cui Lamarum (quod summis et pretiosis muneribus eum in finem, non sine magno eorum lucro corrumpere solent) benignitate aliquid ex naturalis secessus sordibus aut urina Magnæ Lamæ obtigerit. Ex ejusmodi enim collo portatis, urina quoque cibis commixta."- (Письмо отца Адама Шалля, S. J., "Aulæ Sino-Tartaricæ Supremi Concilii Mandarinus", в Thevenot, vol. ii.; второй том Thevenot содержит три коротких письма на латыни от Грюбера к членам его ордена, но ни в одном из них нет упоминания об ордуре Великого Ламы).

"Нет в мире короля, которого бы так боялись и уважали его подданные, как короля Бутана; он в некотором роде обожаем ими..... Купцы уверяли Тавернье, что приближенные короля сохраняют его орду, сушат ее и превращают в порошок, похожий на нюхательный табак; затем, положив его в коробки, они каждый базарный день ходят и дарят его главным торговцам и фермерам, которые, вознаграждая их за великую доброту, несут его домой как большую редкость, а когда пируют с друзьями, посыпают им их мясо. Автор добавляет, что двое из них показали ему свои ящики с порошком в них" ("Описание Тибета", Пинкертон, Лондон, 1814, том vii. 567).

Выражение "король Бутана", употребленное Тавернье, означает Великого ламу Тибета. Утверждение Тавернье было принято самыми осторожными авторами. "Indorum nonnullos, incolas scilicet regni Boutan Homerda seu excrementis alvinis Regis sui siccatis et pulverisatis cibos amicis et convivis suis appositos condire, refert Johannes Baptista Tavernier, Itinerar. Indic. lib. 3, cap. 15, fol. m." (Schurig, "Chylologia", Dresden, 1725, p. 775.) Этот же параграф цитируется в Bibliotheca Scatologica, страницы 29, 93 и 96, к которым анонимный автор добавляет: "et les Tartares et les Japonais tenaient en pareille vénération la merde du grand lama et du Dairi."

Розинус Лентилиус в "Ephemeridum Physico-Medicorum", Лейпсиг, 1694, рассказывает о Великом ламе Тибета, который пользовался таким высоким почитанием среди приверженцев его веры, что его экскременты, тщательно собранные, высушенные, измельченные в порошок и проданные по высоким ценам священниками, использовались в качестве порошка, вызывающего чихание, приправы к пище и средства от всех тяжелых форм болезней. Он цитирует все это из Тавернье и из Erasmus Franciscus, p. 1662. Есть и другая цитата из Тавернье, lib. 4, cap. 7.

"Nec de rege in Bantam, et summo Tangathani Regni Pontifice, magno Lama, quos tanto in honore subditi habent ut merda eorum magno studio collectam, et in pulverem comminutam (quam Brachmines ære multo simplicibus divendunt) illi quidem scil. Boutamenses, loco pulvere nasalis utantur, eoque lautius, victuri cibos condiant hi vero scil. Tangat hani pro remedio longe presentissimo ad varios desperatissimosque morbos habeant, aliisque medicamentis admisceant, per sæpe memoratum" Tavernier, Itin. lib. 3, cap. 15, et Franciscus, loc. cit. p. 1662.

Об "амулетах" у народов Тартарии и Тибета упоминают почти все путешественники; но мало кто, похоже, счел нужным определить, из чего состояли эти амулеты.

Отцы Грюбер и Дорвилл говорят о татарских женщинах-калмуках, что "у каждой из них на шее висит амулет, оберегающий от опасностей". Возможно, это были ордурные амулеты Великого Ламы.

В своем кратком изложении путешествий в Тибет отцов Грюбера и Дорвилла Пинкертон опускает их слова об этих амулетах, хотя в другом месте, уже цитированном, он ссылается на них.

(Бураты Сибири.) "Я не заметил у них никаких изображений, кроме некоторых реликвий, подаренных им их священниками, которые они получили от Делай-Ламы; они обычно висят в углу их палаток, а иногда и на шее, как амулет, оберегающий их от несчастий". (Белл, "Путешествия по Азии" с русским посольством в Китай в 1714 году, в Пинкертоне, т. vii. с. 347). Несомненно, это были амулеты из человеческого ордена и т.п., полученные от Великого Ламы.

(Калмуки Сибири.) "Des pilules bénites qui viennent du Tibet méritent attention; on les appelle Schalir. Препараты не дают калмукам ни богатства, ни отличия; они постоянно носят их с собой и используют только при тяжелых заболеваниях, когда смерть от них практически неизбежна. Они полагают, что эти пилюли служат для того, чтобы рассеять амулет временных вещей, и освящают его: они черные и розовые, как острицы. Je presumai qu'elles renfermaient de l'opium ou autre narcotique; mais on m'assure au contraire que leur vertu était purgatif."-(Voyages de Pallas, Paris, 1793, vol. i. pp. 567, 568.)

(Монголия.) "Когда умирают знаменитые ламы и их тела сжигают, среди пепла находят маленькие белые пилюли, которые продают за большие суммы набожным людям, считая их концентрированной добродетелью человека и способностью гарантировать счастливое будущее для того, кто проглотит одну из них перед смертью. Это довольно распространенное явление. Я слышал об одном человеке, который усовершенствовал эту практику, сообщив, что эти маленькие пилюли имеют привычку выходить через кожу в различных частях тела. Эти пилюли, называемые Шариль, находили готовый сбыт, и тогда человек сам пожинал плоды своей добродетели и не позволял, чтобы вся прибыль досталась его наследнику" ("Среди монголов", Rev. James Gilmour, London, 1883, p. 231).

Этот автор говорит, что эти священные пилюли белые; другой, уже упоминавшийся, описывает их как черные, а те, которые автор получил от мистера В. В. Рокхилла, - красные.

Вамбери описывает одного из святых людей туркоманов, который после прочтения ряда священных стихов "ставил перед собой чашку с водой, в которую он плевал в конце каждого стихотворения, и этот состав... продавался лучшему покупателю как чудодейственное лекарство" ("Путешествия по Центральной Азии", Нью-Йорк, 1865, стр. 272).

Подобное использование экскрементов церковных сановников было отмечено в восточной литературе. В "Арабских ночах" царь Африда, среди прочего, говорит эмирам: "И я намерен этой ночью освятить вас всех святым благовонием". Когда эмиры слышали эти слова, они поцеловали перед ним землю. Благовоние, которое он называл, было экскрементами главного патриарха, отрицателя и осквернителя истины, и они искали его с таким тщанием и так высоко ценили его, что первосвященники греков посылали его во все страны христиан в шелковых упаковках, смешав с мускусом и амброй; Услышав о нем, цари платили по тысяче золотых за каждый драм, и они посылали и искали его, чтобы окуривать им невест; и главные

жрецы и великие цари имели обыкновение использовать немного его как коллирий для глаз, и как средство от болезней и колик; и патриархи смешивали с ним свой скит (экскременты), потому что скита главного патриарха не хватило бы на десять стран." - (Издание Бертона, т. ii. стр. 222, 223). В Индексе Бертона это называется "Святая Мерда". Бертон также говорит: "Идея Священной Мерды, возможно, была предложена индусами; см. Мандевиля: архипротопапатон (прелат) несет бычий навоз и коровью мочу королю, который этим помазывает свое лицо и грудь, и т.д. И, как ни странно, это до сих пор практикуется парсами, одной из самых прогрессивных и остроумных азиатских рас" (Idem.).

Рошфуко говорит нам, что мы приписываем другим те недостатки, в которых сами были бы виновны, если бы у нас была такая возможность. Аравийцы, несомненно, были полностью знакомы именно с такими обычаями; возможно, греки тоже.

Калмуки верят в духов или джиннов, называемых "бурканами", и в злого духа, известного как "Эрлик-хан". Они рассказывают историю о трех таких "бурканах", одним из которых был Сакья-Муни: "Когда они в один день собрались вместе, разжигали свои жрецы с большим пылом, держа дрожащие глаза, как это принято у калмуков, inferнальное божество приближается к ним и помещает свои ордуры в священную купешку, которая находится перед ними, когда они совершают жреческий обряд. После того, как они открываются, они дают совет. Они пришли к выводу, что если они разбросают по воздуху живительную материю, то это приведет к гибели всех обитателей этого места; а если они разбросают ее по земле, то это приведет к гибели всех живых существ, которые ее занимают. Поэтому, ради блага человечества, они решили уничтожить их. Сакья-Муни, со своей стороны, укрылся в купе; лев был настолько сильным, что его лицо стало совсем синим. Это причина, по которой на изображениях пишут его фигуру голубым цветом; у его идолов только чепчик голубого цвета" (Voyages de Pallas, Paris, 1793, vol. i. p. 548).

Это неубедительное объяснение, придуманное ламами после того, как люди стали несколько тонченнее и начали проявлять отвращение к этим дьявольским обычаям. Сравните с примечаниями мистера У. У. Рокхилла, востоковеда и исследователя Тибета, на с. 37.

Ниже приводится цитата из рукописи мистера У. У. Рокхилла, озаглавленной "Ламаистская церемония, называемая изготовлением пилюль Мани".

"Некоторые неразрушимые частицы тел Будд и святых, а также некоторые другие телесные останки всегда считались буддистами обладающими определенными свойствами, например, излучать свет и иметь большие лечебные свойства. Путешествия Хуэйн-Цанга и Фа-Хсиена наполнены рассказами об обнаружении таких сокровищ и о сверхъестественных свойствах, которыми они обладали. Среди тибетцев первый класс этих реликвий известен как "педунг" (upel-gedung), второй - как "дунг-рус" (gdung-rus). Говорят, что педунг - это мельчайшие шарики, найденные в костях Будд и святых, что они обладают удивительным блеском, и что иногда их можно увидеть на внешности какого-нибудь святого человека, когда они имеют вид блестящих капель пота. Хотя эти педунги обладают мощнейшими лечебными свойствами, они также становятся палладиумом местности, которой посчастливилось их заполучить. Естественным продолжением идеи о силе педунга тибетцы пришли к мысли, что если сохранять и носить с собой хотя бы немного выделений, волос или ногтей святого, который, как известно, обладает педунгом, например, Тале-ламы или Панчен-римпоче, то они защитят его от ран, нанесенных оружием или мечом, от болезней и т. д.; отсюда и необычные предметы, которые так часто можно найти в тибетских шкатулках (Ка-Во).

"Свойства педунга породили и другое поверье, которому посвящена эта статья, - изготовление пилюль, которым бог Шуризог по просьбе ламы-чиновника придает свойства

своего собственного божественного тела, а затем наделяет их лечебными и защитными свойствами настоящего педунга. Эти пилюли известны как мани-рилбу, или "драгоценные пилюли", и постоянно используются в качестве лекарства среди жителей Тибета и Монголии. Большое их количество также посылается каждым данником императору Китая. По-китайски они называются "Tsu-mu-yas" или "thih-ma-yao", и их нельзя путать с одноименным лилейным растением (*Anemarrhena asphodeloides* Hanbury), корневище которого используется в медицине и которое также является продуктом Тибета.

Возможно, более подходящее название для "мани-рилбу" - "цзу-шэн-ван", "расширенные пилюли", которое я слышал в Пекине, в чем можно убедиться, прочитав следующий рассказ о способе их изготовления.

"Большая часть приведенного здесь описания процесса изготовления пилюль взята из тибетского труда, содержащего подробный отчет о церемонии, вместе с молитвами, которые следует читать, и т. д., под названием "Церемония изготовления пилюль Мани" (Mani Rilbu grub gi choga), на семи листах.

"Устные пояснения лам, которые объясняли мне текст, включены везде, где это необходимо".

"За семь дней до начала церемонии лама, который будет ее проводить, и священники, которые будут в ней участвовать, начинают воздерживаться от употребления мяса, спиртных напитков, чеснока, табака и других продуктов, которые считаются нечистыми или дурно пахнущими, а во время проведения церемонии, которая длится двадцать один, сорок девять или сто дней, ни один из вышеперечисленных предметов не допускается в храм, равно как и нечистые люди или те, кто употребляет вышеперечисленные запрещенные вещества.

"Церемония начинается с изготовления пилюль, и этот процесс описан в упомянутом выше труде следующим образом: "Лама, голова которого чисто выбрита, а одеяния соответствуют положенному, перемалывает в мелкую муку немного поджаренного зерна, затем, смешав его с чистой и сладко пахнущей водой, делает необходимое количество пасты; затем делаются пилюли и покрываются красной краской. Когда все это сделано, берется сухая, без единого изъяна, идеально чистая ваза, и в нее насыпаются пилюли, пока она не будет заполнена на две трети. Затем ваза заворачивается в шелковый чехол, который перевязывается шелковой нитью и запечатывается. После этого вазу ставят на подставку в идеально вертикальном положении, а вокруг нее расставляют чаши с водой и другие подношения, по две штуки. Наиболее почитаемое изображение Туг-дже-чон-по (т.е. Шуресига), которое есть в ламаистском монастыре, облачается в свои одежды и ставится на вазу; затем, не встряхивая вазу, в нее помещается дордже (в примечании на полях объясняется, что это громовой болт или Саджра Индры: он постоянно используется во всех ламаистских церемониях, и обычно держится в правой руке, между большим и указательным пальцами, во время чтения молитв. В левой руке лама обычно держит колокольчик), завернутый в чистый кусок хлопчатобумажной или шерстяной ткани, привязанный к шнурку на горлышке вазы. После медитации и молитвы совершаются подношения "воды, цветов, благовоний, лампад, духов, пищи и т. д., ... пока играет музыка". Затем просят бога о помощи, "чтобы он наделил пилюли необходимыми добродетелями, ... ибо этот мир погряз в грехе и беззаконии, и только Шуресиг может помочь ему и вытащить его из трясины". В качестве средства для этого его теперь просят, по его великой милости, благословить эти пилюли, чтобы они могли освободить от сферы переселения тех, кто достигнет зрелости ума, придать им путем поглощения особый аромат его блистательной личности, чтобы они стали неотличимы от нее, как вода, влитая в воду, и т. д. и т. п.

"Эта церемония, которая является наиболее дорогостоящей и наиболее тяжелой для лам, совсем не распространена в ламасерствах Китая или Монголии и ограничивается большим ламасервием в Тибете; единственное ламасервие в Пекине, где она иногда проводится, - это Shih-fang-tang, к западу от Hsi-huang-tsu, за северной стороной города".

Вышеупомянутая церемония описывает символическое альвийское уныние, и наиболее правдоподобное объяснение заключается в том, что ламы, обнаружив, что торговля идет хорошо, а буддийские миряне готовы принять больше "амулетов", чем Великий Лама был в состоянии поставить без посторонней помощи, прибегли к этому поистине чудесному способу пополнения своих запасов.

Мистер Рокхилл объясняет, что слово "педунг", использованное в приведенном выше описании, означает "остатки". Принимая во внимание тот факт, что эти люди, хотя и отдаленно, связаны с арийским народом, который является предком английского, немецкого, ирландского, латинского и других народов, от которых мы произошли, значение, приведенное здесь, конечно, не лишено смысла. "Навоз" в нашем языке означает не более и не менее чем останки, *reliquiæ* определенного рода.

Вебстер возводит слово "навоз" к англосаксонскому *dung*, *dyncg*, *dincg*, - прирост; *Dyngan*, to *dung*; н.-германское *dung*, *dunger*; о.-германское *Tunga*; шв. *Dynga*; датское - *Dyng* и *Dyngd*; исландское - *Dyngia* и *Dy*. Это указывает на то, что оно является по сути индогерманским по типу и может быть справедливо сопоставлено со словами "pedung" и "dung-rus" из рукописи г-на Рокхилла.

В стране Ур Халдейский, которая была родиной Авраама (Быт. xi. 2), царствовал царь, "отец Дунги". Точное значение имени "Дунги" до сих пор не известно. Имя самого царя, как ни странно, было "Уреа" или "Ури" - его читают и так, и эдак. Его дата была определена в 3 000 лет до нашей эры.

Информация в предыдущем абзаце была предоставлена профессором Отисом Т. Мейсоном из Национального музея, Вашингтон, округ Колумбия.

Ленорман считает его очень древним - "древнейшим из вавилонских царей", "царем, который может соперничать в древности со строителями египетских пирамид, например, Дунги" ("Халдейская магия", с. 333).

Смит относит его к дате не менее 2 000 лет до н. э. - ("Assyrian Discoveries", New York, 1876, p. 232.)

Мистер У. У. Рокхилл, в течение шести лет являвшийся секретарем легации Соединенных Штатов в Пекине, - член Восточного общества и ученый высочайшего уровня, особенно в том, что касается языков, обычаев и религий Китая и Тибета, по которым он много путешествовал.

Священные пилюли, подаренные им автору, были заключены в серебряный ковчег, искусно отделанный и украшенный; по размеру они были примерно как перепелиная дробь; их цвет был почти оранжевым, или между ним и охристо-красным.

Благодаря любезности генерального хирурга Джона Мура из армии США, они были проанализированы доктором Мью из армии США со следующими результатами: - "18 апреля 1889 года.

"18 апреля 1889 года.

"Я нашел время, чтобы изучить рацион Великого Ламы, и хочу сказать, что не нахожу в нем ничего примечательного. Он питался фарной диетой, так как я обнаружил с помощью микроскопа большое количество непереваренного крахмала в поле, наличие которого я проверил обычным йодным тестом, который дал обильную реакцию.

"Также присутствовало много целлюлозы или того, что казалось целлюлозой, из чего я заключил, что использованная мука (которая была пшеничной) была грубого качества и, вероятно, сделана не в Миннесоте".

Небольшая реакция на желчь показала, что желчные протоки не закупорены". На эти анализы ушло четыре очень маленьких таблетки ордура ламы.

"С большим уважением и искренне ваш,

(В. М. Миу".

IX. СТЕРКОРАНИСТЫ.

То, что христианская полемика не была полностью свободна от подобных идей, может быть убедительно показано любому, у кого есть досуг изучить различные фазы дискуссии о доктрине Евхаристии.

Слово "stercoranistes" или "stercorarians" не встречается в последнем издании Британской энциклопедии, но в издании 1841 года оно определяется следующим образом:

"Стеркорарианцы, или стеркоранисты, образованные от *stercus*, "навоз", название, которое представители римской церкви первоначально дали тем, кто считал, что хозяин подлежит перевариванию и всем его последствиям, как и другая пища". Это определение было дословно скопировано в "Циклопедии искусств, наук и литературы" Риса, Филадельфия.

Спор о "стеркоранизме" начался в 831 году, после появления богословского трактата монаха по имени Пасхазий Радберт (см. "Институты церковной истории" Джона Лоренса фон Мосхайма в переводе Джона Мердока, доктора философии, Нью-Хейвен, 1832, т. ii. с. 104 и далее).

Грубо чувственная концепция присутствия тела Господа в таинстве, согласно которой это тело съедается, переваривается и выводится из организма, как обычная пища, является древней, хотя и не встречается ни у Оригена, ни, возможно, у Рабануса Мавра. Она, несомненно, возникла в среде лжеучителей, современных или более ранних, чем Рабанус Маурис, которых осуждает Пасхазий Радберт: "*Frivolum est ergo in hoc mysterio cogitare in stercore ne commisceatur in digestionem alterius cibi*" (*De Corp. et Sanguin. Domin. cap. 20*). Однако он не применяет термин "стеркоранисты" к своим оппонентам. Первым это слово употребил кардинал Гумберт. Он использовал его в полемике против Никетаса Пектората, написанной в поддержку азимитизма и т. д. Из этого источника слово вошло в общее употребление. - (Schrockli Kirchengesch. XXIII. 429, 499; Herzog, Real Encyclop., s. v.; McClintock and Strong, Cyclop. of Biblical, Theological, and Ecclesiastical Literature, New York, 1880; см. также Schaff-Herzog, "Cyclopædia of Religious Knowledge", New York, 1881, статья "Stercoranistes").

(Stercoranistes.) (Hist. Eccles.) "Nom que quelques écrivains ont donné a ceux qui pensoient que les symboles eucharistiques étoient sujets à la digestion et à toutes ses suites de même que les autres nourritures corporelles..... Ce mot est dérivé du Latin, 'stercus', excrement. О существовании этой ошибки не говорят. Президент Мангуэн приписывает его Амальеру, автору Нового времени..... А кардинал Гумберт в своем ответе Ницетасу Пекторату называет его чистым стеркоранистом, поскольку тот считает, что восприятие врага не может не радовать. Далее Алгер приписывает грекам ту же ошибку. Но эти обвинения не имеют под собой оснований, так как ... Амальер предлагает в качестве истины вопрос о том, чтобы евхаристические продукты считались обычными продуктами питания; но он не решает его. Ницета утверждает также, что евхаристия сохраняет иудаизм, так как в эписпах остается некая питательная способность, так как после совершения евхаристии они могут получать другие продукты; однако он не допускает последствий, которые вменяет ему кардинал Гумберт. Не стоит забывать и о том, что другие греки были погребены в этой ошибке. Св. Жан Дамаскин обескуражен. Так или иначе, существует ли стеркоранизм или нет, но протестанты не могут ущемлять себя в правах против присутствия, так как это заблуждение предполагает, что оно не нарушается" (Боев М. Wuitass, traité de l'Eucharistie, première partie, quest. 2, art. 1; p. 416 et suiv. Encyclop. ou Diction. Raisson. des Sciences, des Arts, et des Metiers, tome quinzième, Neufchatel, 1765, art. "Stercoranistes").

"Si qui fuerunt, fuere nonnulli nono sæculo, qui Corpus Christi quod in Eucharistia continetur secessui, ac defectioni obnoxium esse putabat ita ut corruptis speciebus et ipsum Corpus Christi corrumperatur."-("Dict. of Sects and Heresies," etc., T. H. Blunt, Oxford, 1874, где приводится ряд ссылок.)

"Stercorantistarum, nomen non sectæ, sed convitii fuit."- (Baronius, "Annales", Lucca, 1758.)

Stercoranisme. Стеркоранисты. Стеркус. "Член секты, поддерживавшей идею о том, что продукты Евхаристии перевариваются и превращаются в экскременты, как и другие продукты" (Encyclop.).

"On a désigné dans le XIX. siècle sous le nom de Stercoranistes, les théologiens qui niaient que la substance du pain et du vin fut changée dans l'Eucharistie au corps et au sang de Jesus Christ."

"Все, что входит в букет, спускается в желудок и попадает в рот".

"Prétendirent que le corps et le sang de Jésus Christ, avaient pris la place de la substance du pain et du vin, ils devraient subir les mêmes accidents qui seraient arrivés à cette substance si elle avait été receue par le communiant."- (P. Larousse, "Grand Dictionnaire Universel", Paris, 1875.)

Бранд в своей "Энциклопедии науки, литературы и искусства", статья "Стеркоранизм", говорит: "Прозвище, которое, кажется, применялось в западных церквях в пятом и шестом веках к тем, кто придерживался мнения, что в освященных элементах происходило изменение, чтобы сделать божественное тело подвластным акту пищеварения". За более полным изложением он отсылает к "Церковной истории" Мосхайма.

Те же идеи были распространены среди неграмотных, как само собой разумеющееся.

Первое Евангелие от младенца Иисуса Христа, похоже, было принято гностиками второго века как каноническое, и в том же смысле его принимали Евсевий, Афанасий, Златоуст и другие отцы и писатели Церкви. Путешественники из Египта рассказали Созомену, что слышали в этой стране о чудесах, совершенных водой, в которой был омыт младенец Иисус.

Согласно Ахмеду бен Идрису, это Евангелие использовалось на Востоке наряду с другими Евангелиями, а Окобий де Кастро утверждает, что во многих церквях Азии и Африки оно читалось исключительно. (См. Введение в "Апокрифический Новый Завет", Уильям Хоун, Лондон, 1820). Но, с другой стороны, все апокрифы были осуждены папой Геласием в пятом веке; и этот интердикт не был отменен до времен Павла IV в шестнадцатом веке (см. Bunsen, "Analecta", Hamburg, 1703).

В следующих отрывках можно заметить, что описанные чудеса происходили либо от самих пеленальных пеленок, либо от воды, в которой они были очищены; из этого следует вывод, что выделения Христа, как и во многих других случаях, считались панацеей, а также обладали чудодейственными свойствами.

Мадонна дала одну из пеленок Христа восточным мудрецам, посетившим его; они взяли ее домой, "и, разложив огонь, по обычаю своей страны, поклонились ему..... И бросив пелену в огонь, огонь взял ее и сохранил" (1 Инф. iii. 6, 7).

О финском божестве Вайнмойнене мы читаем, что "пот, капавший с его тела, был бальзамом от всех болезней". Такими же свойствами обладал пот египетского бога Ра ("Халдейская магия", Lenormant, p. 247, цит. по Kalewala, ч. 2, p. 14).

По прибытии в Египет после перелета - "Когда святая Мария омыла пеленки Господа Христа и повесила их сушиться на столб... некий мальчик... одержимый дьяволом, снял одну из них и надел себе на голову. И вскоре бесы стали выходить из его рта и улетать в виде воронов и змей. И с этого времени мальчик был исцелен силой Господа Христа" (1 Инф. iv. 15, 16, 17).

"На обратном пути из Египта Христос исцелил поцелуем одну женщину, на которую проклятый сатана... набросился... в виде змеи. На следующий день та же женщина принесла благоуханную воду, чтобы омыть Господа Иисуса; омыв Его, она сохранила воду. И была девица, тело которой было бело от проказы, которая, будучи окроплена этой водой, тотчас очистилась от своей проказы" (1 Инф. vi. 16, 17).

Другой пример точно такого же рода приводится в 1 Инф. vi. 34. См. также 1 Инф. ix. 1, 4, 5, 9; x. 2, 3; xii. 4, 5, 6. "А в Матарее Господь Иисус вызвал колодец, в котором святая Мария омыла Его плащ". И бальзам производится или выращивается в той стране из пота, который стекал туда с Господа Иисуса."- (Евангелие от младенца, viii.: "Апокрифический Новый Завет", Уильям Хоун, Лондон, 1820, с. 47).

"В Ирландии слабых детей берут пить омовение, то есть воду и вино, которыми ополаскивают потир после того, как священник принял причастие, - эффективность этого действия обусловлена тем, что в чаше незадолго до этого находилось тело нашего Господа". (См. "Народная медицина", Блэк, Лондон, 1883, стр. 88.) Такое же средство было в ходу и в Англии, причем в каждом случае от коклюша.

Все это похоже на смешение двух отдельных течений мысли; сравните с этим примечания к выражению из Ювенала "Priapo ille bibit vitreo", стр. 428, а также к канонам Бове на стр. 429.

"Ответвление хлыстов, известное как "шакуни", или прыгуны, открыто исповедовало разврат и распутство в избытке..... Другие их обряды презренны и отвратительны; их вождь - живой Христос, и их общение состоит в объятиях его тела, - обычные ученики могут поцеловать его руку или ногу; тем, кто более ревностен, он предлагает свой язык."-("Русская церковь и русское расколуечение", Альберт Ф. Херд, Нью-Йорк и Лондон, 1887, стр. 261-262.)

Приведенная выдержка взята из "Mélusine" (Gaidoz), Париж, 5 мая 1888 года.

ДАЛАЙ-ЛАМА ИРЛАНДИИ.

"По случаю журналистских реликвий Далай-ламы, в которых он находит пилюли для дэвотов, историю, которую импримеры "Ревью" не могли не "авалировать" (voir plus haut, col. 24), мистер У. Stokes nous a signalé un curieux passage des annales irlandaises. Мы считаем интересным перевести его здесь. Этот "акт любви" произошел в 605 году, и героем его был король Аэдх, которого звали Уайриднах[14].

"В один прекрасный день он проходит, не будучи еще королевским принцем, по территории Отхайн-Муира; он опускает свои руки в реку, пересекающую территорию города. Othain - это название реки, и именно отсюда город получил свое название. Он берет воду, чтобы выровнять фигуру. Один из его друзей апестовывает его. 'Roi, dit-il, ne mets pas cette eau sur ton visage.' 'Quoi donc?' dit le roi. 'J'ai honte de le dire,' dit-il. 'Quelle honte as-tu à dire la vérité?' dit le roi. 'Voici ce que c'est,' dit-il; 'c'est sur cette eau que se trouve le *water-closet* des clercs. 'Est-ce ici, que vient le clerc lui-même" (c'est à dire le chef des clercs) "pour se soulager?

"C'est ici même," dit le page. "Non seulement," dit le roi, "je mettrai cette eau sur ma figure, mais j'en mettrai dans ma bouche, et j'en boirai" (et il en but trois gorgées); "car l'eau où il se soulage vaut pour moi l'eucharistie.

"Это было рассказано Муире (шефу священников), и он воздал благодарность Дью за то, что Аэдх имел такую же любовь; и он обратился к Аэдху и сказал: 'Cher fils, en récompense de ce respect que tu as montré à l'Église, je te promets, en présence of Dieu, que tu obtiendras bientôt la royauté d'Irlande, que tu auras victoire et triomphe sur tes ennemis, que tu ne mourras pas de mort subite,[15] que tu recevras le corps de Christ de ma main, et je prierai le Seigneur pour toi, pour que ce soit la vieillesse qui t'enlève de cette vie.'

"Ce fut peu de temps après après cela qu'Aedh obtint la royauté d'Irlande et il donna des terres fertiles à Muira d'Othain"[16].

"Чтобы лектор не забывал об этом, летописец, сам Клерк, излагает эту историю. В итоге она отдает честь святости короля и говорит о том, что "уважение, проявленное к Церкви... принесло ей воздаяние". Все, что происходит с людьми Дьявола, участвует в действии священного образа Дьявола, который они представляют.

"Если мы попытаемся завершить это расследование иератической скатологии, то, несомненно, обнаружим, что все эти взгляды и обычаи, противные нашей цивилизованности, вполне оправданы в одном смысле, если мы примем точку отсчета, если не осуждать логику, и тем более, если осознать, что потребность в пищеварении не является инстинктивной по отношению к цивилизованной жизни и социальным привычкам. Люди, которые не моются, чувствуют себя не так, как мы, и, тем более, не чувствуют всего; и наши предки в эпоху пещер не имели определенно более тяжелого запаха. Уверяют, что в Намасе, племени горянки, шаман, заключивший брак, вдыхает мочу своих супругов. Это вытесняет нашу биологическую воду. Шаман - это, в сущности, "человек Дьявола", par excellence; так как, когда он живет в этих дезордонированных местах, которые являются частью культа, мы думаем, что Дьявол спустился к нему, не в форме, а в реальности.

"Это также относится и к использованию лингвистики жителями Самоа в Полинезии. Когда женщина вступает в брак, она обращается с приветствиями к богу семьи отца и к богу семьи

матери. Когда ребенок рождается, мать спрашивает, какому богу он собирался поклониться в этот момент. Она делает заметку, и этот человек становится в некотором роде "покровителем" ребенка на протяжении всей его жизни.

"В знак уважения к этому умершему младенец называется "сыном", а в детстве - "пети-ном", "господином Тонго", "господином Сатиа" или "любим другим умершим", в зависимости от случая. Форма груба, но намерение, при всей своей материальности, является частью чувства уважения и почтения к божеству".

Последние два абзаца взяты из работы миссионера Тернера, который прожил семнадцать лет на островах Полинезии ; они опубликованы в его книге "Самоа", Лондон, 1884, с. 79. Но в той же книге, изданной под названием "Полинезия", Лондон, 1861, она была исключена.

Мать короля Уганды пригласила Спика навестить ее и выпить помбе, туземное вино из подорожника; когда она случайно пролила немного этого вина, слуги "мгновенно передрались из-за него, вытирая носы о землю или хватая его руками, чтобы не потерять ни атома благосклонности королевы; ведь все, что исходит от королевской власти, должно быть обожаемо, будь то намеренно или случайно". (Speke, "Nile", London, 1863, vol. ii. p. 313.) Это снова дело Великого Ламы и ничего больше.

У жителей Мадагаскара есть ежегодный праздник величайшей торжественности, во время которого не разрешается забивать скот, "что означает, что его нельзя есть, так как мясо на Мадагаскаре не хранится двадцать четыре часа". Этот праздник называется "Баня королевы" и проходит с большим парадом. "Когда вода нагрелась, королева спустилась вниз и вошла в занавешенное пространство. Через несколько мгновений артиллерийские залпы возвестили народу, что королева принимает ванну. Еще через несколько минут она появилась вновь, роскошно одетая и украшенная драгоценностями. Она несла рог, наполненный водой для купания, которой она окропила всю компанию" ("Ивнинг Стар", Вашингтон, округ Колумбия, цит. по "Транскрипт", Бостон, Массачусетс).

То, что правитель племени или народа каким-то образом связан с божествами, которым поклоняется племя или народ, и является их представителем, - это форма человекопоклонничества, которая наиболее полно проявляется в почитании Великого Ламы; но ни одна часть мира не была свободна от него, и среди наших предков оно упорно держалось в мнении, так долго распространенном по всей Европе, что прикосновение руки короля излечит золотуху. Эта целебная сила приписывалась также женщинам в определенном состоянии.

"Некоторые считали, что золотушные язвы излечиваются прикосновением менструирующей женщины" (Плиний, издание Бона, lib. 28, cap. 24).

"Индусская жена находится в раю по сравнению с индусской вдовой. Состояние жены достаточно плохое. Будучи рабыней своего мужа, она ест после того, как он закончил, и доедает то, что осталось. У нее нет никакого образования, и единственная надежда на спасение - это он. Она стоит, пока он сидит в доме; и она не может, если живет в глубинке, пойти на Ганг и искупаться в священной воде. Мне рассказывали, что во многих случаях она считает за честь омыть ноги своего мужа после его возвращения и думает, что, выпив воды, получает отпущение грехов" - (Фрэнк Г. Карпентер, в "Уорлд", Нью-Йорк, 30 июня 1889 г.).

"Пирр, царь Эпира, обладал способностью излечивать людей, страдавших от увеличенной селезенки, просто надавливая правой ногой на эту внутренность" ("The Physicians of the

Middle Ages", T. C. Minor, M.D., Cincinnati, Ohio, 1889, p. 5. Перевод книги "Le Moyen Age Médical" д-ра Эдмона Дюпуи).

Х. ВАКХИЧЕСКИЕ ОРГИИ ГРЕКОВ.

Вакхические оргии греков, хотя они и не были строго ассимилированы с ур-оргиями, едва ли могут быть пропущены в этой связи.

Монфокон описывает омофаги греков: "Les Omophagies étoient une festte des Grecs qui passoient la fureur Bacchique; ils s'entortilloient, dit Arnobe, de serpens et mangeoient des entrailles de Cabri crues, dont ils avaient la bouche toute ensanglantée; cela est exprimée par le nom Omophage. Мы видим, что некоторые люди все поголовно поклоняются змеям и особенно Митре" (Montfaucon, "L'Antiquité expliquée", tome 2, book 4, p. 22).

Упоминания о змеепоклонничестве любопытны, если учесть, что подобные опические обряды до сих пор отмечаются у моки, соседей зуни, а когда-то существовали и у самих зуни. Упоминание *Митры*, похоже, подразумевает, что эти оргии должны были быть известны персам так же, как и грекам.

Брайант, говоря о греческих оргиях, использует такой язык: "Как в оргиях Вакха, так и в обрядах Цереры, а также других божеств, одна из частей мистерий состояла в церемонии (*omophagia*), во время которой ели плоть довольно грубо, кровь. На Крите во время дионисийских праздников они разрывали зубами плоть живого животного" (Bryant, "Mythology", London, 1775, vol. ii. p. 12.).

И снова, на с. 13: "Мейнулы и вакхи поглощали сырые конечности животных, которые они отрезали или разрывали на части. На острове Хиос был религиозный обычай разрывать человека на части, чтобы принести его в жертву Дионисию. Из всего этого мы можем узнать одну печальную истину: едва ли найдется что-то настолько нечестивое и противоестественное, чтобы не преобладать временами" (Idem.).

Фабер говорит нам, что: "У критян был ежегодный фестиваль... в своем неистовстве они разрывали зубами живого быка и клеймили змей в руках" (Faber, "Pagan Idolatry", London, 1816, vol ii. p. 265).

ВАКХИЧЕСКИЕ ОРГИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ.

Эти оргии повторялись среди многих племен Северной Америки. Пол Кейн описывает инаугурацию Клия-Клаха, вождя племени клаллум (северо-западное побережье Британской Америки): "Он схватил маленькую собаку и начал пожирать ее живьем". Он также откусывал куски от плеч мужчин, стоявших рядом. (См. "Странствия художника по Северной Америке", Лондон, 1859, стр. 212; то же самое цитирует Герберт Спенсер в "Описательной социологии").

Говоря об этих церемониях, доктор Франц Боас отмечает: "Члены племен, практикующих церемонии хаматса, демонстрируют замечательные шрамы, полученные от укусов. На некоторых праздниках обязанностью хаматса является откусить кусок плоти от руки, ноги или

груди мужчины". ("Отчет о северо-западных индейцах Канады", в "Трудах Британской ассоциации содействия развитию науки", собрание в Ньюкасле-на-Тайне, 1889 г., стр. 12). Доктор Боас доказывает, что действия хаматса являются примером ритуального каннибализма. (См. idem, p. 55.) И, говоря о тайных обществах, наблюдаемых среди индейцев северо-западного побережья Великобритании, он отмечает, что каждое из них имеет свои собственные церемонии. "Нутлематль должен быть настолько грязным, насколько это возможно" (Idem, p. 54.).

Бернарден де Сен-Пьер в своих "Исследованиях природы" считает, что употребление в пищу собачьей плоти - это первый шаг к каннибализму, и, конечно, когда я перечисляю народы, которые я посетил и которые действительно, в большей или меньшей степени, ели человеческую плоть, и обнаруживаю, что среди них собаки неизменно считались деликатесом, я не могу не поверить, что в этой гипотезе есть доля истины". (Schweinfurth, "Heart of Africa", London, 1872, vol. i. p. 191.) Клаллумы, несомненно, в своих безумствах разрывали собак на куски как замену человеческой жертве более раннего периода их культуры.

Бэнкрофт описывает подобные оргии у чимсианов из Британской Северной Америки. (См. "Коренные народы Тихоокеанского склона", т. i. с. 171.) У знахарей нуткасов, как говорят, была оргия, во время которой "живые собаки и мертвые человеческие тела хватали и рвали зубами; но, по крайней мере, в более поздние времена, они, похоже, не нападали на живых, и их представления были несколько менее ужасными и кровавыми, чем дикие оргии северных племен" (Idem, vol. i. p. 202.).

Хайдахи, живущие на том же побережье, устраивают оргию, в которой исполнитель "хватает первую попавшуюся собаку, убивает ее и, отрывая куски ее плоти, съедает их" (Dall, цитируя Dawson, в "Masks and Labrets", Annual Report of the Bureau of Ethnology, Washington, D. C., 1886).

Описывая шесть тайных солдатских обществ или групп манданов, Максимилиан из Вида обращает внимание на трех лидеров одной группы, которых называли собаками, и которые "обязаны, если кто-то бросает кусок мяса в пепел или на землю, говоря: "Вот, собака, ешь", падать на него и пожирать его сырым, как собаки или хищные звери" (Maximilian, Prince of Wied, "Travels," &c., London, 1843, pp. 356, 446).

Дальнейшее умножение ссылок излишне. Вышеизложенного достаточно, чтобы установить существование почти одинаковых оргий в Европе, Америке и Азии - оргий, в которых увековечивалось ритуальное использование пищи, более не употребляемой населением, и, возможно, в память о былом состоянии каннибализма.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СОБАКИ КАК ЗАМЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯМ.

В этой главе не будет лишним показать, что собака почти всегда использовалась в качестве замены человека в жертвоприношении. Другие животные выполняли ту же функцию заместителя, но не в такой степени, особенно среди более диких рас. Для американских индейцев и других народов, находящихся на соответствующей стадии развития, такая замена не представляет собой логического несоответствия. Их религиозные представления настолько сильно окрашены *зоолатрией*, что назначение животных на роль божеств или жертв - самая естественная вещь в мире; но их вера не ограничивается идеей, что животное священо; она включает в себя, кроме того, осознание того факта, что *ликантропия* возможна, и что знахари обладают силой превращения людей в животных или животных в

людей. Такое убеждение было высказано писателю самым убедительным образом в деревне Зуны в 1881 году. Индейцы участвовали в одном из своих бесчисленных танцев и церемоний (возможно, не очень далеко от времени танца мочи), когда танцоры схватили маленькую собаку и разорвали ее на части, подвергая ее всем пыткам, которые только может придумать дикарская злоба и злобность. Объяснялось это тем, что несчастная собачка была "навахо", племенем, с которым зуны спазматически враждовали на протяжении многих поколений, и из чьих рядов, должно быть, благодаря военным удачам, им удавалось вытащить случайного пленника, чтобы подвергнуть его пыткам и принести в жертву.

Миссис Истман описывает "собачий танец" сиу, в котором собаки представляли чиппева, а их сердца сиу съедали сырыми.

XI.

ЯДОВИТЫЕ ГРИБЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В УР-ОРГИЯХ.

Индейцы, живущие на мысе Флэттери и в его окрестностях, на тихоокеанском побережье Британской Северной Америки, сохранили танец с мочой в необычайно отталкивающей форме. Как удалось узнать от мистера Кеннарда из Береговой службы США, с которым писатель имел удовольствие встретиться в Вашингтоне в 1886 году, знахари дистиллируют из картофеля и других ингредиентов мерзкий ликер, который оказывает раздражающее и возбуждающее действие на почки и мочевой пузырь. Каждый, кто отведал это блюдо, немедленно мочится и передает результат своему соседу, который пьет. Эффект - как описано выше, а также временное помешательство или бред, во время которого совершаются всевозможные безумные выходки. Последний человек, выпивший яд, пропущенный через пять-шесть товарищей, настолько ошеломлен, что впадает в мертвое оцепенение.

Точно такое же использование ядовитого гриба было описано у туземцев тихоокеанского побережья Сибири, по словам ученого доктора Дж. У. Кингсли (из Броум Холл, Скоул, Англия). Подобный обряд описывает Шульце. "Шаманы Сибири пьют отвар жабьего стула или мочу тех, кто одурманен этим растением" (Schultze, "Fetichism", New York, 1885, p. 52).

Ур-оргия коренных жителей Сибири должна быть полностью описана исследователями, работающими на российское правительство. В связи с этим автор обратился к почтенному Ламберту Три, американскому министру при дворе Санкт-Петербурга, который проявил горячий интерес к работе по извлечению из императорских архивов всего, что касается использования гриба в качестве уриноинтоксиканта. К сожалению, официальный срок пребывания мистера Три истек, и от него не было получено никакой информации для включения в эти страницы.

В этой связи следует выразить признательность г-ну Вурцу, американскому поверенному в делах в Санкт-Петербурге, а также его превосходительству российскому министру народного просвещения за вежливый интерес, проявленный к расследованиям, необходимым в связи с расширением оригинальной брошюры.

Кроме того, в Вашингтоне состоялись конференции с его превосходительством китайским министром и доктором Х. Т. Алленом, секретарем корейского легата, но, помимо выяснения

того факта, что в малой медицине этих стран все еще прибегают к экскрементальным средствам, полученная информация была скудной и малозначительной.

Поэтому приходилось полагаться на рассказы американских или английских исследователей, пользующихся непререкаемым авторитетом.

Джордж Кеннан описывает свадьбу, которую он видел в одной из деревень Камчатке: "После завершения церемонии мы удалились в соседнюю палатку и, выйдя на открытый воздух, были удивлены, увидев трех или четырех кораксов, кричащих и шатающихся в состоянии сильного опьянения, - праздновавших, как я полагаю, счастливую свадьбу, которая только что состоялась. Я знал, что во всей Северной Камчатке нет ни капли спиртного и, насколько мне известно, ничего, из чего его можно было бы приготовить, и для меня было загадкой, как им удалось так внезапно, основательно, безнадежно, неоспоримо опьянеть. Даже любимое Россом Брауном Уошо с его салунами "Воющая пустыня" не смогло бы выдать более достойных образцов опьяненного человечества, чем те, что были перед нами.

"Возбуждающее средство, чем бы оно ни было, несомненно, действовало так же быстро и давало такие же результаты, как любые "путанные ноги" или "молнии в бутылках", известные современной цивилизации".

"Поинтересовавшись, мы к своему изумлению узнали, что они ели разновидность растения, известную в народе как "поганку". В Сибири есть особый гриб этого класса, известный туземцам как "мук-а-мур", и поскольку он обладает активными опьяняющими свойствами, его используют в качестве стимулятора почти все сибирские племена.

"Принятый в больших дозах, он является сильным наркотическим ядом, но в малых дозах он производит все эффекты алкогольного напитка".

"Однако его привычное употребление полностью разрушает нервную систему, и поэтому продажа его русскими торговцами туземцам была квалифицирована российским законодательством как уголовное преступление. Несмотря на все запреты, торговля им по-прежнему ведется тайно, и я видел, как за один гриб покупали меха на двадцать долларов.

"Кораки собирали бы его сами, но для его роста требуется древесина, а ее не найти в бесплодных степях, по которым они кочуют; поэтому они вынуждены покупать его по огромным ценам у русских торговцев. Возможно, это странно звучит для американских ушей, но приглашение, которое делает завсегдатай Корака своему проходящему мимо другу, звучит не как "Заходи и выпей", а как "Не зайдешь ли ты и не возьмешь ли жабку?" - не очень заманчивое предложение, возможно, для цивилизованного топера, но оно оказывает магическое воздействие на рассеянного Корака. Поскольку предложение этих жаб ни в коей мере не соответствует спросу, коракская изобретательность проявляется в стремлении сэкономить драгоценный стимулятор и сделать его как можно более действенным.

Иногда в ходе человеческих событий возникает настоятельная необходимость, чтобы вся группа напилась вместе, а у них есть только один жабий стул, чтобы сделать это". За описанием того, как эта группа напивается коллективно и индивидуально на одном грибе и держится в пьяном виде целую неделю, любопытного читателя отсылают к "Гражданину мира" Голдсмита, письмо 32.

"Справедливости ради следует сказать, что эта ужасная практика почти полностью ограничивается оседлыми коряками залива Пензшинк - самой низкой, самой деградирующей частью всего племени. Возможно, она в какой-то степени распространена среди кочующих туземцев, но я не слышал не об одном подобном случае за пределами

поселений Пензшинского залива" ("Палаточная жизнь в Сибири", Джордж Кеннан, Нью-Йорк и Лондон, 1887, стр. 202-204).

Оливер Голдсмит говорит о "любопытном обычае" среди "татар Кораки..... Русские, которые торгуют с ними, привозят туда разновидность грибов..... Эти грибы богатые татары закладывают на зиму в больших количествах; и когда знатный человек устраивает грибной пир, на него приглашаются все соседи вокруг. Грибы готовятся путем кипячения, в результате чего вода приобретает опьяняющее свойство, и это своего рода напиток, который татары ценят больше всех остальных. Когда дворяне и дамы в сборе, и церемонии, обычные между людьми знатного рода, закончены, грибной бульон свободно расходуется по кругу, и они смеются, говорят *двусмысленные слова*, становятся пушистыми и превращаются в отличную компанию. Бедняки, которые любят грибной бульон до умопомрачения, как и богачи, но не могут себе его позволить, в таких случаях располагаются вокруг хижин богачей и следят за возможностью дам и джентльменов, когда те спускаются, чтобы пропустить свой ликер, и, держа деревянную миску, ловят вкусную жидкость, очень мало измененную фильтрацией, но все еще сильно настоянную на опьяняющем свойстве. Из нее они пьют с превеликим удовольствием, и таким образом становятся такими же пьяными и веселыми, как и их друзья.

"Счастлирое дворянство!" - воскликнул мой спутник, - "которое не боится уменьшения уважения, пока не заболеет странгурией, и которое, когда пьяно, очень полезно! Хотя у нас нет такого обычая, я предвижу, что если бы он был введен, то в Англии нашлось бы немало жабоедов, готовых пить из деревянной чаши по такому случаю и восхвалять вкус спиртного его светлости. Поскольку у нас есть разные классы дворянства, кто знает, может быть, мы увидим лорда, протягивающего чашу министру, рыцаря, протягивающего ее его светлости, и простого сквайра, пьющего ее, дважды перегнанную из рыцарских чресл?" - (Оливер Голдсмит, "Письма гражданина мира", № 32. Основано на "Историко-географическом описании северной и восточной части Европы и Азии" Филипа Ван Страленбурга, Лондон, 1736, с. 397).

"Аманита мускари" обладает опьяняющим свойством и используется северными народами в качестве опьяняющего средства. Ниже приводится описание Лангсдорфа, переданное Гревиллом: "Эта разновидность *Amanita muscaria* обладает опьяняющим свойством и используется северными народами как опьяняющее средство.

"Эта разновидность *Amanita muscaria* используется жителями северо-восточных районов Азии так же, как вино, бренди, аррак, опиум и т.д. у других народов. Эти грибы в изобилии встречаются в Вишне, Камчатке и Виллове Дереконе, причем в одно время года они очень многочисленны, а в другое - скудны. Их собирают в самые жаркие месяцы и подвешивают на веревке, чтобы они высохли на воздухе; некоторые высыхают на земле и, как говорят, гораздо более наркотические, чем те, что сохраняются искусственно. Считается также, что маленькие экземпляры глубокого цвета, покрытые бородавками, обладают более сильным действием, чем экземпляры большего размера и более бледного цвета.

"Обычный способ употребления гриба - свернуть его в виде болтушки и проглотить, не разжевывая, что, по мнению камтчкадалов, приводит к расстройству желудка.

"Иногда его едят свежим в супах и соусах, и тогда он теряет большую часть своего опьяняющего свойства. Когда его заваривают в соке ягод *Vaccinium uliginosum*, он действует как крепкое вино". Один большой и два маленьких гриба - обычная доза, чтобы вызвать

приятное опьянение на целый день, особенно если после этого выпить воды, которая усиливает наркотический принцип.

"Желаемый эффект наступает через один-два часа после приема гриба. Головокружение и опьянение наступают так же, как от вина или спиртных напитков; сначала появляются веселые эмоции ума, лицо становится румяным, следуют произвольные слова и действия, а иногда, наконец, полная потеря сознания. Он делает некоторых необычайно активными, и оказывается очень стимулирующим к мышечным нагрузкам. Слишком большие дозы вызывают сильные спазмолитические эффекты. Этот гриб настолько сильно возбуждает нервную систему некоторых людей, что его последствия часто бывают просто смехотворными. Если человек под его влиянием хочет перешагнуть через соломинку или небольшую палку, он делает шаг или прыжок, достаточный для того, чтобы перемахнуть через ствол дерева. Болтливый человек не может хранить молчание или секреты, а любитель музыки постоянно поет.

"Самым необычным эффектом *аманита* является его влияние на мочу. Говорят, что с незапамятных времен жители знали, что гриб придает этой секреции опьяняющее свойство, которое сохраняется в течение значительного времени после его приема. Например, человек, умеренно опьяневший за день, к следующему утру будет спать трезвым, но (по обычаю), выпив чашку своей мочи, он опьянеет сильнее, чем накануне. Поэтому нередко закоренелые пьяницы берегут свою мочу как драгоценный напиток на случай нехватки гриба.

"Опьяняющее свойство мочи способно распространяться, поскольку каждый, кто принимает ее, подвергается аналогичному воздействию. Таким образом, с несколькими *Amanitæ* компания пьяниц может продолжать свой дебош в течение недели". Доктор Лангсдорф упоминает, что если второй человек принимает мочу первого, третий - второго и так далее, то опьянение может распространяться через пять человек" (English Cyclop., London, 1854, vol ii., "Natural History", article "Fungi". London: Bradbury and Evans.)

"Они устраивают пиры, когда одна деревня приглашает другую, либо по случаю свадьбы, либо после обильной рыбалки или охоты. Хозяева развлекают своих гостей большими чашами опонга, пока у всех не начнется рвота; иногда они используют ликер из большого гриба, которым русские убивают мух. Его готовят с соком эпилобиума или французской ивы. Первый признак того, что на человека подействовал этот ликер, - дрожь во всех суставах, а через полчаса он начинает бредить, как в лихорадке; при этом он либо весел, либо меланхолично безумен, в зависимости от своей конституции. Некоторые прыгают, танцуют и поют; другие плачут и испытывают ужасные муки, маленькая дырочка кажется им огромной ямой, а ложка воды - озером; но это следует понимать в отношении тех, кто принимает его в избытке; ведь принятый в небольшом количестве, он поднимает настроение, делает их бодрыми, смелыми и веселыми.

"Замечено, что всякий раз, когда они едят это растение, они утверждают, что, какие бы глупости они ни совершали, они лишь повиновались велениям гриба; однако употребление его настолько опасно, что, если за ними хорошо не присматривать, это приведет к гибели многих из них". Камчадалы не очень любят рассказывать об этих пьяных забавах, и, возможно, постоянное употребление гриба делает его менее опасным для них. Один из наших казаков решил съесть этот гриб, чтобы удивить своих товарищей, что он и сделал; но с большим трудом ему удалось сохранить жизнь. Другой из жителей Камчатки, употребив этот гриб, вообразил, что он стоит на краю ада, готовый ввергнуться в него, и что гриб велел ему упасть на колени и сделать полное признание во всех грехах, которые он мог вспомнить, что

он и сделал перед большим числом своих товарищей, к их немалой потехе. Рассказывают, что один солдат из гарнизона, съев немного этого гриба, прошел большой путь без всякой усталости; но в конце концов, приняв слишком большое количество, он умер.

Мой переводчик выпил немного этого сока, сам того не зная, и так обезумел, что мы с трудом удержали его от того, чтобы не вспороть себе живот, поскольку, по его словам, гриб приказал ему это сделать".

Камчадалы и кореки едят его, когда решают кого-нибудь убить; а у кореков он в таком почете, что они не позволяют никому, кто напился его, разводить воду на земле, но дают ему сосуд для сохранения мочи, в котором его и пьют; и это оказывает такое же действие, как и сам гриб".

"В их стране этот гриб не растет, поэтому они вынуждены покупать его у камчадалов. Три или четыре штуки - умеренная доза, но когда они хотят напиться, то принимают десять. Женщины никогда не употребляют его, так что все их веселье заключается в шутках, танцах и пении" ("История Камчатки и Курильских островов" Джеймса Грива, доктора медицины, Глостер, Англия, 1764, стр. 207-209).

"Я не думаю, что моча будет храниться долго, а разложение уничтожит аманитин, который, как я полагаю, является опьяняющим принципом. Если я правильно помню, он был получен как алкалоид" (личное письмо д-ра Дж. У. Кингсли, Кембридж, Англия, от 18 августа 1888 г.).

"Если якут был хорошим и любящим супругом, он шел прямо домой и выбрасывал содержимое своего желудка в сосуд с водой, который затем выставлял за дверь, чтобы он остыл и собрался; и из обильной, плавающей рвоты его жена и дети после этого наслаждались сытным обедом. Счастливый обладатель желудка, полного водки, в благожелательном настроении может таким же образом избавиться от части своего изобилия, за вычетом воды, и далеко на востоке, среди чучхе, семьи часто бывают до опьянения угощены естественным выделением жидкости из тел удачливых выпивох..... Для самих туземцев это самый отвратительный институт, и если какой-нибудь христианский миссионер будет серьезно искать новое поле для работы, я могу заверить его, что ни одна почва не нуждается в более отчаянной обработке, чем страна чучхе" ("В дельте Лены", Джордж В. Мелвилл, главный инженер военно-морского флота США, Бостон, Массачусетс, 1885, стр. 318).

"*Amanita muscaria* использовалась как яд для мух, отсюда и ее вульгарное название. М. Поке утверждает, что климат не изменяет ее ядовитых свойств. Царь Алексей умер от ее употребления, но камчатцы едят ее, или, как говорят, делают это, как и русские. В Сибири его используют как опьяняющее средство. Кук говорит, что его принимают в виде болюса, и что его действие сочетается с действием алкоголя и хащиша. Жидкая секреция (моча) приобретает свойство опьянять, и это свойство сохраняется в течение значительного времени. Человек, опьяневший в один день и спавший трезвым на следующий, выпив примерно чашку этого напитка, становится таким же опьяневшим, каким был до этого..... Для этого в Сибири сохраняют мочу..... Опьяняющее свойство может быть передано любому человеку, который принимает... до третьей, четвертой и даже пятой дистилляции" (М. С. Cook, "British Fungi", London, 1882, pp. 21, 22).

Генри Ламзделл ("Через Сибирь", Лондон, 1882, т. ii. с. 645) описывает "мухомор". Он говорит, что коряки используют его для получения опьянения. "Гриб настолько силен, что туземец, съевший его, остается пьяным в течение нескольких дней; и в результате процесса, слишком

отвратительного для описания, полдюжины человек могут последовательно опьянеть от воздействия одного гриба, каждый в меньшей степени, чем его предшественник".

Кораки готовят "мук-а-мур", замачивая его. Через несколько минут счастливчики основательно пьянеют и напиваются до такой степени, что вынуждены избавляться от излишков, и тогда более бедные люди стоят наготове с чашами для сбора жидкости, которую они пьют и, в свою очередь, пьянеют. Таким образом, от спиртного, выпитого одним человеком, иногда пьянеет целое поселение" (Richard J. Bush, "Reindeer, Dogs and Snow-Shoes", London, no date, p. 357).

Сальверте отводит две страницы описанию действия "мухомора" или "муча-мор" русских; он показывает, как он подталкивает людей к совершению убийств, самоубийств и других эксцессов, но не делает никаких намеков на употребление мочи, хотя цитирует Гмелина, Крахениникофа и Бениовского, все из которых должны были быть знакомы с ее особыми свойствами. По мнению Сальверте, употребление этого гриба вполне можно отнести к категории священных интоксикантов (см. "Философия магии", Эусебе Сальверте, Нью-Йорк, 1862, т. ii. с. 19, 20).

"До завоевания они редко употребляли для питья что-либо, кроме воды, но когда они веселились, то пили воду, простоявшую некоторое время на грибах; но об этом позже" ("История Камчатки и Курильских островов", Джеймс Грив, доктор медицины, Глостер, Англия, 1764, с. 195).

См. предыдущую цитату того же автора.

Простое упоминание о торговле русских и камчадалов с коряками *Agaricus muscarius* можно найти в "Langsdorf's Voyages", London, 1814, vol. ii. p. 318. "Говорят, что гриб, который они добывают в Камтчадалесе, они предпочитают бренди в качестве средства для возбуждения или опьянения". (Idem, p. 320.) Он добавляет: "Некоторые мои замечания по этому вопросу можно найти в "Анналах Общества содействия познанию естественной истории"" (Idem, p. 321).

"Употребление опьяняющего гриба в Сибири и мочи, приправленной им, упоминается в "Истории Камчатки" Стеллера, которая, как я полагаю, является самым ранним и лучшим авторитетом в этом вопросе" (личное письмо достопочтенного Джона С. Хиттелла, Сан-Франциско, 24 апреля 1888 г.).

Хотя рассказ Грива в основном заимствован у Стеллера, были предприняты все усилия, чтобы найти последнего автора и изучить его собственный язык. Экземпляр, принадлежавший Библиотеке Конгресса, был утерян, и найти его не удалось; но обширная арктическая библиотека генерала А. В. Грили, американской армии, полярного исследователя, была любезно предоставлена в распоряжение автора, и там оказался давно желанный том, переведенный г-ном Буннемайером, которому мы выражаем самую горячую благодарность.

Георг Вильгельм Стеллер родился 10 марта 1709 года в Винсхайме. В 1734 году он отправился в Россию, где стал адъютантом и членом Императорской Академии наук. В 1758 году ему было поручено исследовать Камчатку, особенно ее естественную историю. После того как выполнил задание и совершил путешествия в другие регионы, он дважды пытался вернуться в Санкт-Петербург, но каждый раз получал приказ вернуться в Иркутск, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения. Во второй раз он не доехал до Иркутска, но замерз

на смерть, когда его охранник зашел в придорожный трактир, и был похоронен в Тумене в ноябре 1746 года. Ниже приводятся его высказывания о ядовитых грибах: "Среди шампиньонов в большом почете ядовитая поганка, называемая по-русски муча-мура. На русском остроге он давно уже не в ходу, но тем более употребляется в окрестностях Циля и к корякской границе. Этот гриб сушат и глотают большими кусками, не разжевывая, запивая большим количеством холодной воды. В течение получаса наступает буйное опьянение и странные галлюцинации. Коракийцы и джукагири еще больше пристрастились к этому пороку и при любой возможности покупают гриб у русских. Те, кто слишком беден для этого, собирают мочу тех, кто находится под воздействием наркотика, и пьют ее, от чего пьянеют и буйствуют не меньше.

Моча одинаково эффективна для четвертого и пятого человека". Олени часто поглощают эти грибы с большой жадностью, становятся пьяными и дикими, и в конце концов впадают в глубокий сон. Когда оленя находят в таком состоянии, его не убивают, пока не пройдет действие наркотика, так как в противном случае его мясо при употреблении в пищу вызовет такое же безумное опьянение, как и сам гриб".

"О танцах и обычаях, которые вы описываете как существующие среди сибиряков, я ничего не знаю. Я не видел и не слышал о нем. Я не думаю, что в стране чукчей есть хоть один вид грибов. Земля абсолютно бесплодна. Я прожил в палатках этого народа семь или восемь месяцев, и они никогда не обращали на меня внимания как на чужака, не скрывали от меня своих обычаев. Они устраивали передо мной свои представления с барабанами и лекарствами, как будто я был одним из них. Обычай, на который вы ссылаетесь, может преобладать среди якутов и чукчей, но я считаю более вероятным, что он существует у северо-западных племен, таких как самоеды или остяки" (личное письмо исследователя Арктики У. Х. Гилдера, автора книги "Поиски Шватки" и др.)

Прошлой осенью капитан Хили с каботажного судна "Медведь" привез сюда потерпевшего кораблекрушение моряка, которого спасли сибирские чукчи, с которыми он прожил около двух лет. Он описал их способ изготовления опьяняющего ликера следующим образом: летом грибы или грибницы собирались в большом количестве и съедались человеком, который, подобно нашим индейцам, готовился к пиршеству постом. Съев огромное количество грибов, он извергал их в сосуд, снова и снова набирал в него и выбрасывал в полуперебродившем или полупереваренном состоянии. Его проглатывали те, кто ждал напитка; кроме того, в него попала моча, что способствовало дебошу, приведшему к бешеному опьянению" (личное письмо хирурга Б. Дж. Д. Ирвина, армия США, от 28 апреля 1888 г., Сан-Франциско, штат Калифорния).

"Моряк Дж. Б. Винсент, которого я нашел у чукчей прошлым летом, говорит, что они собирают в своих палатках вид грибов, и во время карнавального сезона, соответствующего примерно нашим рождественским праздникам, выбирается один человек, который перемалывает их в большом количестве и запивает огромным количеством воды; затем он садится в свою оленью упряжку и едет из лагеря в лагерь, повторяя перемалывание и питье в каждом лагере, где его мочу пьют люди с эффектом опьянения. Прибытие этого человека люди встречают с большой помпой и церемонией. Моряк Винсент был свидетелем нескольких таких церемоний, и его принуждали присоединиться к оргиям, называя "мальчишкой", когда он отказался принять участие в них".

Камчадалы. "Раньше эти люди не пили ничего, кроме воды, а чтобы немного оживиться, пили настой грибов" ("Из Парижа в Пекин", Мейгнан, Лондон, 1885, стр. 281).

Д'Аутерош, совершивший в середине прошлого века путешествие из Петербурга в Тобольск в Сибири в соответствии с приглашением императрицы Екатерины для наблюдения за транзитом Венеры, не упоминает о грибных оргиях туземцев. В этнологическом смысле его труд не представляет особой ценности, поскольку в основном ограничивается описанием минеральных ресурсов пройденных регионов и лишь в малой степени затрагивает этнологию страны.

Странно, что Мальтебрун, хотя и знаком со Стеллером, не упоминает о грибной оргии. Зато он говорит о камчадалах: "Летом женщины уходят в лес собирать овощи, и во время этого занятия они предаются распутному безумию, подобному древних вакханок" ("Универсальная география", американское издание, Бостон, штат Массачусетс, 1847, т. i. с. 347, статья "Сибирь").

Книга Стэнли "Конго", Нью-Йорк, 1885 г., была тщательно изучена, но в ней не было найдено ни одного упоминания об использовании мочи или ордура.

Аналогичный опыт был получен с "Путешествиями" Джона Струйса, переведенными с голландского Джоном Моррисоном, Лондон, 1683, и с "Путешествиями Нордженскольда", переведенными Хоргаардом, Лондон, 1882.

Поскольку два последних путешественника попали в Сибирь, казалось вероятным, что они могли наткнуться на следы ур-оргий у некоторых диких племен, таких как коряки, чукчи и другие.

Мнение Сальверте о том, что этот гриб можно отнести к категории священных интоксикантов, подтверждается сравнением с показаниями потерпевшего кораблекрушение моряка Винсента, который, несомненно, может быть принят как самый компетентный свидетель, когда-либо представлявший себя.

По его словам, "выбирался человек", который "готовился постом"; "пир" проходил "во время их карнавального сезона", "соответствующего примерно нашим рождественским праздникам" (то есть зимнему солнцестоянию), и сопровождался "пышностью и церемониями". Добавьте к этому заявление Грива: "Они утверждают, что, какие бы глупости они ни совершали, они лишь повиновались велениям гриба", - и мы получим необходимое олицетворение, доказывающее, что гриб почитался как божество, подобно тому как на другой странице будет показано, что некоторые африканские племена апофеозировали представителя того же семейства овощей.

Если не для священной интоксикации, то возникает вопрос: по какой причине сибиряки и другие народы использовали ядовитый гриб? Единственный возможный ответ заключается в том, что в отсутствие зерновых и под давлением желания получить стимуляторы аборигены прибегали ко всем видам растительных веществ, как это можно показать на примере истории многих народов. Мифология изобилует примерами оккультных достоинств растений, таких как мандрагора и многие другие.

Безусловно, религиозное почитание, с которым к ним относились, не было более заслуженным, чем к этому удивительному ядовитому растению - *Amanita muscaria*. Жажда стимуляторов была очень широко распространена по всему миру; нет оснований полагать, что хоть одно племя существовало без периодического употребления чего-либо подобного.

Согласно китайцам, алкогольный напиток под названием "Цю" был изобретен Этойхом в правление То-ке, в 2197 году до христианской эры. См. "Китайский репозиторий", Кантон, 1841 г., т. x. с. 126.

Мистер Джон МакЭлхоун, стенографист Палаты представителей и ученый со скромными способностями, заявил автору, что он помнит, как читал в одном старом издании, название которого он не может вспомнить, о пире, устроенном несколько веков назад во время коронации одного из королей Венгрии, на котором вельможи были угощены самыми изысканными винами, а плебеи довольствовались тем, что пили мочу. Возможно, в Венгрии, независимо от того, заселяли ли ее гунны-ои или, позднее, турецкий элемент, присутствуют те же расовые черты, которые сегодня можно обнаружить на Камчатке и в других районах Сибири.

Сальверте говорит об опьяняющем действии "мук-а-мура", но не вдается в подробности. (См. "Философия магии", Эусебе Сальверте, Нью-Йорк, 1882, т. ii. с. 19).

Жители Камчатке делают интоксиканты из определенных трав (Стеллер, "Камчатке", перевод г-на Буннемайера). Далее нам рассказывают, что, пока люди собирают эти травы, преобладает проституция, и повсюду на траве лежат желающие девушки.

"Оседлые коряки" Камчатки "едят опьяняющую сибирскую поганку в неумеренных количествах; и только эта привычка со временем развратит и огрубит любое мужское тело до последней степени" ("Палаточная жизнь в Сибири", Джордж Кеннан, двенадцатое издание, Нью-Йорк, 1887, стр. 233).

Никаких упоминаний об использовании грибов в качестве интоксиканта нельзя найти у Зауэра, "Экспедиция в северные районы России", Лондон, 1862. Генри Сибом ("Сибирь в Азии", Лондон, 1882) не упоминает о мочальных оргиях жителей.

ГРИБНОЙ НАПИТОК ИЗ КОЛОДЦА БОРДЖИ.

Следующий абзац заслуживает более чем беглого упоминания:...

"Колодец Борджи в Камбусланге, недалеко от Глазго, считается безумным для тех, кто пьет из него; согласно местной рифме,

"Выпьешь Борджи, укусишь траву,

и у Кам'сленга вскружит голову".

Сорняк - это сорные грибы" ("Folk-Medicine", Black, London, 1883, p. 104).

Камден говорит, что ирландцы "любят травы, ... особенно кресс-салат, грибы и коренья" ("Британия", издание Лондона, 1753 г., т. ii. с. 1422).

Другие упоминания о сибирском грибе вставлены для того, чтобы дать студентам максимально полную возможность понять все, что было доступно самому автору по этому вопросу.

"*Agaricus muscarius* - один из самых вредных, но используется камчадалами как средство опьянения. Одной-двух таблеток достаточно, чтобы вызвать легкое опьянение, своеобразное по своему характеру. Оно стимулирует мускульные силы и сильно возбуждает нервную систему, доводя приверженцев до самых нелепых экстравагантностей" (American Cyclopædia, New York, 1881, статья "Fungi").

Agaricus muscarius. "Это "муш-мор" русских, камчадалов и коряков, которые используют его для опьянения. Иногда они едят его сухим, а иногда погружают в раствор, приготовленный из

эпилепсии, и когда они пьют этот раствор, их охватывают судороги во всех конечностях, за которыми следует тот вид бреда, который сопровождает жгучую лихорадку. Они олицетворяют этот гриб, и если его действие побуждает их к самоубийству или какому-либо ужасному преступлению, они делают вид, что повинуются его командам. Чтобы подготовиться к преднамеренному убийству, они прибегают к помощи "муш-море". Порошок корня или той части стебля, которая покрыта землей, рекомендуется при эпилепсии, а также для наружного применения для рассасывания твердых, шаровидных опухолей и для заживления язв" (Циклопедия, Филадельфия, без даты, Сэмюэл Брэдфорд, том I. статья "Агарик").

"Один из самых ядовитых видов этого рода - "мухомор агариковый", названный так потому, что гриб часто замачивают и раствор используют для уничтожения комнатной мухи..... Он столь же привлекателен и столь же ядовит, сколь и красив. На Камчатке он очень ценится за свои ядовитые свойства, вызывая у едоков своеобразное опьянение. Гриб собирают и сушат, и когда туземец хочет устроить дебош, ему достаточно проглотить кусочек, и через несколько часов он будет во всей красе" (Johnson's New Universal Cyclopædia, New York, 1878, статья "Mushroom").

Ядовитые грибы. "Некоторые представители этого природного порядка ядовиты, особенно те, что принадлежат к родам *Amanita* и *Agaricus*..... Страдающие часто получают облегчение от рвоты."-(Британская энциклопедия, издание 1841 года, статья "Медицинская юриспруденция", том xiv. стр. 506, 507). Говоря о ядовитых грибах, тот же авторитет говорит: "Эффекты необычайно разнообразны, ... среди них головокружение, спутанность сознания, бред, ступор, кома и судороги."- (Idem, vol. xviii. p. 178, статья "Яд").

"Боровик, упомянутый Ювеналом в связи со смертью императора Клавдия" (Cyclopædia, Philadelphia, без даты, vol. xxv. article "Mushroom").

Несколько ссылок на обычай отравления грибами можно найти у Ювенала, например, в первой и пятой сатирах.

Тацит говорит, что при отравлении Клавдия яд "был налит в блюдо с грибами" ("Анналы", оксфордский перевод, Bohn, London, 1871, lib. 12).

После того как император Клавдий был отравлен грибами, подаренными его женой Мессалиной, император Нерон, его преемник, был склонен называть боровик "пищей богов". (См. сноску к переводу шестой сатиры Ювенала, выполненному преподобным Льюисом Эвансом, стр. 64, издание Нью-Йорк, 1860 г., со ссылкой на "Нерона" Суетония, "Анналы" Тацита и "Эпиграммы" Марциала, I. эпистола XXI).

Плутарх говорит, что было распространено мнение, что "гром порождает грибы" ("Morals," Goodwin's English edition, Boston, 1870, vol. iii. p. 298).

Гилдер, который пересек Сибирь от пролива Беринга до Санкт-Петербурга, останавливаясь *по пути* у многих диких племен, не упоминает об использовании "навозного болота" или каких-либо ур-оргий (см. "Ice-pack and Tundra", New York, 1883).

"*Agaricus muscarius* используется туземцами Камчатки и Кореи для получения опьянения" (Ure's "Dictionary of Arts, Manufactures, and Mines", London, 1878, vol. ii. article "Fungi").

"Считается, что их репутация как афродизиаков не имеет под собой оснований, а происходит от старой доктрины о сходстве". (American Cyclopædia, New York, 1881, статья "Fungi"). Вероятно, это связано с появлением гриба "фаллос".

Судя по всему, суеверие, связанное с бузиной, существовало с очень давних времен. В "Травнике" Джеррарда, издание Джонсона, стр. 1428, говорится, "что считается, что *беседка Иуды* - это то место, где повесился Иуда, а не дерево бузины, как принято говорить". Я уверен, что грибы или наросты на бузине, называемые на латыни *auriculæ Judæ* и обычно переводимые как "уши еврея", должны быть переведены как "уши Иуды", исходя из вышеупомянутого народного суеверия. Коулс в своем "Адаме в Эдеме", говоря об "ушах Иуды", говорит: "По-латыни он называется *Fungus Sambucinum* и *Auriculæ Judæ*, некоторые полагают, что бузина - это то дерево, на котором повесился Иуда, и что с тех пор на нем растут грибы, похожие на уши, чему я не буду убеждать вас верить". В "Парадоксальных утверждениях" есть глупый вопрос: "Почему о евреях говорят, что они натурально воняют. Не потому ли, что "еврейские уши" растут на вонючей бузине, на дереве которой, как предполагается, повесился лисоголовый Иуда, так что естественная вонь была возложена на них и их потомство как бы *ex traduce*? Во времена королевы Елизаветы бузину, похоже, дарили в знак позора. Ему приписывали способность лечить эпилепсию, укреплять поясницу мужчин, особенно при верховой езде, так как он предотвращал все желчи, натертости и т. д., а также обладал дополнительным свойством делать лошадей несвежими" (Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. iii. p. 283, статья "Physical Charms").

Самбукус (бузина) упоминается Фромманом как средство от эпилепсии ("Tractatus de Fascinatione", Nuremberg, 1675, p. 270).

Разве мы не вправе поинтересоваться, почему в первобытной фармации использовались те или иные средства? Принцип *similia similibus* очень стар и глубоко укоренился. Возможно, гриб бузины когда-то использовался для вызывания опьянения и безумия.

"Остяки, камчадалы и другие жители Азиатской России находят в одном из представителей семейства золотарниковых - *Amanita muscaria* - возбуждение и безумие, которые более цивилизованные народы требуют и получают от алкоголя, и наслаждаются наркотизмом от его экстрактов, столь же соблазнительным, как от опиума. Жители островов Фиджи обязаны нанизанным на веревку жабым стульям за пояса, которые только и позволяют им не попасть в число "бедных и голых", а их единственное эстетическое занятие заключается в украшении их ограниченного гардероба. Рыбаки Фиджи особенно высоко ценят их за то, что они водонепроницаемы. Сердье рассказывает, что негры на западном побережье Африки превозносят определенный вид боровика до святости бога и склоняются перед ним в поклоне; по этой причине Афзельтус назвал этот сорт *boletus sacer*. Французский химик извлек воск из молочая, но не указал цену свечей, изготовленных из него. Другие исследователи показали, что поганки можно использовать в производстве берлинской лазури вместо крови, поскольку, как и некоторые животные вещества, они дают пруссиновую кислоту. Поскольку грибы, как и все животные, дышат кислородом и выделяют углекислый газ, их плоть имеет скорее животную, чем растительную природу.

Разлагаясь, они служат капитальным удобрением для окружающих растений, и в сезоны, когда их много, агроном с удовольствием использует их в качестве навоза".

Согласно Линнею, лапландцы наслаждались ароматом некоторых видов и носили их на себе, чтобы они были более привлекательными". Линней восклицает: "О Венера! Ты, которая в других странах с трудом довольствуешься драгоценностями, бриллиантами, драгоценными камнями, золотом, пурпуром, музыкой и зрелищами, здесь довольствуешься простой поганкой!

"Разновидность боровика - трубконосный вид - измельчается в порошок и используется как средство для защиты одежды от насекомых. *Agaricus muscarius* - хорошо известный яд для обыкновенной домашней мухи. Он отравляет их до такой степени, что их можно сметать и уничтожать.

"Некоторые полипоры - эти большие, сухие, пробковые наросты, встречающиеся на бревнах и деревьях - при правильной обработке, нарезке и избиении привлекают крупные мануфактуры для производства из них торговых пунгов, используемых хирургом для остановки кровотечения, художником для затенения пня, а ежом Четвертого июля для пиротехнических целей. Один из видов полипоруса используется в Италии в качестве щеток для чистки. В странах, где добыча огня неизвестна или трудоемка, а роскошь люциферов недоступна, сушеный гриб позволяет переносить огонь с места на место на большие расстояния.

Жители Франконии используют отбитые кусочки вместо замшевой кожи для нижнего белья".

"Другой полипорус занимает место среди производителей как крайне необходимый бритвенный станок. Северные народы делают из них пробки для бутылок, как и предполагает их пробковая природа. Полипорус березы (*Polyporus betulinus*) доставляет удовольствие курильщикам своим восхитительным вкусом при смешивании с табаком" (Lippincott's Magazine, Philadelphia, Penn., 1888).

Прежде чем идти дальше, мы сталкиваемся с утверждением, что африканские негры склоняются в поклоне перед определенным видом болетуса. Приходится сожалеть, что Сердье не выяснил, какое токсическое или иное свойство этого растения было апофеозом.

Точно так же ученые не могут удовлетвориться уверениями, что жители островов Фиджи используют жабник только для подпруги или что саамы носили на себе другие виды для усиления своей личной привлекательности. Скорее всего, в каждом случае им приписывались какие-то афродизиатические свойства, что объясняло бы заботу об их сохранении и оправдывало бы подозрение, что их держали наготове в качестве провокаторов похоти.

Доктор Дж. Х. Портер авторитетно заявляет, что в одной из саг упоминается человек, околдованный лапландской ведьмой, которая дала ему настой ядовитого гриба, от которого он сошел с ума.

"Лишайники, - говорит де Кандоль, - обладают двумя классами свойств, которые развиваются под воздействием различных агентов, и особенно при вымачивании в моче" (Encyclopædia Britannica, vol. v. edition of 1841.).

Есть пример использования грибов в медицине для остановки кровотечений разного рода, который можно проследить еще в трудах Гиппократов (см. "Saxon Leechdoms", vol. iii. p. 143).

"Некоторые виды грибов, в частности *Agaricus volvaceus*, содержат сахар, который может быть извлечен в виде кристаллов и способен подвергаться винному брожению" (Encyclopædia Britannica, издание 1841 года, том vi. стр. 473, 474, статья "Химия").

Среди австралийцев не было описано ни одного случая, напоминающего ур-оргию сибиряков, но неизвестно, что может открыть дальнейшее исследование жизни и образа мыслей диких племен, населяющих этот большой континент или остров, как читателю будет угодно.

Австралийцы не едят "обычный гриб", хотя едят почти все другие виды грибов" ("Коренные племена Южной Австралии", Аделаида, 1879 г., получено по любезному приглашению Королевского общества, Сидней, Новый Южный Уэльс, секретарь Т. Б. Кингдон, эсквайр).

"Грибы, однако, использовались в пищу. Местный трюфель - *Mylitta Australis*, подземный гриб, - был очень желанным для туземцев. В разрезанном виде он напоминает непропеченный коричневый хлеб. Я видел большие куски весом в несколько фунтов, а в некоторых местах иногда попадались грибы весом в пятьдесят фунтов" ("Aborigines of Victoria", A. Brough Smyth, London, 1878, vol. i. p. 209).

"Грибы, называемые китайцами "каменными ушами", собираются некоторыми для стола и составляют часть растительной диеты священников" ("Китайский репозиторий", Кантон, 1835 г., т. iii. с. 462).

Но почему именно рацион жрецов? Может быть, здесь замешано какое-то мифическое предписание?

(Монботто из Африки.) "Грибы также широко используются для приготовления соусов."- (Schweinfurth's "Heart of Africa", London, 1878, vol. ii. p. 42.)

"Существует большое разнообразие грибов, большинство из которых можно есть. Некоторые, правда, ядовиты, и с ними часто происходят несчастные случаи" (Кемпер, "История Японии" в "Путешествиях Пинкертон", Лондон, 1814, том vii. p. 698).

А. Бро Смит, "Аборигены Австралии", с. 132, говорит об использовании австралийцами "сухого белого вида гриба для быстрого разжигания огня".

Агарик. "Он растет во Фраунсе, в основном на деревьях, которые несут мачту, на манер белого гриба; сладкого вкуса; очень эффективен в медицине и используется во многих противоядиях и суверенных лекарствах. Он растет на голове и верхушках деревьев, светится ночью, и по свету, который он дает в темноте, люди знают, когда и как его собирать" (Плиний, lib. xvi. cap. 8, перевод Холланда).

"On mange généralement en Russie toutes les espèces de champignons;" but the "champignon de mouche," and two other kinds, are excepted.- (See "Voyages,"-Pallas, Paris, 1793, vol. i. p. 65.)

Остяки в Сибири делают "моксу" из "морса агарикового дерева" (Idem, vol. iv. p. 68).

Богл перечисляет грибы среди предметов рациона лам.- (См. Markham's "Thibet", London, 1879, p. 105).

"Грибы и всевозможные грибы едят бонго в районе Верхнего Нила" (см. "Сердце Африки", Швайнфурт, Лондон, 1878, т. I, стр. 117-122).

"Ниама-Ниама из Центральной Африки используют в пищу грибы" (Idem, p. 281).

В кратком изложении лекции, прочитанной исследователем Стэнли в Королевском географическом обществе в Лондоне, говорится о мастерстве ниама в работе с деревом и о способности, с которой они отличают съедобные грибы от ядовитых.

Агарик. Авиценна считал, что белое, или "женское", растение полезно, а черное, или "мужское", вредно; его прописывали при эпилепсии, лихорадке, радикулите, астме, легочных заболеваниях и т. д. (Avicenna, vol. i. p. 278, в книге ошибочно числится как р. 287, а 10 и т. д.) Он также входил в состав ряда панацей, таких как "Териака", "Теодорикон Магнум", "Митрадатур" и др.

Согласно Авиценне, том i. p. 287, а 54, оно провоцировало менструацию.

Турнберг упоминает растение "*Bupleorum giganteum*", найденное в Капской колонии, из которого шили одежду, а также использовали для изготовления хворост (см. Pinkerton's Voyages, London, 1814, vol. xvi. pp. 21, 22, цитируя Thurnberg's "Account of the Cape of Good Hope").

"Жабий стул, или тухлая рыба и ивовая кора, которые являются деликатесами у камчадалов" ("Русские открытия между Азией и Америкой" Уильяма Кокса, Лондон, 1803, с. 60, цитируя рассказ Стеллера о путешествии Беринга).

Существуют некоторые разновидности агарика, в частности, агарик оливкового дерева, который иногда излучает ночью фосфоресцирующий свет. Эта особенность вполне могла стать причиной того, что древние относились к ним с благоговейным трепетом. Об этой эффульгенции см. "Философию магии" Эусеба Сальверта, Нью-Йорк, 1862, т. I, с. 63.

Папа Климент VII умер от того, что съел слишком много грибов. См. "Хилологию" Шурига, Дрезден, 1725, т. i. с. 60.

(Огненная Земля.) "В этой стране есть один вид растительного происхождения, который заслуживает упоминания, поскольку он является основным продуктом питания для туземцев. Это шаровидный гриб ярко-желтого цвета и размером с небольшое яблоко, который в огромном количестве прилипает к коре буковых деревьев..... Фуэгийцы едят его в больших количествах, в неприготовленном виде, и когда его хорошо разжевывают, он имеет слизистый и слегка сладковатый вкус, а также слабый запах, похожий на грибной. За исключением нескольких ягод карликового арбута, которые едва ли стоит принимать во внимание, эти бедные дикари никогда не едят никакой другой растительной пищи, кроме этого гриба" (Дарвин, "Путешествие "Бигля", Лондон, 1839, т. iii. стр. 298, 299).

"Эти фуэгийцы, похоже, считают наросты, растущие на березах, как желчные орехи на дубе, ценным лакомством" (Idem, vol. i. p. 440; снова, vol. ii. p. 185).

Агарик, или жабий стул, использовался в медицине "для вызывания рвоты" (см. "Most Excellent and Approved Medicines", London, 1654, pp. 3 и 10); также давался "для провоцирования курсов" (idem, p. 23); также "для ослабления тела" (idem, p. 36).

Чтобы зачать ребенка, по поверьям, мужчина и женщина должны были принять отвар заячьего сычуга в вине: "тогда она быстро забеременеет, а для мяса она должна некоторое время есть грибы" ("Саксонские пиявки", т. I. с. 347).

Банноки и шошоны Скалистых гор едят грибы - "те, что растут на тополином пне; они знают, что некоторые виды плохие" (Интервью с банноками и шошонами через переводчиков Джо и Чарли Рейни в Форт-Холле, Айдахо, 1881 г.).

Вышеупомянутые индейцы не знали ни о каких танцах, связанных с грибами или грибницей.

XII. ГРИБ В СВЯЗИ С ФЕЯМИ.

По мнению жителей Великобритании и Ирландии, а возможно, и всего континента, гриб был тесно связан с обитателями царства духов и фей, что можно легко показать на примере.

Предания крестьян этих стран изобилуют рассказами о странных "кругах фей", которые, как показало современное исследование, вызваны одним из видов гриба.

"Среди крестьян существовали различные теории, объясняющие их существование. Некоторые из них приписывали их молнии, другие - кротам или другим животным, третьи - росту какого-то вида грибка. Это более образованный класс. Но низшие слои населения безоговорочно верили, что они - дело рук фей и используются ими для ночных танцев. Горе бедному смертному, рискнувшему приблизиться в такие моменты. Его хватали, заставляли танцевать, вскоре он терял сознание, и ему действительно везло, если ему когда-нибудь удавалось вернуться к своим смертным родственникам". Исчерпывающее описание этих кругов и суеверий, связанных с ними, можно найти в третьем томе "Популярных древностей" Бранда, Лондон, 1854 г., статья "Мифология фей", с. 476 и далее.

"Наиболее четкие и удовлетворительные замечания о происхождении колец фей, вероятно, принадлежат доктору Волластону, Sec. R. S., напечатанные во второй части "Philosophical Transactions" за 1807 год..... Причину их появления он приписывает росту некоторых видов агарика, который настолько полностью поглощает все питательные вещества из почвы под ней, что трава на некоторое время уничтожается." - (Idem, p. 483.)

"В Нортумберленде простые люди называют некий грибковый нарост, иногда встречающийся на корнях старых деревьев, Fairy Butter. После сильных дождей и при определенной степени гниения он приобретает консистенцию, которая, вместе с цветом, делает его не похожим на масло, отсюда и название" (Idem, p. 493).

В уже цитированной работе леди Уайльд нет никаких упоминаний о том, что ирландские крестьяне использовали грибы или омелу.

Смещение в народном воображении фей и друидов, кругов фей и кругов друидов отмечено на с. 505, Brand, art. "Мифология фей".

Возможно, во всем этом есть смутное напоминание о прежнем использовании агарика в зельях, не очень похожих на те, что до сих пор можно найти у коряков и чукчей. Мы читаем, что это масло ведьм было связано с колдовством. В Швеции считалось, что его "изрыгнула" кошка, сопровождавшая ведьму. (См. Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. iii. p. 7, статья "Колдовство").

"Ни одна тема не может быть более интересной, чем исследование происхождения суеверий нецивилизованных племен". ("Философия магии", Сальверте, т. i. с. 138.) Сальверте отмечает, что феи "были предположительно уменьшенными, воздушными существами, красивыми, живыми и благотельными в общении со смертными, населяющими область, называемую Страной фей, - Альф-Хайнер, - появляясь на земле только через определенные промежутки времени, когда они оставляли следы своих посещений в красивых зеленых кольцах, где росистый двор был вытопан в их танцах при лунном свете..... Научные исследования привели к тому, что эти кольца принадлежат разновидности гриба - *Agaricus oreades*, - но воображение все равно охотно возвращает нас к традиционному появлению

этих миниатюрных существ в сопровождении своей королевы; ... и мы также видим ее крошечных последователей, танцующих полночь под звуки самой чарующей музыки" (Idem, vol. i. p. 138, сноска).

В "Сказках" Хэзлитта (Лондон, 1875, с. 35) есть следующий меморандум: "Запомните, что голубиный помет и селитра, смоченные в воде, сделают круги фейри; они притягивают к себе селитру воздуха, и она никогда не выветрится".

"Гриб всегда ассоциировался со сказками. Он упоминается как обеденный стол фей (стр. 502); а в списке блюд, которые принимает Оберон, мы читаем: "...

"... с вином,

Не сплетенным из виноградных лоз,

Но нежно сцеженное с бока

милой и изящной невесты;

Принесли в красивой чаше, которая

Он полностью выпил, чтобы околдовать

Его кровь на высоте".

В то время как Робин Гудфеллоу изображен поющим, -

"Когда парни и девушки веселятся,

С поссетами и с юнкерсами прекрасными,

Невидимый среди всей компании,

Я ем их пироги и пью их вино;

А чтобы развлечься,

Я пукаю и фыркаю,

И свечи задуваю".

-(Brand, Pop. Ant., London, 1872, pp. 476 *et seq.*, статьи "Мифология фей" и "Робин Гудфеллоу").

Херрик описывает пищу фей: "...

"... с вином

Не сорванным с лъстивой лозы,

Но нежным престолом из мягкого бока

Самой милой и изящной невесты".

-(Herrick, "Hesperides"; также цитируется в Hazlitt's "Fairy Tales", London, 1875, p. 300).

Только что описанное "вино", по-видимому, справедливо отнести к классификации Ur-Orgies.

Внимательное изучение Шекспира показывает, что, хотя, возможно, он знал мало того, что непосредственно относится к нашей цели, у него все же были знания, которые мы можем использовать; например, он говорит о "полуночном грибе", показывая, что он был элементом полуночных пирушек фей; Он ссылается на обычаи, которые определенно указывают на то, что в ранние времена рабов и преступников хоронили под навозными кучами в качестве наказания; и он может привести доказательства того, что эпитет "навозный", примененный к человеку, был самым смертельным оскорблением; но пусть бард говорит сам за себя.

"Просперо. Вы, эльфы холмов, ручьев, стоячих озер и рощ;

И вы, что на песках с бесстрастными ногами

Гонитесь за уходящим Нептуном и летите за ним,

когда он возвращается; вы, куклы-полукровки, которые

В лунном сиянии зеленые, кислые перстни,

Где овца не клюет; и вы, чье развлечение

В полночь грибы варить."- (Буря, акт v. сцена 1.)

"Аякс. Ты стул для ведьмы."-(Троил и Крессида, акт ii. сцена 1.)

В качестве конкорданса использовался конкорданс Кларков.

Ассоциация "жабьих стульев" с колдовством может быть вызвана верой в то, что жабы были постоянными спутниками и слугами ведьм и фей.

Геснер говорит, что ведьмы использовали жаб в качестве талисмана: "ut vim coeundi, ni fallor, in viris tollerunt." (Brand, Pop. Ant. London, 1872, vol. ii. page 170, art. "Гадание на свадьбе").

"Un crapaud noir de venin" должны были использовать те, кто искал благосклонности ведьм из "Les Bourbonnais", "La Fascination" (J. Tuchmann, в "Mélusine", Paris, July, August, 1890).

Майская роса считалась самым полезным средством для кожи, но юные девы, собирая ее, старались "не ставить ноги в кольца, чтобы не попасть во власть фей" ("Иллюстрации к Шекспиру", Фрэнсис Дус, Лондон, 1807, т. i. с. 180).

Похоже, что саксы в Англии во времена норманнского завоевания были полностью осведомлены о смертоносных эффектах, производимых грибом: "Старуха вернулась к себе, прежде чем лечь спать. Я узнала все и даже больше. Я знаю, где достать алые поганки, и добавила сок в эль для его людей. Они теперь смеются и ревут, все веселые".

Действие зелья описывается следующим образом: "Его люди столпились у ворот, болтая, как обезьяны; портые и монахи изнутри тщетно уговаривали их войти и спокойно лечь спать.

"Но они не хотели. Они клялись и божились, что по всей дороге разверзлась великая пропасть и что еще один шаг - и они рухнут вниз головой. Напрасно Херевард бушевал; уверял их, что предполагаемая пропасть - не что иное, как сточная канава; доказывал это, пиная по ней Мартина. Люди решили поверить собственным глазам и через некоторое время уснули в куче на обочине и пролежали так до утра, а проснувшись, заявили, как и монахи, что их околдовали. Они не знали - и, к счастью, низшие сословия, как в Англии, так и на континенте, еще не знают о могущественных свойствах того странного гриба, с помощью

которого саамцы и лапландцы, как говорят, творили чудеса на протяжении многих веков" ("Херевард, последний из англичан", Чарльз Кингсли, Нью-Йорк, 1866, с. 111).

См. также разделы "Испытания и наказания" и "Оскорбления".

XIII.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯДОВИТЫХ ГРИБОВ, ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО, СУЩЕСТВОВАЛО СРЕДИ МЕКСИКАНЦЕВ.

То, что такое использование ядовитых грибов, как было показано среди племен Сибири, существовало и у других народов, трудно доказать в отсутствие прямых свидетельств, но встречается много случайных упоминаний, которые размышляющий ум должен рассмотреть с осторожностью, прежде чем отвергать их как абсолютно неуместные в этой связи. Мексиканцы, как мы узнаем от Саагуна, не были невежественны в отношении гриба, который описывается как основа одного из их праздников. Он говорит, что они ели нанакатль, ядовитый гриб, который опьянял не хуже вина; съев его, они собирались на равнине, где танцевали и пели ночью и днем до полного желания. Это было в первый день, потому что на следующий день все они горько плакали и говорили, что очищают себя и омывают глаза и лица своими слезами^[17].

Правда, Сахагун не описывает никаких особо отвратительных черт в этой оргии, но не менее очевидно, что он рассказывает об этом со слов, и, вероятно, ему не позволяли знать слишком много. Во втором упоминании об этом грибе, который он теперь называет теонапасатль, он упоминает о токсичных свойствах, которые близко совпадают со свойствами грибов, отмеченных в Сибири и на северо-западном побережье Америки.

"В этой стране есть грибы, которые называются тео-нанакатль. Они растут под травой на полях и равнинах; ... они вредят горлу и опьяняют; ... те, кто ест их, видят видения и чувствуют трепет в сердце; те, кто ест их много, возбуждаются к похоти, и даже если они едят их мало"^[18].

Доказательства того, что это опьянение было вызвано, как у сибирских племен и племени мыса Лесть, вовсе не убедительны; но очень странно, что ацтеки ели грибы с той же целью; что они устраивали свои танцы на равнине и ночью (то есть в месте, как можно более удаленном от наблюдения отца Саагуна). На второй день, если верить объяснению Саагуна, они, по-видимому, оплакивали свое поведение в первый день; хотя здесь следует отметить, что церемониальный плач не был неизвестен американским аборигенам и в данном случае мог быть вызван причинами, не открытыми чужестранцу. Наконец, важно отметить, что этот ядовитый гриб был сильным возбудителем, нервным раздражителем и афродизиак.

Другой ранний испанский наблюдатель, также цитируемый Кингсборо, описывает их в таких выражениях: "У них был другой вид пьянства.

"У них был другой вид пьянства, ... который заключался в употреблении маленьких грибов, ... которые едят сырыми, и, поскольку они горькие, они пьют после них или едят с ними немного меда пчел, и вскоре после этого они видят тысячу видений, особенно змей".

Они сходили с ума, бегали по улицам в диком состоянии ("bestial embriaguez"). Они называли эти грибы "тео-на-м-катль", что означает "хлеб богов".

Этот автор не упоминает о каком-либо воздействии на почки[19].

Этот рассказ можно сравнить, слово в слово, с теми, которые ранее цитировались у индейцев моки и в описаниях ур-оргий сибиряков.

Список цитат еще не полон. Тезозомок, также известный автор, рассказывает, что во время коронации Монтесумы мексиканцы дали дикие грибы чужеземцам, чтобы те поели; чужеземцы напились и начали танцевать[20]. Все это - краткое описание пьяной оргии, вызванной ядовитыми грибами, но без отвратительных последовательностей, которые могли бы установить связь с танцами мочи.

Диего Дуран также приводит подробности коронации этого Монтесумы (второго из названных и находившегося на троне в момент прибытия Кортеса). Он рассказывает, что после обычных человеческих жертвоприношений в храмах все отправились есть сырые грибы, от которых они потеряли рассудок и подействовали на них сильнее, чем если бы они выпили много вина. Они были настолько одержимы, что многие из них убили себя собственными руками, а под действием грибов они видели видения и имели откровения о будущем, причем дьявол говорил с ними в пьяном виде"[21] Дюран, конечно, не описывает того, что *видел сам*. Несомненно, в этом случае его рассказ был бы более оживленным и, возможно, более соответствующим нашей цели.

ГРИБЫ И ПОГАНКИ, КОТОРЫМ ПОКЛОНЯЛИСЬ АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ.

Дорман является авторитетом для утверждения, что грибы почитались индейцами Антильских островов, а поганки - индейцами Виргинии,[22] но за какие токсичные или лечебные свойства, реальные или предполагаемые, он не говорит. The toxic properties of fungi would seem to have been known to the Algonkins:—

"Остановились отдохнуть под сосной,

С чьих ветвей стекают мхи,

И чей ствол был покрыт

Кожей мокасин мертвеца,

С грибком белым и желтым".

"Хиавата", Генри У. Лонгфелло, канто ix.

ПРЕЖНЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРИБА, УКАЗАННОЕ В МИФАХ ЦЕЙЛОНА И В ЗАКОНАХ БРАМИНОВ.

На западном побережье Тихого океана, если не считать оргий сибирских шаманов, нет ни одного случая использования гриба или другого гриба в религиозных обрядах в наши дни.

О прежнем использовании гриба говорится в мифах Цингалеи, где рассказывается, что "Случай произвел вид гриба, называемый маттика[23] или джессатон, на котором они прожили шестьдесят пять тысяч лет; но, решив сделать равное деление и этого, они потеряли его. К счастью для них, выросло другое ползучее растение [омела?], называемое бадрилата, которым они (брамины) питались тридцать пять тысяч лет, но которое они

потеряли по той же причине, что и предыдущие" ("Asiatic Researches", Calcutta, 1807, vol. vii. p. 441).

Среди браминов основной земли такого мифа нет; но один английский писатель говорит:

"Древние индусы относились к грибам с таким презрением, что Яма, законодатель, которого сейчас считают судьей ушедших духов, заявляет: "Те, кто ест грибы, будь то растущие из земли или растущие на дереве, полностью равны по вине убийцам браминов и самым презренным из всех смертных грешников"".

Дюбуа касается того же вопроса. "Брамины, - говорит он, - также исключили из своей растительной пищи, которая является основным источником их существования, все корни, которые образуют головку или луковицу в земле, такие как лук,^[24] а также те, которые принимают такую же форму над землей, как грибы и некоторые другие. Должны ли мы предположить, что они обнаружили что-то нездоровое в одном виде и запретили другой из-за его фетишистского запаха? Этого я не могу решить; все сведения, которые я когда-либо получал от тех, с кем я советовался о причинах их воздержания от них, сводятся к тому, что принято избегать таких изделий" - (Abbé Dubois, "People of India", London, 1817, p. 117).

Этот запрет в условиях столь суровых наказаний может иметь только одно значение. В первобытные времена жители Индии, должно быть, настолько пристрастились к разврату, вызванному зельями, в состав которых входили ядовитые грибы и омела (гриб, "растущий на дереве"), а последствия такого разврата, должно быть, были настолько развратными и пагубными, что жрецы-правители были вынуждены прибегнуть к тем же заклинаниям, которые Моисей доказал действенность для отвращения детей Израиля от поклонения идолам^[25].

XIV. ЛУК, ОБОЖАЕМЫЙ ЕГИПТЯНАМИ.

Во многих странах существуют примеры представлений, связанных с луком, пореем, чесноком и луковичными овощами разных видов.

"Египтяне уподобляли весь небосвод луку с его разнообразными оболочками и излучениями; и это, вместе с афродизиакальными и оплодотворяющими свойствами, которыми, по общему мнению, обладает этот овощ, делало его священным" ("Реки жизни", Форлонг, Лондон, 1883, т. i. с. 474).

"Вид лука, который египтяне ненавидели, был сквилл или красный сквилл, потому что его посвящали Тифону; другие виды они ели без разбора." (Фосброк, "Циклопедии древностей", Лондон, 1843, том ii. стр. 109, статья "Лук").

"В Вавилоне, рядом с Мемфисом, они сделали лук своим богом" (Reginald Scot, "Discovery of Witchcraft", London, 1651, p. 376).

"Бобы египтяне вообще не сеют в своей стране; они не едят те, что случайно растут там, и не пробуют их в пищу. Жрецы, правда, с отвращением смотрят на эту мякоть, считая ее нечистой" (Геродот, "Эвтерпа", с. 36).

Среди римлян "Flamen Dialis не мог ездить верхом или даже прикасаться к бобам или плющу" ("The Golden Bough", James G. Frazer, M.A., London, 1890, vol. i. p. 117).

Плиний упоминает о лекарственном использовании некоторых луковиц, которые трудно идентифицировать в наши дни. "Луковица Мæгары действует как сильный афродизиак"; другие "помогают при родах"; третьи использовались "для лечения от укусов змей". Древние давали семена луковицы "людям, страдающим безумием, в питье" (Плиний, Nat. Hist. lib. 20, cap. 40).

У Марциала есть следующее: "XXXIV. Луковицы. Если твоя жена стара и члены твои вялы, луковицы не могут сделать для тебя ничего другого, кроме как наполнить твой живот" (издание Лондона, 1871). В сноске к этой статье говорится: "Каким именно луковицам приписывались провокационные эффекты, неизвестно".

Акоста говорит о перуанцах, что перед любой из их великих церемоний, "чтобы подготовиться, все люди постились два дня, в течение которых они не общались со своими женами, не ели мяса с солью или чесноком и не пили чику" (Акоста, "История Индий", издание Лондон, 1604, цитируется по Lang, "Myth, Ritual, and Religion", London, 1887, vol. ii. p. 283).

Согласно Авиценне, чеснок провоцировал менструацию (vol. i. p. 276 a 52).

Когда жрец государственной религии Китая собирается принести жертву, он должен воздерживаться от сожительства со своими женами и "не есть лук, лук-порей или чеснок" ("Китайский репозиторий", Кантон, 1835, т. iii. с. 52).

Ювенал говорит о египтянах: "Разбить зубами лук-порей или луковицу - нечестивый поступок" (Сатира XV., перевод преп. Льюиса Эванса).

Ирландские крестьяне "сажают чеснок в солому", чтобы отгонять фей и ведьм ("Медицинская мифология Ирландии", Джеймс Муни, Американское философское общество, 1887 г.).

Датчане клали чеснок в колыбель новорожденного, чтобы отвести злобу ведьм. (См. Brand, "Popular Antiquities", vol. ii. p. 73, статья "Groaning Cakes and Cheese").

В деревенской Англии многие добрые люди до сих пор верят, что в дом, на котором растет лук-порей, никогда не ударит молния (см. Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 317, статья "Rural Charms").

Говоря о русских раскольниках, известных как Раскол, Херд отмечает: "Они переносили свое сопротивление на все детали повседневной жизни; как вопросы совести, они воздерживались от употребления табака, ибо "что исходит из него, то оскверняет человека" (Марк vii. 15); картофеля, как плода, которым змей искушал Еву" ("The Russian Church and Russian Dissent", Albert F. Heard, New York and London, 1887, p. 194).

Цитата из Нового Завета кажется применимой к теме танцев с мочой, а запрет на употребление картофеля может означать больше, чем кажется на первый взгляд.

Возможно, в России хотели отучить сектантов от использования луковиц или грибов, которые не нравились более вдумчивым лидерам нового движения.

"С древнейших времен чеснок был одним из продуктов питания" (Encyclopædia Britannica, упоминает израильтян, египтян, греков и римлян).

Во времена Шекспира "запах чеснока считался признаком вульгарности" (Idem, ссылаясь на "Кориолана", iv. 6, и "Меру за меру", iii. 2).

"Чеснок древние греки клали на груды камней на перекрестках дорог в качестве ужина для Гекаты" (Idem.).

"Согласно Плинию, египтяне обращались к чесноку и луку как к божествам при принесении клятв. Жители Пелузиума в Нижнем Египте, которые поклонялись луку, говорят, испытывали отвращение к нему и чесноку как к пище." - (Encyc. Brit., статья "Чеснок").

Чеснок "прикрепляют к шапочкам детей, подвешивают к крышкам сосудов и к новым домам в Леванте, как много веков назад его вешали над дверью в более цивилизованных частях Европы" ("Суеверия Шотландии", Джон Грэм Дейлилл, Эдинбург, 1834, стр. 219).

"Лук был одним из самых ранних культивируемых овощей, а в Египте был своего рода божеством." - (Американская энциклопедия, Нью-Йорк, 1881, статья "Лук").

"Похоже, что луку придавалось фаллическое значение. Бертон в своей "Анатомии меланхолии", издание 1660 года, стр. 538, говорит о "cromnysmantia" - гадании с луком, положенным на алтарь в канун Рождества, которое практиковали девушки, чтобы узнать, когда они выйдут замуж и сколько мужей у них будет. Похоже, это также было немецким обычаем" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. pp. 356, 357).

Сэр Томас Мор написал следующее (оригинал на латыни; перевод Харингтона):...

"Если едите лук порей, то не чувствуете запаха его,

Ешьте лук, и не будет у вас запаха порея;

Если вы из лука изгоняете запах,

Ешьте чеснок, и он заглушит запах лука";

Но против чесночного запаха - одним словом,

Я знаю только один прием. Что это? Пойди посмотри".

Последняя строка оставлена без перевода; в оригинале она гласит

"Aut nihil, aut tantum, tollere merda potest".

(Харингтон, "Аякс", цитирует сэра Томаса Мора).

XV.

СВЯЩЕННОЕ ОПЬЯНЕНИЕ И ФАЛЛИЗМ.

В основе структуры первобытной религии лежат два фундаментальных принципа - интоксикация и фаллизм. Любое извращение мозговых функций, будь то временное отчуждение или постоянное отчуждение, классифицируется как одержимость; а выходки и тарабарщина маньяка или идиота торжественно почитаются как вспышки вдохновения.

Там, где временная экзальтация может быть вызвана травой, луковицей, жидкостью или пищей, знание о таком возбудителе как можно дольше скрывается от мирян; и даже после того, как всеобщее распространение более просвещенного интеллекта расширило умственный горизонт посвященных, эти наркотики и раздражители остаются "священными", а вызываемые ими безумства - тоже "священными".

Если наркотик, о котором идет речь, каким бы он ни был, обладает дополнительной рекомендацией действовать на мочеполовые органы и, возбуждая сексуальную энергию, апеллирует к фаллическому элементу в религиозной природе, апофеоз наркотика следует как само собой разумеющееся, независимо от того, под каким выражением или символикой он может быть завуалирован; А поскольку человеческая природа чувствует необходимость как в сдерживании страстей, так и в их стимулировании, следует отметить множество случаев почитания растений и лекарств, которые оказывают прямо противоположное действие, то есть там, где афродизиак считается священной эссенцией или агентом, его противоположность или антагонист почитается почти так же.

Гриб, омела, рута, плющ, мандрагора, конопля, опиум, страмония знахаря индейцев хуалпай из Аризоны - все это может быть рассмотрено в свете этого предположения. Фрейзер говорит: "Согласно первобытным представлениям, все ненормальные состояния, такие как опьянение или безумие, вызываются вхождением духа в человека; такие психические состояния, другими словами, рассматриваются как формы одержимости или вдохновения" ("The Golden Bough", vol. i. p. 184.).

"Женщины, пристрастившиеся к вакхическим забавам, тут же бежали к плющу и срывали его, разрывая на куски руками и разгрызая ртом..... Сообщалось... что в нем есть дух, который будоражит и доводит до безумия, лишая чувств, и что сам по себе он вызывает пьянство без вина у тех, кто легко склоняется к энтузиазму" - (Плутарх, "Нравы", английский перевод Гудвина, Бостон, 1870, т. ii. стр. 264).

Вечное пьянство было наградой дикарям-воинам во многих регионах мира; скандинавы, а также индейцы Пампаса верили в это.- (См. "Les Primitifs", Elie Réclus, Paris, 1885, p. 123).

Говоря об ур-оргии сибиряков, доктор Дж. У. Кингсли комментирует это следующим образом: "Я помню, как мне показал этот гриб один англичанин, возвращавшийся по Центральной Тихоокеанской железной дороге из Сибири. Он полностью подтвердил все, что я слышал на эту тему, сам видел оргию..... Вы скажете, что в этом нет ничего религиозного; но взгляните на вопрос немного ближе, и вы увидите, что эти "интоксиканты", которые сегодня используются для простого возбуждения или грубого пьянства, сначала рассматривались как средства, способные поднять простого человека до уровня его богов и позволить ему общаться с ними, как это, безусловно, было в случае с "сомой" индусских экстатиков и гашишем, который я видел в употреблении у некоторых племен арабов. Было бы нелишним попытаться выяснить, ели ли участники Ур-Оргии какую-либо траву перед ее началом, или же у них есть какие-либо традиции о том, что их предки делали это" (личное письмо капитану Бурке, датированное Кембриджем, Англия, май 1888 г.).

О священном опьянении у финнов см. также "Халдейскую магию", Ленормант, стр. 255, где есть упоминание об "опьяняющих наркотиках".

XVI.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРУИДИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОМЕЛЫ.

Но сразу же возникает вопрос: по какой причине кельтские друиды использовали столь почитаемую омелу? Этот вопрос приобретает глубокое значение в свете исследований Годфри Хиггинса и генерала Валленси о происхождении друидов от буддийского или браминского начала.

"Аяссон перечисляет следующие суеверия древней Британии, как имеющие вероятные признаки восточного происхождения: ... церемонии, используемые при срезании растений" ("Омела", Плиний, Бон, lib. 30, cap. 6, сноски).

То, что омела считалась лекарством, причем очень сильным, достаточно легко доказать. Все энциклопедии признают это; но сохранившиеся сведения об идеях, связанных с этим поклонением, не полны и не удовлетворительны.

"Омела, которую они (друиды) называли "всеисцеляющей", использовалась для лечения болезней" (McClintock and Strong's Encyclopædia, цит. по Stukeley).

"Британские барды и друиды питали необычайное почтение к числу три. Омела, - пишет Валленси в своей "Грамматике ирландского языка", - была священна для друидов, потому что не только ее ягоды, но и листья растут гроздьями по три, соединенными в одну кучу". Ирландцы, исповедующие христианство, считали сямрой священной так же, потому что у нее три листа, соединенных в один" (Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. i, p. 109, статья "St. Patrick's Day").

"В недавние времена омела считалась ценным средством при эпилепсии (вопрос, по принципу *similia similibus*?) и других заболеваниях, но в настоящее время не используется..... Листья скармливали овцам во время нехватки других кормов (что свидетельствует, по крайней мере, о том, что они съедобны)."- (Американская энциклопедия Эпплтона).

"Похоже, не обладает какими-либо выраженными медицинскими свойствами."- (Международная энциклопедия.)

"Сейчас, пожалуй, невозможно объяснить то почитание, в котором он находился, и те чудесные свойства, которыми, как предполагалось, он обладал" ("Друиды", преподобный Ричард Смидди, Дублин, 1871, стр. 90).

Плиний упоминает три разновидности. Из них "гифар полезен для откорма скота, если он достаточно вынослив, чтобы выдержать очистительный эффект, который он производит вначале; вискум имеет медицинскую ценность как смягчающее средство, а также в случаях опухолей, язв и тому подобного".

Плиний также цитирует слова о том, что она считается полезной для рожениц: "in conceptum feminarum adjuvare si omnino secum habeant."^[26] Плиний также является авторитетом в отношении того, с каким почтением друиды относились к омеле, растущей на робуре (испанском *робле*, или вечнозеленом дубе). По его словам, робур - это их священное дерево, и все, что на нем растет, они считают посланным с небес и знаком дерева, избранного Богом.- (Encyclopædia Britannica.)

Бранд ("Popular Antiquities", London, 1849, vol. i. article "Mistletoe") приводит мнение различных старых авторов о том, что омела рассматривалась "как лекарство, способное усмирить не только эпилепсию, но и все другие судорожные расстройства..... Высокое почитание, в котором друиды находились у людей всех сословий, в значительной степени проистекало из чудесных исцелений, которые они производили с помощью омелы дубовой..... Омела дубовая, которая очень редка, как говорят в народе, является лекарством от ветра у детей; та, что растет на яблоне, как говорят, хороша от припадков."

"Персы и масагеты считали омелу чем-то божественным, как и друиды" ("Antiquities of Cornwall", 1796, p. 63).

Рассказав об использовании этого растения друидами и их способе его сбора, Фосброк добавляет: "Омела не была неизвестна в религиозных церемониях древних, и предполагалось, что она обладает магическими и лекарственными свойствами" (Fosbroke, Cyclopædia of Antiquities, vol. ii. p. 1047, статья "Mistletoe", London, 1843).

Мистер Уинвуд Рид в своей книге "Вуаль Изиды" (Лондон, 1861) на странице 69 упоминает, что омела дубовая, которую в Уэльсе до сих пор называют "всеядной" или "всеисцеляющей", была суверенным средством друидов; а на странице 71 он добавляет, что порошок из ее ягод считался лекарством от бесплодия. Он описывает действие омелы как сильное чистящее средство. (Личное письмо от Фрэнка Реда Фоука, эсквайра, Южно-Кенсингтонский музей, Лондон, Англия, 18 июня 1888 г.).

"Друиды называли его Uil-loc или All-Heal, потому что, по их словам, он способствует увеличению видов или предотвращает бесплодие" ("Реки жизни", Форлонг, т. ii. с. 331).

"Вероятно, мы никогда не узнаем всей правды об этой древней религии (друидизме); ведь, как говорит мистер Дэвис, "большинство оскорбительных церемоний должно было быть либо отменено, либо скрыто", поскольку римские законы и эдикты на протяжении веков (до появления бардовских сочинений) сдерживали более жестокие и кровавые жертвоприношения, а во времена бардов не осталось ничего, кроме символических обрядов." - ("Реки жизни", Форлонг, т. ii. с. 331).

Растение (омела) имеет мировую известность. Масагеты, скифы и древнейшие персы называли ее "целительницей", а Вергилий - "золотой ветвью"; Харон немел в присутствии такого предвестника грядущего блаженства; это было "ожидание всех народов, *longe post tempore visum*, как предвещающее возвращение Сола на землю" ("Реки жизни", Форлонг, т. i. с. 81).

Борлаз видит много сходства между волхвами и нашими друидами, и Страбон делает то же самое. "И те, и другие во время совершения обрядов несли в руках пучки растений; у волхвов это был, конечно, хом, называемый барсом, - это подтверждают ассирийские и персепольские скульптуры. Хом очень похож на омелу, и ученый доктор Стакли считает, что этот паразит находится на дереве, о котором говорит Исаия, vi. 13." ("Реки жизни", Форлонг, т. i. с. 43).

"Но все же это будет десятая часть, и она возвратится и будет съедена; как тиловое дерево и как дуб, в которых суть, когда они сбрасывают листья свои; так и святое семя будет сутью их" (Исаия, vi. 13).

"Венок из омелы в некотором смысле обозначает храм Венеры, поскольку любую девушку можно поцеловать, если она попадет под его брызги, - эта практика, хотя и измененная, напоминает нам о том ужасном случае, о котором упоминает Геродот, когда все женщины

хотя бы на время становились собственностью мужчины, искавшего их в храме Милитты" ("Реки жизни", Форлонг, Лондон, 1883, т. i. стр. 91).

Ниже приведены мнения Фрейзера по этому вопросу: "Омела рассматривалась как место жизни дуба. Представление об омеле как о месте жизни дуба естественно возникло у первобытных людей благодаря тому, что дуб - листопадный, а омела, растущая на нем, - вечнозеленая. Зимой вид ее свежей листвы среди голых ветвей должен был приветствоваться поклонниками дерева как знак того, что божественная жизнь, которая перестала одушевлять ветви, все еще сохраняется в омеле, как сердце спящего продолжает биться, когда его тело неподвижно. Поэтому, когда нужно было убить бога, когда нужно было сжечь священное дерево, начинать следовало с обрывания омелы, ибо пока омела оставалась целой, дуб (так думали люди) был неуязвим - все удары их ножей и топоров будут безвредно отскакивать от его поверхности. Но стоит сорвать с дуба его священное сердце, омелу, и дерево кивнет в знак падения" ("The Golden Bough", James G. Frazer, M. A., London, 1890, vol. ii. pp. 295, 296).

Этот ход рассуждений был бы неопровержим, как и логичен, если бы мы могли сказать, что за удалением грибка последовало падение дерева; но, к сожалению, именно этого мы не можем определить. В качестве предположения нет ничего предосудительного в том, чтобы полагать, что такое удаление грибка могло означать уничтожение дуба в какой-то будущий день; но на данный момент у нас нет никаких оснований для того, чтобы обосновать что-либо большее, чем предположение. То, что священный характер дуба был обусловлен свойствами, обнаруженными в омеле, вполне вероятно с учетом всех уже приведенных фактов.

О'Карри, который, похоже, знал все, что можно было узнать о друидизме, признает, что мир располагает очень малым количеством достоверных сведений; он склоняется к мнению, что друидизм был восточного происхождения. (См. "Нравы и обычаи древних ирландцев", Юджин О'Карри, Лондон, Эдинбург, Дублин и Нью-Йорк, 1873). Он утверждает, что "священный жезл" друидов был сделан из тиса, а не из дуба или омелы (Idem, vol. ii. p. 194).

Валленси не верит, что персы были знакомы с омелой; по крайней мере, он не смог найти никакого названия для нее на персидском языке. - (См. Major Charles Vallencey, "Collectanea de Rebus Hibernicis", Dublin, 1774, vol. ii. p. 433).

"В Камбодже, когда человек замечает некое паразитическое растение, растущее на тамариндовом дереве, он одевается в белое и, взяв новый глиняный горшок, взбирается на дерево в середине дня. Он сажает растение в горшок и позволяет ему упасть на землю. Затем в горшке он делает отвар, который делает его неуязвимым." (Aymonier, "Notes sur les Coûtumes, etc., des Cambodgiens", цитируется в "The Golden Bough", vol. ii. p. 286, сноска).

"Друиды использовали только то, что растет на дубе; будучи растением-паразитом, семена которого не сеются рукой человека, оно было хорошо приспособлено для целей суеверия" ("Философия магии", Сальверте, т. i. стр. 229).

Можно привести множество свидетельств того, что омела ценилась как афродизиак, как способствующая плодородию, как священная для любви и, в целом, как возбудитель мочеполовых органов, что является той самой целью, для которой сибирские и североамериканские знахари использовали гриб, и, возможно, той самой причиной, по которой и гриб, и омела были исключены из браминской диеты.

Бранд показывает, что омела "не была неизвестна в религиозных церемониях древних, особенно греков", и что ее использование, сильно смахивающее на друидизм, преобладало на рождественской службе в Йоркском соборе вплоть до наших дней. - (См. в Brand, "Popular Antiquities", London, 1849, vol. i. p. 524).

Веселая забава целовать красивых девушек под рождественской омелой, похоже, имеет фаллическое происхождение. "Этот очень старый обычай дошел до нас из феодальных времен, но его реальное происхождение и значение утрачены". ("Appleton's American Encyclopædia"). Бранд показывает, что молодые люди соблюдали обычай "отщипывать по яголке при каждом поцелуе". (Vol. i. p. 524.) Возможно, в прежние времена от них требовалось проглотить ягоду. Выводы одного из недавних авторов заслуживают внимания: - "Омела была посвящена в жертву.

"Омела была посвящена Милитте, поклоняясь которой, каждая женщина должна была один раз в жизни отдалиться сексуальным объятиям незнакомца. Когда она решала исполнить этот религиозный долг в честь своего признанного божества, она шла в храм и становилась под омелой, предлагая себя первому незнакомцу, который просил ее о благосклонности. Современная модификация этой церемонии заключается в том, что некоторые народы в определенное время года вешают омелу в гостиной или над дверью, и тогда женщина, входящая в эту дверь или стоящая под венком, должна поцеловать первого мужчину, который подойдет к ней и попросит об этом". ("Фаллическое поклонение", Роберт Аллен Кэмпбелл, К. Э., Сент-Луис, Мо., 1888, стр. 202).

Писатель в "Notes and Queries" (Jan. 3, 1852, vol. v. p. 13) приводит слова Нареса о том, что "дева, которую не поцеловали под Рождество, не выйдет замуж в тот год". Но другой автор (28 февраля 1852 г., тот же том) указывает, что "мы должны отнести этот обычай к скандинавской мифологии, где омела посвящена Фриге, Венере скандинавов"[27].

Гримм говорит о том, что Палтар (Бальдер) был убит ударом куса омелы, но не решается дать этому объяснение ("Тевтонская мифология", т. I, стр. 220, статья "Палтар").

"В святилище в Неми росло дерево, с которого нельзя было срывать ни одной ветки. Только беглому рабу разрешалось отломить, если он мог, одну из ветвей. Успешная попытка давала ему право сразиться со жрецом в одиночном бою, а если он его побеждал, то воцарялся вместо него с титулом "Царь леса" (Rex Nemorensis). По преданию, роковой ветвью была та "золотая ветвь", которую по велению сивиллы отщипнул Эней, прежде чем отправиться в опасное путешествие в мир мертвых" ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 4, article "The Arician Grove.").

"Растение, связанное со смертью одного из их величайших и любимых богов, должно быть, было в высшей степени священным для всех тевтонских кровей; и все же это мнение о его священности разделяли кельтские народы". (Grimm, "Teutonic Mythology", vol. iii. p. 1205.)

"Наши травники делят омелу на дубовую, орешниковую и грушевую; и ни одна из них не должна касаться земли." (Idem, p. 1207.)

Другой автор ("Notes and Queries", 2d series, vol. iv. p. 506) говорит: "Поскольку предполагалось, что она обладает мистической силой даровать плодородие и оберегать от яда, приятная церемония поцелуя под омелой может иметь некоторое отношение к этому поверью".

В томе iii. p. 343 говорится, что: "Один фермер из Вустершира имел обыкновение срывать веточку омелы и давать ее корове, которая отелилась первой после Нового года.

Предполагалось, что это обеспечит удачу всему молочному хозяйству". Следует отметить, что коровы, как и овцы, с жадностью поедают омелу".

Другой (в 2-й серии, том vi. p. 523) признает, что "омела была священна для языческой богини красоты", и "несомненно, что омела, хотя раньше она занимала место среди вечнозеленых растений, используемых в христианских украшениях, впоследствии была исключена". Это исключение он объясняет следующим образом: "Также несомненно, что в ранние века существования церкви многие празднества, совсем не способствующие назиданию (в том числе практика взаимных поцелуев), постепенно проникали в церковь и утверждались в ней, так что в определенную часть службы *"statim clerus, ipseque populus per basia blande sese invicem oscularetur"*."

Этот автор цитирует Хоуна, Хука, Морони, Бешереля, Дюканжа и других. Наконец (в 3-й серии, т. vii. с. 76), один из читателей спрашивает: "Как получилось, что во времена Шекспира это растение считалось "вредным", а в наши дни - самым веселым из растений?" А другой корреспондент в той же серии (vol. vii. p. 237) утверждает, что "омела вызывает аборт у самки оленя или собаки".

"Сэр Джон Оллбах в своей диссертации об омеле, которую он настоятельно рекомендует как лекарство, способное усмирить не только эпилепсию, но и все другие судорожные расстройства, замечает, что это прекрасное растение, должно быть, было создано Всевышним для других и более благородных целей, чем просто кормление дроздов или суеверное развешивание в домах для отгона злых духов. Он рассказывает (стр. 12), что "высокое почитание, в котором друиды издревле находились среди людей всех сословий, в значительной степени объяснялось чудесными исцелениями, которые они производили с помощью омелы дубовой; это дерево было для них священным, но не было ни одного такого дерева, на котором не было бы омелы". Мистер Ф. Уильямс, датированный 28 января 1791 года в Пембруке, сообщает нам в "Джентльменском журнале" за февраль того же года, что "Гидхель, омела, магический кустарник, кажется, был запретным деревом посреди деревьев Эдема; ибо в Эдде омела, как говорят, была смертью Бальдера, который все же погиб из-за слепоты и женщины." - (Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. i. p. 519, статья "Evergreen-decking at Christmas").

ПРЕЖНЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ НАСТОЯ ИЛИ ОТВАРА ОМЕЛЫ.

О том, что настой или отвар этого растения когда-то использовался, можно судить по факту, описанному Джоном Элиотом Говардом: "Воду, в которую погружали священную омелу, давали людям или окропляли их" ("Друиды и их религия", Джон Элиот Говард, в "Transactions of Victoria Institute", vol. xiv. p. 118, цитируя "Le gui de chêne et les Druides", E. Magdaleine, Paris, 1877).

Монфокон говорит о друидах: "Ils croient que les animaux stériles deviennent féconds en buvant de l'eau de gui."-("L'antiquité Expliquée", Paris, 1722, tome 2, part 2, p. 436, цитируя и перевод Плиния).

"Миссельто, или "Uil-ice", должно было быть взято, если возможно, с дерева Jovine, когда оно было в расцвете сил; но редко можно было найти его на любом дубе. Если его добыть у одного из них, которому около тридцати пяти лет, и принять в виде отвара, он даровал плодородие мужчинам, женщинам и детям" ("Реки жизни", Форлонг, т. ii. с. 355).

Юджин О'Карри говорит о том, что у ирландских друидов был "напиток забвения", состав которого, однако, до нас не дошел. (О'Карри называет этот напиток забвения "друидическим талисманом" и "друидическим заклинанием" (Idem, vol. ii. p. 226.))[28].

См. примечания в этой монографии об индуистском лингаме.

ОМЕЛА, КОТОРАЯ, КАК УТВЕРЖДАЕТСЯ, СЧИТАЛАСЬ СВЯЩЕННОЙ У СТРОИТЕЛЕЙ КУРГАНОВ.

Один американский писатель говорит, что среди строителей курганов омела была "самым святым и редким из вечнозеленых растений", и что когда человеческие жертвы приносились солнцу и луне, жертва покрывалась омелой, которая сжигалась как фимиам. (Pidgeon, "Dee-soo-dah", New York, 1853, p. 91 et seq.) Пиджон утверждал, что получил свои знания от индейцев, знающих традиции и предания своих племен[29].

Миссис Истман приводит рисунок того, что можно принять за алтарь Хаокаха, антиприродного бога сиу, на котором изображен "большой гриб, растущий на деревьях" (вопрос, омела?), который, если его съест животное, приведет к его смерти[30].

ПРАЗДНИК ОМЕЛЫ У МЕКСИКАНЦЕВ.

То, что мексиканцы с благоговением относились к омеле, кажется, не вызывает сомнений. У них был праздник омелы. В октябре они отмечали праздник Нейпахтли, или дурного глаза, - растения, растущего на деревьях и свисающего с них, серого от сырости дождя; особенно много его росло на различных видах дуба.[31] Информатор говорит, что не может дать объяснения этому празднику.

ПЕРЕЖИТКИ ДРУИДИЧЕСКИХ ОБРЯДОВ В НАШИ ДНИ.

Интересно обнаружить следы друидических обрядов, упорно сохраняющиеся в измененной жизни современной цивилизации.

В департаменте Сена-и-Уаз, в двенадцати лье от Парижа (рассказывает один из недавних авторов), когда у ребенка случался разрыв (грыжа), его приносили под определенный дуб, и несколько женщин, которые, несомненно, зарабатывали на жизнь этим ремеслом, танцевали вокруг дуба, бормоча слова заклинаний, пока ребенок не излечивался, то есть не умирал ("Notes and Queries", 5th series, vol. vii. p. 163).

Уже было показано, что друиды приписывали дубовой омеле именно это медицинское свойство.

"В Бретани до сих пор сохраняется праздник, посвященный омеле. Тамошние жители называют ее "touzon ar gros" - "трава креста" ("Commonplace Book", Buckle, vol. ii. of his Works, p. 440, London, 1872).

В Англии омелу сжигали для любовных гаданий (см. Brand, "Popular Antiquities", London, 1872, vol. iii. p. 358, статья "Гадание на цветах").

Фромманн перечисляет омелу среди "Recentiorum ad fascinum remedia.... Viscum corylinum et tiliaceum" (лещина или филберт и липа). Гениталии околдованного человека помазывали мазью, приготовленной из омелы, чтобы развязать "лигатуры". (См. Frommann, "Tractatus de Fascinatione", Nuremberg, 1675, pp. 938, 957, 958, 965).

"В Швеции люди, страдающие падучей болезнью, носят с собой нож с рукояткой из дубовой омелы, чтобы отражать нападения. Кусочек омелы, повешенный на шею, отгоняет другие болезни". У нас есть авторитетное мнение Калпепера, который говорит, что "она отлично помогает от сухожилий, зуда, язв и зубной боли, от укусов бешеных собак и ядовитых зверей, и что она очень мягко очищает от простуды". Гримм отмечает, что именно веткой омелы был убит Бальдер..... В "Кадейре Талиасина" говорится, что омела была одним из ингредиентов *awen a gwubodeu*, или воды вдохновения, науки и бессмертия, которую богиня Код готовила в своем котле. Считалось, что ведьмы не в силах причинить вред тем, кто носит омелу на шее. Сэр Томас Браун говорит о пользе омелы в случаях эпилепсии" ("Народная медицина", Блэк, Лондон, 1883, с. 196).

Такая же вера в Воды Жизни, науку, бессмертие и т. д., похоже, существует и у славянских народов, которые в своих мифах также говорят о "безумной траве", которую, возможно, можно отнести к траве колодца Борджи, которая, как мы видели, "заставляла Камерслана фо'к вранг в голове" (см. "Мифы и народные сказки русских, западных славян и мадьяр", Джеремайя Куртин, Бостон, Массачусетс, 1890).

Омела, особенно с липы и дуба, была перечислена Этмюллером среди средств лечения эпилепсии ("*tiliaceum et quercinum*"); другие рекомендовали омелу с бузины или ивы. Для лечения той же болезни на той же странице был прописан "зибетум". (См. Этмюллер, "Opera Omnia", Лион, 1690, т. i. с. 198: "Комментарий. Людовик").

Омела можжевельная, собранная в мае, была хороша для промывания глаз. "*Maio mense instar musci adnascitur inservit aquæ ophthalmicæ.*" (Etmuller, vol. i. p. 84, "Schroderi Dilucidati Phytologia.")

Высушенные грибы разных видов использовались в качестве кровоостанавливающих средств" (Idem, p. 70.).

Особенно хорош для этой цели был гриб дуба.- (Idem, p. 127.)

Омела дубравная считалась особенно ценной при всех маточных заболеваниях, кровотечениях, подавлении менструаций и т. д. - (Idem, p. 127.)

В мифе о Кале-вале юная дева забеременела, съев ягоду. (См. "Миф, ритуал и религия", Эндрю Лэнг, Лондон, 1887, т. ii. с. 179).

Мы можем задать вопрос, что это была за ягода. Можно также сослаться на слова Лэнга о мифических представлениях, которые якобы вызывались можжевельником и другими ягодами" (Idem, p. 180.).

Омела принималась внутрь против эпилепсии" ("Most Excellent and Most Approved Remedies", London, 1654, p. 14.).

"В Швеции кольцо из омелы считается амулетом" ("Народная медицина", Блэк, с. 173).

В Муррайшире, Шотландия, "в полнолуние в марте жители срезают листья омелы или плюща, делают из них круги, хранят их весь год и притворяются, что лечат с их помощью гектики и другие неприятности" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 151, статья "Moon").

"В Северной Германии, где до сих пор сохраняется старый тевтонский культ, жители деревень на Рождество бегают по улицам, бьют молотками по дверям и окнам и кричат:

"Гутиль! Гутиль!" - очевидно, друидическое название омелы, использованное Плинием. В Голштинии люди называют омелу "веткой призраков"; ...они считают, что она лечит свежие раны и обеспечивает успех на охоте". Цитируется Стакли, который показывает, что почитание этого растения преобладало в Йоркском соборе вплоть до самых последних времен.- (Encyclopædia Metropolitana.)

"Misseltoe of the oake drunk cureth certainly this disease" (epilepsy).- ("The Poor Man's Physician", John Moncrief, Edinburgh, 1716, p. 71.)

Другой автор считает его специфическим средством при эпилепсии, а также при апоплексии, головокружении, для предотвращения судорог и для помощи детям при прорезывании зубов, когда его носят на шее. "Мы имеем сведения о странных суеверных обычаях, используемых при его сборе, и о том, что при их несоблюдении он теряет свою силу. Некоторые предполагают, что это золотая ветвь, которую использовал Эней, чтобы ввести его в Елисейские края, как прекрасно описано в шестой "Энеиде" Вергилия" ("Полный английский диспансер", Джон Куинси, доктор медицины, Лондон, 1730, с. 134).

Калпепер писал, что омела, особенно растущая на дубе, полезна при падучей болезни, апоплексии и параличе, а также как средство от колдовства; в последнем случае ее следует носить на шее. Похоже, он ничего не знал о происхождении этих идей и практик" (см. Richard Culpepper, "The English Physician", London, 1765, p. 217).

Помет в своей "Истории лекарств", Лондон, 1737, описывает агарик как нарост, "встречающийся на лиственнице, дубе и др. Лучший агарик - левантский"; в медицине следует использовать только тот, "который древние называли женским". Его назначали при "всех расстройствах, происходящих от грубых веществ и препятствий", таких как эпилепсия, головокружение, мания и т.д.; и это отчасти по принципу симпатии или *similia similibus*.

В одном из препаратов от эпилепсии, который, по словам Бекхериуса, был рекомендован Галеном, содержится "Agaricus Viscus Querci" (см. Danielus Beckherius, "Medicus Microcosmus", London, 1660, p. 208).

"Когда омелу находили растущей на дубе, она представляла человека" (мнение французского писателя Рейно в его статье "Друидизм", цитируемой в Encyclopædia Britannica).

Несмотря на это обильное доказательство, которое при необходимости можно было бы раздуть в объеме, о сохранении в домашней медицине, а также в медицинской практике более претенциозного характера, использования омелы, особенно в случаях эпилепсии, в "Саксонских пиявках" нет ни одного случая ее применения.

Объяснение этому можно найти в том, что этот сборник скорее отражает знания, которыми до сих пор обладают монахи в области классической терапии, чем мастерство, достигнутое самими саксами; здесь есть страницы цитат из Секста Пластины и других авторитетов, но почти ничего не свидетельствует о том, что здесь были представлены идеи самих саксов.

ЛИНГВИСТИКА ОМЕЛЫ.

Другие любопытные примеры выживания можно найти в лингвистике этого предмета. Французское слово "gui", означающее омелу, имеет не латинское, а друидическое происхождение, а испанское "aguinaldo", означающее рождественский или новогодний

подарок, сохраняет слегка измененный возглас друидского жреца, обращенный к "gui" при открытии нового года.

"Aguillanneuf, et plus clairement, 'au gui, l'an neuf,' ou bien encore, 'l'anguil l'an neuf.'" - (Le Roux de Lincy, Livre des Proverbes Français, 1848, Paris, tome 1, p. 2, цитируется в Buckle's "Commonplace Book", vol. ii. p. 440).

"Следующим делом было организовать сбор священного растения, и барды были разосланы во все стороны, чтобы призвать народ к великой религиозной церемонии. Считается, что слова провозглашения сохранились в обычае, который преобладает, особенно в Шартре, старой метрополии друидов, просить подарки на Новый год со словами "au gui l'an neuf." ("Le Gui de Chêne et les Druides", Magdaleine, цит. по John Elliot Howard, в "Victoria Society Transactions", vol. xiv).

"Кельтское название дуба было "gue" или "guy"" (Brand, Pop. Ant., vol. i. p. 458).

Писатель из "Notes and Queries" показывает (vol. ii. p. 163), что слово "омела" по-французски - "le gui"; континентальный друид назывался Gui, или Guu, от "cuidare", откуда "Guide". В наши дни, хотя омела сама по себе является талисманом, ее название является термином оскорбления, - guu, по-английски.

М. К. Х. Гайдос не согласен с такой трактовкой. По его мнению, слова "aguinaldo" и "à gui l'an neuf" должны происходить от латинского "ad calendas" (личное письмо, Париж, Франция, 11 марта 1889 г.).

XVII.

КОРОВИЙ НАВОЗ И КОРОВЬЯ МОЧА В РЕЛИГИИ.

Жертвенное значение коровьего навоза и коровьей мочи в Индии и Тибете гораздо больше, чем читатель может предположить из уже приведенной краткой цитаты из Макса Мюллера.

"Индусские купцы в Бохаре теперь громко плачут при виде куска коровьей плоти и в то же время смешивают со своей пищей, чтобы она принесла им пользу, мочу священной коровы, хранящейся в этом месте" (Erman, "Siberia", London, 1848, vol. i. p. 384).

Пикарт рассказывает, что брамины кормили священную корову зерном, а потом искали в пометах священные зерна, которые выбирали целиком, сушили и давали больным, не просто как лекарство, а как святыню[32].

Эти обряды распространены не только среди жителей низменностей, но и среди жителей подножий Гималаев; "сам навоз коровы съедается во искупление греха, а ее моча используется для поклонения" (Notes on the Hill Tribes of the Neilgherries, Short, Trans. Ethnol. Society, London, 1868, p. 268.)

"Величайшим или, во всяком случае, самым удобным из всех очистителей является моча коровы; ... ею окропляют изображения. Ни один человек, претендующий на благочестие или чистоплотность, не пройдет мимо коровы в момент ее стекания, не получив священный поток в руку и не глотнув несколько капель..... Если же животное задерживается, благочестивый ожидатель нетерпеливо приложит палец и благоразумным щекотанием возбудит благодарный поток" (Moor's "Hindu Pantheon", London, 1810, p. 143).

См. также примечание Форлонга в разделе "Инициация", с. 164.

"Можно отметить, что, согласно Ладжарде, "коровья вода" первоначально означала дождевую воду, а облака назывались коровами. Я привожу это в том виде, в котором оно того стоит. Ваша подборка фактов сильно противоречит этому объяснению" (личное письмо профессора У. Робертсона Смита, датированное 11 августа 1888 года, Крайст-колледж, Кембридж, Англия).

Говоря о жертвоприношении, называемом Пуджа, Морис говорит: "Брахман готовит место, которое очищается сухим коровьим навозом, которым выстилается мостовая, а комната окропляется мочой того же животного" (Maurice, "Indian Antiquities", London, 1800, vol. i. p. 77.).

"Как в Индии, так и в Персии моча коровы используется в церемониях очищения, во время которых ее пьют" ("Зоологическая мифология", Анджело де Губернатис, Лондон, 1872, т. i. с. 95, цит. по Анкетиль дю Перрон, "Зендавеста", ii. с. 245).

Дюбуа в своей главе "Восстановление в касте" говорит, что индусский кающийся "должен выпить *панчакарьям* - слово, которое буквально означает пять вещей, а именно: молоко, масло, творог, навоз и мочу, смешанные вместе". И он добавляет.

"Считается, что моча коровы - самое эффективное средство для очищения от всех мыслимых нечистот. Я часто видел, как суеверный индус сопровождал этих животных на пастбище и следил за моментом, чтобы получить мочу, когда она падает, в сосуды, которые он принес для этой цели, чтобы отнести ее домой в свежем виде; или, поймав ее в ложбинку своей руки, омыть свое лицо и все тело. При таком использовании он удаляет все внешние нечистоты, а при внутреннем приеме, что очень распространено, очищает все внутри" (Abbé Dubois, "People of India", London, 1817, p. 29).

Очень часто экскременты сначала превращаются в пепел. Монахи Чивема, называемые пандаронами, мажут свои лица, грудь и руки пеплом коровьего навоза; они бегут по улицам, требуя милостыню, подобно тому как актеры зуньи требуют пиршества, и воспевают хвалу Чивему, неся в руке пучок павлиньих перьев, а на шее носят *лингама*^[33].

КОРОВИЙ НАВОЗ ТАКЖЕ ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ ИЗРАИЛЬТЯНАМИ.

"У племен было не так много общих чувств, когда они пришли к писателям и рассказали нам, что они думают друг о друге. Как правило, они с горечью поносили богов и храмы друг друга..... Иудеи называли самаритянский храм, где святили тельцов и быков, словом греческого происхождения "пелетос наос", "храм навозных холмов". ... Самаритяне, в свою очередь, называли Иерусалимский храм "домом навоза"" ("Реки жизни", Форлонг, т. i. с. 162).

Комментаторы с полным основанием полагают, что эти выражения сохраняют факт существования в этих местах поклонения того же почитания навоза, которое и по сей день встречается среди народов Ост-Индии.

В другом месте Дюлор обращает внимание на аналогичное использование евреями пепла навоза красной телицы в качестве искупительной жертвы^[34].

В один из индуистских постов верующий принимает эти отвратительные экскременты в качестве пищи. На четвертый день "его отвратительный напиток - моча коровы; на пятый -

экскременты этого священного животного - его пища" (Maurice, "Indian Antiquities", London, 1800, vol. v. p. 222.).

"Я не думаю, что можно придавать значение тому факту, что в Израиле, когда жертву полностью сжигали, навоз не освобождали от огня. Я думаю, это означает лишь то, что жертва не очищалась от внутренностей, как в жертвоприношениях, которые съедались" (личное письмо профессора У. Робертсона Смита из Крайст-колледжа в Кембридже, Англия).

"Refert etiam Waltherus Schulzius ("Oest-Indianische Reise", lib. 3, cap. 10, 1, m. 188, seq.) certam Indorum sectam Gioghi dictam nullum assumere cibum, nisi fimo vaccino coctum; capillos et faciem Croco et Stercore vaccino inungunt; nemo etiam in hanc societatem admittitur nisi antea per longum temporis spatium Corpus suum hoc stercore nutriverit, etc."-(Schurig, "Chylologia", p. 783, цитируется в "Bibliotheca Scatologica", pp. 93-96).

Этмюллер, "Opera Omnia", Commentar. Ludovic., Lyons, 1690, vol. ii. pp. 171, 172, говорит, что Бенджани, восточная секта, верующие в переселение душ, сохраняют навоз своих коров, собирая его в руки.

Розинус Лентилиус в "Ephemeridum Physico-Medicorum", Leipsig, 1694, приводит цитату из Итинерария Тавернье, lib. 1, cap. 18, в отношении индорумских сциболофагов, которые, выполняя обет питаться только плотью, соскребают помет лошадей, быков, коров и овец. "Scybolophagi Indorum, de qua Tavernier, quod Benjanæ aliæque mulieres voto semet obstringant soli manducationi quisquiliarum, quas in pecorum, equorum, boum, vaccarum, stercoribus ruspatione sedula conquirunt.... Nec proprie de Homerda seu humanis excrementis, quibus Indorum nonnulli cibos condire, iisque ptarmici pulvere vice uti, quin et medicamentis, ceu panaceam, commiscere, non aversuntur."

Марко Поло не упоминает об использовании жителями Индии коровьего навоза или мочи в каких-либо религиозных церемониях, за исключением одного примера, приведенного в разделе "Промышленность". Но о древности этого обряда свидетельствует тот факт, что он часто упоминается в древнейших канонических книгах индийского народа.

"Что касается посвящения Юдхистхиры (старшего сына Панду и старшего брата Пандавов), который стал Махараджей после поражения и смерти Кауравов на поле Курукшетра, браминские авторы Маха-Бхараты в ее нынешней форме описывают среди церемоний, используемых по этому случаю, следующую:" (Сокращено из текста J. Talboys Wheeler, "History of India", "The Vedic Period and the Maha-Bharata", vol. i. p. 371.) "После этого пять очистительных средств, которые получают от священной коровы, а именно: молоко, творог, гхи, моча и ордур - были принесены Кришной, Махараджей и братьями Юдхистхиры и вылиты ими на головы Юдхистхиры и Драупади".

"Появление здесь Кришны придает повествованию характерный культ периода, гораздо более позднего, чем тот, в котором ведические арии использовали корову в качестве религиозного символа. Теперь это животное было священным для Вишну, который не занимал места в ведическом пантеоне, и его поклонение было достаточно развито, чтобы допустить его воплощение в виде Кришны" (личное письмо д-ра Дж. Хэмпдена Портера, датированное Вашингтоном, округ Колумбия, 29 сентября 1888 г.).

Де Губернатис говорит о "суеверном обычае индусов очищать себя с помощью экскрементов коровы. Этот обычай перешел в Персию; в Харда Авесте сохранилась формула, которую должен произносить верующий, держа в руке мочу быка или коровы, перед тем как омыть ею

лицо: "Уничтожен, уничтожен, да будет демон Ахриман, чьи действия и дела прокляты"" - ("Зоологическая мифология", De Gubernatis, pp. 99-100, vol. i.).

"Мы должны завершить объяснение другого мифа - о том, что экскременты коровы считаются очищающими. Луна, как аврора, дает амброзию. Ее считают коровой; моча этой коровы - амброзия или святая вода; тот, кто пьет эту воду, очищает себя, как амброзия, которая льется из лунного луча и авроры, очищает и делает чистым путь на небе, который тени ночи затемняют и загрязняют.

"То же самое свойство приписывается, кроме того, коровьему навозу - понятие, также происходящее от коровы, и придаваемое луне, а также утреннему аврору. Считается, что эти две коровы своими амброзийными экскрементами делают землю плодородной; эти экскременты, будучи также светящимися, как луна, так и аврора, считаются очистителями. Пепел этих коров, который хранит их подруга героиня, - не пепел, а золотой порошок или золотая мука (золотой пирог снова встречается в русских сказках в той муке или золотом порошке, который ведьма требует от героя), который, смешиваясь с экскрементами, приносит удачу хитрому герою-разбойнику.

"Пепел принесенной в жертву беременной коровы (то есть коровы, которая умирает после рождения тельца) римляне религиозно хранили в храме Весты вместе с бобовыми стеблями, которые использовались для того, чтобы напитать землю, засеянную кукурузой, в качестве средства искупления. Об этом обряде упоминает Овидий. (Пепел коровы сохраняется и как символ воскресения, и как средство очищения" ("Зоол. мифол.", De Gubernatis, т. i. стр. 275-277).

Ученый автор упускает из виду в своих аргументах, что коров приносили в жертву и поклонялись им в Индии до того, как они были перенесены в Зодиак и в символику элементов[35].

"Религия, в своей основе, является продуктом воображения, работающего над желаниями и страхами раннего человека, и ни в коем случае не является сверхъестественной или результатом какой-либо предвзятой и преднамеренной мысли или желания разработать систему морали. В каждом случае она возникала из того, что казалось человеку или его племени насущными потребностями дня или времени года. Кодификация и расширение верований в таком случае были бы лишь медленным результатом размышлений и учений размышляющих умов, обычно работающих с уточняющей тенденцией над вышеупомянутым примитивным поклонением природе и разъяснением его идей, символизма и легенд. Ранние грубые поклонники не могли постичь абстракции, не могли следовать проповедям, даже если бы они были прочитаны, и уж тем более не могли следовать заумным теориям о том, что на Западе называют "солнечными" и другими теориями" - ("Реки жизни", Форлонг, т. I. с. 36).

"В "Шапаст ла Шайаст" (Священные книги Востока, т. V., ч. I.) большое внимание уделяется бычьей моче как очищающему средству." (Личное письмо профессора Р. А. Оакса, Уотертаун, Нью-Йорк, 20 апреля 1888 г.).

"В течение последних нескольких лет мы были подвергнуты большому количеству глупых рассуждений о красоте и благородстве восточных религий. Я не отрицаю, что в них есть много достойных похвалы черт, и что они часто приближаются к сердцу истинной религии, как мы ее понимаем. Но по своим практическим результатам они не могут сравниться с христианством. Возьмем конкретный пример.

"Преподобный Т. В. Джекс-Блейк так отзывается о Бенаресе с его тремя тысячами индуистских храмов: "Зайдите в город, - говорит он, - в одном храме кишмя кишат тупые обезьяны, в другом - коровы. Вонь в переходах, ведущих к храмам, ужасающая; грязь под ногами такая, что самый внимательный путешественник вряд ли захочет столкнуться с ней дважды. Повсюду, в храмах, в маленьких святилищах на улицах, эмблема Творца имеет фаллический характер. Вокруг одного живописнейшего храма, построенного, по-видимому, давно, со времени начала британской оккупации, возможно, со времен битвы при Ватерлоо, проходит внешний фриз, примерно в десяти футах от земли, слишком грубый, чтобы его можно было описать, - сцены порока, естественного и неестественного, видимые всему миру круглые сутки, хуже, чем что-либо в Лупанаре в Помпеях. Ничто из того, что я видел в Индии, не пробудило во мне больше чувства необходимости религиозного обновления Евангелием Христа, чем то, что открыто, справа и слева, предстало перед глазами в Бенаресе". ("Трибьюн", Нью-Йорк, 11 ноября 1888 г.).

"Сорок лет назад, во время трехмесячного пребывания в Бомбее, я часто видел коров, бродящих по улицам, и индуистских верующих, которые кланялись и поднимали хвосты коров, натирая правой рукой утробы вышеупомянутых коров, а затем натирали ими свои лица" (личное письмо капитана Анри Жуана, французский флот, от 29 июля 1888 года, Шербур, Франция).

Почти такую же информацию сообщил генерал Дж. Дж. Дана из армии США, который в окрестностях Калькутты более сорока лет назад видел индуистских приверженцев, вымазанных с головы до ног человеческими экскрементами.

Среди суеверных обычаев греков Плутарх упоминает "закатывание себя в навозные холмы". ("Мораль", перевод Гудвина, Бостон, 1870, т. i. с. 171, ст. "Суеверия"). Plutarch also mentions "foul expiations," "vile methods of purgation," "bemirings at the temple," and speaks of "penitents wrapped up in foul and nasty rags," or "rolling naked in the mire," "vile and abject adorations,"— (pp. 171-180.)

Подобное почитание экскрементов коровы встречается и у других рас. Хоттентоты "мажут свои тела жиром и другими жирными веществами, поверх которых они натирают коровьим навозом, жиром и подобными веществами" (Thurnberg's "Account of the Cape of Good Hope", in Pinkerton, vol. xvi. pp. 25, 73, 139).

"Все идеи и мысли динка направлены на приобретение и содержание скота; похоже, им оказывается определенное почтение; даже их отбросы считаются очень важными. Навоз, который сжигают до пепла, чтобы спать на нем и намазывать им лицо, и моча, которая используется для мытья и заменяет соль, являются их ежедневными потребностями" (Schweinfurth, "Heart of Africa", vol. i. p. 58.).

В религиозных церемониях лам Калмука "бедняки бросают в начале службы, которая длится весь день, немного бисерной мочи и портят ее маленьким трепетом фер" ("Voy. de Pallas", vol. i. p. 563).

XVIII.

ОРДУР, КОТОРЫЙ, КАК УТВЕРЖДАЕТСЯ, ИСПОЛЬЗОВАЛИ В ПИЩУ ИЗРАИЛЬТЯНЕ.

Среди банианцев Индии брахманы обязывают прозелитов питаться коровьим навозом в течение шести месяцев. Они начинают с одного фунта в день и уменьшают его количество изо дня в день. Тонкий комментатор, говорит Пикар, мог бы провести сравнение между питанием этих фанатиков и коровьим навозом, который Господь велел пророку Иезекиилю смешать со своей пищей[36].

Такого же мнения придерживался Вольтер по этому вопросу. Говоря о пророке Иезекииле, он сказал: "Он должен есть хлеб из ячменя, пшеницы, бобов, чечевицы и проса и покрывать его человеческими экскрементами"[37] Таким образом, говорит он, "сыны Израиля будут есть свой хлеб, оскверненный среди народов, среди которых они будут изгнаны". Но "после того, как они съедят этот хлеб скорби, Бог разрешает им покрыть его экскрементами простого скота".

Некоторые библейские комментаторы считают, что экскременты использовались для выпечки хлеба; но если это так, то почему для этой цели должны использоваться человеческие фекалии? (См. Lange's Commentaries, статья "Иезекииль", и McClintock and Strong's Cyclopædia, статья "Навоз").

"Что может быть грязнее, чем 2 Царств xviii. 27, Исаия xxxvi. 12 и Иезекииля iv. 12-15 (где Господь превращает человеческий навоз в "коровью стружку")? "Ce qui excuse Dieu", - сказал Анри Бейль, - "ce qu'il n'existe pas". Я добавляю: так, как его сделал человек" (Ричард Ф. Бертон, "Заключительный очерк" к его изданию "Арабских ночей", т. х. р. 181, сноска, Лондон, 1886).

Бейль не упоминает о выпечке хлеба с навозом в своей краткой статье о пророке Иезекииле; не упоминает об этом и профессор Дж. Стюарт Блейки в своей более обширной диссертации в Британской энциклопедии, статья "Иезекииль".

"Об использовании навоза древними израильтянами можно узнать из отрывка, в котором пророк Иезекииль, получив символическое повеление печь хлеб на навозе, отказывается от использования нечистой вещи и получает разрешение использовать вместо нее коровий навоз" - (Strong and McClintock's "Cyclopædia of Biblical and Classical Literature", New York, 1868, vol. ii. article "Dung.").

"Я боюсь, что Вольтера нельзя воспринимать как авторитета в вопросах иврита. Я считаю, что отрывок из Иезекииля правильно переведен в пересмотренном издании, где в 15-м стихе "на нем" заменено на "вместе с ним" в старой версии. Использование высушенного коровьего навоза в качестве топлива распространено среди бедных слоев населения на Востоке; а в условиях осады топливо, которого всегда не хватает, будет настолько скудным, что придется использовать навоз человека. Я не думаю, что нужно искать дальнейшее объяснение стихов 15-17; слова стиха 15 не двусмысленны, и "использованный навоз" - это то же самое, что арабы до сих пор применяют к высушенным лепешкам коровьего навоза, используемым в качестве топлива. Вольтер и Пикар, по-видимому, использовали Вульгату, в которой стих 12 переведен неправильно" (личное письмо профессора В. Робертсона Смита, Кембридж, Англия).

"Les nombreux exemples qui précèdent rendent moins intéressante la question de savoir an Ezéchias stercus comederit; ce ne serait qu'un mangeur de plus. Pourtant on peut voir dans la Bible le verset 12 du chap. iv. de ce prophète: "et quasi sub cinerium hordaceum comedes illud et stercore quod egreditur de homine operies illud in oculis eorum;" et les diverses interprétations données par les différents traducteurs et commentateurs."-(Bibliotheca Scatologica, pp. 93-96.)

Шуриг относит один параграф к обсуждению Ezechias stercus comederit.(Idem, p. 39.)

То, что именно думал Шуриг по этому вопросу, можно выразить его собственными словами. Хотя и не утвердительно, он склоняется к мнению, что Иезекииль действительно ел экскременты: - "Denique mandato divino

"Denique, mandato divino, Propheta Ezechiel, cap. iv. ver. 12, placentam hordeaceam cum stercore humano parasse atque comedisso primo intuitu videtur, juxta versionem Lutheri.... Juxta Junium et Tremellium allegata verba sic sonant: Comedes cibum ut placentam hordeaceam, et ad orbes excrementi humani parabis placentam istam in oculis illorum. Juxta Sebastianum Schmidium: Sicut placentam hordeorum comedes eum; quod ad ipsum tamen, cum stercore fimi hominis facies in oculis eorum. Bene etiam hunc locum explicat Textus Gallicus meæ editionis: Tu mangeras de fouaces d'orge, et les cuirass avec la fiente qui sort hors de l'homme eux le voyans."- ("Chylologia", Dresden, 1725, pp. 782, 783.)

"Иезекииль говорит, что его Бог велел ему лежать триста девяносто дней на левом боку, а затем сорок дней на правом, когда "он возложит на него руки и будет переворачивать его с одного бока на другой"; также он должен был в течение всего этого времени есть только ячменный хлеб, испеченный слишком отвратительным способом, чтобы его можно было описать" ("Реки жизни", Форлонг, т. ii. с. 597).

"Это последнее повеление, однако, вызвало столь сильное возмущение, что его Божество несколько смягчило его".

Наиболее рациональное объяснение этого вызывающего много споров и неоднозначного отрывка обязательно должно быть таким, которое можно вывести из рассмотрения окружения Иезекииля.

Если отбросить все сомнения, остается одно: пророк, несомненно, находился под влиянием и действием идей своего времени и поколения, которые рассматривали унижения, которым он подвергал себя, как внешние проявления внутренней духовности.

С психологической точки зрения нет большой разницы между употреблением человеческих экскрементов и лежанием на боку в течение трехсот девяноста дней; и то, и другое - признаки одного и того же извращенного умонастроения, которое с такой частотой принимается за благочестие и святость.

"У Исаии были периоды непристойных маниакальных вспышек; нам рассказывают, что однажды он три года ходил совершенно голым, потому что так повелел Господь" ("Реки жизни", т. ii. с. 537, цит. по Исае хх. 2, 3).

ЭКСКРЕМЕНТЫ СВЯЩЕННОЙ КОРОВЫ КАК ЗАМЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯМ.

Вышеприведенные свидетельства, которые можно легко увеличить в объеме, доказывают священный характер этих выделений, которые можно рассматривать как замену более

совершенного жертвоприношения. В ранний период жизни индусов более чем вероятно, что корову или телку убивали ножом или сжигали; по мере увеличения плотности населения домашний скот стал слишком дорогим, чтобы часто приносить его в жертву, и по принципу "часть представляет целое" волосы, молоко, масло, моча и экскременты заменили убитую тушу, а сжигаемые экскременты стали использоваться в качестве жертвы всесожжения[38].

Вряд ли подобная практика или объяснение причин, которые привели к ее принятию и сохранению, могли избежать острой критики Э. Б. Тайлора.

"Для получения некоторых из своих разнообразных средств, индус прибегает к священной корове..... Религия парси предписывает систему люстрации, которая хорошо показывает свое общее происхождение с индуизмом благодаря схожему использованию коровьей мочи и воды..... Нанесение *ниранга*, смываемого водой, является частью ежедневных религиозных обрядов, а также таких специальных церемоний, как наречение имени новорожденному, надевание священного шнура, очищение матери после родов и очищение того, кто прикоснулся к трупу."- (E. B. Tylor, "Primitive Culture," London, 1871, vol. ii. pp. 396, 397).

"Нам поможет понять, как жертва животного может искупить человеческую жизнь, если мы обратим внимание на то, как в Южной Африке зулус выкупает потерянного ребенка у нашедшего его быка, или кимбунда искупает кровь раба, принося в жертву быка, кровь которого смывает кровь другого. В качестве примеров того, как животное заменяет человека в жертвоприношении, можно привести следующие: Среди кхондов Ориссы, где полковник Макферсон занимался пресечением принесения человеческих жертв сектой богини-земли, сразу же начали обсуждать план принесения в жертву крупного рогатого скота в качестве заменителя. Есть основания полагать, что такой же ход церемониальных изменений может объяснить следующую жертвенную практику в другой секте хондов. Оказывается, те, кто поклоняется Светлому богу, устраивают в его честь праздник, на котором закалывают буйвола в память о том времени, когда, по их словам, богиня-земля уговаривала людей принести ей человеческие жертвы, но Светлый бог послал божество племени, которое раздавило кровожадную богиню-землю под горой и вытащило из джунглей буйвола, сказав: "Освободите человека, а буйвола принесите в жертву". Похоже, что эта легенда, лишенная мифических одеяний, действительно может быть исторической заменой человеческих жертвоприношений животными. На Цейлоне экзорцист требует назвать имя демона, овладевшего бесноватым, и пациент в исступлении отвечает, называя имя демона: "Я такой-то и такой-то; я требую человеческой жертвы, и я не уйду без нее". Жертва обещана, пациент приходит в себя, и через несколько недель жертвоприношение совершается, но вместо человека приносят птицу. Классические примеры подобной замены можно найти в жертвоприношении лани за девственницу Артемиде в Лаодикее, козла за мальчика Дионису в Потнии.

"По-видимому, здесь присутствует семитская связь, как и в истории о том, как эолийцы Тенедоса приносили в жертву Меликертесу (Мелькарту) вместо новорожденного ребенка новорожденного теленка, обувая его в бушлаты и ухаживая за коровой-матерью, как за человеческой матерью" (Idem, vol. ii. p. 366; или в Нью-Йоркском издании, 1879, vol. ii. pp. 403, 404).

"О Создатель материального мира, ты, Святой! Какой мочой должны омыwać свои волосы и тела трупоносители? Овечья или воловья? Мужская она или женская?

"Ахура Мазда ответил: Овечья или воловья, не мужская и не женская, кроме этих двух: ближайшего родственника (умершего) или его ближайшей родственницы. Поэтому

поклоняющиеся Мазде должны добывать мочу, которой трупоносицы должны омыwać свои волосы и тела" (Fargard vii., Avendidad, Zendavesta, Oxford, 1890, p. 96).

"Принц может принести в жертву своего врага, предварительно вызвав топор с помощью священных текстов, заменив его буйволом или козлом, называя жертву именем врага на протяжении всей церемонии." - ("Глава о кровопускании", перевод из "Калика-пураны", том 5, "Transactions Asiatic Society", 4-е издание, Лондон, 1807, p. 386).

"Интересная глава "Айтарея-брахманам", посвященная жертвоприношениям животных, показывает нам, как после человека лошадь была высшей жертвой, приносимой богам; как корова затем заняла место лошади, овца - коровы, коза - овцы; и, наконец, растительные продукты были заменены животными, - подмена или обман богов при жертвоприношении, что, возможно, еще больше объясняет мошенничество, жертвой которого в народных историях всегда становится простак; герой-простак - сам бог, а человек-обманщик, который под священным предлогом меняет самых благородных и ценных животных на обычных и менее ценных, и, наконец, на овощи, не имеющие никакой ценности. В индуистских сводах законов мы имеем ту же мошенническую подмену животных под законным предлогом. Убийца коровы, - говорится в кодексе, приписываемом Ягнавалкьясу, - должен месяц пребывать в покаянии, пить панчакарьям (то есть пять полезных продуктов коровы, которые, согласно Манусу, - молоко, творог, масло, моча и навоз), спать в хлеву и ходить за коровами" ("Зоол. мифол.", De Gubernatis, т. I. с. 44, 45).

"Священные книги индусов содержат самые формальные и подробные инструкции о человеческих жертвоприношениях, о том, по каким случаям и с какими церемониями они должны приноситься; иногда в огромных масштабах - до ста пятидесяти человеческих жертв на одном жертвоприношении." (Рагозин, "Ассирия", Нью-Йорк, 1887, стр. 127-128).

Продолжая, Рагозин заявляет: "Когда кровавые жертвоприношения, даже животных, были в значительной степени отменены и заменены жертвоприношениями лепешками из риса и пшеницы, гуманное изменение было санкционировано притчей, в которой рассказывалось, как жертвенная добродетель покинула самую высокую и ценную жертву, человека, и спустилась в лошадь, из лошади в быка, из быка в козла, из козла в овцу, и из нее, наконец, перешла в землю, где она пребывала в зернах риса и пшеницы, заложенных в нее для посева.

"Это был гениальный способ намекнуть, что отныне безвредные подношения в виде рисовых и пшеничных лепешек будут столь же приемлемы для божества, как и живые жертвы, как человеческие, так и животные, которые были раньше" (Idem, p. 128).

По мере того как жертва животного становилась все более и более ценной, мы видели, что вместо нее приносили ее экскременты.

Кельтское население, как теперь принято считать, представляет собой очень раннюю миграцию из Индии. Когда именно началась и завершилась эта миграция, мы не можем определить; но, судя по тому, какое место в кельтском фольклоре занимает куриный помет, мы можем с уверенностью сказать, что это произошло не раньше, чем культ Индии начал искать подходящую замену человеческим жертвоприношениям^[39].

Инман утверждает, что такая же замена произошла у евреев. Комментируя 1 Царств хix. 18, он говорит: "В Вульгате этот отрывок переведен так: "Они говорят этим: "Принесите в жертву людей, которые поклоняются тельцам"; а Септуагинта переводит слова: "Принесите в жертву

людей, ибо тельцам пришел конец", что указывает на возврат к человеческим жертвоприношениям." (Inman, "Ancient Faiths Embodied in Ancient Names", London, 1878, статья "Hosea.")

"Тот, кто убивает вола, как будто убивает человека; тот, кто приносит в жертву ягненка, как будто отрезает шею собаке; тот, кто приносит жертву, как будто приносит кровь свиньи; тот, кто сжигает фимиам, как будто благословляет идола." - (Исаия lxvi. 3. Ссылка на вышесказанное дана профессором У. Робертсоном Смитом).

"В самый ранний период лошадь, похоже, была любимым животным для жертвоприношений" ("Тевтонская мифология", Якоб Гримм, т. I. с. 47).

"Брахманы показывают, как в Индостане низшие животные стали заместителями человека в жертвоприношениях" ("Миф, ритуал и религия", Эндрю Лэнг, т. ii. с. 40, сноска).

Если корова вытеснила человеческую жертву, не может ли быть в пределах вероятности, что ордура и моча священного быка заменяют не только полную тушу, но и символизируют прежнее использование человеческих экскрементов?^[40] Существование ур-оргий было отмечено в Сибири, где религия имеет многие черты буддизма. [Дословно была приведена миниатюрная фразеология браминского запрета на использование грибков, которые входят в эти оргии; так что, даже если бы не существовало более веских доказательств, было представлено достаточно, чтобы открыть широкое поле для дискуссий относительно прежней области распространения отвратительных и мерзких церемоний, которые теперь счастливо ограничены небольшими и постоянно уменьшающимися зонами.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКСКРЕМЕНТЫ И МОЧА ДО СИХ ПОР ИСПОЛЗУЮТСЯ В ИНДИИ.

Однако следует помнить, что в Индии более общепризнанная эффективность коровьей мочи и коровьего навоза не ослепила фанатичного приверженца необходимости время от времени прибегать к использованию человеческого продукта.

"Примерно в десяти лигах к югу от Серингапатама есть деревня Нан-джа-на-гуд, в которой находится храм, известный во всем Майсуре. Среди множества верующих всех каст, которые прибегают к нему, большую часть составляют бесплодные женщины, которые приносят подношения богу этого места и молят о даровании плодовитости в ответ. Но цель не достигается одними лишь подношениями и молитвами - впереди еще отвратительная часть церемонии. Выйдя из храма, женщина и ее муж отправляются к общей канализации, к которой прибегают все паломники, повинувшись зову природы. Там муж и жена набирают руками некоторое количество осквернения, которое ставят отдельно, с отметкой на нем, чтобы к нему не прикасался никто другой; в таком состоянии они набирают пальцами воду из канализации в углубление ладони и пьют ее. Затем они совершают омовение и удаляются. Через два-три дня они возвращаются к месту нечистот, чтобы навестить оставленную ими массу нечистот. Они переворачивают ее руками, ломают и осматривают всеми возможными способами; и если они обнаруживают, что в ней завелись насекомые или паразиты, то считают это благоприятным предзнаменованием для женщины" (Abbé Dubois, "People of India", London, 1817, p. 411.)^[42].

XIX.

БОГИ ЭКСКРЕМЕНТОВ У РИМЛЯН И ЕГИПТЯН.

Римляне и египтяне пошли дальше: у них были боги экскрементов, чьей особой функцией была забота о туалетах и тех, кто их посещал. Торквемада, испанский автор с большой репутацией, выражает это очень простым языком

"Я утверждаю, что они *поклонялись* (как пишет святой Климент святому Иакову Меньшему) вонючим и грязным уборным и водопроводам; и, что еще хуже и еще отвратительнее, что является поводом для наших слез и не может быть перенесено или даже упомянуто по имени, они поклонялись шуму и ветру желудка, когда он изгоняет из себя холод или метеоризм; и другим вещам того же рода, которые, по словам того же святого, было бы стыдно называть или описывать"[43].

В предыдущих строках Торквемада ссылается только на египтян, но, как мы увидим, изучив ниже испанские примечания, его язык почти такой же, когда он говорит о римлянах.[44] Римскую богиню звали Клоацина. Она была одним из первых римских божеств и, как полагают, была названа самим Ромулом. В ее ведении находились различные клоаки, сточные канавы, уборные и т. д. Вечного города[45].

"Древние считали, что у Стеркуса есть несколько божеств; 1. Стеркус или Стерцес, отец Пикуса, изобретатель метода обжигания земли (S. August. De Civ. Dei, lib. xviii. cap. 15). 2. Стеркулий (Macrobius, Saturn., lib. i. cap. 7); 3. Стеркутий (Lactantius de falsis reb.), Стеркут, Стерквилин, Стеркилин, божества, которые презирали графов. Некоторые считают, что это фамилия Сатурна как изобретателя сельского хозяйства; другие вспоминают о земле. Плайн говорит, что этот человек был сыном Фавна и сыном Пика, короля латинян (Плайн, lib. xvii. cap. 9, num. 40; Персий, sat. i. ver. 3.).

"On honore aussi Faunus avec les deux derniers surnoms."- (Pline, loc. cit. Bib. Scat.)

"Consultez sur cette déesse en l'honneur de laquelle on a frappé des médailles, Lactantius Instit. lib. i. cap. 20, p. 11; St. Cyprien Van. d. id. cap. 2, par. 6; Minutius Felix, Oct. cap. 25; Pline, Hist. Nat. lib. xiv. cap. 29; Tite Live, 3, 48; Banier, Myth. tome i. 348; iv. 329, 338."-(Bib. Scat. p. 43, сноска.)

Насколько возможно, вышеприведенные цитаты были проверены; издание Святого Августина, с которым мы сверялись, принадлежит преподобному Морису Додсу, Эдинбург, 1871.

"Татий и открыл, и поклонялся Клоацине" (Минуций Феликс, "Октавий", глава xxv., издание Эдинбурга, 1869 г.).

"Колатина, она же Клоацина, была богиней табуретов, яков и чертогов, для которой, как и для всех остальных, был воздвигнут особый храм" (Реджинальд Скотт, "Открытие колдовства", lib. 16, cap. 22, где приводится список римских богов).

Следующая эпиграмма взята из книги Харингтона "Аякс", стр. xviii:

"Римляне, всегда считавшиеся суеверными,

Поклонялись высоким божественным титулам,

Даму Клоацину и владыку Стеркутия.

Две особы, в их государстве весьма родственные".

Дальнейшие упоминания о Клоацине см. на [с. 264](#).

"Stercus, Dieu particulier qui présidait à la garde-robe. Ce dernier nous rappelle qu'à l'art. Scopetarius, num. 111, nous avons dit quelques mots de Cloacine, déesse des égouts.

"On trouve encore dans Arnobe un dieu Latrinus duquel il dit: "Quis Latrinus præsidem latrinis?" - (Adv. Gent. lib. 4.)

"Гораций и все поэты эпохи Августа говорят о Стеркусе и его обстоятельствах и происшествиях в центральных частях своих произведений. Martial, Catulle, Pétrone, Macrobe, Lucrèce, en saupoudrent leurs poésies; Homère, Plin, Lampride en parlent à ciel et à cœurs couverts; Saint Jérôme et Saint Augustin ne dédaignent pas d'en entretenir leurs lecteurs." - (Bibliotheca Scatologica, pp. 1, 2.)

"В "Плавте" Аристофан говорит Кариону, что умерший Эскулап любит и любит мерд: он мердивор, как пишет латинский переводчик; он прав, как Сганарель, который произносит этот мотив святотатственно и проникновенно: "Материя - она же любезна?". Il trouve dans les excréments le secret des souffrances humaines. Его пророческий и медицинский путь - это пронзенная колея" (Idem, p. 66.).

"Стеркулий". (Миф.) фамилия, присвоенная Сатурну, так как он был первым, кто предложил мужчинам сжечь землю, чтобы сделать ее плодородной." ("Encyc. Raisonée des Sciences," etc., Neufchatel, 1765, tome quinzisième, art. "Sterculius").

У римлян "был бог ордуры по имени Стеркуций; бог других удобств - Крепит; богиня общих канализационных труб - Клоацина" (Banier, "Mythology", vol. i. p. 199.).

"Стеркулий - одна из фамилий, данных Сатурну, потому что он был первым, кто положил навоз на землю, чтобы сделать ее плодородной" (Idem, vol. ii. p. 540).

АССИРИЙСКАЯ ВЕНЕРА ВОЗЛАГАЛА НА СВОИ АЛТАРИ ПОДНОШЕНИЯ ИЗ НАВОЗА.

Другой авторитет утверждает, что "ревностные поклонники Сивы натирают лоб, грудь и плечи пеплом коровьего навоза", и далее он добавляет: "Весьма примечательно, что ассирийская Венера, согласно Лукиана, также имела на своих алтарях подношения из навоза." (Maurice, "Indian Antiquities", London, 1800, vol. i. pp. 172, 173.)^[46].

МЕКСИКАНСКАЯ БОГИНЯ СУКИКЕКАЛЬ ПИТАЕТСЯ НАВОЗОМ.

У мексиканцев была богиня, о которой мы читаем следующее:- Отец Фабрейя говорит в своем комментарии к Кодексу Боргиануса, что мать рода человеческого представлена там в состоянии унижения, поедающей *куитлатль* (*копрос*, греч.). Сосуд в левой руке Сучикекаля содержит "*mierda*", по словам толкователя этих картин.

Испанское *mierda*, как и греческое *kopros*, означает *ордуру*.

Помимо Сучикекаль, матери богов, которую изображали поедающей экскременты в знак унижения, у мексиканцев были и другие божества, чьи функции были более или менее явно осложнены альвинистскими отступлениями. Самым известным из них была Иксуина, называемая также Тласолтеотль, о которой Брассёр де Бурбур говорит в таких выражениях:

Богиня ордура, или Тласолкуани, *пожирательница ордура*, потому что она управляла любовью и плотскими удовольствиями"[47].

Мендьета упоминает ее в мужском роде и в таких выражениях: Бог пороков и грязи, которого они называли Тлазультеотль[48].

Бэнкрофт говорит о "мексиканской богине плотской любви, которую называли Тлазолтекотль, Иксуина, Тлаклокани и т. д.", и утверждает, что у нее "была в услужении толпа карликов, шутов и горбунов, которые развлекали ее своими песнями и танцами и выступали в роли посланников к тем богам, которые ей нравились". Последнее имя этой богини означает "пожиратель скверны", что, как говорят, связано с ее функцией выслушивать и прощать признания мужчин и женщин, виновных в нечистых и плотских преступлениях.- (Bancroft, H. H. "Native Races of the Pacific Slope", vol. iii. p. 380.)

В рукописи, объясняющей Кодекс Тельериано, приведенной в "Мексиканских древностях" Кингсборо, т. V, с. 131, встречается имя богини Очпанизтли, чей праздник приходился на 12 сентября по нашему календарю. Ее описывали как "ту, которая согрешила, съев плод дерева". Испанские монахи называли ее, как и другую богиню, Тласолтеотль, "La diosa de basura ó pecado". Но "basura" не является альтернативой греху (pecado); оно означает "навоз, помет, экскременты"[49] Возможно, что в своем рвении обнаружить аналогии между ацтекской и христианской религиями первые миссионеры обошли ряд моментов, которые теперь остаются лишь предположениями.

В том же томе Кингсборо, стр. 136, есть упоминание о жертвоприношениях Тепеолольтеков, "que, en romance, quiere decir sacrificios de mierda", что "на простом языке означает жертвоприношения экскрементов". Больше по этому вопросу ничего нельзя сказать, хотя в примечании у подножия этой страницы в Кингсборо говорится, что здесь несколько страниц Кодекса Таллериано были стерты или изуродованы, вероятно, каким-то слишком усердным экспургатором.

Божества, созданные по невежеству или суеверному страху почитателей, по сути своей человекоподобны; если они изображаются жестокими и кровожадными по отношению к своим врагам, то народ, поклоняющийся им, каким бы миролюбивым он ни был сегодня, когда-то тоже был жестоким и кровожадным. Богам-антропофагам поклоняются только потомки каннибалов, а пожирателям экскрементов - только потомки тех, кто не был не знаком с человеческими экскрементами в качестве предмета питания.

ИЗРАИЛЬСКИЕ НАВОЗНЫЕ БОГИ.

Дюлор приводит множество цитат, чтобы показать, что израильтяне и моавитяне совершали одинаково нелепые и отвратительные обряды поклонения Бел-Фегору. Посвящаемый представлял свой обнаженный зад перед алтарем и освобождал свои внутренности, принося в жертву идолу нечистые эманации.[50] Навозные боги также упоминаются как известные избранному народу во времена его идолопоклонства.[51]

Мистер Джон Фрейзер, доктор права, описывает церемонию инициации, известную австралийцам под названием "бора", и определяет ее как "определенные церемонии посвящения, через которые проходит юноша, когда достигает возраста половой зрелости, чтобы получить право на место среди мужчин племени и привилегии мужественности. В ходе этих церемоний он знакомится с богами своего отца, мифическими преданиями племени и обязанностями, которые требуются от него как от мужчины..... Все это происходит под руководством высокого духа, называемого "Дхарамулун". ... Но на этих церемониях

присутствует, хотя и не участвует в них, злой дух по имени Гунунгдхукхья, "пожиратель экскрементов", которого негры очень боятся". Сравните это слово "Гунунгдхукхья" с санскритским корневым словом "гу", "экскременты"; "дхук" - австралийское "есть" (личное письмо Джона Фрейзера, эсквайра, доктора философии, датированное Сиднеем, Новый Южный Уэльс, 24 декабря 1889 г.). Продолжая свои замечания по поводу злого духа "Гунунгдхукхья", он пишет: "Это существо, несомненно, должно питаться пищей; таково значение его имени").

Король Джеймс серьезно сообщает нам, что "ведьмы часто признаются, что в их поклонении дьяволу.... их формой поклонения является целование его задних частей" ("Dæmonologie", London, 1616, p. 113.) Эта книга вышла с похвальным предисловием Хинтона, одного из епископов английской церкви.

"Ведьмы воздавали почести присутствующему дьяволу, обычно в виде козла, собаки или обезьяны. Ему они приносили в жертву себя, тело и душу, и целовали его под хвостом, держа в руках зажженную свечу" ("История инквизиции", Генри К. Леа, Нью-Йорк, 1888, т. iii., с. 500).

Зная о существовании "навозных богов" у римлян, египтян, евреев и моавитян, неразумно настаивать в данном случае на строгом следовании тексту и утверждать, что если в нем говорится о жертвоприношении как о жертвоприношении экскрементов и божество обозначается как пожиратель экскрементов, то оно означает то, что говорит, и не должно искажаться под предлогом символизма, извращая факты и идеи.

Некоторые авторы делали имя бога "Белзебул" идентичным "Вельзевулу" и означающим "Владыка навоза", но это толкование оспаривается Шаффом-Герцогом.- ("Энциклопедия религиозных знаний", Нью-Йорк, статья "Вельзевул").

XX. ЛАТРИНЫ.

Упоминание римской богини Клоацины заставляет задуматься об общей истории туалетов и писсуаров. Их появление нельзя объяснить чисто гигиеническими соображениями, поскольку многие народы, достигшие сравнительно высокого уровня развития, обходились без них; с другой стороны, к ним прибегали племена, находящиеся на низких ступенях культуры.

В главе, посвященной колдовству и заклинаниям, было собрано достаточно свидетельств, чтобы убедить самых скептически настроенных людей в том, что когда-то широко распространялась вера во власть, которой обладают колдуны, *et id omne genus*, над несчастными, чьи выделения, твердые или жидкие, попадали в их руки; поэтому ужас мог быть побудительным мотивом для разбрасывания, секреции или сохранения в подходящих сосудах альвиновых отходов общества. Впоследствии, когда опыт подсказал людям, что в этих экскрементах содержатся ценные удобрения для полей и виноградников или жидкости для отбеливания и дубления, политические власти сделали их сохранение вопросом юридической обязанности.

Троянцы испражнялись при свете дня, если верить заявлению, сделанному на этот счет в "Bibliotheca Scatologica", р. 8, где показано, что французский автор (имя не указано) написал нелепый, но эрудированный трактат на эту тему.

Капитан Кук рассказывает, что новозеландцы имели уборные в каждом трех или четырех домах; он также пользуется случаем, чтобы сказать, что в Мадриде не было уборных до 1760 года; что решение короля ввести их и канализацию и запретить выбрасывать человеческие экскременты из окон после наступления ночи, как это было принято, чуть было не вызвало революцию" (см. в "Путешествиях" Хоксюрта, Лондон, 1773, том ii. с. 314).

"Эти люди были более чистоплотны в отношении экскрементов, чем большинство дикарей. Возле каждого дома был скрытый (если это было возможно) туалет, а в больших "па" над обрывом был протянут шест, на который садились по-моряцки." ("The Maoris of New Zealand", E. Tregear, в "Journal of the Anthropological Institute", London, November, 1889).

Маркизские острова. "Они отличаются особой чистоплотностью в отношении эгесте. На островах Общества глаза и нос странника каждое утро посреди пути оскорбляются естественными последствиями здорового пищеварения; но туземцы Маркизских островов привыкли, подобно нашим кошкам, закапывать оскорбительные предметы в землю. В Тахейте, правда, они полагаются на дружескую помощь крыс, которые с жадностью пожирают эти пахучие лакомства; более того, они, кажется, убеждены, что их обычай - самый правильный в мире; их остроумный соотечественник Тупайя упрекнул нас в отсутствии деликатности, когда увидел в каждом доме в Батавии небольшое здание, предназначенное для обрядов Клоацины" (Forster, "Voyage round the World", London, 1777, vol. ii. p. 28.).

Форстер рассказывает о торговле между английскими моряками и женщинами Таити, в которой последние расставались с личной благосклонностью в обмен на красные перья и свежую свинину; в результате слишком свободного потакания этой тяжелой пище дамы страдали от несварения желудка. "Хорошие аппетиты и пищеварение подвергали их, однако, неудобствам, связанным с беспокойством, и часто тревожили тех, кто хотел поспать после усталости дня. В некоторых экстренных случаях они всегда требовали присутствия своих любовников; но поскольку им часто отказывали, палубы стали напоминать тропинки на островах" (Idem, vol. ii. p. 83).

В Древнем Риме были общественные уборные, но не было туалетов при домах. Были тазы и ванны, которые ежедневно опорожнялись слуги, нанятые для этой цели. Как можно догадаться, в туалетах не использовалась бумага, поскольку ее еще не изобрели и не ввели в Европе, но в каждой общественной уборной стояло ведро, наполненное соленой водой, и палка с привязанной к одному концу губкой, которой прохожий омывал свое лицо, а затем опускал палку в ванну. 52] Сенека в своем Послании № 70 описывает самоубийство германского раба, который протаранил одну из этих палок себе в горло.

Предупреждение "Не причиняй неудобств", или, по-французски, "Il est défendu de faire ici des ordures", восходит к временам римлян, которые предавали гневу двенадцати великих богов, "а также Юпитера и Дианы, всех, кто совершал какие-либо непристойности вблизи храмов или памятников". "On nous saura gré de rapporter ici une inscription qui se lisait autrefois sur les thermes de Titus; "Duodecim Dios et Dianam et Jovem Optimum Maximum habeat iratos quisquis hic minxerit aut cacarit." В Генуе отлучение грозило всем, кто нарушал этот же запрет.

В 1513 году в Париже для каждого дома были предписаны привилегии, из чего можно сделать вывод, что некоторые домостроители ранее по собственному побуждению добавляли подобные удобства; еще в 1372 году, а затем в 1395 году в Париже были приняты королевские постановления, запрещающие выбрасывать из окон ордуры, что дает нам право заключить, что этот обычай должен был быть общим и оскорбительным; такие же постановления были приняты для города Бордо в 1585 году.

Непристойная поэзия была известна в уборных в Риме, как и в наши дни, и некоторые из этих сочинений дошли до нас.

Римляне защищали свои стены "от тех, кто совершает пакости... освящая их изображением божества или другой освященной эмблемой, и проклиная гнев небес на тех, кто окажется настолько нечестив, чтобы осквернить то, что они обязаны почитать". Для этой цели иногда использовалась фигура змеи..... Змея, как известно, причислялась к богам язычников" ("Vestiges of Ancient Manners and Customs", Rev. John James Blunt, London, 1823, p. 43).

Геродот сообщает своим читателям, что египтяне "расслабляются в своих домах, но едят вне дверей, утверждая, что все неприличное, хотя и необходимое, следует делать наедине, а то, что не неприлично, - открыто" ("Эвтерпа", с. 35).

Геродот также говорит о том, что египетский царь Амасис сделал идола из золотого сосуда для ног, "в который египтяне раньше блевали, набирали воду и мыли ноги" ("Эвтерпа"). Минуций Феликс в своем "Октавии" ссылается на это и возмущается тем, что языческие идолы, сделанные из таких грязных материалов, должны быть предметом поклонения (см. главу xxv.).

Турнефор упоминает о туалетах в Марселе. "Они пользуются самими экскрементами галлийцев, размещая в одном конце галлий подходящие сосуды для приема навоза, столь необходимого стране" ("Путешествие в Левант", издание Лондона, 1718, т. I, стр. 13-14).

В Шотландии, должно быть, существовали уборные, потому что Яков I. этого королевства был убит в одной из них в монастыре Черных монахов в Перте в 1437 году н.э.; но еще много лет спустя пешеходы на улицах Эдинбурга после наступления ночи сами рисковали от нечистот, которые горничные были склонны выливать из окон высотных домов.

"Как в современном Эдинбурге, так и в Древнем Риме ночь была временем, когда заботливая экономка выбрасывала помои из верхних окон в открытый сток, который проходил по улице вниз" (сноска на страницу 146 издания Ювенала Эдварда Уолфорда (магистр Балиола, Оксфорд) в "Древней классике для английских читателей", Филадельфия, 1872), цитирующего строку Ювенала "Грохот бури спускается с неизвестных высот", Сатира III., строка 274).

"'Tis want of sense to sup abroad too late

Если ты не уладил сначала дела свои;

Столько же судеб сопровождают твои шаги.

Сколько окон на улице просыпается:

Благослови добрых богов и подумай, что шанс твой редок.

Чтоб на долю твою выпал лишь горшок с мочой".

(Перевод Драйдена Третьей сатиры Ювенала).

"И вот, во всем королевстве (Шотландии) нет ни гуляк, ни чего-либо для понурых слуг, кроме бочки с парой щипцов, перекинутых через край, и все стулья семьи опорожняются в эту бочку раз в день; а в десять часов вечера весь груз вываливается из задней ветряной двери, выходящей на какую-нибудь улицу или переулок, и служанка зовет: "Gardy loo!" к пассажирам, что означает "Господи, помилуй вас!", и так делается каждую ночь в каждом доме в Хейдинборо" ("Хамфри Клинкер", Тобиас Смоллетт, издание Лондона, 1872, с. 542).

Вышеприведенное выражение, по-видимому, было французским - "Gare de l'eau".

"Весь Юг кричал, что государственные должности, армия, флот заполнены высокопарными Драммондами, Эрскинами и Макгилвреями. Все старые шутки о холмах без деревьев, девушках без чулок, мужчинах, питающихся пищей лошадей, ведрах, опустошенных с четырнадцатого этажа, были направлены против этих удачливых авантюристов" (Т. В. Macaulay, "The Earl of Chatham," American edition, Appleton and Co., New York, 1874, p. 720).

Пристройка туалетов к домам дворян, по-видимому, была новшеством во времена королевы Елизаветы, иначе не было бы столько комментариев по поводу действий сэра Джона Харингтона, ее дальнего кузена, который возвел один из них в качестве удобства в своем новом доме недалеко от Бата и опубликовал очень раблезианский том на эту тему в Лондоне в 1596 году. Название книги, довольно длинное, - "Рассуждение на затхлую тему, называемое метаморфозой Аякса", - в последующих цитатах будет называться просто "Аякс" Харингтона. Из описания уборной, о которой идет речь, несомненно, следует, что Харингтон предвосхитил почти все механизмы современности.

Ричард III представлен как сидящий в уборной, "сидящий на сквозняке", когда он "придумывал с Террилом, как приватно убить своих племянников" (Harington, "Ajax", p. 46).

Мало оснований сомневаться в том, что во всех домах Англии, да и всей континентальной Европы, в спальнях комнатах имелись сосуды для мочи, даже если за пределами монастырей и других общинных домов не существовало регулярных уборных. Д-р Роберт Флетчер, военный служащий армии США, который привел следующие данные, придерживается мнения, что эти удобства были предусмотрены только для дам, и приводит следующие отрывки в подтверждение своих выводов:...

"Хамджо в "Страннике", часть 2, сэра Томаса Киллигрю, описывая Сенилии возможные манеры грубого мужа, говорит, что, ложась в постель, "гигант потягивается, зевает и вздыхает с отрыжкой-другой, черствеет в вашем горшке, пукает громко, как мушкет для шутки" и т.д.."

В "Иллюстрациях к Шекспиру" Дуса есть любопытная гравюра, изображающая епископа, благословляющего новобрачную пару на брачном ложе; со стороны дамы демонстративно выставлен горшок.

Дусе приводит следующую цитату из редкой "Морали", озаглавленной "Осуждение банкетов". "Pause pour pisser le fol. Il prengt un coffinet en lieu de orinal et pisse dedans et tout coule par bas."

Хоббс, кожевник из Тамворта, представленный Хейвудом в его пьесе "Король Эдуард Четвертый", герой старой баллады, оборудовал свои комнаты писсуарами, подходящими для его профессии. Он говорит своим гостям, королю и Сэлинджеру: "Приходите, унесите, и давайте спать. У тебя будут чистые простыни, Нед; но они будут грубые, из хорошей крепкой пеньки, собственного прядения моей дочери. И я говорю тебе, что твой горшок должен быть красивым рогом, значком нашего рода занятий, ибо мы не покупаем ни гнутого олова, ни ломающейся земли" ("1 Король Эдуард Четвертый", iii. 2, Хейвуд, 1600).

Дополнительные упоминания того же тона можно найти в "Пилигримах", Бомонт и Флетчер, ii. 1: "Бич Виллании", Марстон, 1599, сатира 2; и в следующем, который не согласуется с мнением доктора Флетчера, что такая утварь предназначалась исключительно для женщин в семье.

"Хозяин. Хозяева, вы, рыцари и командиры, возьмите лошадей рыцарей и соперников; ваши почтенные корабли вошли в гавань; они наберут здесь свежей воды, а я снабдил их чистыми горшками" ("Веселый дьявол из Эдмонта", 1608).

Такие суда использовались в Ирландии, где их называли "омар-фуайл", от *омар* - судно и *фуайл* - моча. Они, должно быть, использовались с самых ранних веков. "И они (сибариты) были первыми, кто ввел обычай приносить горшки на увеселения" (Афинаус, кн. xii. гл. 17).

Нелегко обнаружить существенную разницу между нравами жителей Исландии, описанными Бликмансом на другой странице, и нравами более утонченных римлян.

Постельные принадлежности использовались во Франции в начале пятнадцатого века. Они упоминаются в "Фарсе мастера Пателина" (1480 г. н. э.). (См. "Le Moyen Age Médical", Dupouy, Paris, 1888, p. 280 *et seq.*, и перевод того же издания Минора, Cincinnati, Ohio, 1890, p. 82).

"Горничным больше не нужно чистить свои серебряные горшки,

...

Презрительный горшок, чем ты обидел?

Заставляя женщин сгибать свои окорока?

Перед королями и королевами мы смиренно преклоняем колена,

Но королевы сами вынуждены опускаться перед тобой".

("О расплавлении тарелки, или Прощание с писсуаром.

Прощание", Государственные поэмы, т. I, ч. 2, с. 215,

1697 г.).

"Какая нужда у природы в серебряных блюдах и золотых горшках?"

("The Staple of News", Ben Jonson, iii. 2; London, 1628).

"В "Хронике Лондона", написанной в XV веке, приводится любопытный анекдот о том, что в 1258-60 гг. н. э. один еврей в субботу провалился в "гальюн" в Тьюксбери, но из почтения к субботе не позволил себя вытащить. На следующий день, в воскресенье, граф Глостер не позволил никому вытащить его"; и так, говорит хроника, "еврей умер в гальюне" ("A Chronicle of London from 1089 to 1483", London, 1827, p. 20, цитируется Баклом в "Commonplace Book", p. 507, в т. ii. его Сочинений, Лондон, 1872).

"Тело Гелиогабала было брошено в жокей, как пишет Суетоний" (Harington's "Ajax", p. 46).

Гелиогабал был убит в одной (уборной); Арий, великий ересиарх, и папа Лев, его антагонист, имели ту же судьбу. Карл Пятый, император Германии и Испании, родился в одной из них в Гентском дворце Жанны Арагонской в 1500 году; следовательно, они должны были появиться в названных местах.- (См. Biblioth. Scatal. p. 17.)

"Резервуары для мочи были возведены на улицах Рима либо в целях общественной чистоты, либо для использования фуллерами, которые привыкли покупать их содержимое у римского правительства во времена правления Веспасиана и, возможно, других императоров за определенный ежегодный налог, и которые, до изобретения или общего использования мыла, были веществом, используемым в основном на их мельницах для очистки тканей и вещей перед их окрашиванием." - (Джон Мейсон Гуд, перевод "De Natura Rerum" Лукреция, Лондон, 1805, т. ii. с. 154, сноска).

"Вазы, называемые гастрами, для облегчения пассажиров, римляне ставили по краям дорог и улиц" (Фосброк, "Энцикл. антов", Лондон, т. i. с. 526, статья "Моча").

"Les Chinois semblent manquer d'engrais, car on trouve de tous côtés des lieux d'aisance pour les besoins des voyageurs." - ("Voyage à Pékin," De Guignes, Paris, 1808, vol. i. p. 284; и снова, vol. iii. p. 322).

"Большие вазы из каменной посуды утоплены в земле в удобных местах для использования проезжающими мимо путешественниками" ("Китайский репозиторий", Кантон, 1835 г., т. iii. с. 134).

"Путешественник, недавно вернувшийся из Пекина, утверждает, что в этом городе есть чем пахнуть, но очень мало на что смотреть..... Дома все очень низкие и убогие, улицы не мощенные, всегда очень грязные и очень пыльные, а так как нет ни канализации, ни выгребных ям, грязь города неопишима." - ("Чикагские новости", скопировано в "Пресс", Филадельфия, Пенсильвания, 14 мая 1889 г.).

"По магометанскому закону, тело становится нечистым после каждого опорожнения... как большего, так и меньшего... требует омовения, согласно обстоятельствам..... Если хоть капля мочи коснется одежды, ее необходимо выстирать". Опасаясь, что их одежда так осквернена, "бохариоты часто повторяют свои молитвы обнаженными". ... Вопрос об очищении тела после любого вида эвакуации определяется религиозным ритуалом. Закон предписывает "истинджа" (удаление), "истинка" (омовение) и "истибра" (высушивание)" - т.е. для местного очищения сначала используется небольшой ком земли, затем вода, по крайней мере дважды, и, наконец, кусок льна длиной в ярд..... В Турции, Аравии и Персии все это необходимо, и благочестивые люди носят несколько комков земли для этой цели в своих тюрбанах. "Эти акты очищения также совершаются совершенно публично на базарах, из желания выставить напоказ свое последовательное благочестие". Вамбери видел, как "учитель в порядке эксперимента обучал своих учеников, мальчиков и девочек, обращению с комком земли и т. д." ("Очерки Центральной Азии", Арминий Вамбери, Лондон, 1868, с. 190, 191).

Мусульмане мочатся, сидя на пятках, "потому что брызги мочи делают волосы и одежду церемониально нечистыми". После мочеиспускания мусульманин вытирает пенис от одного до трех кусочков камня, глины или горсти земли, и он должен совершить Узу, прежде чем сможет молиться". Турнефор ("Путешествие в Левант", т. III. с. 355) рассказывает приятную историю о неких христианах в Константинополе, которые припудрили пуавром индийским камнем в стене, где мусульмане имели обыкновение натирать *os penis* для вытирания... (Burton, "Arabian Nights", vol. ii. p. 326. Опять же, в сноске к стр. 229, том iii., он говорит: "Скруплезные мусульмане царапают палкой землю перед ногами, чтобы предотвратить разбрызгивание и последующее осквернение").

Марко Поло, рассказывая о браминах, говорит: "Они облегчаются в песке, а затем разбрасывают его туда-сюда, чтобы в нем не завелись черви, которые могут умереть от недостатка пищи" ("Путешествия", Пинкертон, т. vii. с. 164, 165).

Говоря о магометанах, Турнефор говорит: "Когда они делают воду, то садятся на корточки, как женщины, опасаясь, что капли мочи попадут в их штаны. Чтобы предотвратить это зло, они сжимают эту часть очень тщательно и трут ее головку о стену; и можно увидеть камни, изношенные в нескольких местах этим обычаем". Чтобы себя спортом, христиане иногда смазывают камни индийским перцем и корнем, называемым "телячьей ногой", или другими жгучими растениями, что часто вызывает воспаление у тех, кто случайно пользуется камнем. Поскольку боль очень сильная, бедные турки обычно бегут за лекарством к тем самым христианским хирургам, которые и были виновниками всех бед. Те не преминули сказать им, что это очень опасный случай и что им придется, возможно, сделать ампутацию. Турки же, напротив, протестуют и клянутся, что не общались ни с одной женщиной, которую можно было бы заподозрить. Короче говоря, они заворачивают больную часть в белье, смоченное в оксикрате, настоящем на болотной мази; и это они продают как отличное средство от такого рода бед" (Tournefort, "A Voyage to the Levant", London, 1718, vol. ii. p. 49).

"Некоторые из их врачей считают, что обрезание не было отнято у евреев, но только для лучшего соблюдения заповеди чистоты, согласно которой им запрещено допускать попадание мочи на свою плоть. И несомненно, что некоторые капли всегда склонны попадать на плевру, особенно у арабов, у которых эта кожа от природы гораздо длиннее, чем у других мужчин" (Idem, vol. ii. p. 46).

У магометан есть "два омовения, большое и малое..... Первое - это омовение всего тела, но оно предписывается только тем, "кто пустил немного мочи на свою плоть, когда делал воду". Это он перечисляет среди "трех великих пороков мусульман" (Idem, vol. ii. p. 48.).

Иоанн Лев говорит о тех "аравийцах, которые живут в Барборее или на побережье Средиземного моря..... Их церкви они посещают очень усердно, чтобы повторять определенные предписанные и формальные молитвы, наиболее суеверно убеждая себя, что в тот же день, когда они совершают свои молитвы, им не полагается мыть определенные члены, когда, как в другое время, они моют все тело" ("Observations of Africa", in Purchas's "Pilgrims", vol. ii. p. 766).

"Les lieux destinés à la décharge de la nature ... sont toujours propres..... Les Turcs ne sont point assis comme nous quand ils sont en ces lieux-là, mais ils s'accroupissent sur le trou qui n'est relevé de terre que d'un demy-pied ou d'un peu plus.... Les Turcs et tous les Mahométans en général ne se servent point de papier à de vils usages, et quand ils vont à ces sortes de lieux ils portent un pot plein d'eau pour se laver."-(J. B. Tavernier, "Relation de l'intérieur du Sérail du Grand Seigneur," Paris, 1675, p. 194.)

"Nunquam Turcas seu papyro pro anistergio uti, sed pro magno ipsis delicti habere, et quidem ideo, quia fortasse Nomen Dei ipsi inscriptum sit vel inscribi possit, refert Thevenot, Itinerar. Orient. lib. 1, cap. 33, p. m. 60. Et juxta A. Bubeqv., Ep. 3, p. m. 184, Turcæ alvum excrementis non exonerant quin aquam secum portant, qua partes obscenas lavent."- (Schurig, "Chylologia", Dresden, 1725, p. 796).

Рабле написал характерную главу о способах, к которым прибегали люди до повсеместного внедрения бумаги для использования в уборных; см. его главу xiii, "Anisterges".

"Ничто не могло быть более грязным, чем состояние дворца и всех дорожек, ведущих к нему. Хорошо, наверное, что нас туда не пустили; ведь без ходуль и респираторов это было бы невозможно, настолько грязен народ. Коровы короля содержатся даже в его дворцовом загоне, телята заходят в хижину, где Камреси, как фермер, ходит среди них, по щиколотку в грязи, и, осматривая их, отдает свои распоряжения относительно них" - (Speke, "Nile", London, 1863, vol. ii. p. 526, описание дворца короля Камреси в верховьях Нила).

"Вскоре после этого между некоторыми из моих людей и туземцами возникли беспорядки из-за того, что один из моих людей, удалившийся на участок возделанной земли, был обнаружен там владельцем. Он потребовал компенсации за то, что его земля была осквернена, и его пришлось успокоить подарком ткани. Если бы они хотя бы наполовину так же тщательно относились к своим жилищам, как к своим полям, это было бы хорошо, потому что их деревни грязны до крайности и были бы еще хуже, если бы в них не водилось большого количества свиней, которые выполняют роль падальщиков" ("Across Africa", Cameron, London, 1877, vol. ii. p. 200.).

"Мне был отвратителен обычай, преобладающий в домах, подобных тому, в котором я жил, использовать террасу в качестве своего рода чулана; и мне с большим трудом удалось удержать моего проводника, Амера эль Валати, который все еще оставался со мной и сделал террасу своим обычным местом жительства, от потворства этой грязной практике" - (д-р Генри Барт, "Путешествия по Северной и Центральной Африке", Филадельфия, 1859, стр. 429, описание Тимбукту).

"Они (татары) считают нехорошим долго оставаться на одном месте, ибо, проклиная кого-либо из своих детей, они говорят: "Я бы хотел, чтобы ты так долго оставался на одном месте, чтобы ты мог нюхать свой собственный навоз, как это делают христиане"; и это самое большое проклятие, которое у них есть." ("Записки Ричарда Джонсона, слуги мастера Ричарда Канцлера" в Пинкертоне, т. I. стр. 62. "Путешествия сэра Хью Уиллоуби и других в северные районы Сибири и России").

Тунгусы Сибири рассказывали Зауэру, что "они не знали большего проклятия, чем жить в одном месте, как русские или якуты, где скапливается грязь и наполняет жителей зловонием и болезнями" (Зауэр, "Экспедиция в северные районы России", Лондон, 1802, с. 49).

"Турки (которые до сих пор придерживаются предписаний Второзакония в отношении своих блюд) возражают христианам, что их травят их собственным навозом" (Harington, "Ajax", p. 115).

"Сама деревня выглядит очень опрятно, перед главными домами часто подметают землю; но здесь царит очень неприятный запах, потому что под каждым домом есть вонючая грязевая яма, образованная всеми отработанными жидкостями и отбросами, выливаемыми через пол сверху. В большинстве других вещей малайцы довольно чистоплотны, а в некоторых - скрупулезно, и этот своеобразный и неприятный обычай, почти повсеместный, возникает, я почти не сомневаюсь, из-за того, что изначально они были водолюбивым и морским народом, который строил свои дома на столбах в воде и лишь постепенно мигрировал вглубь страны, сначала вверх по рекам и ручьям, а затем в сухие внутренние районы.

"Привычки, которые когда-то были такими удобными и чистыми и которые так долго практиковались, что стали частью домашней жизни народа, конечно, сохранились, когда первые поселенцы построили свои дома в глубине страны; и без регулярной системы дренажа расположение деревень таково, что любая другая система была бы очень неудобной" ("Малайский архипелаг", Альфред Рассел Уоллес, Лондон, 1869, т. i. с. 126).

Форстер говорит о "невыносимом зловонии, которое исходит от множества резервуаров, разбросанных в разных кварталах города, воды и границы которых предназначены для общего пользования жителей" ("Очерк мифологии индусов", Джордж Форстер, Лондон, 1785, с. 7); но, добавляет он, "только грязь, которую без разбора выбрасывают на улицу".

"Есть некоторые гуаи, которые... вытирают свои дома навозом. Они не прикасаются к мясу левой рукой, а используют ее только для вытирания и других нечистых дел" (Marco Polo, in Purchas, vol. i. p. 105.).

"Имея список в любое время, чтобы облегчить себя, мерзкие паршивцы не имели манер удалиться от нас дальше, чем можно бросить бином. Да, подобно мерзким лузелям, они поджимали хвосты в нашем присутствии, пока разговаривали с нами" (монах Уильям де Рубруки, францисканец, отправленный Святым Людовиком Французским (королем Людовиком IX) в качестве посла к Великому хану Тартарии в 1235 году н. э.), - в Purchas, vol. i. p. 11).

"Один великий венецианский магнат, будучи послом во Франции и узнав, что к нему прибыл знатный человек, чтобы поговорить с ним, заставил его остаться, пока он не развяжет свои пуанты; а когда он вновь сел на свой табурет, послал за знатным человеком, чтобы тот пришел к нему в это время, как за особой милостью" (Harington, "Ajax", p. 30).

"Французская вежливость, о которой я говорил раньше, пришла от римлян; во времена Марциала они не избегали общества месье Аякса". ("Аякс" в переводе Харингтона - это игра слов "a Jakes".) - (См. Harington, "Ajax", p. 38.)

Карл Лумхольц сообщил автору, что австралийцы мочатся в присутствии незнакомцев и во время разговора с ними.

"Это не физиологическая функция или естественная потребность, которую они стремятся удовлетворить на публике. Une coutume n'a rien d'indécent quand elle est universelle," remarque philosophiquement un de nos voyageurs." - ("Les Primitifs," Elie Réclus, Paris, 1885, p. 71, - "Les Inuits Occidentaux," quoting Dall.)

Падре Гумилла говорит, что у индейцев на Ориноко есть такой же обычай, как у евреев и турок, - рыть ямы мотыгой и прикрывать ими свои эвакуации. (См. "Ориноко", Мадрид, 1741, с. 109.) Подобную чистоплотность нельзя приписать ни индейцам равнин Северной Америки, ни кочевым племенам Юго-Запада.

"И будет у тебя весло на оружии твоём; и будет, когда ты будешь облегчать себя за границей, ты будешь копать им, и обратишься назад, и покроешь то, что идет от тебя.

"Ибо Господь, Бог твой, ходит посреди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать врагов твоих пред тобою; поэтому стан твой должен быть свят, чтобы он не видел в тебе ничего нечистого и не отвращался от тебя" (Второзаконие xxiii).

Говоря об эссенах, Иосиф сообщает: "В седьмой день... они даже не убирают ни одного сосуда со своего места и не выполняют самых насущных дел природы. В другие дни они выкапывают небольшую яму, глубиной в фут, с помощью лопатки (такой топорик им дают, когда они впервые попадают в их среду), и, прикрывшись одеждой, чтобы не оскорбить божественные лучи света, облегчаются в этой яме. После этого они снова засыпают яму землей, которую выкопали.

"И даже это они делают только в самых уединенных местах, которые они выбирают для этой цели. И у них есть правило мыться после этого, как если бы это было осквернение" ("Иудейские войны", издание Нью-Йорк, 1821, стр. 241).

"Евреи-раввины верили, что каждый туалет является обителью нечистого духа такого рода" (то есть бога, пожирающего экскременты), "который может быть вдыхаем вместе с дыханием, опускаться в нижние части тела, задерживаться там и, подобно бхутам в Индии, приносить страдания и болезни". (Личное письмо от Джона Фрейзера, эсквайра, доктора права, Сидней, Новый Южный Уэльс, 24 декабря 1889 г.).

В описаниях Иерусалима мы читаем о "Навозных воротах", через которые должны были выноситься все фекалии города (см. Harington, "Ajax", p. 87).

"Когда туземец повинуетя зову природы, он всегда носит с собой заостренный инструмент, которым разгребает землю, чтобы его фекальные выделения были скрыты от зоркого взгляда бродячих бангалов". ("Бангалы" - это туземные ведьмы или их аналоги.) - ("Аборигены Виктории и Риверини", А. Бро-Смит, т. I. с. 165).

Тот же обычай приписывается даякам Борнео. Ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что этот обычай имел своим источником какое-либо представление о чистоте; напротив, вполне вероятно, что идея заключалась в том, чтобы предотвратить зло колдовства, убрав с глаз долой материал, обладание которым давало ведьмам такую большую власть над прежним владельцем.

Мистер Джон Ф. Манн на основании личных наблюдений подтверждает, что коренные жители Австралии соблюдают предписание, данное евреям во Второзаконии. "На основании личных наблюдений я могу утверждать, что туземцы по всей стране, как правило, проявляют осторожность в этом вопросе, но прошло много лет, прежде чем я выяснил причины такой осторожности. Колдовство и чародейство существуют в каждом племени; у каждого племени есть свой "коораджи" или знахарь; туземцы считают, что любая смерть, несчастный случай или боль вызваны злым влиянием какого-то врага. Эти "коораджи" способны не только причинять боль, но и вызывать всевозможные неприятности. В частности, они всегда носят с собой в сетчатом мешочке "амулет", который обычно изготавливается из горного хрусталя, человеческих экскрементов и почечного жира. Если одному из этих знахарей удастся завладеть экскрементами предполагаемой жертвы или ее волосами, вообще чем-либо, относящимся к ее персоне, то околдовать ее будет проще простого" (личное письмо Джона Ф. Манна, эсквайра, Нейтрал-Бей, Новый Южный Уэльс).

"Утилизация экскрементов нужна не столько ради чистоты, сколько для того, чтобы никакая человеческая субстанция не попала в руки врага" (Idem.).

Шуриг посвящает длинный параграф изложению взглядов, которых придерживались ученые врачи относительно последствий, которые можно ожидать от попадания фекалий на растения, вредные или полезные для человеческого организма; в первом случае следовало опасаться худших результатов от сочувствия, во втором - только самых благотворных. По его мнению, деревенские жители обладают лучшим здоровьем, чем жители городов, по той особой причине, что последние эвакуируются в уборных и при этом вынуждены вдыхать вредные газы, исходящие от уже накопившихся нечистот; в то время как деревенский житель может выйти в удобное место в поле и эвакуироваться без опасности и неудобств, которым подвергаются городские жители.

Однако он не преминул предупредить своих читателей о том, что они должны быть осторожны и не испражняться на некоторые вредоносные травы, которые могут послужить причиной развития сильной дизентерии. "Præterea cavendum est ne feces supra herbas malignas exulcerantes sive violenter purgantes deponamus hinc enim causa latente dysenteria periculosa inducitur quæ vix nisi herbis prorsus putrefactis ullis medicamentis cedit."- ("Chylologia", p. 792, paragraph 66.)

Полковник Гаррик Мэллери, армия Соединенных Штатов, сообщает, что в горных районах Вирджинии он встречался с уважаемыми и умными людьми, которые придерживаются таких же взглядов на вопрос о туалетах.

"Вы, великие, почему вы пренебрегаете

Платить дань на равнине?

Почему вы возвышаетесь в ленивой гордости?

Когда из домашней глиняной посуды

Посылаются подношения более искренние.

Чем там, где надменная герцогиня запирает

Серебряную вазу в кедровый ящик".

(Дин Свифт.)

"Si une bhikshuni jette des excréments sur l'herbe croissante, c'est un pacittiya, etc."

("Pratimoksha Sutra", перевод W. W. Rockhill, Paris, 1884. Soc. Asiatique.) Эти бхикшуни - монахини Тибета, а слово "пачиттия" означает грех.

О капуцинах рассказывают следующие звериные обычаи: "Tunica replicata, absque impedimento cacat et mingit, anum fune abstergit."- (Фосброк, "Британский монашество", цитируя "Specimen Monchologiæ").

В Анголе (Западная Африка) нет ни одной уборной; негры считают, что очень мерзко часто посещать одно и то же место для таких целей. Они не прикрывают свои экскременты, а складывают их в кустах. Иногда случается, что человек испражняется в доме, и тогда над ним смеются всю оставшуюся жизнь и называют "Д'Комбе", что означает разновидность леопарда ("Мухонго", африканский мальчик, перевод преподобного г-на Шателена).

Следующая эпиграмма Марциала "ad Furium":-.

"A te sudor abest, abest saliva,

Mucusque et pituita mala nasi,

Hunc ad munditiem adde mundiozem,

Quod culus tibi purior salillo est,

Nec toto decies cacas in anno;

Atque id durius est faba et lapillis,

Quod tu si manibus teras fricesque,

Non unquam digitum inquinare possis".

Достопочтенный Джон Ф. Финерти обратил внимание общественности на тот факт, что в городе Мехико десять лет назад нищие самой низменной касты неизменно испражнялись на мраморных ступенях главного входа в великий собор.

Доктор Дж. Х. Портер утверждает, что в некоторых частях Мексиканской республики женщины выходят перед дверью, чтобы помочиться; автор видел, как они делают это, а также испражняются на улицах Тусона, в то время столицы Аризоны; он видел ту же практику в нескольких маленьких деревушках этой территории, а также Соноры и Нью-Мексико, но всегда ночью.

Мексиканцы, живущие по нашу сторону границы, никогда не строили туалетов в своих жилищах - обычай, возможно, заимствованный из Испании, где мы видели, что даже в Мадриде строительство таких удобств было неизвестно до середины прошлого века.

ПОЗА ПРИ МОЧЕИСПУСКАНИИ.

Мужчины-апахи при мочеиспускании всегда садятся на корточки, а женщины, наоборот, всегда стоят. Гиральдус Камбрэнсис говорит об ирландцах: "*Prætereā, viri in hac gente sedendo, mulieres stando, urinas emittunt.*" - ("Opera", под редакцией Джеймса Димока, изданная под руководством магистра Роллса, Лондон, 1867, vol. v. p. 172).

Автор видел итальянскую женщину из низшего класса, мочившуюся таким образом на улице возле Сан-Пьетро-ин-Винкулис в Риме, при дневном свете, в 1883 году.

На улицах Парижа можно было увидеть француженку, которые мочились, стоя над водосточными трубами (г-н В. В. Рокхилл).

"Среди турок это ересь - мочиться стоя" (Харингтон, "Аякс", в главе "Улисс на Аяксе", с. 43).

У египтян "женщины встают, когда готовят воду, а мужчины садятся" (Геродот, "Эвтерпа", с. 35).

Г-н Карл Лумхольц (автор книги "Среди каннибалов", Нью-Йорк, 1889 г.) также утверждает, что австралийские мужчины приседают во время мочеиспускания, а женщины обычно стоят прямо, но в этом вопросе он не совсем уверен.

Мантегацца в своей "*Gli amori degli uomini*", описывая операцию по разделению мужской уретры, практикуемую среди австралийских племен, замечает: "Чтобы помочиться, они садятся на корточки, как наши женщины, слегка приподнимая пенис". Оказывается, австралийские женщины, наоборот, мочатся стоя". (Среди кафиров и т. д. на мысе обычная практика, как я понимаю, не отличается от нашей" (личное письмо Хэвелока Эллиса, редактора серии "Современная наука", датированное Ред-Хиллом, Суррей, 8 октября 1889 г.). От этого джентльмена было также получено много ценной информации от ранних английских драматургов, путешественников и других людей, которая уже цитировалась непосредственно из этих источников).

"Смотрите, какая развязная амазонская шлюха!

Она стоит на страже, выставив вперед правую ногу:

Ее плащ подоткнут, и все ее движения точны,

Она топает ногой, а потом кричит "Ха!" при каждом ударе.

Но смешно смотреть на нее, уставшую от многих схваток,
зовет горшок и, как человек, отхаркивается".

(Ювенал, Сатира VI., перевод Драйдена).

Тибетским монахиням, как и монахам, запрещено принимать определенные позы.

"110, 111. Ne pas se soulager debout, n'étant pas malade, est une règle qu'on do' on apprendre."-
("Пратимокша Сутра", перевод W. W. Rockhill, Париж, 1884, Soc. Asiatique).

"Исоп, этот великий человек, увидел, как его учитель делает воду, когда идет. "Что!" - сказал он; "должны ли мы, в таком случае, навозить при ходьбе?" - (Плануд, цитируется Монтенем, "Эссе", перевод Хэзлитта, Нью-Йорк, 1859, т. iii. p. 467).

Неаполитанские лаццарони во всех этих отношениях более грязны, чем самые дикие маори, бедуины или индейцы апачи, что автор может утверждать на основании неприятных личных наблюдений.

"Можно с полным правом сказать, что жители Кадьяка, если не считать женщин во время месячных и лежания, не имеют ни малейшего представления о чистоте. Они ни на шаг не отступают от правил для самых необходимых целей природы; у самых дверей их домов стоят сосуды для приема мочевой жидкости, к которым одинаково прибегают представители обоих полов" (Лисянский, "Путешествия", стр. 214, цит. по Bancroft's "Native Races of the Pacific Slope", vol. i. p. 81).

"Par suite des ordures et du manque d'air, l'intérieur des huttes répand une puanteur presque insupportable."-("Les Primitifs", Elie Réclus, Paris, 1885, "Les Inuits Orientaux").

Старые женщины в Швейцарии мочатся стоя, особенно в холодную погоду. (Преподобный г-н Шателен, уроженец Швейцарии, а ныне протестантский миссионер в Анголе, Западная Африка).

Мужчины Анголы, Африка, мочатся стоя; женщины тех же племен мочатся стоя, как правило, хотя есть и исключения. Следует помнить, что иезуиты имеют миссии в этом регионе уже двести лет, и некоторое влияние на представления людей, вызванное этим служением, а также оккупацией страны португальцами, должно быть ощутимым.

Гомара говорит об индейцах Никарагуа: "Mean todos do les toma la gana -ellos en cucullas y ellas en pie."-("Historia de las Indias", p. 283.)

Мохаве на Рио-Колорадо придерживаются того же правила, что и апачи.

В Оуналашке дома разделены перегородками. "Каждая перегородка имеет особый деревянный резервуар для мочи, которая используется как для окрашивания травы, так и для мытья рук, но после очищения последних таким образом они ополаскивают их в чистой воде" (Sarytschew, in "Phillip's Voyages", London, 1807, vol. vi. p. 72).

Доктор Портер сообщает, что он часто слышал, как исследователь Арктики доктор Хейс говорил о склонности эскимосов восточного побережья Гренландии использовать траншею для хижины в качестве уборной. Он тщетно пытался предотвратить эту практику среди своих эскимосов, но полагал, что они гордятся тем, что оставляют заметные следы своего присутствия.

О писсуарах у эскимосов см. также заметки Эгедэ, Эгедэ Саабие и Ричардсона в разделе "Промышленность" в этом томе.

"Никто не имеет права вставать из-за стола, чтобы сделать воды; но для этого дочь дома или другая служанка или женщина всегда присутствует за столом, наблюдая, не позовет ли кто их; тому, кто позовет, она дает горшок под стол своими руками; остальные тем временем хрюкают, как свиньи, лишь бы не было слышно шума. Когда вода выливается, она моет таз и предлагает свои услуги тому, кто хочет; и тот считается нелюдимым, кто отвергает эту моду" (Dittmar Bleecken's "Voyage to Iceland and Greenland", A.D. 1565, in Purchas, vol. i. pp. 636-647).

Рассказ Стеллера показывает, что в его время у жителей Камчатки не было обычных водяных шкафов.

"Собаки воруют еду при любой возможности и даже едят ремни. В их присутствии никто не может расслабиться без защиты дубины, чтобы держать их на расстоянии. Как только он уходит, собаки бросаются на место, и под громкое рычание и огрызание каждая стремится ухватить задаток" (Стеллер, перевод Буннемайера).

В эскимосских мифах есть история об эскимосском мальчике-сироте, над которым издевались, заставляя выносить из хижины большой сосуд с мочой. Это указывает на определенную древность использования этих сосудов. (См. "Центральные эскимосы", Франц Боас, в "Шестом ежегодном отчете" Бюро этнологии, Вашингтон, 1888, стр. 631).

В городе Богота, Колумбия, Южная Америка, представители низших классов открыто мочатся на улицах; в городе Мексика такая же практика преобладала до недавнего времени.

В книге "Змеиный танец мокиков Аризоны" автор кое-что рассказал о практике мокиков, зуни и других племен пуэбло собирать мочу в глиняные сосуды; это делалось для того, чтобы сохранить жидкость для использования при окрашивании шерсти, из которой изготавливались их одеяла и другая одежда. Однако было замечено, что для таких экстренных случаев, когда обычные сосуды могут оказаться недоступными, отводилось отдельное место. Так, в городе Хуалпи (на восточной мезе в северо-восточном углу территории Аризона) один из углов использовался так постоянно и так долго, что ручей, стекавший со стены, пробил себе канал в рыхлом песчанике, что свидетельствует о том, что это место было выделено в течение очень долгого времени.

Похоже, что туалеты того или иного рода были в ходу у австралийских аборигенов, если буквально толковать выражение, использованное А. Броу Смитом, которое см. в разделе "Мифы" в этом томе. Утверждается, что они были у жителей острова Тонга во время церемоний погребения их великих вождей (см. раздел "Церемонии погребения" в этом томе).

Карл Лумхольц не заметил туалетов какого-либо рода у австралийцев, которых он посетил.

У китайцев "принцы и даже народ обычно делают стоячую воду. У высокопоставленных лиц, а также у вице-королей и главных офицеров есть позолоченные трости длиной в локоть, в которых проделаны отверстия, и они пользуются ими так часто, как делают воду, все время стоя прямо; таким образом труба переносит воду на значительное расстояние от них". [Они считают, что все боли в почках, странгурия и даже камень вызваны тем, что они делают воду в сидячем положении; и что поводья не могут полностью освободиться от этих гуморов, только если стоять для их эвакуации; и что таким образом эта поза очень способствует сохранению здоровья] ("Путешествия двух магометан по Индии и Китаю", Пинкертон, т. vii. стр. 215).

Перс "не должен молиться перед нависающей стеной или в комнате, где есть горшок" (Benjamin, "Persia", London, 1887, p. 444, цит. по Шахр.).

На Гавайских островах, если тень человека падает на вождя, его предают смерти" (см. "Золотая ветвь", Фрэзер, т. I, с. 190).

"Эти туземцы (Восточная Сибирь) всегда сохраняют для использования в домашнем хозяйстве мочу всей семьи; она хранится в большой ванне или полубочке, добытой на китобойных кораблях или найденной в дрейфе, который прибывает к их берегам. Теплой водой они омывают свои тела; ободком, который собирается вокруг отметки уровня воды в их бассейне, они обмазывают свои тела, чтобы уничтожить паразитов..... Привычки этих людей чудовищны до крайности..... Казалось, они не испытывают никакого отвращения к тесному контакту с фекалиями людей или животных." - (Личное письмо главного инженера Мелвилла, ВМС США, капитану Бурке).

Ван Страленберг говорит о "корэйки" (кораках): "Для необходимых случаев они используют кадку, которую носят с собой в хижине, а когда она наполняется, выносят ее наружу и используют ту же кадку, чтобы принести воду для других случаев" ("Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии", с. 397).

Если обратиться к странице 390 этого тома, то можно увидеть, что саамы, разбивая лагерь, обязательно сжигали навоз своих оленей в тех случаях, когда кто-либо из этих животных умирал от болезни; кроме того, рассказывается, что переселенцы в Калифорнию из штатов Миссури и Арканзас по непонятной причине имели необычный обычай сжигать свои экскременты в костре.

"Когда они облегчаются, то обычно отправляются утром в конец города, где есть специально отведенное для них место, чтобы их не видели, а также для того, чтобы проходящим мимо людям не мешал их запах. Они также считают дурным тоном, чтобы люди облегчались на земле, и поэтому они делают дома, которые возвышаются над землей, где они облегчаются на земле, и каждый раз, когда они это делают, они вытираются; или же они идут к воде, чтобы облегчиться на песке; и когда дома Приуи полны, они поджигают их, и пусть они сгорают в пепел; они писают по заданиям, как собаки, и не все в одно время." - (Мастер Ричард Джобсон, 1620 г., "Золотой берег Африки", в Purchas, vol. ii. p. 932).

XXI.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДЫ ОБРЯДОВ, СВЯЗАННЫХ С ПОКЛОНЕНИЕМ БЕЛЬ-ФЕГОРУ.

Вряд ли когда-нибудь станет известно, каких именно церемоний требовал ритуал Бел-Фегора от поданных в его святилище. Было бы хуже, чем бесполезно пытаться в подобном трактате утверждать или отрицать существование непристойных обычаев, которые, как утверждается, были частью его поклонения; достаточно в данный момент представить перед мысленным взором свидетельства с обеих сторон вопроса, с причинами веры в то, что метеоризм может быть представлен в качестве жертвоприношения, с примерами причудливых обычаев, которые могут иметь характер "выживших" от религиозных церемоний, не столь далеких от тех, которые, как предполагается, были связаны с обрядами Бел-Фегора.

Хорошо подметил один старый автор: "Люди ни в чем так не потеряли разум, как в своей религии, где камни и удары делают мучеников; и поскольку религия одного кажется безумием другому, чтобы дать отчет или обоснование старым обрядам, не нужно быть строгим читателем" (Sir Thomas Browne, "Religio Medici", издание Бостона, 1868, р. 329, статья "Погребение урн").

"Домашнее животное было божеством древних египтян; оно было олицетворением некой природной функции. Он изображался в виде ребенка, который прилагает усилия, и можно увидеть его изображение в античных произведениях. Поэма Калотина, озаглавленная "Совет Момуса" (voyez aux Polygraphes), приводит, на странице 19, две фигуры этого умершего. Одна из них была сделана из рогового дерева трех цветов, другая - из кутикулы, находилась в кабинете маркиза де Коспи, а ее рисунок был передан в Коспийский музей. Автор "Диссертации о древнем использовании" (см. номер 18) утверждает, что эти фигурки относятся к Крепиту, и считает, что они были изобретены с другой, более серьезной целью.

Именно от Минуция Феликса мы узнаем о Крепите, который, несмотря на то, что его прославляли в Египте, не был, возможно, лишь карикатурой, придуманной любителями сегодняшнего дня". Менаж, однако, утверждает, что пелузианцы обожают домашних животных; он говорит, что Боделот дал это указание в изданиях своего первого тома, и что он имеет соответствующую фигуру. (Voy. Menagiana, 1693, no. 397. Св. Иероним говорит то же самое об Исаии, xiii. 46. Voy. encore Klotz, act. littér. t. v., première partie, 1, Elmenhorst sur l'Octavius de Minutius Felix; Mythol. de Banier, t. 1; Montfaucon, "l'Antiquité expliquée", t. iii. part 2, p. 336).

"Quelques antiquaires ont cru pouvoir identifier le dieu Crepitus des Romains avec Bel-Phegor, Baal-Phegor ou Baal-Peor, dieu Syrien, -Phegor, assure-t-on, ayant ce sens en Hebreu. (Ориген против Цельса; Минуций Феликс.) Однако в отношении этого божественного существа ученые находятся в глубоком согласии.

"Ориген, св. Иероним, Саломон бен Йархи, они придают этому значению определенный смысл, который, конечно же, не может быть использован в нашем каталоге; Маймонид (Moge Nevoch, cap. 46) и Салом. Бен Йархи (Comment. 3, sur Nomb. ch. 25) утверждают, что его культ был более распространенным, чем непристойным, а переводчики этих раввинов, чтобы выразить основную суть церемоний, отмечаемых в честь сирийского покойника, заявляют: "Distendere coram eo foramen podicis et stercus offere".

"Ajoutez que les pets étaient de bon augure chez les Grecs, de mauvais augure chez les Romains."- (Voy. Scaliger, Auson.)

"Никто теперь не предполагает, что раввины в своих словах о Баал-Пеоре руководствовались только своим воображением; они придумали эту историю как причудливую этимологию имени."[54]- (Личное письмо профессора В. Робертсона Смита капитану Бурке).

Уже приводились цитаты из Bibliotheca Scatologica, любопытного собрания знаний, название и место издания которого найти не удалось, но которое, похоже, было напечатано Жироде и Жуостом, 315 улица Сент-Оноре, Париж, если допустить, что это название не вымышленное. В этой работе можно увидеть названия не менее ста тридцати трех трактатов о плоскостопии, некоторые из них гротескные, некоторые грубые, один или два с причудливой эрудицией.

№ 88, озаглавленный "Éloge du Pet, dissertation historique, anatomique et philosophique sur son origine, son antiquité, ses vertus, sa figure, les honneurs qu'on lui a rendus chez les peuples anciens, etc.; avec une figure représentant le dieu Pet, et cette inscription: Crepitui ventris conservatori deo propitio (p. 38)", - грандиозный труд Склопетария, № 111 "Библиотеки" (Франкфорт, 1628), кажется, был монументальным трудом на тему, которая обычно не рассматривается. То же замечание можно применить к "Physiologia crepitus ventris" Рода. Гоклениуса, Франкфорт и Лейпсик, 1607 г., № 123 "Библиотеки".

Самая ранняя из известных работ на эту любопытную тему - "Le plaisant deus du Pet", Париж, 1540.

"Ориген говорит, что имя Ваал-Пеор означает скверну, но что это за скверна, он не знал; Саломон бен Иархи пишет, что они приносили ему в жертву кушанье, помещая перед его ртом подобие того места, которое природа создала для извержения" - (Purchas, vol. v. p. 85.).

Упоминание о работе Бел-Фегора можно найти в следующем двустишии из книги под названием "Совет Момуса".

"La deuxième moitié du premier chant est consacrée

"A certains vents coulis

Jadis adorés à Memphis."(Bib. Scat., p. 7.)

"Древние пелузийцы, народ нижнего Египта, среди прочих причудливых, химерических объектов почитания и поклонения почитали пердуна, которому они поклонялись под символом раздутого пупка" ("A View of the Levant", Charles Perry, M. D., sm. fol., London, 1743, p. 419).

"Время сохранило для нас фигуру этого нелепого божества, изображающую совсем маленького ребенка в позе того непристойного действия, от которого этот бог получил свое имя" (аббат Банье, "Мифология", английский перевод, 1740, т. ii. стр. 52 и далее)[\[55\]](#).

"Их боги-жуки из их уборных; да, их уборные и пуки имели свою несчастливую канонизацию и пошли для египетских божеств..... Так, Иероним отменяет их ужасное божество, Лук и вонючий Пердун, Crepitus ventris inflati que Pelusiaco religio est, которому они поклонялись в Пелусии."(Purchas, vol. v. p. 641.)

Следует помнить, что языческие представления о власти бога полностью отличались от наших. Языческие божества были ограничены в своих полномочиях и функциях; им поручалась забота об определенных странах, районах, долинах, реках, фонтанах и т. д. Мало того, они могли помогать только определенным ремеслам, профессиям и т. д. Они не могли лечить все болезни, только отдельные виды, каждый бог был специалистом, и, соответственно, каждый должен был отвечать за определенный участок человеческого тела. Так было у греков, римлян, египтян и других народов. В средневековье действовало то же правило, только вместо богов эти функции возлагались на святых. Бранд, *Pop. Antiq.* vol. i. p. 356, *et seq.*, приводит список святых и функции, приписываемые каждому из них. На странице 366 цитируемого труда можно увидеть, что святой Эразм отвечал за "живот, с прихожанами". Учитывая это, мы можем лучше понять особые церемонии, связанные с поклонением Бел-Фегору; он, несомненно, был божеством, к которому верующие обращались за облегчением недугов, связанных с прямой кишкой и животом, точно так же,

как в более поздний период истории религии они обращались к святому Фиакру, чтобы тот избавил их "от фибры или эмеройдов, особенно от тех, что растут в основании". (См. Brand, loc. cit. p. 362.) По тому же принципу, по которому в храмах Эскулапия поклоняющийся ему человек вешал восковые и глиняные изображения больных рук, ног и других членов, доставлявших ему боль, поклоняющийся Бел-Фегору приносил ему в жертву метеоризм и экскременты, свидетельства хорошего здоровья, за которое старшее божество должно было благодарить его.

"Египтяне делили человеческое тело на тридцать шесть частей, каждая из которых, по их мнению, находилась под особым управлением одного из деканов или воздушных демонов, возглавлявших тройное деление двенадцати знаков; и мы имеем авторитет Оригена, утверждающего, что при заболевании любой части тела излечение происходило путем обращения к демону, к чьей компетенции она относилась" ("Медицинские суеверия", Петтигрю, Филадельфия, 1844, с. 47).

Приписывание определенных знаков Зодиака заботе о различных членах человеческой анатомии соответствует той же религиозной идее, потому что знаки Зодиака, особенно знаки животных, когда-то были богами животных.

Хоун в своей "Ежедневной книге" приводит терапевтическую агиологию, слишком длинную, чтобы ее повторять.

Мелтон говорит: "Святые романистов узурпировали место зодиакальных созвездий в управлении частями человеческого тела", и "для каждой конечности у них есть свой святой". Таким образом, святой "Эразм управляет животом с помощью интралилей вместо Весов и Скорпиона". ("Медицинские суеверия", Петтигрю, Филадельфия, 1844, с. 54.) Далее следует длинный список святых с конкретными функциями, приписанными каждому, начиная со списка, который можно найти в Хоне и который Петтигрю расширяет. ("Святой Джайлс и Святой Гиацинт против бесплодия", там же, с. 55, 56.)

"В более поздние времена, согласно Геродоту, для египтян было характерно особое и мельчайшее разделение труда; медицинская наука была распределена по различным частям; каждый врач занимался одной болезнью, не более; так что в каждом месте было полно врачей, ибо одни были врачами для глаз, другие для головы; одни для зубов, другие для живота; а некоторые для оккультных расстройств. Были также врачи по женским болезням. Сыновья следовали профессиям своих отцов, так что их число должно было быть очень велико" (Idem, p. 44.).

Поскольку египетские жрецы были врачами в этой стране, то в полном соответствии с вечной закономерностью вещей мы должны найти их, даже после того, как они были дифференцированы на различные профессии, ограниченными лечением особых болезней, подобно тому, как были ограничены боги, которых жрецы когда-то представляли[56].

"Таким образом, врачебное искусство разделено между ними (египтянами). Каждый врач занимается только одной болезнью и не более. Все места изобилуют врачами; одни лечат глаза, другие - зубы, третьи - живот, четвертые - внутренние болезни" (Геродот, "Эвтерпа", стр. 82).

Хоун показывает, что каждый сустав пальцев был посвящен какому-нибудь святому. (См. его "Ежедневную книгу", т. ii. с. 48).

"Но, под почитаемым именем Гермеса, издавались книги астрономических предсказаний болезней, излагающие злое влияние вредоносных звезд на еще не родившихся; рассказывающие, как правый глаз находится под Солнцем, левый - под Луной, слух - под Сатурном, мозг - под Юпитером, язык и горло - под Меркурием, обоняние и вкус - под Венерой, части, имеющие кровь - под Марсом..... Первые столетия после христианской эры принесли огромный урожай литературных подделок" (см. "Саксонские пиявки", т. iii, с. 11, 12).

"Новозеландцы наделяли каждую часть тела отдельным божеством" ("Народная медицина", Блэк, стр. 11).

Беседа Моисея с Иеговой, в которой последний отказался позволить пророку увидеть славу своего лица, но заставил его довольствоваться видом его задней части, указывает на то, что священные писатели более ранних периодов жили в атмосфере мысли, которая принимала все подобные идеи, связанные с Бел-Фегорскими церемониями.

Евреи верили, что Иегову следует умиловать сладкими ароматами:[57] "Приносите Господу сладкий аромат". Бел-Фегор и другие божества язычников, которые были богами определенных частей человеческого тела, по всей вероятности, были бы довольны жертвоприношениями, исходящими именно от этой части; так, бог охоты приносил в жертву дичь; боги морей приносили в жертву рыбу; младенцы приносились в жертву божествам родов; поэтому боги фундамента, естественно, должны были быть умиловлены экскрементами и метеоризмом.

Харингтон обращает внимание на пророчество Давида в 77-м псалме: "Percussit inimicos suos in posteriores, opprobrium sempiternum dedit illis". "Он поразил своих врагов в задние части и поверг их в вечный позор" ("Аякс", с. 25).

Отсутствие единства - характерная черта всех примитивных форм религиозного мышления; поэтому различные дифференциации, о которых говорилось выше, происходят в силу религиозной необходимости.

Среди практик, запрещенных даосской религией: "Человек не должен петь и танцевать в последний день луны..... Не должен плакать, плевать или совершать другие непристойности по отношению к Северу."- (Legge, "Religions of China", p. 187.)

У парсов есть любопытная идея, наводящая на мысль о древнееврейском антагонизме к поклонению Бел-Фегору: "14. Правило таково: когда человек сохраняет молитву внутри себя, а ветер приходит снизу, или ветер приходит изо рта, это все одно". (Шаяст ла Шаяст, издание Макса Мюллера, Оксфорд, 1880, ср. х. стих 14, р. 221. Сноска поясняет: "Буквально, "оба едины", то есть в любом случае заклинание ваги или молитвы разрушается").

"Бедави, которые извергаются из вежливости, испытывают смертельную ненависть к crepitus ventris; и если бы кто-нибудь из прохожих посмеялся над его случайным появлением, он был бы немедленно прирезан как "пандонор". Такой же обычай существует у горцев Афганистана. И его искусственная природа предполагает прямое происхождение; ведь эти два региона разделяет множество племен, персов и белоков, которые полностью игнорируют пандоноров и ведут себя как европейцы. Набеги доисмаилитских арабов на земли, лежащие к северо-востоку от них, почти забыты; тем не менее, следы остались, и это может быть одним из них" (Burton, "Arabian Nights", vol. v. p. 137.).

По словам Нибура, у арабов пускание ветра считается самым большим неприличием; некоторые племена делают вечным попом преступника, однажды виновного в таком

нарушении приличий; беллуджаги на границах Персии изгоняют преступника из племени. Однако сам Нибур рассказывает, что шейх племени "Монтесидов" однажды устроил подобное состязание среди своих приспешников, "avoit autorisé un défi dans ce genre entre ses domestiques et couronné le vainqueur." (Niebuhr, "Description de l'Arabie", Amsterdam, 1774, p. 27.) Храп и флатуленция, по-видимому, считались татарами одинаково оскорбительными. См. упоминание Марко Поло о способе выбора жен для великого хана (в Purchas, vol. i. p. 82). Он говорит, что Великий хан отдает тех, кого считает подходящими, под присмотр "жен своих баронов", "чтобы посмотреть, не храпят ли они во сне, не оскорбительны ли по запаху или поведению".

"Однако у них считается позором пукнуть, чему они удивляются у голландцев, считая это презрением" ("Негры Гвинеи", Перчас, т. V. стр. 718).

На Золотом побережье Африки негры "очень осторожны, чтобы не пукнуть, если кто-либо окажется рядом с ними; они удивляются нашим нидерландцам, которые так часто это делают, ибо не могут вынести, чтобы человек пукал перед ними, считая это большим позором и презрением по отношению к ним" (Master Richard Jobson, A.D. 1620, in Purchas, vol. ii. p. 936.) В русской секте раскольников, называемой "беспоповцами", "во время службы Святого четверга некоторые из них, известные как "зеваки" или "зевачи", часами сидят с открытыми ртами, ожидая, пока ангелы-служители утолят их духовную жажду из невидимых чаш" (Heard, "Russian Church and Russian Dissent", pp. 200, 201).

Бастиан в "Allerlei aus Volks- und Menschenkunde" (vol. i. p. 9) приводит цитату из книги Кубари "Религия Пелевских островов" о том, что в случае смерти влагалище, уретра, прямая кишка, ноздри и все другие отверстия тела плотно закрываются волокнами некоторых корней или губки, чтобы предотвратить выход любой жидкости из тела, которая, по-видимому, может быть полезной для духа умершего.-(Приведено в личном письме д-ра Гатчетта из Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия).

В Валахии "ни один способ казни не является более позорным, чем виселица. Утверждается, что душа человека с веревкой на шее не может вырваться изо рта" (Мальтебрун, "Всеобщая география", Бостон, 1847, т. ii. с. 458, статья "Венгрия").

"Обычно предполагается, что душа покидает тело через естественные отверстия, особенно рот и ноздри" - (Фрэзер, "Золотая ветвь", т. I, с. 125).

"Caton appliquait à l'objet d'un de nos chapitres; "Nullum mihi vitium facit." ... Это то, что сказал Катон, когда один из его эскавов проговорился в ее присутствии" (Bib. Scat., "Oratio pro Guano Humano", p. 21).

В Анголе, на западном побережье Африки, метеоризм свободно разрешен среди туземцев, но любое разрешение такого рода, полученное в присутствии посторонних, рассматривается как самое смертельное оскорбление.-(*"Мухонго"*, африканского мальчика из Анголы; перевод преподобного г-на Шателена).

Поэт Гораций "посвятил плюс несколько стихов тому, что нас занимает. В частности, можно прочесть Сатиру VIII, содержащую следующий отрывок

"Mentior, at si quid merdis caput inquinare albis

Corvorum, atque in me veniat mictum atque cacatum

Julius, et fragilis pedacia, furque Voranus."(Bib. Scat. p. 76.)

Знаменитому английскому оратору Чарльзу Джеймсу Фоксу приписывается авторство "Очерка о ветре", анонимно опубликованного в Лондоне и помещенного под номером 91 в Bib. Scat. (p. 39).

У Мартина Лютера было много битв и споров с его сатанинским величеством, и во всех из них последний оказывался на втором месте. Меланхтон приводит описание одного из них, в котором были результаты, достойные включения в эту работу: "Hoc dicto victus Dæmon, indignabundus secumque murmurans abiit, eliso crepitu, non exiguo, cujus fussimen tetri odoris dies aliquot redolebat hypocaustum." Vid. Joh. Wier, de Præstig. Dæmon. cap. 7, p. m. 54, в Schurig, "Chylologia", p. 795, статья "De Crepitu Diaboli".

Лютер рассказывает историю о даме, которая "Sathanum crepitu ventris fugavit." ("Les Propos de Table de Luther", par G. Brunet, Paris, 1846, p. 22, цитируется в "Commonplace Book" Бакла, p. 472, vol. ii. его "Works". Все английские издания "Застольной беседы" Лютера, насколько известно автору, являются "экспургированными").

"Цицерон, считая Педита невинной жертвой, пострадавшей от цивилизации своего времени, выступил в его защиту с криком о свободе и сформулировал его права". В качестве сноски к вышесказанному мы читаем следующую выдержку из Цицерона: "Crepitus æque liberos ac ructus esse oportere." - (Lib. 9, Epist. 22.)

"Memento quia ventus est vita mea." - (Job. vii. 9.)

"Pedere te mallet, namque hoc nec inutile, dicit Symmachus, et risum res movet ista simul." - (Martial, vii. 17, 9.)

"Le Tonnerre, ce n'est qu'un Pet"; c'est Aristophane qui le dit." Βροντὴ καὶ πορδὴ, ὁμοίω-("Nuces").

Все предыдущее из Биб. Scat., статья "Oratio pro Guano Humano".

См. Аристофан, "Облака", акт v. сцена 2.

"Dissertation sur le dieu Pet", par M. Claude Terrin.- Этот автор, как утверждается, цитирует Клеменса Романа и святого Сезара. (См. Bib. Scat., p. 37.)

Суэтониус приводит следующие высказывания о римском императоре Клавдии: "Говорят также, что он намеревался издать эдикт... разрешающий всем людям свободно давать волю за столом любому вздору, вызванному метеоризмом". Это было сделано после того, как он "услышал о человеке, чья скромность в подобных обстоятельствах едва не стоила ему жизни" ("Клавдий", xxxii.).

Плутарх задает вопрос: "Вопрос 95. Почему было предписано, чтобы те, кто должен жить целомудренно, воздерживались от пульса?... Или, скорее, потому, что они должны приносить пустые и стройные тела на свои очищения и искупления? Ибо пульсы ветрены и вызывают большое количество экскрементов, требующих очищения. Или это потому, что они возбуждают разврат из-за своей лстивой и ветреной природы?" ("Мораль", английский перевод Гудвина, Бостон, 1870, т. ii. с. 254).

"Тот факт, что в честь приезда друзей дом подметают и посыпают песком, и что люди купаются в таких случаях, показывает, что чистота ценится. Современное выражение гласит, что дом настолько чист, что в нем не остается ни одного дурного запаха, который мог бы оскорбить гостя. По той же причине индеец неоднократно принимает ванну перед молитвой,

"чтобы быть угодным Божеству"" ("Отчет о северо-западных племенах Канады", д-р Франц Боас, Британская ассоциация содействия развитию науки, собрание в Ньюкасл-апон-Тайне, 1889 г., стр. 19).

"Саул ушел в пещеру "ut purgaret ventrem"" (Harington, "Ajax", p. 25).

XXII. НЕПРИСТОЙНЫЕ ВЛАДЕНИЯ.

В тесной связи с этим поклонением Бел-Фегору, если такое поклонение вообще существовало, можно рассмотреть непристойные договоры, по которым некоторые поместья в Англии находились в "сержантстве". Не менее авторитетный историк, чем Бакл, счел, что исследование этих вопросов не ниже достоинства его интеллекта, в чем можно убедиться, взглянув на его статью "Вклад в историю домашних животных" в "Commonplace Book", p. 472. Он ссылается на "Miscellanea Antica Anglicana", "Ancient Tenures" Блаунта, "Table Talk" Лютера (как указано выше), "Des Divinités Génératrices" Дюлора, "Description of Arabia" Нибура, издание Гиффорда о Бене Джонсоне, "The Staple of News" Бена Джонсона, "Political Ballads" Райта в томах iii и vii изданий Общества Перси. За исключением первой, все вышеперечисленные были изучены, и сделана транскрипция примечаний, которые будут вставлены в соответствующее место.

"Лорд поместья Эссингтон получает право владения от лорда поместья Хилтон следующим образом. Он, первый из названных, должен каждый Новый год приносить гуся в зал поместья Хилтон и водить его не менее трех раз вокруг огня, "пока Джек Хилтон раздувает огонь". Этот Джек Хилтон представляет собой медное изображение высотой около двенадцати дюймов, стоящее на левом колене и держащее правую руку за голову, а левую - за пего, или виретрум, воздвигнутый, с небольшим отверстием в устье, в котором, будучи наполненным водой и поставленным на сильный огонь, заставляющий ее испаряться подобно элопилу, она выпускает себя в постоянном взрыве, таком сильном, что его очень слышно, и яростно раздувает огонь."- (Блаунт, "Владение землей и обычаи в поместьях", издание Хэзлитта, Лондон, 1874, стр. 118).

Это напоминает брюссельского "манникина", который, возможно, заменил собой какое-то давно забытое местное божество; он до сих пор иногда служит политическим целям.

Работа Блаунта была впервые опубликована под названием "Шуточные обычаи".

Упомянув брюссельского "манникина", следует упомянуть о распространенности фаллических культов по всей Фландрии.

Дюлор ("Des différents Cultes", Paris, 1825, vol. ii. p. 272 et seq.) описывает фаллические святилища святых Футина, Герлишона и др. "Анна Австрийская, супруга Людовика XIII, да все в пелеринаже", то есть в святилище святого Футина.

Он также показывает, что использование "raclure" этих фаллических святых преобладало во Франции вплоть до начала нынешнего века.

"Роуланд, ле Сарсер, владеет стадесятью акрами земли в Хемингтоне, графство Саффолк, на правах сержанта, за что ежегодно на Рождество перед нашим государем, королем Англии, он должен полностью и одновременно совершать прыжок, пыхтение и пук" (Idem, p. 154.).

"Некий Болдуин также ранее владел этими землями, неся ту же службу, и назывался по прозвищу Болдуин-ле-Питер, или Болдуин-Фартер" (Idem, p. 154).

Доктор Флетчер, президент Антропологического общества Вашингтона, округ Колумбия, обратил внимание на тот факт, что ссылка на вышеупомянутое владение Болдуина, "*per saltum, sufflatum, et pettum*", содержится в легендах Инголдсби, "Призрак Таппингтона", основанных на Блаунте. Дюканж в своем "Глоссарии" доказывает древность этих договоров, которые восходят, насколько известно, к самым ранним годам четырнадцатого века (см. Дюканж, статья "Бомбус").

Дюканж также описывает особый обычай, регулирующий прием "*filia communis*" в "виллу Монтис Люций", о котором мы еще расскажем.

"Баррингтон в своих "Замечаниях о статутах", говоря о людях, отмечает: "Они также, по обычаю, преобладающим в отдельных районах, подвергались услугам не только самого подневольного, но и самого смехотворного характера". "*Utpote Die Nativitatis Domini coram eo saltare, buccas cum sonitu inflare, et ventrum crepitum edere*" (Struvii Jurispr. Feud. p. 541.) Сэр Ричард Кокс в своей "Истории Ирландии" также упоминает некоторые очень смешные обычаи, которые продолжали существовать в 1565 году" - (Brand, "Popular Antiquities", vol. i. p. 515, статья "Fool-Plough and Sword-Dance").

"Monstrelet, en décrivant une fête que donna en 1453 le duc de Bourgogne, dit qu'on y voyait: une pucelle qui, de sa mamelle, versait hypocras en grande largesse; à côté de la pucelle était un jeune enfant qui, de sa broquette, rendait eau rose." - (Chroniq. vol. iii. fol. 55 v.; Dulaure, "Traité des Différens Cultes", vol. i. p. 324, сноска).

То, что эти обычаи, абсурдные, непристойные, иррациональные, какими они кажутся в свете сегодняшнего дня, имели свое происхождение в тумане древности, вовсе не является невероятным; также не является грубым предположением приписывать им религиозное происхождение. Признано, что они имели силу узаконенных обычаев, а закон в древности был неотъемлемой частью религиозной власти.

Замечания Дюканжа вставлены потому, что они могут быть доступны не каждому читателю. Он приводит цитаты из Камдена и Спеллмана.

Болдуин "*Qui tenuit terras in Comitatu Suffolciensi, per serjenciam pro qua debuit facere, singulis annis (die Natali Domini), coram Domino Rege, unum saltum, unum sufflatum, et unum bombulum.*"

"Хемингстон, где Болдуин ле Петтер (обратите внимание на имя) владел землей на правах сержантства (так выражается древняя книга), за что был обязан каждое Рождество исполнять перед нашим господином королем Англии один сальтус, один суфлатус и один бумбулус; или, как говорится в другом месте, он владел ею на правах сальтуса, суфлатуса и петтуса, то есть (если я правильно понял), он должен был танцевать, шуметь щеками и пускать пуки. Таково было простое, веселое веселье тех дней" (Камден, "Бретань", издание Лондона, 1753, т. i. с. 444).

На Гримма произвело впечатление несомненное смешение старой религиозной доктрины с системой права; ведь последняя, "даже после принятия новой веры, не расставалась с

некоторыми старыми формами и обычаями". ("Teutonic Mythol.", introduc. p. 12.) В другом параграфе он говорит: "В другом месте я постараюсь подробно показать, как много в жестах и позах, предписанных для некоторых юридических операций, напоминает священнические церемонии жертвоприношения и молитвы" ("Idem", vol. i. p. 92.).

XXIII. ПЛАТА ЗА МЕТЕОРИЗМ, ВЗИМАЕМАЯ С ПРОСТИТУТОК ВО ФРАНЦИИ.

Другой странный обычай, объяснение которого не было передано, описывается Дюканжем, Дюлором и другими: - "En outre, chaque chaque flatulence, a la prostitutes in France.

"En outre, chaque fille publique qui se livre à quelque homme que ce soit, lorsqu'elle entre pour la première fois dans la ville de Montluçon, doit payer sur le pont de cette ville quatre deniers, ou y faire un pet."- (Dulaure, "des Divin. Générat." p. 279, цитата из Дюканжа, "Глоссарий", статья "Bombus").

В работе аббата Рубо, озаглавленной "La Pététrade, poème en quatre chants", нам сообщают: "Il renvoie à Ducange pour prouver qu'en France on admettait les pets comme monnaie de cours en paiement des péages..... Bombi pro scudis valebant."-("Bib. Scatologica", p. 48.)

Если верить Виктору Гюго, обычай "réage" у моста Монлюк был широко известен жителям Франции в пятнадцатом веке. Так, в первой главе "Нотр-Дама" жители Парижа на празднике дураков представлены как предающиеся балагану.

"Доктор Клод Шуар, вы ищете Мари ла Жиффар?"

"Она на улице Глатиньи".

"Она платит свои четыре дензнака, quatuor denarios".

"Aut unum bumbum".

Дюлор снова цитирует Дюканжа в связи с пошлиной, которую требовали с публичных женщин, впервые пересекающих мост в Монлюке. Он находит описание этой своеобразной пошлины в реестрах, датированных 1398 годом; он также видит сходство между этой пошлиной и владением поместьем Эссингтон.- (См. "Traité des Dif. Cultes", vol. ii. p. 315, сноска).

Хирург Роберт М. О'Рейли, армия США, утверждает, что среди ирландских поселенцев, прибывших в Соединенные Штаты в конце прошлого века, было принято выражение "сэр-реверанс", когда речь шла о метеоризме.

"Сэр-реверанс". У старых писателей - обычное искажение "спасите почтение" или "спасите ваше почтение" - апологетическая фраза, используемая при упоминании чего-либо, считающегося неприличным или недостойным, и особенно эвфемизм для *stercus humanum*".
"'Cagada', a surreverence." (Stevens's "Sp. Dict.", 1706).

"Siege, stool, sir-reverence, excrement."- (Bishop Wilkins's "Essay towards a Philosophical Language", 1688, p. 241).

"Thoo grins like a dog eating sir-reverence". (Холдернесс, "Глоссарий Английского диалектного общества"). Сравните испанское *salvanor*, anus. (Стивенс.) - ("Народная этимология", преп. А. Смит-Палмер, Лондон, 1882).

СВЯЩЕННЫЙ ХАРАКТЕР СТРОИТЕЛЬСТВА МОСТОВ.

Вполне можно доказать, что римляне рассматривали строительство моста как священное дело. Ни по какой другой гипотезе мы не можем понять, почему их главный жрец был назван "Величайшим мостостроителем" (Pontifex Maximus). То, что эта идея была передана варварам, захватившим континентальную и островную Европу, было бы самым правдоподобным предположением, даже если бы не было исторических свидетельств.

Что касается пошлин, вживавшихся с проститутками, переходивших по определенным мостам во Франции, и владения определенными поместьями в Англии, то следует помнить, что в Средние века мосты возводились организациями или ассоциациями мостостроителей, которые, по-видимому, были тайными обществами. "Не исключено, что общества или ложи мостостроителей существовали в ранний период и были реликтами политики римских времен; но история таких обществ покрыта мраком. Церковь, по-видимому, приняла и поощрила их в двенадцатом веке, и тогда они были наделены определенным религиозным характером..... Орден мостостроителей в Авиньоне, с особой любовью к каламбурам, характерной для Средневековья, называли "пontiфикальными братьями", а иногда "пontiфикальными братьями" и "пontiфикальными факторами". ... Согласно Дюканжу (Gloss. v. fratres pontis), их одеждой была белая жилетка со знаком моста и крестом из ткани на груди". ("Essays on Archæological Subjects", Thomas Wright, London, 1861, vol. ii. p. 137 et seq., статья "Mediæval Bridge-Builders"). В этой связи не лишним будет вспомнить, что Папа Римский по-прежнему является Pontifex Maximus.

Зная, что мосты строились тайными обществами, мы уже наполовину проиграли нашу битву; ведь эти тайные общества, несомненно, под покровительством и защитой какого-то бога в языческие времена или какого-то святого в более поздние дни, резервируя для чести последнего тот же ритуал, который был посвящен преданности языческого предшественника.

Здесь уместно привести следующее высказывание Фосброка: "Плутарх выводит слово "пontiфекс" из жертвоприношений, совершаемых на мостах, - церемонии глубокой древности. Говорят, что этим жрецам было поручено поддерживать мосты в рабочем состоянии, что являлось неотъемлемой частью их должности. Этот обычай, несомненно, привел к появлению часовни на Лондонском мосту, а подношения, конечно же, предназначались для ремонта". В другом месте он упоминает о "пристройке часовен почти ко всем нашим известным мостам" ("Cyclopædia of Antiquities", London, 1843, vol. i. pp. 62, 146, статья "Bridges").

"Готтлинг (Gesch. d. Rom. Staatsv. p. 173) считает, что "пontiфекс" - это только другая форма для "помпифекса", которая характеризовала бы pontификов только как руководителей и дирижеров общественных процессий и торжеств. Но гораздо более вероятным кажется, что слово образовано от *pons* и *facere*, ... и что, следовательно, оно обозначает священника, который приносил жертвы на мосту" ("Dictionary of Greek and Roman Antiquities", William Smith, LL. D., Boston, 1849, статья "Pontifex").

"Les Romains avaient réuni en collège sacerdotal leurs constructeurs de ponts."-("Les Primitifs", Elie Réclus, Paris, 1885, p. 116.)

Среди римлян, которые были великими архитекторами европейского мира, и чьи акведуки, бани, дороги и мосты никогда не приближались по силе и красоте к сооружениям любого другого народа, следовало ожидать, что титул великого жреца должен быть Pontifex Maximus, по тому же принципу, что среди тодов Нилгерри, которые в основном являются пастушеской расой, главный знахарь или жрец называется Палал, "что означает Великий Дояр".- (См. эти утверждения в "Les Primitifs", Réclus, p. 260, статья "Les Monticules des Nilgherris").

Легенды Средневековья по всей Европе, от Южной Германии до Скандинавии, полны упоминаний о мостах, мельницах, церквях, но особенно о мостах, построенных исключительно дьяволом или с его помощью; и в каждом случае есть намек на человеческие жертвы.

"Как правило, жертвами становились пленные враги, купленные рабы или великие преступники..... Поэтому в наших народных сказках тот, кто первым перейдет через мост, первым войдет в новое здание или в страну, платит своей жизнью, что означает жертвоприношение..... В народных сказках мы находим следы замуровывания детей; их убивают как лекарство от проказы, замуровывают в подвалах..... Необычайные события могли потребовать смерти королевских сыновей и дочерей, а то и самих королей" ("Тевтонская мифология", Гримм, т. I. с. 46).

"Когда дьявол строит мост, он либо по принуждению людей, либо охотится за душой; но ему приходится мириться с петухом или серной, которую нарочно заставляют первой пробежать по новому мосту", или "заставляют волка проскочить через дверь" новой церкви, или козу" (Idem, vol. iii. p. 102).

"Когда строился новый мост в Галле, законченный в 1843 году, простые люди представляли себе, что в фундамент хотят замуровать ребенка" (Idem, vol. iii. p. 1142).

"В современной Греции, когда закладывается фундамент нового здания, принято убивать петуха, барана или ягненка и пускать его кровь на камень фундамента, под которым потом хоронят животное. Цель жертвоприношения - придать прочность и устойчивость зданию. Но иногда, вместо того чтобы убивать животное, строитель подманивает человека к фундаментному камню, тайно измеряет его тело или его часть, или его тень, и хоронит их под фундаментным камнем, или кладет фундаментный камень на тень человека. Считается, что человек умрет в течение года" ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 144).

Мы не ставим перед собой задачу углублять эту часть обсуждения. Любопытные могут обратиться к Гримму, который показывает, как часто человеческие жертвы заживо замуровывались в новых замках, валах, мостах и других сооружениях. Со временем, когда человек становился мудрее, символом человеческой жертвы стал гроб; в конюшнях под дверью заживо хоронили телят или ягненка, иногда петуха или козленка; под алтарями - живого ягненка; на вновь открытых кладбищах - живую лошадь. Все эти свидетельства убедительно указывают на то, что каждое подобное сооружение было начато, по крайней мере, под эгидой, из которой еще не были устранены все следы и предположения язычества; Следовательно, мы не ошибемся, если решим, что в особой церемонии, на которой настаивали при переходе через мост Монлюк, сохранился какой-то религиозный обряд, или что он, как и все другие, был построен архитекторами, которые все еще придерживались старого культа и имели достаточно влияния на деревенское население, чтобы обеспечить включение некоторых элементов священного характера, относящихся к вытесненному

ритуалу, и которые дошли до нас, или почти дошли, в более или менее искаженном и изуродованном состоянии.

Очень интересную статью можно найти в "Mélusine", Париж, 5 мая 1888 года, которую можно с пользой прочитать в данный момент; она озаглавлена "Les Rites de la Construction" и рассказывает о народной традиции, согласно которой мост в местечке под названием Респорден в Корнуолле не удалось сохранить, поскольку каждый из них был сметен наводнением почти сразу же после завершения строительства. Добрые жители окрестностей заподозрили колдовство и чародейство и обратились к ведьме, чьи указания были сформулированы в таких выражениях: "Если люди из Респордена хотят иметь понтон, который не будет разрушаться, они должны ввести в живые фонды маленького мальчика четырех лет. On placera l'enfant dans une futaille défoncée, tout nu, et il tiendra d'une main une chandelle bénite, de l'autre un morceau de pain."

Нашлась неестественная мать, которая отдала своего младенца в жертву, получив некоторую компенсацию, и бедная жертва была замурована заживо, как и было предписано; мост был завершен и с тех пор выдержал все разрушения бурь и приливов, но в сказке до сих пор повторяются последние слова несчастного младенца

"Моя девочка умерла, мама,
Et de pain, il ne rest me miette".

Неестественная мать, как положено, сошла с ума через несколько дней после жертвоприношения, а плач брошенного младенца до сих пор слышен в столах ветров и рыданиях дождей, обрушивающихся на Респорден.

XXIV. НЕПРИСТОЙНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В ИГРАХ АНГЛИЙСКИХ РУСТИКОВ.

Грубые игры английских деревенщин не совсем свободны от пережитков того же характера, что были описаны на предыдущих страницах в отношении арабского шейха. Например, в Нортумберленде, Англия, существовало любопытное развлечение под названием "F□g for the pig". Бранд не дает объяснения этому обычаю, который может быть связан с шуточными арендами, упомянутыми Блаунтом, а вместе с ними и с поклонением Бел-Фегору. Бранд говорит: "Древняя грубость наших нравов почти не поддается объяснению. В режиссерских указаниях к старым моралите мы часто встречаем: "Здесь Сатана пускает фальшь"" ("Popular Antiquities", vol. ii. p. 9, статья "Деревенские поминки").

В самом Лондоне подобные "пережитки" сохранились вплоть до недавнего времени. "В прежние времена носильщики, курсировавшие по Биллингсгейту, вежливо уговаривали и просили каждого проходящего по этому пути человека отдать честь столбу, стоявшему на свободном месте. Если он отказывался это сделать, его тут же хватали и с силой прижимали к столбу; если же он спокойно соглашался поцеловать его и платил шесть пенсов, ему давали имя и выбирали кого-нибудь из банды в крестные отцы. Я полагаю, что это делалось в

память о каком-то старом изображении, которое раньше стояло здесь, возможно, о Белиусе или Белине" (Brand, "Popular Antiquities", vol. ii. p. 433, статья "Kissing the Post").

Все эти обычаи, какими бы абсурдными они нам ни казались, могли быть частью ритуала божеств того же класса, что и Бел-Фегор, которые заботились, возможно, о выделениях и связанных с ними органах; требовалась какая-то дань, и ничто не могло быть более подходящим, чем подношение этих частей или подчинение боли, причиняемой им теми, кто отвечал за святилище.

Пересекая Атлантику, можно было услышать, что обычай, подозрительно похожий на предыдущий, до сих пор является грубой мальчишеской шалостью в Филадельфии, Пенсильвании, тридцать или более лет назад. Всякий раз, когда случалось, что какой-нибудь мальчик был виновен в метеоризме, вся компания школьников кричала: "Потрогай дерево!" и бежала потрогать ближайший ящик; тех, кто делал это медленно, колотили более расторопные.

"Итак, ребята и девчата, веселитесь,

...

И, чтобы развлечься,

Я фыркаю и фыркаю".

("Проделки Робина Гудфеллоу".
предположительно Бен Джонсон,
цитируется в книге Хэзлитта "Сказки".
London, 1875, p. 420.)

Следующие заметки из Бакла, "Commonplace Book", похоже, не имеют никакой ценности, кроме просто грязных историй: - "Ludlow fll d's flldll.

"У Ладлоу f□ был пророческий козырь;

Никогда не было ничего столь прыгучего;

'Twas a very type of a vote of this rump,

Который никто не может отрицать".

Ладлоу - убежденный республиканец. Инцидент, о котором идет речь, был предметом веселья и послужил поводом для творчества лучших поэтов второй половины семнадцатого века ("Ballad: A New Year's Gift for the Rump", Jan. 5, 1659, и сноска в Percy Society's "Early English Poetry", London, 1841, vol. iii. p. 176).

"А потом мои поэты,

Те же, что так тонко писали о пуках".

("Алхимик", Бен Джонсон, акт ii. сцена 1.)

"Кто этот автор, о котором идет речь, я не могу сказать. В сборнике стихов под названием "Musarum Deliciæ; or, The Muse's Recreation", составленном сэром Джоном Эннисом и доктором Смитом, есть стихотворение под названием "Пук, порицаемый в здании парламента". Поводом для него послужил подобный случай в Палате общин. Я видел часть этой поэмы, приписываемую автору времен Елизаветы, и, возможно, это та вещь, о которой

говорит Джонсон". (Но Гиффорд, из более поздних изданий которого я черпал материал, комментирует, что "этот побег, как называет его Уолли, произошел в 1607 году, уже после правления Елизаветы. Баллада находится среди Гарлейских рукописей, а также напечатана в "Государственных стихах"; она содержит около сорока строф самого убогого доггерла." - (Gifford's edition of Jonson, London, 1816.)

"Дурак из Корнуолла". "Мне рассказывали о шутиливом рыцаре, живущем в одном графстве (то есть Корнуолле), который однажды, собрав на одной открытой рыночной площади большое собрание рыцарей, оруженосцев, джентльменов и йоменов, и пока они стояли, ожидая услышать от него какую-нибудь речь или рассуждение, он, в глупой манере (не без смеха), начал использовать тысячу жестов, вращая глазами то в одну, то в другую сторону, и все время казалось, что вот-вот он начнет говорить, и наконец, глубоко вздохнув, с хрюканьем, как боров, он издал чудовищно громкий пук и сказал им, что повод созвать их вместе был не для чего иного, как для того, чтобы столь благородный пук был удостоен чести столь благородной компании, какая только есть на свете." - ("Джек из Дувра: "Познавательный квест", в "Обществе Перси", т. vii. с. 30, Лондон, 1852. "Джек из Дувра", 1604 г. н.э.).

"Фул из Линкольна". "В последнее время в Линкольне жил один бедный работяга, который, после того как его жена так изводила его крапивой, что вся улица снова зазвенела от усталости, наконец вышел из дома и спокойно уселся на блок перед своей собственной дверью; Жена его, выйдя из терпения от его спокойствия и кроткого страдания, поднялась в палату и, высунувшись в окно, опустила ему на голову горшок с пищей; когда бедняга опомнился, он в веселом настроении произнес такие слова: "Ну, конечно, - сказал он, - я подумал, что после такого сильного грома мы должны немного попировать" (Idem, vol. vii. p. 15).

Предшествующая грязная любезность происходит из очень уважаемого источника. Харингтон вспоминает приключение "доброго Сократа, который, когда Ксантипп увенчал его горшком, снес его вместе с головой и плечами и сказал тем, кто смеялся над ним: - "Никогда еще не считалось, что это не так.

"Никогда еще не считалось чудом

Чтоб дождь следовал за громом".

("Аякс", стр. 94.)

"*Натаниэль*. Пишут из Либцига (почтение вашим ушам).

Искусство извлекать пук из мертвых тел

Братством Розы Креста

Доведено до совершенства, в столь сладкой

и богатой настойке".

("The Staple of News", Бен Джонсон, издание Гиффорда, London, 1816, act iii. scene 1, p. 240.)

XXV.

МОЧА И ОРДУР КАК ПРИЗНАКИ ТРАУРА.

Следует различать религиозное использование ордура и мочи и то, в котором они выступают как внешние признаки траура, вызванного безумием горя, или когда они используются в искусстве.

Лорд Кингсборо (Mexican Antiquities, vol. viii. p. 237) кратко описывает подобное ритуальное осквернение в церемониях погребения у евреев и ацтеков, приводя в качестве ссылок для последних Диего Дурана, а для первых - пророка Захарию, глава iii: "И вот Иисус Навин облекся в грязные одежды и предстал перед ангелом" и т. д.

"Ближайшие родственники обрезают волосы и чернят лица, а старухи надевают на голову человеческие экскременты - знак глубочайшего траура" ("Туземные племена Южной Австралии", Аделаида, 1879, стр. 200, получено благодаря любезности Королевского общества Нового Южного Уэльса, Т. Б. Кингдон, секретарь).

XXVI.

МОЧА И ЭКСКРЕМЕНТЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Экономическая ценность человеческих и животных выделений, по-видимому, была признана всеми расами с древнейших времен. Не будет лишним утверждать, что только по этой теме можно написать книгу. Не обязательно включать сюда все, что можно было бы собрать, но здесь представлено достаточно материалов, чтобы обосновать только что сделанное заявление и охватить все направления исследований.

Возможно, было бы неплохо рассмотреть вопрос о том, не имеет ли постоянное использование и знакомство с человеческой мочой и экскрементами в домах, искусствах и промышленности различных видов тенденцию к притуплению чувствительности грубых рас, так что в их обрядах мы могли бы искать введение этих отвратительных материалов; точно так же мы обнаруживаем, что все те расы, женщинам которых разрешено обнажаться, придают очень мало значения целомудрию.

"Конечно, невозможно отделить религиозное использование мочи от ее промышленного и медицинского применения..... Вероятно, почти везде она была первым известным мылом. Разве на этой стороне вопроса не нужно настаивать, даже с религиозной точки зрения?... В Англии и Франции, и, вероятно, в других странах, обычай мыть руки мочой, с идеей ее смягчающего и украшающего влияния, все еще сохраняется среди дам, и я знал тех, кто постоянно делал воду на руках с этой идеей." - (Хэвелок Эллис, "Современная научная серия", Лондон, личное письмо).

ЗАГОРАНИЕ.

По словам Лисянского, жители Кодиака используют мочу для подготовки шкур птиц ("Путешествие вокруг света", Лондон, 1814, стр. 214).

"Les gants, articles de grand luxe, et de haute élégance, faits pour recouvrir de blanches mains et des bras dodus, sont imbibés d'un jaune d'œuf largement additionné dudit liquide ambré." - ("Les Primitifs", Réclus, p. 72.)

У эскимосов моча сохраняется для использования при дублении шкур,[58] а ее применение для приготовления кожи как в Европе, так и в Америке слишком хорошо известно, чтобы ссылаться на авторитеты.

Киовайцы Великих равнин вымачивают шкуры буйволов в моче, чтобы сделать их мягкими и гибкими[59].

Моча используется сибирскими чукчами "для лечения или дубления шкур" ("В дельте Лены", Мелвилл, Бостон, Массачусетс, 1885, с. 318).

Зауэр говорит, что якуты дубят олени и лосиные шкуры коровьим навозом ("Экспедиция в северные части России", Лондон, 1802, с. 131).

Навоз используют для дубления бонго в верховьях Нила. (См. Schweinfurth, "Heart of Africa", London, 1878, vol. i. p. 134.)

Берналь Диас в своем перечислении товаров, выставленных на продажу в "тиангуэс", или рыночных площадях Теночтитлана, использует следующее выражение: "Я должен также упомянуть человеческие экскременты, которые выставались на продажу в каноэ, лежавших в каналах возле этой площади, которая используется для дубления кожи; ибо, по заверениям мексиканцев, без этого невозможно хорошо дубить" (Bernal Diaz, "Conquest of Mexico", London, 1844, vol. i. p. 236).

Такое же использование ордуры для дубления медвежьих шкур можно встретить у кочевых апачей Аризоны, хотя они предпочитают использовать ордуру самого животного.

Гомара, который также составил таблицу товаров, продаваемых на мексиканских рынках, не упоминает ордуру в прямых выражениях; его слова более расплывчаты: "Все эти вещи, о которых я говорю, а также многие, которых я не знаю, и другие, о которых я молчу, продаются на этом рынке мексиканцев"[60].

Моча служит протравой для закрепления цвета одеял и других шерстяных тканей, которые ткнут навахо из Нью-Мексико, моки из Аризоны, зуны и другие пуэбло Юго-Запада, арауканы из Чили, мексиканцы, перуанцы, некоторые племена Афганистана и другие народы, у всех которых она тщательно сохраняется.

ОТБЕЛИВАНИЕ.

"Римские фулеры использовали человеческую мочу в своем деле, и Плиний говорит, что было замечено, что они никогда не страдали от подагры" (Плиний, "Естественная история", lib. xxviii. cap. 3: Bohn).

Моча также использовалась в качестве моющего средства для чистки шерсти.- (Encyclopædia Britannica, статья "Отбеливание").

ОКРАШИВАНИЕ.

Моча используется для окрашивания у жителей Оуналашки, согласно Лангсдорфу, "Путешествия" (т. ii. с. 47); также, согласно Сарытшеву, в "Путешествиях Филиппа" (т. vi. с. 72).

Такое же употребление этого слова приписывает ирландцам Камден в "Бретани", издание Лондона, 1753 г., т. ii. с. 1419. Его высказывание цитирует Бакл: "В 1562 году О'Нил с несколькими своими спутниками приехал в Лондон и поразил горожан своими волосами,

ниспадающими локонами на плечи, на которых были желтые сюртуки, окрашенные шафраном или мочой" ("Commonplace Book", vol. ii. p. 236).

"В качестве заменителя квасцов использовалась моча" ("Народные предания немцев Пенсильвании", У. Дж. Хоффман, доктор медицины, в "Журнале американских народных преданий", 1889 г.).

"Получение синих, фиолетовых и голубовато-красных красителей из лишайников под действием аммиака из застоявшейся мочи, похоже, было известно в очень ранний период средиземноморским народам, а существование почти до сегодняшнего дня таких знаний в более отдаленных частях Ирландии, Шотландии и Скандинавии делает неправдоподобным, что искусство изготовления таких красителей не было неизвестно и северным народам Европы." ("Нравы и обычаи древних ирландцев", Юджин О'Карри, введение В. К. Салливана, Лондон, Дублин, Эдинбург и Нью-Йорк, 1873, с. 450).

ШТУКАТУРКА.

В качестве штукатурки для внутренней отделки жилищ часто использовался коровий помет; о том, что использование навоза животного, считающегося священным у многих народов, имеет религиозную основу, говорить, пожалуй, излишне, но далее будет показано, что различные навозы хранились в домах, чтобы обеспечить удачу или отвести колдовское зло.

Марко Поло сообщает следующее: (В Малабаре) "есть некоторые, называемые гауи, которые едят быков, которые умирают сами, но не могут их убить, и мажут свои дома коровьим навозом" (Marco Polo, in Pinkerton, vol. vii. p. 162.).

Хижины в Сенегале были оштукатурены "коровьим навозом, который отвратительно вонял" (Адамсон, "Путешествие в Сенегал", в Пинкертоне, т. xvi. с. 611).

О "подвалах из коровьего навоза вокруг палаток" монголов рассказывает преподобный Джеймс Гилмур ("Among the Mongols", London, 1883, p. 176).

"Затем делается пол из мягкого туфа и коровьего навоза" (Livingston, "Zambesi", London, 1865, p. 293).

Животный навоз используется в качестве строительного раствора жителями Турции в Азии, живущими в долине Тигра" (см. "Ассирийские открытия", Джордж Смит, Нью-Йорк, 1876, стр. 82).

Туземцы Белого Нила, племена бари, делают "цемент из пепла, коровьего навоза и песка", которым "они штукатурят полы и ограждения своих домов" ("The Albert Nyanza", Sir Samuel Baker, Philadelphia, 1869, p. 58). См. того же автора о латуках, idem, p. 135; а утверждение о том, что оббос одинаково штукатурят ограды, стены и полы, см. pp. 203, 262).

Плиний рассказывает, что полы на молотилках римских крестьян были вымощены коровьим навозом; в сноске говорится, что это же правило действует во Франции и по сей день (Pliny, lib. lxxviii. cap. 71: Bohn).

Конский навоз считался очень ценным в качестве замазки для химических реакторов и печей (см. Schurig, "Chylologia", p. 815; также "Средство для переваривания", idem).

О якутах Сибири рассказывают: "В грязи они не уступают никому, ибо один серьезный автор уверяет нас, что ступки, которые они используют для толчения сушеной рыбы, сделаны из коровьего навоза, затвердевшего от мороза" (Мальтебрун, "Всеобщая география", т. I, с. 347).

"Жители Джунгейона... собирали навоз коров и овец... сушили его, жарили на огне, а потом использовали для постели" (Мунго Парк, "Путешествия по Африке", в Пинкертоне, т. xvi. стр. 834).

"Сосуды, в которых они (якуты) штампуют свою сушеную рыбу, корни и ягоды, сделаны из сушеного бычьего и коровьего навоза" (Van Strahlenberg, p. 382).

В указателе к первому тому Перчасе есть "Навоз, купленный звуком табора, стр. 270, 1. 40;" и "Навоз птиц, странное сообщение о нем;" но ни то, ни другое не удалось найти в основной части тома.

КАК ЛЕКАРСТВО ОТ ТАБАКА.

Лучшие сорта табака, привозимые из Америки, связывали в пучки, привязывали к кольям и подвешивали в уборных, чтобы испарения, исходящие от человеческого организма и мочи, могли исправить испорченные и вредные принципы, содержащиеся в растении в сыром виде" (см. Schurig, "Chylologia", p. 776. "Ex paxillo aliquandiu suspendere in Cloacis Tabacum" и т. д.).

"Недавно я услышал от авторитетных людей, что в Гаване женская моча используется при изготовлении сигар как хорошая мацерация" (личное письмо д-ра Густава Ягера, Штутгарт, 29 августа 1888 г.).

ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЗАПАХА МУСКУСА И ЦВЕТА КОРАЛЛА.

Запах мускуса и цвет кораллов можно восстановить, подвесив их на некоторое время в аквариуме (см. Danielus Beckherius, "Medicus Microcosmus", London, 1600, p. 113).

"Paracelsus scil. mediante digestionem stercus humanum ad odorem Moschi redigere voluit."- (Etmuller, "Opera Omnia", Comment. Ludovic. Lyons, 1690, vol. ii. pp. 171, 172.)

"Moschi odorem deperditum restitui posse, si in loco aliquo, ubi urina et excrementa alvina putrescunt, detineatur, apud autores legimus."-(Schurig, "Chylologia", p. 768.)

"Fit, ut Moschus longo tempore æmittat odorem, quem tamen recuperat si irroretur cum pueri urina, vel si suspendatur in latrina humana."-(Etmuller, vol. ii. p. 276.)

ПРОИЗВОДСТВО СЫРА.

"Один берлинский лавочник был наказан несколько лет назад за то, что использовал мочу молодых девушек, чтобы сделать свой сыр более насыщенным и пикантным. Несмотря на это, люди шли, покупали и ели его сыр с удовольствием. Что может быть причиной всех этих глупых и загадочных вещей? В человеческой моче содержится антропин" (личное письмо д-ра Густава Егера, Штутгарт, 29 августа 1888 г.).

"В некоторых фермах Швейцарии моча используется, m-a-t'on-dit, для того, чтобы вызвать ферментацию определенных продуктов, которые вы накладываете." (Личное письмо доктора Бернарда капитану Бурке, датированное Каннами, Франция, 7 июля 1888 г.).

Вопрос о том, не связано ли использование человеческой мочи для созревания сыра с древней практикой использования экскрементов для сохранения продуктов молочного производства от злоумышлений ведьм, или, с другой стороны, не связано ли такое использование в качестве средства для борьбы с колдунами с тем, что несвежая моча

изначально была активным ферментом для ускорения свертывания молока, вряд ли заслуживает обсуждения.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ОПИУМА.

Курильщик опиума мало задумывается о том, что, употребляя свой смертельный наркотик, он часто курит фальсификат, а фальсификатом является куриный навоз; таким образом, он ставится в один ряд с американским индейцем, курящим высушенный навоз буйвола, и африканцем, курящим навоз антилопы или носорога.

СБОР ЯИЦ.

В описании провинции Куангтонг говорится, что китайцы высидивают яйца "в печи или в навозе" (Du Halde, "History of China", London, 1741, vol. i. p. 238.) См. то же утверждение в Purchas, vol. i. 270.

В Китае "их рыба питается главным образом навозом быков, которые сильно ее откармливают" (Perera, in Purchas, vol. i. p. 205).

НАЛОГИ НА МОЧУ.

Римские императоры ввели налог и пошлины на мочу из-за ее полезности во многих вещах" ("Dreck Apotheke", Paullini, p. 8. См. предыдущие высказывания в этом томе и обратитесь к Суетонию "Веспасиан").

ХРИЗОКОЛЛОН.

Существовал цемент для закрепления драгоценных металлов, который был известен как "хризоколлон" и изготавливался с большой церемонией из мочи "невинного мальчика". Существуют различные описания, но следующие, хотя и краткие, содержат все существенные моменты.

Гален описывает этот хризоколлон, или золотой клей, как приготовленный некоторыми врачами из мочи мальчика, который должен был растолочь ее в ступке из красной меди, пока пестик из того же материала находился в движении; эта моча, тщательно выставленная на солнце, пока она не приобрела густоту меда, считалась способной паять золото и лечить упрямые болезни: "Attamen medicamentum quod ex urina pueri conficetur quod quidam vocant chrysocollon, quia eo ad auri glutinationem utuntur, ad ulcera difficilia sanatu optimum esse assero fit autem id figura phiali confecto mortario ex ære rubro habentem pistillum ejusdem materiæ in quod mejente puero pistillum circumages, identidem, ut non tantum a mortario deradedet, etc.". ("Opera Omnia", издание Куна, т. xii. стр. 286, 287).

Диоскорид описывает изготовление таким образом: "Quinetiam ex ea (т. е. "pueri innocentis urina") et ære cuprio idoneum ferruminando glutea paratur."- ("Materia Medica", издание Куна, т. i. стр. 227 и далее).

Если мочу мальчика растереть в медной ступке медным пестиком, то получится своего рода муцилаж, который можно использовать для скрепления золотых изделий, как говорит нам Секст Плацит: "Si pueri lotium cuprino mortario et cuprino pistello contritum fuerit, aurum solidat."-("De Medicamentis ex Animalibus", издание Лиона, 1537, страницы не пронумерованы, статья "De Puello et Puella Virgine").

Определение, данное Авиценной, арабским авторитетом, гласит: "Quæ fit ex urina infantium mota in mortario æro cum aceto in sole."- (Vol. i. p. 336, a 34 et seq.)

Мы также читаем об "алхимической воде", называемой "Диана", для превращения металлов в золото и серебро; считалось, что этот препарат эффективен "ad mutandum Mercurium in Solem vel Lunam". ("Sol" - золото, "Luna" - серебро; см. примечания Парацельса ниже.) Эта "Диана" использовалась для приготовления "Crocus Martis", а также "Oleum Martis", для придания металлам цвета золота, для полировки золотых пластин, для придания тонкого вкуса лучшим железным или стальным орудиям, а также для изготовления только что описанной "Хризоколлы" - ("Medicus Microcosmus", Beckherius, pp. 103-108).

Парацельс, говоря о металлах, говорит: "Сол - золото, Луна - серебро, Венера - медь, Меркурий - зыбучее серебро, Сатурн - свинец, Юпитер - олово, Марс - железо" ("Секреты физики", английский перевод, Лондон, 1633, с. 117).

ДЛЯ УДАЛЕНИЯ ЧЕРНИЛЬНЫХ ПЯТЕН.

Человеческая моча считалась эффективным средством для удаления чернильных пятен (см. Плиний, Бон, lib. v. и lib. xxviii).

В КАЧЕСТВЕ УКРАШЕНИЯ.

Окаменевшие экскременты используются в производстве ювелирных изделий под названием "копролит".

Лапландские женщины носят с собой маленький футляр из коры березы, "который они обычно носят под поясом", в котором находится олений помет, но не как амулет, а чтобы помочь отучить молодых оленей, намазывая вымя плотин.

Но из других источников мы узнали, что лапсы придавали самые сильные влияния ордуру и моче, полагая, что их олени могут быть заколдованы, что суда могут быть ускорены или замедлены в своем течении и т.д., используя такие материалы. Несколько примеров такого верования приведены в этом томе; см. раздел "Колдовство".

ТАТУИРОВКА.

Лангсдорф заметил, что моча вошла в домашнее хозяйство туземцев Оуналашки. Он рассказывает, что для нанесения татуировок использовали "нечто вроде угольной пыли, смешанной с мочой, которую втирали в проколы на коже" ("Путешествия", т. ii. с. 40). То, что татуировки, которыми дикари украшают свои тела, имеют значение, выходящее за рамки простого личного орнамента, не вызывает сомнений, хотя степень их вырождения из примитивной религиозной символики сейчас, возможно, невозможно определить. Даже если рассматривать его не иначе, как средство различения кланов, остается предположение об устаревших церемониях, поскольку разделение на касты и генты в каждом случае описывается дикарями как совершенное по приказу одного из их бесчисленных божеств, которое назначило каждому клану свой соответствующий "тотем". Клановые знаки могут быть представлены в татуировке, поскольку традиционные знаки примитивных рас еще недостаточно изучены; например, у апачей три знака, исходящие из одного стебля, представляют индейку, так как это форма птичьей лапки. На танцах индейцев из пуэбло Санто-Доминго на Рио-Гранде в Нью-Мексико телесные украшения почти в каждом случае были связаны с родовым "тотемом", но этот факт никогда бы не был заподозрен, если бы его не объяснил кто-то из посвященных. В одном из танцев моки члены клана Техон или Барсук появились с белыми полосами по лицу; это, как они объяснили, один из признаков барсука.

Автор не хотел бы много говорить на эту тему, поскольку его внимание было привлечено к ней лишь в сравнительно поздний период его исследований; но он был удивлен, узнав, что апачи, среди которых он тогда находился, хотя и наносили на себя очень незначительные знаки, почти неизменно использовали эмблемы священного характера; более того, как правило, это была работа кого-то из "знахарей".

Татуировки людей из Отахейта, которые видел Кук, по его предположению, имели религиозное значение, поскольку во многих случаях они представляли собой "квадраты, круги, полумесяцы и плохо проработанные изображения людей и собак". (In Hawkesworth's "Voyages", London, 1773, vol. ii. p. 190.) Каждый из этих людей был татуирован по достижении совершеннолетия. (Idem, p. 191.) Утверждается, что некоторые вожди в Новой Зеландии, неспособные написать свое имя на документе, представленном им на подпись, рисовали линии, подобные тем, что были вытатуированы на их лицах и носах (см. "Путешествие Авантюриста и Бигля", Лондон, 1839, т. ii. с. 586).

Среди даяков Борнео "все замужние женщины татуированы на руках и ногах, а иногда и на бедрах. Это украшение является одной из привилегий брака и не разрешается незамужним девушкам" ("Head-Hunters of Borneo", Carl Bock, London, 1881, p. 67).

Один из недавних авторов говорит по этому поводу следующее: "Татуировки позволяют обнаружить отдаленную связь между кланами; и этот знак оказывает такое сильное влияние на разум, что между племенами, которые татуированы одинаково, не бывает вражды. Тип татуировки должен быть отнесен к животному царству, но мы не можем обнаружить ни одной традиции или мифа, связанного с этим обычаем. Нет никаких оснований утверждать, что существует какая-либо связь между татуировкой и тотемизмом, хотя лично я склонен думать, что иногда так и есть. Татуировка, которая обычно заключается в имитации некоторых форм животных, может привести к поклонению этим животным как религиозным объектам." ("The Primitive Family", C. N. Starcke, Ph. D., New York, 1889, p. 42.) Это пример того, что телегу ставят впереди лошади; во всех случаях расследование покажет, что животное было богом и по этой причине запечатлевалось на лице поклоняющегося в качестве обета прошения или молитвы.

В другом месте тот же автор говорит, что татуировка "должна была выполняться священником" (Idem, p. 241).

Религиозный элемент в тотемизме был ясно раскрыт У. Робертсоном Смитом в *Encyclopædia Britannica*, статья "Жертвоприношение", и Джеймсом Г. Фрейзером, М.А., в его "Тотемизме", Эдинбург, 1887.

Эндрю Лэнг посвятил этой теме несколько глав ("Миф, ритуал и религия", Лондон, 1887, том i., глава 3). Он говорит об австралийских племенах: "Есть некоторые свидетельства того, что в некоторых племенах крылатый язык или тотем каждого человека обозначается татуировкой, изображающей его на плоти" (с. 65). На другой странице, цитируя "Путешествия" Лонга, 1791 г., он говорит: "Церемония усыновления была болезненной, начиналась с пиршества из собачьей плоти, затем следовала турецкая баня и длительный процесс нанесения татуировки" (Idem, p. 71.).

Путешественник, обладающий значительным умом, в таких выражениях комментирует телесные украшения бирманцев: - "Бирма - это страна, где живут люди.

"Бирма - страна татуированных людей" (Burmah is the land of the tattooed man....). Во время моего посещения большой здешней тюрьмы, в которой содержится более трех тысяч человек, я видел шесть тысяч татуированных ног..... Происхождение этого обычая мне так и не удалось выяснить. Здесь это бирманский знак мужественности, и церемоний по этому поводу столько же, сколько по поводу прокалывания ушей у девушек, что является летописью их вступления в женскую жизнь. Есть профессиональные татуировщики, которые ходят с книгами рисунков..... Люди суеверны; считается, что некоторые виды татуировок отпугивают болезни. Один вид предохраняет от укуса змеи, а другой - от утопления."- (Фрэнк Г. Карпентер, в "Би", Омаха, Небраска, 19 мая 1889 г.).

Хирург Корбюзье из армии США говорит об апачах-юма на территории Аризоны, что "замужние женщины отличаются семью узкими синими линиями, идущими от нижней губы вниз к подбородку..... Татуировки практикуют женщины, редко - мужчины..... Молодая женщина, желающая стать матерью, татуирует фигурку ребенка на лбу."- (В "Американском антикваре", ноябрь, 1886).

Сектантские знаки" индусов, возможно, являются пережитками прежней практики нанесения татуировок. Коулман ("Мифология индусов", Лондон, 1832, с. 165) упоминает о них.

Сквайер в своей монографии о "Манобошо", опубликованной в "Американском историческом обозрении" в 1848 году, говорит, что у манданов есть миф, в котором встречается имя бога "Татуированное лицо".

Алиса Оатман четко заявила, что "ее татуировали два их (мохавских) лекаря" и "пометили не так, как они помечают своих женщин, а так, как они помечают своих пленников". Как бы то ни было, четыре линии на ее подбородке, насколько можно судить по безразличной гравюре на дереве, те же самые, что можно увидеть на подбородках женщин мохаве в наши дни. (См. Stratton's "Captivity of the Oatman Girls", San Francisco, 1857, pp. 151, 152).

Мальтебрун говорит о жителях острова Формоза: "Их кожа покрыта несмываемыми знаками, изображающими деревья, животных и цветы гротескных форм" ("Универсальная география", американское издание, Филадельфия, 1832 г., т. ii. lib. 43, p. 79, статья "Китай").

"Практика нанесения на кожу фигурок животных, цветов или звезд, существовавшая до времен Магомета, до сих пор сохранила следы среди бедуинских женщин" (Idem, vol. i. lib. 30, p. 395).

Говоря о персидских женщинах, тот же авторитет утверждает: "Они покрывают свои тела фигурами деревьев, птиц и зверей, солнца, луны и звезд" (Idem, vol. i. lib. 33, p. 428, статья "Персия").

В "Transactions of the Ethnological Society of London", vol. vi., говорится, что "мальчики ораонов (Индия) в детстве получают на руках довольно суровый процесс прокалывания, который они считают мужественным выдержать".

"Девушки мохаве, выходя замуж, татуируют подбородок вертикальными синими линиями" (Палмер, цитируется Г. Х. Бэнкрофтом в "Туземных расах", т. i. с. 480).

О каннибальском пиршестве тупи Амазонки Саути говорит: "Вождь клана наносил шрамы на руки матадора выше локтя, чтобы оставить там постоянный след; и это была Звезда и Подвязка их амбиций, высший знак чести. Были и такие, кто в таких случаях прорезал себе

грудь, руки и бедра и втирал туда черный порошок, который оставлял несмываемое пятно" (цитата по Герберту Спенсеру в "Описательной социологии").

"Дикарь встречает дикарку-служанку. Она не говорит на его языке, а он - на ее. Как им узнать, являются ли они, согласно брачным законам их расы, законными супругами друг для друга? Этот важный вопрос решается осмотром их татуировок. Если мужчина-тлинкит из племени лебедей встречает ирокезскую девушку из племени лебедей, они не могут говорить друг с другом, и "язык жестов" становится скучным. Но если у обоих татуировка с изображением лебедя, то мужчина знает, что эта дочь лебедя не для него..... Случай с мужчиной из племени тлинкитов и ирокезской служанкой крайне маловероятен, но я привожу его как пример практического использования среди дикарей репрезентативного искусства."-("Обычаи и мифы", Эндрю Лэнг, Нью-Йорк, 1885, стр. 292).

"Татуировка имеет фетишистское происхождение. Среди всех племен, почти у каждого индейца на груди или руке вытатуировано изображение животного, которое может отпугнуть злого духа или предотвратить причинение вреда."-(Dorman, "Primitive Superstition," New York, 1881, p. 156.)

"Жена эскимоса татуирует свое лицо ламповой краской и считается матроной в обществе" ("Поиски Шватки", Уильям Х. Гилдер, Нью-Йорк, 1881, стр. 250). "Я никогда не видел попыток нарисовать фигуру или животное для личного украшения. Формы, как правило, геометрические по дизайну и симметричные по расположению..... Никто из мужчин не татуирован" (Idem, p. 251.).

"Мохавы Рио-Колорадо делают татуировки, но их объяснения крайне туманны и неудовлетворительны. Женщины, достигнув половой зрелости, наносят татуировку на подбородок, и, похоже, существует четыре различных рисунка, которые, вероятно, представляют столько же различных фратрий или клановых систем в прежние времена" (см. статью автора в "Журнале американских народных преданий", Кембридж, Массачусетс, июль-сентябрь 1888 г., озаглавленную "Заметки о космогонии и теогонии мохавов").

Сван в своих заметках об индейцах мыса Флэттери ограничивается замечанием, что татуировки у них делаются углем и человеческой мочой.

"Для того чтобы призрак мог безопасно путешествовать по дороге призраков, каждому лакота при жизни необходимо сделать татуировку либо в середине лба, либо на запястьях. В этом случае его дух отправится прямо в "Многие Ложи". ... На дороге сидит старая женщина и осматривает каждого проходящего призрака. Если она не находит следов татуировки на лбу, запястьях или подбородке, несчастный призрак сталкивается с облаком или скалы и падает в этот мир" - (Д-р Дж. Оуэн Дорси, в "Журнале американских народных преданий", апрель, 1889).

Об островах южной части Тихого океана Котзебуэ говорит: "Я полагаю, что татуировка на этих островах - религиозный обычай; по крайней мере, они отказали в ней нескольким нашим джентльменам в Отдии, заверив их, что ее можно делать только в Эгерупе" ("Путешествия", т. ii. с. 113, 135, Лондон, 1821).

"Татуировка ни в коем случае не ограничивается полинезийцами, но это "кожное искусство", безусловно, распространено у них в такой степени, которая не имеет себе равных ни у одного другого народа..... Оно практикуется всеми классами населения.... Подавляющее число из них используют ее просто как личное украшение, хотя есть некоторые основания полагать, что в некоторых случаях и в незначительной степени татуировка может рассматриваться как

знак траура или память об ушедшем друге. Как и все остальное в Полинезии, ее происхождение связано с легендой, которая приписывает ее изобретение богам и говорит, что впервые ее стали практиковать дети Тароа, их главного божества. Сыновья Тароа и Апувару были богами татуировки, и их изображения хранились в храмах тех, кто занимался этим искусством как профессией, и к ним обращались с просьбами, чтобы рисунки были красивыми, привлекали внимание и иным образом достигали цели, ради которой они подвергали себя этой болезненной операции..... Показывать какие-либо признаки страдания при этой операции считается позорным" ("Уорлд", Нью-Йорк, 10 мая 1890 г., цит. по "Народам мира").

"На островах Тонга и Самоа все юноши по достижении зрелого возраста делали татуировку; до этого они не могли и думать о браке..... Татуировка до сих пор сохранилась до некоторой степени и является обычной профессией..... Есть два бога, покровителя татуировки, - Таема и Тилфанга." (См. Turner's "Samoa.")

"Одной из особенностей инициации в племени Порт-Линкольн было нанесение татуировки на молодого человека и присвоение ему нового имени."-("Коренные племена Южной Австралии", Аделаида, 1879 г., получено благодаря любезности Королевского общества Нового Южного Уэльса, Т. Б. Кингдон, секретарь).

Следует отметить, что каждое племя в данной местности имеет не только свой собственный рисунок татуировки, но и свои представления о том, на какие части лица следует наносить татуировку. Так, среди индейцев северо-западного побережья Британской Колумбии "татуировки встречаются на руках, груди, спине, ногах и ступнях у хайда; на руках и ногах у тшимшиан, квакиутль и билкула; на груди и руках у нутка; на челюсти у женщин береговых салишей." ("Отчет о северо-западных племенах Канады", Франц Боас, в "Trans. Brit. Assoc. Advancement of Science," Newcastle-upon-Tyne meeting, 1889, p. 12.)

Салливан утверждает, что обычай татуировки сохранялся в Англии и Ирландии вплоть до седьмого века; это была татуировка ватой (см. его Введение к книге О'Карри "Нравы и обычаи древних ирландцев", с. 455).

Инuitы верят, что "женщины, хорошо татуированные", гарантируют себе счастье в грядущем мире.- (См. "Les Primitifs", Réclus, Paris, 1885, p. 120.)

"Хотя практика этого искусства настолько древняя, что мы имеем доказательства его существования в доисторические времена, и что самые ранние хроники нашей расы содержат упоминания о нем, все же сам термин сравнительно современный..... Универсальность, а также большая древность этого обычая была показана французским автором, Эрнестом Бершоном, в книге "Histoire Médicale du Tatouage", Paris, 1869, которая начинается с цитаты из книги Левит xiv., которая в английской версии гласит следующее: "Вы не должны делать никаких надрезов на своей плоти для мертвых и не должны печатать на себе никаких знаков". Дон Кальмет, комментируя этот отрывок, говорит, что на иврите он буквально означает "начертание пятен". Многие итальянцы делали татуировки в Лоретто. Вокруг этой знаменитой святыни можно увидеть профессиональных татуировщиков, "Маркатори", которые берут от половины до трех четвертей лиры за нанесение рисунка в память о посещении паломником святыни Богоматери Лоретто. Такой же прибыльный промысел ведется в Иерусалиме..... Религия оказывает некоторое влияние (в вопросе татуировки) из-за своей склонности к сохранению древних обычаев. В Лоретто и Иерусалиме татуировка является почти священным обрядом" ("Татуировка среди цивилизованных людей", д-р Роберт Флетчер, Антропологическое общество, Вашингтон, 1883, стр. 4, 12 и 26).

"Отец Матиас Г. говорит, что в Океании в каждой королевской или княжеской семье есть семья татуировщиков, специально преданных их служению, и что никому другому нельзя позволить сделать необходимое украшение."- (Idem, p. 24.)

"Tatowiren, Narbenzeichnen und Körperbemalen" ("Татуировка, нательные знаки и роспись тела"), Вильгельм Йест, Берлин, 1887, великолепно иллюстрированный том, был прорецензирован хирургом Вашингтоном Мэтьюсом, Армия США, в "Американском антропологе", Вашингтон, округ Колумбия, заканчивая следующими словами: "Однако мнение автора, что "татуировка не имеет ничего общего с религией дикарей, а является лишь спортом или средством украшения, которое, в крайнем случае, связано с достижением зрелости", - это мнение, с которым не согласятся те, кто изучал эту практику в том виде, в каком она существует среди наших американских дикарей".

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Во внутренних районах Китая путешественники рассказывают, что медные сосуды вдоль обочин дорог спасают от потерь удобрение, ценность которого полностью признана.

Эти медные сосуды напоминают "Гастру" римлян, уже упоминавшуюся в разделе "Уборные".

"Китайцы обрабатывают свои земли в той мере, в какой это возможно; они используют для этого все виды гравия, но главным образом человеческие экскременты, которые они перерабатывают с особой тщательностью. В деревнях, поселках и на трассах, в местах, где товарный вид пассатов считается исключительным, и в местах, где нет ничего похожего, мужчины с утра и до вечера собирают ордуры и укладывают их в кастрюли с помощью крока де фер с тремя точками.

"В этой стране торгуют тем, что в других странах отвергается с ужасом, и тот, кто получает деньги во Франции за то, чтобы вычистить лес, наоборот, отдает их в Китай, чтобы иметь возможность сделать это еще лучше". Экскременты переносятся в больших брюках, сделанных на скорую руку, в них наносится вода и моча, а затем они высыпаются в шампанское по мере надобности. On rencontre souvent sur la rivière à Quanton des bateaux d'une forme particulière destinés au transport de ces ordures et ce n'est pas sans surprise qu'on en voit les conducteurs être aussi peu affectés qu'ils le paroissent de l'odeur agréable d'une pareille marchandise."-("Voyage à Pekin", De Guignes, Paris, 1808, vol. iii. p. 322).

"Навоз всех животных ценится выше любого другого вида навоза. Он часто становится предметом торговли в виде небольших лепешек, которые делают, смешивая их с частью суглинка и земли, а затем тщательно высушивая. Такие лепешки привозят даже из Сиамы, и они также являются предметом торговли между провинциями. Они никогда не применяются в сухом виде, но разбавляются таким количеством животной воды, какое только можно достать" ("Китайский репозиторий", Кантон, 1835, т. iii. с. 124).

"Они даже продают то, что частным образом отправляют в полночь на некоторое расстояние в Европу". (Du Halde, "History of China", London, 1736, vol. ii. p. 126.) Это утверждение отца Du Halde можно сравнить с тем, что Берналь Диас говорит о рынках города Мексики во времена Кортеса: "В каждой провинции есть большое количество людей, которые носят с собой ведра для этой цели; в некоторых местах они идут со своими барками в каналы, которые проходят с обратной стороны домов, и наполняют их почти в каждый час дня." (Du Halde, idem, p. 126.)

Розинус Лентилиус в "Ephemeridum Physico-Mediorum", Leipsig, 1694, утверждает, что жители Китая и Явы покупают человеческий ордуры в обмен на табак и орехи. Вероятно, это

связано с его ценностью для удобрения полей, которое, как он рассказывает (стр. 170), производилось три раза в год с помощью человеческого навоза. Это наводит его на размышления о том, что человек возвращается к экскрементам: "Unde stercus in alimentum et hoc rursum in stercus".

"Японцы удобряют свои поля человеческим навозом" (см. "Историю Японии" Кемпера в Pinkerton, vol. vii. p. 698).

"Да, там продается человеческий навоз, и не худший товар, эта вонь приносит сладкое богатство некоторым, кто ходит с табуретом по улицам, чтобы показать, что они хотят купить. Иногда две или три сотни сайл грузятся этим грузом в каком-нибудь морском порту; оттуда откормленная соя приносит три харуэста в год" (Мендекс Пинто, "Рассказ о Китае", в книге "Перчас", т. I. стр. 270).

"Кучи навоза на каждом поле, на соответствующих расстояниях, готовые к разбрасыванию по кукурузе" - (Тернер, "Посольство в Тибет", Лондон, 1806, с. 62).

Персы использовали голубиный помет "для окуливания своих дынь" (Джон Мэтьюс Итон, "Трактат о разведении голубей", Лондон, без даты, стр. 39, 40, цитата из первого тома "Персидских путешествий" Тавернье).

Лучший сорт дыни, "сахарная дыня", "выращивается с величайшей тщательностью с помощью помета голубей, которых держат для этой цели" ("Persia," Benjamin, London, 1877, p. 428).

Фосброк приводит слова Тавернье о том, что король Персии получает большой доход от "помета, чем от голубей", принадлежащих ему в Испахане. Говорят, что персы живут на дынях в летние месяцы и "используют голубиный помет для их выращивания" ("Циклопедия древностей", т. ii.).

По словам Плиния (Nat. Hist. lib. 17, cap. 9), человеческий навоз лучше всего подходит для полей. Гомер рассказывает, что царь Лаэрт укладывал навоз на свои поля. Аугеас был первым царем среди греков, который так использовал навоз, а "Геракл распространил эту практику среди италийцев" (Плиний, перевод Голланда).

Моча считалась одним из лучших удобрений для виноградных лоз. "Раны и порезы деревьев лечат также голубиным пометом и свиным навозом..... Если гранаты кислые, корни дерева очищают, а на них наносят свиной навоз; в результате в первый год плоды будут иметь виноградный вкус, а в последующие - сладкий..... Гранаты следует поливать четыре раза в год смесью человеческой мочи и воды..... Для того чтобы животные не причиняли вреда, объедая листья, их следует посыпать коровьим навозом каждый раз после дождя" (Плиний, lib. 17, cap. 47.).

Шуриг обращает внимание на то, что фермеры и виноградари придают большое значение человеческому навозу, как самостоятельному, так и смешанному с навозом животных, для кормления свиней, удобрения полей и обогащения почвы, на которой растут виноградные лозы. См. "Хилология", с. 795.

В Германии и Франции в прошлом веке фермеры и садоводы, как правило, бережно относились к этому удобрению.

"В долине Куско, Перу, да и почти во всех частях Сьерры, они использовали человеческий навоз для посевов маиса, потому что говорили, что он самый лучший" (Гарсильяссо де ла Вега, "Comentarios Reales", перевод Клемента К. Маркхэма, в Hakluyt Society, vol. xlv. p. 11).

"Conocian tambien el uso de estercolar las tierras que ellos llamaban Vunaltu."-("Historia Civil del Reyno de Chile," Don Juan Ignacio Molina, издание Мадрида, 1788, p. 15.)

Амели Ривес в своем рассказе "Вирджиния из Вирджинии" повествует о том, что некая семья из Вирджинии слегла с тифом из-за того, что "делала удобрения в подвале". Можно предположить, что это "удобрение" состояло в основном из навоза. Вот беседа между мистером Скоттом и мисс Вирджинией Херрик: "Тифозная лихорадка докатилась до Аннесвилла", - объявил он. Вирджиния впервые встретила с ним взглядом. "Правда?" - спросила она, - "Кто заболел?" - "Почти все Дэвисы. Доктор говорит, что это из-за того, что они делают удобрения в своем подвале".

Навоз животных был известен евреям как удобрение (2 Цар. ix. 37; Иеремия viii. 2, ix. 22, xvi. 4 и xxv. 33). Также человеческий навоз. (См. энциклопедию МакКлинтока и Стронга, статья "Навоз").

МОЧА, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СОЛИ.

Гомара объясняет, что человеческая моча, смешанная с пальмовыми опилками, служила солью для индейцев Боготы: "Hacen sal de raspaduras de palma y orinas de hombre." ("Hist. de las Indias", p. 202.)

Латуки Белого Нила делают соль из пепла козьего помета. (См. "Альберт Ньянза", сэр Сэмюэл Бейкер, Филадельфия, 1869, стр. 224).

Паллас утверждает, что сибирские буряты, собирая соли с берегов некоторых озер в своей стране, тщательно следят за их вкусом: "Ils n'emploient que ceux qui ont un goût d'Urine et d'alkali." ("Voyages", Paris, 1793, vol. iv. p. 246.) Это показывает, что они, должно быть, когда-то использовали мочу для получения соли, как это делали многие другие племена.

Сибиряки давали человеческую мочу своим оленям: "Ничто так не подходит оленям, как человеческая моча, и я даже видел, как они бегут за ней при удобном случае" (John Dundas Cochrane, "Pedestrian Journey Through Siberian Tartary," 1820-23, Philadelphia, 1824, p. 235).

Мелвилл также рассказывает, что видел, как погонщики мочились в пасти своих оленей в дельте Лены (личное письмо капитану Бурке).

Здесь намерение было очевидным: животным нужна была соль, и никакие другие способы ее получения в зимние месяцы были невозможны. Кокран говорит о чукчах, но он также был среди якутов и других племен. Он прошел пешком от Санкт-Петербурга до Камчатки и от одного пункта до другого в Сибири, преодолев в общей сложности более шести тысяч миль. Его страницы пестрят порицаниями грязных и отвратительных привычек дикарей-кочевников, например, о якутах: "Их зловоние и грязь немыслимы..... Большие палатки (чукчей) были отвратительно грязными и отвратительными, демонстрируя все виды грубости и непристойности". Внутри палаток мужчины, женщины и девушки были абсолютно голыми. "Зимой они пьют только снеговую воду, для растопки которой, когда нет дров, прибегают к очень отвратительным и грязным средствам" и т. д. Но нигде он не говорит о питье человеческой мочи, которая, как стало известно из других источников, действительно встречается среди них.

(Невозможно, соблюдая приличия, описать их привычки или объяснить, как сами их усилия, направленные на чистоту, делают их еще более отвратительными..... Чтобы найти хоть какую-то степень комфорта в таких жилищах, требуется значительная привычка или ужасный опыт жизни под открытым небом. По сравнению с ними авгиевы конюшни или коровьи сараи из обрубленных хвостов кажутся раем" ("Ice-Pack and Tundra", Gilder, New York, 1883, p. 105).

ПРИГОТОВЛЕНИЕ АММИАЧНОЙ СОЛИ, ФОСФОРА, РАСТВОРА ИНДИГО.

Дидро и д'Алембер утверждают, что аммиачная соль древних готовилась из мочи верблюдов; фосфор, который тогда производился в Англии, изготавливался из человеческой мочи, так же как и селитра; (Энциклопедия, Женева, 1789, статья "Моча").

Аммиачная соль получила свое название от того, что впервые была изготовлена в окрестностях храма Юпитера Аммона; нам было бы важно знать, применяли ли жрецы этого храма мочу при болезнях, прежде чем научились извлекать из нее лечебную соль, дошедшую до наших дней.

Шуриг посвящает целую главу лекарственным препаратам, приготовленным из человеческого ордура. В каждом случае ордура должна была принадлежать юноше от двадцати пяти до тридцати лет. Этот способ приготовления химических веществ из человеческих экскрементов, включая фосфор из мочи, был доведен до такой степени, что некоторые философы считали, что философский камень можно найти, смешав соли, полученные из человеческой мочи, с солями, полученными из человеческих экскрементов.

Метод получения аммиачной соли не был известен Плинию; он знал о камеди аммиака, которая, по его словам, перегонялась из дерева, называемого метопией, растущего в песках возле храма Юпитера Аммона в Эфиопии.

"Бытует мнение, что аммонияк изготовлялся из песка, на котором стелились верблюды, и что большое количество людей, посещавших храм Юпитера Аммона, дало повод к названию аммонияк, искаженному до армонияка. Можно ли было сделать его, взяв песок и приготовив его на огне, как это делают с навозом в настоящее время, лучше всего могут судить те, кто лучше всего знаком с природой этих вещей. Мне сообщили, что он сделан из сажи, которая образуется при сжигании навоза коров и других животных. Чем жарче, тем лучше получается; по этой причине навоз голубей - лучший; навоз верблюдов также очень ценится". (Далее следует описание метода дистилляции этой сажи.) - (Pocock's "Travels in Egypt", in Pinkerton, vol. xv. p. 381.)

"Очищенная, моча используется в искусстве для удаления грязи, растворения индиго, приготовления аммиачного сера" (личное письмо профессора Фрэнка Реде Фоука из Южно-Кенсингтонского музея, 18 июня 1888 г.).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАВОЗА В КАЧЕСТВЕ ТОПЛИВА.

Использование навоза в качестве топлива для обжига керамики у моки, зуни и других пуэбло, а также для общего отопления в Тибете, было отмечено автором в одной из предыдущих работ. ("Змеиный танец моки", Лондон, 1884 г.) Он использовался для той же цели в Африке, согласно Мунго Парку. ("Travels," etc., p. 119.) Навоз буйвола служил той же цели в домашнем хозяйстве равнинных индейцев. Верблюжий навоз - топливо бедуинов; навоз людей и животных сохраняли и сушили для топлива сирийцы, арабийцы, египтяне и жители Западной Англии. Египтяне нагревали им свои известковые печи" (МакКлинток и Стронг, "Навоз". См. также Библейскую энциклопедию Китто, статья "Навоз").

Покок говорит о верблюжьем навозе: "Чтобы сделать из него топливо, они смешивают его, если я не ошибаюсь, с измельченной соломой и, думаю, иногда с землей, делают из него лепешки и сушат их; их сжигают простые люди в Египте, ибо дрова, которые они сжигают в Каире, очень дороги, поскольку их привозят из Малой Азии" (Pocock, in Pinkerton, vol. xv. p. 381).

Брюс не упоминает ни одного из грязных обычаев, которые подробно описаны Швайнфуртом, сэром Сэмюэлем Бейкером и другими; он говорит, что нуба из деревень под названием Дахер, в верховьях Белого Нила в Абиссинии, "никогда не едят свое мясо сырым, как в Абиссинии; но с помощью стеблей проса и навоза верблюдов они делают печи под землей, в которых они жарят своих свиней целиком, очень чисто и без неприятных ощущений."- ("Нил", Дублин, 1791, т. V, с. 172).

"Аргол, высушенный навоз верблюдов, является обычным топливом в Монголии" ("Among the Mongols", Rev. James Gilmour, London, 1883, pp. 84, 146, 191, 296).

Навоз верблюдов - топливо киргизов. (См. "Восточная и Западная Сибирь", Т. В. Аткинсон, Нью-Йорк, 1865, стр. 218, 221).

См. также "От Парижа до Пекина" Мейньяна, Лондон, 1885, с. 186, 306, 310, 333; издание "Арабских ночей" Бертона, т. iii, с. 51; рассказ отца Гербиляна о Тартарии, в Du Halde, т. iv, с. 151.

"Навоз ослов используется для топлива и других целей, например, для изготовления палочек джосса" (издание Бертона "Арабские ночи", т. ii. с. 149, сноска).

Топливо из коровьего и овечьего навоза, о котором упоминает Гук, используется в Тибете. (См. также Мэннинг, Богл и Делла Пенна в книге Маркхэма "Тибет", Лондон, 1879, с. 70).

Монах Уильям де Рубруки, минорит, отправленный послом к Великому хану Тартарии королем Франции Людовиком в 1253 году, говорит о том, что ест "пресный хлеб, испеченный на оленьем или конском навозе" (в Purchas, vol. i. p. 34). В Тибете для этой же цели используется коровий навоз. (См. "Посольство в Тибет" Тернера, Лондон, 1806, стр. 202).

"Коровьего помета мало" на Мальте, о котором упоминает мастер Джордж Сэндис, 1610 г. (в Purchas, vol. ii. p. 916).-("Stercus bouinum", в Египте, idem, vol. ii. p. 898).

Навоз яка используется в качестве топлива в Восточном Тибете, согласно В. В. Рокхиллу в "Пограничных землях Китая", журнал "Сенчури", Нью-Йорк, 1890.

Коровьим навозом с той же целью пользуются жители Турции в Азии, в долине Тигра, недалеко от Мосула, согласно Джорджу Смиту ("Assyrian Discoveries", New York, 1876, p. 122).

Все топливо" монголов - это "коровий или конский навоз, высушенный на солнце" ("Рассказ отца Гербиляна о Тартарии", Дю Хальде, т. iv. стр. 234, 270).

Использование коровьего навоза в качестве топлива в некоторых частях света, похоже, не избавлено от религиозной идеи.

"Дрова в Серингапатаме - дорогая вещь, и в качестве топлива чаще всего используется коровий навоз, из которого делают лепешки. Он, действительно, широко используется во всех частях Индии, особенно людьми высокого ранга; поскольку из-за почитания коровы он считается самым чистым веществом, которое можно использовать. При каждом стаде

крупного рогатого скота, когда оно находится на пастбище, присутствуют женщины, часто из высшей касты, которые руками собирают навоз и несут его домой в корзинах.

Затем они формируют из него лепешки толщиной около полудюйма и диаметром девять дюймов и раскладывают их на стенах для просушки". Представления индусов о чистоте настолько отличаются от наших, что стены их лучших домов часто вымазаны этими лепешками; и каждое утро множество женщин со всех концов окрестностей приносят на продажу в Серингапатам корзины с этим топливом. Многие женщины, несущие на голове большие корзины с коровьим навозом, - хорошо одетые и изящно сложенные девушки" ("Путешествие по Майсуру", Бьюкенен, Пинкертон, т. viii. с. 612).

СМУДЖИ.

Высушенное вещество обычно используется для смальты, чтобы отгонять насекомых; индейцы Великих равнин за Миссури с этой целью сжигали "щепу" буйвола.

Туземцы Белого Нила "делают курганы из навоза, которые постоянно горят, в которые постоянно добавляется свежее топливо, чтобы отгонять москитов" ("Альберт Ньянза", Бейкер, с. 53).

"Когда они сжигают его (верблюжий навоз), дым, исходящий от него, уничтожает мошек и всех видов паразитов" (китайские рецепты приведены в "Истории Китая" Ду Хальде, т. iv. с. 34).

Швайнфурт описывает шиллуков западного берега Нила как "сжигающих кучи коровьего навоза, чтобы уберечься от мух" ("Сердце Африки", т. i. с. 16). См. также "Центральная Африка", Шайе Лонг, Нью-Йорк, 1877, стр. 215).

Такие пятна использовались арабийцами для уничтожения клопов. Эффект "Effugatione Cimicum" достигается с помощью "suffumigium" из "stercore vaccino" ("Avicenna", vol. ii. p. 214, а 47).

Преподобный Джеймс Гилмур описывает способ тушения горячей палатки, наблюдаемый у монголов, аналог которого можно найти в "Путешествиях Гулливера" (см. "Среди монголов", с. 23).

Луций Катилина, обвиненный Марком Цицероном в разжигании пламени в Риме: "Я верю в это, - сказал он, - и если я не могу погасить его водой, то погашу мочой" (Harington, "Ajax", cap. "Ulysses upon Ajax", p. 22).

МОЧА ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ ДЛЯ МЫТЬЯ ВОЛОС, ЧТОБЫ УЛУЧШИТЬ ИХ РОСТ И ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПЕРХОТИ.

У эскимосов излюбленным средством для мытья волос была моча[61].

Саагун подробно описывает формулу препарата, применяемого мексиканцами для избавления от перхоти: "Обрезать волосы под корень, хорошо вымыть голову мочой, затем взять амале (мыльную траву) и листья коиксохитля - амале это полынь этой страны [в этом Саагун ошибается] - затем ядра агуакате, растолченные и смешанные с пеплом, о котором уже говорилось (древесный пепел из очага), а затем натереть черной грязью с добавлением упомянутой коры (мескита)"[62].

Аналогичный метод окрашивания волос, но без мочи, распространен среди индейцев вдоль Рио-Колорадо и в Соноре, Мексика. Сначала наносится смесь из речной грязи ("голубой грязи", как ее называют в Аризоне) и толченой мескитовой коры. Через три дня ее удаляют, а волосы тщательно промывают водой, в которой были размочены корни амалеума. Волосы окрашиваются в насыщенный иссиня-черный цвет и остаются мягкими, гладкими и блестящими.

Голубиный помет также применялся наружно при лечении облысения. (Гиппократ, Kuhn, lib. 2, p. 854.)

Моча жеребенка ослицы должна была утолщать волосы (см. Плиний, lib. xxviii. cap 11). Верблюжий помет, растертый в золу и смешанный с маслом, как говорят, завивал и пушил волосы (idem, lib. xxviii. cap. 8). У туземцев Нила выше Хартума "волосы окрашены в рыжий цвет пластырем из пепла и коровьей мочи" ("The Albert Nyanza", Sir Samuel Baker, p. 39).

А шиллуки с западного берега "постоянно наносят на волосы глину, камедь или навоз" ("Сердце Африки", Schweinfurth, vol. i. p. 17; idem, the Nueirs, p. 32).

"L'aqua ex stercore distillata fait pousser les cheveux" (Bib. Scat. p. 29), а Шуриг (Chylologia, p. 760) говорит, что тот же препарат "способствует росту волос и предотвращает их выпадение".

Далее Шуриг говорит, что ласточкин помет был признан эффективным средством для окрашивания волос и часто применялся в качестве мази. (Idem, p. 817.) Он рекомендует использовать мышиный помет при ожогах головы и перхоти, а также для ускорения роста бороды. (Idem, p. 823 и далее.) Аммиак, или, правильнее говоря, "пепел рогатого дерева, сожженный и смешанный с вином", был известен Плинию как средство от перхоти. (Возможно, использование рогатого дерева для этой цели произошло от предшествующего использования мочи, из которой постепенно стали изготавливать рогатое дерево или аммиак.

При выпадении волос навоз голубей, кошек, крыс, мышей, гусей, ласточек, кроликов, коз или человеческая моча, применяемые наружно, были настоятельно рекомендованы Пауллини в его "Dreck Apothek", Франкфорт, 1696.

Кошачий помет настоятельно рекомендовал Секст Платит.

КАК СРЕДСТВО ДЛЯ МЫТЬЯ СОСУДОВ.

Среди шиллуков "пепел, навоз и моча коров являются обязательными предметами туалета". Последний предмет довольно неприятно воздействует на нос чужестранца, когда он пользуется любым из их молочных сосудов, поскольку, согласно обычной африканской привычке, их моют им, вероятно, чтобы компенсировать недостаток соли" ("Сердце Африки", Schweinfurth, vol. i. p. 16.).

"Туземцы Оббо похожи на бари по некоторым своим привычкам. Мне с большим трудом удалось отучить моего коровника от его отвратительного обычая мыть молочную миску коровьей мочой и даже подмешивать ее в молоко. Он заявляет, что если не вымоет руки такой водой перед дойкой, то корова потеряет молоко. Этот грязный обычай не поддается объяснению" ("The Albert Nyanza", Baker, p. 240).

В личном письме главного инженера Мелвилла из ВМС США говорится, что туземцы Восточной Сибири используют мочу "для очистки своих кулинарных изделий".

У племен на озере Альберт-Ньянза "масло неизменно упаковывалось в лист подорожника, но часто упаковка была обмазана коровьим навозом и глиной". ("The Albert Nyanza", p. 363. См. также выдержки из Пауллини, стр. 316, и из Шурига, стр. 121, этого тома). В первом случае, упомянутом сэром Сэмюэлем Бейкером, определенно есть след суеверия.

В ирландском графстве Корк ржавую оловянную посуду протирают коровьим навозом; навоз освящен, а значит, пойдет на пользу посуде и принесет удачу. Нередко зимой и ранней весной (когда коровы пересыхают, а молочные блюда пустеют) под навозной кучей закапывают "килары" и другую посуду для хранения молока, чтобы защитить ее от людей со злым умыслом, которые могут наложить на нее заклятие и тем самым околдовать коров или молоко. Такой злобный человек не мог причинить вреда посуде, если она не пуста.

"Считается, что корова - благословенное животное, и поэтому навоз священен". (Личное письмо от миссис Фанни Д. Берген, Кембридж, штат Массачусетс) Эта вера кельтских крестьян, очевидно, связана с религиозным почитанием коровы жителями Индии.

ГРЯЗНЫЕ ПРИВЫЧКИ В ПРИГОТОВЛЕНИИ ПИЩИ.

Эскимосы рассказывают истории о предшествовавшем им в полярных областях народе под названием торниты. Об этих предшественниках они говорят: "Их способ приготовления мяса был отвратительным, поскольку они позволяли ему становиться гнилым и клали его между бедром и животом, чтобы согреть" ("Центральные эскимосы", д-р Франц Боас, в Шестом ежегодном отчете Бюро этнологии, Вашингтон, 1888, с. 635).

Это напоминает аналогичный метод татар, которые обычно садились на лошадей, подложив под себя мясо.

XXVII.

МОЧА В ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ОМОВЕНИЯХ.

Когда моча применяется в телесных омовениях, целью, несомненно, является получение аммиака путем окисления, и ни в коем случае нельзя пытаться приписать ей ассоциации с религиозными идеями. Но если омовение сопровождается церемониями, включено в ритуал или происходит в помещениях, предназначенных для священных целей, будет несправедливо предположить, что все, что используется, включая мочу, имеет священное или полусвященное значение.

Нетрудно отнести к соответствующим категориям мочеиспускания эскимосов Гренландии (Hans Egede Saabye, p. 256); жителей Аляски (Sabytschew, in Phillips, vol. vi.); индейцев северо-западного побережья Америки (Whympers "Alaska", London, 1868, p. 142; Н. Н. Bancroft, "Nat. Races", vol. i. p. 83); индейцев мыса Флэттери (Swan, в "Smithsonian Contrib."); жителей Исландии (см. ниже); Сибири (см. ниже); и дикарей Нижней Калифорнии.

Перикуи из Нижней Калифорнии. "Матери, чтобы защитить их от непогоды, покрывают все тело своих детей лаком из угля и мочи" (Bancroft, vol. i. p. 559).

Клавигеро не только рассказывает все то же, что и Бэнкрофт, но и добавляет, что женщины Калифорнии омывали свои лица мочой ("Hist. de Baja California", Mexico, 1852, p. 28; см. также Orozco y Berra и Baegert).

"Жители Исландии, как сообщается, моют лица и руки в моче". (Hakluyt, "Voyages", vol. i. p. 664.) Однако исландский писатель Аругрианус Йонас с негодованием опроверг это сообщение о всех людях, кроме простолюдинов.

Жители Оуналашки "моются сначала собственной мочой, а потом водой" ("Русские открытия", Уильям Кокс, Лондон, 1803 г., цитирует "Путешествие" Соловьева, 1764 г., стр. 226).

В том же томе можно найти утверждение, что на Аляске и Лисьих островах люди "моются, по обычаю, сперва мочой, а потом водой" (стр. 225, цит. по "Путешествию капитана Креницина", 1768 г.).

Когда ребенок сильно испачкался "сажей и жиром", ванкуверские скво используют для его очищения "несвежую мочу". "Этот вид щелочи, заменяющий мыло, является общим сопровождением утреннего туалета обоих полов, мужского и женского. Зимой они периодически чистят себя песком и мочой" (J. G. Swan, "Indians of Cape Flattery, Smithsonian Contributions to Knowledge," No. 220, p. 19).

Среди чукчей моча "является полезной вещью в их домашнем хозяйстве, хранится в специальном сосуде и используется как мыло или щелок для очищения тела или одежды" ("В дельте Лены", Мелвилл, с. 318).

"Но они также моют им себя и одежду; и даже в горячей ванне, которую одинаково любят и мужчины, и женщины, потому что они любят потеть, они иногда совершают омовение именно этой жидкостью" (Лисянский, "Кругосветное путешествие", Лондон, 1811, стр. 214).

Используется как "заменитель мыла, по словам Лангсдорфа" ("Voyages", London, 1814, vol. ii. p. 47).

"Ночью хозяин дома со всей своей семьей, женой и детьми, ложится в одной комнате..... Все они готовят воду в одном горшке, которой по утрам моют лицо, рот, зубы и руки. Они объясняют это многими причинами, в частности тем, что она делает лицо красивым, поддерживает силы, укрепляет сухожилия на руках и сохраняет зубы от гниения" ("Dittmar Bleekens", in Purchas, vol. i. p. 647).

После описания двойной палатки из шкур, используемой чукчами, г-н В. Х. Гилдер, автор "Поисков Шватки", говорит, что вся еда подается в "йоронгере", или внутренней палатке, в которой сидят мужчины и женщины, в состоянии наготы, одетые только в небольшую набедренную повязку из тюленьей кожи.

После окончания трапезы "небольшое неглубокое ведро или сковородка с дровами передается любому, кто сочтет нужным, для приготовления теплой мочи, которой хозяйка моет доску и нож". Неважно, кто подает жидкость - мужчины, женщины или дети; я и сам нередко снабжал хозяйку водой для мытья посуды. Почти в каждой палатке с летнего сезона хранится небольшой запас сушеной травы. Небольшой пучок этой травы окунается в теплую мочу и служит в качестве тряпки для посуды и салфетки. Эти люди в целом добры и гостеприимны, они были очень внимательны к моим нуждам как чужака, которого они считали более беспомощным, чем туземца. Поэтому женщины часто обращались ко мне после мытья доски и ножа, мыли мои пальцы и вытирали жир со рта увлажненной травой. Любой из мужчин или женщин в палатке, кто желал этого, также просил мокрую траву и использовал ее таким же образом.

Это делалось не как церемония, а просто как нечто само собой разумеющееся или необходимое".

"Я не думаю, что они использовали бы мочу для таких целей, если бы могли получить всю необходимую им воду, особенно теплую. Но вся вода, которая есть у них зимой, получается путем растапливания снега или льда над масляной лампой - очень медленный процесс; и поэтому запасы очень ограничены, их едва ли больше, чем требуется для питья или варки свежего мяса, которое у них может быть".

"Моча, будучи теплой и содержащей небольшое количество аммиака, особенно хорошо подходит для удаления жира с доски и посуды, которые в противном случае вскоре станут грязными, а их вкус - гораздо более неприятным".

Дно "йоронгера" обычно застилают коврами из дубленых тюленьих шкур, и их тоже часто моют той же жидкостью. В результате в хорошо снабженном и экономном жилище чукчей всегда стоит смешанный запах аммиака и тухлого моржового мяса" (личное письмо капитану Бурке, Нью-Йорк, 15 октября 1889 г.).

"Вице-адмирал узких морей". "Пьяный человек, который мочится под столом в ботинки своего компаньона" (Гроуз, "Словарь бакского сленга", Лондон, 1811, статья как выше).

Это использование мочи в качестве средства для мытья зубов получило очень широкое распространение; его до сих пор можно встретить во многих частях Европы и Америки, кичащихся своей просвещенностью. Кельтиберийцы Испании, "хотя и хвастались чистотой как в питании, так и в одежде, нередко мыли зубы и тело мочой - обычай, который они считали благоприятным для здоровья" (Maltebrun, "Univ. Geog.", vol. v. book 137, p. 357, article "Spain.").

От Страбона мы узнаем, что иберийцы "не заботятся о легкости или роскоши, если только кто-нибудь не считает, что это может добавить счастья их жизни, чтобы мыть себя и своих жен в застоявшейся моче, хранящейся в резервуарах, и полоскать ею зубы, что, как они говорят, является обычаем как у кантабрийцев, так и у их соседей". (Strabo, "Geography", Bohn, lib. iii. cap. 4, par. 16, London, 1854. В сноске говорится, что "Апулей, Катулл и Диодор Сикулус говорят об этом необычном обычае"). На эту же практику ссылаются Перси, а также "Энциклопедия и толковый словарь наук", Нейфшатель, 1745, т. xvii. с. 499; и, как утверждается, эта практика существует и у современных испанцев. "Эспаньолы широко используют мочу для очистки зубов. Les anciens Celtibériens faisoient la même chose." - (Получено от профессора Фрэнка Редера Фойка, Лондон, 18 июня 1888 г.).

"Будучи очень внимательными к своей персоне и собственникам своего образа жизни, кельтиберы омывают весь свой корпус мочой, смазывая ею, в том числе, и зубы, считая это прекрасным средством для поддержания здоровья своего тела" (Диодор, т. 33).

"Nunc Celtiber, in Celtiberia terra

Quod quisque minxit, hoc solet sibi mane

Dentem atque russam defricare ginginam."

(Катулл, "Эпиграммы", 39.)

Нравы кельтиберийцев, описанные Страбоном и другими, дошли через многие поколения до их потомков во всех частях света; все, что он рассказывал об использовании человеческой мочи в качестве средства для полоскания рта, омовения и чистки зубов, было перенесено

испанскими колонистами на берега Америки; и даже в нынешнем поколении, по словам генерала С. В. Бене, армии США, следы таких обычаев можно найти среди некоторых поселенцев во Флориде.

Такой же обычай был замечен среди туземцев вдоль Верхнего Нила. "Туземцы Оббо промывают рот собственной мочой. Эта привычка, возможно, возникла из-за полного отсутствия соли в их стране" ("Альберт Ньянза", сэр Сэмюэл Бейкер, стр. 240).

В Англии также раньше использовали ту же жидкость в качестве средства для чистки зубов.

"Nettoyer ses dents avec de l'urine, mode espagnole," dit Erasme."-("Les Primitifs", Elie Réclus, Paris, 1885, цитируя Erasmus, "De Civilitate.")

Моча использовалась в качестве средства для мытья зубов, отдельно или в смеси с порошком орриса. "Farina orobi (горькая вика) permisceatur cum urina."-("Medicus Microcosmus", Danielus Beckherius, pp. 62-64).

Параграф в "Апотеке Дрека" Пауллини, с. 74, показывает, что в Германии такие же способы применения не были неизвестны. В качестве зубного средства он рекомендует мочу для мытья; или порошок из толченого щебня, смешанного с мочой.

Иван Петрофф утверждает, что крестьяне Португалии до сих пор стирают свою одежду в моче (Иван Петрофф, в "Trans. American Anthropological Society", 1882, vol. i.).

На китобойных судах мочу используют, когда она застоялась, для стирки фланелевых рубашек, которые затем выбрасывают за борт и буксируют вслед за кораблем.- (Д-р Дж. Х. Портер).

Доктор В. Т. Макгилликадди из Рапид-Сити, штат Дакота, сообщает, что ирландские, немецкие и скандинавские прачки, иммигрировавшие в Соединенные Штаты, упорно добавляют человеческую мочу в воду, используемую для стирки одеял.

"Я где-то видел, что баски и некоторые индусы чистят рот мочой, но не помню книгу" (д-р Альфред Гатчетт, Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия).

Д-р Карл Люмхольц из Кристиании (Норвегия) утверждает, что видел, как дикари из Герберт-Ривер (Австралия), расположенной на 18° южной широты, с которыми он прожил несколько месяцев, использовали собственную мочу для очистки рук после сбора дикого меда.

Утверждение о кельтиберийцах также можно найти у Клавигеро ("Hist. de Baja California", p. 28, цитирует Диодора Сикулуса).

Дидро и д'Алембер недвусмысленно утверждают, что в последние годы прошлого века жители Испанского полуострова все еще использовали мочу в качестве зубного средства ("Les Espagnols", etc., чтение, как указано выше, из "Dict. Raisonné". См. Энциклопедию, Женева, 1789, статья "Моча").

XXVIII.

МОЧА В ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ.

Но в примерах, приведенных Уимпером относительно жителей деревни Унлачет на Нортон-Саунд, "*танцоры* малемутов Нортон-Саунд купались в моче". (Whymper's "Alaska", London, 1868, pp. 142, 152.) Хотя на другой странице Уимпер говорит, что это было сделано из-за отсутствия мыла, сомнения могут быть с некоторым основанием. Купание является частым сопровождением, неотъемлемой частью религиозных церемоний у всех индейцев Америки и, несомненно, у инуитов или эскимосов; когда его совершают танцоры, есть еще одна причина тщательно проверить, нет ли религиозных осложнений, и особенно если эти танцы отмечаются в священных местах, как об этом сообщает Петрофф.

"Они никогда не купаются и не моют тело, но в некоторых случаях мужчины разжигают огонь в кашиме, раздеваются, танцуют и прыгают вокруг, пока не изойдут обильным потом. Затем они смазывают свои жирные тела мочой и трутся, пока не появится мочалка, после чего окунаются в реку" (Иван Петрофф в "Transactions American Anthropological Society", vol. i. 1882).

"В каждой деревне кускутчеваков (на Аляске) есть общественное здание, называемое кашим, в котором проводятся советы и праздники, и которое должно быть достаточно большим, чтобы вместить всех взрослых мужчин деревни. Оно имеет возвышенные платформы вокруг стен и место в центре для костра, с отверстием в крыше для проникновения света" (Richardson, "Arctic Searching Expedition", London, 1851, p. 365).

Эти кашимы идентичны эстуфам зунисов, мокисов и пуэбло Рио-Гранде. Сам Уимпер описывает их следующим образом: "Эти здания можно рассматривать как ратушу туземцев; в них произносятся речи, проводятся праздники и пиры".

Не остается места для сомнений после прочтения более полного описания этих кашима, содержащегося у Бэнкрофта. Он говорит, что эскимосы танцуют в них, "часто *in puris naturalibus*", и делают "смешные подражания птицам и зверям". Собачьи или волчьи хвосты свисают сзади их одежды. Эти танцы сопровождаются священным пиром из рыбы и ягод, во время которого актеры "поднимают провизию последовательно к четырем кардинальным точкам и один раз к небесам, когда все принимают участие в пире" (Bancroft, "Native Races", vol. i. p. 78.).

Есть описание одного из этих танцев, сделанное американцем, мистером У. Х. Гилдером, очевидцем. "Кашин (*sic*) - это своего рода ратуша для мужчин племени..... Она построена почти полностью под землей и имеет крышу, глубоко покрытую землей. Она освещается через световой люк в крыше, а вход в нее осуществляется через проход и отверстие, через которое можно пройти только ползком на руках и коленях..... В центре помещения находится глубокая яма, в которой зимой разводят огонь для обогрева здания, после чего закрывают ее, и тепло сохраняется в течение всего дня. В этом здании мужчины живут почти все время. Здесь они спят и едят, и редко отдыхают в лоне своих семей". Далее он говорит, что в этом здании есть "полка, которая тянется по всему периметру комнаты к стене..... Один молодой человек подготовился к танцам, сняв с себя всю одежду, кроме штанов, и надев пару оленьих рукавиц..... Танец больше походил на индейские представления, чем все, что я когда-либо видел у эскимосов" ("Ледяной мешок и тундра", с. 56-58).

Следующая информация, полученная от Виктора Намоффа, кадьакца смешанной крови, касается церемониального танца, который он наблюдал среди эскимосов айга-лукамут на

южном побережье Аляски. Этот информатор, как и его отец до него, в течение нескольких лет был нанят русскими для посещения различных племен на материке с целью ведения торговли для сбора мехов и шкурок. Помимо того, что он в совершенстве владел английским и русским языками, он приобрел значительное знакомство с целым рядом туземных диалектов, что позволило ему смешаться с различными народами, среди которых он проводил большую часть своего времени. Церемония проводилась в большой, частично подземной камере продолговатой формы со сплошной платформой или полкой, построенной таким образом, чтобы ее можно было использовать как для сидения, так и для сна. Единственным источником света служили туземные масляные лампы. Участники, которых было около десяти десятков, были полностью обнажены, и после того, как они немного посидели, несколько туземцев, выступавших в качестве музыкантов, начали петь. Затем один из туземцев встал и совершил отвратительную операцию - помочился на спину и плечи сидящего рядом с ним человека, после чего прыгнул на землю и начал танцевать, пританцовывая в такт музыке. Тот, кто подвергся упомянутой операции, затем подверг аналогичному спринцеванию своего ближайшего соседа, а тот, в свою очередь, следующего по порядку, и так до тех пор, пока последний человек на скамейке не подвергся аналогичному воздействию, а тот, в свою очередь, был вынужден разместить инициатора движения, который для этого прекратил танцевать. Тем временем все, кто облегчился, спускаются вниз и присоединяются к танцу, яростному и неистовому, вызывающему обильное потоотделение и нестерпимую вонь. Никакой дополнительной информации не было предоставлено, кроме того, что сооружение, возможно, использовалось в данном случае в качестве потогонного отделения, так как моча и бурные движения считались достаточными для обеспечения необходимого количества влаги и тепла, чтобы обеспечить участникам потогонное отделение.

Эллиотт описывает "оргии" в "кашгасах", как он их называет. "Огонь обычно берут из раскаленных камней на очаге..... На них выливается кантог из камерного масла, которое, поднимаясь густыми облаками пара, своим присутствием и ужасным аммиачным запахом дает понять восхищенным посетителям, что баня началась. Кашга нагревается до удушья, она полна дыма, и люди снаружи прибегают из своих хижин с клочками сухой травы для полотенец и пучками ольховых веток, чтобы пороть их голые тела.

Они сбрасывают с себя одежду, кричат, танцуют и обливаются обильным потом, барахтаясь в горячем паре". На них натирают еще больше отвратительного заменителя мыла, и получается мочалка, которую они смывают холодной водой..... Это самое приятное времяпрепровождение в жизни индейца, как он торжественно заявляет. Ничто другое не дает и десятины того бесконечного удовольствия, которое доставляет ему эта оргия. Для нас, однако, ничто в нем не является столь отвратительным, как зловоние, которое вызывает такое представление" (Генри У. Эллиотт, "Наша арктическая провинция", Нью-Йорк, 1887, с. 387).

"Несмотря на то, что они в большинстве своем недоброжелательны, у этих людей, как и у других индейцев и большинства индийцев, есть страсть к испарениям, для которых у качима всегда есть установка.

"С помощью мочи, которую они получают для своих операций по дублению, они пенили тело; щелочь, смешиваясь с выделениями и волосами, которыми намазано тело, чистит кожу, как савон; Одурманенный ликер путрифий должен быть приятным, но он уносит в ущелье чужеземцев, которые отдыхают, и у них много сил, чтобы спастись. Ужас! Ужас! Да, для тех, у кого на туалетном столике есть савон; но для тех, кто не владеет этим средством?" - ("Примитивы", Réclus, p. 71, "Обитаемые инородцы").

"Никого не удивляет, что оухабиты и оугаго восточной Африки fasciniруют в равной степени. Но у них есть свои предпочтения. Арабы и бедуины ищут мочу в камерах. Банианцы из Момбы омывают фигуру мочой вакха, потому что, как они говорят, вакха - это их мать. Это вещество также используется жителями Силезии для борьбы с рожей. Les Chowseures du Caucase прекрасно подходит для поддержания здоровья и развития пышности шевелюры. В конце концов, они восстанавливают пурин из столов, а жидкость, содержащую жизненную силу, переливают в более энергичный напиток. Траезы расплющивают коровку, вдыхают воздух, чатуют определенный орган и в определенный момент выдвигают ящик, чтобы принять плод, который вытекает; мать-труженица заставляет втягивать в себя темя сына-нурриссона в те же сроки, что и сиену" (Idem, p. 73.).

"Эстуфа" пуэблос, несомненно, была в ранние эпохи жизни племени общинным жилищем, подобным "тыртам" сибиряков, как и у них, с одним большим отверстием в крыше для входа членов семьи или клана и выхода дыма. Изучение мифов и фольклора Сибири может открыть нам рождение и смысл визитов нашего старого доброго рождественского друга, Санта-Клауса, который, конечно же, никогда не был родом из Европы. Бог, нагруженный подарками для маленьких добрых детей, мог бы спуститься по лестницам, установленным в дымоходах "тыртов" и "эстуфов", но такой подвиг был бы невозможен в самых широких дымоходах, когда-либо построенных в Германии или Англии для частных домов.

Жилища туземцев Уналашки, по словам Лангсдорфа, имеют входы через крыши, точно такие же, как у жителей Камчатки ("Путешествия", т. ii. с. 32).

Модель "Эстуфа" была увековечена в храмах Индии точно так же, как императорские рыночные площади Рима послужили образцом для "Базилики" христианской церкви.

В статье в "Frazer's Magazine", подписанной F. P. C., приводятся размеры великого храма Змеи в Накхон-Вате в Камбодже: "Шестьсот футов квадратных в основании, ... поднимается в центре на высоту ста восьмидесяти футов, ... вероятно, самый грандиозный храм в мире..... Во внутреннем дворе этого храма находятся "резервуары", в которых обитали живые змеи и которым поклонялись..... Разница между этими "резервуарами" и "Общественными Эстуфами" заключается лишь в том, что последние частично или почти полностью покрыты крышей".

Через некоторое время после того, как мы пришли к только что высказанному выводу и потеряли много времени на бесплодное изучение энциклопедий, в которых не было даже имени покровителя детства, мы ознакомились с работой мистера Джорджа Кеннана, в которой те же взгляды предвосхищены на несколько лет; это далеко не самый важный факт в чрезвычайно интересном томе.

"Дома, если их можно было назвать домами, были около двадцати футов в высоту, грубо построенные из корявого дерева, выброшенного морем, и по форме их можно было сравнить разве что с часовыми стеклами. В них не было ни дверей, ни окон, и попасть в них можно было, только взобравшись на шест снаружи и проскользнув вниз по другому шесту через дымоход, - способ проникновения, целесообразность которого полностью зависела от активности и интенсивности огня, горевшего внизу.

"Дым и искры, хотя и достаточно неприятные, были мелочами сравнительно незначительными. Помню, в раннем детстве мне сказали, что Санта-Клаус всегда попадает в дом через дымоход; и, хотя я принял это утверждение с необоснованной верой детства, я никогда не мог понять, как можно безопасно совершить этот необычный подвиг - спуститься по дымоходу..... Однако мой первый вход в коракский "тырт" в Каменной разрешил все мои

детские трудности и доказал возможность проникновения в дом тем эксцентричным способом, который, как предполагается, использует Санта-Клаус." - (George Kennan, "Tent Life in Siberia," 12th edition, New York, 1887, p. 222.)

Стеллер описывает праздник камчатцев, который проходит в конце ноября, после того как заготовлена зимняя провизия; во время него одна сторона, находящаяся снаружи дома, пытается спустить березовую ветку через дымоход; сторона, находящаяся внутри, пытается поймать ее.

"Каждый раз, когда они делают воду или другие нечистые действия природы, они моют эти части, не обращая внимания на то, кто стоит рядом. Перед молитвой они омывают лицо и руки, иногда голову и интимные места" (Blount, "Voy. into the Levant", in Pinkerton, vol. x. p. 261).

"Среди негров Гвинеи, когда жена беременна в первый раз, она должна выполнить определенные "церемонии", среди которых - "отправиться на берег моря, чтобы омыться". За ней следует множество мальчиков и девочек, которые бросают в нее всевозможные экскременты и грязь по пути к морю, где ее окунают и делают чистой" (Bosman, "Guinea", in Pinkerton, vol. xvi. p. 423.).

"В 1847 году, мне тогда было двадцать шесть лет, однажды одна старуха (в Шербуре) подошла ко мне со стиральной машиной и попросила помочиться в нее, так как моча крепкого, здорового молодого мужчины была необходима для омовения груди молодой женщины, только что родившей ребенка" (личное письмо капитана Анри Жуана, французский флот, капитану Бурке от 29 июля 1888 года из Шербур, Франция).

В Шотландии грудь молодой матери мыли солью и водой, чтобы обеспечить хороший приток молока. Об этой практике упоминается в следующем двустишии из "Удачливой пастушки" Александра Росса, 1778 год.

"Jean's paps wi' sa't and water washen clean,

А молоко у нее было зеленое".

(Цитируется в Brand, "Pop. Ant.", vol. ii. p. 80, статья "Обычаи крещения").

Эта практика, похоже, тесно связана с предыдущей. У нас еще будет повод показать, что соль и вода, святая вода и другие жидкости заменяли человеческую мочу в некоторых местностях, в том числе в Шотландии.

"Чтобы отлучить одного из своих детей, отец и мать кладут его на землю, и пока они делают то, что скромность не позволяет мне назвать, отец поднимает его за руку и так держит его некоторое время, висая в воздухе, ошибочно полагая, что таким образом он станет более сильным и крепким" - (отец Меролла, "Путешествие в Конго", в Пинкертоне, том xvi. стр. 237, 1682 г. н.э.).

Во время церемонии Барешнун священник парси "должен пройти определенные омовения, во время которых он должен нанести на свое тело коровью мочу, песок и глину, которые, похоже, были самым распространенным и дешевым дезинфицирующим средством, известным древним иранцам" (д-р Дж. У. Кингсли, личное письмо капитану Борку, очевидно, со ссылкой на "Историю парси" Досабхаи Фрамдже Карака).

Манихеи купались в моче... (Пикар, "Coûtumes" и т. д.; "Dissertation sur les Perses", p. 18.)

"Le lecteur le plus dégoûté s'en occupe presque à son insu; quand il demande à son ami, Comment allez-vous? s'il vous plaît si ce n'est là-où se fait ce que nous disons? В соседних странах приветствуют, спрашивая: La matière est-elle louable? Et en Angleterre, c'est la même pensée qu'on exprime lorsqu'on dit, en abordant quelqu'un, How do you do? Comment faites-vous?"-(Bib. Scat. p. 21.)

"Есть место, где всякий раз, когда король плюет, величайшие дамы его двора протягивают руки, чтобы принять его; и другой народ, где самые знатные особы вокруг него останавливаются, чтобы принять его орду в льняную ткань" - (Монтень, Эссе, "Об обычаях").

"Через несколько дней после рождения или по желанию родителей "анжекок", который благодаря родству или долгому знакомству с семьей достиг условий большой дружбы, берет какой-нибудь сосуд и мочой матери оmyвает младенца, в то время как все сплетники вокруг осыпают его добрыми пожеланиями, чтобы малыш стал активным мужчиной, если это мальчик, или, если девочка, матерью многих детей. Эта церемония, я полагаю, никогда не пропускается и называется гогсинарива" ("Центральные эскимосы", Боас, стр. 610, цитируя Г. Ф. Лайона, "Частный дневник Геклы, во время недавнего путешествия под командованием капитана Парри", Лондон, 1824 г.).

Такой же обычай практикуют эскимосы Камберленд-Саунд (idem).

"Буйволиный помет я видел аккуратно уложенным в вигвамах индейцев племени кроу, что, очевидно, имеет какое-то отношение к церемониям" (личное письмо доктора А. Б. Холдера, Мемфис, штат Теннесси, капитану Бурке, 6 февраля 1890 г.).

"В одном из священных танцев шайенов можно увидеть алтарь, окруженный полукругом из бизоньих щепок. Этот танец или церемония празднуется с целью получения большого количества пони" (см. описание в книге Доджа "Дикие индейцы", стр. 127, 128).

Священные трубы, используемые в танце солнца у сиу, расположены таким образом, что чаша опирается на "бизоньи щепки" ("Танец солнца у огалла-сиу", Элис Флетчер, в "Трудах". American Association for the Advancement of Science", 1882.)

О питье воды, в которой купали новорожденного, говорится в мифах самоанцев. Когда родился первый ребенок, "Салевао дал воду для омовения ребенка и сделал ее Саор, священной для Моа. Камни и земля сказали, что хотели бы получить немного этой воды для питья. Салевао ответил, что если они достанут бамбук, то он пошлет им через него ручеек, отсюда и происхождение родников" ("Samoa," Turner, London, 1884, p. 10).

Хотя в тексте об этом не говорится, но по аналогии с другими космогониями мы можем предположить, как бог обеспечивал их водой, - несомненно, от своей собственной персоны.

СТЕРКОРАЙСКОЕ КРЕСЛО ПАП.

"Stercoraire, Chaire (Hist. des Papes); c'est ainsi qu'on nommoit à Rome, au rapport de M. L'Enfant, une chaire qui étoit autrefois devant le portique de la basilique, sur laquelle on faisait asseoir le Pape le jour de sa consécration. Музыкальный хор напевал при этом притчи Псалма 113, по Гевре, и 112, по Вульгате, ст. 6, и далее. "Il tire de la poussière celui qui est dans l'indigence et il élève le pauvre de son avilissement pour le placer avec les princes de son peuple"; c'étoit pour insinuer au Pape, dit cardinal Raspon, la vertu de l'humilité, qui doit être la compagne de sa grandeur. Это использование было отменено Леоном X, который не был не в состоянии

исполнять подобные обязанности" ("Encyc. ou Dict. Raison. des Sciences," etc., Neufchatel, 1765, tome quinzième, статья как выше).

Обратитесь также к Дюканжу, "Stercoraria Sedes", где говорится, что использование этого кресла можно проследить до десятого века.

"Stercoraria sedes, in qua creati pontifices ad frangendos elatos spiritus considerent, unde dicta."- (Baronius, "Annales", Lucca, 1758.)

Читайте также замечания по теме "Утконосы", из которых, по-видимому, был взят этот рассказ, в разделе "Испытания и наказания".

Отец Ле Жён сообщает, что среди церемоний, соблюдаемых индейцами Канады при поимке медведя, было то, что женщинам не разрешалось оставаться в доме с тушей, и что особое внимание уделялось тому, чтобы собаки не слизывали кровь, не грызли кости и не *ели экскременты* (см. "Relations", 1634, vol. i., Quebec, 1858).

XXIX. КУРЕНИЕ.

Среди всех обычаев повседневной жизни американских аборигенов ни один так явно не связан с религиозной идеей, как курение; поэтому, если в этой связи будет обнаружено использование экскрементов, человеческих или животных, следует в полной мере отдать должное подозрению, что в церемонии заложен скрытый смысл. Именно такого мнения придерживается неутомимый миссионер Де Смет, который в 1846 году описывает подобный обычай среди флатхедов и кроу: "Чтобы сделать запах тихоокеанских благовоний приятным для их богов, необходимо, чтобы табак и трава (skwiltz), обычные ингредиенты, были смешаны с небольшим количеством бизоньего помета"[63].

У сиу, шайенов, арапахо и других равнинных племен, для которых буйвол - бог, существует такой же или почти такой же обычай.

Хоттентоты, когда им не хватает табака, "курят навоз двурогих носорогов или слонов" (Thurnberg's Account of the Cape of Good Hope, цит. по Pinkerton, vol. xvi. p. 141).

Последователи Великого Ламы, как уже отмечалось, используют его высушенные экскременты в качестве нюхательного табака, а аналогичное применение высушенного навоза свиней сохранялось в медицинской практике Европы до начала нынешнего века и, возможно, все еще сохраняется в народной медицине изолированных деревень.

Жители Ахайи говорят, что "дым высушенного коровьего навоза, то есть животного, которое пасется, замечательно помогает при фтизиатрии, если вдыхать его через тростник" (Плиний, Nat. Hist. lib. xxviii. cap. 67).

Навоз также используется в Центральной Африке. "Огромная чаша наполняется табаком и глиной, а иногда и сомнительной смесью, и дым вдыхается до тех пор, пока курильщик не впадает в оцепенение или смертельную болезнь - только этого эффекта и добиваются" ("Центральная Африка", Chaillé Long, p. 266).

"В Алжире в нюхательный табак добавляют помет газели; монголо-татары смешивают пепел навоза яка с нюхательным табаком" (личное письмо В. В. Рокхилла).

Мистер Редьярд Киплинг в своих "Простых рассказах с холмов" ("Miss Youghal's Sais") показывает, что коренное население Индии привыкло использовать смесь из одной части табака к трем частям коровьего навоза.

XXX.

УХАЖИВАНИЕ И БРАК.

"Размножаться и пополнять землю" - таково было первое повеление, данное человеку; любить и желать быть любимым в ответ - сильнейший импульс нашей природы, и поэтому не стоит удивляться тому, что студент, изучающий оккультные свойства, приписываемые человеческому и животному эгесту, обнаружит, что они широко используются в составе любовных филеров, как противоядия для таких филеров, как афродизиаки, как антиафродизиаки и как вспомогательные средства для родов.

ОРДУР В ЛЮБОВНЫХ ПРИВОРОТАХ.

Во Франции девы, страдающие любовной болезнью, обвиняются в том, что они готовят в качестве филтера пирог, в состав которого вводятся "безымянные ингредиенты", и это лакомство, съеденное отвергнутым любовником, вскоре вызывает возрождение его слабеющей привязанности.^[64] Это считалось настолько сильным запахом колдовства, что было запрещено советами.

Ведьмы и колдуны племени апачей делают конфетку или филтер, одним из ингредиентов которой обычно является человеческий ордур, о чем автор узнал от некоторых из них несколько лет назад. Навахо, имеющие ту же кровь и язык, что и апачи, используют навоз коров (как описано в "Змеином танце моки", стр. 27).

Фромман приводит пример женщины, которая делала любовные фильтры из собственных экскрементов. Уже во времена Фроммана использование таких фильтров каралось смертью. Средства для любовных фильтров состояли из человеческого черепа, кораллов, цветов вербены, секундинов, или последа, и обильного потока мочи. Он говорит, что Парацельс учил, что если человек съест или выпьет что-нибудь кожи другого, то он отчаянно влюбится в этого другого. "Quod illi, qui ederunt aut biberunt aliquid a scorte datum, in amorem alicujus conjiciantur et rapiantur." (Frommann, "Tractatus de Fascinatione", pp. 820, 826, 970, цитируя Paracelsus, Tract. 1, de Morbis Amantium, cap. v.) Он также цитирует Бекериуса, утверждающего, что некоторые фильтры были сделаны из пота, менструации или спермы (Idem, цитируя Бекериуса, "Sapgyr. Micros.", p. 89).

Джон Лео в книге Перчасы (т. ii. стр. 850) говорит о "корневище Сурнай, растущем также на западной части горы Атлас..... Жители горы Атлас обычно сообщают, что многие из тех дамозель, которые держат каттлеи на упомянутых горах, теряют свою девственность не иначе, как набрав воды на этой горе..... Говорят, что этот корень удобен и полезен для священных частей человека, а если его пить в элексире, то он возбуждает венерическую похоть".

Реджинальд Скот упоминает "волчий двор" среди ингредиентов любовного зелья ("Discoverie of Witchcraft", London, 1651, p. 62.).

Человеческий ордул постоянно использовался при изготовлении этих филлеров, их применяли как внутрь, так и наружно. По этому поводу уместно привести точные слова Шурига, который объясняет, что иногда его добавляли в кашу, а в других случаях - в обувь. В последнем случае мужчина, использовавший экскременты своей возлюбленной, полностью излечился от своей страсти, пронесив оскверненную обувь один час. "Contra Philtræ tam interne quam externe adhiberi solet amatae puellæ stercus, ab exsiccato enim atque in pulmento personæ philtratæ exhibito amorem in maximam antipathiam mutatam annotavit Eberhardus Gockelius .. etiam Capitanei cujusdam meminit qui, postquam amasiæ stercus novis calceis imposuerat, posteaque iisdem per integram horam spatiatu fuerat ab illius amore liberabatur."- ("Chylologia," p. 774.)

Леопардовый помет пользовался репутацией афродизиака ("Idem", p. 820).

"Моча, которую извергает бык сразу после покрытия... принимается в питье", как афродизиака; и "пах хорошо натирается землей, смоченной этой мочой" (Плиний, Bohn, lib. xxviii. cap. 80).

"Волшебник, ведьма, колдун, аптекарь, врач или знахарь... играл роль охристого Купидона. Вместо улыбок и ярких глаз он имел дело с какой-то гадостью, подмешанной в пиво или хитро намазанной на хлеб..... В книге Шрофта Эгберта, архиепископа Йоркского, порицается один из их методов; и он настолько грязен, что я должен оставить его в неизвестности староанглийского оригинала."-("Saxon Leechdoms", vol. i. p. 45.)

Мазь из козьей желчи, ладана, козьего помета и семян крапивы наносилась на интимные места перед соитием, чтобы усилить любовную страсть женщин" (см. "Saxon Leechdoms", vol. i. p. 351, цитируя Секста Плацита).

"Любовные талисманы делаются из ингредиентов, слишком отвратительных для упоминания, и даются мусульманами женщинам, чтобы убедить их полюбить их" ("Индомагометанские народные предания", № 3, Н. С., p. 180, в "Notes and Queries", 3d series, vol. xi., London, 1867).

У Вамбери есть такой неясный отрывок: "Доброй женщине пришла в голову счастливая мысль прописать больному хану пятьсот доз того лекарства, которое, как говорят, оказало столь благотворное воздействие на знаменитого поэта-монарха древней истории..... Хивинский хан принял от пятидесяти до шестидесяти таблеток "для внушения" ("Путешествия по Центральной Азии", Нью-Йорк, 1865, с. 166).

Кроме этих элементов использовались и другие, не менее отвратительные; например, катамениальная жидкость, которая, по-видимому, пользовалась большой популярностью для подобных целей: "Quædam auditæ sunt jactantes se sua excrementa propinasse, præcipue menstrua, quibus cogant se amari."-("Saxon Leechdoms", vol. i. p. 45, цит. по Cæsalpinus, "Dæmonum Investigatio", fol. 154 b. Cæsalpinus умер в 1603 году).

"Он взял заколдованный филтер и испачкал им мою одежду" ("Халдейская магия", Ленормант, Лондон, 1877, с. 61, цитирует заклинание халдейских колдунов). Разумеется, невозможно сказать, из чего состоял этот филтер).

"Говорят, что если мужчина возьмет лягушку и уколёт ее тростинкой, входящей в ее тело у половых органов и выходящей через рот, а затем окунет тростинку в менструальные

выделения своей жены, то она непременно приобретет отвращение ко всем любовникам" (Плиний, lib. xxxii. cap. 13.).

"Sanguis menstruus, qui, a Paracelso vocatur Zenith Juvenicularum; hic primus virginis impollutæ multa in se habet arcana non semper revelanda. Ut autem pauca adducam, extreme linteum a primo sanguine menstruo madidum et exsiccatum, hanc denuo humectatum et applicatum pedi podagræ, mirum quantum lenit dolores podagræ. Idem linteum, si applicetur parti Erysipelate affectæ, incontinenti erysipelas curat. In affectibus ab incantationibus et veneficiis oriundis multa præstat sanguis menstruus; nam et ipse sanguis menstruus ad veneficia adhibetur, et sunt mulieres, quæ pro philtis utuntur sanguine suo menstruo." Он приводит примеры такого филтра, сделанного из менструальной и заячьей крови, который доводил получателя до мании и самоубийства. Кроме того, его использовали для того, чтобы сделать человека "непробиваемым" для вражеского оружия, а также для лечения жгучих язв. (См. Михаэль Этмюллер, "Opera Omnia", т. ii. стр. 270, ст. "Schrod. Dilucid. Zoölogia").

За одним студентом-медиком часто ухаживала дочь его соседа, но он игнорировал ее ухаживания. Однако однажды он переспал с братом девушки в доме ее отца и после этого так увлекся, что вставал в полночь, чтобы поцеловать косяки двери ее дома. Спустя некоторое время он отдал свою одежду портному, чтобы тот починил ее, и в брюках был обнаружен небольшой пучок волос с неупомянутой части тела девушки, содержащий инициалы S. T. I. A. M., которые, по некоторым толкованиям, означали "Sathanas te trahat in amorem mei". Как только этот пучок волос сжигали, бедняга отдыхал" (Paullini, pp. 258, 259).

Человеческая сперма также использовалась для той же цели. Неизвестно, использовали ли любовники-мужчины этот ингредиент, а девы - менструальную жидкость, или и то, и другое без разбора; но кажется правдоподобным предположить, что каждый пол придерживался своих собственных выделений.

"Semen, f. Sperma, non modo comperimus per se a nonnullis ad veneris scilicet ligaturam maleficam dissolvendam, sed et Momiam magneticam inde fieri quæ amoris concilietur fervor. Quin et homunculum suum inde meditatur Paracelsus." - (Etmuller, "Opera Omnia", vol. ii. p. 266.)

Сперма, как сообщает нам Бекхерий, использовалась для разрушения "лигатур", поставленных ведьмами или дьяволом, и для восстановления утраченной способности к деторождению. Но иногда ее использовали в манере, настолько сильно смахивающей на нечестие, что Бекхерий предпочитал не говорить об этом дальше.

Флемминг говорит нам, что мы не должны обходить молчанием тот факт, что человеческое семя использовалось некоторыми людьми в качестве лекарства. Они верили, что его магнитная сила может быть использована в фильтрах и что с его помощью любовник может подпитывать пламя привязанности своей любовницы; поэтому из него готовили так называемую "магнитную мумию", которая, будучи дана женщине, повергала ее в неугасимую любовь к мужчине или животному, дающему ее, - что наводило на мысль о поклонении животным. Другие приписывали ему удивительную эффективность в избавлении от хронической эпилепсии или восстановлении мужественности, нарушенной в результате заклинаний или колдовства; для этой цели его использовали еще свежим, перед выдержкой на воздухе, в похлебке, смешанной с порошком булавы. Флемминг упоминает об ужасном использовании реликвий, хороших и плохих, на которые извергалась человеческая сперма; но это связано с таким количеством грубейшей нечестивости, что он отказывается вдаваться в подробности - ("De Remediis ex Corpore Humano desumtis", Samuel Augustus Flemming, Erfurt, 1738, p. 22).

Любовь-фильтр, описанная в предыдущем абзаце, напоминает о несколько аналогичной практике у манихеев, чей евхаристический хлеб был соединен или окроплен человеческой спермой, возможно, с идеей, что хлеб жизни должен быть окроплен животворящим выделением[65].

Альбигойцы, или катары, их потомки, якобы выродились или сохранили то же мерзкое суеверие[66].

Понимая, что эти обвинения исходят из враждебных источников, их включение в данную категорию было разрешено только на основании теории, согласно которой, поскольку манихейская этика и ритуал имеют сходство с религиями парсов и буддистов (от которых они, возможно, в какой-то степени и произошли), есть основания предполагать, что ритуальные омовения, отчитки и другие практики, аналогичные тем, что были присущи великой секте, расположенной дальше на Востоке, могли быть переданы более молодой религии в Европе.

The following is taken from an episcopal letter of Burchard, Bishop of Worms:—

"Вы не совершали того, что некоторые женщины имеют обыкновение совершать? Они отстраняются от своих привычек, покрывают свое тело свежим мием, кладут на землю драп, на который они накладывают блэнд, и бросаются на него несколько раз; затем они перебирают с осторожностью все зерна, которые прикреплены к телу, и кладут их на мякиш, чтобы они пошевеливались. Когда они сыры в фарне, они вызывают боль, которую они доносят до мангера своих мари, чтобы они сгладились и забеременели. Если вы это сделаете, вы будете страдать от боли и воды в течение четырех дней..... *Fecisti quod quædam mulieres facere solent? Tollunt menstruum suum sanguinem et immiscent cibo vel potui, et dant viris suis ad manducandum vel ad bibendum, ut plus diligantur ab eis.... Fecisti quod quædam mulieres facere solent? Prosternunt se in faciem, et discoopertis natibus, jubent ut supra nudas nates, conficiatur panis, et eo decocto tradunt maritis suis ad comedendum. Hoc ideo faciunt ut plus exardescant in amorem illarum. Si fecisti duos annos per legitimas ferias pœnitias.*"- (Dulaure, "Traité des Différens Cultes", vol. ii. p. 262 et seq.)

The method of divination by which maidens strove to rekindle the expiring flames of affection in the hearts of husbands and lovers by making cake from dough kneaded on the woman's posterior, as given in preceding paragraph, seems to have held on in England as a game among little girls, in which one lies down on the floor, on her back, rolling backwards and forwards, and repeating the following lines:—

"Cockledy bread, mistley cake,

Когда ты сделаешь это ради нас".

Пока одна из участниц так ложилась, остальные сидели вокруг; они ложились и катались таким образом по очереди.

Петушиный хлеб. Эту необычную игру так описывают Обрей и Кеннетт: "Молодые девицы занимаются развратным спортом, который они называют "лепкой петушиного хлеба", а именно: они садятся на стол-доску, поднимают колени так высоко, как только могут, а затем покачиваются туда-сюда, как будто замешивают тесто, и говорят такие слова:

"Моя госпожа заболела и легла спать,

А я пойду плесну себе хлебушка,

Вверх пятками, вниз головой!

Вот как надо формовать хлеб из петушков".

-(Цитируется по Brand, "Popular Antiquities", vol. ii. p. 414, статья "Cockle Bread").

Эти слова "mistley" и "cockledy" не встречаются ни в одном из рассмотренных лексиконов, ни в "Словаре устаревшего и провинциального английского языка" Томаса Райта, М. А., Лондон, 1869 г., хотя в последнем есть слово "mizzly", означающее "заплесневелый". Возможно, оно означает омелу.

Петушок - это несчастный "лолиум" Вергилия, который, как считается, если его смешать с хлебом, вызывает головокружение и головную боль; поэтому на Пасху устраивают вечеринки, чтобы выбрать его из пшеницы. С собой берут пирог, сидр и поджаренный сыр. Тот, кто первым выберет кулич из пшеницы, получает первый поцелуй служанки и первый кусок пирога" (Фосброк, "Энциклопедия древностей", т. ii. с. 1040).

Валленси описывает очень любопытную церемонию у ирландцев в сентябре. "Накануне сентябрьского полнолуния... солому сжигают до углей, а в угли каждый шаман по очереди прячет зерно, восклицая: "Я разорву тебя на куски, если ты найдешь мое зерно". Его дева-любовница ищет, и велика ее досада, если она его не находит. Найдя его, компания приветствует ее криками; возлюбленный кладет ее сначала на спину и тащит за пятки через угли, затем, перевернув ее на лицо, повторяет церемонию, пока ее нагота не станет сильно опаленной. Это называется *posadamin*, или трапеза-свадьба..... Когда все девы прошли через эту церемонию, они садятся и едят жареную пшеницу, которой иногда опьяняются" ("De Rebus Hibernicis", vol. ii. p. 559.).

Несомненно, он имеет в виду спорынью; он сам говорит, что это "зерно, которое иногда можно найти растущим среди пшеницы в Ирландии". Он также называет эти "свадьбы" "друидическим обычаем" (Idem, p. 598).

Подобный фаллический танец упоминается в книге Джона Грэма Дейлилла "Суеверия Шотландии", Эдинбург, 1834, стр. 219.

На Сардинии "деревенские лебеди ходят группой... чтобы дожидаться девушек, которые собираются на общественной площади, чтобы отпраздновать праздник. Здесь разжигается большой костер, вокруг которого они танцуют и веселятся. Те, кто хочет стать "возлюбленными святого Иоанна", действуют следующим образом: Юноша стоит по одну сторону костра, а девушка - по другую; они соединяют руки, взявшись каждый за длинную палку, которую трижды проводят по огню взад и вперед, таким образом трижды быстро погружая руки в пламя". Во время этого танца мы читаем о "фигуре, похожей на Приапа, сделанной из пасты; но этот обычай, строго запрещенный церковью, вышел из употребления". ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 291.) "В некоторых частях Германии юноши и девушки прыгают над кострами в середине лета с явной целью заставить коноплю или лен расти в высоту." (Idem, p. 293.)

"Среди каракиргизов бесплодные женщины валяются на земле под одинокой яблоней, чтобы получить потомство". (Idem, vol. i. p. 73.) В том, что это проявление поклонения дереву, автор не оставляет нам места для сомнений; а ознакомление с его текстом будет вознаграждено несколькими примерами еще более определенного характера, такими как браки с деревьями, ношение коры в качестве одежды в надежде на потомство и т. д.

Хоффман упоминает вдову из числа немцев Пенсильвании, которая "произвела впечатление на лодочника, с которым случайно познакомилась, и поскольку он никак не реагировал на ее многочисленные проявления внимания, она применила следующий метод, чтобы заставить его полюбить ее, даже против его воли. Лезвием перочинного ножа она скребла свою коленку, пока не получила небольшое количество кутикулы, запекла ее в специально приготовленном пироге и отправила ему, хотя с каким результатом - неизвестно. Известно, что женщина очень верила в силу приворота" ("Народная медицина немцев Пенсильвании", Американское философское общество, 1889 г.).

"Я был в Мадриде в 1784 году..... Один нищий, обычно стоявший у дверей церкви, в свободное время изобретал и продавал порошок, которому приписывал чудодейственные свойства. Он состоял из ингредиентов, упоминание которых заставит читателя покраснеть. Нищий составил несколько необычных формул, которые нужно было повторять во время приема порошка, и требовал, чтобы для усиления эффекта принимающие его принимали определенные позы, которые легче представить, чем описать. Его состав был одним из тех амурных фильтров, в которые так верили наши невежественные предки; он притворялся, что обладает силой вернуть отверженного любовника и смягчить сердце жестокой красавицы" (Bourgoanne's "Travels in Spain", in Pinkerton, vol. v. p. 413.).

"Когда молодой человек пытается завоевать любовь неохотно идущей девушки, он обращается к знахарю, который затем пытается найти немного мочи и слюны, которые извергла девушка, а также песок, на который они упали. Он смешивает их с несколькими веточками определенного дерева, кладет в тыкву и отдает юноше, который берет их домой и добавляет порцию табака. Примерно через час он вынимает табак и дает его курить девушке; это производит полное изменение в ее чувствах" ("Разговор с Мухонго", африканским юношей из Анголы, перевод преподобного г-на Шателена).

Любовникам, желающим усилить привязанность своих любовниц, рекомендовали попробовать переливание собственной крови в вены любимой... (Flemming, "De Remediis", etc., p. 15.)

См. примечания Флемминга в разделе "Пот"; также в разделе "Послеродовое и женское молоко" и в разделе "Катамениальная жидкость".

Возможно, Бомонт и Флетчер имели в виду подобные обычаи, когда писали "Остроумие без денег".

"*Ральф*. Вытряхни из моего правого башмака, что ты сделал из своего горшка, и сожги в нем немного розмарина" (т. I).

Розмарин, как и можжевельник (q. v.), широко использовался для дезинфекции спальных помещений.

АНТИ-ФИЛТЕРЫ.

Для защиты населения от пагубного влияния любовного филера, к счастью, существовал антифилер, в котором, как ни странно, мы встречаем те же ингредиенты. Так, мышинный помет, применяемый "в виде линимента, действует как антифродизиак", по словам Плиния (lib. xxviii. cap. 80). "Ящерица, утопленная в моче, действует как антифродизиак на того, чья это моча". (Idem, lib. xxx. cap. 49.) "То же свойство можно приписать экскрементам улиток и голуBINOMУ помету, принятым с маслом и вином" (Idem.).

Мощный антифродизиак был изготовлен из мочи быка и пепла растения под названием "брия". "Древесный уголь этого дерева гасится в моче аналогичной природы и хранится в тенистом месте. Когда желающие хотят вновь разжечь пламя желания, его снова поджигают. Маги говорят, что моча евнуха оказывает аналогичное действие" (Idem, lib. xxiv. cap. 42).

"По словам Остханеса... женщина забудет свою прежнюю любовь, если выпьет мочу козла" (Idem, lib. xxviii. cap. 77).

Куриный помет был противоядием против филтров, особенно тех, что сделаны из менструальной крови. "Contra Philtra magica, in specie ex sanguine menstruo femineo". ("Chylologia", p. 816, 817.) Голубиный помет также применялся с той же целью, но был не столь эффективен.

Подмастерье-краснодеревщик получил от одной молодой женщины любовное снадобье, так что не мог от нее оторваться. Тогда его мать купила ему пару новых ботинок, положила в них определенные травы, и в них он должен был бежать в определенный город. Затем в его правый ботинок поставили банку с мочой, из которой он выпил, после чего совершенно презрел предмет своей прежней привязанности.

Проститутка дала любовное снадобье капитану армии. Часть ее испражнений была помещена в новый башмак, и после того, как он походил в нем час и надышался его запахом, чары были сняты". Здесь Пауллини цитирует Овидия.

"Ille tuas redolens Phineu medicamina mensas

Non semel est stomacho nausea facta meo".

Мужчине в пищу подмешали немного высушенных остатков женщины, которую он раньше любил, и это вызвало у него страшную антипатию к ней" (Paullini, p. 258.).

"Семена тамариска, смешанные в напитке или мясе с мочой кастрированного быка, покончат с Венерой" ("Саксонские пиявки", т. I, с. 43, цит. по Плинию, lib. 21, с. 92).

"Галенос говорит, что жрецы едят руту и agnus castus, кажется, в качестве охлаждающего средства" (Idem, p. 43.).

Трава рута использовалась римлянами в качестве амулета против колдовства, а также применялась в экзорцизме Римско-католической церкви" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 315, статья "Сельские чары").

Изучение наиболее достоверных сведений о свойствах этого растения показало следующее: "Раньше его называли "травой благодати" (см. "Гамлет", акт iv. сцена 5), потому что его использовали для окропления людей святой водой. Она была в большом почете у древних, ее вешали на шею в качестве амулета против колдовства во времена Аристотеля..... Это мощный стимулятор". (Энциклопедия Чемберса, статья "Руэ"). "Руэ является стимулирующим и антиспазматическим средством; ... иногда увеличивает секрецию..... Она, по-видимому, имеет тенденцию действовать на матку; ... в умеренных дозах она является эменагогенной, а в больших вызывает раздражение органа, которое иногда определяет аборт; ... принимаемая беременными женщинами, ... приводила к выкидышу; ... используется при аменорее и при маточных кровотечениях". ("United States Dispensatory", Philadelphia, 1886, статья "Ruta"). Здесь представлены почти те же условия, что и в случае с омелой, - растение оказывает прямое раздражающее действие на мочеполовые органы и, по всей вероятности,

использовалось для того, чтобы вызвать священное мочеиспускание и опить прихожан жидкостью, которой впоследствии заменяли святую воду.

Рута и агнус кастус упоминаются Авиценной как лекарства, которые "успокаивают соитие". (Тот же автор (vol. i. pp. 266, b 45, 406, a 60) (vol. i. p. 906, a 63) упоминает руту с яичками лисицы в качестве афродизиака, а яички козла упоминаются в той же связи.)

Дюлор ("Des Différens Cultes", vol. ii. p. 288) рассказывает о неких "фашинистах" или шарлатанах, которые тайно продавали любовные чары бесплодным женщинам . "Они произносили для воздействия своих чар латинские слова и намеревались закрепить на теле женщины пудру, полученную в результате половых сношений с одним лупом".

Бекерий повторяет противоядие от любовного обмана, заключающееся в том, чтобы положить немного женских экскрементов в обувь мужчины: "Si, in amantis calceum, stercus amatae ponatur"; он также цитирует двестишестидесять из Овидия, уже приведенное выше, с. 225.

"Секундины" также использовались для ослабления действия филеров. (См. Этмюллер, "Opera Omnia", Schroderi dilucidati Zoölogia, vol. ii. p. 265.) "In philtis curandis spiritus secundinæ vel pulvis secundinæ mirabilis facit". Это было очень полезно при эпилепсии, но, по возможности, должно быть "secundinam mulieris sanæ, si potest esse primiparæ et quæ filium enixa fuit."- (Idem, vol. ii. p. 271).

Против филеров, а также для противодействия усилиям ведьм, нападающих на людей, только что вступивших в брак, с помощью таких вредоносных средств, как "лигатуры" и другие препятствия, *ordure* был *facile princeps* в качестве средства. Точно так же, чтобы разорвать любовную связь, ничто не могло сравниться с простым очарованием, когда в туфлю того, кто еще хранит верность, клали немного ордуры того, кто стремится вырваться из любовного рабства. Не исключено, что при верном применении это средство окажется действенным даже в наше время. "*Contra philtera, item pro ligatis et maleficiatis a mulieribus sequens Johannes Jacobus Weckerus ... pone de egestionem seu alvi excremento ipsius mulieris mane in fotulari dextro maleficiati et statim cum ipse sentiet foetorum solvitur maleficium.... Quod si in amantis calceum stercus amatæ posueris, ubi odorem senserit, solvitur amor,*" etc. (приводится несколько примеров).-("*Chylologia*," p. 791.)

Мистер Крисфилд из Библиотеки Конгресса в Вашингтоне приводит факт, который очень интересно перекликается с вышеизложенным. Он рассказывает, что во время своей юности, которая прошла на восточном побережье Мэриленда, он узнал, что среди более невежественных слоев населения этого района существовало правило: когда отец замечал растущую привязанность своего сына к какой-нибудь девушке, он должен был попытаться получить немного ее экскрементов и заставить юношу носить их под мышкой; если он оставался неизменным в своей преданности после такого испытания, отец считал, что бесполезно возражать против бракосочетания.

В Шотландии упоминается случай, когда "отвращение было внушено женщиной". Чтобы исправить ситуацию, "мужчина получил пирог" (ингредиенты не указаны), "который положил под левую руку, между рубашкой и кожей, соблюдая молчание, пока брачный диван не был окроплен водой и мистический пирог не был извлечен." ("Суеверия Шотландии", Dalyell, p. 305.)

Можно смело поставить от гиней до шиллинга, что в приведенном выше примере мистический пирог был законным потомком того, который раньше состоял из очень

неаппетитных ингредиентов, и что вода, которой должна была быть окроплена брачная кушетка, заменила жидкость, близкую к той, что используют в подобных случаях хоттентоты.

"Чтобы добиться расторжения околдованной и скованной любви, околдованная сторона должна сделать jakes (т.е. приваду) из обуви любовника. А чтобы заставить мужчину, каким бы правильным он ни был, любить старую ведьму, она дает ему есть (среди прочих яств) свой собственный навоз" (Scot's "Discoverie", p. 62).

На эту тему "Nouer l'aiguillette" ссылается Дюлор ("Traité des Dif. Cultes", vol. ii. p. 288).

"Говорят, если мужчина выпьет воды из собачьей мочи, он станет несклонным к совокуплению" (Плиний, lib. xxx. c. 49).

"Берегись, чтобы не лечь там, где легла гончая; некоторые говорят, что там тело мужчины меняется так, что он не может, придя в постель к жене, лечь вместе с ней" (De Med. de Quad. of Sextus Placitus, из "Saxon Leechdoms", vol. i. p. 365).

XXXI. СИБИРСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО.

Любопытное проявление гостеприимства было замечено среди чукчей Сибири: "Цукчи предоставляют своих женщин путешественникам; но эти женщины, чтобы стать достойными, обязательно должны соответствовать дежурному предупреждению. Девочка или женщина, которая должна провести ночь с новым хозяином, должна выпить много мочи; необходимо, чтобы она ополоснула букет. Если он обладает таким мужеством, его считают искренним другом; но в противном случае его воспринимают как врага семьи" (Dulaure, "Des Divinités Génératrices", Paris, 1825, p. 400).

Среди чукчей Сибири "хорошо известен обычай использовать мочу обеих сторон в качестве возлияния во время церемонии; также и между конфедератами и союзниками, чтобы обещать друг другу и поклясться в вечной дружбе" ("В дельте Лены", Мелвилл, стр. 318).

Представление женщин знатным незнакомцам - знак дикарского гостеприимства, отмеченный во всем мире, но ни в одном другом месте не сопровождаемый таким своеобразным аккомпанементом; однако Мунго Парк уверяет своих читателей, что во время его путешествий по внутренним районам Африки среди мавров произошла свадьба, когда он спал. От дремоты его пробудила старуха с деревянной чашей, содержимое которой она высыпала ему в лицо, сказав, что это подарок от невесты.

Обнаружив, что это та же святая вода, которой, как говорят, священник хоттентотов окропляет новобрачных, он решил, что это озорная шутка, но ему сообщили, что это брачное благословение от самой невесты, которое в таких случаях всегда получают молодые незамужние мавры как знак особого расположения. См. также "Путешествия по Африке" Мунго Парка, Нью-Йорк, 1813, с. 109).

В браках хоттентотов "священник, живущий в краале невесты, входит в круг мужчин и, подойдя к жениху, мочится на него. Жених, получив струю, с готовностью растирает ее по всему телу и делает борозды длинными ногтями, чтобы моча проникала дальше. Затем священник идет к внешнему кругу и выливает немного мочи на невесту, которая втирает ее с

тем же усердием, что и жених. Затем священник возвращается к нему и, вылив еще немного, снова идет к невесте и снова разбрызгивает на нее свою воду. Так он переходит от одного к другому, пока не исчерпает весь свой запас, время от времени произнося каждому из них следующие пожелания, пока не произнесет их целиком на обоих: "Да проживете вы долго и счастливо вместе. Пусть у вас родится сын до конца года. Пусть этот сын будет утешением для вас в старости. Пусть этот сын окажется мужественным человеком и хорошим егерем"" - (Питер Колбейн, Путешествие к мысу Доброй Надежды, в Кнох, "Voyages", London, 1777, vol. ii. pp. 399, 400. Это утверждение Кольбейна цитирует Мальтебрун, Univ. Geog. vol. ii. статья "Мыс Доброй Надежды", но он также упоминает Турнберга, Спармана и Фостера в качестве авторитетов. Пинкертон, vol. xvi. pp. 89 и 141, также цитирует Тернберга по этому вопросу).

"Разве я не пил за ваше здоровье, не глотал драконов, не ел бокалы, не пил вино, не колот оружие и не совершал ради вас все приемы протестующей галантности?" - (Marston's "Dutch Courtesan", London, 1605; см. также сноску по тому же поводу в "Honest Whore", Thomas Dekkar, 1604, издание London, 1825. "Голландские лоскутные драконы", "Здоровье в моче". См. также "Новый способ поймать старого", Томас Миддлтон, 1608 г., изд. Rev. Alex. Дусе, London, 1840; сноска к вышеприведенному: "Питье здоровья в моче было еще одним и более отвратительным подвигом галантности". Опять же, о лоскутных драконах см. в "Аллее баранов" Людовика Барри, 1611, изд. Лондон, 1825).

В "Тайной истории принца Крока Этрона" М'лль Лобер, Париж, 1790, принца Констипати развлекает принцесса Клистерина; "elle lui donna de la limonade, de la façon d'Urinette" (p. 17).

У Бранда есть очень интересная глава, озаглавленная "Питье вина в церкви во время бракосочетания", в которой рассказывается, что среди народов с самой высокой цивилизацией очень распространен обычай, когда невеста, жених и приглашенные гости пьют из чаши или потира, наполненного каким-либо интоксикантом; в Англии, стране, где никогда не выращивали виноград, этим напитком является вино; в Ирландии - виски. Бранд возводит его к готскому происхождению, но сам обращает внимание на разбивание винных бокалов во время брачной церемонии у евреев, из чего можно сделать вывод о еще большей древности.

"Сапожный пунш", моча с золой в ней.(Гроуз, "Словарь бакского сленга", Лондон, 1811).

"Одна прекрасная дама купалась в холодной ванне, и один из ее поклонников из галантности выпил немного воды" (Idem, статья "Тост").

"Нам сказали, что священник (у хоттентотов) непременно произносит брачное благословение, окропляя жениха и невесту своей мочой" (лейтенант Кук, R. N., в "Путешествиях Хоксуорта", Лондон, 1773, т. iii. с. 387).

Подобные утверждения можно найти в трудах Хана и других голландских миссионеров, работавших с туземцами Южной Африки.

Зловредность колдовства, похоже, получала наибольшее удовольствие от тонких нападений на тех, кто только вступает в брак. К счастью, амулеты, талисманы и контрчары были под рукой у всех, кто в них нуждался. Самым лучшим из них считалось мочеиспускание через обручальное кольцо (см. Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 305).

Варианты этой практики бесчисленны, и на них ссылаются почти все древние авторы.

Бекерий сообщает своим читателям, что для противодействия последствиям колдовства, и особенно "Nouer l'Aiguillette"... "Si per nuptialem annulum sponsius mingat, fascina et Veneris impotentia solvetur, qua a maleficiis ligatus fuit."-("Med. Microcos." p. 66.)

"Если хочешь узнать, кто пострадал в своих интимных местах от колдовства, пройдишь по обручальному кольцу" (Reg. Scot, "Discoverie", p. 64).

"Si quis aliquo veneficio impotens ad usum veneris factus fuerit at quam primum mingat per annulum conjugalem."-(Frommann, "Tract. de Fascinat." p. 997.)

Этмюллер не верил, что ведьмы могут "nouer l'aiguillette"; он приписывал этот эффект излишней скромности; однако все упомянутые им средства, которыми нужно было помазать яички жениха, содержали в качестве ингредиента "Zibethum". (См. его "Opera Omnia", vol. i. p. 461 b, и 462 a.)

При потере мужественности Пауллини рекомендует выпить мочу быка, сразу после того как он покроет корову, и смазать лобок экскрементами быка; также помочиться через обручальное кольцо (стр. 152, 153).

Если же причиной импотенции стали ведьмы, жертва должна помочиться через обручальное кольцо сразу после того, как узнает о своем несчастье; он также советует помочиться на веник; человеческий ордури также эффективен. Или возьмите растение касторовое масло, положите его в горшок, добавьте немного мочи пациента, герметично закройте, медленно кипятите, а затем закопайте в безлюдном месте. Этим способом колдунов заставляют либо мочиться кровью, либо испытывать другие мучительные боли, пока они не избавят заколдованного" (Idem, pp. 264, 265.).

Этмюллер описывает еще одно "сочувственное" лекарство от этого недуга: Оно предписывало жениху поймать рыбу (латинское слово "lucium", означающее, вероятно, нашу щуку), насильно открыть ей рот, помочиться и бросить рыбу обратно в воду, вверх по течению; затем попытаться совокупиться, стараясь мочиться через обручальное кольцо, как до, так и после. "Si quis emat lucium piscem sexus masculini, huic per vim aperiatur os, et in os ejus immittatur urinam, maleficiati. Hic lucius ita vivus immittatur in fluvium, idque contra ejusdem cursum ... subito namque tollitur maleficium si non sit nimis inveteratum, etc.... probatum etiam fuit si sponsus ante copulationem etiam post eam mittat suam urinam per annulum sponsalitium quem acceperit a sponsa." Он приводит еще один способ лечения, во многом схожий с этим, но требующий, чтобы мочеиспускание через кольцо происходило на кладбище, когда пациент лежит на спине на надгробном камне. "A vetula suppeditato dum scil. in cimiterio quodam missit urinam per annulum cujusdam lapidis sepulchro incumbentis."- (Etmuller, vol. i. p. 462 a, 462 b.)

В это средство верят и практикуют крестьяне в некоторых частях Германии и по сей день. "Женатый мужчина, ставший импотентом из-за дурного влияния, может получить облегчение, сделав кольцо из большого и указательного пальцев и тайно помочившись через него" ("Sagen-märchen, Volkaberglauben, aus Schwaben", Drs. Birlinger and Buck, Freiburg, 1861, p. 486).

Гримм в своей "Тевтонской мифологии" (т. III) ссылается на "Nouer l'aiguillette", но ничего не добавляет к тому, что было изложено выше.

Среди крестьянства России, а также среди деревенского населения Англии существуют некоторые причудливые обычаи, связанные со свадьбой, которые могут возбудить любопытство антикваров. В первом случае происходит "окропление" водой, которую невеста

когда-то использовала для омовения; в другом - "продажа" невестой жидкости, которая является интоксикантом.

Свадебные обряды крестьян Самогитии: "Невесту в день свадьбы трижды водили вокруг камина ее будущего мужа; затем было принято мыть ей ноги, и той же водой, которая была использована для этой цели, окропляли постель невесты, мебель и всех гостей" (Maltebrun, "Univ. Geog.", vol. ii. p. 548, art. "Russia.").

Если вернуться к странице 60 этого тома, то можно увидеть, что королева Мадагаскара оказывала своим подданным такое же благодеяние. Это окропление водой, используемое выше, может быть продолжением прежней практики, в которой окропление проводилось мочой невесты.

"Bride-Ale, Bride-Bush и Bride-Stake - почти синонимичные термины, и все они происходят от обстоятельства продажи невестой эля в день свадьбы, за что она получала, в качестве взноса, любую красивую цену, которую друзья, собравшиеся по этому случаю, решали заплатить ей за него". (Brand, "Pop. Ant.", vol. ii. p. 143, art. "Bride-Ales.") В этой статье он представляет историю из Мунго Парка, уже приводившуюся на этих страницах, и, похоже, подозревает, что описанный выше обычай может иметь весьма неблагоприятное происхождение.

Происхождение английского слова "bridal" очень туманно; Фосброк говорит, что слово "bride-ale" происходит от того, что невеста продавала эль в день свадьбы, а подружки вносили за него то, что им нравилось ("Cyclop. of Antiq.", vol. ii. p. 818, в разделе "Marriage" and "Bride-Ales.").

Латинское название пива или эля было "cerevisia", что, по-видимому, является производным от имени богини. Возможно, в более ранние века это был напиток, посвященный этой богине, использовавшийся в ее возлияниях и считавшийся священным средством для достижения состояния опьянения, которое у всех народов считалось священным. Реклю рассказывает, что до сих пор есть народы, которые считают своих пивоваров жрецами, а есть и такие, которые возводят в этот сан своих молочниц: "Les Chewsoires du Caucase ont leurs prêtres brasseurs; les Todas des Neilgherries leurs divins fromagiers."-("Les Primitifs", p. 116, статья "Les Inuits Occidentaux.")

Хэзлитт упоминает случай, когда феи, устроив шуточное крещение и не имея под рукой воды, воспользовались крепким пивом ("Fairy Tales", London, 1875, p. 385).

Пиво, по-видимому, может претендовать на столь же древнее происхождение, как и алкоголь; оно упоминается в священных книгах буддистов Тибета: "La Bière d'hiver (dguntchang)" ("Пратимокша Сутра", перевод В. В. Рокхилла, Париж, 1885, Société Asiatique).

XXXII. ПАРТУРИЦИЯ.

Для лечения бесплодия Плиний говорит, что "авторитетные авторы... рекомендуют применять пессарий из свежих экскрементов, извергаемых младенцем в момент его рождения". Моча евнухов считалась "весьма полезной как средство, способствующее плодovitости у женщин" (Lib. xxviii. cap. 18.).

"Ястребиный помет, размешанный в медовом вине, кажется, делает женщин плодовитыми" (Idem, lib. xxx. c. 44.).

"Ut mulier concipiat, infantis masculi stercus quod primum enatus emittet, suppositum locis mulieris conceptionem facit et præstat."- (Sextus Placitus, "De Medicamentis ex Animalibus", Lyons, 1537, страницы не пронумерованы, статья "De Puello et Puella Virgine.")

Шуриг рекомендует прикладывать бычий помет к половым органам женщин для облегчения беременности. ("Chylologia", vol. ii. p. 602.) Женщина пила свою собственную мочу, чтобы облегчить боли при беременности. (Idem, p. 535.) В томе ii. p. 712 описывается метод вызывания зачатия с помощью ванны из мочи, вылитой на ржавое старое железо. Мышиный помет применялся в качестве pessaria при беременности. (Idem, pp. 728, 729.) Ястребиный помет, выпитый женщиной перед соитием, страховал зачатие. (Idem, p. 748.) Гусиный или лисий помет, которым натирали срамную область женщины, способствовал зачатию. (Предполагалось, что помет леопарда также способствует зачатию; из него делали пастилки и окуривали ими половые органы; или вставляли pessarium и держали его на месте три дня и три ночи: "Ea quamvis antea sterilis fuit, deinceps tamen concipiet."- (Idem, p. 820.)

Однако Шуриг предупреждает своих читателей, что при использовании подобных средств следует соблюдать осторожность. Он приводит пример женщины, которая прикладывала навоз волка к своим интимным частям, и вскоре после рождения ребенка обнаружила, что он обладает волчьим аппетитом" (Idem, lib. i. cap. 1, статья "De Bulimo Brutorum", p. 24).

"Когда дамы хотят узнать, есть ли у них энцеит, Пауллини советует им помочиться в глиняный сосуд, в который брошена игла. Пусть она постоит ночь; если игла покроется маленькими красными пятнышками, женщина энцеитна; если же она станет черной или ржавой, то нет. Чтобы определить, будет ли у нее сын или дочь, выкопайте две небольшие ямы; в одну положите ячмень, в другую - пшеницу; пусть энцеитка помочится в обе; затем засыпьте сосуды землей; если пшеница прорастет первой, будет сын; если ячмень прорастет раньше пшеницы, будет дочь" (Paullini, p. 163.).

Или: бросьте горошину в каждую порцию мочи; тогда та горошина, которая прорастет первой, и т. д. и т. п. "Aut injiciatur lens in unius cujusque urina et cujus efflorescit, ille culpa caret", - это метод, предложенный Даниэлусом Бекхериусом ("Med. Microcos. aut Spagyria Microcosmi", pp. 60, 61, цитируя еще более древние авторитеты).

Он дает еще один план: "Если вы хотите определить, будет ли женщина рожать детей, вылейте немного ее мочи на болотные мальвы; если на третий день они окажутся сухими, она не забеременеет". "Si explorare volueris, utrum mulier ad concipiendam sit idonea, tunc super malvam sylvestram urinam ejus funde; si ille tertio die arida fuerit, omnino minus idoneam illam habeto."- (Idem, p. 61.)

Пауллини призывает принимать экскременты коз, ястребов, лошадей, гусей и мочу верблюдов для лечения бесплодия (p. 161).

Те же самые средства приводятся Бекхериусом и еще более древними авторами.

Английские женщины в некоторых местностях пили мочу своих мужей, чтобы помочь им в час родов.

"В сборнике под названием "Силон, или Лес" (стр. 130) мы читаем, что "несколько лет назад в этой же деревне роженицы пили мочу своих мужей, которые все это время стояли, как я видел коров в Сент-Джеймском парке, напрягаясь, чтобы дать как можно больше"" - (Бранд, "Популярные древности", Лондон, 1849, том iii. Статья "Леди в соломе").

"Mariti urina hausta partum difficilem facilitare dicitur."-(Etmuller, vol. ii. p. 265, Schroderi, "Dilucidati Zoölogia").

О том, как беременная женщина пила собственную мочу, можно прочесть у Шурига (стр. 45), ст. "De Pica".

С той же целью пили теплую мочу мужа: "Scil. Hartmannus commendat ut difficiliter pariens libat haustum urinæ mariti sui et ita si hic fuerit genuinus fœtus parientam illam ex parti solvi putat; ast si urinæ aliquid subest erit illud sali volatili ad morem aliorum omnium volatilium, attribuendum." (Etmuller, vol. ii. pp. 171, 172.) Здесь моча мужа используется не только как лекарство, но и как проверка верности жены.

Джон Монкриф предписывает для облегчения зачатия вводить во влагалище пессарий, компонентом которого должен был стать заячий помет. Лошадиный помет, выпитый с водой, помогал женщине при родах" ("The Poor Man's Physician", Edinburgh, 1716, p. 149).

"Ut mulier post partum in secundis non laboret, de lotio hominis subtiliter gustet et secundæ statim sequentur."- (Sextus Placitus.)

Диоскорид назначал как человеческий орду, так и помет стервятника для изгнания плода ("Materia Medica", издание Kuhn, vol. i. p. 232 и далее).

Гусиный помет, в дозах для внутреннего употребления, был прописан Плинием для той же цели.

Но навоз слона или менструальная кровь препятствуют зачатию, согласно Авиценне: "Impregnationem prohibent ... stercus elephantis", vol. i. p. 390, b 11; "Impregnationem prohibent ... sanguis menstruus, si supponatus."- (Vol. i. pp. 330, a 35, 388, b 50.)

При несчастных случаях с беременными женщинами наружно применяют кроличий помет; при выкидышах - мужскую мочу, внутренне; выделения львиц, ястребов и кур, внутренне; лошадей и гусей, наружно и также внутренне; голубей и коров, наружно. При послеродовых болях - собственная моча пациента, наружно; или экскременты кур, внутренне.

Шуриг рекомендовал использовать львиный помет внутрь в случаях трудных родов ("Chylologia", p. 819).

Этмюллер говорит о секундинах: "In partu difficili nil est præstantius" (p. 270).

Плиний и Гиппократ рекомендовали ястребиный помет для лечения бесплодия и для помощи в изгнании плода при родах; его следовало запивать вином; их рецепт скопирован Этмюллером: "Hippocrates et Plinius ad sterilitatem emendandam propinant."- (vol. ii. p. 285).

Для изгнания мертвого плода Плиний рекомендовал окуривание конским навозом (Lib. xxviii. c. 77.).

А Секст Плацит говорит: "Similiter, mortuum etiam partum ejicit. Idem facit ut mulier facile pariat si totum corpus suffumigaveris claudit et ventrem."- (Cap. "De Equo.")

Этмюллер советует использовать эти фумигации для помощи в изгнании плода и последа; во всех подобных случаях следует также принимать отвар навоза, который, по его мнению, полностью равен навозу собак или ласточек" (Vol. ii. p. 263.).

Одна роженица в Нью-Гэмпшире пила мочу своего мужа в качестве мочегонного средства сорок или пятьдесят лет назад.

Флемминг - еще один человек, который рекомендует пить мочу мужа для облегчения родов: "Porro, in partu difficili, urinam mariti calidam calido haustam esse" (p. 23).

"Ванночку с мочой держали над головой роженицы, чтобы отгонять всевозможные дурные влияния" (Генри Ринк, "Сказки и традиции эскимосов", Эдинбург, 1875, с. 55).

"Гомез" (который является "нирангом" или мочой быка) предписывалось пить в качестве очистительного возлияния женщине, у которой случился выкидыш (см. Фаргард В. Авендидад, Зендавеста (перевод Дарместера), издание Макса Мюллера. "Священные книги Востока", Оксфорд, 1880, с. 62). "Она должна выпить гомез, смешанный с пеплом, три чашки его, или шесть, или девять, чтобы омыть могилу в ее чреве..... Когда пройдут три ночи, она должна омыть свое тело, она должна омыть свою одежду, с гомезом и с водой у девяти отверстий, и таким образом она будет чиста." (Idem, pp. 63, 90.)

"С нежной солидностью добрые женщины накладывают на темя работающей женщины содержимое одного горшка для укрепления, говорят они" ("Les Primitifs", Elie Réclus, p. 43; "Les Inuits Orientaux").

"Комментарии Бернара Провинциала сообщают нам, - говорит Даремберг, - что некоторые обычаи, не только суеверные, но и отвратительные, были распространены среди доктрин Салерно; например, одна из них заключалась в том, чтобы есть самим, а также заставлять своих мужей есть экскременты осла, поджаренные в печи, чтобы предотвратить бесплодие." - ("Врачи Средневековья", Минор, Цинциннати, Огайо, стр. 6, перевод из книги Дюпуи "Медицина Средних веков").

Мистер Хэвелок Эллис обращает внимание на использование коровьей мочи после заключения женщинами чеченских Кавказа. См. также разделы "Колдовство", "Терапия", "Гадание", "Амулеты и талисманы", "Лечение трансплантацией", "Церемониальные обряды".

ПОБЕДА.

Пример использования писсуара в связи с отлучением от груди см. на [стр. 211](#).

XXXIII.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ВОИНЫ - КОНФИРМАЦИЯ.

Достижение юношами возраста мужественности - событие, которое у всех примитивных народов отмечалось особыми церемониями; в ряде случаев для этого использовались, например, ордура и моча: Обряды, связанные с этим событием в жизни австралийских воинов, хранятся в глубокой тайне, но среди немногих узнавших есть факт, что неофита "штукатурят козьим навозом" (см. "Аборигены Австралии", A. Brough Smyth, Лондон, 1878, т. i. стр. 59, сноска).

В некоторых районах Австралии, по словам Смита, юноша четырнадцати или пятнадцати лет должен был пройти обряд "Тид-бут", во время которого его голову брили и покрывали грязью ("голову затем мазали глиной"), "а тело мазали глиной, грязью, древесным углем, порошком и всякой грязью". (Смит ранее указывал козий навоз). "Он несет под мышкой корзину, в которой находятся влажная глина, древесный уголь и грязь..... Он собирает грязь на ходу и кладет ее в корзину" (Idem, vol. i. p. 60.).

Молодой адепт бросает эту грязь во всех встречаемых мужчин, но не в женщин и детей, поскольку их предупредили держаться подальше от его пути. Таков рассказ Смита, но Фезерман, от которого Смит получил свою информацию, не делает никаких подобных ограничений в своем тексте, просто указывая, что молодой человек считался "отлученным от церкви де-факто". (См. A. Featherman, "Social History of the Races of Mankind", 2d Division, London, 1887, p. 152.) Но, как бы то ни было, несомненно, примечательно наткнуться на аналог одной из процедур Праздника дураков в столь отдаленном уголке земного шара.

"Среди многих племен церемония введения туземца в мужское состояние, как говорят, сопровождается некоторыми ужасными и отвратительными практиками" ("The Nat. Tribes of S. Australia", Adelaide, 1879, Introduction, xxviii, получено благодаря любезности Королевского общества Сиднея, штат Северный Уэльс, секретарь Т. Б. Кингдон).

"Чтобы привить мальчикам мужество, воин Керкетегеркай брал глаз и язык мертвеца (возможно, убитого врага) и, измельчив их и смешав со своей мочой, вводил состав следующим образом. Он велел мальчику закрыть глаза и не смотреть, добавив: "Я даю тебе надлежащий кайкай" ("кайкай" - привнесенное слово, на английском жаргоне обозначающее еду). Затем воин вставал позади сидящего юноши и, положив руку последнего между своих ног, кормил его. После этой дозы "сердце вдоль, мальчик не бойся"" (A. C. Haddon, "The Ethnography of the Western Tribes of Torres Straits", in Journal of the Anthrop. Institute, Great Britain and Ireland, xix. no. 3, 1890, p. 420. Получено благодаря любезности профессора X. К. Хеншоу, U. S. Geol. Survey, Washington, D. C.).

"Некоторые другие обычаи настолько непристойны и отвратительны, что я должен, даже рискуя оставить свою тему незавершенной, обойти их, лишь кратко упомянув о них" ("Nat. Tr. of S. Australia", p. 280).

Монье Уильямс повторяет почти то же, что Мюллер говорит о парсах. Молодой парси проходит своего рода конфирмацию, во время которой "его заставляют выпить небольшое количество мочи быка" ("Современная Индия", Лондон, 1878, с. 178).

СТРАШНЫЙ ОБРЯД ХОТТЕНТОТОВ.

Религиозный обряд еще более страшного значения происходит среди того же народа при посвящении юношей в воины - церемония должна быть отложена до тех пор, пока посвящаемый не достигнет восьмого или девятого года жизни. Она заключается, главным образом, в лишении юноши левого яичка, после чего знахарь выливает на него свою мочу[67].

"В возрасте восьми или девяти лет молодого хоттентота с большой церемонией лишают левого яичка". (Kolbein, p. 402.) Он ничего не говорит об отсасывании мочи в этом случае, но на следующей странице он рассказывает, что сначала звучит проповедь одного из стариков, который после этого "выливает на него дымящуюся струю мочи, предварительно запасшись водой для этой цели". Юноша принимает струю с готовностью и радостью, и, делая борозды длинными ногтями в жире на своем теле, втирает соленую жидкость с наибольшей

быстротой. Старик, дав ему последнюю каплю, произносит вслух следующее благословение: "Удача сопутствует тебе; живи до старости. Приумножайся и размножайся. Пусть твоя борода поскорее вырастет" (Idem, p. 403.).

"Молодой хоттентот, завоевавший репутацию героя, убив льва, тигра, леопарда, слона и т. д., имеет право носить в волосах пузырь; его официально поздравляет весь его крааль. Один из знахарей подходит к герою и обливает его с головы до ног обильной струей, произнося над ним какие-то термины, которые я так и не смог объяснить. Герой, как и в других случаях, с величайшим рвением втирает дымящуюся струю в лицо и все остальные части тела" (Idem, p. 404.).

Преподобный Теофилус Хан цитирует Колбейна в "Beiträge für Kunde der Hottentoten", в Jahrbuch für Erdkunde, von Dresden, 1870, p. 9, как передал доктор Гатчетт из Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия. О церемонии инициации у хоттентотов, когда молодого воина окропляют мочой, читайте в "Путешествиях" Пинкертон, т. xvi. стр. 89 и 141, где есть цитата из "Рассказа о мысе Доброй Надежды" Тернберга. См. также Мальтебрун, "Univ. Geog.", т. ii. статья "Мыс Доброй Надежды".

Индейцы Калифорнии давали мочу новорожденным детям. "Во время родов существовало много необычных наблюдений; например, старухи обмывали ребенка, как только он рождался, и пили воду; несчастного младенца заставляли пить мочу в лечебных целях" (Bancroft, H. H. "Native Races", vol. i. p. 413).

Форлонг утверждает, что во время наделения индийского мальчика священной нитью "огонь разжигается с помощью помета священной коровы" ("Реки жизни", Лондон, 1883, т. i. с. 323).

Ценная информация была также получена от мистера Эдварда Палмера из Брисбена (Квинсленд, Австралия), особенно в отношении племени калкадун близ Клонкурри, которые являются одними из тех, кто разделяет уретру.

Для того чтобы воспитать эскимосского ребенка "больным гневом-лартугом", то есть "человеком, воспитанным особым образом, с целью приобретения определенной способности, с помощью которой его можно было бы вызвать к жизни и вернуть на сушу, если он утонет", "для этого мать должна была соблюдать строгий пост, а ребенка приучить к запаху мочи" (Rink, "Tales and Traditions of the Eskimo", p. 45).

Реклюс говорит о ребенке-инуите, отобранном для обучения анжекокскому языку: "Когда она родилась, ее маленькую кроху обрабатывают мочой таким образом, чтобы запечатлеть в ней ее характерные черты; это, конечно же, ее родная вода. Ailleurs, la barbe, la chevelure, l'entière personne des rois et sacrificateurs sont ointes d'huile prise dans de saintes ampoules; ailleurs, elles sont beurrées et barbouillées de bouse soigneusement étendue."-("Les Primitifs," p. 84, "Les Inuits Occidentaux.")

Для посвящения в колдуны: "В Гессене постулант помещается над окуривателем, произнося магические формулы, и пичкает крапа с помощью голубого батона, который затем бросает в воду" ("La Fascination", J. Tuchmann, в "Mélusine", Paris, July-August, 1890, p. 93).

"Я склоняюсь к убеждению, что все эти обряды - пережитки или оскверненные остатки практики кровного завета, в котором причастие друг друга (тем, что является частью его самого) является формой завета, посредством которого два человека становятся одним целым. Известно ли вам, что привычка давать мочу здорового ребенка новорожденному младенцу до сих пор преобладает среди деревенских медсестер в Новой Англии, если не в других странах Америки? Я могу лично засвидетельствовать этот факт на основе абсолютного

знания. Примечательно, что древнееврейское слово *chaneeek*, которое переводится как "обученный" или "посвященный" и используется в пословице "Обучай ребенка" и т. д., имеет в качестве корня-идеи (как показано в соответствующем арабском слове) "открытие пищевода" у новорожденного ребенка, начало его новой жизни. У некоторых примитивных народов таким образом младенцу дается свежая кровь, как дополнительная жизнь; в других случаях это моча" (личное письмо преподобного Х. К. Трамбулла, редактора "Sunday-School Times", Филадельфия, 19 апреля 1888 г.).

"Жречество ложных богов передается по наследству в семье..... Другие могут быть введены в корпус жрецов-фетишистов, но им придется дорого заплатить за эту честь..... Каждое утро перед восходом солнца и каждый вечер на закате претенденты слышали хоровое пение, которым руководила старая жрица-фетишистка". Эти церемонии посвящения "длятся несколько дней..... Смятые волосы, которые у одних сбриваются полностью, а у других только с макушки, обливание люстральной водой, наложение нового имени."-("Фетишизм", Rev. P. Baudin, New York, 1885, pp. 74, 75.)

"Один наблюдатель обычаев чернокожих заявил в журнале Лондонского антропологического общества, что в районе реки Хантер в Новом Южном Уэльсе катехумены во время некоторых церемоний Бора должны есть ордур; но я провел тщательные расследования в той же местности и в других местах, но не нашел ничего, что подтвердило бы его заявление. Аналогично, в одном из районов Квинсленда говорят, что негры, будь то в Бора или нет, делают в глинистой почве отверстия, похожие на чашки, собирают в них свою мочу и потом пьют ее. Последнее утверждение может быть правдой, но я никогда не мог подтвердить его информацией от тех, кто знает. Однако различные соображения заставляют меня считать возможным, что наши негры, по крайней мере в некоторых местах (поскольку их обычаи не везде одинаковы), могут использовать ордур и мочу таким образом, думая, что злой дух будет умиловлен тем, что они съедят в его честь то, что он сам с удовольствием ест; точно так же как в Северо-Западной Индии можно увидеть верующего, который ходит с телом, покрытым человеческим навозом в честь своего бога. И у наших негров есть все основания стараться всячески умиловить этого нечистого духа (Гунунгдхукхья), поскольку они верят, что он может войти в их тело и, поселившись в брюшной полости, питаться там самым скверным содержимым, вызывая тем самым судороги, припадки, безумие и другие серьезные расстройства. Неарийское население Индии имеет схожие верования; среди дьяволопоклонников Западной Индии есть злобные духи, называемые бхутами, которые по своим повадкам похожи на гунунгдхукхья. Они тоже причиняют зло, овладевая телом, и с удовольствием пожирают людей; они тоже живут в пустынных местах, особенно среди высоких деревьев. Они принимают облик людей и животных, рыщут по местам захоронений и поедают туши" (личное письмо Джона Фрейзера, доктора философии, от 24 декабря 1889 года, Сидней, Новый Южный Уэльс).

Этот корреспондент уловил суть любопытного поведения пророка Иезекииля и других людей. Веря, как считали в их время, что божества едят экскременты, почему бы им, представителям богов, не есть их тоже? И если бог входит в тело человека, чтобы питаться экскрементами, почему бы жертве не накормить его тем, что так приемлемо, и, насытившись, избавить себя от боли?

См. в разделе "Военные обычаи" об использовании напитка *уисокан* индейцами Виргинии в церемониях посвящения.

См. раздел "Испытания и наказания", стр. 254, о вере австралийцев.

ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ - ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ.

Примечательно, что мы не можем привести ни одного примера использования экскрементов в военных обычаях; не потому, что не подозреваем об их существовании, а потому, что в столь важных случаях знахари, которые присваивают себе столь большое значение во всех военных делах, естественно, будут более тщательно скрывать свои представления от нечистых глаз. Есть мало оснований сомневаться в том, что более полное исследование будет вознаграждено новыми фактами, представляющими дополнительный интерес и ценность.

Когда голландцы осаждали Батавию на острове Ява в 1623 году, туземцы мазали себя человеческими экскрементами, по всей вероятности, с какой-то смутной религиозной целью, - "a 1629, in obsidione Batavos obsessos, in defectu aliorum ad defensionem necessarium requisitorum hostes suos Indos stercore humano ex cloacis collecto, ollisque in ipsorum nuda corpora coniecto, fugasse."-("Chylologia", p. 795.)

"Малайцы пользуются мочой, чтобы выпить свои знаменитые крысы. Ils enfoncent ces poignards dans la terre, et pendant un certain temps, ils viennent uriner de manière que cette terre soit toujours imbibée d'urine."- (Личное письмо от доктора Бернара, Канн, Франция, от 7 июля 1888 года).

Против того, что в Средние века называли "магической непроницаемостью", человеческая моча была в большом почете. Меч или "мачете" человека, подвергшегося нападению такого противника, должен быть натерт свиным навозом. Но пусть Шуриг сам расскажет свою историю: "Scilicet, priusquam cum adversario hujus rei suspecto congregiaris, cuspis machææ vel gladii, stercore suillo infigatur; vel si eminus agendum, globuli bomberdis infarciendi per sphincterem ani ducantur; quod certissimum dicitur antidotum contra hanc non minus quam Diaboli Incantationes."-("Chylologia", p. 791, par. 64.)

Фромман утверждает, что оружие может быть заколдовано так, что оно может причинить вред; но он не упоминает в этой связи ни человеческие, ни животные выделения" ("Tract. de Fascinat.", p. 654).

"Dum gladio quo vulnus fuit inflictum sive cruento sive non cruento applicatur unguentum quod vocant magneticum armarium quo curatur vulnus." (Etmuller, vol. i. p. 68.) Эта магнитная мазь была сделана из человеческой мочи.

См. также стр. 298 этого тома.

"Скифы предпочитают кобыл для военных целей, потому что они могут спускать свою мочу, не останавливаясь в пути" (Плиний, lib. viii. cap. 66).

Черный напиток" у криков и семинолов - это слабительное и слабительное средство несколько жестокого характера. Его употребляли воины этих племен, когда собирались выйти на тропу войны или принять участие в важных совещаниях. (См. диссертацию Корнуоллиса Клея о семинолах Флориды в "Ежегодном отчете Бюро этнологии", Вашингтон, 1888 г.).

Черный напиток" криков изготавливался из *Iris Versicolor* (естественный порядок, *Iridacæa*), "активного эмето-катартического средства, в изобилии произрастающего в болотистой местности по всему Южному штату" (см. Бринтон, "Мифы Нового Света", Нью-Йорк, 1868, стр. 274).

Беве́рли упоминает "безумное зелье", "Wysoccan", используемое индейцами Виргинии во время "церемонии посвящения под названием Huskansaw, которая происходила каждые шестнадцать или двадцать лет", которое он называет "водой Лета", и при употреблении которого они "полностью теряют память обо всем прежнем, даже о своих родителях, своих сокровищах и своем языке". - ("Золотая ветвь", т. ii. с. 349, цит. по Beverly's "History of Virginia", London, 1722, p. 177).

О военных обычаях самоанцев см. в разделе "Оскорбления", с. 256. См. также "Катамания"; "Колдовство".

XXXIV. ОХОТА И РЫБАЛКА.

Африканский охотник, преследуя дичь, например слонов, помазывает себя "со всех сторон их навозом" (отец Меролла в книге Пинкертон "Путешествие в Конго", т. xvi. с. 251). По его словам, это делается для того, чтобы обмануть животное запахом.

Плиний рассказывает, что в Гераклее деревенские жители травили пантер аконитом. Но у пантер хватило ума понять, что человеческие экскременты являются противоядием. (И снова в lib. viii. с. 41 он рассказывает о том, как пантера, отравленная аконитом, вылечилась, съев человеческие экскременты. Зная об этом, крестьяне подвешивают человеческие экскременты в горшке так высоко в воздухе, что пантера изнуряет себя прыжками, чтобы добраться до них, и тем быстрее умирает.

Шуриг ("Chylologia", p. 774) приводит эту историю, но заимствует ее у Клавдия Эмилиана, а также у Плиния.

Оленьи чукчи притворяются, что у них течет моча, чтобы поймать животных, которых они хотят использовать в своих упряжках. Олени, лошади и крупный рогатый скот сибирских племен очень любят мочу, вероятно, из-за содержащейся в ней соли, и когда они видят человека, выходящего из хижины, как будто для облегчения мочевого пузыря, они следуют за ним, причем так близко, что он находит эту операцию не слишком приятной.

"Эскимосы Земли короля Уильяма и прилегающего полуострова часто ловят диких северных оленей, выкапывая яму в глубоком снегу и покрывая ее тонкими блоками снега, которые ломаются под весом животного. Затем с нескольких сторон прокладывают мочальную линию, ведущую к центру крышки ямы, где в качестве приманки накапливается снег, пропитанный мочой собаки. Таким образом, одно или несколько животных приводятся к гибели" (личное письмо исследователя Арктики У. Х. Гилдера, датированное Нью-Йорком 15 октября 1889 г.).

"Собаки эскимосов так же любят экскременты, особенно в холодную погоду, и когда житель Арктики хочет облегчиться, он считает необходимым взять хлыст или палку, чтобы защититься от энергии голодных собак. Часто, когда мужчина хочет побудить свою собачью упряжку к большим усилиям, он посылает жену или одного из мальчиков бежать впереди, а когда они оказываются на расстоянии, опускаться и делать вид, что облегчается. Таким образом, собаки подстегиваются к яростным усилиям, а мальчик бежит дальше, чтобы повторить иллюзию. Это никогда не приводит к желаемому результату, как бы часто это ни повторялось".

"Я знаю только одно суеверное использование экскрементов - то, когда крючки помещались вокруг некоторых из них перед началом рыболовных заклинаний". ("Маори Новой Зеландии", Э. Трегир, в "Журнале Антроп. Institute", London, 1889.) Это имеет очень близкое сходство с некоторыми способами использования коровьего навоза в Индии.

Жители Анголы, западного побережья Африки, собираясь на охоту, тщательно собирают помет слонов, антилоп и других диких животных и отдают их знахарю, который делает из них магический состав и помещает его в рог. Затем он служит амулетом и обеспечивает успех на охоте" ("Мухонго", африканский мальчик из Анголы; перевод преподобного г-на Шателена).

XXXV.

ГАДАНИЕ.- ЖЕНЩИНЫ.- СНЫ.

Среди древних существовал метод гадания по экскрементам (см. "Scatomancie" в Bib. Scat. p. 28).

"Гауле в своей книге "Маги-астроманты, поставленные и озадаченные" (стр. 165) перечисляет несколько видов гаданий". (Далее следует список из пятидесяти трех видов.) Один из перечисленных видов - "спаталомантия, по коже, костям, экскрементам" (Brand, "Pop. Ant.", pp. 329, 330).

В "Rhudhiradhyaya, or Sanguinary Chapter", переведенной с Калика Пурана, в 4-м томе "Asiatic Researches", 4th ed., London, 1807, говорится следующее в отношении человеческих жертв: "Если во время представления крови жертва выделяет фекалии или мочу, или поворачивается, это указывает на верную смерть жертвователя".

У перуанцев был один класс волшебников (т.е. знахарей), которые "предсказывали судьбу по маису и овечьему навозу" ("Басни и обряды инков", падре Крестоваль де Молина, перевод Клемента К. Маркхэма, Hakluyt Society Transactions, London, 1873, vol. xlviii., p. 14. Молина жил в Куско в качестве миссионера с 1570 по 1584 год).

"Les Nachus (подразделение перуанского священства) консультировали будущее с помощью зерен маиса или экскрементов животных" (Balboa, "Histoire de Pérou", p. 29, в Ternaux, vol. xv.).

См. также книгу Д. Г. Бринтона "Мифы Нового Света", Нью-Йорк, 1868, стр. 278, 279.

Дюканж, перечисляя языческие суеверия, которые еще сохранялись в Европе в 743 г. н. э., упоминает о гадании или предсказании по помету лошадей, крупного рогатого скота или птиц: "De auguriis vel avium, vel equorum, vel boum stercoracibus." (Дюканж, Глоссарий, статья "Stercoraces.")

"Какой мудрый человек может подумать, что Бог доверит свои советы собаке, сове, свинье или жабе, или что он спрячет свои тайные цели в навозе или кишках зверей?" Рег. Скот ("Discoverie", p. 150), говоря о предзнаменованиях, к которым обращались испанцы, англичане и другие, отмечает: "Среди деревенских жителей Франции увидеть во сне орду считалось знаком удачи; точно так же, если мяч или что-либо, что человек несет в руке, падает в орду, это тоже было знаком удачи".

"Сон об ордуре означает, что кто-то попытается околдовать вас" ("Мухонго", мальчик из Анголы, Восточная Африка, в беседе с капитаном Бурком; перевод преподобного мистера Шателена).

Эта вера в хорошие или плохие предсказания, которые можно извлечь из снов об ордуре, была очень широко распространена. "Удача, или Удача. Ступать по сэру Почитанию; быть обманутым; намек на пословицу: "Sh-tt-n luck is good luck." ("Grose, Dict. of Buckish Slang", London, 1811).

"Поскольку утреннее солнце, или весна, выходит из темно-синей птицы ночи, мы можем понять популярное итальянское и немецкое суеверие, согласно которому, когда экскременты птицы падают на человека, это предзнаменование удачи. Экскременты мифической птицы ночи, или зимы, - это солнце" ("Zoöl. Mythol.", Angelo de Gubernatis, vol. ii. p. 176, London, 1872).

"Когда гороскоп индусского ребенка предвещает несчастье или преступление, он рождается снова от коровы, таким образом: его одевают в алое и привязывают на новое сито, пропускают между задними ногами коровы, вперед через передние ноги ко рту, и снова в обратном направлении, чтобы имитировать рождение; затем проводятся обычные церемонии рождения (орошение и т.д.), после чего отец обнюхивает своего сына, как корова обнюхивает своего теленка" (Frazer, "Totemism", Edinburgh, 1887, p. 33).

У французских крестьян считается, что если поставить ногу в навоз, то это означает приобретение богатства" (г-н У. У. Рокхилл).

Среди камчатцев, если ребенок родился в штормовую погоду, они считают это дурным предзнаменованием, и ребенок будет вызывать бурю и дождь, куда бы он ни пошел. Как только он вырастет и сможет говорить, они очищают его и умиротворяют небеса следующим способом: Во время сильного ветра и дождя ребенок должен ходить голым, держа высоко над головой чашку или раковину миту, вокруг острага и всех балаганов и собачьих хижин и произносить следующую молитву Биллукаю и его Камули: "Гсаулга, опустишь и перестань мочиться или бушевать; эта раковина привычна к соленой, но не к сладкой воде; ты делаешь меня очень мокрым, и я почти замерз до смерти; кроме того, у меня нет одежды; смотри, как я дрожу."- (Стеллер, перевод Буннемайера).

Гадание по моче, похоже, было вытеснено святой водой в "христалле". Шотландец, говоря о последнем способе, говорит: "Они берут стеклянный пузырек, наполненный святой водой, ... на горлышко пузырька или мочу" и т.д. - ("Discoverie", p. 188).

Среди детей в Соединенных Штатах и Англии, а возможно, и на европейском континенте, существует суеверие, согласно которому тот, кто сорвет одуванчик, пристрастится к привычке мочиться в постель во время сна. Автору не удалось выяснить происхождение этого любопытного представления или получить какое-либо его объяснение.

"Леонтодон. Одуванчик. Дети, которые едят его вечером, испытывают его мочегонное действие ночью, что является причиной того, что другие европейские народы, а также англичане вульгарно называют его piss-a-bed."- (Энциклопедия, Филадельфия, Пенсильвания, 1797, статья "Leontodon").

"Месье Ле Блан в своих "Путешествиях" утверждает, что в Ост-Индии используется следующий новый способ магического гадания, который мы так шутливо описываем в "Гудибрасе" Батлера.

"Ваш современный индийский маг

Делает лишь отверстие в земле, чтобы в него просочиться,

И прямо решает все вопросы с его помощью,

И редко оказывается прав".

(Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 331, статья "Divination").

Цицерон не упоминает о методе гадания по экскрементам, хотя, как показывают ссылки из "Bib. Scat." и Дюканжа, такие методы, должно быть, были в моде.

Камчатцы верят, что "если они облегчают природу во время сна, это означает гостей их народа" (Стеллер, перевод Буннемайера).

Монфокон говорит, что римские гаруспики "замечали в животных, которых приносили в жертву, не только внутренности в целом, но и желчный и мочевой пузырь в частности" ("L'Antiquité expliquée", lib. i. part 1, cap. 6).

См. выдержку из книги Гилдера "Поиски Шватки" в разделе "Церемонии погребения", стр. 262. См. "Колдовство", "Амулеты и талисманы", "Уриноскопия", "Девственность", "Стерильность", "Ухаживание и брак", "Деторождение".

XXXVI.

ИСПЫТАНИЯ И НАКАЗАНИЯ, ЗЕМНЫЕ И СВЕРХЗЕМНЫЕ.

Начиная эту главу, следует сказать, что клятва здесь будет рассматриваться как модифицированная форма древнего испытания, в которой клятвopреступник, если будет доказано, что он поклялся ложно, вызывает на себя муки земного или небесного испытания, которым в более древней форме цивилизации он был бы обязан подвергнуться в качестве предварительного испытания.

Во время кампании против сиу и шайенов в 1876-1877 годах автор узнал, что у сиу и ассинабойнов была форма присяги, когда присягающий держал в каждой руке по куску бизоньей щепы.

У индусов "иногда испытание сводилось к глотанию воды, в которой священник омывал изображение одного из божеств..... Иссинские негры не осмеливаются пить воду, в которую окунают фетишистов, когда те утверждают то, что не является истиной" ("Phil. of Magic", Eusèbe Salverte, New York, 1862, vol. ii. p. 123).

Раньше они могли пить мочу бога или жреца.

В "Domesday Survey", в рассказе о городе Честер, т. I. стр. 262, мы читаем: "Vir sive mulier falsam mensuram in civitate faciens deprehensus, IIII solid. emendab. Similiter malam cervisiam faciens, aut in Cathedra ponebatur stercoris, aut IIII solid. de prepotis." - (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 103, статья "Ducking Stool.").

"Утлый стул был законным наказанием. Нечестные пивовары и пекари также подвергались этому наказанию, и они должны были быть утоплены в стерляди в городской канаве." (Саути, "Commonplace Book", 1-я серия, стр. 401, Лондон, 1849).

В Лоанго, Африка, "когда человека подозревают в преступлении, его ведут к королю" и "заставляют выпить настой из корня, называемого "имбандо"... Достоинство этого корня в том, что, если его слишком много в воду, человек, который его пьет, не может опорожнить мочу..... Испытание состоит в том, чтобы выпить, а затем помочиться в доказательство своей невиновности." (См. "Adv. of Andrew Battell" в "Voyages" Пинкертонa, vol. xvi. p. 334).

В Сьерра-Леоне у туземцев есть любопытный обычай, которому они подвергают всех представителей своего племени, подозреваемых в отравлении. Они заставляют виновного выпить некую "красную воду; после этого в течение двадцати четырех часов ему не разрешается облегчать природу никаким опорожнением; и если он не сможет их сдержать, это будет считаться таким же веским доказательством его вины, как если бы он пал жертвой первого приема" (Lieutenant John Matthews, R. N., "Voyage to Sierra Leone," 1785, London, 1788, p. 126).

В индуистской мифологии "клеветники и оскорбители, растянутые на кроватях из раскаленного железа, должны питаться экскрементами" (Southey, "Commonplace Book", 1st series, London, 1849, p. 249). Он также ссылается на 2 Царств xviii. 27 и на Исаию xxxvi. 12.)

"D'après le système religieux de Brahme, la punition des calomnieux dans l'enfer, consiste à être nourris d'excréments."-(Majer. Dict. Mythol. en Allemagne, t. 2, p. 46; Bib. Scat., p. 12.)

Геродот рассказывает, что Ферон, сын Сесостриса, завоевателя Египта, ослеп и оставался таким в течение десяти лет.

"Но на одиннадцатый год к нему пришло прорицание из города Буто, в котором говорилось, что время его наказания истекло и он должен вернуть себе зрение, промыв глаза мочой женщины, которая совокуплялась только со своим мужем и не знала другого мужчины". Далее Геродот рассказывает, что Ферон безрезультатно пробовал мочу собственной жены и многих других женщин; в конце концов его вылечила моча женщины, которую он взял в жены; всех остальных он сжег до смерти ("Эвтерпа", часть ii. глава 3).

В "Секретной истории принца Крока Этрона", написанной М'лль Лобер, Париж, 1790, король Пто приказывает заживо похоронить принца Гадурда в ордуре - наказание, которое могло бы навести на мысль о знакомстве автора с браминской литературой, даже если бы она не призналась в этом в таких выражениях: "Жанр подавления, который не является чем-то новым, так как в соответствии с религиозной системой Брахмы наказание калометателей, находящихся в состоянии ада, состоит в том, чтобы питаться экскрементами".

Африканцы проходят испытание - "суеверное испытание, выпивая ядовитый муаве", который, по словам Ливингстона ("Zambesi", London, 1865, p. 120), вызывает только рвоту. Это может быть или не быть "красным напитком" лейтенанта Мэтьюса, о котором говорилось выше.

В разделе "Уборные" упоминается запрет, содержащийся в законах тибетских буддистов, на выбрасывание экскрементов на растущие растения и т. д. Рокхилл упоминает еще один случай, который можно привести здесь: "Если бхикшуни выбрасывает экскременты с другой стороны мур, не обращая на это внимания, то это пачиттия" ("Пратимокша Сутра", перевод В. В. Рокхилла, Soc. Asiatique, Париж, 1885).

В только что процитированных словах мы находим определение преступления как "пачиттия", или греха. Наказание за каждый грех или класс грехов было тщательно регламентировано и хорошо изучено в тибетских женских монастырях.

"Петушиный стул". "Место бесчестия... на которое раньше сажали ругающихся или безнравственных женщин в качестве наказания; ... то же самое, что "sedes Stercoraria" ("Народная этимология", Rev. A. Smythe-Palmer, Лондон, 1882). См. также Chambers's "Book of Days", vol. i. p. 211.)

У китайцев есть очень любопытный и очень страшный способ наказания: преступников определенных классов заключают в бочки или ящики, наполненные строительной известью, и выставляют на людную улицу под лучи полуденного солнца; Еда в изобилии находится в пределах досягаемости несчастных, но это соленая рыба или другие соленые продукты, со всей водой, необходимой для удовлетворения жажды, которую эта пища, безусловно, возбуждает, но в самом облегчении которой бедные преступники только увеличивают мучения, которые настигнут их, когда более обильное выделение из почек извести "ускорит" и сожжет их до смерти.

В знаменитой булле Эрнульфа, епископа Рочестерского, приведенной в "Тристраме Шэнди", преступник должен был быть проклят: "mingendo, cacando" (см. "Тристрам Шэнди", Лоуренс Стерн, изд. Лондон, 1873, т. i. стр. 188).

"Пост на хлебе и питье воды, оскверненной экскрементами птицы" входят в число дисциплинарных наказаний, приведенных в книге Фосброка "Монашество", Лондон, 1817, p. 308, примечание.

Этот образец монашеской дисциплины можно лучше понять, если читать между строк. Почитание куриного помета в религиозной системе кельтов до введения христианской религии можно было искоренить не более полным способом, чем сделав его использование предметом презрения и насмешек; история изобилует примерами, когда нас учат, что вещи, которые считаются наиболее священными в одном культе, являются теми самыми, на которые обрушиваются ярость и презрение со стороны сменяющего его культа. По этому поводу прочтите заметки из памфлета мистера Джеймса Муни, посвященные суевериям, связанным с использованием куриного помета среди ирландских крестьян.

"Я уже упоминал о жертвоприношении кельтов петухами; оно было и остается во всей Азии дешевой, распространенной и очень порочной заменой человека" ("Реки жизни", Форлонг, Лондон, 1883, т. ii. с. 274).

Мы можем сделать обоснованный вывод о том, что куриный помет, используемый ирландцами, является представителем и заменителем человеческого помета.

Пасхальный сезон, который сохранил и передал нам столько языческих обычаев, имеет среди своих суеверий одно, гласящее, что "каждый человек должен иметь какую-то часть своего платья новой в день Пасхи, иначе ему не будет сопутствовать удача в этом году". Другая поговорка гласит, что если это условие не будет выполнено, птицы могут испортить вашу одежду" (Brand, "Pop. Antiq." vol. i. p. 165, art. "Easter Day.").

Калмуки верят во множество мест будущего наказания, одно из них - "un de ces séjours est couvert d'une nuée d'ordures et de vidanges." (Pallas, Paris, 1793, vol. i. p. 552.) Эту веру прививают их ламы.

На литовском празднике, называемом "Сабариос", убивали и съедали птицу. "Кости давали собаке, чтобы она их съела; если она не съедала их все, останки хоронили под навозом в стойле для скота" ("Золотая ветвь", т. ii. с. 70).

В случае болезни "жителям деревни запрещается мыться в течение нескольких дней, ... и чистить свои горшки до восхода солнца" ("Центральные эскимосы", д-р Франц Боас, в Шестой ан. Rep. Bur. of Ethnol. Wash. D. C. 1888, p. 593.)

"Мы видели, что в современной Европе человек, который срезает, связывает или обмолачивает последний сноп, часто подвергается грубому обращению со стороны своих товарищей по работе. Например, его обвязывают последним снопом и в таком виде несут или везут, бьют, обливают водой, бросают на свалку и т. д." ("The Golden Bough", i. 367).

В некоторых частях Германии дурака карнавала хоронили под навозной кучей. (Idem, vol. i. p. 256.) Далее дается такое объяснение: "Захоронение представителя карнавала под навозной кучей естественно, если предполагается, что он обладает ускоряющим и оплодотворяющим влиянием, подобным тому, которое приписывается чучелу Смерти" (Idem, vol. i. p. 270).

"В Сиаме раньше был обычай в один из дней года выделять женщину, сломленную распутством, и проносить ее на тележке по всем улицам под музыку барабанов и хатбоев. Толпа оскорбляла ее и обливала грязью, а после того, как она пронесла ее через весь город, ее бросили на свалку. Они верили, что таким образом женщина притягивает к себе все вредоносные влияния воздуха и злых духов" (Idem, vol. ii. p. 196.).

В Суабии существует грубая игра в сбор урожая, в которой один из рабочих играет роль свиноматки; его преследуют товарищи, и если они его ловят, то "обращаются с ним грубо, бьют его, чернят или пачкают его лицо, бросают его в грязь..... В другое время его сажают в тачку..... После того как его прокатят по деревне, его бросают на навозную гору" (Idem, vol. ii. pp. 27, 28).

Негры Гвинеи твердо верят в теорию одержимости, и у них есть бог "Абику", который "поселяется в человеческом теле". Он обычно беспокоит маленьких детей, которые иногда умирают. "Если ребенок умирает, его тело бросают на кучу грязи, чтобы его сожрали дикие звери" ("Фетишизм", Боден, с. 57).

"Ирокезы открывали новый год в январе" "фестивалем сновидений..... Это было время всеобщего лицензирования..... Многие пользовались возможностью свести старые счета, избивая несносных людей, ... покрывая их грязью и горячим пеплом" ("Золотая ветвь", т. ii. с. 165, цит. по Charlevoix, "La Nouvelle France").

"Во время сбора урожая мадеры в голландской провинции Зеландия незнакомец, проходя мимо поля, где люди копают корни мадеры, "иногда окликает их: "Koortspillers" (термин, означающий упрек). На это двое самых ловких бегунов пускаются за ним в погоню, и если они его настигают, то возвращают его на поле и закапывают в землю по меньшей мере до середины, все время над ним издеваясь; затем они облегчают природу перед его лицом" (Idem, vol. i. p. 379).

"Существует старое суеверие, что, ослабляя природу на месте совершения грабежа, грабители на определенное время защищают себя от преследования..... Поэтому тот факт, что копатели мадеры прибегают к этому действию в присутствии незнакомца, доказывает, что они считают себя грабителями, а его - ограбленным человеком" (Idem, p. 380.).

В связи с вышесказанным заслуживает внимания следующее: "Почтение. Древний обычай, обязывающий любого человека, стоящего у шоссе или тротуара, при слове "почтение", произнесенном пассажиром, снимать шляпу зубами и, не сходя с места, бросать ее через голову, отчего она часто падает в экскременты. Это считалось наказанием за нарушение деликатности. Человека, отказавшегося подчиниться этому закону, могли толкнуть в спину. Отсюда, возможно, и термин "сэр-вежливость" (Grose, "Dict. of Buckish Slang.").

Более вероятно, что эта практика была связана с боязнью колдовства или сглаза незнакомца; вряд ли можно поверить, что крестьяне, жившие в эпоху, когда высшие классы принимали гостей на приемах у постели, в "руэллах" или в "кабинетах аисанс", были бы щепетильны в пустяковом деле, о котором только что говорилось.

В Японии "Когда кто-нибудь из этих сводников умирает... их тела бросают на свалку" (Джон Сарис, в Purchas, i. 368, 1611 г. н.э.).

"Хитрости фейри по имени Пах". "Я вытираю ей лицо, если оно чистое, но если оно занозистое, я мою его в ближайшем горшке с водой, который смогу найти" ("Жизнь Робина Гудфеллоу", Black Letter, Лондон, 1628, в Hazlitt's "Fairy Tales", Лондон, 1875, стр. 205).

Но "женщины-фейри" при схожих обстоятельствах "моют лицо и руки позолоченной детской мочалкой" (Idem, p. 206).

"Их собственные духи также не будут иметь ничего, кроме экскрементов, чтобы есть, если в течение жизни обряды Бора (инициации) не были выполнены должным образом". С этим можно сравнить заявление индийского Манеса (xii. 71) о том, что кахатиа, не выполнивший свой долг, после смерти будет вынужден жить на отбросах и падаль. А в меланезийском Аиде призракам нечестивцев нечего есть, кроме мерзких отбросов и экскрементов" (личное письмо Джона Фрейзера, доктора философии, капитану Бурке, датированное Сиднеем, Новый Южный Уэльс, 24 декабря 1889 года).

Австралийцы верили, что если человек не позволит проколоть носовую перегородку, он будет страдать на том свете. "Как только дух Эгоук покидал тело, он должен был в наказание съесть Тоорта-гваннанг" (грязь, не подходящая для перевода) - ("Aborigines of Victoria", Smyth, vol. i. p. 274).

Среди некоторых австралийских племен есть могущественное божество по имени "Пунд-джел", которое, по мнению г-на Эндрю Ланга, может быть ястребом-орлом. "Как каратель злых людей, Пунд-джел однажды был вынужден утопить мир, что он и сделал с помощью потопа, который он произвел (как говорит доктор Браун о другом случае) с помощью знакомого гулливерского применения гидравлики" ("Миф, рита и религия", Лэнг, Лондон, 1887, ii. 5.).

Морис приводит пять достойных видов самоубийства, во втором из которых индусский преданный описывается как "покрывающий себя коровьим навозом, поджигающий его и поглощающий себя в нем" (Maurice, "Indian Antiquities", London, 1800, vol. ii. p. 49.).

"Бросьте этого раба на свалку" (Король Лир, акт iii. sc. 6).

Когда сквайр Иден убил Джека Кейда, он воскликнул.

"Вот я и потащу тебя за пятки,

На свалку, которая станет твоей могилой" (2 K. Henry, vi. 10).

"Стюард. Вон, на нарах." (Король Лир, акт iv. sc. 6.)

"Воздержание от мяса и работы также предписывается незамужней женщине на случай, если солнце или луна (хотя мы скорее назовем это пролетающей мимо птицей) сбросит на нее какую-либо нечистоту; в противном случае она может быть несчастной или даже лишиться жизни" (Crantz, "History of Greenland", London, 1767, vol. i. p. 216).

В этой связи вспоминается "горькая вода" древнееврейских испытаний, когда обвиненная в неверности женщина либо оказывалась невиновной, либо у нее лопался живот после питья (см. Числа v.).

Данте в своей главе xiii. говорит о тех, кто был осужден за лесть: "толпа, погруженная в орду" (перевод Кэри).

Дюканж намекает на то, что могло быть испытанием или наказанием: "Aquam sordidam et stercoratem super sponsam jactare." ("In Lege Longobardi", lib. i. tit. 16, c. 8.)

Еврейские пророки сидели на навозных кучах, пока непокорный народ Израиля получал предупреждение: "Вот, Я посыплю навоз на лица ваши, даже навоз торжественных праздников ваших, и один унесет вас с собою" (Малахия ii. 3).

Из другой части этого тома вы узнаете, что стеркокоричное вещество считалось мощным средством для отпугивания колдовства. Так, матери было приказано бросить "подмененного" ребенка на навозный холм (с. 403). Амстердамские проститутки держали в своих домах конский навоз для удачи и т. д. Поэтому, когда мы читаем о том, что трупы преступников или ведьм бросали на навозные холмы, мы можем позволить фантазии потекать мысли о том, что это было сделано для того, чтобы свести на нет все планы призрака отомстить.

Историк Суетоний рассказывает, что несчастного римского императора Вителлия перед смертью забросали экскрементами.

Среди противозаконных действий брахманов или кшатриев, которые вынуждены содержать себя, следуя занятиям вайшьев, - продажа сезама, если только "они сами не произвели его путем обработки почвы..... Если он использует сезамум для любой другой цели, кроме еды, помазания и благотворительных даров, он снова родится червем и вместе со своими предками будет ввергнут в свою собственную язву" ("Васиштха", глава ii. 27-30. "Священные книги Востока", Оксфорд, 1882, том xiv., издание Макса Мюллера. Это одна из древнейших Священных книг. Тот же запрет можно найти в "Прасне" 11, "Адхьяе" 1, "Кандике" 2).

XXXVII. НЕПРИЯТНОСТИ.

Несколько необычно обнаружить в мифах зуны - того самого народа, среди которого мы обнаружили существование этого грязного обряда питья мочи, - упоминание о том, что выливание мочи на людей или рядом с их жилищами считалось оскорблением самого серьезного характера. В начале зимы 1881 года автор был в пуэбло Зуны, штат Нью-Мексико, в то время как мистер Фрэнк Х. Кушинг занимался исследованиями, которые впоследствии поставили его во главе американских антропологов, и услышал, как старики

рассказывали длинный миф о юноше, который отправился в Страну духов на поиски своего отца. Одним из эпизодов, на котором рассказчики останавливались с особой настойчивостью, было унижение и бесчестье, в котором мальчик и его бедная мать жили в своей родной деревне, о чем свидетельствовал тот факт, что их соседи имели привычку опорожнять свои сосуды с мочой на их крышу и перед их дверью.

В этой связи заслуживает внимания угроза, высказанная Сеннахерибом в адрес евреев (Ис. xxxvi. 12), а также ветхозаветная угроза: "Не останется ни одного, кто помочится на стену".

"В связи с войнами самоанцев можно отметить еще несколько вещей, таких как консультации с богами, ... томительные беседы друг с другом перед битвой, что является аналогом Авии, царя Иуды, и даже слово в слово с грязноязычным Рабшакехом" ("Samoa," Turner, p. 194.).

У жителей Самоа есть миф, рассказывающий о разделении, которое произошло между туземцами нескольких островов из-за того, что мужчины и женщины, жившие на Тутуаиле, "стали делать из своего плавучего острова навозную свалку" (Olosenga, idem, p. 225).

"Навуходоносор также дал Седекии (после того как заставил его долго танцевать и играть перед ним) слабительный напиток, так что, подобно звероподобному старику (а таких много между Йорком и Лондоном), *totus deturpatus fuit*, он пах так же плохо, как ваш Аякс". В маргинальной ссылке он добавляет: "Согласно старой балладе

"And all to b□n was he, was he."

-(Harington, "Ajax", p. 35.)

Это поведение, отвратительное во всех своих чертах, имело параллель с поведением видного представителя европейской аристократии, который был склонен предаваться своему гневу в манере, поразительно похожей на вышеописанную, в такие моменты, которые казались подходящими для наказания своих слуг. Его имя опускается по просьбе корреспондента, предоставившего эту статью.

Нибур говорит, что самое грубое оскорбление, которое можно нанести человеку, особенно магометанину, в Аравии - это плюнуть ему в бороду или сказать: "De l'ordure sur ta barbe." ("Desc. de l'Arabie", Amsterdam, 1774, p. 26).

Замечания Нибура о том, что бедуины обижаются на такое нарушение их этикета, как метеоризм, повторяет в туманной и осторожной форме Мальтебрун ("Univ. Geog.", vol. ii. part "Arabia").

В Анголе (Африка) самым большим оскорблением является: "Иди и ешь с-с-с" (Мухонго).

"Дангилл. Трус. Фраза из петушиной ямы, все, кроме геймкоков, называются дангиллами" (Grose, "Dictionary of Slang", London, 1811).

Портных, которые соглашались на предписанную законом зарплату, "флинт" называли "навозниками", которые отказывались от нее" (Idem.).

Среди грубых игр английских матросов была одна - "Галера", в которой в лицо сухопутному человеку бросали швабру с экскрементами.- (Idem.)

В Анголе, Африка, метеоризм свободно разрешен среди туземцев; но любое разрешение такого рода, полученное, когда поблизости находятся чужаки, рассматривается как смертельное оскорбление.- ("Мухонго", перевод преподобного г-на Шателена).

В отчете об одном из ранних американских исследований Транс-Миссури приводится история о том, что республиканские пауни (Небраска) однажды (примерно в 1780-90 гг.) нарушили законы гостеприимства, схватив носителя калумета омахов, который вошел в их деревню, и, помимо прочих оскорблений, заставили его "пить мочу, смешанную с желчью бизона" ("Экспедиция Лонга", Филадельфия, 1823, т. I. с. 300).

Сама желчь бизона, побрызганная на сырую печень, только что снятую с туши, считалась деликатесом. Выражение "пожиратель экскрементов" применяется манданами и другими племенами в верховьях Миссури как термин самого гнусного порицания, по словам хирурга Вашингтона Мэтьюса из армии США (автора книги "Хидатса" и других авторитетных этнологических трудов), чьи замечания основаны на необычайно обширном и умном опыте.

"Они осыпали меня оскорблениями пенджабцев, ... забрасывая меня палками и коровьим навозом, пока я не упал и не взмолился о пощаде" ("Близнецы", Редьярд Киплинг, в "Солдатах-3", Нью-Йорк, 1890 г.).

"Пусть мусор из оснований города будет твоей пищей; пусть стоки города будут твоим питьем" ("Халдейский рассказ о Бытии", Джордж Смит, Нью-Йорк, 1880).

Среди шайенских выражений презрения можно найти одно, которое напоминает оскорбления бедуинов, а именно: *natsi-viz*, или "s-t-mouth" (личные записи от 25 сентября 1878 года, интервью с вождями северных шайенов, переводчик Бен Кларк).

Преподобный Дж. Оуэн Дорси, который так долго и тщательно изучал нравы и мифы племен, принадлежащих к роду сиу, авторитетно заявляет, что худшее оскорбление, которое может нанести один понка другому, - это сказать: "Ты ешь собачий помет"; при этом заметно, что слова этого выражения редко используются в языке повседневной жизни. Он приводит и другие примеры из мифов и т. д., а также предлагает свой вариант истории, рассказанной капитаном Лонгом; но поскольку все это должно появиться в одной из будущих книг доктора, на этих страницах оно опускается.

Камчатцы говорят: "Пусть у тебя будет сто горящих ламп в твоём поде", "Пожиратель фейсов со своим рыбьим потомством" и т. д. - (Стеллер, перевод Буннемайера).

"Стеркус". Как термин оскорбления: "Nolo stercus curiæ dici Glauciam." (Цицерон, "De Oratoribus", 3, 41, 164; Andrew's "Latin Dictionary", New York, 1879, статья "Stercus.")

Каракалла предавал смерти тех, кто делал воду перед его статуями. "Damnati sunt eo tempore (то есть в конце его войн с германцами) qui urinam in eo loco ferrant in quo statuæ aut imagines erant principis."-(Ælius Lampridius, "Жизнь императора Каракаллы", издание Франкфорта, 1588, стр. 186, строки 43 и 44).

Есть несколько очень необычных законов древних бургундцев в отношении оскорбительных слов. "Si quis alterum concagatum clamaverit, 120 denariis mulctetur." (Barrington, "Obs. on the Statutes", London, 1775, p. 315).

"Я насажу твою голову на свой меч,

И помочусь в твою височную часть".

("Аллея баранов", Людовик Барри, 1611, издание Лондона, 1825 г.).

"Дьявольский навоз в твоих зубах".

("Честная шлюха", Томас Деккар, 1604, издание Лондона, 1825.)

"Опять самое грубое слово, *хара*. Это аллюзия на вульгарную поговорку "Ты ешь скител" (то есть "Ты говоришь глупости"). Приличные английские писатели переделали его в "Ты ешь грязь"; а лорд Биконсфилд довел его до смешного, превратив в "ешь песок"" ("Арабские ночи", издание Бертон, т. ii. стр. 222, 223).

Читатели классической истории вспомнят случай возмущения, учиненного толпой Тарентума над личностью римского посла Постума в 282 году до н. э. Шут на улице облил грязью его тогу. Посол отказался от уговоров и, коротко сказав своим обидчикам, что потребуются много капель крови тарентинцев, чтобы смыть пятна, удалился. Последовала жестокая война, и тарентинцы были низведены до ранга завоеванной провинции.

"Когда народ пришел в Иерусалим на праздник опресноков, а римская когорта стояла над храмом, ... один из солдат откинул свою одежду и, наклонившись в непристойной манере, повернулся к иудеям задом и произнес слова, которые можно было ожидать от такой позы". Повествование описывает последовавшие за этим беспорядки, в результате которых было убито десять тысяч человек. (См. Иосиф, "Иудейские войны", кн. II. издание Нью-Йорк, 1821).

Спор между Ричардом Львиное Сердце и эрцгерцогом Австрийским, который впоследствии привел к заключению английского короля в темницу, начался с великого оскорбления, когда австрийский штандарт был сброшен в гальюн. Матфей Парижский ясно говорит, что это сделал сам Ричард. "Теперь он, будучи слишком благосклонен к делу норманнов, разгневался на герцогский отряд, и отдал самоуверенный, недостойный приказ бросить герцогское знамя в выгребную яму" (см. "Третий крестовый поход и Ричард Первый", Т. А. Арчер, в "Английской истории от современных писателей", Нью-Йорк, 1889).

"*Бигот*. Вон, навозник! Смеешь ли ты дерзить дворянину?"

("Король Джон", iv. 3.)

"*Глостер*. Неужели я должен терпеть оскорбления со стороны конюхов?"

("1 король Генрих VI", i. 3.)

"*Йорк*. Подлый негодяй и механик".

("2 Король Генрих VI.", i. 3.)

"Кхара", что означает "навоз", - это самое низкое из возможных оскорблений. Та-кара" - самое распространенное оскорбление, используемое также скромными женщинами. Я слышал, как мать использовала его по отношению к своему сыну" (Бертон, "Арабские ночи", т. ii. с. 59, сноска).

XXXVIII.

ЦЕРЕМОНИИ ПОГРЕБЕНИЯ.

Парси оскверняется, прикасаясь к труп. "И когда он прикоснется к труп и не сдвинет его с места, его следует омыть бычьей мочой и водой" ("Шапаст ла Шайаст", сар. 2.; "Священные книги Востока", Макс Мюллер, редактор, Оксфорд, 1880, стр. 262, 269, 270, 272, 273, 279, 281, 282, 333, 349).

При кремации индуистского трупа в Бомбее пепел костра посыпают водой, в центр кладут лепешку из коровьего навоза, а вокруг нее - небольшую струйку коровьей урины; на нее кладут листья подорожника, рисовые лепешки и цветы.

"Те, кто возвращается с похорон, должны коснуться камня Приапа, огня, экскрементов коровы, зерна кунжута и воды - всех символов плодородия, которое могло быть уничтожено контактом с трупом" ("Zoöl. Mythol.", De Gubernatis, p. 49).

Последователям Зороастра предписывалось вытаскивать мертвое тело из воды. "На нем не лежит грех за любую кость, волос, траву, плоть, навоз или кровь, которые могут упасть обратно в воду" (Фаргард VI., Вендидад, Зендавеста, издание Дарместера; издание Макса Мюллера "Священные книги Востока", Оксфорд, 1880, с. 70).

"В глубине долины умирает человек; птица слетает с вершины горы в глубину долины и съедает там труп умершего; затем она взлетает из глубины долины на вершину горы; она летит к какому-нибудь из тамошних деревьев, - из твердых или мягких, - и на это дерево она рвет, кладет помет, роняет куски от трупа..... Если человек нарубит из этого дерева что-нибудь для костра, он не будет считаться оскверненным, потому что... Ахура-Мазда ответил: "Нет греха на человеке за любую мертвую материю, принесенную собаками, птицами, волками, ветрами или мухами"" - (Фаргард V., из той же работы).

Если на участке земли умерла собака, земля должна была лежать под паром в течение года; по истечении этого срока "они должны осмотреть землю на предмет костей, волос, плоти, навоза или крови, которые там могут быть" (Фаргард VI).

Если одежда умершего "не была осквернена ни семенем, ни потом, ни грязью, ни рвотой, то поклоняющиеся Мазде должны омыть ее гомезом" (Фаргард VII). Гомез (бычья урина) вновь упоминается как великое очищающее средство на стр. 78-80, 104, 117, 118, 122, 123, 128, 182, 183, 212).

Священные сосуды, оскверненные прикосновением трупа, должны были быть очищены гомезом (Idem, pp. 91, 92).

Самым эффективным гомезом считался гомез "неоседланного быка" (Idem, p. 212).

"Они должны покрыть поверхность могилы пеплом или коровьим навозом" (Фаргард VIII.).

"Пусть поклоняющиеся Мазде принесут сюда мочу, которой трупоносицы омоют свои волосы и тело" (Фаргард VIII. См. также с. 201 настоящего тома).

Описывая похороны эскимосов, Гилдер говорит: "Заключительная церемония была очень трогательной. После того как "папа" вернулся из могилы, Армоу вышел за дверь и принес кусок замерзшего чего-то, что не вежливо уточнять, кроме того, что собаки полностью с ним покончили, и этим куском он коснулся каждой глыбы снега на одном уровне с дном иглу.

Затем предмет был вынесен за дверь и подброшен в воздух, чтобы упасть к его ногам; по тому, как он упал, он мог радостно сообщить, что в лагере в ближайшее время не будет смертей" ("Поиски Шватки", Гилдер, стр. 234).

У африканцев есть злой дух, называемый "Абику", который поселяется в человеческом теле. Считается, что этот дух вызывает смерть детей. "Если ребенок умирает, его тело бросают на кучу грязи" ("Фетишизм", Боден, с. 57).

Существует также очищение души умирающего теми же особыми методами. В Короманделе[68] умирающего кладут так, чтобы его лицо оказалось под хвостом коровы; хвост поднимают, а корову возбуждают, чтобы она выпустила мочу. Если моча попадает на лицо больного, люди кричат от радости, считая его одним из блаженных; но если священное животное не в состоянии удовлетворить их желания, они сильно страдают.

"Жители Коромандельского побережья в качестве последнего средства переносили своих больных, которые были на грани смерти, на спину жирной коровы, хвост которой они закручивали, чтобы заставить ее мочиться; если коровья моча растекалась по всему лицу больного, это было очень хорошим знаком для грязных негодяев" (Paullini, pp. 80, 81).

С такой же заботой хоттентотский знахарь сопровождает останки своих сородичей до могилы, орошая той же священной жидкостью труп умершего и лица скорбящих, оплакивающих его судьбу[69].

На похоронах хоттентотов "два старика, друзья или родственники покойного, входят в каждый круг и экономно рассыпают свои струи на каждого человека, чтобы все могли получить немного; вся компания принимает их воду с готовностью и почтением. После этого каждый входит в хижину и, взяв с очага горсть пепла, выходит через проход, проделанный трупом, и понемногу рассыпает пепел на всю компанию. Это, говорят они, делается для того, чтобы смирить их гордыню" (Kolbein, p. 401.).

"Жаль, что люди в диком состоянии должны получать удовольствие от того, что они делают, но таков факт. Это очень распространенный обычай для племени или той его части, которая связана с тем, кто умер, натирать себя влагой, которая исходит от умершего друга. Они мажутся ею до тех пор, пока от них не исходит тот же запах, что и от трупа" ("Aborigines of Victoria", Smyth, vol. i. p. 131.) Но в сноске он добавляет, что некоторые австралийцы не прикасаются к мертвому телу голой рукой.

В церемониях погребения племени Энкаунтер-Бей (южноавстралийцы) "старые женщины кладут человеческие экскременты себе на голову - знак глубочайшего траура" (Idem, vol. i. p. 113).

Труп австралийского вождя был окружен "рыдающими женщинами, измазанными грязью и пеплом" ("Туземные племена Южной Австралии", Аделаида, 1879, с. 75, получено благодаря любезности Королевского общества Нового Южного Уэльса, Сидней, Т. Б. Кингдон, секретарь).

"Во время погребальных церемоний женщины многих племен мажут или штукатурят головы экскрементами и трубочной глиной" (личное письмо Джона Ф. Манна, эсквайра, датированное Нейтрал-Бей, Сидней, Новый Южный Уэльс).

"Когда умирает ребенок, женщины, которые носили его на руках, должны выбросить свои куртки, если ребенок на них помочился. Это часть обычая, согласно которому все, что соприкасалось с мертвым человеком, должно быть уничтожено" ("Центральные эскимосы", Боас, с. 612).

У канадских кутеней есть церемониал, который проводится после похорон. "Когда те, кто хоронил тело, возвращаются, они берут куст терна, окунают его в чайник с водой и окропляют двери всех домиков" ("Отчет о северо-западных племенах Канады", д-р Франц Боас, для Британской ассоциации содействия развитию науки, собрание в Ньюкасле-апон-Тайне, 1889, с. 46).

Описывая итальянские похороны, Блант говорит: "Когда процессия доходит до церкви, тело ставят в неф, и священник во время назначенной службы трижды окропляет тело святой водой - обряд, по всей вероятности, вытекающий из того, что практиковали римляне, трижды окропляя прохожих тем же элементом." ("Vestiges", p. 183).

На островах Тонга есть две главные личности - Тойтонга и Веачи, которые, как считается, являются живыми представителями могущественных богов. После смерти Туитонги проводятся определенные церемонии, среди которых: "Мужчины подходят к горе, то есть к погребальному кургану, когда уже стемнело, и, если можно так выразиться, совершают обряд посвящения Клоасине, после чего удаляются. Как только рассветает на следующее утро, женщины первого ранга, жены и дочери величайших вождей, собираются со своими помощницами, принося корзины, одна держит одну сторону, другая - другую, продвигаясь по двое, с большими раковинами, чтобы убрать остатки предыдущей ночи, и в этом церемониальном акте унижения ни одна женщина высшего ранга не отказывается принять участие. Некоторые из скорбящих в "фиток" обычно выходят, чтобы помочь, так что за очень короткое время место становится совершенно чистым. Это повторяется четырнадцать последующих ночей, и так же пунктуально все убирается к восходу солнца каждое утро. Никому, кроме агентов, не разрешается быть свидетелями этих необычных церемоний; по крайней мере, это считается крайне неприличным и нерелигиозным. На шестнадцатый день, рано утром, те же самые женщины снова собираются, но теперь они наряжены в самые лучшие "гнату" и самые красивые циновки хамао, украшены лентами и с венками из цветов на шее; они также приносят новые корзины, украшенные цветами, и маленькие метлы, сделанные с большим вкусом. В таком виде они подходят и ведут себя так, как будто у них та же задача, что и раньше, делая вид, что очищают грязь, хотя никакой грязи там нет, и уносят ее в своих одеялах..... Сами туземцы сожалели, что грязная часть этих церемоний была необходима, ... и что долг самых возвышенных дворян, даже самых нежных женщин, исполнять самые низкие и отвратительные обязанности, чем то, что священная земля, в которой он был похоронен, должна оставаться загрязненной." (Dillon's "Expedition in Search of La Perouse", London, 1829, vol. ii. pp. 57-59.) Диллон говорит, что это "должно считаться религиозным обрядом, стоящим на фундаменте очень древних обычаев" (Idem, p. 57.).

XXXIX. МИФЫ.

"Все народы придумывали мифы, чтобы объяснить, почему они соблюдают определенные обычаи" ("Золотая ветвь", т. ii. с. 128).

"Миф меняется, а обычай остается неизменным; люди продолжают делать то, что делали их отцы до них, хотя причины, по которым действовали их отцы, давно забыты. История религии - это долгая попытка примирить старый обычай с новым разумом; найти разумную теорию для абсурдной практики" (Idem, p. 62).

У австралийцев есть миф о сотворении человека; он приводится на латыни: "Ningorope lætitia plena in latrina lutum amœne erubescens cernebat; hoc in hominis figuram formabat, quæ tactu divæ motum vitalem sumebat et donc ridebat."-("Aborig. of Victoria," Smyth, vol. i. p. 425.)

Этот миф приводится на английском языке в другом источнике, на следующей странице данного тома.

В "Мифе о сотворении мира" австралийцев говорится, что бог "Бунд-джил океанум креавит минктионе за plures dies in terrarum orbem. Bullarto Bulgo magnam lotii copiam indicat." (Idem, vol. i. p. 429.) (Бунд-жил создал океан, мочась в течение многих дней на земную сферу). Туземцы говорят, что бог разгневался на землю "Булларто Булго". Булларто Булго означает большой поток мочи.

Этот же миф уже приводился у Эндрю Лэнга в разделе "Испытания и наказания".

В космогонических мифах жителей острова Кадык говорится, что первая женщина, "сделав воду, произвела моря" (Лисянский, "Путешествие вокруг света", Лондон, 1814, с. 197).

"В четвертой истории" (т.е. истории, рассказанной калмуками и монголами) "именно под экскрементами коровы находят заколдованный драгоценный камень, потерянный дочерью короля" ("Zoöl. Mythol.", De Gubernatis, p. 129).

В мифических сказаниях индусов бог Утанка отправляется в путешествие под защитой Индры. "По дороге он встречает гигантского быка и всадника, который предлагает ему, если он хочет добиться успеха, съесть экскременты быка; он так и делает, прополоскав после этого рот" (Idem, p. 80.).

Далее мы узнаем, что Утанке сказали, что "экскременты быка - это амброзия, которая делает его бессмертным в царстве змей". (Idem, pp. 81, 95.) Здесь мы имеем аналог использования экскрементов и мочи в Европе для отпугивания ведьм, а также питья мочи сибирской девушки, которая, по всей вероятности, предлагалась гостю в качестве гарантии того, что никакого колдовства не было, или же для отпугивания ведьм, подобно тому, как в Англии новобрачные мочились через обручальное кольцо.

У китайцев есть мифическое животное, которое отождествляют с тапиром; его называют мих; ему приписывают способность есть железо и медь. "По этой причине моча этого животного назначается, когда человек проглотил железо или медь; она за короткое время превращает их в воду" ("Китайский репозиторий", Кантон, 1839, т. vii. с. 46, 47).

"История Джоа ло Праубе почти слово в слово повторяется в приключениях камчатского бога Кутки; точнее, есть миф, в котором рассказывается, что этот бог разыгрывал с ним множество трюков, в одном из которых он запускает палки в ягодичную область" (Стеллер, перевод Буннемайера).

Этот бог Кутка был большим содомитом и в некоторых моментах напоминал антиприродного бога сиу.

Говоря о боге "Айдоведо", змее в Радуге, в которую верят негры Гвинеи, отец Боден говорит: "Тот, кто найдет экскременты этой змеи, разбогатеет навсегда, ибо с помощью этого

талисмана он может превращать зерна кукурузы в ракушки, которые выдаются за деньги". ("Фетишизм", Rev. F. Baudin, New York, 1885, p. 47.) Далее он рассказывает очень забавную историю о том, что негры вбили себе в голову, что призма в его владении дает ему власть спускать Радугу в свою комнату по желанию, и что он может получить неограниченное количество драгоценных экскрементов.

Другой миф о глупом боге "Кутке" представляет его влюбленным в собственные экскременты и сватающимся к ним в качестве невесты; он везет их домой в санях, кладет в свою постель и приходит в чувство от своего абсурдного положения только благодаря мерзкому запаху" (Стеллер, перевод Буннемайера).

Возможно, все это миф, объясняющий или представляющий душевное состояние, в которое впадали те, кто предавался "навозному болоту", но даже такая интерпретация кажется надуманной.

Сэр Джон Мур, как утверждается, влюбился в собственную мочу, а у Монтеня мы читали историю о французском джентльмене, который сохранил свои экскременты, чтобы показывать их гостям.

У племен нариньери в заливе Энкауинтер, Южная Австралия, есть легенда о том, что разница в языке была вызвана тем, что некоторые из их предков "съели содержимое кишечника богини Вурпури" ("Nat. tribes of South Australia", Adelaide, 1879, p. 60, получено благодаря любезности Roy. Soc., Сидней, Северный Уэльс, Т. Б. Кингдон, секретарь).

В той же главе нам сообщают о пропуске одной или двух церемоний, "которые были слишком неприличными для широкой публики" (с. 61).

В "Бахиллере Саламанки" у Ле Сажа есть герой, чьи злоключения заставляют нас подозревать, что Ле Саж читал о некоторых деяниях камчатского бога Кутки, который, среди многочисленных проделок, сыгранных с ним его врагами, мышами, подвергся позору, когда "к его orificium ani был прикреплен мешок из рыбьей кожи, пока он крепко спал. По дороге домой Кутка захотел разбавить природу, но, уходя, был немало удивлен тем, что, несмотря на освобождение от столь тяжкого бремени, он получил ничтожный залог.

"Удивляясь своей чистоте, он рассказал об этом Клачи (своей жене), которая вскоре обнаружила истинное положение вещей и, стянув с Кутки панталоны, с громким смехом отделила от него тяжело нагруженный мешок" (Стеллер, перевод Буннемайера).

В фарсе XIV века "Ле Мунье" Мельник впитал в себя некоторые популярные идеи своего времени, исповедуемые некоторыми философами того времени. Он верит, что в момент смерти душа человека выходит через задний проход, и просит священника отпустить ему грехи, говоря при этом: "Mon ventre trop se détermine. Хелас! Je ne sçay que je face; ostez-vous."

Священник отвечает: "Ha! sauf vostre grace!".

Тогда мельник замечает: "Ostez-vous, car je me conchye".

Жена и священник подтаскивают больного к краю кровати и укладывают его в таком положении, чтобы, если доктрина об отхождении души через задний проход верна, они могли наблюдать последнее представление мельника. Теперь наблюдается феномен ректального метеоризма, когда внезапно, к ужасу жены и священника, появляется демон и,

накинув мешок на анус умирающего мельника, ловит ректальный газ и улетает в сернистом паре" ("Med. in the Middle Ages", Minor, p. 84, перевод из "Le Moyen Age Médical", Dupouy).

В Европе считалось, что яйца василиска или какатриса могут быть высижены только жабой или теплом навозной кучи.

Ирландию называют "писсуаром планет" из-за постоянных и обильных дождей, которые ее посещают. (См. Grose, "Dict. of Buckish Slang", London, 1811).

У апачей есть миф, или история, аналог "Fee-fo-Fum" нашего детства; но великан, вместо того чтобы нюхать кровь англичанина, говорит по-испански: "huele la cagada".

Китайский миф о чудесных пищеварительных способностях "миха" имеет свой аналог в древнем поверье, что такой же силой обладает страус.

"Вангвана и Ваньюмбо сообщили мне... что если слон видит экскременты носорога не разбросанными, он приходит в ярость и немедленно отправляется на поиски преступника, и горе ему, если он угрюм и настроен сражаться за гордую привилегию оставлять свой помет в том виде, в каком он падает. В этом случае слон отламывает тяжелую ветку дерева или выкорчевывает крепкий саженец, как мачту лодки, и терзает несчастного зверя до тех пор, пока тот не будет рад спастись поспешным бегством. По этой причине, говорят туземцы, носорог всегда оборачивается и тщательно разбрасывает то, что он уронил" ("Through the Dark Continent", Henry M. Stanley, New York, 1878, vol. i. p. 477).

"В других мифах, в Брахманах, Праджapati создает человека из своего тела, или, скорее, жидкость его тела становится черепахой, черепаха становится человеком и т. д." ("Миф, ритуал и религия", Эндрю Лэнг, Лондон, 1887, т. ii. с. 248). См. также главу "Омела", с. 99 данного тома).

"Моффатт поражен южноафриканским представлением о том, что море было случайно создано девушкой". ("Миф, ритуал и религия", Ланг, т. I. стр. 91.) Возможно, эта сказка относится к нашей серии мифов.

"У народа Энкауинтер-Бэй есть еще один миф, который Дин Свифт мог бы отнести к яху, настолько нечестное происхождение он приписывает человечеству" (Idem, Lang, vol. i. p. 170).

"Как мифология и традиции других языческих народов более или менее аморальны и непристойны, так и у этих людей". ("Nat. Trib. of S. Australia", p. 200.) "Мингаропа, удалившись по естественному случаю, была очень довольна красным цветом своих экскрементов, которые она стала лепить в форме человека, и, пощекотав их, она подала признаки жизни и начала смеяться" ("Idem", p. 201.).

Миф о том, что различия в языке возникли после того, как некоторые племена съели экскременты богини "Вуррури", приводится на с. 268; в этом томе он уже пересказывался на предыдущей странице. Был еще один бог по имени Нурундури, о котором рассказывают, что однажды он сделал воду в определенном месте, "от чего это место называется Каинджамин (делать воду)" (Idem, p. 205.).

Среди билгула Британской Колумбии существует миф, в котором говорится, что некий пень дерева был каннибалом и захватил девушку. Однажды, когда он отправился ловить палтуса, "он приказал своему мочевому сосуду позвать его, если девушка попытается сбежать. Когда

она это сделала, сосуд закричал: "Рота-гота, рота-гота, гота"" (личное письмо доктора Франца Боаса, Университет Кларка, Вустер, Массачусетс).

Среди камчатцев существует загадка, связанная с человеческими фекалиями: "У моего отца множество форм и платьев; моя мать теплая и худая и каждый день носит кал. До моего рождения я люблю холод и тепло, а после рождения - только холод. В холоде я силен, а в тепле - слаб; если холодно, меня далеко видно, если тепло - далеко пахнет" (Стеллер, перевод Буннемайера).

Среди некоторых эскимосских племен ворон представлен как разговаривающий со своими экскрементами и советуемый с ними; экскременты часто встречаются в их легендах" (личное письмо доктора Боаса, как указано выше).

Из предыдущего параграфа мы видим, что эскимосы должны были раньше, даже если они не делают этого сейчас, советоваться с экскрементами в своих гаданиях; выдержка из Гилдера, приведенная в разделе "Церемонии погребения", подтверждает эту гипотезу.

Жители Камчатки верили, что дождь - это моча Биллутчи, одного из их богов, и его джиннов; но после того как этот бог достаточно помочится, он надевает новое платье, сделанное в виде мешка и снабженное бахромой из рыжих тюленьих волос и разноцветных полосок кожи. Они символизируют происхождение Радуги.

Камчатский бог Кутка однажды был преследуем врагами, но спасся, "извергнув из своих недр всевозможные ягоды, которые задержали его преследователей".

В мифах камчатцев можно найти параллель с историями о том, что подарки дьявола всегда превращаются в отбросы. Есть история о боге Кутке, с которым, как мы видели, было сыграно множество трюков. В одной из них пища, которой он себя снабжал, "превращалась в торф, гнилое дерево и мочу" (Стеллер, перевод Буннемайера).

"Центральные эскимосы верят, что дождь - это моча божества" (см. "Центральные эскимосы", Boas, p. 600).

"Янтарь (как думают некоторые) сделан из китового помета" (Джон Лео, "Наблюдения за Африкой", в издании Purchas, vol. ii. p. 772).

В древности предполагалось, что янтарь - это помет кита или другого морского чудовища" (г-н У. У. Рокхилл).

Этому мнению о происхождении янтаря не доверял Авиценна. "Ambram non esse stercus animalis maris." (Vol. i. p. 273, b10.)

В литургии горных племен Нилгерриса говорится следующее.

"Мада помочился в огонь".

"Mada a fienté à la face du soleil."

-(Цитируется в "Les Primitifs", p. 245.)

Реклю в той же работе приводит фрагмент орфической песни: "Glorieux Jupiter, le plus grand des Olympiens, toi qui te plais dans les crottins des brebis, qui aimes à t'enfoncer dans les fientes des chevaux et des mulets."- (стр. 246, цит. по "Fragmenta Orphei", под редакцией Германа).

"Блаженный апостол Павел, упоенный созерцанием божественного блаженства, сравнивает все главные земные блага, считая их (по его собственным словам) "стерхорой", самым грязным навозом по отношению к тем радостям, на которые он надеялся" (Harington, "Ajax", p. 26).

"Воистину мудр тот, кто все земное считает навозом, чтобы завоевать Христа" (Матф. xvii. 23, цит. по Thomas à Kempis, cap. iv., "Of the Doctrine of Truth").

"Среди мальчишек в школе лет тридцать пять назад бытовало мнение, что если мужчина будет пить воду, находясь в связи с женщиной, то она умрет" (личное письмо профессора Фрэнка Реда Фоука из Южно-Кенсингтонского музея, Лондон, Англия).

Название города Чикаго было отнесено некоторыми филологами к индейскому слову, означающему "скунс"; говорят, что оно "равнозначно *bestiola foeda mingens*". Моча этого маленького животного, по мнению некоторых индейских племен, способна ослепить человека, в глаза которого она попадает; само животное было обожествлено ацтеками под именем Тескатлипока.

Толкование, данное слову "Чикаго", см. в работе "Индейские названия мест вблизи Великих озер" капитана Дуайта Келтона, Армия США, Чикаго, Иллинойс, 1888.

XL.

УРИНОСКОПИЯ, ИЛИ ДИАГНОСТИКА ПО МОЧЕ.

Исследование мочи и кала больных, похоже, было распространено во всех частях света и среди самых разных народов; но на ранних этапах развития человечества оно было сопряжено с идеями гадания и предсказания, что превращало его в религиозный обряд.

О здоровье пациента можно было судить по состоянию его мочи (Плиний, lib. xxviii. cap. 6.).

Аравийцы приносили своим врачам "воду своих больных в пиалах" (Бертольд, "Арабские ночи", т. iv. c. 11).

В указателе к сочинениям Авиценны есть двести семьдесят пять упоминаний о внешнем виде и т. д. мочи больных (перевод Авиценны, выполненный Герардом Кремонским, издание Венеции, 1595 г.).

"Аптекари обычно носили воду своих пациентов к врачу" (Фосброк, "Энциклопедия древностей", т. i. c. 526, статья "Моча").

Чтобы определить, поражены ли у человека легкие или печень, часть его мочи выливали на пшеничные отруби, которые затем отставляли в прохладное место; если появлялись черви, то человек был болен и т. д. - (Beckherius, "Med. Microcosmus", p. 62).

Исследование кала и мочи пациента с целью определить его настоящее состояние здоровья и, по возможности, сделать прогноз его будущего состояния, было в сознании невежественных или полуобразованных людей лишь первым шагом в направлении определения будущего содружества путем осмотра внутренностей и экскрементов жертв, чья кровь дымилась на его алтарях. Римляне были привержены этому способу гадания, который Шуриг ошибочно называет "антропомантией". Он рассказывает, что Гелиогабал был

особенно увлечен этим, и, действительно, он приписывает этому сладострастнику введение этого метода, и выражает свое удовлетворение тем, что он встретил свою судьбу, будучи убитым в гальюне и оставленным умирать в ордуре. Саксы также были склонны к такому способу предсказания будущего (см. "Хилологию", с. 749, 750).

"Uromantie. ff. (Med. et Divin.), mot formé de "ouron", urine, et "manteia", divination, qui signifie l'art de diviner par le moyen des urines l'état présent d'une maladie, et d'en prédire les événements futurs."-("Encyc. ou Dict. Rais. des Sciences," etc., fol. Neufchatel, 1745, vol. xvii. p. 499, приводится в личном письме капитану Бурке от профессора Фрэнка Редде Фоука, Южно-Кенсингтонский музей, Лондон, Англия).

"Фальстаф. Сэр, вы, великан, что говорит доктор о моей воде?

"Паж. Он сказал, сэр, что вода сама по себе хороша для здоровья, но у того, кто ей обязан, может быть больше болезней, чем он знает" (Шекспир, "2 король Генрих IV", i. 2).

Сэр Томас Мор обладал большим остроумием и прекрасным настроением, которое не смогло развеять даже приближение смерти. Получив извещение о том, что он приговорен к смерти своим господином, королем Генрихом VIII, "он позвал свой писсуар и, набрав в него воды, вылил ее и рассматривал (как это делают врачи) довольно долго; наконец он трезво поклялся, что не видит в воде того человека ничего, кроме того, что он может жить, если это угодно королю" ("Аякс", с. 61).

Тибетские врачи исследуют мочу пациента; затем взбивают ее и слушают шум, издаваемый пузырьками" (Mr. W. W. Rockhill.).

"Как раззадорить ее,

И заставить ее плакать так сильно, чтобы врач,

если она заболит от этого, захочет мочи

Чтобы найти ту же самую мочу, и она, лишенная лекарств,

умрет в своей ереси".

("Scornful Lady", v. 1, Beaumont and Fletcher).

Жители Европы не ограничивали свои исследования человеческими экскрементами; они с такой же тщательностью каждый день изучали помет гончих, ястребов и других животных, используемых в погоне (см. "Аякс").

В фарсе "Мастер Пателин" (1480 г. н.э.) герой "в своем бреду поносит врачей... за то, что они не понимают его мочи..... Шарлатаны особенно промышляли в этой области медицины, нелегально практикуя ее в стране под именем "водяных жонглеров" и "водяных судей". Такие люди до сих пор практикуют в Нормандии и некоторых северных провинциях Франции" ("Med. in the Middle Ages", Minor, p. 82).

"В наши дни распространена практика предсказывать жертвы и обычные события жизни, зачатие женщины с ребенком и определенные различия между мужчиной и женщиной в утробе матери". (Котта, "Краткие открытия", Лондон, 1612, с. 104. Далее он говорит, что даже в качестве способа строгой медицинской диагностики уриноскопия не является

определенным тестом, поскольку организм при любой болезни более или менее нарушен, и это нарушение действует на мочу).

Монтень рассказывает историю о джентльмене, который всегда держал свои экскременты в течение семи или восьми дней в разных тазах, чтобы поговорить о них и показать их. (Buckle, "Commonplace Book", vol. ii. p. 357, цит. по "Essais" Монтеня, lib. iii. cap. 9, p. 600.)

Говоря о меланхолических людях, Бертон отмечает: "Их моча большей частью бледная и малоцветная, *"urina pauca, acris, biliosa"* (Arctæus), и не так много в количестве..... Их меланхолические экскременты, в одних очень много, в других мало."-("Анатомия меланхолии", т. I. стр. 268.)

О ВЛИЯНИИ ЭМОЦИЙ НА ЭГЕСТЫ.

Взаимное влияние, оказываемое эмоциями на функциональные нарушения, стало предметом исследования ученых комментаторов.

"Аристотель в "Физических проблемах" рассматривает связи между впечатлениями, производимыми на человека, и функциями кишечника. Он исследует причины, по которым беспокойство и насилие вызывают постоянную и недержашую диарею". (Aule-Gelée, lib. xix. c. 4, "Bib. Scatalog." p. 66.)

Шуриг приводит множество примеров власти разума над актом альвинового уныния; опорожнение может быть вызвано возмущением разума, страхом, бессонницей, громом, гневом и т. д. См. "Chylologia", p. 701. В предыдущей главе Шуриг приводит несколько примеров людей, в основном женщин, которые никогда не могли возбудить природу к акту опорожнения, кроме как с помощью искусственных средств, обращенных к какому-либо отделу ума, - воображения, смеха и т. д.

Харингтон в "Аяксе" упоминает случай с папским легатом, "который привез последний юбилей во Францию; он, опасаясь пажей, которые по обычаю суетились вокруг него, чтобы разделить его балдахин, и подозревая среди них измену, внезапно засунул в свои бриджи" (стр. 16).

Доктор Флетчер из армии Соединенных Штатов уделил значительное внимание этому вопросу. Он любезно предоставил результаты своего широкого круга чтения в распоряжение автора этого тома.

"Чем больше плачешь, тем меньше писаешь" - вульгарная поговорка, имеющая значительную древность. Эта поговорка основана на верном физиологическом наблюдении: избыток одной секреции приводит к пропорциональному уменьшению других.

Великий греческий ученый Порсон побаловал свое остроумие, переведя на эллинский язык вышеупомянутую домашнюю поговорку, и тем самым привел в замешательство ученых пандитов, которые были призваны ее прочитать[70].

"Если любовь требует слез, о, почему я должен щадить

Те потоки, которые, конечно, должны быть израсходованы в другом месте?"

"И среди их крика и шипения,

Они плакали, чтобы не упасть духом.

И обнаружили, что их вода выходит,
Они решили, что лучше, без спора,
чем мочить штаны и бедра,
Чтоб в глазах у них пузырились".

(Homer Burlesqued, book xii.)

"Я должен призвать, из меж бедер твоих
Мочу обратно в глаза твои,
И заставить тебя, когда мой рассказ ты услышишь,
Полить щеки твои лаунтом обратным".

(Musarum Deliciæ, i. p. 110.)

"Launt" - устаревшее слово, означающее мочу. См. словарь Котгрейва.

"Что, если она хнычет, проливает слезы и хмурится?
Смейтесь над ее глупостью, и она будет счастлива;
Никогда не осушайте ее слезы поцелуями,
Чем больше она плачет, тем меньше хмурится".

(Размышления, моральные, критические и космические,
part iii. p. 23, A.D. 1707).

Это выражение можно найти и в старофранцузском языке, возможно, оно происходит от него: "Pleurez donc, et chiez bien des yeux, vous en pissez moins."-("Moyen de Parvenir", A.D. 1610.)

"Юлетта, как она не любила говорить, как боялась меня!

Теперь я мог бы выколоть себе глаза от злости".

("Пилигрим", iii. 4, Бомонт и Флетчер).

Обратная сторона этой пословицы иллюстрируется следующей эпиграммой на одну даму, которая пролила воду при виде трагедии "Катон": "В то время как сентиментальные начальники

"Пока печальные вожди сожалеют о судьбе своего Катона,
Все так же, с сухими глазами, Тори Силия сидела;
Но, хотя гордость не позволяла ей опустить глаза,
Но, хотя гордость не позволяла ей смотреть в глаза, вода нашла выход вниз.
Пусть тайно, но все же обильным потоком она скорбит,
Как двадцать речных богов со всеми их урнами.

Пусть другие напускают на себя лицемерный вид,
Она показывает свое горе в более искреннем месте;
Здесь царит природа и страсть, лишенная искусства,
Ибо эта дорога ведет прямо к сердцу".

(Ник Роу.)

"Но Сэндвич, хоть и с огромным удивлением,
Увидев плачущие глаза монарха,
сказал ему, что в этом нет ничего страшного.
Чем больше он плакал, тем меньше злился".

(Из книги "Новый основательный госпиталь остроумия".
vol. lv. p. 204.)

""Бох", говорят, это имя датского генерала, который так напугал своего противника Фоха, что заставил его побледнеть" (Grose, Dict. of Buckish Slang, art. "Boh". См. также в том же томе рассказ о пуританском проповеднике, с которым произошел такой же несчастный случай на его кафедре, когда он услышал о приближении королевских войск, - арт. "Sh-t Sack").

XLI. ОРДУРА И МОЧА В МЕДИЦИНЕ.

Применение мочи в качестве лечебного средства открывает двери для целого потока мыслей. Медицина, как в теории, так и на практике, даже у самых высокоразвитых и утонченных народов, вплоть до нынешнего столетия не очистилась от суеверных отпечатков темных веков. У племен с более низкой степенью культуры она все еще подчинена заклинаниям и изгнаниям "знахаря". Возможно, не будет слишком большим шагом утверждать, что наука терапии, в чистом виде, еще не сформировалась среди дикарей; но чтобы сократить обсуждение и избежать споров, здесь будет принято считать, что такая наука существует, но в крайне грубом и эмбриональном состоянии; И к этому можно отнести все примеры введения мочи или ордуры в *медицинские средства*, где помощь "знахаря", похоже, не использовалась, как в методе, используемом для уничтожения перхоти мексиканцами, эскимосами и другими, кельтиберийской зубной пастой и т.д.[\[71\]](#)

Когда впервые была начата работа по сбору и сопоставлению данных, относящихся к этой теме, была очевидна исключительная важность фармацевтического раздела. По мнению автора, эту часть исследования должен был взять на себя студент, имеющий предварительную подготовку в области медицины, и только после настоятельных просьб дружеских корреспондентов он решил, возобновив свои труды, дополнить эти ссылки цитатами из более выдающихся писателей древности и современности, которые продемонстрировали важность предмета, посвятив его рассмотрению не мимолетные предложения и скудные ссылки, а целые главы и объемные тома.

По счастливой случайности ему удалось в полной мере воспользоваться библиотекой Медицинского музея армии, которая под руководством хирурга Джона С. Биллингса из армии США превратилась в лучшую специальную библиотеку в мире.

От хирурга Биллингса и его квалифицированных помощников, докторов Флетчера и Уайза, помимо вежливого внимания, которого вправе ожидать каждый студент, было получено разумное и сочувственное сотрудничество, которое не может быть слишком признательным.

При таком скудном богатстве, какое предстало перед ним, он воспользовался правом опираться только на те авторитеты, которые, по мнению всех критиков, имеют наибольшее право на известность; если бы он пошел другим путем и попытался привести все имеющиеся материалы, эта глава заняла бы сотни, а возможно, и тысячи страниц.

"Шпренгель считает, что Асклепиад, по прозвищу Фармасьон, был первым, кто советовал выводить человеческие экскременты; но вполне вероятно, что он не подходил для этого, кроме как для того, чтобы изложить в прецедентах использование, которое до сих пор применялось на Востоке, в частности в Египте." ("Bib. Scat.", pp. 29, 30).

Самым ранним писателем, к чьим трудам мы обращались, был Гиппократ, названный "Отцом медицины", родившийся в 460 году до н. э. "Он принадлежал к роду Асклепиадов... и был потомком Эскулапа и Геракла. Он родился в семье жрецов-врачевателей и был первым, кто отбросил суеверия и основал медицинскую практику на принципах индуктивной философии" ("Британская энциклопедия").

Гален написал ряд комментариев к своим трудам. Медицинские комментаторы не сошлись во мнении, сколько из приписываемых ему работ являются подлинными; но издания признанных и подозреваемых в подделке почти бесчисленны и напечатаны на всех языках Европы.

В издании Фрэнсиса Адамса (Sydenham Society, London, 1849) нет ни одного упоминания об использовании человеческих или животных выделений в фармакологии. Но в другом издании можно прочитать, что ослиный помет давали для сдерживания чрезмерного катамениального потока (издание Kuhn, Leipsig, 1829, vol. i. p. 481).

Этмюллер говорит, что Гиппократ назначал ястребиный помет для изгнания плода и как средство от бесплодия (т. ii. с. 285). Общее использование экскрементов в медицинской практике времен Гиппократа должно быть принято на основании доказательств, полученных из внешних источников. Например, Аристофан, его современник (род. 446 г. до н. э., Encyc. Britan.), клеймил всю медицинскую братию как "пожирателей экскрементов"; а Ксенократ, другой практик того же времени, о трудах которого, однако, ничего не дошло до нас, кроме скудных сведений, которые можно найти в комментариях Галена, постоянно использовал не только человеческие и животные выделения, но и все секреты и экскременты. Согласно "Энциклопедии Эпплтона", Ксенократ родился в 396 году до нашей эры.

Шуриг пишет об Аристофане, что тот называл врачей "фециворами... quod quidem adulatores fuerint quin excrementa Magnorum degustare voluerint". Он также говорит: "Quare de illo non inepte dixit quidam, eum dignum fuisse Xenocrates Medico, qui excrementis variis animalium omnes morbos curare solitus erat."-("Chylologia", p. 82.)

"Ксенократ, процветавший за шестьдесят лет до Галена, также имел хороший список неприятных рецептов, для которых требуется завеса мертвого языка". ("Саксонские пиявки", lib. i. p. xviii.) В их число входила моча женщин и их катаменное масло.

Аристофан называл врачей своего времени σκατοφάγους, или пожирателями экскрементов. "Ce qui était plus malin que vrai, car les compères en faisaient manger à leurs clients plus qu'ils n'en mangeaient eux-mêmes."-("Bibliotheca Scatologica").

Человеческие экскременты под названием "ботрион" использовались Эсхином Афинским для лечения хандры. (Плиний, lib. xxviii. с. 10.) Эсхинес жил в 389-317 гг. до н.э.

"Серрапион Александрийский жил в 278 г. до н. э., через сорок лет после Александра Македонского, и был одним из лидеров эмпирической школы..... Он при эпилепсии прописывал... помет крокодилов" ("Саксонские пиявки", т. I, с. xiv).

Следующим в хронологическом порядке будет Плиний, из которого можно извлечь настоящую шахту информации по этому вопросу; затем Диоскорид, живший в последние годы первого и первые годы второго веков христианской эры; и затем Гален, родившийся в Пергаме, в Мисии, в 130 году нашей эры, "самый знаменитый из древних медицинских писателей" и "назначенный императором Марком Аврелием на должность медицинского опекуна своего сына, молодого принца, а впоследствии императора, Коммода."- (Encyc. Brit.).

Классические авторитеты завершаются Секстом Плацитом, из трудов которого было извлечено много важного.

Каждому автору будет позволено говорить своими словами, а необходимые выводы будут сделаны после; только замечания, касающиеся любви-фильтров и рождения детей, были отнесены к главам, посвященным лечению этих предметов, и то лишь для того, чтобы уменьшить вероятность повторения.

Следующие средства взяты из Плиния, из книг и глав, приведенных напротив каждого случая:-

"Растение, выросшее на навозной куче в поле, является очень эффективным средством, принимаемым в воде, от хвори" (Lib. xxiv. с. 110.).

"Растение, на которое полила собака, вырванное с корнем и не тронутое железом, является очень быстрым средством от растяжения связок" (Idem, с. 111.).

"Верблюжий помет, растертый в золу и соединенный с маслом, скручивает и пушит волосы на голове, а принятый в питье в количестве, которое человек может охватить тремя пальцами, излечивает дизентерию; так же он излечивает падающую болезнь. Говорят, что верблюжья моча хорошо подходит для фуллеренов, чтобы стирать ею ткани; она же лечит любые запущенные язвы, которые в ней моют. Хорошо известно, что варварские народы хранят эту свою несвежую мочу до пятилетнего возраста, а затем выпивают ее в количестве одного гермина - это хорошее слабительное средство" (Lib. xxviii. с. 8).

Козий навоз полезен при болях в глазах" (Idem, с. 11.).

Для лечения "черепа в голове" римляне использовали "мочу быка". Хорошим средством считалось также несвежее камерное масло. "Желчь козлов, сдобренная застоявшейся мочой Буля, убивает вшей". Также предписывалось использовать собачий и козий помет (Idem, с. 11.).

Волчий помет упоминается как полезный при катаракте.- (Idem, с. 11.)

Куриный помет, белая часть, назначается для лечения ядовитых грибов; также для лечения метеоризма (но у любого живого существа он вызывает метеоризм, говорит Плиний). Среди лекарств от ушной боли упоминаются пепел свежеприготовленного и сожженного конского помета, моча дикого кабана, зеленый помет осла (idem, с. 11); также "моча быка или козы, или несвежий камерный щелок, сделанный горячим"; также "Calfe's Pisse, Calfe's dung". Козий и конский навоз использовали для отгона змей (Idem, с. 110).

Человеческая моча использовалась для лечения укусов бешеных собак.

Плиний замечает, что греки использовали соскобы с тел атлетов в качестве эменагог, при проблемах с маткой, при растяжениях, мышечном ревматизме и т. д. "Мы находим авторов с самой высокой репутацией, которые громко заявляют, что семенная жидкость является суверенным средством от укуса скорпиона. В случае женщины, страдающей бесплодием, они также рекомендуют применять пессарий из свежих выделений, извергаемых младенцем в момент его рождения..... Они даже зашли так далеко, что соскребали саму грязь со стен гимнастических залов и утверждали, что она обладает определенными калорийными свойствами..... Моча была предметом не только многочисленных теорий авторов, но и различных религиозных обрядов, ее свойства классифицировались по нескольким отличительным признакам; так, например, моча евнухов, по их словам, очень полезна как способствующая плодovitости у женщин". Он упоминает мочу детей как суверенное средство от ядовитых выделений аспиды, который "плюет своим ядом в глаза людей". Человеческая моча использовалась при проблемах с глазами, "альбуге, пленках и отметинах на глазах, белых пятнах на зрачках и болезнях век". Ее также использовали для лечения ожогов, нагноений в ушах, как эменагог, при солнечных ожогах и для выведения чернильных пятен. "Мужская моча излечивала подагру". Моча излечивала "высыпания на теле младенцев, коррозионные язвы, проточные язвы, прободения на теле, укусы, нанесенные змеями, язвы на голове и раковые язвы половых органов..... Моча каждого человека является лучшей для его собственного случая" (Lib. xxviii. с. 18.).

Пепел верблюжьего помета принимали внутрь при эпилепсии, а также при дизентерии.

Верблюжья моча прикладывалась к запущенным язвам; варварские народы хранили ее в течение пяти лет, а затем использовали как чистящее средство.- (Idem.)

Навоз гиппопотама использовался в фумигациях "для лечения простуды" (Idem, с. 31.).

Моча однократки (унции) "помогает при странгурии"; ее также принимали внутрь от боли в горле.

Гиеновая урина "считается полезной при застарелых болезнях" (idem, с. 27); также дается в питье при дизентерии; применяется в линиментах.- (Idem.)

Крокодиловый помет используется для лечения глазных болезней и эпилепсии; в виде пессария применяется как эменагог.

Рысья урина от странгурии и болей в груди.- (Idem, с. 32.)

Козий урин - противоядие от укусов змей.- (Idem, с. 42.)

Козий навоз - противоядие от укусов змей.- (Idem.)

Конский навоз, взятый от лошади на пастбище, противоядие от укусов змей.- (Idem.)

Козий навоз от укусов скорпионов.- (Idem.)

Навоз телят при укусах скорпионов.-(Idem.)

Козий помет при укусах бешеной собаки.-(Idem.)

Барсучий помет, кукушкин помет, помет ласточки, принимаемый внутрь, от укуса бешеной собаки.-(Idem.)

Бычий помет, перхоть, применяется местно.- (Idem, с. 46.)

Козий навоз, перхоть.- (Idem.)

Волчий помет от катаракты.- (Idem, с. 47.)

Козий помет для лечения офтальмии и глазных болезней в целом; внутрь.- (Idem.)

Моча дикого кабана, проблемы с ушами.- (Idem, с. 48.)

Осиный помет, глухота.- (Idem.)

Конский навоз, глухота; также используется в линиментах.- (Idem.)

Бычья моча, глухота.

Козлиная моча, глухота.-(Idem.)

Телячий помет, глухота.-(Idem.)

Телячья моча, глухота.-(Idem.)

Моча ассов, внутрь, при слоновости.- (Lib. xxviii. с. 30.)

Кошачий помет, втираемый в шею, для удаления костей из горла.- (Idem, с. 51.)

Теплая моча, коровий и козий навоз, прикладываемые к золотушным язвам.- (Idem.)

Козья моча и навоз для лечения трещин в шее.- (Idem, с. 52.)

Заячий помет, внутрь, от кашля.- (Idem, с. 53.)

Кабаний помет, свиной помет, внутрь, при болях в пояснице.

Коровий навоз, наружно, радикулит.

Осиный навоз, внутрь, при поражении селезенки.- (Idem, с. 57.)

Конский навоз, внутрь, при болезнях кишечника.

Кабаний или свиной навоз, внутрь, при дизентерии.

Заячий, ослиный, лошадиный или козий навоз, внутрь, дизентерия.- (Idem.)

Телячий помет, внутри, метеоризм.- (Idem.)

Заячий навоз, внутренне, грыжа.-(Idem.)

Осиный помет, внутрь, болезни толстой кишки.-(Idem.)

Свиной помет, внутрь, болезни толстой кишки.-(Idem.)

Моча дикого кабана, внутрь, при болезнях мочевого пузыря; также используется внутрь при лечении мочевых камней.- (Idem, с. 60.)

Козий навоз, внутренне, при мочекаменной болезни.- (Idem.)

Козий навоз, наружно, язвы на генеративных органах.- (Idem.)

Моча диких особей, болезни половых органов, наружно.- (Idem, с. 61.)

Козья моча, болезни половых органов, наружно.- (Idem.)

Козий навоз, при болезнях половых органов, наружно; также внутрь, при подагре.- (Idem.)

Коровьего навоза, внутренне, при подагре.- (Idem.)

Телячий навоз, внутрь, при подагре.- (Idem.)

Козий навоз, ишиас, наружно.- (Idem.)

Кабаний помет, свиной помет, натоптыши, натоптыши, мозоли.- (Idem, с. 62.)

Моча ослов, прикладывается к ногам, пострадавшим от путешествий.

Телячий помет, сожженный, прикладывают к варикозным венам.- (Idem.)

Моча дикого кабана, которую пьют от эпилепсии.- (Idem, с. 63.)

Лошадиная моча, которую пьют от эпилепсии; также от бреда.- (Idem.)

Моча ослов, наружно, при параличе.- (Idem.)

Навоз новорожденного осла, внутрь, при желтой желтухе.- (Idem, с. 64.)

Навоз жеребенка, внутренне, желтая желтуха.- (Idem.)

Козий навоз, наружно, при переломах костей.- (Idem, с. 65.)

Коровьим навозом, сожженным, разбавленным мочой мальчиков, натирали пальцы ног больного при лихорадке квартана.- (Idem, с. 66.)

Телячий помет, внутрь, при меланхолии.- (Idem, с. 67.)

Свиной помет, внутрь, при чахотке.- (Idem.)

Моча дикого кабана, внутрь, при водянке.- (Idem, с. 68.)

Коровья моча, внутренне, водянка.- (Idem.)

Телячья урина, внутренне, водянка.- (Idem.)

Бычья урина, внутренне, водянка.[\[72\]](#)- (Idem.)

Телячий навоз, коровий навоз, свиной навоз, ослиный навоз, все применяются наружно для лечения эризипелаза и гнойных высыпаний.

Навоз кабана, свиной навоз, телячий навоз, козий навоз, коровий навоз, наружно, при растяжениях, нарывах и фурункулах.- (Idem, с. 70.)

Кабаний навоз, свиной навоз, заячий навоз, козий навоз, наружно, при ожогах всех видов.

Козий навоз, навоз дикого кабана, наружно, при ушибах, синяках и т.д. - (Idem, с. 72.)

Император Нерон, будучи склонным к золотухе, пил пепел кабаньего помета в воде, чтобы освежиться.- (Idem.)

Навоз ослов, сожженный, наружно, при кровотечениях.- (Idem, с. 73.)

Навоз теленка, сожженный, наружно, кровотечения.

Свиной навоз, наружно, к язвам.- (Idem, с. 74.)

Козий навоз, наружно, на язвы.

Свиной навоз, свежий, наружно, к ранам.- (Idem.)

Лошадиный навоз, коровий навоз, свежий, наружно, к ранам.- (Idem.)

Навоз ослов, наружно, зуд.- (Idem, с. 75.)

Коровий навоз, наружно, зуд.- (Idem.)

Коровий навоз, козий навоз, применяемый наружно для удаления колючек.- (Idem, с. 76.)

Навоз кабана или свиной навоз, внутрь, при воспалении матки.- (Idem, с. 77.)

Осиный навоз, в виде пластыря или порошка, или как фумигация, при всех проблемах с маткой.

Бычий помет, как средство для окулирования, при выпадении матки.- (Idem, lib. xxviii. с. 77.)

Кошачий помет, как пессарий, при язвах матки.- (Idem.)

"Козья моча, принимаемая внутрь, и навоз, применяемый местно, задерживают выделения из матки, как бы ни были они обильны" (Idem.).

Свиной помет, как инъекция, используется для лечения беременных животных от выделения крови" (Idem, с. 81.).

"Говорят, что быки на острове Кипр лечат себя от схваток в животе, проглатывая человеческие экскременты" (Idem.).

Навоз мышей и пепел овечьего помета назначают от перхоти. Навоз павлина считается очень ценным в медицине, но для чего - не указано.

Овечий помет, наружно, при укусах змей.- (Idem, с. 15.)

"Самым эффективным средством от ран, нанесенных аспидом", было то, что "человек, которого ужалили, должен был пить свою собственную мочу" (Idem, с. 18).

"От укусов всех пауков... овечий помет, смешанный с уксусом" (Idem, с. 27.).

Навоз домашней птицы хорош как средство от укуса скорпиона" (Idem, с. 29.).

"Навоз домашней птицы, если он красного цвета, очень полезен, если его применить с уксусом". А также от укуса бешеной собаки.- (Idem, с. 32.)

Считалось, что моча бешеной собаки вредна для тех, кто на нее наступает, особенно для тех, у кого есть язвы.

"Правильным средством в таких случаях является применение конского навоза" (Idem.).

"Кто сделает воду там, где до этого поливала собака, тот будет подвержен онемению поясницы" (Idem, с. 32.).

"Птичий помет, но только белая часть, ... является отличным противоядием от яда грибов и грибниц; он также является лекарством от метеоризма и удушья, - чему стоит только удивляться, видя, что если любое живое существо только попробует этот помет, на него немедленно нападают схваткообразные боли и метеоризм" (Idem, с. 33.).

"Помет древесных голубей... противоядие от зыбучего серебра" (Idem.).

Овечий, мышиный, птичий помет, применяемый наружно при лечении облысения или "алопеции", названной так от "алопекс", лисица, "животное, очень подверженное выпадению волос" (Idem, с. 34.).

Мышиный помет, наружно, при "поражениях век" (Idem, с. 37).

Птичий помет как линимент для близоруких людей.

"Говорят, что павлины глотают свой помет, как будто завидуют человеку в том, как он его использует" (Idem.).

Голубиный помет, наружно, фистула.- (Idem.)

Ястребиный помет, помет горлицы, наружно, "альбуго".

Голубиный помет, наружно, импостумы околоушной железы.- (Lib. 29, 39.)

Мышиный помет, вороний помет, воробьиный помет. Пепел из них вставляли в кариозные зубы и использовали наружно при всех зубных заболеваниях.

Мышиный помет, полезный для придания сладости кислому дыханию (idem, с. 9); также предписывается для камня.- (Idem, с. 8.)

"Навоз ягнят до того, как они начали пастись... облегчает... поражения язычка и боли в слизистой оболочке. Его следует сушить в тени" (Idem, с. 11.).

Голубиный помет используется как полоскание для горла (idem); применяется внутрь при хандре (idem, с. 12); внутрь при дизентерии (idem, с. 19); и наружно для лечения "подвздошной страсти" (Idem, с. 20).

Мышиный помет, натертый на животе, считался лекарством от мочекаменной болезни (Idem, с. 21).

Мякоть ежа, убитого до того, как он успел выпустить мочу на тело, была лекарством от странгурии; но он вызвал бы странгурию, если бы успел помочиться на себя перед смертью.- (Idem, с. 21.)

Голубиный помет, внутрь, при мочевых камнях.

Ласточкин помет, как суппозиторий и чистящее средство.- (Idem.)

Собачий помет, наружно, при трещинах в заднем проходе.- (Idem, с. 22.)

Мышиный помет.- (Idem.)

Голубиный помет, снаружи, в трещине в заднем проходе.- (Idem.)

Мышиный и голубиный помет, наружно, при опухолях.- (Idem.)

Овечий и птичий помет, наружно, при подагре.- (Idem.)

Голубиный помет, линимент от болей в суставах.- (Idem, с. 23.)

Пепел голубинового или птичьего помета, наружно, при экскориациях на ногах.- (Idem, с. 25.)

Мул-урин, овечий и птичий помет, наружно, для лечения мозолей на ногах.- (Idem.)

Собачья урина, овечий и птичий помет, наружно, от бородавок всех видов.- (Idem.)

Ласточкин помет, внутрь, для лечения лихорадки.- (Idem, с. 30.)

Голубиный, птичий и овечий помет, наружно, при нарывах и карбункулах.- (Idem, сар. 33, 34.)

Овечий помет, наружно, ожоги.- (Idem, с. 35.)

Голубиный помет, настойка из него при кровоизлиянии в мозг.- (Idem, с. 38.)

Конский навоз, наружно, при кровотечениях из ран.- (Idem.)

Овечий навоз, пепел, наружно, карцинома.- (Idem, с. 39.)

Овечий навоз, наружно, раны и свищи.- (Idem.)

Мышиный помет, прижигание.- (Idem.)

Ласкин помет, зола, прижигание.

Голубиный помет, пепел, прижигание.- (Idem.)

Птичий и голубиный помет, наружно, старые цикатирии.- (Idem, с. 40.)

Овечий помет, наружно, женские жалобы.- (Idem, с. 43.)

Мышиный помет, наружно, при набухании груди.

ОТРЫВКИ ИЗ ТРУДОВ ДИОСКОРИДА.

Диоскорид посвятил целую главу лекарственным свойствам различных растений; необходимо привести только перевод, так как оригинал вставлен.

Свежий навоз домашнего скота считался хорошим средством при воспаленных ранах, при болях в позвоночнике, а если сделать из него пластырь с маслом, то он рассасывал железистые и золотушные опухоли и припухлости. Навоз быков был средством от выпадения матки; если его запивали вином, то часто давали как средство от эпилепсии; использовали также для лечения подавленных менструаций и для изгнания плода при задержке родов; назначали при менструальных кровотечениях; для облегчения подагры на ногах, укусов змей, эризипелаза и т. д. Козий и овечий навоз использовался для тех же целей.

Высушенный козий навоз, запитый вином, останавливал кровотечения, как и навоз ослов и лошадей. Навоз откормленных на траве коров, залитый вином, использовался при укусах скорпионов.

Голубиный и птичий помет давали для рассасывания старых язв и золотушных опухолей.

Куриный помет считался почти специфическим средством против воздействия ядовитых грибов; его пили в вине.

Аистиный помет был еще одним средством от эпилепсии; его также запивали вином.

Помет стервятника изгоняет плод, мышинный помет - камни.

Куриный помет, особенно отложенный в собачьи дни, помогал при дизентерии.

Свежий человеческий помет прикладывали к воспаленным ранам, а также в качестве пластыря при ангине; собачий помет также использовался в таких случаях.

Экскременты крокодила пользовались большой популярностью как косметическое средство. (См. "Косметика"). Покупателей предупреждали, что в него часто подмешивают экскременты скворцов, питающихся рисом.

Мочу самого пациента следует пить в случаях укусов змей, ядов из лекарств, укусов скорпионов, бешеных собак и т. д. При застарелых язвах, рубцах, "лепрах" - отличное средство; также при язвах на половых органах, язвах в ушах и т. д.

Моча непорочного мальчика высоко ценилась для различных целей, особенно когда ее тритурировали с медом в медной ступке.

Осадок мочи" (см. "Mangeurs de Blanc") считался очень полезным при эризипелезе. Бычьей мочу давали для лечения язв в ушах.

Козья моча изгоняла камень из мочевого пузыря; также она была полезна при водянке, если пить ее ежедневно.

Моча ассов излечивала манию.

"Диоскорид", lib. ii. cap. 73, et ses commentateurs, P. Andr. Mathicle, fol. 238, et J. Cornarius, comment. cap. 69, fol. m. 134, разрешают использовать стеркореарию в отношении пайсанов, и если нет ничего более приятного, но запрещают ее жителям деревень и почетным лицам, которые оценивают ее. Кроме своего большого произведения, как мэтра медицины, Диоскорид приписывает Диоскороду один трактат под названием "Евпористия", или же несколько средств, которые легко достать". (Это издание было опубликовано в Страсбурге и снова во Франкфорте в 1565 и 1598 годах, соответственно, с греческого оригинала). "В "Евпористе" Диоскорид пытается установить, что местные средства ценятся гораздо лучше, чем те, которые можно достать за большие деньги в чужих странах, и под этим заголовком он упоминает стерлядь как источник полезных ресурсов" ("Bib. Scatologica", p. 74).

"Stercus bovis armentalis recens impositum, inflammationem ex vulneribus lenit; foliis autem involutum in cineris calentis calefit, atque ita imponuntur. Simili modo fotu applicitum coxendicis cruciatus mitigat. Ex aceto vero cataplasmatibus vice impositum duritias, strumas et glandarum tumores discutit. Speciatim vero bovis masculi fimus prolapsum uterum suffitu restituit, accensi

quoque nidore culices abiguntur. Cuprarum præsertim in montibus degentium, stercus ex vino bibitum regium morbum emendat, cum aromatibus vero potum menses ciet et foetus ejiciet.

"Siccum, tritumque et cum turre in velleræ appositum, fluxum muliebrem cohibet aliasque sanguinis eruptiones ex aceto compescit. Ustum ac cum aceto aut oxymelite illitum calvitiei medetur. Cum axungia vero cataplasmata adhibitum podagræ opitulatur. Decoctum in aceto, aut vino imponitur ad serpentis morsum, herpetas, erysipelata, parotides. Quin et ischiadicis ustis eorum ope administratur utiliter hunc in modum; in eo cavo, quod est inter pollicem et indicem qua parte pollex committitur, lana oleo imbuta prius substernitur, ac dein singulatim imponuntur fimi caprini ferventes pilulæ, donec sensus per brachium ad coxendicem perveniat doloremque mitiget atque adustis talis arabica appellatur.

"At vero stercus ovillum ex aceto impositum sanat epinyctidas, clavos, verrucas, quæ thymi vocantur, et quæ pensiles sunt..... Aprinum autem aridum in aqua aut vino potum, sanguinis rejectionem sistit ac diuturnum sedat lateris dolorem. Sed ad rapta convulsæque, ex aceto bibitur; luxatis vero exceptum curato rosaceo medetur. Porro tam asinorum quam equorum fimum, sive crudum sive crematum, addito aceto, sanguinis eruptiones cohibet. Armentinorum vero, qui herba pascuntur, siccum stercus vino imbutum et bibitum a scorpione ictis magnopere auxiliatur.

"Columbinum quoniam vehementer calefacit ac urit, farinæ crudæ admiscetur, et ex aceto quidem strumas discutit. Carbunculos vero emarginat cum melle, lini seminæ, et oleo tritum, nec non ambustis quoque medetur. Gallinaceum eadem, sed malignis, præstat. Speciatim tamen contra letales fungos et colicos dolores confert, si ex aceto aut vino bibatur. Ciconæ vero fimum ex aqua potum comitialibus prodesse creditur. Vulturis suffumigatum foetum excutere traditur. Murium cum aceto tritum illitumque calvitiei medetur, cum turre vero et mulso potum calculos expellit. Sed et subditæ infantibus muscerdæ alvum ad dejectionem lacessunt. Caninum stercus, quod per caniculæ ardore exceptum fuerit, aridum cum vino aut aqua potum, alvum cohibet. Ad humanum recens cataplasmati vice impositum vulnera ab inflammatione vindicat, simul vero glutinat. Siccum autem cum melle perunctum anginosos auxiliari traditur.

"Stercus crocodilis terrestris mulieribus confert ad colorem faciei nitoremque producendum".

"Optimum vero quod candidissimum et friabile amyli modo leve in humore statim eliquiescit, atque dum teritur, subacidum est et fermentum redolet. Sunt qui id vendant adulterant fimo non dissimili sturnorum quos oryza paverunt. Alii amyllum aut cimoliam subigunt, et adescito, colore, per rarum cribrum, paullatim percolant et siccant, ut vermiculorum specie loco genuini vendant. Ceterum humanum stercus siccum melle subactum, et gutturi impositum sicut et caninum, anginosis opitulari in arcanis, aut turpibus etiam inveniunt."-(Диоскорид, "Materia Medica", латинско-греческое издание Kuhn, Leipsig, 1829, vol. i., pp. 222 et seq.)

"Humanam urinam suum cuique bibere prodest contra viperæ morsus et letalia pharmaca, hydropemque incipientem; prodest etiam ea fovere echinorum marinorum scorpionis itidem marini draconisque ictus. Canina rabidi canis morsibus perfundendis idonea est; lepras quoque et pruritus, nitro addito, exterit. Vetus etiam achoras, furfures, scabiem, fervidasque eruptiones potentius extergit, quin et ulcera depascentia, etiam genitalium coarctet. Purulentis quoque auribus infusa pus condensat, et in malicordio cocta animalcula (quæ forte in aures irrepsissent) ejicit. Pueri innocentis absorta urina anhelantibus confert, cocta vero in æreo vaso cum melle cicatrices albugines et caligines emendat.

"Quin etiam ex ea et ære cyprio idoneum auro ferruminando glutea paratur. Sedimentum urinæ erysipelata illita mitigat. Fervefactum cum cyprino appositumque uteri dolorem demulcet ex utero, strangulata levat, palpebras deterget et oculorum cicatrices expurgat. Taurinum lotium cum myrrha tritum et instillatum dolores aurium lenit.

"Aprinum iisdem viribus præditum est sed peculiariter vesicæ calculos potu comminuit et expellit. Caprinum traditur ad hydropem inter cutem cum spica nardi binisque aquæ cyathis quotidie bibiti urinas ducere et alvum instillatum, vero aurium doloribus mederi. Asinino denique ferunt nephreticos sanari."- (Dioscorides, idem, vol. i. pp. 227 et seq.)

На с. 228 Диоскорид говорит об использовании лекарства, известного как "моча рыси", но, по его словам, являющегося разновидностью янтаря.

ВЗГЛЯДЫ ГАЛЕНА.

Гален не одобрял фармацевтическое использование человеческой мочи из-за ее отвратительного запаха, но одобрял использование мочи домашнего скота, коз, крокодилов и собак; кроме того, он сообщает, что человеческая моча принималась внутрь в качестве лекарства очень многими людьми.

"De Copro, Stercore, Copros, sive Copron, sive Apoptema, appellari velis perinde est. Scito autem hanc substantiam vim habere vel maxime digerentem. Verum stercus humanum ob foetorem abominandum est, at bubulum, caprinum, crocodilorum terrestrium, et canum, ubi in ossibus duntaxat vescuntur neque graviter olet, et multa experientia non tantum nobis, sed et aliis medicis me natu majoribus comprobatum est. Siquidem Asclepiades cui cognomentum erat Pharmaceon, et alia omnia medicamenta collegit, ut multos impleret libros, et stercore ad multos sæpe affectus utitur non modo medicamentis, quæ focus imponuntur commiscens, sed iis quoque quæ intro in os sumuntur."-(Galenus Claudii, "Opera Omnia", edit. of Dr. Carl Gottlieb Kuhn, Leipsig, 1826, vol. xii, pp. 290, 291.)

Собачий помет, особенно животного "sola ossa cani edenda exhibens duobus continuo diebus, ex quibus durum, candidum, ac minime foetorum stercus proveniebat". Такой собачий помет добавляли в молоко или другую удобную менструацию при ангине, дизентерии, неизлечимых язвах и т. д. (Idem, vol. xii. p. 291).

Мочу мальчиков пили пациенты, страдающие от чумы в Сирии, но год не указан.- (См. Idem, vol. xii. p. 285).

Гален не верил, что кальцификаты имеют хоть малейшее значение для уменьшения количества кальцификатов.- (Idem, lib. xii. p. 290.)

Гален не мог согласиться с Ксенократом, который рекомендовал использовать в медицине пот, мочу, катамениальную жидкость и ушную серу как изнутри, так и снаружи. (Idem, lib. xii. p. 249.) "At potis sudoris aut urinæ aut mensium mulieris abominanda detestandaque est, atque horum in primis stercus, quod tamen scribit Xenocrates, si oris ac gutturis partibus inungatur et in ventrem devoretur, quid præstare valeat.-Scripsit etiam de aurium sordis devorandis. At ego ne has quidem morbo deinceps liber degerem. Atque his etiam magis abominandum puto stercus. Estque probrum gravius homini modesto audire stercorivorum quam fellatorum aut cinædum."

Он показывает, что некоторые врачи использовали его при "псорих" и "лепрах", для промывания язв, поражений ушей и половых органов, в качестве присыпки и линимента при ожогах и чесотке головы, а деревенские жители - для облегчения болей при болезнях ног (Galen, lib. xii. p. 285 et seq.).

Гален приводит примеры, когда высушенный ордус мальчика, смешанный с аттическим медом, использовался как лекарство от чахотки. "*Stercus pueri siccum cum melle Attico ad laevorem tritum*". (Idem, lib. xii. p. 294.) Мальчик должен был питаться овощами и хорошо приготовленным хлебом, заквашенным, с небольшим количеством соли, в небольшой печи (Clibanus, Dutch oven?). Мальчик также должен был быть умеренным в питье, употребляя лишь небольшое количество хорошего вина.

Волчий помет давали пить в промежутках между пароксизмами колик; белые экскременты, выбрасываемые после поедания костей, считались более сильными, и особенно те, которые не касались земли, - что нетрудно найти, поскольку, по его словам, волк имеет ту же склонность, что и собака, то есть выбрасывает свою мочу и помет на скалы, камни, колючки и кусты, когда это возможно, и т. д.-(Гален, "*Opera Omnia*", издание Куна, lib. xii. pp. 295-297).

Козий навоз был полезен для уменьшения неизлечимых твердых опухолей и фурункулов. Гален с большим успехом использовал его в качестве катаплазмы вместе с ячменной мукой. "Мы также используем его, - добавляет он, - при водянке" ("*aquam inter cutem*"). Его также использовали при "лепре", "псоре" и других кожных заболеваниях. Его применяли в качестве пластыря при опухолях и других опухолевидных образованиях, а также при абсцессах уха; также при укусах гадюк и других диких зверей ("*aliarum bestiarum*"). Его пили в вине как лекарство от желтой желтухи, а также применяли как суппозиторий, смешанный с ладаном, при маточных кровотечениях. Но Гален считал, что внутреннее применение таких отвратительных лекарств, по крайней мере, сомнительно, особенно когда есть более приятные средства. Это возражение, конечно, с особой силой действует в городах, хотя он признает, что путешественники, деревенские жители и те, кто страдает от яда, должны использовать первое, что попадется под руку (vol. xii. p. 299). Гален считал бычий помет полезным средством для лечения укусов пчел и ос (см. заметки по этому вопросу, сделанные в штате Нью-Джерси). В Мисии, стране близ Геллеспонта, врачи предписывали намазывать им кожу больных водянкой на солнце. Предполагалось, что такое же лечение помогает больным, если навоз используется от травы; но он повторяет, что такие средства лучше подходят для деревенских, чем для городских жителей (lib. xii. p. 301).

Овечий навоз использовался для лечения всех видов бородавок и наростов снаружи, в сыром или сожженном виде, и в последнем случае часто смешивался с козьим навозом или заменял его (lib. xii. p. 302).

Помет диких голубей предпочитали экскрементам домашних голубей; применяли внутрь, обычно смешивая с семенами настурции, при всех изнурительных болях в боку, плечах, черепе, пояснице, почках, при головокружении, головных болях и т. д. Его использовали так же часто в городах, как и в сельских общинах (lib. xii. p. 302).

Мышиный помет, по-видимому, широко использовался в медицинской практике, хотя Гален высмеивает этот факт и не упоминает о целях его применения (lib. xii. p. 307).

Навоз дворовых птиц использовался для тех же целей, что и голубиный помет. Некоторые люди считали, что помет более эффективен, если его роняет птица, нафаршированная грибами. Здесь Гален пользуется случаем, чтобы заметить, что все животные должны различаться по характеру своих выделений, как и по питанию; одно и то же животное, меняя место обитания и, соответственно, пищу, должно вызывать ощутимые различия в качестве своих выделений (lib. xii. p. 304). Гален категорически не верит в лекарственную ценность экскрементов гуся, аиста, орла или ястреба, хотя и признает, что они использовались внутри многими практикующими врачами с хорошей репутацией при заболеваниях дыхательных

органов; но он говорит, что те же самые авторитеты склонны превозносить достоинства таких абсурдных средств, как кровь ночной курицы, человеческая моча и т. д. (Galen, lib. 12, p. 305).

Лукиан в своем трактате о средствах для лечения подагры ("Трагоподагра") в нескольких местах упоминает средства, содержащие экскременты, - например, "навоз горных козлов и людей".

"И кости, и кожа, и жир, и кровь, и навоз,

Костный мозг, молоко, моча, к бою приводят".

-(Издание Уильяма Тука, Ф. Р. С., Лондон, 1820, т. i. с. 741).

СЕКСТ ПЛАЦИТ.

Предполагается, что этот автор жил в начале четвертого века после Рождества Христова.

Издание его труда, "De Medicamentis ex Animalibus", было напечатано в Лионе в 1537 году. Страницы не пронумерованы, и цитаты приводятся по главам.

Козью мочу давали пить больным водянкой ("De Capro"). Эту мочу также пили женщины для облегчения подавления менструации.

При воспалении суставов козий навоз высушивали и наносили в виде мелкого порошка; при коликах прикладывали к животу разжигание из горячего козьего навоза; при укусах змей его накладывали в виде пластыря, а также пили в каком-нибудь удобном ликёре. При опухлях козий навоз прикладывали наружно.

При ушных заболеваниях козью мочу прикладывали в виде примочек. "Ad aures nimis bene audientium, Apri lotium in nitro repositum tepefactum, auribus instillatur audire facit" ("De Apro").

При ожогах, как водой, так и огнем, посыпали сожженным коровьим навозом. "Ad combusturam sive ab aqua, sive ab igne factam, Taurinus fimus combustus et aspersus sanat" ("De Tauro").

"Ad profluvium mulierum, Taurus ibicuncque pastus fuerit folia ulmi arboris de fimo ipsius facias siccari et terre in pollinem tenuissimum, mitte ipsum in carbones in quodam testo, et deponas in vaso et sedeat mulier quæ patitur encatesma diligenter co-operta (хорошо прикрытая), et sanabitur ut mireris" ("De Tauro").

Testo означает "крышка горшка"; *encatesma* означает "сидячая ванна"; смысл, по-видимому, заключается в том, что женщина должна была взять навоз быка, который ел листья вяза, высушить, измельчить в мелкий порошок, бросить на горячие угли на крышке горшка, и пусть женщина сидит на этом, хорошо укрывшись, и принимает паровую ванну.

При всех видах опухолей, а также при любой головной боли наружно применяли навоз слонов. ("De Elephantis"). Он не упоминает о применении навоза ослов, но настоятельно рекомендует использовать экскременты лошади. "Ad sanguinem e naribus profluentem, equi stercus siccum et aspersum, sanguinem fluentem retinet, maxime naribus suffumigatum". Он также рекомендует использовать конский навоз наружно для лечения ушной боли и для задержки менструации внутрь. "Ad aurium dolorem, stercus equi siccum et rosaceo succo liquefactum et collatum, auribus instillatur aurium dolorem perfecte tollit.... Ad ventrem non

fluentem, nimiumque tumescentem, Equi stercus aqua liquefactum, et percolatum, postea bibitum, mox faciet egressum."-("De Equo.")

Кошачий помет использовали для избавления от перхоти и ожогов головы; при обильных послеродовых кровотечениях в виде окуривания или ванны. Для облегчения состояния человека, проглотившего кость или шип, ему натирали слизистую оболочку кошачьим пометом. Для облегчения четвертичной аги, к руке больного подвешивают кошачий помет и коровий рог или копыто; после седьмого приступа лихорадка покидает его навсегда (см. раздел "Колдовство", извлечение из Etmuller, p. 267).

Помет стервятника, смешанный с белым пометом собаки, лечит водянку и паралич, особенно если он получен от стервятника, который питался человеческой плотью; его следует принимать внутрь.

Моча девственного мальчика или девочки была бесценным средством при заболеваниях глаз, а также при укусах пчел, ос и других насекомых. В качестве лекарства от слоновости мочу мальчиков можно было пить свободно. "Ad elephantiam puerorum, pueri lotium si puer biberit liberaliter".

Корка из человеческой мочи была полезна при ожогах и укусах бешеных собак (Idem. См. примечания к парижскому "Mangeurs du blanc"). При раке мочу человека сжигали и посыпали больные места; при терциевых лихорадках она должна была быть мочой самого больного; ее держали в левой руке во время горения, затем клали в тряпку и привязывали к левой руке до часа возобновления лихорадки. "Ad tertianas, ipsius ægri stercus sinistra manu sublatum comburunt et in sinistro brachio ante horam accessionis suspendunt."-("De Puello et Puella Virgine.")

Ястребиный помет, сваренный в масле, является отличным средством от боли в глазах. ("De Accipitro"). Вороний помет давали детям для лечения кашля, а также клали в кариозные зубы, чтобы вылечить зубную боль ("De Corvi").

Голубиный помет наружно прикладывали к опухолям ("De Columba").

"САКСОНСКИЕ ПИЯВКИ".

В книге "Саксонские пиявки" собраны медицинские сведения о первых веках саксонской оккупации и завоевания Англии.

"Александр Тралльский (550 г. н.э.)... гарантирует, по собственному опыту и одобрению почти всех лучших врачей, навоз волка с кусочками костей в нем" от колик ("Саксонские пиявки", lib. i. c. 18.).

"Бычий навоз был полезен для страдающих водянкой мужчин; коровий навоз - для женщин" (т. I. с. 12, цит. по Плинию, lib. xxviii. c. 68).

Свиной помет прикладывали к бородавкам (vol. i. p. 101).

"От укуса любой змеи растопите козий жир, ее дерьмо и воск и смешайте вместе; истолките, чтобы человек мог проглотить это целиком" (vol. i. p. 355, цит. по Сексту Флациту).

От водянки: "Пусть он пьет гречишную мие... лучше всего мие..... От боли в ушах прикладывать к уху козью мие..... Против харканья - смешать козью кашицу с медом... мазать ею".

"При болях в бедре", "при болях в суставах", "при раке", "против опухолей", "при перетягивании сухожилий", "при карбункулах", "мазать козьим пометом" (т. I. с. 355, 357).

"От всякой болячки... пусть пьют бычью мочу в горячей воде; скоро это исцелит..... При проломе или трещине... приложите к пролому теплый бычий навоз..... При жжении воды или пожаре сожгите бычий навоз и набросьте на него". (Idem, p. 369.) Слово "пролить" в данном случае означает, по-видимому, помочиться.

"От свирепости или хвори" саксы использовали наружное применение белого "тоста" или помета собаки, которая перед дефекацией грызла кость (vol. ii. p. 49).

"Против болей в плече смешивают торду старой свиньи" (Idem, p. 63).

"Если сухожилие сократилось... возьми козлий торд" (с. 69).

"Против отеков бери козлиные щипцы, смоченные в остром уксусе" (с. 73).

Для прокаженных варить в моче граб, бузину и другие коры и корни" (Idem, p. 79.).

"Мазь для ран при легочных заболеваниях" - в ней гусиный помет был важным ингредиентом (с. 93).

"Мазь от всех ран.... Соберите коровий навоз, коровий хмель, сделайте из большого чайника тесто, как человек делает мыло, затем возьмите кожуру яблони" и другие упомянутые кожуры и сделайте примочку (с. 99).

Для лечения преступников, болезней ног и эризипеласа в качестве примочек применяли телячьи и бычьи пометы (с. 101).

"От росяного червя некоторые берут теплый тонкий человеческий ордур и привязывают его на ночь" (т. ii. с. 125).

"Против ожога делай мазь; бери козлий пух" и т. д. - (Idem, p. 131).

"От проказы лошади... взять мочу, нагреть ее на камнях, вымыть лошадь такой горячей мочой" (Idem, p. 157).

"Если перед глазами туман, возьми детскую мочу и девственный мед; смешай вместе..... Смажьте этим глаза изнутри" (т. ii. с. 309).

"От боли в суставах... возьмите голубиный помет и козью кашицу", наружно (vol. ii. p. 323).

"От бородавок... возьмите гончую мию и мышиную кровь", наружно (Idem, p. 323).

"Против рака... возьми навоз человека, высуши его тщательно, разотри в пыль, приложи. Если этим ты не смог вылечить его, то можешь никогда не делать этого никакими средствами" (Idem, p. 329.).

"Si muliebra nimis fluunt... возьмите свежий конский торс, положите его на горячие поляны, пусть он сильно воняет между бедер, вверху под одеждой, чтобы женщина сильно потела" (Idem, pp. 332, 333.).

"Намазка для проникающего червя" делалась с "двумя ведрами бычьего млеко", среди многих других ингредиентов" (Idem, p. 333).

"Если шип или тростник уколёт человека в ногу и не пройдет, пусть он возьмет свежий гусиный хворост и зеленый тысячелистник... приложит их к ране" (Idem, p. 337.).

"Против проникающего червя... смазывать слюной... и купать в горячем коровьем стебле" (vol. iii. p. 11).

"Против бородавчатых высыпаний.... Разогрейте и приложите к глазам шкуру или навоз теленка или старого вола."- (Idem, p. 45.)

"Осиный торд рекомендовалось прикладывать к слабым глазам."- (Idem, p. 99.)

АВИЦЕННА.

Тщательное изучение латинского издания "Averrhoes", Лион, 1537 год, не обнаружило ничего, что касалось бы лекарственного использования человеческих или животных экскрементов.

Напротив, труды Авиценны изобилуют подобными упоминаниями; в указателе к его объемистым томам нет ни одной страницы, на которой не было бы упоминания о средствах из стеркораций. Из всего этого изобилия эти выдержки покажут, что арабские врачи пользовались такими лекарствами так же свободно, как и их старшие собратья из поверженной Римской империи: "Matricem mundant", "Urina" (vol. i. p. 330, a 38); "Sanguinem sistunt", "Urina hominis cum cinere vitis" (vol. i. p. 466, a 26); "Scabei", "Scabiei ulcero conferunt", "Urina" (vol. i. p. 330, a 8); "Sciatica conferunt", "Stercus vaccarum et Caprarum cum adipe porci" (vol. i. p. 390, a 5); от золотухи "Stercus Caprarum" (vol. i. p. 388, a 11); "Lentiginibus conferunt", "stercus lupi" (vol. i. p. 387, b 66); "Erysipelati conferunt", "fex urinæ hominis" (vol. i. p. 330, a 11); при той же болезни, а также при "excoriationi conferunt" были прописаны "stercus cameli et pecudis" (vol. i. p. 388, a 11); "Urinæ fex" (idem, vol. i. p. 408, a 39); "Lapidi conferunt", "Stercus muris cum thure" (vol. i. p. 390, b 2); снова (vol. i. p. 361, a 60); "urina porci" (vol. i. p. 408, a 66).

Помет ящерицы - ингредиент для коллирия (vol. ii. p. 322, a 34).

"Matricis dolores conferunt", "urina hominis decocta cum porris" (vol. i. p. 408, b 1). Козий навоз "Matrici fluxui conferunt", "stercus caprarum siccum" (vol. i. p. 388, a 15, и vol. i. p. 390, a 50).

При эпилепсии одним из средств было "stercus cameli" (vol. i. p. 338, a 6). От желтой желтухи - "Ictericas conferunt", "urina mulieris cum aqua mellis" (vol. i. p. 330, a 31); от ожогов - "Stercus caprarum et ovium cum aceto" (vol. i. p. 389, b 62). Еще одно средство от ожогов: "Stercus columbarum cum melle et semine lini" (vol. i. p. 389, b 65).

"Impetigine conferunt", "urina" (vol. i. p. 330, a 10); от язв - "Stercus cameli et pecudis" (vol. i. p. 388, a 9); от того же - "stercus canis ab ossibus cum mellis" (vol. i. p. 390, a 2); также "urina asini et hominis" (vol. i. p. 408, a 31); человеческая моча снова назначается при язвах, в vol. i. p. 231, 646.

"Stercoris muris decoctio" облегчает затрудненное мочеиспускание (vol. i. p. 361, a 63). "Impetigine conferunt", "stercus columbarum et turdorum" (vol. i. p. 390, a 1).

В качестве лекарства от ран, нанесенных армянскими стрелами (9, "De sagittis Armenis"), Авиценна говорит: "Jam parvenit ad me quod potus stercoris humani est theriaca ad illud" (vol. i.

р. 305, а 5). ("Theriaca" литературно означает средство от укусов змей и диких зверей, но в данном случае оно используется для обозначения панацеи).

При ядовитых укусах "ad morsum viperarum et omnium venenosorum animalium" "et iterum quæ bonæ sunt" ("Medicinæ" понятно) "est stercus caprinum commixtum in vino et detur in potu" (vol. ii. p. 227, b 36); "Urina hominis" также предписывается для того же в том же пункте. Козий помет, смешанный с перцем и корицей, провоцирует менструацию (vol. i. p. 390, а 49).

Навоз мышей назначают внутрь для лечения бега из ушей, для помощи в изгнании последа, камня, яда ядовитых рептилий и т. д. (т. I. с. 361, а 58).

"Matrici fluxui conferunt", "stercus caprarum siccum" (vol. i. p. 388, а 15, и vol. i. pp. 390, а 50).

"Spasma conferunt", "Urina" (vol. i. p. 408, а 40); "Splenis duritie conferunt", "Stercus caprarum" (vol. i. p. 30, а 50).

"Ano conferunt", "Urina infantium lactentium" (vol. i. p. 408, а 55).

"Stercus pecudis adustum cum aceto" назначался при укусе бешеной собаки (т. I. с. 388, а 21); "Urina cum nitro" (idem, т. I. с. 408, b 7); "Canis stercus pro anginæ curatione" (т. I. с. 616, а 59).

РАЗНОЕ.

Марко Поло упоминает, что в провинции Каразан (Хорасан?) обычные люди носили при себе яд, чтобы в случае пленения татарами покончить с собой; но татары заставили их проглотить собачий помет в качестве противоядия (см. Марко Поло в Pinkerton, vol. vii. p. 143).

"В случае болезни эскимосам Камберленд-Саунд не разрешается убирать свои покои до восхода солнца" ("The Central Eskimo", Boas, p. 593).

Труды лучших медицинских авторитетов первых двух столетий после открытия искусства печати изобилуют многочисленными диссертациями о ценности этих лекарств при всех болезнях и как мощных средств, расстраивающих злоупотребления ведьм; лучшие из этих трудов будут отобраны и расположены в хронологическом порядке.

"Драм тирдл шепа,

И доброго святого Франциска,

С деревушкой гирдла,

Для пиппа в самый раз".

(Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 311,
ст. "Сельские прелести", цит. по Бейлу,
"Интерлюдия о законах
природы, Моисея и Христа".
4to. 1562.)

"Ойл, извлеченный из экскрементов хилдренов" и "Ойл, извлеченный из ордуры Манна", описанные как лекарства в "Новой драгоценности здоровья" Джорджа Бейкера, хирурга,

Лондон, 1576 (Black Letter), стр. 171, 172, были прописаны для лечения свищей и некоторых других болезней.

"Воду, дистиллированную из ордуры Манна" давали внутрь при падучей болезни, водянке и т.д. Существовал также "Oyle, извлеченный из экскрементов хилдренов", а также из "Manne's Ordure" (см. "Doctor Gesnerus, faithfully Englished", p. 76). В том же труде мы читаем о "воде из навоза Дуэ... которая помогает камню", если принимать ее внутрь (Idem p. 77).

Парацельс, по-видимому, заслуживает большего доверия, чем ему обычно приписывают; он был химиком, на ранних стадиях развития этой науки, пробирающимся в темноте, но он не был простым шарлатаном, каким его многие хотят выставить. Он осуждает старую практику медицины: "Старые физики делали очень много лекарств из самых грязных вещей, таких как грязь из ушей, пот тела, менструации женщин (и то, о чем ужасно говорить), навоз человека и другие отбросы, плевки, моча, мухи, мыши, пепел головы совы и т. д.". Воистину, когда я рассматриваю с собой гордость этих глупцов, которые презирают эту металлическую часть физики (которую, по их манере, они конфузливо называют химерической, и поэтому не могут помочь ни своим, ни многим другим болезням), я вызываю в памяти историю... о Гераклии Эфесио, который, будучи болен проказой, презрев помощь физиотерапевтов, намазавшись коровьим навозом, расположился на солнцепеке сушиться, а заснув, был разорван на куски собаками" (Парацельс, "Опыты", перевод 1596 года, стр. 59).

Это последнее утверждение следует сравнить с описанием самоубийств фанатиков из Восточной Индии, приведенным в разделе "Испытания и наказания".

Д-р Флетчер из армии Соединенных Штатов утверждает, что в старой медицинской практике в Англии, начиная со времен королевы Елизаветы и до сравнительно современных дней, больным вдыхали пары ордуры. "Некоторые лекари утверждают, что запах ядохимикатов помогает от чумы" ("Ajah", p. 74).

Моча была одним из ингредиентов, из которых Парацельс приготовил свой "Крокус или настойку металлов" (см. "Архидоксы", английский перевод, Лондон, 1661, с. 59).

Далее он говорит: "Соль человеческой мочи обладает прекрасным свойством очищать; ее делают таким образом" и т. д. (стр. 74). Он также говорит: "Человеческий помет, или экскременты, обладает очень большими достоинствами, потому что содержит в себе все благородные сущности, а именно: пищу и питье, о которых можно было бы написать замечательные вещи" ("Архидоксы", lib. v. p. 74).

"Чтобы дистиллировать ойл из экскрементов человека, ... Возьмите мочу молодого, энергичного ребенка или мужчины, сколько пожелаете. Это помогает при раке и смягчает свищи; утешает тех, кто страдает от алопеции" ("The Secrets of Physicke", London, 1633, p. 98).

"При любой боли... накладывают пластырь из голубинового помета" (см. "Богатый склад или сокровищница для больных", Ральф Блоуэр, Лондон, 1616, черная буква, с. 3); также "куриный помет" (там же, с. 4); чтобы вызвать мочу, к больному прикладывали пластырь из конского помета (с. 25).

"От плевка кровью... навоз мышей пили в вине" (idem, p. 29); от болей в женской груди - пластырь из гусяного помета (p. 33); "от ожогов и скальдов... пластырь из овечьего дурмана" (p. 38); также "дурман гусей" (p. 39).

"Для обезвоженных ушей... в них наливали мочу бледной козы" (с. 67); конский навоз использовали в качестве примочки для лица (с. 106); при кровавом потоке смачивали ноги

водой, в которой "была процежена овечья моча" (с. 119). При подагре "черствый писс" входил в состав средства для наружного применения (с. 119). При боковом и спинном шве "Голубиный дунг" использовался наружно (с. 172); при радикулите "Оксэ-дунг и Голубиный дунг" в равных частях применялись в качестве пластыря (с. 173). Коровий помет использовался внутрь при водянке ("The Chyrurgeon's Closet", London, 1632, p. 38); моча мальчиков использовалась в качестве аппликации к язвам на ногах (idem, p. 24); опять же, моча непорочных мальчиков использовалась для излечения от всех застарелых язв (p. 27); козий навоз применялся наружно для лечения ушных абсцессов и язв (с. 35 и 42); коровий и голубиный навоз использовались таким же образом (idem с. 42); голубиный навоз также применялся наружно при лечении радикулита (с. 48) и при "опоясывающем лишае" (idem с. 51). Козий помет, наружно, при опухолях (с. 49); гусиный помет, наружно, при раке в женской груди (с. 50); ласточкин помет, наружно, при ангине; куриный помет для того же (с. 58); коровий помет, наружно, при опухолях на ногах (с. 56); коровий и козий помет, наружно, при водянке (с. 222); и многие другие во всем томе.

В копии "Сокровищ англичанина", Лондон, 1641 г., выполненной черными буквами, приводится лекарство от ран, в котором говорится: "Промыть рану очень чистой мочой" (из коллекции Тонера, Библиотека Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия).

Чтобы сдерживать обильные менструальные выделения, прикладывайте горячие пластыри из конского навоза между пупком и интимными частями. (См. "Сокровища англичанина" Томаса Викари, хирурга короля Генриха VIII, королевы Марии и королевы Елизаветы; Лондон, 1641, с. 184; этот небольшой том не содержит ничего другого, представляющего ценность для данной работы).

Конский навоз использовался внутрь при плеврите ("Secrets in Physicke," by the Comtesse of Kent, London, 1654, pp. 26, 27); гусиный навоз - внутрь при желтой желтухе (idem, p. 37); "Hound's Turd" - наружно, "для лечения кровотечения из раны" (idem, p. 46); павлиний навоз - внутрь при падучей болезни или конвульсиях (idem, p. 56); "собственная вода пациента", наружно, при болях в груди (с. 64); голубиный помет, как внутренне, так и наружно, при родовых болях (с. 68); гусиный помет, наружно, при ожогах (с. 96); куриный помет, наружно, при ожогах (с. 152); и при болях в глазах (с. 174); "несвежая моча", наружно, при болях в ногах (с. 163).

"Несвежую коровью мочу и мех из горшка" давать местно и наружно при ожогах головы ("Most excellent and most approved Remedies", London, 1652, p. 80). "Моча того, кто болен" - наружно, от шила в боку (с. 115); гусиный помет - наружно, от рака в женской груди (с. 129); "моча ребенка-мужчины (ему не больше 3 лет)" - компонент в мази от королевского зла (с. 132). Для больных чумой: "Пусть они пьют дважды в день по стакану собственной мочи" (с. 143).

"Примером тому был некий земляк в Антверпене, который, войдя в лавку со сладкими запахами, начал терять сознание, но один человек тут же сунул ему под нос свежий дымящийся конский навоз и привел его в чувство" (Левинус Лемниус, "Тайные чудеса природы", перевод с английского, Лондон, 1658, с. 107, где говорится о воздействии сладких и неприятных запахов на разных людей).

"Моча ящерицы, ... навоз слона" были в медицинском обиходе, согласно Монтеню ("Эссе", перевод Хэзлитта, Нью-Йорк, 1859, т. iii. с. 23; ст. "О сходстве детей с их родителями"). Также

"экскременты крыс, растертые в порошок" (*idem*). Вышеперечисленные средства были предназначены для камня.

Доктор Гарретт упоминает "янтарную воду, сделанную Парацельсом из коровьего навоза", и приводит рецепт ее дистилляции, а также рецепт ее близкой родственницы, "навозной воды", формула которой начинается словами: "Возьмите любой навоз, который вам нравится"[73].

Работа Даниэля Бекхериуса "*Medicus Microcosmus*", опубликованная в Лондоне в 1660 году, полна сведений о ценности экскрементальных лечебных средств.

Для уничтожения вшей на голове человека применялась только моча, но после этого наносился голубиный помет (стр. 62). Мочу пили как средство от эпилепсии, использовали для промывания глаз и при других глазных заболеваниях, капали в уши при различных абсцессах и глухоте (с. 63, 64).

Лосьон из собственной мочи полезен при параличе; но если он был вызван венерианством, чрезмерным питьем или ртутью, предпочтительнее использовать мочу мальчика (с. 64). Питье собственной мочи, принятое во время поста, рекомендовалось при непроходимости печени и селезенки, а также при водянке и желтой желтухе (*idem*); но некоторые предпочитали мочу юноши (р. 65). При желтухе средство следует пить каждое утро, и лечение продолжается некоторое время (*idem*).

При задержке мочи средством было питье мочи молодой девушки (с. 66). Мочу пили как средство от длительных запоров (*idem*); при выпадении матки несвежую мочу прикладывали как разжигающее средство (*idem*); при истерии человеческий орду и несвежую мочу прикладывали к ноздрям (*idem*); мочу больного пили как средство от глистов (*idem*); мочу использовали как средство для мытья потрескавшихся рук, а также при всех кожных заболеваниях (*idem*); также при "фикус ани" (р. 67). При подагре в ногах пациент должен был купать их в собственной моче, а также при дорожных язвах, поскольку тогда он мог возобновить путешествие на следующий день (*idem*).

Собственную мочу пили как средство от чумы. Бекхериус утверждает, что, по его собственным сведениям, в 1620-1630 годах ее использовали для этой цели с большим успехом.

Моча рекомендовалась как напиток в *lues veneris*; больного раком купали в его собственной моче и римском купоросе; язвы также купали в собственной моче пациента (с. 68). Мочу прикладывали в качестве примочки к ранам, синякам и ушибам (с. 69). Бекхериус рассказывает о случае, когда в 1522 году один рабочий был погребен под обвалившейся массой земли, но, будучи защищенным каким-то препятствием, питался собственной мочой в течение семи дней. Помимо самостоятельного использования в вышеупомянутых случаях, моча входила в состав лекарств от старых язв (с. 72), против роста "диких волос", глазных болезней, заболеваний горла в качестве полоскания (с. 73), заболеваний селезенки (с. 74). Моча мальчика использовалась при параличе и эризипелазе (*idem*); моча мальчика также назначалась при подавлении менструации, а моча мужчины - при подагре (75). Моча неочищенных мальчиков входила в состав *aqua ophthalmica* и применялась наружно при ревматизме ног (с. 74).

Моча мальчиков использовалась как мазь при некоторых лихорадках, а также как примочка при тимпаните, как пластырь при водянке, при гангрене и подагре, при различных клистирах, при лечении калькулеза и кахексии (с. 78, 79); в некоторые пластыри также входил коровий и

голубиный помет. Для лечения анасарки существовал "спагирический препарат мочи". Для получения спирта из мочи путем перегонки одни брали мочу здорового мужчины, другие - пьющего вино мальчика двенадцати лет (с. 81, 82). Этот спирт применяли при заболеваниях легких, при водянке, подавлении менструации, всех видах лихорадки, задержке мочи, камнях и т. д. (с. 85); также при заболеваниях глаз, странгурии, диабете, подагре, катаре, меланхолии, френции, кардиалгии, обмороке, дизентерии, чуме, злокачественных лихорадках (с. 86).

Дух мочи" снова перегоняли с витриолом, чтобы получить противоподагрическое средство (85).

Соль мочи изготавливалась путем перегонки мочи мальчика и сбора солевого остатка; она применялась при сердечных заболеваниях и для изгнания мертвого плода; из нее изготавливались различные эмпирические средства - лунная соль, соль Юве, соль Меркурия, дух Ориона, *mercurius microcosmicus*, которые использовались при всех видах физических недугов (с. 87). Квинтэссенция мочи перегонялась из мочи сильного, здорового, целомудренного мужчины тридцати лет, который по этому случаю выпил много вина; другой авторитет рекомендует делать это в то время, когда Солнце и Юпитер могут находиться в "Piscibus". Его использовали при камнях в почках и мочевом пузыре и при всех изъязвлениях этих частей; наружно, в качестве примочек при гонорее и наружных язвах на интимных местах, при ранах и повреждениях всех видов, проблемах с мочеиспусканием, глистах, гнилостных лихорадках, а также как консервант против чумы, при твердых опухолях и т. д. (с. 97).

В качестве основного компонента "противоэпилептического духа" использовалась моча мальчиков (с. 95); существовал "противоэпилептический экстракт луны" (с. 96); почти из тех же компонентов состояло "противоподагрическое лекарство". Панацея солярис" содержала в качестве основного ингредиента мочу мальчика, который много пил вина (с. 97).

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОРДЮРЕ.

Бекерий приводит случай, когда его употребление в течение трех дней излечило человека от желтой желтухи; высушенный, растертый в порошок и выпитый в вине, он излечивал лихорадочные пароксизмы (р. 112); рекомендовалось, чтобы это была моча мальчика, питавшегося некоторое время хлебом и бобами.

Вдыхать запах человеческих испражнений по утрам, постясь, предохраняло от чумы (с. 112, 113).

Он также приводит способ приготовления "зибетума", или "оксидентальной серы" (с. 116).

В качестве лекарства от ангины назначалась смесь, содержащая белый помет собак, а также человеческий ордур, помет ласточки, солодку и конфеты (с. 113). При раке человеческий ордур применялся в качестве пластыря, смешанного со скипидаром, табаком, сурьмой, порошкообразным литаржем, порошкообразными крабами и т. д. (с. 113, 114).

Он также приводит формулы приготовления *воды* и *олеума ex stercore humano* (с. 114). В других местах использование ордуры и мочи в медицине упоминается как нечто само собой разумеющееся (см. с. 274; также под заголовками "Осел", "Мышь", "Лошадь" и т. д.; снова с. 114, 192 и далее).

Бекериус приводит список ряда препаратов, которые при нашем более просвещенном взгляде на подобные вещи должны показаться тривиальными, и нет необходимости

повторять их здесь в деталях, - например, один для "извлечения витриола из металлов" и т. д. В приготовление всех этих средств входила человеческая моча.

Питьевое золото изготавливалось из менструума, состоящего наполовину из винного спирта и человеческой мочи (с. 100-102); из человеческой мочи готовилось "масло серы" (103); "осадок ртути и мочи" (*idem*); наконец, был *ludum urinæ*, остаток после дистилляции *aqua* или *spiritus* соответственно, который назначался в качестве лекарственного средства так же, как и эти (с. 109, 110).

Фон Гельмонт называл соль, полученную путем перегонки человеческой мочи, "дулехом". (См. "Oritrike, or Physicke Refined", John Baptist von Helmont, английский перевод, Лондон, 1662, стр. 847-849). Такое название Парацельс обычно давал камню в мочевом пузыре. Фон Гельмонт приводит пример излечения тимпанита или водянки прикладыванием к животу пластыря из горячего коровьего навоза и добавляет: "Парацельс также не напрасно расхваливает навоз, поскольку он является солью гнилого мяса" (стр. 520).

Петреус (Генрих) Nosolog. Harmon. lib. i. dissertat. 13, p. 252, et Joh. Schæderas, pharmacop. med. chym. lib. v. p. 829, "stercus siccatum tritum et cum melle illitum ad anguinam curandam magni usus esse dicunt."-("Bib. Scatalogica", p. 84.)

В объемистых томах Михаэля Этмюллера содержится все, что было известно или во что верили по этому вопросу на момент их публикации, в 1690 году. Он приводит причины использования каждого вида экскрементов, твердых или жидких, человеческих или животных, которые сейчас нет необходимости подробно описывать.

Человеческая моча. "Urina calif. exsiccat, resolvit, abstergit, discutit, mundificat, putredini resistit, ideoque usus est præcipue intrinsecus in obstructione epatis, lienis, vesicæ, biliaræ, pestis preservatione, hydrope, ictero.... Extrinsecus siccat scabiem, resolvit tumores, mundificat vulnera etiam venenata, arcet gangrænam, solvit alvum (in clysmata) abstergit furfures capitis.... compescit febriles insullus (pulsui applicata) exulceratas aures sanat (instillata pueri urina) oculorum tubedine subvenit (instillata) artuum tremorem tollit (lotione) uvulæ tumorem discutit (gargas), lienis dolores sedat (cum cinere cataplasmata)."

Из мочи мальчика, пьющего вино, "urina pueri (ann. 12) vinum bibentis", перегнанной через человеческий ордур, был сделан "spiritus urinæ", имеющий большую ценность для изгнания камней, хотя он отвратительно вонял, "sed valde foetet". Его использовали для лечения подагры, астмы, камней и болезней мочевого пузыря. (Etmuller, "Schroderi Diluc.", vol. ii. p. 265.) Есть еще несколько способов получения этого "spiritus urinæ per distillationem".

Затем был "spiritus urinæ per putrefactionem". Для его получения мочу мальчика двенадцати лет, который пил вино, помещали в сосуд, окруженный конским навозом, на сорок дней, давали разложиться, затем сцеживали на человеческий ордур, перегоняли в алембике и т. д. Существовали и другие способы приготовления, но этого будет достаточно. Полученную жидкость считали отличным "анодином" от всех видов болей и давали как внутрь, так и наружно, а также при цинге, ипохондрии, кахексии, желтой и черной желтухе, камнях в почках и мочевом пузыре, эпилепсии и мании.

Из этого спирта изготавливали "питьевое золото". "Idem spiritus optime purificatus (scil. aliquoties) in aqua pluvia solvendo et distillando cumque spiritus vini analytice unitus solvit aurum, unde aurum potabile" (vol ii. p. 266).

Ванна с мочой помогала при подагре на ногах. Напиток из собственной мочи высоко ценился как средство от чумы. "*Urinæ: Potus urinæ propriæ laudatur in preservanda et curanda peste.*" Такой напиток употребляли и роженицы. "*Urinæ hausta a mulieribus parturientibus partum faciliat*". Клистиры из мочи назначались при тимпаните, или водянке живота. Мочу применяли при язвах в ушах.

Раньше селитру делали из земли, извести и т. д., насыщенных человеческой мочой, ордуrom и т. д.

Дух мочи", полученный путем перегонки мочи, устранял препятствия в мочевом пузыре, меатусе и т.д., изгонял камни, был потогонным и противоцинготным средством; его также использовали для лечения ипохондрии, кахексии, хлороза и т.д., принимая внутрь.

Из перегонки витриола и мочи было получено противэпилептическое лекарство (*Idem*, vol. ii. p. 271).

Из вышеупомянутого "*spiritus urinæ per distillationem*" был приготовлен "*magisterium urinæ seu microcosmī*", полезный в случаях атрофии; он также предотвращает боли от камня, если принимать его ежемесячно перед новолунием. - (*Etmuller*, vol. ii. p. 266.)

Человеческий ордуp. "*Stercus (carbon humanum Paracelsi, aliis sulph. occiden.) emollit, maturat, anodynum est. Ea propter magni usus ad mitigandum dolores incantatione introductos (impositum) ad anthraces pestilenciales maturandos, ad phlegmonem, v. g. gutturis seu anginam curandam (siccatum, tritum et cum melle illitum) ad inflammationem vulnerum arcendam. Quin et intrinsecus a nonnullis adhibetur in angina (crematum et potui datum), in febribus ad paroxysmos profligandos (eodem modo propinatum dos. 32), in epilepsia, quam stercus primum infantuli siccatum et pulverisatum, et ad complures dies exhibitum, radicitus evellere aiunt*" (vol. ii. p. 266).

Он упоминает "аква" и "олеум" "*ex stercore distillatum*", используемые при офтальмологических заболеваниях, в качестве косметики для восстановления цвета лица, для восстановления и роста волос, для лечения опухолей и свищей, удаления рубцов, а также для лечения эпилепсии. "*Interne prodesse aiunt comitialibus et hydropicis, lapidemque renum et vesicæ pellere, morsibusque canis rabidi, venenatorumque animalium subvenire.*" Олеум ex stercore" должен был быть приготовлен из помета молодого человека, а не мальчика, "*juvenis, non pueri*" (vol. ii. p. 266).

Этмюллер рассказывает ту же историю, которую мы уже имеем из многих других источников, в отношении лекарственных свойств, приписываемых человеческому ордуру. Его считали ценным средством, применяли в качестве припарки при всех воспалениях и нагноениях, карбункулах и язвенных бубонах, назначали для лечения укусов змей и всех ядовитых животных. Его следует принимать сырым, сушеным или в виде напитка. Это единственное средство против укусов индийских змей, особенно "древолаза", чей укус убивает за четыре часа, если пациент не примет этот метод лечения. Он считался специфическим средством против чумы и был очень полезен при проведении "магико-магнитного" или "симпатического или трансплантационного" лечения. Кроме того, она пользовалась большой популярностью в борьбе с колдунами.

"Вода, дистиллированная из ордура, помогала при болях в глазах, особенно если человек, чей ордуp использовался, питался только хлебом и вином. Ее принимали внутрь при водянке, калькулезе, эпилепсии, укусах бешеных собак, карбункулах и т. д." (vol. ii. p. 272).

"*Zibetta occidentalis nihil est aliud quam stercus mediante digestionem ad suavolentiam redactum, qua Zibettam mentitur; vid. Agricola,*" vol. ii. p. 266.

О значении этого "зибета" Эtmюллер приводит цитату из более древнего авторитета: "Rosencranzerus in Astron. inferior (p. 232), dicit quod zibethum humanum ... si illinatur parti genitali mulieris fœmina attrahat fœtum et precaveatur abortus" (vol. ii. p. 272).

Человеческий ордур, содержащий "анодиновую серу, ... разрушающую кислоты", должен был быть полезен при ожогах, воспалениях и в качестве пластыря для рассеивания чумных бубонов..... "In insulis Botiis dictis, gens quoddam serpentis repiriri, cujus morsum mors sequatur, nisi stercus proprium demorsi mox assumatur. Tandem aqua stercoreis humani cosmetica, ab aliis ophthalmica censetur sic ut et ejusdem oleum contra cancrum mammarum specificè commendatur" (vol. ii. p. 171).

"In stercoreis animalium magna latet vis medica, ratione scilicet salis volatilis; in specie stercus porcinum omnes hæmorrhagias ad miraculum sistit, sive in forma pulveris ad 3 i., sive in forma electuarii adhibens; annus est quo rustica quædam post abortum insigne patiebatur mensium profluvium cui cum meo suasu maritus inscie propinasset stercus suillum, fluxus cessavit et mulier pristinæ reddita sanitati. Stercus equinum summum est remedium in passione hysterica, et doloribus colicis, si succus expressus cum cerevisia vel vino propinetur; sic quoque conducit in variolis et morbilis infantum, propinatus cum cerevisia calida, qui optime per sudorem expellit ut taceam de effectu quem præstat in pleuritide laudando.

"Ut ita licet volatilia in uno puncto convenire videantur, diversis tamen, ratione diversæ et specificæ cujuslibet craseus medeantur morbos." (vol. ii. sect. 3, "Pyrotechnia Rationalis", "de Animalibus", Etmuller, "Opera Omnia", xx.)

"Animalium omnium participant de natura salis ammoniaci constant quippe (безусловно, известны) ex acido et alcali oleoso volatili indeque, auræ beneficio alterantur in nitro, præsertim avium excrementa quicquid igitur præstant, operantur ex vi salis ammoniacali" (vol. ii. p. 171).

Эtmюллер отмечает, но не безоговорочно одобряет, использование навоза животных в следующих случаях: собачий навоз, смешанный с медом, при воспалении горла; волчий навоз, в виде порошка, как противоколиковое средство.

Собачий помет (album Græcum officinalis) считался полезным при дизентерии, эпилепсии, коликах; применялся наружно при ангине, злокачественных язвах, твердых опухолях, бородавчатых наростах и т. д. Особую ценность придавали навозу, собранному в июле от откормленной собаки, поскольку он был белее, чище и менее фекальным. Собачью урину использовали в качестве примочек при бородавках, язвах на голове и т. д. (vol. ii. p. 253).

"Dicitur in officinis semper album Græcum, nunquam stercus". Собака "debite nutriatur cum ossibus solis, cum nullo vel paucò potu" (vol. ii. p. 254).

Козий навоз использовался при твердых опухолях селезенки и других частей тела; при бубонах, ушных раковинах, неизлечимых язвах, водянке, чесотке, лишаях и т. д. (с. 254). Во всех этих случаях его применяли наружно, но при других заболеваниях селезенки, желтой желтухе, задержке менструации и подобных недугах его давали внутрь. Козью урину давали внутрь при удалении камней, проблемах с мочеиспусканием, а также (после дистилляции) при водянке. Эгесты дикой козы использовались почти при тех же заболеваниях (vol. ii. p. 254).

Сок конского навоза использовался англичанами при коликах, плеврите и истерии (Etmuller, vol. ii. p. 254).

Свиной помет, высушенный и вдыхаемый в ноздри, лечил носовые кровотечения. Сравните это с использованием высушенных экскрементов Великого Ламы в качестве чихательного и общеукрепляющего средства.

Гиеновый помет использовался в медицине, но болезни не упоминаются.

Воробьиный и мышиный помет, если их сделать в виде пиллюль и принимать по девять штук, вызывал у женщин менструацию.

Коровий помет рекомендовался в качестве разжигающего средства при подагре.

Внутреннее применение коровьего навоза высоко ценилось для изгнания камней и лечения задержки мочи из-за "летучих азотистых солей, которые поднимались в алембике и оказывали хорошее воздействие на почки".

Простые люди пили сок, полученный из этого навоза, во всех случаях колик и плевритов, которые они считали полезным лекарством. "*Uterius valde convenit ad pellendum calculum et ciendam urinam propter sal. vol. nitrosum qui ascendit per alembicam unde ad nephritidem et ciendam urinam valde commendatur a poterio.... Plebii in colico dolore succum ex stercore propinant, quod verum est, non solum in colico sed etiam in pleuritide præsentaneum remedium*" (vol. ii. pp. 249, 250).

Сок молодых гусей, собранных в марте, использовался при желтухе и кахексии..... Куриный помет иногда использовался вместо гусиного. Павлиний помет использовался во всех случаях головокружения. Ласточкин помет использовался при ангине и воспалении миндалин (т. ii. с. 171).

Ястребиный помет использовали при болях в глазах. Утиный помет "*fimus morsui venenatorum animalium imponitur*" (vol. ii. p. 286).

Козий навоз, который пили при кровотечениях..... Козью мочу считают специфической для изгнания камней из мочевого пузыря. Мочу ассов пьют при болезнях почек, атрофии, параличе, чахотке и т. д. Навоз ассов принимают внутрь в виде порошка или отвара, а также применяют наружно во всех случаях кровотечений, обильных маточных выделений и неприятностей такого рода (т. ii. с. 247). Некоторые считали, что лучше всего собирать его в мае; другие полагали, что вместо него следует использовать собачий помет. Коровью урину полезно применять при болях в глазах.

Коровьим пометом пользовались во всех случаях ожогов, воспалений, ревматизма и т. д., "*apum ac vesparum morsibus*". (Мы уже видели, что в штате Нью-Джерси его использовали при укусах пчел). "*Suffitu reprimat uterum prolapsum*". Наконец, его использовали в качестве пластыря при водянке (Etmuller, vol. ii. p. 248).

Голубиный помет обычно использовался в катаплазмах и пластырях для лечения ревматизма, головной боли, головокружения, колик, апоплексии; также при фурункулах, скорбутных опухолях и т.д., и пился как лекарство от водянки. - (Etmuller, vol. ii. p. 287.)

Перепелиный помет, "*fimum in vino potum, dysenteriam sanare tradit Kynarides*" (vol. ii. p. 288).

Свежим телячьим пометом натирали кожу для лечения эризипелаза.

Лисий навоз применяли наружно для лечения всех кожных заболеваний (т. ii. с. 283-285).

Кид-навоз (Capreolus или Chevreuil) пили как лекарство от желтой желтухи (т. ii. с. 257).

Кошачий помет прикладывали в качестве припарки к рубцам на голове и к подагре на ногах (т. ii. с. 259).

Конский навоз, свежий или сожженный в золу, применяли наружно как кровоостанавливающее средство, использовали как дезинфекцию для изгнания плода и последа; также пили как отвар при коликах, удушье матки, изгнании плода и последа, а также при плеврите. "Stercus equinum est medicina magni et multi usus..... Interne succus ex stercore recenti expressus". Для верного излечения от плеврита следует использовать навоз молодого жеребца, особенно если его кормят овсом. "In Angina certe stercus equinum non cedit stercori hirundinum ... et canis" (vol. ii. p. 263).

Львиный помет, принимаемый внутрь, был противоэпилептическим средством.

Заячий помет принимали внутрь при калькулезе и дизентерии, а также наружно при ожогах.

Заячья урина применялась при проблемах с ушами.

Волчий помет, принимаемый внутрь, был признан эффективным средством при коликах.

Мускус часто давали в смеси с зибетом как ветрогонное средство, а также как нервное и сердечное.

Мышиный помет нашел своих сторонников как средство, принимаемое внутрь, при запорах у детей, при кальцификациях, используемое в клизмах.

Внутренний прием крысиного помета устранял катамениальную непроходимость.

Мышиный помет называли "album nigrum", собачий помет - "album Græcum".

Овечий помет назначали внутрь при желтой желтухе; "maximi usus in aurigine, sumptum cum petroselino" (петрушка), а наружно его прикладывали к твердым опухолям, опухолям, фурункулам, ожогам и т. д.

Мочу красных или черных овец давали внутрь при водянке. "Urina (nigræ vel rubræ ovis) sumpta, aquam inter cutem abigit". Доза составляла от пяти до шести унций.

Свиной помет, наружно, при кожных заболеваниях, укусах ядовитых животных, носовых кровотечениях, - для лечения последних достаточно даже запаха; "sufficit etiam odor".

Михаэлус Этмюллер, "Opera Omnia", "Schroderi dilucidati Zoölogia", Lyons, 1690, vol. ii. pp. 263-279, включительно.

Перепелиный помет применялся при эпилепсии, когда птицу кормили чемерицей. (Etmuller, "Opera Omnia", "Schrod. Diluc. Zoöl." vol. ii. p. 288.)

Кукушкин помет, принятый в виде напитка, излечивал укусы бешеных собак.

В лечебных целях предпочитали использовать белый куриный помет. Его использовали при тех же заболеваниях, что и голубиный помет, но считали, что он не так эффективен. Он был особенно ценен при коликах и болях в матке, при желтой желтухе, камнях, абсцессах в боку, подавлении мочеиспускания и т. д. (vol. ii. p. 289).

Существовало и другое средство от укусов бешеных собак - навоз ласточки, принимаемый внутрь. Он также считался средством от колик и проблем с почками, из него делали суппозитории при раздражении прямой кишки (vol. ii. p. 290).

Навоз змей иногда применяли наружно при болях в суставах (vol. ii. p. 291).

В качестве чистящего средства в этом странном списке грязных лекарств значится помет скворца (vol. ii. p. 292).

Эгестæ диких быков использовался в тех же терапевтических целях, что и экскременты одомашненных крупного рогатого скота (vol. ii. p. 252).

Павлиний помет. "Stercus proprietate vertiginem et epilepsiam sanat (in dies multos exhibitum)". Его следует запивать вином, и лечение должно продолжаться с новолуния до полнолуния или дольше. "Continuando a novilunio usque ad plenilunium, aut amplius.... In epilepsiam est specificum magno usu expertum". Он также считался очень ценным средством для лечения головокружения, но помет петуха следует давать мужчинам, а куриный - женщинам. Этмюллер, однако, не считает это различие необходимым (vol. ii. pp. 292, 293).

Помет гусей, старых или молодых, использовался для лечения желтой желтухи, для которой он считался специфическим средством. С дозировкой было одно затруднение. Гусей следовало кормить "травой хелидонии". Помимо желтой желтухи, она имела особую ценность при цинге, принималась в виде порошка или отвара. Для лечения водянки он был основным ингредиентом в нескольких предписанных средствах. Он также был главным компонентом при изготовлении "офтальмологической воды императора Максимилиана", для приготовления которой в апреле и мае собирали помет молодых гусей (vol. ii. p. 287).

Аистиный помет, *stercus ciconiæ*. Считается потенциальным средством при эпилепсии и заболеваниях того же типа. "Stercus, si ex aqua hauritur, comitialibus aliisque morbis capitis prodesse credunt."- (Etmuller, vol. ii. p. 287.)

Слабительные свойства мышиного помета превозносил доктор Якоб Августин Гунервольф в "Ephemeridum Physico-Medicarum", Leipzig, 1694, vol. i. p. 189.

Розинус Лентилий рассказывает, что был некий старый ипохондрик, лет пятидесяти или более, который, чтобы облегчить себе упрямый запор, больше месяца пил обильные порции собственной мочи, свежей и горячеей, но с худшими результатами: "Per mensem circiter urinam suam statim a mictu calentem ipsa matuta hauriret."- (В "Ephem. Physico-Medicarum", Leipzig, 1694, vol. ii. p. 169.)

На только что процитированной странице и на следующих за ней можно найти около десяти или двенадцати страниц мелкого шрифта, формата кварто, разъясняющих применение человеческих выделений как в медицинских целях, так и для возбуждения аппетита.

В "Эфемеридуме" доктор Лентилиус также представил тщательное резюме всего, что было известно в то время о лекарственном или ином виде внутреннего применения человеческих выделений; в начале своих замечаний он заявил, что в то время как одни люди отправлялись в чужие страны и рыскали по их лесам и чащам в поисках лекарств, другие искали средства ближе к дому и не гнушались использовать самые мерзкие экскременты. "Я говорю сейчас не об экскрементах животных, а о человеческом помете и человеческой моче". Мы знаем, - продолжает он, - что лошадиный помет используется для лечения колик, свиной помет - для

остановки внутренних кровотечений, собачий помет или album Græcum - при ангине, гусиный помет - при желтой желтухе, павлиний помет - при головокружении, а козий помет, в курляндском пиве, - при злокачественных лихорадках". Мексиканцы использовали человеческий навоз в качестве противоядия от укусов змей в двухкратных дозах, запивая его удобным ликером: "De homerda contra venenatos Mexicano-serpentis ictus-ad 3 ii. in convenienti liquore hausta" (p. 170). Эту же смесь пили японцы в качестве средства от ран, нанесенных отравленным оружием: "De eadem mixtura sed e stercore proprio confusa contra telorum venena Japonensibus pota". Обратите внимание, что в этом последнем случае ордур должна была принадлежать самому раненому.

Этмюллер рекомендует использовать его для изгнания из организма вируса "napelli", чем бы он ни был. Чтобы излечиться от чумы, пациент должен был съесть количество, равное по размеру филберту. Чтобы ослабить действие заклинаний и колдовства, его нужно было пить в масле. Предполагалось, что таким же образом можно изгнать червей: "De eadem mixtura, sed a stercore proprio" и т. д., как уже цитировалось. "De stercore humano, seu recente seu arido, adsunto ad expugnandum napelli virus, etiam a nostratibus commendato, de quo vid. Etmuller, etc.... In peste fuganda mane ad avellanas quantitatem devorando, ... ad morbos e fascino ex aceto propinato ... ad expellendos vermes eodem modo usurpato." Он также упоминает "Oletum" и лекарства, приготовленные с его использованием в качестве ингредиента; но говорит, что оставляет "Zibethum" и "Occidental Sulphur" Парацельсу и членам его школы. Он цитирует Галена, который рекомендовал пить мочу крепкого здорового мальчика в качестве профилактики чумы. "Urina pueri sani bibita ... preservans a peste", цитируя Галена, lib. x. "De Simp. Med. Fac.". Выпитый стакан мочи мужа был очень полезен для женщины при проблемах с маткой: "Sic, in δυσοχία urinæ maritalis haustum concelebrant alii". Мочу целомудренного мальчика многие писатели рекомендовали для внутреннего употребления при водянке, воспалении селезенки и т. д. "Sic urinam impolluti pueri quotidie potum, esse medicamentum laudabile et præsentaneum, ad lienis morbos et hydropem". Дальше цитировать слова оригинала было бы бесполезно. Далее Лентилий рассказывает, что отвар собственной мочи восхвалялся при лечении укусов змей, ран, нанесенных смертоносным оружием, начинающейся водянки и чахотки.

Пить собственную мочу в течение трех дней было верным средством от желтой желтухи, а также для спасения от чумы. Но фон Гельмонт считал, что в последнем случае ее достоинства обусловлены тем, что она является стимулятором и поддерживает бодрость духа. Этмюллер настоятельно рекомендовал использовать его при лечении желтой желтухи и т. д. (цит. по Этмюллеру). Его также высоко ценил Авиценна.

Далее нас ждет пиршество громких слов, в котором мы узнаем, что из-за своей "нитрозности" и "летучести" он считался "сдерживающим" и "проникающим", а из-за содержащейся в нем щелочи он был нейтрализатором "бродильных кислот" и поэтому применялся при кардиалгии, анорексии, подагре, зубной боли, коликах, желтой желтухе и перемежающихся лихорадках, либо моча "самого пациента или мальчика, пьющего вино".

Выдающийся философ Бойль утверждает, что, по его мнению, достоинства человеческой мочи в качестве лекарства, как внутреннего, так и наружного, потребовали бы целого тома. Бойлю также приписывают публикацию трактата на эту тему в Лейпциге в 1692 году за подписью "B".

Лентилиус посвящает несколько страниц тщательным логическим рассуждениям, чтобы продемонстрировать ошибочность предположения о том, что человеческие выделения могут

быть полезны в терапии. По его мнению, природа выводит их из организма, потому что организм не имеет для них дальнейшего применения; следовательно, их повторное всасывание едва ли может быть иным, кроме как пагубным; это тем более верно в случае болезни, потому что пациент находится в болезненном состоянии, и то, что он выбрасывает, не может быть признано здоровым в процессе правильного рассуждения. Этот аргумент, хотя и представляет большой интерес и ценность, очень длинный и относится скорее к истории медицины, чем к данному эссе.

В заключение Лентий говорит, что нет более жестокой угрозы, чем угроза Сеннахериба в адрес евреев, что он заставит их есть собственные экскременты и пить воду, в которой омывают его ноги: "*Quam futurum esse, ut quisquis sua stercora voraturus, et aquam pedum suorum bibiturus sit.*" Esa. 36, ver. 12. "*Væ miseris ægrotis, quo rumores ad urinæ potum rediit.*" - (В "*Ephem. Phys. Medic.*" Leipzig, 1694, vol. ii. pp. 169 - 176, включительно; страницы - кварто, количество слов на странице - около 375).

Лентилиус либо украл все у Пауллини, либо предвосхитил его; он располагает всеми фактами Пауллини, но, кроме того, кажется, был в значительной степени философом, которым Пауллини не был.

"Грязная аптека" Кристиана Франца Пауллини, Франкфорт, 1696 г., известна лучше всех остальных упомянутых работ: она написана на немецком языке, имеет небольшой размер и сводится почти исключительно к перечислению болезней с соответствующим экскрементальным лечебным средством напротив каждой.

Шесть различных изданий находятся в библиотеке Медицинского музея армии США в Вашингтоне; из них было выбрано издание Франкфорта 1696 года (268 страниц, дуодецимо), а работа по переводу была поручена господам Смуту и Пратцу; будучи прекрасно знакомыми с английским и немецким языками, их перевод, сделанный медленно и тщательно, может считаться абсолютно верным.

Пауллини не сделал ничего, кроме сбора своего обширного списка случаев, в которых человеческие и животные выделения использовались для лечения болезней; он ни в одном случае не решился на объяснение причин такого использования, как это сделал Этмюллер.

Он рассказывает о применении человеческой мочи и экскрементов животных при следующих заболеваниях: головная боль, бессонница, головокружение, слабоумие, меланхолия, мания, подагра, судороги, паралич, эпилепсия, больные глаза, катаракта, офтальмия, проблемы с ушами, кровотечение из носа, носовые полипы, кариозные зубы, водянка головы, вены, астматические проблемы, кашель, отхаркивание крови, чахотка, плеврит, обмороки, заболевания молочных желез, опухоли, колики, отвратительный аппетит, глисты, грыжа, ишиас, изъязвление кишечника, запор, диарея, дизентерия, обструкция печени, водянка, желтуха, заболевания почек, гравий, камень, задержка мочи, чрезмерное выделение мочи, ослабление мужественности, опухание яичек, смещение матки, менструальные проблемы, бесплодие, несчастные случаи с беременными женщинами, выкидыши, трудные роды, боли после родов, подагра ног, ревматизм, лихорадки всех видов, яды, чума, сифилитические и венерические болезни, абсцессы, растяжения, ушибы, синяки, раны, стригущий лишай, фелонь, зуд, веснушки, как косметическое средство, от сыпи, лишая, выпадения волос, вшей, гангрены, простуды, бородавок, трещин прямой кишки, свищей, мозолей, нарывов, любовных приворотов и для отвода колдовства.

От головной боли внутрь употребляли голубиный помет, а наружно - помет красной коровы и павлина.

От бессонницы - ослиный помет, внутренне; от подагры - голубиный помет, наружно. Для этой же цели использовалась человеческая моча (с. 28, 29).

Головокружение. Голубиный, павлиний и беличий помет - внутрь.

Деменция. Ослиный помет, наружно.

Меланхолия. Телячий или бычий помет, внутренне; совиный помет, наружно.

Мания. Человеческий навоз, внутренне; моча мальчика, внутренне, а также совиный и куриный помет, внутренне.

Подагра. Моча мальчика, наружно, и совиный, куриный, лошадиный, коровий, олениный и свиной помет, наружно.

Судороги. Павлиний и конский помет, наружно.

Паралич. Пусть пациент умоется собственной мочой или мочой маленького мальчика (стр. 28, 29); введите внутрь павлиний или конский навоз.

Для лечения страшной болезни, эпилепсии, внутрь вводили человеческий орду и мочу мальчиков, а также внутреннее применение помета лошадей, павлинов, мышей, собак, черных коров, львов, аистов и диких свиней; наружного применения при этой болезни не отмечено (с. 28, 29, 42, 43).

Еще одно средство от эпилепсии - взять экскременты прекрасного, здорового юноши, высушить их и извлечь масло с помощью тепла; ректифицировать это масло и принимать внутрь (с. 42, 43).

При воспаленных и слезящихся глазах делают примочки из теплой мочи юношей, смешанной с другими ингредиентами. Делайте наружные аппликации из мочи мальчиков или помета ласточек, голубей, коров, коз, прерийных кур, лошадей, ящериц, голубей. Внутреннее применение ничего из вышеперечисленного не предлагалось.

При офтальмологических проблемах - то же лечение, что и выше.

Катаракта. Делайте наружные аппликации из человеческой мочи, из мочи мальчика или из помета волков, зеленых ящериц или гусей.

Ушная боль, звон в ушах или абсцессы. Применяйте мочу юношей, смешанную с медом, или прикладывайте свежую человеческую мочу.

Другие заболевания уха. Наружное применение мочи мальчика или собственной мочи больного; наружное применение помета белой козы, голубинового, кошачьего, оленьего, кроличьего, дженниного, дикой свиньи или волчьего помета.

Кровотечение из носа. Наружное применение мочи собаки, мочи лошади или навоза теленка, осла, свиньи, коровы, лошади, верблюда или кролика.

Носовые полипы. Навоз собаки или осла, наружно.

Зубная боль или кариозные зубы. Собственный навоз или навоз волка, собаки, вороны, мыши или лошади, во всех случаях наружно (с. 52, 53).

Зубная боль. Приложить к щеке припарку из человеческих экскрементов, смешанных с цветками ромашки.

Водянка головы. Принимать внутрь мочу мальчика.

Круп и другие заболевания горла. Моча мальчика, как внутренне, так и наружно; полоскание горла и отвар собственной мочи; внутреннее и наружное применение белого помета собак, собранного в июле, или помета гусей, голубей, орлов, козлов, сов, кур или волков.

Астматические расстройства. Соли мочи или голубиногo помета, наружно.

Кашель. Собачий помет, внутренне, или помет гусей; помет ворон, оленей или воробьев, наружно.

Отхаркивание кровью. Выделения диких свиноматок, голубей, овец, коров, лошадей, мышей, собак или павлинов, внутренне.

Употребление. Помет больного, внутренне; его собственная моча или моча мальчика, или мышиный помет, внутренне (с. 74, 75).

Еще одно средство от чахотки - дать больному выпить смесь собственной мочи, взбитой со свежим яйцом; повторять несколько раз подряд по утрам; также дать ему съесть собственные экскременты (с. 74, 76).

При плеврите мы читаем о наружном применении собственной мочи больного или о внутреннем приеме помета ослов, лошадей, жеребцов, кобыл, кур, голубей и собак.

Обморочные заклинания. Человеческий ордур, наружно; собственная моча, внутренне; коровья урина или помет лошадей, овец или птиц, наружно.

Болезни молочных желез. Навоз коров или мышей, внутренне, а также наружное применение навоза быков, коз, свиней, собак, коров или голубей.

Рак молочной железы. Собственный навоз пациента внутрь, а также наружное применение навоза гусей, коров, коз или кроликов.

Венс. Наружное применение помета коров, крыс, мышей, коз, овец, гусей, голубей или кроликов.

Колика. Человеческий навоз, внутренне; "Eau de Millefleurs", внутренне (мы знаем, что "Eau de Millefleurs" сам по себе был составлен из коровьего навоза); принимать пчел внутренне (единственный зафиксированный случай такого использования этого насекомого), или помет лошадей, кошек, ласточек или кур, наружно.

Один юноша из Лейдена безумно влюбился в молодую девушку, но не смог получить согласия родителей на брак с ней. Его охватила жестокая лихорадка и запор. В таком отчаянном состоянии он вообразил, что напиток из свежей мочи его возлюбленной принесет ему пользу; он написал ей письмо, умоляя удовлетворить его желание, которое она, соответственно, удовлетворила, и, выпив напиток досыта, он получил немедленное облегчение (от запора ли, или от страсти, Пауллини не уточняет).- (Paullini, pp. 106, 107.)

Ненормальный аппетит. Те же средства, что и при коликах, q. v.

Черви. Собственная моча пациента, внутренне; навоз лошадей, коров или свиней, внутренне.

Грыжа. Кроличий помет, внутрь.

Ишиас. Наружное применение помета коз, голубей, лошадей или цыплят.

Запор. Человеческий помет, внутрь; человеческая моча, внутрь; или экскременты свиноматок, мышей, кур, гусей, воробьев, сорок или голубей, внутрь.

Диарея. Собачий помет, внутренне; свиной, ослиный или коровий помет, наружно.

Дизентерия. Собственный помет пациента или помет мальчика, внутрь; человеческая моча, внутрь; выделения собак, лошадей, свиней, воронов, кроликов, ослов, мулов или слонов, внутрь.

Обструкции печени. Соли мочи, внутренне; или помет гусей, ласточек или оленей, внутренне.

Водянка. Моча человека, внутренне; собственная моча пациента или моча мальчика, внутренне; или наружное применение помета гусей, кур, коз, ослов, собак, оленей, лошадей или овец, внутренне.

Болезни почек. Человеческая моча, как внутренне, так и наружно; гусиный помет, внутренне; овечий помет, наружно; ослиный или олений помет, внутренне.

Болезни почек, камень в мочевом пузыре. Принимать внутрь человеческую мочу или воду, дистиллированную над человеческим пометом, или высушенную катамению женщин, или соскобы из горшков, залитые бренди" (Paullini, pp. 142, 143.).

Гравий. Собственная моча пациента, внутренне; или помет голубей, крыс, кур, мышей, диких свиней или ослов, как внутренне, так и наружно.

Чрезмерное мочеиспускание. Навоз коз, мышей или диких свиней, внутренне.

Затрудненное мочеиспускание. Моча девушки, внутренняя; моча пациента, внутренняя и внешняя; помет воробьев, внутренняя; помет ослов, коз, кур, гусей, петухов или голубей, внешняя.

Нарушение фертильности и опухание яичек. Помет прерийных кур или воробьев, внутренне; помет кроликов, быков, коров или коз, внешне.

Смещение матки. Человеческие экскременты, внутренне; экскременты соколов, лошадей или быков, внутренне, или экскременты свиноматок, ослов или овец. Человеческие экскременты применялись наружно при лечении выпадения матки; это также считалось хорошим методом лечения воспаления влагалища; наружно применялась застоявшаяся моча и пар старых носков, а также ослиный помет. Обрезки камерных сосудов принимали внутрь, смешивая с другими ингредиентами (с. 154, 155).

При менструальных расстройствах менструальную кровь принимали внутрь; мочу мальчиков - внутрь; выделения ослов и кроликов - как внутрь, так и наружно; выделения свиней, крыс и лошадей - наружно.

Для прекращения менструации. Принимайте внутрь измельченную сухую менструацию и носите сорочку, вымазанную человеческой кровью (скорее всего, это сорочка женщины, которая была более удачлива в очищении); или варите вместе мочу мальчиков и чеснок и вдыхайте пар (с. 158).

Подагра, ревматизм. Собственная моча больного, внутренняя и внешняя; моча мальчиков, внешняя; помет мышей или кроликов, внутренняя; экскременты коров, быков, телят, ослов, голубей, павлинов, аистов, собак, коз или диких свиней, внешняя.

Еще одним средством от подагры и ревматизма были выделения кур, собак или петухов, внутрь.

Третичная лихорадка. Человеческие экскременты и моча, внутренне; экскременты свиноматок, ослов, кур и ласточек, а также белый помет собак, внутренне.

Четвертичная лихорадка. Выделения младенцев, внутрь; моча старухи, смешанная с ослиным пометом, наружно; помет гусей, собранных в мае, собак, воробьев, кур и овец, внутрь; кошачий помет, наружно.

Злокачественные лихорадки. Моча больного, внутренне; моча джени, внутренне; навоз красной коровы, оленя, лошади, овцы или козы, внутренне; никаких наружных применений в этом случае.

Противоядия от ядов. Человеческий орду́р внутренне, человеческая моча как внутренне, так и наружно; выделения свиней, уток, ласточек, коз, телят или кур внутренне; голубей, коров, овец, ослов и лошадей наружно.

Чума. Человеческие экскременты и моча, внутренне; бычий помет, внутренне; помет коров, кур или голубей, наружно.

Сифилис и венерические заболевания. Моча человека, внутренне, а также наружно; экскременты лошадей и собак, наружно.

Абсцессы и растяжения. Моча мальчиков, наружно; выделения коров, коз, собак, голубей, кур, верблюдов, гусей, наружно; или диких свиней, как внутренне, так и наружно.

Фурункулы. Человеческие экскременты и моча, наружно; помет кур, голубей, коз, собак, коров, быков, овец или лисиц, наружно.

Раны. Человеческий помет и моча, наружно; экскременты собак и коз, внутренне; или коров, голубей, кур, ослов и овец, наружно.

Кольчатый червь, фелоны. Человеческие экскременты, наружно; менструальная кровь, наружно; выделения гусей, коров, свиноматок, кошек, овец, коз или цыплят, наружно.

Зуд, веснушки, сыпь, лишай и т.д. Гусиный помет - внутрь; экскременты ослов, собак, кур, крокодилов, лисиц или голубей - наружно.

Выпадение волос, вши. Человеческая моча, наружно; экскременты голубей, кошек, крыс, мышей, ласточек, гусей, кроликов или коз, наружно.

Гангрена. Моча девственницы, наружно; белый помет цыплят или лошадиный помет, наружно.

Простуда. Человеческие экскременты и моча, наружно; экскременты овец, коров, быков, кур, свиней, голубей или лошадей, наружно.

Бородавки. Собственная моча пациента, наружно; выделения собак, овец, верблюдов, коз, коров, телят или черной собаки, наружно.

Трещина прямой кишки, бурсит, мозоли. Экскременты собак, свиней, овец, голубей, кур, коз, мышей или коров, собранные в мае, наружно.

Свищ. Человеческие экскременты, наружно; экскременты собак и мышей, внутренне.

Желтая желтуха. Принимать внутрь масло человеческих экскрементов или пить человеческую мочу в течение девяти дней (с. 132, 133).

Кровавый флюс. Высушенные человеческие экскременты, принимаемые внутрь, приносят большую пользу (с. 108, 109).

Бессонница. Принимайте "Spiritus Urinæ" внутрь.

Судороги или спазмы. Принимайте внутрь мочу молодых мальчиков (с. 28 и 29).

"Возьмите старый ржавый кусок железа, будь то лошадиный башмак или что-нибудь другое; положите его на огонь, пока он не раскалится докрасна; затем снимите его с огня, и пусть пациент делает на нем воду и вдыхает ее дым в нос и рот, используя это три дня вместе, и это вылечит его (от желтой желтухи)." ("The Poor Man's Physician", John Moncrief, Edinburgh, 1716, p. 174.)

"При проточных язвах на голове... купайте всю голову в старой моче" (Idem, p. 66.).

"Чтобы вызвать поток мочи... навоз, смешанный с медом, сделанный горячим, прикладывают к долевой кости" (Idem, p. 133.).

При камнях в мочевом пузыре пьют "навозную муку" (Idem, p. 134.).

"Навоз, плоть и заячий заяц пьяный" (Idem, p. 131.).

"Козий навоз пили ... в течение трех дней". (Желтуха.) - (Idem, p. 116.)

"Козий навоз, если его выпить, возвращает катаментию" (Idem, p. 141).

"Гусиный и куриный помет, запитый лучшим вином, чудесно излечивает внезапные приступы удушья у матери" (Idem, p. 144.).

"При порочной или недоброжелательной матери (т.е. утробе) прикладывают к интимным местам зловонные запахи, а к носу - сладкие." (Idem, pp. 144, 151.)

"От косоглазия... возьми навоз свиной, только что приготовленный и горячий, какой только сможешь достать,... приложи к месту, и оно излечится" (Idem, p. 172.).

"При всех импостимах... наружно применяют навоз гуся, который сначала постился три дня, а затем питался угрем, прежде чем был убит" (Idem, p. 180.).

"Для припухлостей за ушами ... козий помет, сваренный", применялся как пластырь.- (Idem, p. 84.)

От фурункулов, карбункулов и т.д. "хорошо лечит пластырь из помета павлина" (Idem, p. 163.).

"Для лечения свищей наружно применяли "человеческий помет и перец"; наружно - козий помет; голубиный помет пили в козьем молоке; сок коровьего помета в вине вливали в свищ и накладывали пластырь" (Idem, pp. 165, 166).

"Qui mane jejune, per novem dies, bibit propriam urinam non patietur epilepsiam, paralysim, nec colicam, et qui bibit propriam urinam sanabitur a sumpto veneno."-(Idem, pp. 169, 170.)

"По словам Чарльза Ланцилотти, вода из человеческих яиц пигментируется в уна калантэ, что приводит к болезненным ощущениям в мужском кадыке". (Voyez Guida alla Chimica.) - ("Bib. Scatologica", p. 29.)

В "Хилологии" Шурига, опубликованной в Дрездене в 1725 году, содержатся цитаты из почти семисот источников. Поскольку почти все они очень древние и лишь в некоторых случаях доступны ученым, ограниченным американскими библиотеками, этот научный труд Шурига становится еще более ценным для тех, кто хочет разумно и глубоко изучить эту тему использования человеческих и животных выделений в религиозных обрядах или в религиозной медицине.

Некоторые из писателей, цитируемых Шуригом, выступают за, другие против использования человеческих выделений в медицине. Среди тех, кто выступал за это, по его словам, можно назвать имена Галена и Диоскорида. Во времена Шурига, по-видимому, существовала значительная оппозиция, особенно когда были доступны другие средства; хотя Шуриг говорит, что голландские солдаты, вернувшиеся из Индии, говорили в похвалу тому, что они видели там о применении таких лекарств. Среди европейских врачей человеческий ордур использовался сам по себе, смешивался с водой или другими ингредиентами, или из него дистиллировали воду и масло.

Было бы бесполезно повторять имена всех авторитетов, упомянутых этим ученым немцем, или подробно описывать все рецепты, в которых в качестве компонентов фигурирует *alvine dejecta*. Их вставка здесь ничего не добавит к ценности этих заметок, поскольку они строго фармацевтические по своему духу; однако для студента может быть интересным узнать, какие болезни, как предполагалось, поддаются этому курсу лечения, и как именно должны применяться лекарства.

Для лечения стенокардии использовался ордур, прошедший через юношу после употребления люпинов, который следовало принимать внутрь (с. 758). Для этой же болезни были и другие рецепты ордуры в пилюлях, пластырях и отварах, а также элексиры ордуры, которые нужно было смешивать с медом (с. 756).

Для вправления нарывов, язв и т. д., при растяжениях, вывихах и т. д. лучшим средством считалась припарка из человеческого ордура, приложенная в горячем виде (с. 757).

При ревматической подагре полезной считается горячая припарка из человеческой ордуры (с. 757).

Почечные камни. "*Aqua ex stercore distillata*" давали внутрь (с. 757). При раке и злокачественных язвах человеческий ордур использовался в качестве местной припарки; его также давали внутрь, в таблетках или порошках. Папа Бенедикт был излечен от рака с помощью этого метода лечения (с. 758, 759).

Эпилепсия. Павлиний помет употребляли внутрь в сочетании с человеческим пометом (с. 762).

Эризипелас лечили припарками из человеческого ордура (с. 762). "*Oleum ex stercore distillatum*" также давали внутрь (с. 762).

Цикадки, оспенные пустулы. Ванна с "*aqua ex stercore distillata*" (с. 760).

Гангрена, лечится прикладыванием теплого раствора и мочи (с. 763).

Водянка; использовать "aqua ex stercore distillata" внутрь (с. 764).

Желтая желтуха, лечится человеческой мочой, выпитой в вине (с. 764). Здесь он цитирует Пауллини и других, с которыми мы уже знакомы.

Пилес. Гипс из человеческого ордура (с. 766). Тот же метод лечения опухолей (с. 777).

Кольчатый червь и другие кожные заболевания. Внутреннее применение "oleum ex stercore" (с. 766).

Воспаление груди у молодых матерей; местное применение человеческого ордура (с. 767).

Ожоги и ожоги. "Aqua ex stercore" местно (с. 760). Воспаления, ditto (с. 766).

Дизентерия. "Aqua ex stercore" внутрь (с. 761), цитируя Пауллини.

Эмпиематис. "Oleum ex stercore", внутренне (с. 761).

Эпилепсия. "Лечится и предотвращается экскрементами. infantis", внутренне (с. 761).

От всех лихорадок. Ordure, смешанный с медом, внутрь, цитируя Пауллини (с. 762, 763).

Свищ в заднем проходе или в лакримере. Местное применение человеческого ордура (с. 763).

Родимые пятна стирались пластырем из человеческой шерсти или мекония (с. 771).

Офтальмия, катаракта и т. д. Человеческий ордур, применяемый в качестве пластыря. Также "aqua ex stercore distillata", внутренне (с. 771).

Зубная боль. Пластырь из человеческого ордура, смешанный с порошком цветков ромашки, цитируя Пауллини (с. 772).

Отек. Гипс из человеческого навоза и коровьего помета (с. 772).

Фелоны. Штукатурка из человеческих внутренностей. Также один из них, смешанный с assafoetida, цитируя Paullini (р. 772).

Истерия. Человеческий ордур, запитый вином (с. 773).

Укусы бешеных собак, змей и всех диких животных. Ордура, или "oleum ex stercore distillatum", или "aqua ex stercore distillata", внутренне (с. 767, 768).

На острове Манилья человеческий ордура так высоко ценился как средство для лечения от укусов всех ядовитых животных, что его носили свежим или высушенным в маленьких пиксах или мешочках, подвешенных к шее, готовых к немедленному использованию. По свидетельству одного францисканского монаха, много лет служившего миссионером в этой стране, приводится пример человека, которого укусили, и он был так близок к смерти, что не мог открыть рот, но ему разжали зубы и ввели это средство. Он сразу же выздоровел.

Человеческий ордура также использовался внутренне в Мексике для лечения укусов змей, как мы уже узнали из других источников. (р. 767.)

От глистов в голове. "Oleum ex stercore distillatum", применяется местно (с. 777).

Яды. Человеческий ордур, внутрь (с. 777, 778).

При ранах, нанесенных отравленным оружием, на острове Макассар внутрь вводили человеческий ордус, пока не вызывали рвоту. Такое же лечение наблюдалось в Армении, а на Целебесе оно было признанным противоядием против растительных ядов, цитирует Пауллини (с. 778, 779).

Чума. Человеческий ордур и человеческую мочу смешивали вместе и принимали внутрь, чтобы вылечить или предотвратить чуму. Человеческий ордур также принимали отдельно, в виде таблеток, и прикладывали к чумным бубонам в качестве пластыря. Шуриг говорит, что лично знал некоего священнослужителя в Дрездене в 1680 году, который принимал такие таблетки с хорошим эффектом (стр. 775).

Струпья и лишай, местное применение "oleum ex stercore distil." (р. 776).

Плеврит, "Ol. ex sterc. dist.", внутрь (с. 774).

Подагра. Человеческий ордур в качестве пластыря, а также внутрь (с. 775); здесь он снова цитирует Пауллини, среди прочих неизвестных нам.

ИДЕИ ШУРИГА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В МЕДИЦИНЕ ЭГЕСТАЗОВ ЖИВОТНЫХ.

Четырнадцатую главу своего труда Шуриг посвящает трактату "De Stercoribus Brutorum". Нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе; достаточно привести лишь небольшое количество рецептов с примечаниями о способах применения и, по возможности, мнениями, высказанными по поводу их эффективности.

Из них мы можем составить некоторое представление о направлении медицинской мысли древних практиков.

Начиная с гусяного помета, мы видим, что он считается согревающим и высушивающим средством; аперитивом и наделен властью над менструацией; также над последом и мочой; и, следовательно, имеет ценность при желтухе, цинге и водянке. Его также использовали при многих других заболеваниях, в основном при лихорадках, коклюше, кахексии, болезнях печени, а при наружном применении в виде пластыря он был настолько ценен при лечении болезней глаз, что император Максимилиан прибегал к его использованию с наибольшей пользой; опять же, применяемый в виде пластыря, он использовался при ангине и раке молочной железы. Лучшим считался помет молодых гусей, и собирать его следовало по возможности ранней весной, предпочтительно в марте, пока он еще "зеленый", на лугах; большинство старых рецептов настаивают на этом, как видно из примера, приведенного в этом параграфе.

Доза высушенного порошка составляла от половины драм до целой драммы, , и он принимался в вине или смешивался с корицей и сахаром. Его часто соединяли с куриным пометом или разбавляли мочой коз или телят. Некоторые практикующие врачи сомневались, что при тех же заболеваниях он превосходит голубиный помет. При коклюше или опухолях горла его клали под язык больному. Шуриг начинает свой панегирик его достоинствам следующими словами:

"Calefacit et siccat vehementer; incidit, aperit; menses, secundinas, et urinas potenter movet; hinc maximi usus est in morbo regio, scorbuto, et hydrope."

R:

- Stercor. Anserin. vern. temp. collect. et in Sole exsic.
- Pull. Gallinæ.-ana. ꝑi.
- Absinth.Э ii.
- Cinnamoni.Э i.
- Sacchar.ꝑ i½. -M. ft. Pulv. subtiliss.

Навоз ассов Шуриг считал особенно хорошим средством при всех болезнях, связанных с кровотечениями. "Singulare remedium contra quamvis hæmorrhagias" (p. 800); но собирать его нужно было в мае; "Stercus asininum in Majo collectum". Принимать его следовало дозами в одну или несколько драхм, или только выжатый из него сок в какую-нибудь лечебную воду.

Высушенный на солнце или в теплом месте, он хорошо помогал при кровотечениях из носа; "ad solem vel in loco calido exsiccat et fiat pulvis qui per nares attractus subito illarum hæmorrhagias compescit." Он считался безошибочным средством для сдерживания обильных менструальных потоков. "Infallibile remedium ad constringendum fluxum menstruum esse stercus asininum ... asserit Johannes Petrus Albrechtus".

Этот навоз также пользовался большой популярностью во всех случаях воспаления матки, применяясь местно в качестве пластыря. Его назначали как внутрь, так и наружно при подагре ног, а также использовали в качестве компонента пластыря при водянке. Его давали внутрь при коликах. Собранный в мае, он применялся внутрь для растворения камней. "Stercus bubulum mense Majo collectum miram præbet aquam adversus Calculos, quos solvit et una urinam movet, quam nigram prima die pellit, calculis vehementer attritis. Hæc aqua in officinis vocatur omnium florum". Эта вода, известная в медицине как "вода всех цветов", использовалась при приступах чумы, а также при гангрене, воспалении, ревматизме и т. д.; также при водянке и раковых язвах (p. 800 и далее).

Шуриг уделяет много места навозу собак, который одни называют "Цветы Мелампия", а другие - "более честным именем album Græcum". "Stercus caninum, quod nonnulli flores Melampii, pharmacopœi autem honestiore nomine album Græcum vocant (чтобы отличить его от черного, который был навозом мышей), ad differentiam nigri, quod est muscerda" (p. 803).

Он считал, что по своему действию она "высушивает, очищает, растворяет, пропитывает, рассасывает опухоли, такие как карбункулы, растворяет язвы, - следовательно, полезна при дизентерии, эпилепсии, коликах и подобных заболеваниях, а также при стенокардии, гутте, злокачественных язвах, твердых опухолях, водянке, бородавках и т.д.". "Siccat, abstergit, discutit, aperit, apostemata rumpit, exulceratione abstergit, hinc utile est in Dysenteria, quin etiam in Epilepsia, dolore colico, et similibus;" также "in anginæ, gutturi, ulceribus malignis, tumores duros, hydropicas, verrucas, etc.". Также при свищах, воспалении миндалин и т.д. Его применяли наружно при злокачественных язвах, посыпая на них, или в качестве пластыря; также применяли в качестве пластыря при водянке. Его использовали в сочетании с пометом ласточек ("stercus hirundinum") или сов ("noctuæ"). Применялся в качестве полоскания при заболеваниях горла (с. 803-807).

Считалось, что "Album Græcum" лучше всего получать от "белых" собак, так как предполагалось, что они обладают наиболее здоровой конституцией. Это было особенно

актуально при лечении эпилепсии (с. 80). Здесь мы имеем очень явный след "цветового символизма".

"Album Græsum" брали преимущественно у собак, которых не менее трех дней до этого кормили на жестких костях с минимальным количеством воды для питья; такой помет был твердым, белым и со слабым запахом, "durum, album, nec graviter olet". Некоторые рецепты призывают использовать навоз поносящейся собаки: "stercum canis per jejunium emaciati" (p. 806).

Шуриг рассказывает, что козий помет использовался в медицине как внутренне, так и наружно. Считалось, что он эффективен при изгнании камней, уменьшении твердых опухолей, рассасывании лишая, стригущего лишая, ожогов, проказы, абсцессов за ушами, укусов змей и других диких животных, при ограничении чрезмерного катамениального потока и т. д. Его применяли в качестве пластыря при лечении опухолей конечностей, припухлостей яичек, при подагре, отеках, раке, воспалительном ревматизме, карбункулах, атрофии мышц, опухолях молочных желез и т.д. Но при изготовлении пластыря его часто смешивали с собственной мочой пациента (с. 809).

Шуриг называет его рубефациентом; он был полезен для облегчения ревматических болей, головной боли, головокружения, болей в боку, плечах, мозге и пояснице, колик, апоплексии, летаргии; предполагалось, что он способен растворять золотушные и все другие опухоли, и был полезен при лечении подагры; При внутреннем применении он выводил капельную воду через мочу, а также растворял камни; в качестве пластыря его использовали для лечения укусов бешеных собак, а также при ожогах головы; австрийские акушерки применяли его для лечения истерии, а по всей Германии его назначали при подавлении менструации (с. 809 и далее).

Что касается конского навоза, то Шуриг говорит, что его или сок, полученный из него, пили для облегчения колик, для помощи в изгнании плаценты или мертвого плода, а также в случаях удушения матки; наружно он считался полезным для сдерживания извержений крови. Для получения наибольшей лекарственной ценности навоз должен быть взят от жеребца, питавшегося овсом. Он считался очень ценным при развитии гнойников оспы у женщин и детей (с. 812 и далее).

Деревенское средство, которое, по-видимому, получило широкое распространение, для облегчения судорожно-колитического состояния состояло из сока, выжатого из конского навоза, смешанного с теплым пивом, принимаемого внутрь, и одновременно на область пупка накладывался пластырь из теплого конского навоза и горячей золы; такой пластырь применялся для лечения плеврита у англичан. При этой же болезни смесь теплого конского навоза и пива принимали как внутрь, так и наружно.

Кошачий помет в вине служил средством от головокружения и эпилепсии. Хотя его рекомендовали использовать в основном для наружного применения, не было недостатка и в тех, кто полагался на него в основном при внутреннем применении. Считалось, что он обладает особой эффективностью при выпадении волос и может быть полезен для предотвращения облысения, если применять его в качестве притирания. При внутреннем применении он подавлял обильные менструальные выделения. Для лечения преступлений, которые, как многие в те времена считали, вызваны маленьким червем, он был очень эффективен, если его обвязывали вокруг пораженного большого пальца или пальца. Пауллини цитируют как имеющего личный опыт излечения преступников таким образом. Но

сам Пауллини считал, что гусиный помет в этом случае имеет равную ценность с кошачьим (стр. 815).

Куриный помет рекомендовался для использования при ожогах. Он считался полезным против магических филлеров, *"in specie ex sanguine menstuo fœmineo"*. Он считался хорошим средством от всех тех недугов, от которых прописывали голубиный помет, но он не был столь эффективным. Он отлично помогал при коликах, маточных болях, желтой желтухе, камнях, подавлении мочи, при всех болях в кишечнике, при удушении матки и болях в ней, от яда, колдовства, от сидячих червей и т. д. Наружно его применяли при всех язвах в глазах, язвах, бородавках, рубцах, кипах, болях в ногах и руках (с. 816, 817).

Ласточкин помет упоминается как для внутреннего, так и для наружного применения. Он считался очень эффективным при лечении укусов бешеной собаки, четвертичных лихорадок, колик, воспаления почек и т. д. Его применяли в качестве пластыря при головной боли, ангине, воспалении миндалин, а также в качестве суппозитория при расслаблении прямой кишки. Его эффективность была признана при окрашивании волос, что было неоценимо при частом использовании в качестве средства для умывания. Этмюллер высказал мнение, что своим действием они обязаны присутствию солей *"армониакаля"*. Ласточкино гнездо со всем его содержимым также иногда измельчалось в пластырь, а сам ласточкин помет иногда заменял *"album Græcum"* (стр. 817 и далее).

Львиный помет проявлял свою силу в случаях тяжелых родов, а также был панацеей от эпилепсии и апоплексии. Один из великих герцогов Австрии был излечен от эпилепсии с помощью этого средства. Предпочтение отдавалось экскрементам самки льва, за исключением тех случаев, когда она только что принесла потомство. Очень известное противоэпилептическое средство состояло из сожженного вороньего гнезда, сожженной черепахи, сожженных человеческих черепов, коры липы и львиного помета, приготовленных в виде настойки путем длительного настаивания в винном спирте (стр. 819, 820).

Навоз леопарда растворял камни; принимался в качестве снадобья для лечения дизентерии; применялся в качестве пластыря для лечения ожогов; грыжа излечивалась с помощью болтушки, состоящей из навоза леопарда, человеческой мумии, сожженных червей, сиропа и других ингредиентов. Пепел помета, шкура и шерсть леопарда в сочетании изгоняли камни. Это средство следовало пить, растворив в вине; оно также являлось верным средством от самых упорных колик. Его применяли наружно при радикулите, а также при сужении вульвы и для облегчения зачатия. В последнем случае также делали пастилки (*trochisci*) и окуривали части тела. Или вставляли pessaries и держали его на месте три дня и ночи; *"et quamvis antea sterilis fuerit, deinceps tamen concipiet"*. Чтобы предотвратить выпадение ресниц и бровей, готовили мазь, в состав которой входил помет леопарда. Наконец, он был в почете как афродизиак и для изгнания ветра из утробы (с. 820).

Волчий помет, выпитый в вине или принятый в виде порошка, в дозах от одного скрупула и более, использовался для лечения колик. Пауллини цитирует рекомендацию использовать его при лихорадке. Навоз волков, как и собак, должен быть, по возможности, белого цвета, выброшенный животными, которые питались костями, и отложенный на камнях, колючках, кустах или нижних ветвях деревьев, но не на земле. Его применяли внутрь при болях в конечностях, а также внутрь в виде порошка при приступах головокружения. В высушенном виде его вдвигали в глаза, пораженные катарактой. Волчьим пометом заполняли полости кариозных зубов, чтобы облегчить зубную боль. При носовом кровотечении в ноздри вдыхали дым горящего волчьего помета, а по другому рецепту пили настой волчьего помета

на красном вине. Если овцы улавливали запах волчьего помета в своих загонах или пастбищах, они вели себя как заколдованные, бегали из стороны в сторону, блеяли и выказывали такой ужас, словно их заклятый враг, волк, был совсем рядом. Зная об этом факте, плутоватые конные банкиры не прочь были обмануть невежественных и ничего не подозревающих деревенских жителей, подкладывая немного этого помета в хлев вместе с овцами и ягнятами, пугая их до смерти, а затем убеждая хозяев, что их стада страдают от какого-то скрытого недуга, за излечение которого они требуют большую плату в виде денег или жирных овец.

Шуриг рекомендует использовать мышиный помет как внутренне, так и наружно, при различных расстройствах, при запорах у детей, при ожогах головы и перхоти, в этих случаях его применяли в виде мази, для устранения камней в почках и мочевом пузыре, при всех опухолях в основании, пилюлях, бородавках, опухолях в анане, кровотечениях в легких, для подавления менструаций и даже для возбуждения роста бороды. При внутреннем приеме его добавляли в отвар, молоко или панаду; при наружном - в пластырь с маслом и другими ингредиентами. Иногда его смешивали с пометом воробьев (с. 823 *и далее*).

Овечий помет фигурирует в лекарственных препаратах, применяемых как внутрь, так и наружно. Внутренне, в виде отвара, при желтой желтухе, непроходимости и запорах кишечника, а также при оспе. Также как специфическое средство при лечении гонореи, когда дается в виде таблеток. При болях в кишечнике, при опухолях, ожогах и врастающих ногтях на ногах его применяли в качестве пластыря (с. 826 *и далее*).

Павлиний помет, являющийся большим специфическим средством во всех случаях эпилепсии и головокружения, назначался в дозах по одному драму, и во Франции пользовался большим авторитетом для таких целей. Его следует употреблять от новолуния до полнолуния, запивая белым вином (с. 828).

Этот абзац о лекарственной ценности помета павлина заслуживает более чем беглого взгляда; в нем мы находим сильное предположение о прежней связи этой птицы с поклонением луне. Павлин, как мы знаем, был птицей, которая притягивала машину Юноны, а эта богиня была таким же лунным божеством, как и Диана.

Свиной помет или свиной навоз - одно из средств как внутреннего, так и наружного применения при носовых кровотечениях и маточных кровотечениях. При носовых кровотечениях его высушивали, превращали в порошок и втягивали в ноздри в виде нюхательного табака. Наружное применение в теплом виде на вульву считалось вспомогательным средством при кровотечениях из матки; с той же целью его принимали внутрь. Он использовался не только при кровотечениях, но имел большую репутацию как кровоостанавливающее средство в целом и применялся к ранам всех видов. Поэтому его использовали как наружно, так и внутренне для подавления обильных менструальных выделений, а также принимали внутрь для сдерживания отхаркивания крови. Он широко использовался при лечении преступников, а также считался бесценным жаропонижающим средством.

При носовом кровотечении его иногда повязывали вокруг висков. Как ни странно, его считали средством от запаха изо рта. "*Alii miscent stercus porcinum exsiccatum, cum pulvere rosarum pro corrigendo foetore*" (p. 830 *et seq.*).

В качестве наружного средства для лечения опухолей всех видов коровий помет имел множество сторонников, которые также распространяли его применение на лечение золотушных язв. Для лечения скрофулезных бородавок использовалась катаплазма из

состава различных навозов - коровьего, козьего, голубиногo и других. Ее также принимали внутрь, запивая белым вином.

При подагре ног использовали пластырь из коровьего навоза. Навоз откормленных коров считался отличным средством от опухолей и т. д.; его эффективность повышалась, если смешать его с коровьей мочой или мочой самого пациента; это средство также использовалось для лечения отеков. При укусах пчел и ос часто использовали пластырь из коровьего навоза: "Contra apum et vesparum ictus, stercus vaccinum cum aceto utiliter adhibetur" (р. 837). Навоз черной коровы, который сжигали и давали в скудных дозах только что родившемуся ребенку, предохранял его от эпилепсии и чахотки; его также использовали для облегчения зубных болей. Навоз быков и коров, собранный в мае, дистиллированный с водой, был панацеей от болезней почек; он также изгонял камни и вызывал поток мочи.

"Наес aqua vocatur aqua omnium florum", применялась как внутренне, так и наружно при гангрене, воспалениях, ревматизме, спазмах, водянке, подавлении мочеиспускания и т.д., а также использовалась наружно для удаления веснушек и как общее косметическое средство - ("Chylologia", р. 835 и далее).

В "Полном английском лекаре", Лондон, 1730 год, есть рецепты, включающие навоз гусей, собак, голубей, лошадей, павлинов, свиней и коров.

В "Полном английском диспансере" Джона Куинси, Лондон, 1730, с. 307, под заголовком "Перегонка мочи", утверждается, что соли, полученные из мочи "здорового молодого человека, недавно сделанной", были полезны при ревматизме и артрите. "Urina hominis" - моча человека. Некоторые считают, что она полезна при цинге, и пьют свою воду с этой целью, но я не могу понять, по какой причине. Некоторые хвалят ее, сваренную в консистенции меда, при ревматических болях, втирая ее в больную часть; в этом случае она может принести пользу, потому что не может не быть очень проникающей..... Urina vaccæ, - коровья моча. Некоторые пьют ее в качестве очистительного средства. Она действует жестоко, но практикуется только среди простого народа, и в ее достоинствах нет ничего такого, что позволило бы предпочесть ее более удобным и чистым лекарствам, нежели первые" (с. 248, 249).

Отец Дю Хальде говорит о верблюжьем навозе следующее: "Если его высушить и растереть в порошок, он остановит кровотечение из носа, если в него подуть" (китайские рецепты приведены в книге Дю Хальде "История Китая", Лондон, 1736, т. iv. с. 34).

"Навоз (овечий) - распространенное лекарство против желтухи, водянки, холики, плеврита, селезенки, камня, гравия, цинги и т. д., принимается в виде порошка, настойки или отвара. Навоз, приготовленный в виде катаплазмы с камфиром, солью армониака и небольшим количеством вина, открывает, переваривает, ослабляет и облегчает боль. Он отлично помогает при нарывах в ушах и других местах, опухании женской груди, болях в селезенке и подагре" (Помет, "История лекарств", английский перевод, Лондон, 1738, стр. 256).

Редкий и эрудированный памфлет Самуэля Августа Флемминга "De Remediis ex Corpore Humano desumptis", Эрфурт, 1738, хотя и содержит не более тридцати двух страниц, наполнен массой любопытной информации по вопросам, которыми обычно пренебрегают. Флемминг замечает, что те, кто может использовать в медицинской практике мочу, камни и тому подобные вещи, не должны отказываться и от использования ордуры. "И поистине удивительно, - говорит он, - что вещество, самого вида и запаха которого достаточно, чтобы

вызвать неизбежную тошноту, должно рассматриваться не только как предмет любопытства и изучения, но и пользоваться высочайшей репутацией как уникальное и ценнейшее сокровище для сохранения здоровья".

Однако Парацельс и другие представители его школы, зная о естественном отвращении к принятию подобных лекарств, готовили его под названием "Zibethum Occidentalis" и применяли в дозах от одной до двух драм, запивая медом или вином, для предотвращения приступов лихорадки; другие использовали его в качестве пластыря при воспалении горла, называя его тогда "Aureum". Другие, изучив его химическую природу, считали, что он по праву занимает место в *Materia Medica*. Из него перегоняли масло и воду, которые использовали при глазных язвах, коррозионных язвах и всевозможных свищах; при поражениях кожи головы, язвах при эризипелазе, кольчатом черве и лишае, а также при болях, особенно при подагре. Наконец, многие считали его исключительно эффективным средством для лечения чумы, если принимать его внутрь.

"Qui urina, calculi et aliis delectantur, non a stercore ipso abhorrebunt" и т. д. Полная цитата на латыни не нуждается в повторении, так как она выражена во многом так же, как и мнения Шурига, Пауллини, Этмюллера, Бекхериуса и других по тому же вопросу. Он ссылается на Закутуса Лузитануса Потеруса и Иоганнеса Англиканского, чьи труды не встречаются в Америке.

Говоря о человеческой моче, Флемминг отмечает, что врачи хвастались не только способностью диагностировать заболевания по моче, но и использовать саму жидкость для лечения болезней. Ее использовали двумя способами: либо в сыром виде, когда она выделялась из человека естественным путем, либо в виде химических препаратов, извлеченных из нее. При водянке его часто применяли в виде клизмы с положительными результатами. При трудных родах отвар теплой мочи мужа приносил легкие и благополучные роды.

При истерии высоко ценилось питье собственной мочи пациентки. В качестве наружного средства для избавления от перхоти, струпьев и других заболеваний кожи головы она пользовалась большим уважением среди простого народа.

Из мочи путем дистилляции были приготовлены соль и спирт, о которых много говорили при лечении безумия, мании и подобных психических расстройств тяжелого типа.

Флемминг приводит цитаты из Бекхерия, чьи труды уже были представлены, и из Кверцетана в "Pharmac. dogmat.", p. 119.

("De Remediis ex Corpore Humano desumtis", Samuel Augustus Flemming, Erfurt, p. 24 et seq.).

В "Физиологических мемуарах генерал-хирурга Хаммонда, армия США", Нью-Йорк, 1863 г., одна из глав посвящена уремическому опьянению, или возбуждению, вызванному попаданием в кровь мочи, либо введенной, либо аномально поглощенной. Эта часть темы должна быть тщательно изучена медицинскими экспертами, чьи заключения позволят понять, можно ли отнести пьяное безумие танцоров зуны исключительно к неестественному напитку или же к нему в сочетании с другими интоксикантами.

Данглисон говорит: "Человеческая моча в свое время считалась аперитивом; ее давали при желтухе в дозе одной или двух унций. Коровья моча, *urina vaccæ*, всецветковая вода, когда-то

использовалась, теплая от коровы, в качестве очистительного средства."-("Медицинский словарь Данглисона", Филадельфия, штат Пенсильвания, 1860, статья "Моча").

В "Ланцете", октябрь, 1880, с. 56, мистер Г. Ф. Мастерман обращает внимание на химический анализ говяжьего чая и показывает, что он аналогичен моче, за исключением того, что в нем содержится меньше мочевины и мочевой кислоты. "Многие авторы пытались убедить общественность и специалистов в истинной ценности говяжьего чая, а именно, что это не питательное, а стимулирующее средство, и что он в основном содержит экскременты." ("Говяжий чай, экстракт Либига, Extractum Carnis и моча", Ричард Нил, доктор медицины, в "Практик", Лондон, ноябрь, 1881, стр. 343 и последующие).

"В Южной Америке моча является обычным лекарственным средством, а моча маленьких мальчиков высоко ценится как стимулирующее средство при злокачественной оспе. Среди китайцев и малайцев Батавии моча используется очень свободно. Один из самых тяжелых случаев эпистаксиса прекратился после того, как была выпита пинта свежей мочи, хотя в течение тридцати шести часов или более он сопротивлялся всем видам европейской медицины. Это ни в коем случае не было необычным результатом использования мочи, как мне сообщили многие туземцы..... В качестве стимулирующего и общеукрепляющего средства я часто видел, как стакан детской или девичьей мочи выпивается с большим аппетитом и очевидной пользой". Использование урата аммиака и гуано было замечено Бауэром в 1852 году, который нашел их наружное применение полезным при фтизиатрии, лепре, морфоэ и других упорных кожных заболеваниях. Отчет доктора Хастинга о ценности экскрементов рептилий в 1862 году для лечения фтизиса также будет свеж в памяти пожилых представителей профессии" (Idem.).

Некоторые племена Центральной Африки используют человеческую мочу в качестве живительного средства во время лихорадки, подобно тому, как европейцы используют хинин.

"Жители Анголы прикладывают свежую мочу ко всем порезам и ушибам" ("Мухонго", африканский мальчик из Анголы, Западная Африка, в личной беседе с капитаном Бурком, перевод миссионера преподобного г-на Шателена).

ОРДУРА И МОЧА В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ.

В народной медицине разных стран до сих пор можно встретить экскрементные средства; действительно, проблема заключается в том, чтобы определить, в какой стране мира в настоящее время более невежественные слои населения не используют их до сих пор. Приведенные отрывки покажут, что народная медицина до сих пор не отказалась от лекарств, применение которых, как принято считать, ушло в прошлое с течением веков.

"Мне никогда не доводилось видеть следующий случай, но его много раз утверждали мне серьезные люди: В нашей провинции Бретань, когда у кого-нибудь из крестьян опухает щека от зубной боли, очень хорошим средством является прикладывание к опухшей щеке в качестве припарки свежесыпанного коровьего навоза и даже человеческого навоза, только что выметенного и еще дымящегося, что считается гораздо более эффективным." - (Личное письмо капитана Анри Жуана, французский флот, Шербур, Франция, 29 июля 1888 года).

"В наших краях против пикуров, гнуса и других насекомых, ядовитых, а также против едких мозолей, от уртика уреуса есть лучшее средство, чем применение мочи" (личное письмо д-ра Бернара, Канны, Франция, август 1888 г.).

Описывая медицину самоанцев, Тернер говорит: "В некоторых случаях грязь и даже самые неприличные нечистоты смешивались и принимались в качестве противорвотного средства" (London, 1884, p. 139, "Samoa").

"Maw-wallop. Мерзкий состав, достаточный для того, чтобы вызвать рвоту." (Гроуз, "Dict. of Buckish Slang", Лондон, 1811).

"В графстве Файетт отхаркивающее средство от крупы делают, смешивая мочу и гусиный жир, и вводят внутрь, а также растирают немного смеси по горлу и груди" ("Folk-Lore of the Pennsylvania Germans", Hoffman, in "Journal of American Folk-Lore", Cambridge, Mass., January-March, 1889, p. 28).

При резаных ранах используют человеческую мочу в качестве примочки; при рваных ранах - человеческие экскременты. (Sagen-Märchen, Volksaberglauben, aus Schwaben, Freiburg, 1861, p. 487.)

"Конский навоз и пиво" упоминаются как средство, используемое в Англии и Франции для лечения "сильной слабости" (см. Black, "Folk-Medicine", London, 1883, pp. 152, 153, цитируя Floyer и De La Pryne).

Среди множества причудливых рецептов, сохранившихся в Materia Medica английских врачей почти до наших дней, мы находим, что голубиный помет использовался "для приготовления катаплазмы против скрофулезных и других подобных твердых опухолей; для мази против облысения; ... для катаплазмы для созревания чумной раны; ... для изготовления порошка против камня" (Джон Мэтьюс Итон, "Трактат о разведении голубей", Лондон, стр. 39, 40, цитируя доктора Салмона).

Волчий помет рекомендуется для лечения колик" (Black, "Folk-Medicine", p. 54).

"Отвар из овечьего помета и воды использовался в недавние времена в Шотландии для лечения коклюша и при желтухе" (Idem, p. 167.).

На той же странице Блэк показывает, что это же средство широко использовалось в Ирландии при лечении кори.

"На юге Хэмпшира пластырь из теплого коровьего навоза накладывают на открытые раны" (Idem, p. 161).

"Вода из коровьего навоза, собранная в мае и июне, используется в Англии в качестве очистительного средства" (Southey, "Commonplace Book", p. 554).

На той же странице он говорит, что "экскременты человека, которые были несколько дней выписаны, разбавленные большим количеством эля", давали лошадям, страдающим слепым пошатыванием, - "обычный эксперимент" (Idem.).

Припарка из голубиноного помета и толченых листьев розы использовалась для лечения шва в боку" (Southey, "The Doctor", London, 1848, p. 59).

Свиной помет как средство от дизентерии в Ирландии, о котором в выражениях высокого одобрения упоминает Борлас, цитируемый Саути в "Commonplace Book", p. 149.

Достопочтенный Э. У. П. Смит, секретарь легации Соединенных Штатов в Республике Колумбия, Южная Америка, утверждает, что среди индейцев Сан-Блас в этой стране и вообще среди низших слоев населения собственная моча пациента применяется в теплом виде при болях в глазах.

Миссис Фанни Д. Берген из Кембриджа, штат Массачусетс, в течение нескольких лет посвящала время и умные исследования сбору данных, касающихся суеверий, связанных с человеческой слюной. В процессе создания этой ценной и любопытной коллекции ей также посчастливилось столкнуться со многими родственными суевериями, и она очень щедро предоставила в распоряжение автора этого тома все, что связано с использованием человеческой и животной эгесты.

Моча - лекарство от обморожения рук, на Оленьем острове.

Моча в ботинке, чтобы он не скрипел, на Оленьем острове.

Чай из овечьего помета, лекарство от кори, широко используется на Оленьем острове.

Мальчики мочатся на ноги, чтобы предотвратить судороги. Эта практика была распространена в восточной части штата Мэн двадцать-тридцать лет назад.

Вода, стоящая в углублениях коровьего навоза, раньше рекомендовалась в Нью-Йорке как средство от легочной чахотки.

Масло, полученное из пениса свиньи и приложенное к пояснице ребенка, страдающего от слабости почек или мочевого пузыря, излечивало подобные заболевания в северных районах Соединенных Штатов и в некоторых районах Новой Шотландии.

Собственная моча была использована для лечения гравия в Стаффордшире, Англия, в течение последних десяти лет.

Женщине в Англии после тяжелой болезни давали пить собственную мочу, чтобы предотвратить "припадки", в нынешнем поколении. Припарка из свежего теплого коровьего навоза вылечила человека от ревматизма в Нью-Йорке. Корь лечили, давая больному отвар из бараньих экскрементов (в народе их называли "нянькиными бусами"), в Брунsvике, штат Нью-Йорк, около 1825 года. В 1814 году в Сент-Олбансе, штат Вирджиния, только что родившемуся ребенку дали ложку женской мочи в качестве слабительного средства. Белую известковую часть куриного навоза использовали для лечения язв во рту в Абингдоне, штат Иллинойс. Коровий навоз использовали для лечения набухшей груди в графстве Корк, Ирландия. Чай из овечьего навоза использовался при кори в графстве Корк, Ирландия, и неграми из Честертауна, штат Мэриленд. Чай из овечьего навоза использовали от кори во всей Новой Англии, Огайо и Кейп-Бретоне. Коровьим навозом, как можно более свежим, намазывают воспаленную грудь, известную под названием "белесая" грудь, в течение последних двадцати пяти лет на Кейп-Бретоне.

Подобные средства на основе экскрементов используются среди немцев Пенсильвании. Припарки из коровьего помета применяются при лечении дифтерии, а также в качестве примочек при болезненной или налитой груди. "Чай из овечьих вишен (Gen. et spec.?) дают при кори" ("Народная медицина немцев Пенсильвании", в "Trans. Amer. Phil. Soc.", 1889.)

По невыясненным причинам использование этих отвратительных лекарств почти всегда скрывалось под языком эвфемизма. Овечий помет редко называют своим именем, но всегда, как было показано в предыдущих замечаниях, "чай для няньки" и т. д. Точно так же использование человеческих экскрементов скрывалось под благозвучными обозначениями "зибетум", "восточная сера" и т. д.

Использование овечьего помета для лечения кори должно быть очень древним и широко распространенным. Хирург Вашингтон Мэтьюс отмечает его существование у навахо, которые научились ему у испанцев.

"Легкие раны излечиваются" прикладыванием грязи к пораженной части... ("Nat. trib. of S. Australia", p. 284, получено по любезности Roy. Soc. Sydney, N. S. Wales, T. B. Kyngdon, Secretary).

Мистер Крисфилд из Библиотеки Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия, утверждает, что моча была средством от ушной боли среди жителей восточного побережья Мэриленда и Вирджинии; а для лечения желтухи в Новой Англии "паук, и даже более неприятное средство, вводится в ложку патоки" ("Народная медицина", Блэк, Лондон, 1883, с. 61, цитируя Напьера, "Народные предания", с. 95, и "Записи народных преданий", т. I, с. 45).

"Я вынужден рассказать вам об обычае, который до некоторой степени преобладал среди жителей этого штата (Айова); это было использование овечьего помета для лечения кори. Из навоза делали то, что старухи называли "чаем", и он был известен как "чай овечьей няни". Считалось, что он обладает особой эффективностью для выведения извержения. Смесь подслащивали сахаром и в таком замаскированном виде давали детям. Эта практика сохранялась среди определенных классов примерно до двадцати лет назад; я не слышал о ней, по крайней мере, в последние годы. Я могу проследить этот обычай через происхождение семей, в которых он практиковался, до Индианы и Северной Каролины" (личное письмо профессора С. Б. Эванса, Оттумва, Айова, капитану Бурке, 16 апреля 1888 г.).

"Один старый человек, ныне покойный, сказал мне, что около пятидесяти лет назад в графствах Норфолк и Саффолк моча коровы принималась внутрь как средство от хлороза" (личное письмо профессора Фрэнка Реда Фоука капитану Бурку, Лондон, Англия, 18 июня 1888 г.).

"В стране, где я родился, я несколько раз видел, как, когда у коровы или быка один из рогов был отбит ударом или по другой причине, люди мочились в рог, прежде чем снова надеть его на корень. Предполагалось, что это необходимо для того, чтобы рог крепко держался на корне" (личное письмо капитана Анри Жуана, французский флот, Шербур, 29 июля 1888 г.).

"Присутствие аммиака в выделениях (чья способность нейтрализовать кислоты, возможно, была открыта случайно), возможно, имеет отношение к репутации выделений почек. Помню, как в детстве мне рассказывали о достоинствах мочи как средства для облегчения состояния потрескавшихся рук, а также как противовоспалительного средства для воспаленных глаз. В первом случае аммиак смягчает кожу как щелочь, во втором - присутствующие соли уменьшают застойные явления, как поваренная соль, путем эндосмоса." (Личное письмо профессора Э. Н. Хорсфорда из Гарвардского университета капитану Бурке от 19 апреля 1888 года).

"Недавно один человек, знакомый с особенностями парижской жизни, сообщил мне, что есть люди, имеющие привычку глотать отбросы, которые они получают из уличных писсуаров, и что они известны как "Les mangeurs du blanc" (Профессор Фрэнк Реде Фоук.) Согласно Парент дю Шатле, "mangeur du blanc" означал в Париже до 1810 года "человека, живущего на доходы от трущоб". С тех пор это название было заменено на "paillasson". (См. "Проституция", Париж, 1857, т. I, с. 138).

"Когда я был мальчиком, в доме моего отца жила банда кошек, и я помню, что жители Шербура часто приходили и просили разрешения поискать в наших чердаках кошачий

помет, который, по их словам, смешанный и настоящий в белом вине, был очень эффективным напитком против периодических приступов лихорадки" (капитан Анри Жуан, французский флот).

"Лиевый чай, приготовленный из человеческой мочи и известковой воды, использовали при простуде "старика" в сельских районах Центрального Нью-Йорка".

Дикари Австралии прикладывают к ранам смолу эвкалипта, а также кору того же дерева, предварительно смоченную в человеческой моче. (Личное письмо Джона Мэтью, эсквайра, М. А., капитану Бурке, датированное "The Manse", Кобург, Виктория, ноябрь, 1889 г.). Об этом же говорится в книге "Австралийская раса" Э. М. Купра, Мельбурн, 1886, т. i. стр. 256. Об использовании коры в уборных в связи с "mangeurs du blanc" см. другие страницы этого тома.

"Philos.; hermet.; urine du vin, le vinaigre. Urine des jeunes colériques Le Mercure Philosophe." Dict. National, par M. Bescherelle, aîné, Paris, 1857, sub voc. Urine (p. 1573).

Марко Поло уже сообщал нам, что пленники, взятые татарами, часто отравлялись; "по этой причине великие повелители держат наготове собачий помет, который они заставляют их глотать, и от этого их рвет пуазоном" (в Purchas, vol. i. p. 92); кроме того, из многих источников мы узнали - Этмюллер, Шуриг, Левинус Лемний, Флемминг, Пауллини, Бекхерий, Лентилий - о противоядии экскрементов. Существование такого же убеждения было обнаружено среди коренных жителей Америки.

Падре Инамма, чьи интересные исследования укусов гремучих змей и средств от них (сделанные в Нижней Калифорнии за некоторое время до изгнания иезуитов в 1767 году) опубликованы в Clavigero, [74] говорит, что самым обычным и самым эффективным противоядием был человеческий ордур, свежий и растворенный в воде, выпитый укушенным человеком.

Вдоль Дарьенского перешейка среди аборигенов было распространено убеждение, что самым эффективным средством от отравленных стрел было то, что раненый должен был проглотить пилули из собственных экскрементов [75].

Так, в Перу "когда заболевали младенцы-сосуны, особенно если их болезнь носила лихорадочный характер, по утрам их обмывали мочой, а когда удавалось получить немного мочи ребенка, давали ему выпить" [76].

ОККУЛЬТНЫЕ ВЛИЯНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ОРДУРЕ И МОЧЕ.

В Канаде человеческую мочу пили как лекарство. Отец Сагард был свидетелем танца гуронов, в котором юноши, женщины и девушки танцевали обнаженными вокруг больной женщины, в рот которой мочился один из юношей, а она глотала отвратительную струю в надежде на исцеление [77].

На аналогичные средства лечения можно намекнуть в рассказе Смита об арауканах Чили: "Их лекарства состоят в основном, если не полностью, из растительной материи, хотя они используют много отвратительных соединений из животной материи, которые, по их мнению, наделены чудодейственной силой" (Smith, "Araucanians", New York, 1855, p. 234).

Бранд перечисляет устаревшие рецепты, один из которых (болезнь не упоминается) предписывает пациенту принимать "пять ложек мочи невинного ребенка" (Brand, "Pop. Ant.", London, 1849, vol. iii. p. 282).

Крысы применяют навоз недавно убитых животных при растяжениях связок.

Генри М. Стэнли рассказывает, что для лечения некоторых язв, вызванных мухоморами, от которых страдали его люди, "Сафени, мой коксвайн на корабле "Виктория Ньянза", ... применил очень необычное лечение, которое, должен признаться, было также удивительно успешным..... Это лекарство состояло из порошка меди и детской мочи, наносимого на рану пером два раза в день" ("Through the Dark Continent", New York, 1878, vol. ii. p. 369.).

"Оказалось, что навоз осла, натертый на кожу, считается лекарством от ревматизма, и что этот редкий вид был привезен из далекой страны на Востоке, где водятся такие животные." - ("Альберт Ньянза", сэр Сэмюэл Бейкер, Филадельфия, 1869, с. 372).

"Мандинго в Африке замазывают абсцессы коровьим навозом" (см. "Путешествия по Африке" Мунго Парка в Pinkerton, vol. xvii. p. 877). См. также издание его работ "Путешествия по Африке", Нью-Йорк, и т.д.).

Автор видел, как в Нью-Джерси коровьим навозом намазывали пчелиные укусы с успокаивающим эффектом.

"Pro remedio, in pluribus morbis urina foeminæ externe applicata, in eximia estimatione habetur." - ("The Native Tribes of South Australia", Adelaide, 1879, introduction, xvi. См. также: Eyre, "Expedition into Central Australia", London, 1845, ii. 300).

"Pilgrim's Salve". Сэр-реверенс; человеческие экскременты." - (Гроуз, "Словарь бакского сленга", Лондон, 1811 г.).

"Знахари ове-ереро, живущие к югу от Анголы (это западное побережье Африки), мочатся на больных, чтобы вылечить их" ("Мухонго", перевод преподобного г-на Шателена).

Инуитский знахарь отхаркивает больных человеческой мочой: "le goupillonne avec de vieilles urines, à l'instar des docteurs à poison bochimans ... les Cambodgiens aspergent également le démon de la petite-vérole avec de l'urine, mais cette urine est celle d'un cheval blanc." - (Réclus, "Les Primitifs", p. 98.)

"Есть немного жалоб, которые туземцы не пытаются лечить либо с помощью чар, либо с помощью специальных средств. Из последних очень необычным является личное применение мочи женщины - очень распространенное средство, считающееся верным при большинстве заболеваний" (Эйр, "Экспедиция в Центральную Австралию", Лондон, 1845, т. ii. с. 300; предоставлено профессором Х. К. Хеншоу, Бюро этнологии Смитсоновского института, Вашингтон, округ Колумбия).

(См. предыдущие ссылки на терапию коренных австралийцев в этом томе).

В Абиссинии на раны больных животных накладывали "пластыри из смешанной травы, масла и коровьего навоза" ("A Visit to Abyssinia", W. Winstanley, London, 1881, vol. ii. p. 3.).

Вблизи озера Танганьика Камерон нанял туземного знахаря для лечения одного из своих людей, который повредил глаз. "Его лечение заключалось в наложении пластыря из грязи и грязи, а плата составила сорок ниток бус" ("Across Africa", London, 1877, vol. i. p. 322). Слово "грязь", употребленное Камероном в приведенном выше предложении, несомненно, означает навоз).

Мистер Стюарт Кулин из Филадельфии, штат Пенсильвания, тщательно изучающий китайскую materia medica, утверждает, что "среди официальных лекарственных средств,

входящих в состав трав, часто встречаются указания на использование мочи". Всего несколько страниц назад упоминалось об использовании китайцами в Батавии всевозможных экскрементальных средств[78].

Преподобный Морис Дж. Байуотер пишет из Нассау (Багамские острова), что за семь лет миссионерской службы на острове Борнео он стал свидетелем нескольких очень любопытных и замечательных случаев восстанавливающего и стимулирующего действия человеческой мочи, используемой китайскими иммигрантами в случаях несчастных случаев.

Корейцы используют ту же систему медицины, что и китайцы. И те и другие используют пластыри из человеческих экскрементов при укусах, эризипелазе, воспалениях и т. д. Они используют мочу здорового мальчика в качестве тонизирующего средства. (Доктор Х. Т. Аллен, секретарь легации, посольство Кореи, Вашингтон, 1888 г.)[79].

Наши знания о тибетцах все еще настолько ограничены, что мы не должны придавать слишком большое значение тому немногому, что мы получили на данный момент; нам еще многое предстоит узнать об этой уникальной, изолированной расе.

Странное почитание, оказываемое экскрементам Великого Ламы, уже подробно обсуждалось, но их священные книги не свидетельствуют о том, что применение стеркокоричных лекарств зашло дальше.

Согласно переводу "Пратимокша-сутры", сделанному г-ном У. У. Рокхиллом, больным буддийским монахам предписывалось использовать следующие средства: "Le beurre fondu, l'huile, la mélasse, le miel, l'écume de mélasse" ("Asiatic Society", Paris, 1885, p. 22.).

Д-р Фрэнсис Паркман в своей книге "Иезуиты в Северной Америке", Бостон, 1867, введение, стр. xl., говорит об "отвратительных средствах", используемых племенами гуронов, ирокезов и алгонкинов.

Среди многих любопытных рецептов, приведенных в "Трагедии подагры", написанной Бламбозаном в 1600 году, есть и такие:...

"Пахучий овечий помет, который всегда дается тайком".

"Немного синей мази, смешанной с мужским навозом".

"Моча девственницы, как лекарство для всех мужчин в городе".

("Медицина в Средние века", Минор, стр. 88.)

Дальнейшие ссылки можно найти в следующем списке, взятом из "Bibliotheca Scatologica", который также содержит некоторые из тех, на которые уже были сделаны ссылки.

"Использование стеркозы, и в особенности ее мужского происхождения, в фармацевтике очень распространено. Врачей называют стеркораистами те, кто их выписывает, а происхождение вещества называют разными причудливыми или смешными именами (carbon humanum, oletum, sulphur occidentale). После Парацельса человеческие экскременты могли при определенном приготовлении приобретать запах мускуса и циветты; отсюда и название, которое они получили - циветта или мускус окциденталь" ("Bib. Scat.", p. 29).

Ganin, De Simplic. Medicament. facultat. lib. x. fol. m. 75, seq. "An stercoris usus licitur? Conceditur."- (№ 200 "Bib. Scat.", p. 77.)

"202. Gufer, Joh. Medicin. domest. tab. 3, p. 11, et Joh. phil. Gieswein, De Mater. Medic. p. 292, imprimis laudant stercus hominis qui lupinos comedit."- (Idem, p. 78.)

"203. Helvetius, Joh. Freder, Diribitor. med. p. 112, seq., recommande le stercus humanum recens et adhuc calidum."-(Idem.).

Hérodote, lib. ii.; Hésiode, "Opera et Dies".

Овечий помет, сваренный в молоке, рекомендован для лечения коклюша шведским врачом Хьортом, а также французским врачом Баумером ("Bib. Scat." p. 78.).

Гофман, Фред. аннот. в Petr. poter, Pharmacop. Spagyric (lib. i. p. 445), dit que excrementa alvina magnam vim possident.

Homère, Odyssée, lib. vi.-("Bib. Scat." p. 78.).

Kircher, Podronus Ægypticus, cap. ult.

Laerce (Diogène) in Pythagor.

Langius (Christ.), Oper. Medic., "regarde les médicaments stercoraux ut res indigna et execrabilis, cependant il en permet l'usage contra desperatissimos morbos" (p. 79).

Lotichus, Johan. De casei nequitiae, Francof. 1640, "sordidi medicastri et σκατοφάγοι excrementis frui solent; sed homo vero cordatus et bonæ mentis se abstinet" (p. 81).

"M. Gustave Brunet a inséré dans sa traduction des propos de table de Martin Luther" (Paris, 1844, p. 377), "quelques pensées du célèbre réformateur qui appartiennent à notre sujet. Одна из них посвящена превращению экскрементов в новые продукты питания, другая - свойствам плода" и т. д. (с. 81).

Macrobius Saturnal. lib. iii.; Martialis, Epigrammata, iv. 88; vii. 18; xii. 40, 77, et ailleurs (p. 81).

Mayern, Theodor. de Prax. Medic. syntagm. alter mêle le stercus à la poudre d'œillets (gilly-flowers).

Menangiana. Paris, 1715, 4 vols. in 12 On trouve dans ce livre divers passages relatifs à notre sujet. Voy. t. 1, pp. 9, 180, 222; t. 2, p. 198; t. 3, p. 239.

Clemens d'Alexandrie, Recogn. lib. v. p. 71.

Денне, Людовик. Pharmac. dissert. l. p. m. 411, seq. "Il blâme l'usage médical des excréments humains" (p. 73).

Диодор Сицилийский, lib. i. cap. 8, p. 73.

Дамиан, P. Opuscula, c. 2, p. 73.

"Praterius, Praxis, lib. iii. p. 330, recommande surtout l'huile et l'eau extraite de stercore humano. Далее Belleste, Chirurg. d'hôpital, part 3, p. 248, chap. 4, le sel extrait des excréments du malade atteint de dysenterie le guérit."

Plutarque, Apoph. Laconic., p. 232. Petrus Pharmacop. Spagiric. p. m. 445, рассматривает стерлядь как средство, способное обеспечить rara et perfecta remedia. Ссылается на тринадцатую главу Рабле "sur les anisterges". Rivinus (Augustus Quirinus) Censur. Medicament. officinal. cap. 2, p. 10, et seq. et 15 et seq., "strenue contra stercorum usum pugnat". Приводятся и другие старые медицинские авторитеты, некоторые из которых полностью, а другие лишь

частично поддерживают медицинское использование экскрементов; и один или два противоречат этому.- ("Bib. Scat." p. 38 *и далее*).

"On a appelé album nigrum les crottes des souris et des rats, jadis employés comme purgatif par les médecins stercoraires. Merde du diable, stercus diaboli, c'est l'assafoetida, espèce de gomme." ("Bib. Scat." p. 128. См. также Grose, Dict. of Buckish Slang, Lond. 1811, Assafoet.). По принципу "lucus a non lucendo" особого упоминания заслуживают работы Свитена, "Commentariorum", etc., Lyons, 1776; при внимательном изучении не удастся обнаружить ни одного намека на использование выделений, человеческих или животных, в фармации или терапии, и ни одного упоминания о колдовстве. Таким образом, работы этого автора знаменуют собой новый этап в развитии научной и религиозной мысли.

В "Топографических замечаниях, относящихся к юго-западным районам Хэмпшира" Уорнера, 1793 г. (т. ii. с. 131), говоря о старом регистре церкви Христа, этот автор сообщает нам: "В том же регистре есть несколько очень любопытных рецептов или способов лечения в некоторых необычных случаях недомогания; они, очевидно, относятся к началу семнадцатого века и составлены в непристойной фразеологии того времени". Я, однако, не хочу их приводить из соображений деликатности... (Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 306, статья "Физические чары").

"Новорожденный младенец не считался полностью подготовленным к жизненному путешествию, пока его желудок не был наполнен и опорожнен настойкой патоки, разбавленной везикальными выделениями первого молодняка, которого можно было достать для этой цели" ("Профессиональные воспоминания", Бенджамин Эдди Каттинг, доктор медицины, хранитель Института Лоуэлла, Бостон, штат Массачусетс, 1888, с. 40).

ДРУГИЕ СРЕДСТВА ОТ ЭКСКРЕМЕНТОВ.

Мало того, что в аптеке использовались моча и экскременты людей и животных; все, что можно было взять из тел людей или животных, диких или домашних, живых или мертвых, было привлечено, чтобы пополнить страшный список средств от грязи.

Этмюллер приводит следующий список средств; "sumuntur ex corpore vivente:" Волосы, ногти, слюна, ушная сера, пот, молоко, менструация, послеродовые выделения, моча, ордура, сперма, кровь, камни, черви, вши, кал (младенца), ... и эти "ex partibus corporis demortui". ... Весь труп, плоть, кожа, жир, кости, череп, мох, растущий на черепе, мозг, желчь, сердце. Желчь животных использовалась индейцами Северной Америки в качестве стимулятора. (См. Etmuller, Michaelus, "Opera Omnia", vol. ii. p. 265, Schrod. "Dil. Zoöl.").

Он также сообщает, что в медицинской практике использовались следующие части домашних коров: рога, желчь, печень, селезенка, кровь, костный мозг, сало, жир, копыта, моча, ордура, яички, молоко, масло, сыр, фаллос и кости (Idem, vol. ii. p. 248 *et seq.*).

ВОЛОСЫ.

"Первый волос, состриженный с головы младенца, изменит приступы подагры. Волос человека, сорванного с креста, полезен при лихорадке квартера." (Плиний, lib. xxviii. cap. 7.)

"Запах женских волос, сожженных, отгоняет змей, и истерические приступы удушья, говорят, могут быть рассеяны таким образом. Пепел женских волос, сожженный в глиняном сосуде, лечит высыпания и бельма на глазах... бородавки и язвы у младенцев... раны на голове... разъедающие язвы... воспалительные опухоли и подагру... эризипелас и кровотечения, а также зудящие прыщи" (Плиний, lib. xxviii. с. 20).

Шуриг одобряет использование человеческих волос в случаях облысения, применяемых наружно в виде мази, мелко нарезанных или растертых в золу; для лечения желтой желтухи их измельчали в порошок и запивали подходящей менструацией; они использовались при вывихе суставов, при кровотечениях из ран: "Ad canis morsuum, infantis capilli cum aceto imposito morsum sine tumore sanant et capitis ulcera emendant."- (Sextus Placitus, art. "De Puello et Puella Virgine.")

Флемминг советовал измельчать его в порошок и запивать вином в качестве лекарства от желтой желтухи; женские волосы, растертые в порошок и сделанные в виде мази с добавлением сала, имели общую эффективность; мужские волосы сжигали под ноздрями тех, кто страдал от вялости; их пили от "удушья в утробе" ("De Remediis", etc. p. 8.).

Из волос полной бороды перегоняли целебное масло и делали из него мазь. Порошок человеческих волос пили как отвар при лечении желтой желтухи; из пепла сожженных волос делали мазь с бараньим салом и прикладывали к ноздрям людей в состоянии летаргии; при "удушье матки" эту мазь прикладывали к пуденде. Волосы пациента часто использовались для "симпатического лечения" или так называемого "лечения путем трансплантации", но названия болезней Флемминг не приводит (стр. 21). (Но см. раздел "Лечение трансплантацией" в этом томе).

В Китае стружка волос, которая должна составлять значительное количество, поскольку сотни миллионов людей ежедневно тщательно бреют голову, сохраняется для удобрения земли (см. "Bingham's Exped. to China", London, 1842, vol. ii. p. 7.).

В Китае все, что связано с обработкой полей, до сих пор является религиозным обрядом. Вероятно, ни одна страна в мире, достигшая такого же прогресса, не придерживается с большей настойчивостью старых обычаев во всем, что касается обработки земли; существуют церемонии, во время которых сам император должен вести плуг. Насколько все это может быть связано с использованием отходов, которые, по общему мнению, обладают "магическими" или "лечебными" свойствами, по всей вероятности, никогда не будет установлено; но следует обратить внимание на этот факт, подобно тому, как было сочтено целесообразным провести исследование истории уборных.

"Среди нас, в Девоншире, бытует поверье, что можно заразить соседа агу, закопав волосы мертвеца под его порогом" ("Народная медицина", Блэк, стр. 27).

"И в Девоншире, и в Шотландии, когда ребенок заболевает коклюшем, с его головы вырывают волос, кладут его между ломтиками хлеба и масла и дают собаке, и если, съев его, собака закашляется, что вполне естественно, коклюш перейдет к животному, и ребенок выйдет на свободу". Тот же метод лечения практикуется в Ирландии, но в качестве животного выбирается осел" (Idem, p. 35.).

"Некоторые дубы в Беркхемпстеде, в Хартфордшире, долгое время славились как средство от агу. Перенос был простым, но болезненным. Локон волос втыкали в дуб, а затем резким рывком переносили с головы больного на дерево" (Idem, p. 39.).

Обрывки волос и тряпки подносят к священным колодцам в Ирландии, на Борнео, Малабаре и т.д., не просто как подношения божествам, а для того, чтобы осуществить "передачу" болезней людям, которые могут ими овладеть.

"В Новой Англии, чтобы вылечить ребенка от рахита, прядь его волос закапывают на перекрестках дорог, и если в полнолуние, то тем лучше" (Idem, p. 56).

В некоторых районах Англии верят, что волосы со спины осла, завернутые в хлеб и отданные больному ребенку, вылечат коклюш; другое средство того же рода - взять вырезки с головы самого ребенка, смешать их с маслом и отдать собаке, которая заберет болезнь у ребенка; еще одно - посадить страдальца на спину осла и девять раз провести его вокруг дуба.-(См. Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 288, статья "Физические чары").

Римляне связывали определенные приметы с тем, как, когда и где стричь ногти и волосы (см. Плиний, lib. xxviii. c. 5).

Древние считали, что "ни один человек на корабле не должен стричь ногти или остригать волосы, кроме как во время шторма" (Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 239, art. "Приметы среди моряков", цитирует Петрония Арбитра).

"Когда человек стрижет волосы, он старается сжечь их или тайно закопать, чтобы они не попали в руки того, кто имеет дурной глаз или является ведьмой, и не были использованы в качестве талисмана, чтобы поразить его головной болью" (Livingston, "Zambesi", London, 1865, p. 47).

Этмюллер рассказывает, что в его время женщины, страдающие от задержки менструации, имели привычку выщипывать волосы, растущие на лобке, что быстро вызывало их повторное появление, но то ли от раздражения, то ли от приема волос внутрь, неясно: "*Mulieres suffocatæ ex utero soleant vellicare in pilis pubis, ut citius et felicius ad se redeant.*" Обрезки ногтей на пальцах пили в качестве слабительного, особенно солдаты во время похода: "*Ungues infusi in vinum vel potum cum vehementia cient vomitum et purgant per fecessum ... propinavit pro vomitorio et purgante militibus ungues proprios infusos per noctem in vinum calidum.*" - (Etmuller, vol. ii. p. 269.)

"Волосы и ногти стригут в полнолуние" (Гримм, "Тевтонская мифология", Сталлибрасс, Лондон, 1882, т. ii, с. 712 и далее).

Патагонцы "верят, что ведьмы и колдуны могут причинить вред тому, кому пожелают, вплоть до лишения жизни, если им удастся завладеть какой-либо частью тела намеченной жертвы или тем, что от нее произошло, например волосами, кусочками ногтей и т. д.". И это суеверие тем любопытнее, что оно полностью совпадает с тем, что распространено в Полинезии" ("Путешествие "Приключений" и "Бигля", Лондон, 1839, т. ii. с. 163, цитата иезуита Фолкнера).

"Какое самое смертоносное деяние, посредством которого человек увеличивает зловещую силу дейвов, как если бы он принес им жертву?"

Ахура Мазда ответил: "Это когда человек здесь, внизу, расчесывая волосы, или сбривая их, или состригая ногти, роняет их в яму или в трещину" (Fargard XVII. Avendidad, Zendavesta, Oxford, 1880, p. 186).

Бекерий утверждает, что из обрезков ногтей пальцев получается отличное средство. "*Vomitorium non inelegans ex iis paratur.*"-("Med. Mic.").

Флемминг более подробно останавливается на этом; он говорит, что в качестве рвотного средства использовались мелко измельченные обрезки копыт лося, оленя, козы, кабарги и т.д., но при их отсутствии заменялись человеческими ногтями; "*istam ungulorum speciem quæ*

ab homine desumitur, substitui." Обрезки человеческих ногтей также рекомендовались для "симпатического" лечения.

"Тот, кто обрезает ногти и закапывает обрезки, - благочестивый человек; тот, кто сжигает их, - праведник; но тот, кто выбрасывает их, - нечестивец, ибо может произойти несчастье, если женщина переступит через них" (Paul Isaac Hershon, "Talmudic Miscellany", Boston, 1880, p. 49; сноска к вышеприведенному: "Ортодоксальные евреи в Польше и по сей день стараются закапывать или сжигать обрезки ногтей").

На одном из фрагментов халдейской таблички есть такой любопытный отрывок

"Сын своей матери,

(если) он сказал ей: "Ты не моя мать".

Его волосы и ногти должны быть отрезаны,

В городе он будет изгнан с суши и воды".

("Халдейская магия", Франсуа Ленорман, Лондон, 1873, с. 382).

В провинции Морей, Шотландия, "при гектических лихорадках и чахоточных болезнях они вырывают ногти на пальцах рук и ног больного, кладут их в мешок, сделанный из тряпки от его одежды, ... затем трижды машут рукой с тряпкой вокруг его головы с криком "Deas Soil", после чего закапывают тряпку в каком-нибудь неизвестном месте". Плиний в своей "Естественной истории" упоминает, что это практиковалось магами или друидами его времени" (Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 286, art. "Physical Charms.").

СУЕВЕРИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЛЮНОЙ.

Самой последней работой на эту тему является расширенная монография миссис Фанни Д. Берген из Кембриджа, штат Массачусетс, которая сейчас находится в печати и в страницы которой автор данного тома внес свой собственный вклад в подборку данных.

Также можно с пользой для себя обратиться к "Популярным древностям" Бранда, "Открытию колдовства" Реджинальда Скота, "Народной медицине" Блэка, "De Remediis ex Corpore Humano desumptis" Сэмюэля Августа Флемминга, "La Magie chez les Chaldéens" Ленормана, работам Плиния, Галена, "Саксонским пиявкам", Левинуса Лемниуса, Бекхериуса, Этмюллера и многих других.

В книге Джона Грэма Дейлилла "Суеверия Шотландии", Эдинбург, 1834 год, есть глава, посвященная оккультным влияниям, приписываемым человеческой слюне. Когда кхонды Ориссы собирались принести в жертву человека, они просили, чтобы он плюнул им в лицо; "sollicitent un crachat qu'ils s'étendront soigneusement."-("Les Primitifs", Réclus, p. 368).

В ритуале горных племен Нилгерриса говорится: "Mada a craché d'au d'au".

"Mada a craché dans les fontaines".

(Цитируется в "Les Primitifs", p. 244.)

Фромманн в своем "Трактате об очаровании", Нюрнбург, 1675, говорит о помазании глаз слюной, чтобы вылечить слепоту; он сравнивает это с использованием того же самого нашим Спасителем (стр. 196).

"Племена киргизов обращаются к своим колдунам, или бакси, чтобы те прогнали демонов и тем самым излечили болезни, которые они, как предполагается, производят. Для этого они хлещут больного до крови, а затем плюют ему в лицо" ("Халдейская магия", Франсуа Ленорман, Лондон, 1873, стр. 212).

Много интересных практик, связанных с человеческой слюной, приведено в книге леди Уайлд "Древние легенды и суеверия Ирландии", Бостон, 1888. См. также "Золотая ветвь" Джеймса Г. Фрейзера, М.А., Лондон, 1890, т. I. стр. 385, 386.

ЦЕРУМЕН ИЛИ УШНАЯ СЕРА.

Плиний говорит о его использовании в медицине (lib. xxviii. cap. 7); Гален также. Флемминг рекомендовал употреблять его внутрь при коликах и спазмах, а наружно - в качестве аппликации на раны ("De Remediis", etc., p. 22).

Пауллини считал, что из церумена можно приготовить хорошую мазь от боли в глазах (стр. 42, 43).

"Выделения из ушей, похожие на желтый оинтмент, являются большим утешением при уколе сухожилий" (фон Гельмонт, "Оритрика", английский перевод, Лондон, 1662, стр. 247).

Гален считал, что ушная сера эффективна при лечении белых ногтей; применялись и другие "соры", но он не писал о них из-за трудности их получения, например, пот, вытекающий в бане, или соскоб с тела после тяжелых упражнений; и, наконец, жировая материя шерсти имела лекарственную ценность и, похоже, обладала теми же свойствами, что и масло.

ЖЕНСКОЕ МОЛОКО.

Женское молоко смягчает покраснение глаз и воспаление лакримальных желез; его следует использовать вместе с витриолом. При "гутта серене" его применяли в виде мази; в случаях атрофии многие считали его полезным, особенно если оно взято из женской груди; такое же лечение было специфическим при упрямом икте.

Масло, приготовленное из женского молока, использовалось при детских болезнях, особенно коликах, и при глазных заболеваниях. (См. Flemming, "De Remediis," etc., p. 18.) Его лечебная эффективность лежит в основе статьи Плиния с. 21, lib. xxviii.; если возможно, это должна быть женщина, только что родившая близнецов мужского пола. "Если человека натереть одновременно молоком матери и дочери, он на всю оставшуюся жизнь будет защищен от всех болезней глаз..... Смешанная с мочой юноши, еще не достигшего половой зрелости, она устраняет звон в ушах." (Idem.)

"Matricis vulneribus confert ... lac mulieris."- (Avicenna, vol. i. p. 337, a 36.)

По словам мистера Фрэнка Г. Карпентера, императрица Китая принимала молоко шестидесяти кормилиц, чтобы сохранить себе жизнь.

Женское молоко до сих пор используется в грубой трепанации африканских кабылов в качестве приправы (см. "Доисторическая трепанация" д-ра Роберта Флетчера в т. V "Contributions to North American Ethnology", Washington, D. C., 1882).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТ.

Считалось, что человеческий пот ценен не только как средство прогноза при некоторых заболеваниях, но его появление вызывало страх при других. Если пот больного лихорадкой смешать с тестом, испечь хлеб и дать его собаке, то собака заразится лихорадкой, а человек выздоровеет. Это средство помогало изгнать золотушных грызунов и сделать филеры неэффективными. Рассказывали, что если человек, который под влиянием филтера был вынужден любить девушку против своей воли, надевал пару новых туфель, изнашивал их, ходя в них, а затем пил вино из правого ботинка, где оно могло смешиваться с уже выступившим потом, то он быстро излечивался от любви, а на ее место приходила ненависть.

Это в точности соответствует уже отмеченному случаю с мочой; уместно повторить слова самого Флемминга по этому поводу: "Narrant quod, si quis philtro fasciatus era fuerit, ad amandam præter voluntatem virginem, ut is noves induat calces, miliareque unum obambulando conficiat, quo sudor animadvertatur postque vinum e calceo dextri pedis sudore madido, hauriat, sic ab illicito amore liberari amoremque in odium converti dicunt."-("De Remediis", p. 19.)

См. Этмюллер, который использовал его при золотухе, lib. ii. p. 265; Плиний, lib. 28; Гален и Авиценна (пот гладиаторов), т. i. p. 398, а 17, и др.

СУЕВЕРИЯ, СВЯЗАННЫЕ С КАТАМЕНИАЛЬНОЙ ЖИДКОСТЬЮ.

О мнениях древних относительно ее оккультных свойств читайте у Плиния (издание Бона), lib. xxviii. cap. 23, и еще раз lib. viii. cap. 13. "При приближении женщины, находящейся в таком состоянии, суслик становится кислым, семена, к которым она прикасается, становятся бесплодными, прививки увядают, садовые растения пересыхают, а плоды падают с дерева, под которым она сидит; ... рой пчел, если на него посмотреть, немедленно погибнет, медь и железо немедленно заржавеют..... Собаки, попробовавшие катамениальную жидкость, сойдут с ума..... Кроме того, битум, который в определенные периоды года плавает в Иудейском озере и известен как асфальтит, - вещество, которое отличается особой цепкостью и прилипает ко всему, к чему прикасается, - может быть разделено на отдельные куски только нитью, погруженной в это злокачественное вещество". (Lib. vii. cap. 13, и снова lib. xxviii. cap. 23.) В сноске говорится, что и Иосиф ("Bell. Jud.", lib. iv. cap. 9), и Тацит (lib. v. cap. 6) рассказывают о предполагаемом действии этой жидкости на битум Асфальтового озера. "Град, говорят они, вихри и даже молнии будут отпугнуты женщиной, просто прикрывшей свое тело, даже если у нее в это время была менструация". (Lib. xxviii. cap. 23.) В Каппадокии менструирующие женщины обходят поля с зерном, чтобы уберечь его от червей и гусениц. (Говорят, что прикосновение женщины в таком состоянии наносит непоправимый вред молодым виноградным лозам; а растения руты и плюща, обладающие высокими целебными свойствами, мгновенно погибают от прикосновения женщины. Острие бритвы затупится при соприкосновении с ней" (Idem.).

"Все растения бледнеют при приближении женщины, на которой есть менструальные выделения". (Плиний, lib. xix. cap. 57.) То же самое мнение преобладало во Франции вплоть до наших дней. (Idem, сноска.)

"С менструальными выделениями совершались изгнания... не только повитухами, но и блудницами" (lib. xxviii. cap. 20).

Фромманн ссылается на Аристотеля и Плиния, говоря о вредоносном влиянии менструации и о необычности менструирующей женщины. Аристотель говорил, что ее взгляд убирает блеск с зеркала, и следующий человек, смотрящийся в него, будет околдован. Фромманн цитирует человека, который сказал, что видел в Гоа дерево, которое засохло, потому что на нем висела катамениальная салфетка. ("Tractatus de Fascinatione", Nuremburg, 1675, pp. 17, 18).

"Пятна на одежде, сделанные катамениальной жидкостью, могут быть удалены только с помощью мочи той же женщины" (Плиний, lib. xxviii. cap. 24).

"Один австралийский негр, обнаружив, что его жена легла на его одеяло во время менструации, убил ее, а сам умер от ужаса в течение двух недель. Поэтому австралийским женщинам в это время под страхом смерти запрещено прикасаться к тому, чем пользуются мужчины". ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 170. Он приводит и другие примеры из жизни эскимосов и индейцев Северной Америки. "Тиннех" и т. д., с. 170.) В следующем примере мы не уверены, что выбранные молодые женщины проходили очищение, но есть некоторые основания полагать, что так оно и было, особенно с учетом общего распространения идей, связанных с катаменой. "В одном из районов Трансильвании, когда земля пересыхает от засухи, несколько девушек раздеваются догола и, ведомые старшей женщиной, которая тоже обнажена, крадут борону и несут ее через поле к ручью, где ставят на плаву. Затем они садятся на борону и в течение часа поддерживают маленький огонек, горящий на каждом ее углу; после этого они оставляют борону и возвращаются домой. К подобному заклинанию дождя прибегают в Индии; голые женщины ночью тащат плуг по полю" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. I, с. 17).

При всех укусах многоножек жители Анголы, португальцы и негры, применяют катамениальную жидкость. В это средство безоговорочно верят все, кого оно касается (преподобный г-н Шателен, миссионер в Анголе, Африка).

Об инуитах см. "Les Primitifs", Réclus, Paris, 1885.

Ужас, который испытывают американские индейцы по этому поводу, слишком хорошо известен, чтобы уделять ему много внимания на этих страницах; он во всех отношениях соответствует сведениям, приведенным Плинием. Скво во время менструального очищения обязаны уединяться; в большинстве племен они вынуждены занимать изолированные домики, и во всех им запрещено готовить пищу для кого-либо, кроме себя.

Считается, что если менструирующая женщина встанет на ружье, лук или копье, это оружие будет бесполезным. У знахарей есть привычка делать оговорку, когда они приступают к изготовлению "лекарства"; она заключается в том, что "лекарство" будет в порядке, если ни одной женщине в таком специфическом состоянии не будет позволено приблизиться к палатке или жилищу знахаря.

Среди навахо Аризоны принято, чтобы женщины носили полоску овечьей шкуры, называемую "чоган"; когда необходимость в ее использовании отпадает, женщина выходит за пределы деревни и прячет ее в развилках одного из кедров или можжевельников, которых так много в горах. Однажды автор нашел одно из таких деревьев, но люди, которые были с ним, внушили ему мысль, что ничего хорошего не будет от того, что он окажется рядом с ним. В другой раз он знал одного мальчика, на которого упал "чоган", сорванный ураганом. Он почти обезумел от ужаса и три-четыре дня посвятил пению и мытью в "потной бане".

Остяки Сибири, похоже, имеют те же представления об этом, что и апачи и навахо. (См. Pallas, "Voyages", vol. iv. p. 95.)

Даниэлус Бекхериус сообщает своим читателям, что менструальная кровь использовалась в медицине (стр. 23 *и далее*); из нее готовили фильтры (*idem*, p. 341). "Zenith juvencarum sc. sanguines menstruum" давали при эпилепсии, то есть при первой менструации у девочки (*idem*, p. 42). Ворсинки самой салфетки также давались (*idem*), - "litura pannorum menstruorum datur patienti sanari morbum comitialium". Первая салфетка, использованная здоровой девственницей, сохранялась для использования в случаях чумы, злокачественных карбункулов и т.д., смачивалась водой и прикладывалась к больному месту; также использовалась при эризипелесе (*idem*, p. 43, "Med. Microcosmus"). Высушенную катамению давали внутрь при камнях, эпилепсии и т. д., а наружно - при подагре; ее использовали при лечении чумы, карбункулов, апостумов, прикладывая к ним тряпку, смоченную розовой водой или маслом, в которое была налита менструальная жидкость; она хороша как косметическое средство для изгнания прыщей (стр. 265).

Чтобы сдержать обильное течение менструации, салфетку пропитывали менструальной кровью, а затем держали определенное время в отверстии, сделанном в коре вишневого дерева. "Ad immodicum menstruorum fluxum cohibendum sunt qui pannum menstruum sanguine imbutum certo tempore cerasi radice in cortice apertæ indunt, incisuramque iterum operiunt."- (*Etmuller*, "Op. Omnia"; *Schrod.* "Dil. Zoöl.", vol. ii. p. 265).

Пауллини прописывает "сушеную катамению женщин" для лечения болезней почек (стр. 142, 143), а также при стригущем лишае, фелоне, менструальных проблемах. Фромманн дает такое же средство от неумеренных менструаций, помещая салфетку в вишневое дерево (см. "Tract. de Fascinatione", p. 1006).

"Excoriationi conferunt ... sanguis menstruus."- (*Avicenna*, vol. i. p. 388.)

Согласно Флеммингу, менструальная кровь считалась настолько сильной, что одно лишь прикосновение менструирующей женщины делало бесплодными виноградники и все виды фруктовых деревьев (здесь он, по-видимому, следует Плинию). Считалось, что с медицинской точки зрения она может облегчить менструальный поток у других женщин; даже испачканный платок женщины, у которой менструация была счастливой, помогал другой женщине, у которой менструация по какой-либо причине задерживалась. Небольшая часть менструации, высушенная и принятая внутрь, смягчала недуг, известный как дисменорея. Флемминг утверждает, что, хотя в его время это средство было постепенно вытеснено, его по-прежнему использовали среди бедных и невежественных людей при эризипелесе, пятнах на лице и в качестве ингредиента в мази от подагры или подагрических заболеваний ("De Remediis", pp. 16, 17).

Лапландцы "говорят, что могут остановить судно на середине его пути, и что единственным средством против силы этого очарования является окропление женскими очистительными средствами, запах которых невыносим для злых духов" ("Путешествие Регнарда в Лапландию", Пинкертон, т. I, с. 180).

"Чтобы вылечить молодую женщину от чахотки, ей давали пить ежемесячные выделения" ("Округ Датчесс, Нью-Йорк", 1832 г., мистер Джозеф Й. Берген-младший, Кембридж, Массачусетс).

Исайя сравнивает нашу справедливость с "panno menstruatae" (*Harington*, "Ajax", p. 24).

"Crines foeminæ menstruosæ, волосы менструирующей женщины в течение короткого времени превращаются в змей" (*Scot*, "Discoverie", p. 221).

"Мужчины особенно не любят видеть кровь женщин в определенное время; они говорят, что если бы они увидели ее, то не смогли бы сражаться со своими врагами и были бы убиты". (Mrs. James Smith, "The Roandik Tribes", p. 5.) Таким образом, хотя кровопускание является обычным австралийским средством лечения среди мужчин, женщинам не разрешается пускать кровь. (Angas, vol. i. p. 3.) "Это отвращение, возможно, объясняет то уединение женщин во время полового созревания, родов и т. д., которое приняло различные формы во многих частях света" ("Тотемизм", Frazer, p. 54, сноска).

Старух подозревали в том, что они используют первую менструальную струю молодой девушки в любовных фильтрах" (Сэмюэл Август Флемминг, "De Remediis").

"От колик возьмите соскобы с ногтей катамениальной девственницы, смешайте с водой и принимайте." (Sagen-Märchen, Volksaberglauben aus Schwaben, Freiburg, 1861, p. 487).

В старину было распространено множество любопытных идей о том, как можно зародить василиска или кокатриса. "Если поместить в серебряную гурду мужское пение и положить ее в брюхо шевала, то получится василиск" ("Mélusine", Париж, январь-февраль, 1890, с. 19).

Хотя у израильтян было много общих с американскими индейцами представлений о катамениальной жидкости и об уединении женщин, проходящих очищение, похоже, не было предпринято никаких попыток сохранить или спрятать одежду, используемую в таких случаях. Так, пророк Исайя (lxiv. 6) говорит об идолах язычников, что они должны быть отброшены, как салфетки, испачканные во время менструации. "Noc est disperges ea (de idolis loquitur) sicut immunditionem menstruatae." - (Прим. автора: доктор Роберт Флетчер).

Упоминания об использовании катамениальной жидкости в колдовстве можно найти у Бекхериуса, цитирующего Иосифа:

"Хиавата, мудрый и заботливый,

Ты благослови сегодня ночью кукурузные поля,

Начерти вокруг них магический круг,

Чтобы защитить их от гибели".

"Встань с постели своей в тишине,

Отбрось свои одежды,

Пройдитесь по полям, которые вы засеяли,

"Прикрывшись лишь своими локонами,

В одежде из тьмы".

("Hiawatha", Longfellow, canto xiii,

"Благословение кукурузных полей").

Менструирующие женщины не допускались в иудейские синагоги и к столу для причастия в раннехристианской церкви: "Menstruatæ mulieres superstitiose exclusæ ab ecclesia." (Baronius, "Annales", Lucca, 1758, tome 3, 266, xi.)

ПОСЛЕРОДОВЫЕ И ЛОХИИ.

Оба эти растения использовались в медицине; лохии были полезны для сдерживания маточных кровотечений; последы, высушенные и растертые в порошок, лишали любовные филлеры их силы; они использовались как противоэпилептическое средство, для облегчения задержки менструации и т.д. (См. Flemming, "De Remediis", p. 17.) Секундины использовались при лечении эпилепсии. (См. Etmuller, vol ii. p. 265).

СЕМЕНА ЧЕЛОВЕКА.

Этмюллер ничего не знал о лечебной ценности человеческой спермы, кроме того, что Парацельс рекомендовал использовать ее в некоторых случаях (vol. ii. p. 272).

Плиний упоминает об использовании человеческой спермы в качестве лекарства (lib. xxviii. c. 10).

У диких австралийцев есть "последнее и самое отвратительное средство... считающееся непогрешимым в самых крайних случаях..... 'Mulierem ob juventutem firmitatemque corporis lectam sex vel plures viri in locum haud procul a castris remotum deducant. Ibi omnes deinceps in illa libidinem explent. Tum mulier ad pedes surgere jubetur quo facilius id quod maribus excepit effluere possit. Quod in vase collectum ægrotanti ebibendum præbent. Аборигены безгранично верят в эту поистине ужасную дозу и перечисляют множество случаев, когда она приводила к чудесным исцелениям. Нам, однако, известно, что в нескольких случаях ее вводили без какого-либо отдаленного оживляющего результата. Возможно, эта жидкость - некоторые ученые утверждают, что она является самой сутью жизни, а также содержит ее микроорганизмы, и что вливание ее в пациента, медленно, но верно умирающего от истощения, вызванного длительным приступом болезни (сама болезнь угасла или была вылечена), может иметь тот чудесный эффект, о котором так положительно отзываются туземцы; но этот вопрос должны решать врачи."-("Аборигены Виктории и Риверины", Мельбурн, 1889, с. 55, П. Беверидж, получено благодаря любезности Королевского общества, Сидней, Северный Уэльс, Ф. Б. Кингдон, секретарь).

"Impetigine conferunt ... sperma..." (Avicenna, vol. i. p. 330, a 10.)

При подагре Авиценна прописывал "Sanguis menstruus", "Sperma hominis" (vol. i. p. 330, a 12; idem, a 13); "Sanguis menstruus calidus" (vol. i. p. 388, b 9); также "Stercus caprarum" (vol. i. p. 390, a 13). Об этой секреции также говорилось в разделе "Любовь-морковь".

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КРОВЬ.

Лекарственное применение человеческой крови описано Плинием (lib. xxviii. cap. 105).

Бекерий говорит, что человеческая кровь использовалась для лечения эпилепсии. Фаустина, жена философского императора Марка Антонина, желая иметь ребенка, выпила теплую кровь умирающего гладиатора, а затем разделила ложе мужа, сразу же забеременела и произвела на свет жестокого Коммода. Человеческая кровь также использовалась для "симпатического лечения" ("Medic. Microcos." pp. 122, 128).

Но важно, чтобы используемая человеческая кровь была чистой и неоскверненной; любовникам, желающим усилить привязанность своих любовниц, рекомендовали попробовать вливание собственной крови в вены любимой. Кровь человека, а также

некоторых животных, в частности собаки, овцы и т. д., использовалась при мании, бреде, раке и т. д. Предпочтение отдавалось методу переливания. Эпилептики иногда пили струю теплой крови, вытекающей из шеи обезглавленного преступника; кровь только что обезглавленного человека, выпитая теплой, излечивала эпилепсию и сдерживала маточные кровотечения.

Гримм упоминает о том, что кровь невинных девушек и мальчиков использовалась как средство от проказы, а кровь преступников - при эпилепсии.- ("Teut. Mythol." vol. iii. p. 1173.)

См. обсуждение этого вопроса под заголовком "Человеческие черепа". См. работу "Завет крови" д-ра Х. К. Трамбулла.

Что касается поведения императрицы Фаустины, см. "Историю инквизиции" Генри К. Леа, Н. Й. 1889, т. iii. с. 391.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОЖА, ПЛОТЬ И САЛО.

Подпруги из человеческой кожи считались эффективным средством для помощи роженицам; Этмюллер в своем "Комментарии. Людовик" не одобряет их использование, но в другой части своих работ описывает, как и для каких целей они должны были применяться.

"Corium humanum et ex inde paratum cingulum magni est usu in suffocatione uterina arcenda, uti etiam in pellendo foeto mortuo, item in partu difficile" (vol. ii. p. 272).

Упоминания о таких поясах, называемых "cingulæ" или "chirothecæ", можно найти в трудах Самуэля Августа Флемминга и других.

Человеческая плоть и трупы использовались под названием "мумия". (См. Beckherius, "Med. Microcos." p. 263 et seq.) Он перечисляет не менее пятидесяти рецептов для лечения всевозможных болезней. Мумия" должна быть от злоумышленника, повешенного на виселице, никогда не погребенного, а возраст - от 25 до 40 лет, хорошего телосложения, без органических и других заболеваний и собранная в ясную погоду.

Человеческая плоть встречается в рецептах в "The Chyrurgeon's Closet", London, 1632, pp. 6, 53.

Эндрю Лэнг упоминает об использовании "порошка мумии" врачами при дворе Карла II ("Миф", т. I. стр. 96).

В медицине использовалось человеческое сало, получаемое из кожи и других частей тела. Оно считалось эффективным средством для уничтожения гнойников оспы, а из него дистиллировали "философский олеум", который пользовался большим авторитетом при опухолях, катаральных явлениях, заболеваниях уха и т. д. - (Flemming, "De Remediis", p. 9.)

Человеческая плоть, "мумия", рекомендовалась для приготовления лучшей "мази Парацельса..... Рекомендуется для лечения синяков и против застоявшейся крови.... Самое превосходное и самое одобренное лекарство".

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЧЕРЕП.-МОЗГ.-МОХ, РАСТУЩИЙ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ЧЕРЕПЕ.-МОХ, РАСТУЩИЙ НА СТАТУЕ.-ВШИ.

Демокрит в своих "Мемуарах", цитируемых Плинием, считал, что "черепа преступника наиболее эффективны..... В то время как для лечения других требуется череп того, кто был

другом или гостем". (Плиний, lib. xxviii. с. 2.) ... "Череп человека, который был убит" и "чье тело осталось необожженным..... Череп человека, которого повесили" (Idem.).

"Ксенократ, который, по словам Галена, процветал за два поколения или шестьдесят лет до него, с уверенностью пишет о хороших эффектах, которые можно получить, съев человеческий мозг, плоть или печень; проглотив в питье сожженные или несожженные кости головы, голени или пальцев человека, или кровь."-("Saxon Leechdoms", lib. i. p. 18.)

"Против сверлящего червя... сожгите до пепла головную кость или череп человека; набейте его трухой" (Idem, vol. ii. p. 127, статья "Книга пиявок").

Парацельс дает рецепт дистилляции "Ойл из черепа человека . Возьмите череп человека, который никогда не был похоронен, и взбейте его в порошок". ("The Secrets of Physicke", Theophrastus Paracelsus, Eng. transl. London, 1633, p. 97.) "Доза составляет три зерна против падающей болезни" (Idem.).

Шуриг отмечает, что человеческий череп является средством от падучей болезни.

Череп мужчины использовался для лечения мужских болезней; череп женщины - для лечения женских болезней.- (См. "Редкие секреты физики", собранные графиней Кентской, Лондон, 1654, с. 3).

Бекерий прописывал его при цефалических заболеваниях, эпилепсии, параличе, апоплексии, головокружении и т.д., принимая в порошке или сыром виде, просто или в комбинации.- ("Medicus Microcosmus", p. 199 и далее).

Но череп, предпочтительно, был "Cranii humani nunquam sepulti" (стр. 217); или "Cranii humani violenter mortui" (стр. 266). Мох из такого черепа также использовался в медицинских целях (idem, p. 237). По возможности, это должен быть череп человека, которого казнили на эшафоте, "patibula".

"Порошок из костей человека, сожженных, главным образом из черепа, найденного в земле, данный, излечивает эпилепсию. Кости мужчины излечивают мужчину, кости женщины - женщину". Но пациент должен был воздерживаться от вина в течение девяти дней. ("Лекарь бедняка", Джон Монкриф, Edin. 1716, p. 70).

"Os hominis adustum", лекарство от эпилепсии (Avicenna, vol. i. p. 330 a 18); "Mumia" (idem, vol. i. p. 357, a 55); "Ossa hominis in potu data" (idem, vol. i. p. 371, a 6).

Эпилепсия. "Принимайте пилюли из черепа повешенного" (Reg. Scot. "Discoverie", p. 175).

Череп предков использовались тибетцами в качестве чаш для питья, согласно Рубрукису в "Перчах" (т. I. с. 23).

"Среди первобытных людей голова является особенно священной" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. I. с. 187).

Доктор Бернард Шафф дает следующую формулу для лечения лихорадки: "Возьмите человеческий череп из числа тех, что не заключены в гробницы, и прокалите его в тигле или на открытом огне; принимайте в дозах от одного скрупула до половины драма за час или два до пароксизма лихорадки". Он добавляет, что среди простого народа преобладало мнение, что череп следует добывать на ранней заре, примерно во время зимнего солнцестояния, и с церемониями (*sacris*), свойственными этому времени года, что его следует забирать в тишине; но он, со своей стороны, не верит в подобные вещи.

"Recipitur cranium humanum ex ipsis quoque sepulchrorum claustris depromptum (vulgus addit tempore matutino ante Solis ortum sub sacris angeronæ, hoc est, ore tacito, auferatur, quod tamen, cum aliquam sapere videatur superstitionem, imitari nolui) et vel igne aperto, vel in crucibulo, calcinatur, usquedem colorem acquirat cineritium pulverisatum hocce cranium adhibetur aЭ i. ad 3; i. vel ii. horas ante paroxysmi principio."-("Ephem. Phys. Medic," Leipzig, 1694, vol. ii. p. 93.)

Череп преступника, умершего на эшафоте или колесе, который был выставлен на открытый воздух достаточно долго, чтобы он стал совершенно сухим и белым, считался специфическим средством от эпилепсии, будучи намного лучше для этой цели, чем черепа, полученные с кладбищ.

Солдаты считали, что если они выпьют из человеческого черепа перед тем, как идти в бой, то получат иммунитет от оружия врага. Это поверье, несомненно, пришло в Европу вместе со скифами.

"Milites putant, si quis ex cranio humano hauriat potum fore ut sit immunis ab insultis armorum."- (Etmuller, vol. ii. p. 268, 269.)

Этмюллер также показывает, что эти черепа измельчались и вводились больным эпилепсией, причем приводилось множество способов приготовления и введения.

Флемминг писал, что человеческий череп считался мощным средством при всех недугах, для лечения которых практикующие врачи применяли человеческий мозг, - то есть при нервных расстройствах и эпилепсии. Предпочтительно, чтобы череп был взят у трупа, умершего насильственной смертью: "Quæ e cadavere violenta morte extincto est desumpta". Он входил в состав многих препаратов с громкими названиями "эпилептический величественный", "цефалический специфический" и т. д. В виде порошка, измельченного или прокаленного, его иногда применяли как жаропонижающее средство и при параличе ("De Remediis", p. 10).

Мистер У. У. Рокхилл утверждает, что ламы Тибета используют черепа в своих религиозных церемониях, но отвергают те, которые пахнут человеческой мочой. Кровь из черепа мертвеца" используется для остановки кровотечения" (Pettigrew, "Med. Superst.", p. 113).

"Есть чаша для гадания - жуткий предмет, сделанный из перевернутого черепа буддийского священника" ("Лакомые кусочки из Тибета" в "Ивнинг Стар", Вашингтон, 3 ноября 1888 г., описание коллекции У. У. Рокхилла в Национальном музее).

До прихода белых дикари Австралии использовали человеческие черепа в качестве сосудов для питья - "человеческие черепа со швами, заткнутыми смолистой камедью" ("Коренные племена Южной Австралии", Adelaide, 1879, получено благодаря любезности Королевского общества, Сидней, Новый Южный Уэльс, Ф. Б. Кингдон, секретарь).

"Порошок из костей человека, особенно из черепа, найденного в земле, считался в Шотландии средством от эпилепсии. Как обычно, форма гласит, что кости мужчины вылечат мужчину, а кости женщины - женщину". Гроуз отмечает достоинства мха, растущего на человеческом черепе, если его высушить, истолочь в порошок и принимать как нюхательный табак при головной боли". (Black, "Folk-Medicine", p. 96.) Он также сообщает нам, что те же самые верования и то же самое средство были получены в Англии и Ирландии.

"Среди предметов, которые можно рассматривать скорее как домашнюю мебель... - высушенные человеческие черепа, которые можно найти завернутыми в банановые листья в жилище почти каждой благополучной семьи диаков. Они висят на стене или свисают с крыши. Нижняя челюсть всегда отсутствует, поскольку дяк считает более удобным обезглавливать жертву ниже затылка, оставляя нижнюю челюсть прикрепленной к телу" ("Охотники за головами Борнео", Карл Бок, Лондон, 1881, стр. 199).

Вспоминается бережное отношение манданов к черепам своих умерших, о котором рассказывает Кэтлин.

МОХ, РАСТУЩИЙ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧЕРЕПАХ.

Фон Гельмонт упоминает о лечебном использовании мха, растущего на черепах тех, кто умер насильственной смертью ("Oritrika", p. 768).

Этмюллер говорит об уснее, или мхе, растущем на черепе преступника, который давали при эпилепсии (т. ii. с. 273).

Флемминг считал, что такой мох, взятый из черепа преступника, которого повесили или сломали на колесе, очень эффективен при эпилепсии, при проблемах с мозгом и как кровоостанавливающее средство при кровотечениях (стр. 11).

"Такой мох, если его высушить, истолочь в порошок и принимать как нюхательный табак, излечит головную боль" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 277, статья "Physical Charms", цитирует Гроуза). Такую же ссылку дает Петтигрю, "Медицинские суеверия", стр. 86).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОЗГ.

Человеческий мозг, растворенный или перегнанный в винном спирте, использовался при нервных расстройствах и в качестве противоэпилептического средства (Flemming, "De Remediis ex Corpore Humano desumtis", p. 10).

ЛИШАЙ.

Можно сделать вывод, что привычки к личной чистоте не преобладали в Англии два столетия назад, судя по условиям следующего рецепта, который, похоже, считает само собой разумеющимся, что пациент может в любой момент достать необходимых насекомых: - "Для лечения глаз... возьмите двух или трех вшей с головы; положите их под крышку.

"Для лечения болей в глазах... возьмите двух или трех вшей с головы; положите их под веко" ("Редкие секреты физики", собранные графиней Кентской, Лондон, 1654, с. 75).

Автор этой работы знает из неприятного личного опыта и наблюдений, что индейцы Северной Америки очень часто пристрастились к отвратительной практике чистить друг другу головы и класть в рот всю пойманную добычу. Такое занятие считалось очень деликатным вниманием, которое женщина должна была оказывать своему мужу или любовнику, или друг-мужчина - другу-мужчине во время похода. Не было отмечено ни одного случая использования этих хлопотных паразитов в медицинском смысле.

МОХ, РАСТУЩИЙ НА ГОЛОВЕ СТАТУИ.

"Утверждают, что растение, растущее на голове статуи, собранное в ворсинки любого из одеяний, а затем прикрепленное красной ниткой к шее, является мгновенным средством от головной боли". (Плиний, lib. xxiv. с. 106.) Это, по-видимому, имеет отношение к идее о мхе, растущем на человеческом черепе.

ШЕРСТЬ.

"Древние римляне придавали шерсти даже религиозное значение; и именно в этом духе они предписывали невесте касаться шерстью дверных косяков дома своего мужа" (Плиний, lib. xxix. cap. 10).

В Камберленде (Англия) известным средством от ушной боли является прикладывание кусочка шерсти с черной овцы, смоченного в коровьей моче. Возможно, именно модифицированная форма этого последнего представления встречается в Маунт-Дезерт, где говорят, что шерсть должна быть смочена в новом молоке; в то время как в Вермонте, чтобы быть эффективным средством, считается, что шерсть должна быть собрана с левой стороны шеи совершенно черной овцы. В других местах шерсть негра считается лекарством от той же боли.

Кажется почти невероятным, каково бы ни было их происхождение, что средства столь отвратительного характера, как многие из приведенных выше, могут до сих пор сохранять место даже в самой грубой традиционной фармакопее; но в необразованном человеческом разуме, похоже, существует своего рода благоговение или вера в то, что само по себе неприятно или отталкивающе. Эта идея, очевидно, управляет вместо рационального суждения при выборе многих народных средств в форме масел самого отвратительного описания, таких как "скупсовое масло", "масло углового червя" (сделанное путем медленного выдерживания земляных червей на солнце), "змеиное масло" различных видов и т. д. - ("Animal and Plant Lore", Mrs. Fanny D. Bergen, в "Popular Science Monthly", New York, September, 1888, p. 658).

В приведенном выше применении человеческой крови и человеческих черепов одна особенность должна быть очевидной для самого поверхностного студента: при лечении эпилепсии кровь или череп, предпочтительно, должны были принадлежать умирающему гладиатору или преступнику. Очевидно, для этого была причина, выходящая за рамки простой целесообразности.

Гладиаторские игры были учреждены как священные игры, в которых жертвы, приносимые в жертву, определялись судьбой боя. Долгое время после того, как разум и природа человека восстали против отвратительных обрядов человеческих жертвоприношений, религия и обычаи все еще держали его в своих тисках. Он не приносил в жертву своих отпрысков, как раньше, но все еще продолжал закалывать пленников, захваченных на войне, как многие гладиаторы, или нарушителей законов.

Жертва, как правило, разделяла со жрецом честь представлять божество, во имя которого она была принесена в жертву. Следовательно, он становился священным; все, что принадлежало ему, становилось "лекарством", и ни при одной болезни оно не могло быть применено с большей эффективностью, чем при эпилепсии - по сути "священной болезни" (*morbus sacer*), посланной прямо от богов.

Более того, преступники, казненные за нарушение законов завоеванных народов, за нарушение дисциплины или пренебрежение доктринами победившей религии, могли рассматриваться завоеванными деревенскими жителями, все еще сохранявшими полускрытое почитание старых правителей и вытесненных обрядов, как мученики, чьи кости, кровь и черепная коробка избавляли от болезней и отгоняли несчастья.

Идея святости распространялась и на "невинных девиц и мальчиков", чья неоскверненная кровь могла исправить загрязненную жидкость, томительно текущую по венам прокаженного.

Вера в то, что боги должны быть удовлетворены и умиловлены зрелищем человеческих страданий, особенно если они причиняются сами себе, была с первых веков существования мира и, скорее всего, в той или иной форме будет существовать до тех пор, пока будет существовать мир. Она проявляется во всех формах, от строгого воздержания аскета до жестокой порки фанатичного преданного, от этого до кастрации галли, хлыстов, готтентотов и самосожжения слуги Джаггерната. Морис перечисляет пять различных видов достойного самоубийства, которые до сих пор признаются в Индостане, и у нас нет причин отказываться верить, что наши собственные предки были пропитаны теми же ложными представлениями, которые, сохраняя свою власть над умами неграмотного крестьянства, окружали тайной святости любой акт самоуничтожения, объясняемый манией или другим побуждением, якобы пришедшим свыше.

КОСТИ И ЗУБЫ.

"Если очертить круг вокруг язвы человеческой костью, она не будет распространяться" (Плиний, lib. xxviii. c. 11.).

Этмюллер считал, что с помощью нераздробленной человеческой кости можно вызвать такое обильное очищение, какое только можно пожелать. "Beneficio ossis humani integri potest fieri purgatio artificialis tanta quantum volumus," etc.- (Etmuller, vol. ii. p. 273.)

"Святой уксус из костей мертвецов" полезен при "падающей болезни" ("Новая драгоценность здоровья" Джорджа Бейкера, хирурга, Лондон, 1576, черное письмо, с. 170).

Бекерий предписывал использовать человеческие кости в медицине (см. "Мед. микрокосм.", с. 252 и далее).

Этмюллер, не довольствуясь предписанием измельчать кости в порошок, также предписывал вводить человеческий костный мозг (vol. ii. p. 268).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЗУБЫ.

"Зуб, вынутый из тела перед погребением, носимый как амулет, излечивал зубную боль" (Плиний, lib. xxviii. c. 12).

"Первый зуб, который выпал у ребенка", носимый как амулет, защищает от боли в матке.- (Idem, lib. xxviii. c. 7.)

Толченые зубы мертвецов использовались для окуливания гениталий людей, "перевязанных" колдовством.- (См. Frommann, "Tract. de Fascin.", p. 965).

Этмюллер учил, что зубы подобны костям и используются для облегчения тех же недугов. Зубы, извлеченные из челюсти человека, умершего насильственной смертью, высоко ценились всех болезней, вызванных колдовством, а также при потере мужественности.

"Ossibus similes sunt dentes, qui ipsi ex homine imprimis violenta morte interempto commendatur ad morbos per veneficium, si nimium et illis fiat suffitus; item in impotentia" (vol. ii. p. 273).

"Si dentes pueri, imprimis cum cadunt, suspendantur antequam ad terram deveniant et ponantur in lamina argenti et suspendantur supra mulieres eas prohibent impregnari et parere" (idem, p. 263).

Зубы носят беременные женщины в качестве амулетов или измельчают в порошок и добавляют в зелье; в обоих случаях считается, что они помогают предотвратить чуму. Порошок зубов, выпитый в вине, излечивал эпилепсию и восстанавливал утраченную мужественность" (Flemming, "De Remediis", p. 13.).

"Вбить вырванный зуб в кору молодого дерева" (Гримм, "Тевтонская мифология", т. iii. с. 1173).

Человеческие зубы, кости и другие части мертвых тел до сих пор используются неграми в наших южных штатах в церемониях "вуду" и в качестве амулетов, по старинному поверью, что обладание ими обеспечивает человеку невидимость. См. статью на эту тему в "Ивнинг Стар", Вашингтон, 1 января 1889 года.

"В Северном Хэнте зуб, взятый изо рта трупа, часто заворачивают в маленький мешочек и носят на шее, чтобы обезопасить владельца от головной боли..... На северо-востоке Шотландии от страдальца требовалось вытащить собственными зубами зуб из черепа."- ("Народная медицина", Блэк, стр. 98.)

Использование человеческих зубов и пальцев в качестве "талисманов", "амулетов" и "лекарств" будет более подробно рассмотрено в другой работе. Сейчас же достаточно обратить внимание на огромную силу, которую связывают в сознании американских аборигенов с такими реликвиями. В одном из походов генерала Крука, в битве с северными шайенами в северном Вайоминге зимой 1876 года, автор раздобыл ожерелье из человеческих пальцев - ценное украшение и "лекарство" главного знахаря. Эта любопытная связь между дикостью Америки и суевериями Европы сейчас хранится в Национальном музее в Вашингтоне, округ Колумбия.

Флемминг прописывал молотые кости преступников (сырые или обожженные) в качестве внутреннего лекарства от подагры, дизентерии и т. д.; но он не ограничивался человеческими костями, поскольку прямо заявляет, что в качестве заменителя можно использовать кости лошадей, ослов и других зверей. ("De Remediis", p. 12.)

ПРИМЕСИ ЗУБНОГО КАМНЯ ИЗ ЗУБОВ.

Пауллини заходит так далеко, что рекомендует использовать примеси зубного камня с зубов и грязь с испачканных чулок в качестве средства от кровотечения из носа ("Paullini", p. 52.).

В этом он, скорее всего, следует древней практике, о которой другие авторы пренебрегли подробным описанием. Гален и другие показали, что соскобы с тела и все другие "соры" использовались в медицинских целях, и нет причин, почему зубной камень не должен быть добавлен в *materia medica*.

ПОЧЕЧНЫЕ И ЖЕЛЧНЫЕ КАМНИ - ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖЕЛЧЬ.

Кальцификаты использовались для лечения калькулезных заболеваний и при родах (Плиний, lib. xxvii. cap. 9. См. также Гален).

Бекерий прописывал их при камнях в мочевом пузыре или почках.- ("Мед. микрокосм", с. 167-170).

Флемминг выступает за такое же их применение ("De Remediis", p. 23).

"Мужской камень, выпитый в пост, является самым мощным из всех средств, чтобы разбить камень и вывести его с мочой" ("The Poor Man's Physician", Moncrief, p. 131).

Флемминг также использовал желчные камни для лечения желтой желтухи ("De Remediis", p. 14).

Человеческая желчь использовалась внутренне при эпилепсии, а наружно - при глухоте и язвах уха.- (Idem.)

БЕЗОАРОВЫЕ КАМНИ.- ЛИНКУРИЙ.

С древнейших времен в медицинской практике Европы использовались некоторые камни, известные как белемниты, громовые камни, линкуриусы и т. д., которые считались эффективными при лечении камней в мочевом пузыре. Линкурий рассматривался как свернувшаяся моча рыси, и именно этот случай входит в сферу применения данного тома (см. "Помет о лекарствах", английский перевод, Лондон, 1738, с. 408).

Камень "безоар", о котором так часто упоминали старые писатели, был просто экскрементами, затвердевшими в желудке животного.

КОСМЕТИКА.

Голубиный помет применялся наружно от всех пятен и пятен на лице. (Плиний, lib. xxx. cap. 9.) Мышиный помет, наружно, для лечения лишая. (Idem.) "Фирменные знаки" (стигматы) удалялись с помощью голубиного помета, разведенного в уксусе (Idem, lib. xxx. cap. 10.) Крокодилий помет, или "крокодиля", удалял пятна с лица. (Idem, lib. xxxviii. cap. 29, 50.) Он также удалял веснушки.

"Применение бычьего навоза, говорят они, придаст щекам румяный оттенок, и даже крокодилия не лучше для этой цели" (Idem, lib. xxviii. cap. 50).

Гален упоминает о широком использовании греческими и римскими дамами помета крокодила в качестве косметического средства; таким же образом использовался помет скворцов, питавшихся одним только рисом.- (Гален, "Opera Omnia", издание Куна, lib. xxx. p. 308).

Диоскорид прописывал крокодилий помет в качестве средства для украшения лица женщин.

Бычий помет использовался женщинами как косметическое средство для удаления всех пятен на лице.

Моча мальчика убирала веснушки с лица, вымытого ею. "Ad profluvium mulieris, si locum sæpe lotio viri laverit". Для лечения родимых пятен у детей берут корку, которая собирается на моче, стоящей в горшках, разламывают и запекают; кладут ребенка в ванну и хорошо натирают

пятна. "Ad maculas infantium, matellæ quæ crustem ex lotio duxerint, fractæ et coctæ, in balneo infantem, si ex eo unxeris omnia supra-scripta emendat." - (Idem, "De Puello et Puella Virgine.")

Бекерий одобряет использование мекония младенцев для удаления родимых пятен ("Мед. Микрокос.", с. 113).

Этмюллер утверждает, что из коровьего помета, а также из человеческих экскрементов путем многократного переваривания, дистилляции и возгонки был приготовлен "Zibethum Occidentale", названный так Парацельсом. Из него перегоняли "воду всех цветов", названную так потому, что скот ел так много цветов на пастбище. Это средство использовалось как косметика для удаления прыщей и всевозможных пятен.

Для этой же цели использовался и человеческий ордур (vol. ii. p. 171).

"'Tis stale to have a coxcomb kiss your hands

Пока еще не вытерта палата".

("Ram Alley", Ludowick Barry, London, 1611, издание Лондона, 1825.)

Собачья урина назначалась для восстановления цвета волос ("Авиценна", т. ii. с. 333, а 50).

"Алопеция (облысение) лечилась мышиным пометом (idem, vol. i. p. 360, b 50), а также "stercus caprarum" (Idem, vol. i. p. 389, b 53).

"Urina canis putrefacta conservat nigredinem capillorum." (Idem, vol. ii. p. 333, а 50).

Реклю говорит, что даже сейчас, в Париже, многие люди, у которых в пределах досягаемости есть лучшие туалетные воды, предпочитают использовать мочу в качестве отпугивающего средства.

Ове-ереро, живущие к югу от Анголы в Западной Африке, натирают свое тело сухим коровьим навозом для придания блеска.- ("Мухонго" в переводе преподобного г-на Шателена).

"Aqua omnium florum" перегоняли из навоза коров, павших в мае. "Verno seu Maiali tempore ... ex stercore recenti vaccæ herbas depascentis". (Etmuller, vol. ii. p. 249.) "Ex hoc ipso stercore, eodem modo atque ex stercore humano per digestionem et sublimationem, repetitam potest preparari Zibethum Occidentale, sic dictum a Paracelso, quoniam suavem spirat instar Zibethi. Destillatur aqua ex hoc stercore quæ vocatur aqua omnium florum, quia bos innumeris floribus vescitur; hæc aqua omnium florum est singulare cosmeticum applicatum externe delendis nævis et maculis in facie."- (Etmuller, vol. ii. pp. 249, 250.)

Некоторые добавляли к этому "воду, дистиллированную из спермы лягушек" (Idem, vol. ii. p. 171, 172).

Катамениальная кровь считалась средством от прыщей на лице. В некоторых районах Северной Мексики женщины наносят ее на лицо в качестве косметического средства (Idem, p. 265).

Коровьему навозу в этом смысле доверяли очень часто. Навоз черной коровы вошел в состав знаменитой "Eau de Mille Fleurs". Помет маленьких ящериц также использовался для разглаживания морщин на лицах пожилых женщин.

Лисий помет и помет воробьев и скворцов использовался для смягчения кожи рук. Арабские женщины используют в качестве косметического средства смесь шафрана и куриного помета. Коровий помет иногда так же ароматен, как мускус. Его использовали для восстановления запаха старого и выцветшего мускуса или для того, чтобы повесить его в галлеон, где он вновь обретал былую силу; но сохранялся он недолго (см. раздел "Галлеоны").

Для улучшения цвета лица Пауллини рекомендовал воду, дистиллированную из человеческих экскрементов, а также червей, которые в них растут, дистиллированную до состояния воды. Косметика для деревенских женщин - это их собственная моча.

В человеческих экскрементах есть особые соли, более укрепляющие и полезные, чем мыло. Одна девушка прекрасно улучшила свой цвет лица, вымыв лицо в коровьем навозе и выпив свежей и теплой мочи своего брата во время поста (с. 263, 264).

Среди других косметических средств, которые высоко оценил Пауллини, - человеческий навоз, наружно; навоз юноши, внутренне; "Eau de Millefleurs", выделения ящериц, крокодилов, лисиц, воробьев, скворцов, кур или коров, собранных в мае, наружно.

См. также страницы 172, 207.

Для избавления от веснушек Пауллини также рекомендовал наружное применение экскрементов ослов, собак, кур, крокодилов, лисиц или голубей.

Шуриг был сторонником "Aqua ex stercore distillata" для украшения лица ("Chylologia", p. 762).

"Il y a plus; les femmes les plus belles s'en sont barbouillé le visage, et Saint Jérôme le reproche durement aux dames de son temps." В сноске добавлено следующее пояснение: "Они использовали экскременты нескольких египетских лезардов в качестве косметического средства, из-за их мускусного запаха". ("Bib. Scat.", p. 21.) "Merde de Léopard c'est le cordilea, excrément du stellion du Levant, employé comme cosmétique." - (Idem, p. 123.)

"Умойте лицо пеленкой, на которую впервые помочился новорожденный, это удалит веснушки" (Кейп-Бретон, миссис Фанни Д. Берген, Кембридж, Массачусетс).

Эта вера в косметическую силу первых почечных выделений ребенка широко распространена по всем Соединенным Штатам.

"У детей, живущих среди нас, есть привычка украшать фигуру своих ножек выделениями мочи. Это приводит к появлению красивых, как они говорят, боевых в каждом конкретном случае, некоторых высыпаний на коже детей, вызванных аммиаком" (личное письмо доктора Бернара, Канны, Франция).

Профессор Патрис де Жанон утверждает, что дамы его родного места, Картахены, Южная Америка, насколько ему известно, имели привычку использовать собственную мочу в качестве лосьона для лица, а также для красоты и смягчения кожи.

Еще одним средством для лица был конский навоз ("Богатый склад или сокровищница для больных", Ральф Блауэр, Лондон, 1616, стр. 106).

Гусиный помет пользуется популярностью в штате Индиана для удаления прыщей. - (Миссис Берген.)

Мистер Сильвестр Бакстер говорит, что молодые женщины в Массачусетсе, по крайней мере до недавнего времени, использовали человеческую мочу в качестве средства для умывания, чтобы сохранить цвет лица.

По словам миссис Берген, в Уолдене (штат Массачусетс) верят в "воду, которая стоит в углублении коровьего навоза", что свидетельствует о трансплантации того же поверья, которое сохранилось в Европе с давних времен.

XLII. АМУЛЕТЫ И ТАЛИСМАНЫ.

В качестве связующего звена между собственно фармакологией и противоядиями от колдовства и в то же время как вполне заслуживающая отдельного места по своим достоинствам глава о талисманах и амулетах, сделанных из экскрементов, может быть включена в этот раздел.

"Современных англичан с детства учат вести яростную борьбу с суевериями, и они относятся к талисманам и амулетам с некоторым пренебрежением и презрением. Но давайте задумаемся о том, что эти игрушки были призваны умиротворять и успокаивать пациента, умиротворять его нрав и успокаивать его нервы, - предметы, которые, если нас не дезинформируют, лучшие врачи наших дней охотно получают с помощью тех средств, которые им оставлены.

"Лишит ли мудрый врач смиренного пациента его рулона волшебных слов или снимет с его шеи сказочный камень, я не знаю; но несомненно, что христианская церковь того раннего времени и медицинская наука империи ни в коем случае не отказывались от использования этих искусств исцеления, этих бальзамов суеверного происхождения".

"Читатель может смеяться над подобными средствами, но пусть помнит, что страх смерти и бодрствующее беспокойство должны быть заглушены какими-то средствами, ибо они очень нежелательны для выздоровления от болезни" ("Саксонские пиявки", т. I, с. 11).

Кошачий помет, "прикрепленный к телу пальцем рогатой совы" и "не снимаемый до тех пор, пока не пройдет седьмой пароксизм", был амулетом, рекомендованным Плинием для лечения лихорадки Квартана (Lib. xxviii. с. 66.).

Секст Плацит в "De Puella et Puella Virgine" рекомендует использовать камни для помощи в изгнании камней, либо измельченные в порошок, либо повешенные на шею пациента в качестве амулета; в последнем случае, по его словам, излечение происходит более постепенно.

Римские матроны использовали небольшой камень, найденный в экскрементах задних животных, "прикрепленный к телу в качестве амулета", как "профилактику аборт" (Плиний, lib. xxviii. с. 77.).

При задержке развития зубов к шее младенца подвешивали мешочек, в котором находился порошок, приготовленный из равных частей помета зайцев, волков и ворон" (Schurig, "Chylologia", p. 820).

"Волчий помет, принятый вместе с одним, помогает при коликах" (Бертон, "Анатомия меланхолии", т. ii. с. 134).

Бертон в своей "Анатомии меланхолии", 1621, с. 476, приводит следующий отрывок на эту тему: "Амулеты я нахожу предписанными; облагаются налогом одними, одобряются другими" (цитируется по Brand, "Pop. Ant." vol. ii. p. 324, статья "Amulets").

Невозможно найти объяснение следующему амулету, который был очень широко распространен по всей Европе и может быть прослежен до "Саксонских пиявок", т. x. стр. 33.

"Многие магические надписи - это просто призывы к дьяволу..... Одна женщина приобрела амулет для лечения болезней глаз. Она воздерживалась от слез, и ее глаза выздоровели. Когда ревностный друг открыл бумагу, то обнаружил такие слова: "Der teufel kratze dir die augen aus, und scheisse dir in die löcher", и, естественно, когда женщина увидела, что именно на это она уповала, она потеряла веру, снова начала плакать и через некоторое время обнаружила, что ее глаза стали такими же плохими, как прежде. ("Народная медицина", Блэк, стр. 171.) Этот же амулет в других местах был написан на латыни в такой форме: "Diabolus effodiat tibi oculos, impleat foramina stercoribus". Его цитирует Петтигрю в "Медицинских суевериях", стр. 102; также Бранд, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 324, статья "Characts".

В переводе на английский язык она переведена Реджинальдом Скотом следующим образом.

"Дьявол вырвал оба твоих глаза,

И дырки в них тоже".

"Произнесите это слово задом наперед, и вы увидите этот талисман" ("Discoverie of witchcraft", London, 1651, p. 178).

"При дифтерии припарку, состоящую из свежих экскрементов свиньи, носят на шее в течение одной ночи". (Округ Файетт.) - ("Народные предания немцев Пенна", в "Журнале американских народных преданий", 1889, стр. 29, В. Дж. Хоффман, доктор медицины).

При болезнях почек в качестве амулета используется $\chi\alpha\rho\alpha\beta\rho\alpha\omega\theta$, что на иврите означает "внутренности": "In cubili canis urinam faciat qui urinam non potest continere, dicatque dum facit, ne in cubili suo urinam ut canis faciat." - ("Saxon Leechdoms", vol. i. p. 31. См. также в разделе "Великий лама", "любовные привороты", "омела", "колдовство").

Каждое из средств, помещенных здесь под заголовком "Колдовство", можно было бы с полным правом отнести к разделу "Аптека", но мы хотели разделить эти два раздела в надежде достичь большей ясности в лечении. Поэтому в разделе "Аптека" были сохранены все средства для облегчения известных расстройств, а в разделе "Колдовство" собраны все средства, которые должны были назначаться или применяться для облегчения недугов неясного типа, происхождение которых невежественный страдалец мог бы без колебаний искать в недоброжелательности сверхъестественных существ или в махинациях человеческих врагов, обладающих оккультными влияниями. Бок о бок с ними, очень правильно, идут и все те средства, которые, как считалось, гарантируют лучшую удачу в зарабатывании денег, путешествиях и т. д.

"Смесь обезьяньего помета и помета хамелеона наносилась на двери вражеского дома. Благодаря этому он станет объектом всеобщей ненависти" (Плиний, lib. xxviii. с. 29).

"Экскременты (т. е. гиены), извергнутые животным в момент убийства, рассматриваются как контрчары против магических заклинаний" (Idem, с. 27.).

"Молодым девушкам они (то есть маги) предписывают девять гранул заячьего помета, чтобы обеспечить долговечную упругость груди" (Idem, с. 77.).

Доктор Дюпуи считает, что когда друиды "были вынуждены укрыться в глухих лесах вдали от людей, преследуемые римлянами, варварами и христианами, они постепенно превратились в магов, чародеев, пророков и заклинателей, осужденных Соборами и изгнанных гражданской властью. Именно в эту эпоху было замечено, что злые духи бродят в ночных тенях и предаются непристойным развратным действиям..... В седьмом веке друидизм исчез, но практика магии, оккультное искусство и таинственная наука о духах передавались из поколения в поколение, но в меньшей степени, утратив философский характер древних времен."-("Le Moyen Age Médical", или его перевод, "Врачи в Средние века", Т. К. Минор, М. Д., Цинциннати, Огайо, стр. 38).

XLIII.

КОЛДОВСТВО.-КОЛДОВСТВО.-ЧАРЫ.-ЗАКЛИНАНИЯ.-ИНКАНТАЦИИ.-МАГИЯ.

Есть только один способ прийти к правильному пониманию того, чем было колдовство, известное цивилизованным сообществам, - это поместить его под призму исследования как изуродованное и искаженное выживание вытесненной религии.

Самые ранние записи человеческой мысли, алебастровые и глиняные таблички Халдеи и Ассирии, упоминают о дурном глазе, заклинаниях и страхе перед злыми духами, ведьмами и колдунами.

"Тем не менее, халдейские таблички не оставляют нас без понимания колдовства, поскольку их формулы были предназначены для противодействия эффектам колдовства этого нечестивого искусства, а также спонтанному действию демонов" ("Халдейская магия", Франсуа Ленорман, Лондон, 1877, с. 59; о страхе халдеев перед "дурным глазом" см. ту же работу, с. 61).

"Одна прекрасная серия (т.е. халдейских табличек) посвящена средствам против колдовства" ("Халдейский рассказ о Бытие", Джордж Смит, Нью-Йорк, 1880, стр. 28).

"Наконец, существует третий вид магии, полностью дьявольский по своему характеру и открыто признающий себя таковым. Этот вид помогает увековечить... все еще веря в их силу и превращая их в темные практики, обряды поклонения древним богам, рассматриваемым как демоны после триумфа новой религии, исключительный дух которой отвергает всякую связь с остатками старого культа. Чародей в этом случае, отнюдь не считая себя вдохновенной и божественной личностью, соглашается, при условии, что он получает все выгоды от своих магических практик, быть не более чем инструментом плохих и inferнальных сил. Он сам видит дьяволов в древних богах, которых вызывает своими заклинаниями, но, тем не менее, уверен в их защите; он заключает с ними договоры и

воображает, что идет на колдовские танцы в их компании. Большая часть магии Средневековья носит этот характер и увековечивает популярные и суеверные обряды язычества в таинственных и дьявольских операциях колдовства. То же самое происходит и с магией большинства мусульманских стран. На Цейлоне, после полного обращения острова в буддизм, древние боги сиваизма превратились в демонов, а поклонение им - в виновное колдовство, практикуемое только чародеями" ("Халдейская магия", Ленормант, стр. 77).

Человеческая и животная скверна упоминается почти в каждом трактате о колдовстве под тремя разными названиями: во-первых, как средство, с помощью которого колдуют.

Во-первых, как средство, с помощью которого совершается колдовство.

Во-вторых, как противоядие, с помощью которого такие махинации срываются.

В-третьих, как средство выявления личности ведьмы.

Многое из того, что можно было бы включить в эту главу, было помещено под заголовками "Любовные привороты" и "Рождение детей", и должно быть рассмотрено именно под этими заголовками.

Тема амулетов и талисманов - еще одна, которая настолько тесно связана с вопросом, который мы сейчас рассматриваем, что должна быть включена в любое исследование, связанное с ней.

Неизвестно, где именно закончилась наука медицины и началась наука колдовства; подобно астрологии и астрономии, они были сестрами-близнецами, вышедшими из одного чрева и дружно путешествовавшими рука об руку в течение многих лет по тропе развития цивилизации; еще долго после того, как медицина завоевала для себя гордое положение в мире мысли и была вынуждена из-за стыда отречься от своего менее любимого товарища на публике, самые строгие и близкие отношения поддерживались в уединении частной жизни.

"К противоядиям также относится практика плевать в мочу в момент ее выделения" (Плиний, lib. xxviii. cap. 7.).

"Козий помет, приложенный к младенцам в куске ткани, предохраняет их от беспокойства, особенно младенцев женского пола". (Idem, cap. 78.) Это, вероятно, сохранилось с еще более древних времен, когда младенцев иногда сосали козы, и было хорошим планом тщательно ознакомить их с запахом - гирциновым или каприновым запахом.

"В случае пожара, если часть навоза удастся вынести из стойла, овцы и волы могут быть выведены тем легче, и не будут пытаться вернуться" (Idem, cap. 81.).

Адепты магии категорически запрещают человеку, собирающемуся сделать воду, обнажать тело перед лицом солнца или луны или окроплять своей мочой тень какого-либо предмета. Гесиод дает наставление, рекомендуя людям делать воду на фоне стоящего перед ними предмета, чтобы ни одно божество не было оскорблено их обнаженной наготой. Останс утверждает, что каждый, кто капнет немного мочи на ногу утром, будет защищен от всех вредных лекарств (Idem, lib. xxviii. cap. 19.).

Адепты магического искусства также считали, что "не следует плевать в море или осквернять эту стихию любым другим из видов эвакуации, которые неотделимы от недугов человеческой природы" (Idem, lib. xxx. cap. 6, где говорится о нежелании армянского мага Тиридата посетить императора Нерона по морю).

Тибетцы разделяют эти предрассудки. Среди вещей, запрещенных для их "бхикшуни", монахов и монахинь, есть такие: "Не выливать воду, когда человек не болен, не бить, не мычать, не рвать, не выпрыгивать, не продавать" ("Пратимокша Сутра", перевод В. В. Рокхилла, Париж, 1884, Soc. Asiatique).

Считалось, что собака не станет лаять на человека, который носит при себе заячий помет (см. Плиний, lib. xxx. cap. 53).

"Терионака... поражает диких зверей всех видов оцепенением, которое можно развеять, лишь окропив их мочой гиены". (Idem, lib. xxiv. cap. 102.) Гиена считалась особенно "магическим" животным.

"Маги рассказывают, что, приняв пепел гениталий дикого кабана с мочой, пациент должен приготовить воду в собачьей конуре и повторять следующую формулу: "Это я делаю для того, чтобы не мочиться в постель, как это делает собака" (Idem, lib. xxviii. cap. 60).

Некоторые из этих идей, похоже, пересекли Атлантику. В Соединенных Штатах Америки поколение назад или меньше мальчики мочились "крест-накрест" на удачу и старались, чтобы моча не попадала на их собственные тени (полковник Ф. А. Сили, Антропологическое общество и другие, Вашингтон, округ Колумбия).

В Миндене, Вестфалия, Германия, мальчики мочатся крест-накрест и говорят: "Kreuspissen, morgenstirbstein-Jude" ("Давайте помочимся крест-накрест, завтра умрет еврей").- (Личное письмо от доктора Франца Боаса, Университет Кларка, Вустер, Массачусетс)

"Никогда не оскверняйте ни течения рек, текущих по морю, ни фонтаны, но специально избегайте этого" ("Opera et Dies", Rev. J. Banks, London, 1856, p. 115).

"Колдуны пытаются раздобыть немного экскрементов человека и подмешать их ему в пищу, чтобы убить его" ("Мухонго", мальчик из Анголы, Африка, личное интервью, перевод преподобного г-на Шателена).

"Мухонго" также говорил, что "добавление своей мочи, даже неумышленное, в пищу другого человека околдовывает его и причиняет ему тяжкий вред".

Демокрит говорит о камне "асписатис": "Больные должны носить его прикрепленным к телу с помощью верблюжьего помета". (Цитируется по Плинию, lib. xxvii. cap. 54.) В той же книге говорится, что подобные камни носили гладиаторы, и в качестве одного из них упоминается Мило из Кротоны. Что такое "асписатис", выяснить невозможно.

"Еще одна общепризнанная вещь, в которую я готов поверить с величайшим удовольствием, заключается в том, что если к дверным косякам прикоснуться менструальной жидкостью, то все заклинания магов будут нейтрализованы" (Плиний, lib. xxviii. cap. 24).

"Останс, который сопровождал Ксеркса, персидского царя, в его экспедиции против Греции, ... первый человек, насколько я могу установить, который писал о магии". (Idem, lib. xxx. cap. 3.) Он добавляет, говоря о магии: "Британия до сих пор культивирует это искусство, причем с церемониями столь величественными, что может показаться, что она первой передала их Персии" (Idem, lib. xxx. cap. 4.).

Чтобы избавить младенцев от фантазмов, заверните немного козьего помета в тряпку и повесьте ее на шею ребенка. "Ad infantes qui fantasmatis vexantur, caprae stercus in panno

involutum, et collo suspensum remedium est infantibus qui fantasmata patiuntur." - (Sextus Placitus, "De Capro.")

"С Плинием был современником Иосиф или Иосиф. Рассказы о мандрагоре, появившиеся гораздо позже и найденные в саксонском гербарии, восходят к тому, что он говорит о бааре, - траве, которая убегает от человека, желающего ее собрать, и не останавливается, пока тот не бросится на нее οἴρον ὑνακὸς ἢ τὸ ἔμμηνον αἶμα, ибо мерзость часто является элементом загадок; И даже тогда она убивает собаку, которая ее вытаскивает. Нет уверенности, что в Бытие, xxx. 14." ("Саксонские пиявки", т. I, с. 16).

Дюлор говорит, что дурная слава, которой пользовалась мандрагора, объясняется ее сходством с человеческой формой, а также ложью, которую о ней рассказывали суеверным людям, в частности, что "они говорят, что из нее добывают мочу одного ларрона" ("Des Différens Cultes", Paris, 1825, vol. ii. p. 255, сноски).

"Для человека, которого преследуют видения, следует выпить тост белой гончей или навоз в горьком лее; чудесно исцеляет". ("Saxon Leechdoms", vol. i. p. 365.) Этот же "тост", или навоз, рекомендовался для лечения гнид и других насекомых у детей, от водянки (внутренне), и для отгона "гномов", которые, как считалось, нападали на пациента, страдающего от конвульсий.

"Двери домов смазывают коровьим пометом и листьями нимбы, чтобы уберечься от ядовитых рептилий" (Moor's "Hindu Pantheon", London, 1810, p. 23.).

"В некоторых частях Западной Африки, когда мужчина возвращается домой после долгого отсутствия, прежде чем ему разрешат навестить жену, он должен омыть лицо особой жидкостью и получить от колдуна определенный знак на лбу, чтобы противостоять любому магическому заклинанию, которое незнакомая женщина могла наложить на него в его отсутствие и которое могло быть передано через него женщинам его деревни." - ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 157.)

Нам не сообщают, что это была за "особая жидкость", но о вере африканцев в силу человеческой мочи в случаях, подобных описанному выше, уже достаточно сказано, чтобы вставить это в текст.

"Возвращаясь после попытки восхождения на великую африканскую гору Килиманджаро, которая, по мнению соседних племен, населена опасными демонами, мистер Нью и его спутники, как только вернулись, сразу же отправились в путь. Нью и его спутники, как только они достигли границ населенной страны, были разозлены жителями, которых окропили "профессионально приготовленным спиртом, предположительно обладающим способностью нейтрализовать злые влияния и снимать чары злых духов"" (Idem, vol. i. p. 151, цит. по Charles New, "Life, Wanderings, and Labors in Eastern Africa").

О том, что эскимосы верили в силу человеческой одежды, способной предотвратить колдовство, можно судить по следующему высказыванию Боаса: "Хотя Анжекок понимал замыслы старой ведьмы, он последовал за мальчиком и сел рядом с ней. Она притворилась, что очень рада его видеть, и дала ему тарелку супа, который он начал есть. Но с помощью его торнака [то есть магического воздействия, которое ему помогало] еда провалилась сквозь него в сосуд, который он поставил между ног на пол хижины. Он отдал его старой ведьме и заставил ее съесть. Она умерла, как только поднесла первую ложку ко рту" ("Центральные эскимосы", Франц Боас, в "Шестом ежегодном отчете" Бюро этнологии, Вашингтон).

"Маг Останс предписывал окунать ноги по утрам в человеческую мочу как средство против чар" (Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 286).

Фромманн пишет, что человеческий орду, менструация и сперма подмешивались в пищу околдовываемого человека ("*Tractatus de Fascinatione*", p. 683).

На другой странице этот список увеличивается и гласит, что человеческий орду, моча, кровь, волосы, ногти, кости, черепа, мох, растущий на последних, а также экскременты животных были одними из материалов, используемых в колдовстве. - (Idem, p. 684.)

Если бросить в экскременты жареные бобы, то на теле бросившего каждый боб, потраченный впустую, появится гнойник. "*Pisa frixa injecta excrementis tot pustulas in podice excitant quot pisa*". (Idem, p. 1023.) Не до конца понятен следующий отрывок: "*Vesicatorio excrementis adhuc calentibus imposito intestina corrosione afficiuntur.*" По-видимому, это означает, что кишки подвергаются коррозии, когда горячие экскременты помещают в пузырь, вероятно, по примеру некоторых колбас, о которых мы уже писали в другом месте. Горячая зола или гарь, брошенная на недавно извергнутые экскременты, вызовет воспаление и гнойники. По этой же причине мы можем вызвать очищение у тех, кто отсутствует, не применяя к ним лекарств. "*Cineres calidi, vel prunæ candentes scybalis recentibus injecta inflammationem et pustulas in ano excitant..... Eadem ratione absentes sine medicamentis purgari posse, scribit Tilemannus de Mater. Medic. p. 251.*" (Idem, p. 1623.) Фромман также добавляет, что этот факт был хорошо известен англичанам и французам, а также немцам." - (Idem, p. 1037.)

Человеческие экскременты и моча сжигались с живыми углями в качестве мощного талисмана. Человек, чьи выделения были сожжены, испытывал ужасные боли в прямой кишке. Но это можно было использовать двояко, так как этим способом можно было вызвать как любовь, так и ненависть, как между женатыми людьми, так и между старыми друзьями" (Paullini, pp. 264, 265.).

Что касается использования эскимосами мочи для отпугивания колдунов, обратитесь к цитатам из "Сказок и традиций эскимосов" Ринка, где показано, что они до сих пор используют ее с этой целью в случаях родов. См. также заметки, взятые из трудов доктора Франца Боаса.

Кость из ноги или бедра человека, умершего насильственной смертью, очищенная от костного мозга, а затем наполненная человеческими экскрементами, закрытая воском и помещенная в кипящую воду, заставляла несчастного извергателя экскрементов опорожняться до тех пор, пока кость находилась в воде, и ее можно было даже использовать так, что он был вынужден осквернять свою постель каждую ночь. "*Os ex pede, vel brachio, vel femore hominis violenta morte interempti, et hoc exempta medulla impletur cum stercore alicujus hominis, foramina obturantur cum cera et sic in aquam calidam immittitur, hoc quamdiu jacet in aqua calida, tamdiu expurgatur iste, cujus stercus fuit inclusum, adeo ut sic aliquem usque ad mortem purgare possimus, potest etiam fieri alio modo ut quis omni nocte lectum suum maculet, sed est ludicrum.*" - (Etmuller, vol. ii. pp. 272, 273.)

Маленькие кости человеческой ноги используются в колдовстве австралийцев. (См. "Туземные племена Южной Австралии", Аделаида, 1879, стр. 276; получено благодаря любезности Королевского общества, Сидней, Новый Южный Уэльс, Ф. Б. Кингдон, секретарь).

"Для того чтобы вызвать флюс в животе, достаточно было поместить экскременты пациента в человеческую кость и бросить ее в поток воды". Вышеприведенное цитируется из медицинских трудов "Петра Испанского, который был архиепископом, а затем папой под именем Иоанна XXI" ("*Врачи Средневековья*", Т. С. Minor, p. 6.).

Шуриг называет многих авторов, чтобы показать, что в случаях "невежливости", таких как подкладывание экскрементов под дверь своего соседа, у оскорбленного человека было надежное средство в его собственных руках. Он должен был взять немного экскрементов обидчика, смешать их с живыми углями или горячей золой и выбросить на улицу; или сжечь перец и вино вместе с фекалиями; или нагреть утюг до белого каления, вставить его в экскременты и, как только он остынет, повторить операцию; как часто это делалось, так часто виновный страдал от болей в заднем проходе. Другим средством было смешать вместе винный спирт и соль, посыпать на оскорбительное вещество, затем поместить над ним раскаленное железо и вызвать те же боли, которые не покидали анус провинившегося в течение всего дня, если только он не вылечивал себя новым молоком. Или же мелкий горох нагревали на сковороде, а затем выбрасывали вместе со свежими экскрементами; сколько было горошин, столько было и мук, которые испытывал провинившийся. Ниже приведены некоторые абзацы из оригинала Шурига: *"Contra incivilitatem quorundam qui loca consueta et fores aliorum stercoribus suis commaculant, pro correctione inservire potest, si fimus eorundem simpliciter prunis aut cineribus calidis injectus vel etiam vino adusto et pipere simul inspersus uratur vel cremetur; aut si vero vel aliud ferrum in ignem ut ignescat, immittatur, ac dein ferrum illud candens in excrementa illa infigatur; frigefactum denuo calefiat eademque opera sæpe repetatur; tunc tantis cruciatibus nates depositoris illius incivilito vexabit, quantas vix prunæ ipsæ partibus iisdem admotæ inussissent.... Excrementis hominis recentibus prunas candentes vel cineres calidos injectos inflammationem, tenesimum, et pustulas excitare, non Anglis et Gallis tantum sed et Germanis atque ex his nostratibus etiam est notissimum,"* etc. Имена авторитетов, приведенных Шуригом, не повторяются. (*"Chylologia"*, pp. 790, 791).

Австралийцы верят, что их маги "обладают силой" вызывать болезни и смерть, сжигая то, что называется "нахак". Нахак означает мусор, но в основном - отходы пищи. Все подобное они закапывают или выбрасывают в море, чтобы оно не попало в руки создателей болезней". (*"Туземные племена Южной Австралии"*, Аделаида, 1879, стр. 23.) Упоминание о "нахаке" можно найти в *"Самоа"*, Тернер, стр. 320.

Старый дом шайенов Дакоты находился в Черных Холмах; и там сиу верили, что шайены непобедимы, потому что их знахари могут сделать все из навоза буйвола" (Личные заметки капитана Борка).

Хотя *"Замбези"* Ливингстона наполнена упоминаниями о колдовстве, в ней нет ни одного случая применения какого-либо из описанных здесь средств.

"Вера в колдовство, в действенность чар и заклинаний была сильна среди средних и низших слоев населения Германии около сорока лет назад..... Зимой 1845-46 годов я посещал вечернюю школу в своем родном городе Шорндорфе, в маленьком королевстве Вюртембург. Недалеко от школы находилась кузница, где работа велась до поздней ночи. Миниатюрные фейерверки, создаваемые искрами, разлетающимися от ударов огромных молотов, которыми орудовали сумрачные и странного вида сыновья Вулкана, были одним из главных развлечений школьников, и мы обычно стояли в темноте на расстоянии, до открытия школы, и с благоговением и удивлением смотрели на блестящую и шумную сцену перед нами. Мастер-кузнец, из-за своего вспыльчивого нрава, был не в восторге от нас, и было решено разыграть его. И вот однажды вечером, пока кузнецы ужинали, а кузница оставалась без присмотра, двое мальчишек вымазали рукоятки молота экскрементами. Возмущение кузнецов было, конечно, велико, и с проклятиями и упреками в адрес виновников они принялись чистить свои орудия, как вдруг их остановил мастер, который со злобной улыбкой на лице заявил, что решил сделать из обидчиков пример. Он велел подмастерью работать у мехов, а затем, одну за другой, держал над кузнечным огнем измазанные рукоятки молотов,

поворачивая и поворачивая их и произнося какие-то непонятные заклинания низким и торжественным голосом, а рабочие стояли вокруг него с благоговейным ужасом на покрытых копотью лицах. Когда церемония закончилась, мастер заявил, что это было довольно жестоко по отношению к виновникам, чьи прямые кишки, должно быть, находились в ужасном состоянии, но что, если не подать пример, такие грязные трюки могут повториться, и это послужит предупреждением для мальчиков в целом. Мы, мальчики, с трепетом наблюдали за всем происходящим, ожидая, что нас постигнет какая-нибудь страшная катастрофа, и мне не нужно говорить, что мы были несколько разочарованы, когда обнаружили, что остались невредимы, хотя это и разрушило нашу веру в подобных хамбагов" (личное письмо от мистера Чарльза Смита, Вашингтон, округ Колумбия).

"Среди некоторых бразильских индейцев, когда девочка достигает половой зрелости, ... если ее зовет природа, родственница берет девочку на спину и выносит ее, взяв с собой живой уголь, чтобы предотвратить проникновение злых влияний в тело девочки" ("Золотая ветвь", Фрейзер, т. ii. стр. 231).

"Чтобы снять околдование с заколдованного, нужно плюнуть в писсуар, в котором вы набрали воды" (Reg. Scot, "Disc. of Witchcraft", p. 62).

"Шаманы тлинкитов Аляски хранят свою мочу до тех пор, пока ее запах не станет настолько сильным, что духи не смогут его выносить" (Франц Боас в "Журнале американских народных преданий", т. I, стр. 218).

В третьем томе "Истории инквизиции" Генри К. Леа, Нью-Йорк, 1888 г., есть глава "Колдовство и оккультные искусства", но там нет никаких намеков на использование экскрементов в какой-либо форме. Ничего подобного нет и в книге Дейлилла "Суеверия Шотландии", Эдинбург, 1834.

В священный напиток "хум" парсов в качестве одного из ингредиентов входит "моча молодой, чистой коровы". (См. Max Müller's "Biographies of Words", London, 1888, p. 237.) Этот священный напиток также используется "как подношение во время заклинаний" (Idem.).

Шуриг ("Chylologia", p. 815) утверждает, что конский навоз иногда использовался в "симпатической магии": "Interdum etiam ad Sympathiam magicam adhibetur"; и он приводит случай, когда некий фермер, чьи луга были запружены лошадьми его соседей, смог, взяв часть навоза, который они роняли, и повесив его в дымоход, довести их всех до чахотки. Следующее заклинание, по-видимому, имело характер, близкий к описанному выше. "Два якутских вождя боролись за главенство; один, по имени Онагай, победил и изгнал своего соперника, который сбежал только с женой и двумя кобылами. Этот второй вождь, Алей, тщательно собирал навоз своих кобыл и, когда ветер дул в сторону жилища Онагая, разводил костры из навоза, запах которого привлекал заблудившийся скот к его жилищу" (Sauer, "Exped. to the N. parts of Russia", London, 1802, p. 133). Этот "Алей", согласно татарской традиции, был искусен в магическом искусстве. См. idem, p. 135).

"Тот, кто хочет отомстить себе колдовством, старается добыть слюну, мочу или экскременты своего врага и, смешав их с порошком и положив в мешок, сплетенный по определенной форме, хоронит их" (Krusenstern's "Voy. round the World", Eng. trans., London, 1813, vol. i. p. 174, рассказывается об острове Нукахива).

Лангсдорф говорит, что на островах Вашингтон, когда человек хочет околдовать врага, он старается раздобыть "немного его волос, остатки чего-то, что он ел, и немного земли, на которую он плюнул или сделал воду" ("Voyages", London, 1813, p. 156).

Преподобный У. Эллис, рассказывая о таитянах, говорит: "Обрезки ногтей, локон волос, слюна изо рта или другие выделения из тела, или еще часть пищи, которую человек должен был съесть, - все это считалось средством, с помощью которого демон входил в человека, который после этого становился одержимым..... Колдун брал волосы, слюну или другое вещество, принадлежавшее его жертве, в свой дом или марает, совершал над ним свои заклинания и возносил молитвы; после этого предполагалось, что демон входит в это вещество (называемое тубу) и через него в человека, пострадавшего от околдования." - ("Polynesian Researches", vol. ii. p. 228, цит. по "The Nat. Trib. of S. Australia", p. 25).

"Если смерть какого-либо неприятного человека хотят получить с помощью колдовства, злобный туземец берет часть волос, остатки пищи или экскременты своего врага; эти вещества носят в мешке, специально предназначенном для колдовской артиллерии, - маленьком кошельке, который перекидывают через плечо. Отходы пищи подвергаются специальной обработке, частью которой является опаливание и плавление на огне; что же касается экскрементов, то, по моим сведениям, им просто дают заплесневеть, и предполагается, что по мере их разложения здоровье и сила врага будут уменьшаться одновременно с этим. Экскременты таким образом используются на юге Квинсленда" (Личное письмо от Джона Мэтью, эсквайра, М. А., датированное "The Manse", Кобург, Виктория, 29 ноября 1889 г.). Этот корреспондент имеет большой опыт общения с дикарями Австралии).

Патагонцы верят, что их ведьмы могут причинить вред тем, от кого они получают какие-либо экскременты, - "если им удастся завладеть какой-либо частью тела намеченной жертвы или тем, что из него вышло, например, волосами, кусочками ногтей и т. д.; и это суеверие тем любопытнее, что оно полностью совпадает с тем, что так распространено в Полинезии" ("Путешествие "Приключений и Бигля", цит. по иезуиту Фолкнеру, т. ii. стр. 163).

Между способностью к мочеиспусканию и девственностью существовала какая-то неопределенная связь. Бертон рассказывает о "таких странных, абсурдных испытаниях в Альбертусе Магнусе... с помощью камней, духов, чтобы заставить их мочиться и признаваться я не знаю в чем во сне" ("Anat. of Melancholy", vol. ii. p. 451).

Говоря об австралийцах, Смит отмечает: "Единственный примечательный обычай (отличающий их от других дикарей) в их боевых походах - это принятие обычая, заповеданного израильтянам при выходе на войну". (Туземец верят, что если враг обнаружит его, то сожжет в огне и тем самым обеспечит их коллективную гибель, или что по отдельности они будут чахнуть и умирать" ("Aborigines of Victoria", vol. i. p. 165).

"В центре зала... стояла ваза, содержимое которой было не менее разнообразно, чем содержимое котла Макбета; смесь, частично состоящая из безымянных ингредиентов" ("Dictionnaire Universel du XIXme Siècle", P. Larousse, цитируется по "Reports of Voodoo Worship in Hayti and Louisiana", W. W. Newell, in "Jour. of Amer. Folk-Lore", Jan.-March, 1889, p. 43).

Существует исповедь молодой французской ведьмы Жанны Босдеан в Бордо в 1594 году, где описывается месса ведьм, на которой дьявол появлялся в облике черного козла со свечой между рогами. Когда требовалась святая вода, он мочился в яму в земле, а ведьма, проводившая церемонию, окропляла ею прихожан с помощью черной кропильки. Жанна Босдеан придерживалась своей истории, даже находясь в пламени^[80].

Одной из церемоний посвящения неофитов в колдовство было "целование голых ягодичек дьявола". (Reg. Scot. "Discoverie", pp. 36, 37.) Папа Григорий IX в письме, адресованном

нескольким немецким епископам в 1234 году, описывает посвящение колдунов следующим образом: Послушники, будучи введены в собрание, "видят жабу огромного размера..... Одни целуют ее в рот, другие - в зад". Далее "представляется черная кошка..... Послушник целует заднюю анатомию кошки, после чего приветствует подобным образом тех, кто председательствует на празднике, и других достойных этой чести". ("Med. in Middle Ages", Minor, p. 41.) Опять же, "На сходках ведьм одержимые целовали зад дьявола, целуя его на манер козла, в позе баттинга". (Idem, p. 50.) "Le baiser d'hommage est donné au derrière du Diable parce qu'il n'a été permis à Moïse, selon l'Exode, de voir que le derrière de Dieu."-(Mélusine, Paris, July-August, 1890, p. 90, art. "Очарование", автор Ж. Тукманн).

Дьявол ненавидит только человеческое тело. (По этому поводу см. "Застольную беседу" Лютера.) Дьявола нельзя уничтожить сильнее, чем поместив на некоторые из его произведений человеческие останки или повесив их в дыму трубы. Лапландцы считались способными задержать корабль на полном ходу; но когда такое судно было вымазано по швам внутри трупами девственниц, то усилия ведьм были бесполезны". (Paullini, p. 260.) "Некий человек заколдовал мальчика девяти лет, поместив его ордур в свиной пузырь и подвесив "колбасу" в дымоходе". (Idem, p. 261.) Но некоторые верили, что от такого курения ордура зло часто становится хуже; что больной человек постепенно высыхает, пока, наконец, не умирает, как это случилось с его собственным тестем..... Жены крестьян, чтобы заставить масло появиться, несмотря на ведьм, выливали свежее коровье молоко на человеческий ордур или спускали его в уборную, после чего ведьмы становились бессильными" (Idem, p. 263. См. также цитату из Schurig, "Chylologia.").

Волхвы также учили пить пепел свиной пиписки в сладком вине и делать воду в собачьей конуре, добавляя слова: "Чтобы он, как гончая, не исходил мочой в своей постели". Если человек по утрам немного поливал водой собственную ногу, это служило предохранением от mala medicamenta, доз, призванных причинить ему вред" ("Saxon Leechdoms", lib. i. p. 12, цит. по Плинию. См. уже приведенные цитаты из этого автора).

Бекерий (Med. Microcosmus, p. 114) рассказывает историю о том, что лапландские ведьмы могли удержать корабль на курсе, только если внутренние швы судна были замазаны ордуrom девственницы; см. уже приведенную выдержку.

Опять же, Бекерий цитирует Иосифа, рассказывающего о том, что некое озеро близ Иерихона выбрасывало асфальт, который так прочно прилипал к кораблю, что ему грозило крушение, если бы асфальт не был разрыхлен при помощи менструальной крови и человеческой мочи.

Бекхериус, "Мед. Microcosmus", p. 43, приводит слова Иосифа о некоем растении, которому приписывались магические свойства, но которые можно было получить, полив его менструальной кровью и мочой женщины (Josephus, "De Bell. Jud." lib. vii. c. 23, p. 146).

Диттмар Бликенс, говоря об "островитянах" (исландцах), говорит: "И действительно, удивительно, что сатана так забавляется с ними, ибо он показал им средство на их кораблях, а именно: экскременты девы; если они раздражают крыло и некоторые места корабля, он научил их, что дух обращается в бегство и изгоняется этим зловонием" (In Purchas, vol. i. p. 646).

Иосиф говорит (его высказывания уже приводились в цитатах, но мы повторяем их, чтобы показать, что именно он сказал): Битум Асфальтового озера "настолько вязкий, что корабль

висит на комьях до тех пор, пока его не разгонят кровью и мочой, которым он поддается" ("Иудейские войны", англ. перевод, Нью-Йорк, 1821, кн. 4, с. 7).

У жителей острова Мота, или острова Банкс, "есть своего рода индивидуальный тотем, называемый таманиу. Это некий предмет, обычно животное, например ящерица или змея, но иногда и камень, с которым, по представлениям человека, связана его жизнь; если он умрет, сломается или потеряется, то умрет и он. Выбор таманиу диктуется фантазией; или же его можно найти, выпив настой определенных трав и собрав в кучу остатки. То живое существо, которое первым появляется в куче или на ней, и есть таманиу. За ним наблюдают, но не кормят и не поклоняются ему" (Frazer, "Totemism", Edinburgh, 1887, p. 56).

Сравните предыдущий абзац с практикой, о которой говорилось выше, определять, беременна женщина или нет, выливая немного ее мочи на отруби и давая им перебродить, а затем наблюдая за появлением животной жизни. А также метод определения того, болен ли человек проказой или нет.

Чтобы определить, беременна ли женщина мальчиком или девочкой, сделайте две небольшие ямки в земле; в одну положите пшеницу, в другую ячмень; пусть она помочится на обе; если пшеница прорастет первой, у нее будет мальчик, если ячмень - девочка. Чтобы определить, поражен ли человек проказой (элефантиазом), в его мочу бросали пепел сожженного свинца (*plumbi usti cineres*); если он опускался на дно, человек был здоров; если всплывал наверх, он был в опасности.

Чтобы определить, был ли человек околдован, "*Coque in olla nova, ad ignem, urinam hominis quæ si ebullierit, liber erit a veneficio.*" - (Beckherius, "Med. Microcosmus", pp. 61, 62).

Чтобы определить, умрет ли больной человек в течение текущего месяца, немного его мочи взбалтывали в стеклянном сосуде, пока она не вспенивалась; затем наблюдатель брал немного собственной ушной серы (*cerumen*) и помещал ее в эту пену; если она отделялась, человек должен был выздороветь, если нет - нет. - (Idem, p. 62.)

"Говорят, что король Луи Филипп, прежде чем сесть на лошадь, никогда не отказывался помочиться на левую заднюю ногу своего коня, согласно старой кавалерийской традиции, что такое действие укрепляло ногу животного и делало его более способным выдержать усилие, прилагаемое всадником при вскакивании в седло. Я рассказываю вам этот факт так, как слышал его от одного из сыновей короля, принца Жоинвиля, сорок пять лет назад, когда я плывал на фрегате "La Belle Poule" под его командой" (личное письмо капитана Анри Жуана, французский флот).

Жители озера Убиджви, расположенного недалеко от озера Танганьика, описываются следующим образом: "Представители обоих полов всех классов носят маленькие резные изображения на шее или привязывают к верхней части рук в качестве амулета против злых духов. Обычно они полые, и знахари наполняют их грязью" ("Across Africa", Cameron, London, 1877, vol. i. p. 336).

В заклинаниях, произнесенных знахарями, чтобы предотвратить беду от огня и сохранить экспедицию, Камерон отмечает, среди прочих особенностей, "шар, сделанный из клочков коры, грязи и нечистот". (Idem, vol. ii. p. 118.) Термин "грязь", используемый в данном случае, может иметь только одно значение.

"Бедняга Робин в своем Альманахе на 1695 год... высмеивает следующие бестактные глупости, бывшие тогда в употреблении, которые, несомненно, были голландского или фламандского происхождения. Те, кто, набрав воды, разрисовывают стены своей мочой, как

будто они планируют какие-то античные фигуры или делают какие-то любопытные очертания, или мочатся в пыль, делая не знаю какие разбросанные углы и круги, или какую-то щель в стене, или маленькое отверстие в земле, чтобы быть приведенными туда, после двух или трех наставлений, как неизлечимые дураки." (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 175, статья "Приметы для носа и рта"). Возможно, этот способ сохранился от какого-то старого метода гадания.

Камерон, описывая танец знахаря в деревне Квинхата, недалеко от истоков Конго, и скромное почтение, проявленное женщинами к этим мгангам, говорит об одной из них: "Вскоре она ушла совершенно счастливая, так как вождь мганга оказал ей честь, плюнув ей в лицо и подарив в качестве талисмана шарик из зверя. Этот шар она поспешила положить в безопасное место в своей хижине" ("Across Africa", vol. ii. p. 82).

В статье в "Table Talk", скопированной в "Evening Star", Вашингтон, округ Колумбия, от 17 декабря 1888 года, озаглавленной "Рождество под Полярной звездой", говорится, что "в Южной Лапландии, если хозяин дома пренебрегает обеспечением достаточного запаса топлива для нужд сезона, по народному поверью, отвратительные Йоль-свахи или рождественские гоблины так осквернят дровяную кучу, что к ее содержимому будет невозможно подобраться".

Фромман посвящает длинную статью опровержению популярной в его время идеи о том, что из мочи или семени человека, невинно повешенного за кражу, могут быть созданы "гомункулы". "Anile istud placitum, ex urina vel semine hominis innocenter ad suspendium furti crimine damnati homunculum generari."-("Tract. de Fascinat.", p. 672.)

"Описание Батлером в его "Гудибрасе" "хитрого человека или гадателя" сопряжено с большим количеством его обычных любезностей, - пишет он.

""К нему с вопросами и с мочой,

Они за открытием пасутся или лечатся".

-(Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 62, статья "Sorcerer").

"Существовали этрусские волшебники, которые вызывали дождь или открывали источники воды, но точно не известно, что именно. Считалось, что они вызывали дождь или воду из своего живота" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. i. с. 22).

Спальня Мунзы, короля момботто, была "расписана множеством геометрических узоров... белых от собачьего помета (album Græcum)" ("Сердце Африки", Швайнфурт, Лондон, 1878, т. ii. с. 36).

Можно с уверенностью утверждать, что эти "геометрические узоры" были "магическими".

"Предполагается, что ведьмы приобретают влияние на любого человека, становясь обладательницей чего-либо, принадлежащего намеченной жертве, - например, волоса, предмета одежды или булавки. Влияние, приобретаемое ведьмой, больше, если такой предмет добровольно или бессознательно передается ей человеком, которого о нем просят..... Ведьму можно обезвредить, если закрепить волосы на ее голове, завернуть их в бумагу и поместить на дерево в качестве мишени, в которую нужно выпустить серебряную пулю из пистолета..... Когда пациент достигает подросткового возраста, предполагаемое облегчение (от недержания мочи) достигается путем мочеиспускания в только что сделанную могилу; труп должен быть противоположного пола с экспериментатором."-("Folk-

Lore of the Pennsylvania Germans," Hoffman, в "Journal of American Folk-Lore," January-March, 1889, pp. 28-32.)

Блэк ссылается на те же идеи. См. его "Народная медицина", с. 16.

Чтобы ослабить действие колдовства, доктор Розинус Лентилиус рекомендовал пациенту взять количество собственного ордура размером с филберт и выпить его с маслом (см. "Ephem. Medic.", Leipsig, 1694, p. 170.) Согласно Пауллини, в качестве противоядия следует принимать человеческий ордура как внутрь, так и наружно, а человеческую мочу - наружно. Шуриг для той же цели рекомендовал принимать человеческую мочу и ордуру, но и ту и другую внутрь, смешивая с гиосциамусом. ("Хилология", с. 765, 766.)

Во Франции ведьмы превращались в животных и наоборот, "омывая руки в определенной воде, которую они держали в горшке". Упоминается также "тазик со святой водой, которой окропляли посвященных" ("Колдовство и магия", Томас Райт, Лондон, 1851 г., т. I, стр. 310, 311, 328, 329.)

Реджинальд Скот рассказывает историю о "священнике", которого мучил инкуб; после того как все другие средства не помогли, "хитрая ведьма посоветовала ему... что на следующее утро, как только рассветет, я должен помочиться, и сразу же должен закрыть горшок с помочами или остановить его своей правой пастью" ("Discoverie", p. 65).

Тлинкиты северо-западного побережья Америки верят, что утопленника можно вернуть к жизни, разрезав его кожу и нанеся на нее лекарство из определенных корней, настоянных на моче ребенка, которую держали три луны. Утопленники, по словам знахарей, превращаются в выдр (см. Franz Boas, в "Journal of American Folk-Lore", vol. i. p. 218).

"Предполагалось, что средство против колдовства состоит в том, чтобы набрать в бутылку немного воды околдованного человека, добавить в нее булавки, иглы и гвозди, закупорить и поставить перед огнем, чтобы сковать дух; но иногда этого оказывалось недостаточно, так как пробка часто вылетала с громким звуком, как из пистолета, и выбрасывала содержимое на значительную высоту" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 13, статья "Колдуны").

Если конечности человека были околдованы, он должен был омыть их собственной мочой; некоторые рекомендовали добавлять чеснок или ассафетиду" (Frommann, "Tract. de Fascinat.", pp. 961, 962).

"Йорден в своем любопытном трактате "О страдании матери", 1603, стр. 24, говорит: "Другая полиция, о которой рассказывает Марцелл Донатус, была применена врачом к графине Мантуанской, которая, будучи в болезни, которую мы называем ипохондрической меланхолией, искренне верила, что она околдована, и была излечена путем введения в ее тесный стул при приеме лекарств гвоздей, игл, перьев и тому подобных вещей, заставляя ее верить, что они выходят из ее тела." - (Бранд, "Популярные древности", т. iii. с. 13, статья "Колдуны").

Шуриг прописывал куриный и голубиный помет для лечения заколдованных. ("Chylologia", p. 817.)

Бекерий высоко оценил человеческий помет для той же цели. ("Med. Microcosmus", p. 113.)

"Катамениальная кровь женщин считалась эффективным средством для отгона демонов" (Black, "Folk-Medicine", p. 154, цитирует Синистари).

В Шотландии "они кладут небольшое количество соли в первое молоко коровы после отела, которое дают выпить любому человеку. Это делается для того, чтобы предотвратить skaith (вред), если случится так, что человек не будет умным" (Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 165, art. "Падение соли". Сравните вышесказанное с тем, что сэр Сэмюэл Бейкер рассказывает нам об африканских суевериях на ту же тему).

"В строке 160 в издании Рейнерштейна и Реца "Dea Syra" Лукиана, 4vo, vol. iii. p. 654, вы найдете человеческий помет, упомянутый как лекарство или амулет, а моча несколькими строками ниже." (Личное письмо профессора В. Робертсона Смита, датированное Крайст-колледжем, Кембридж, Англия, 11 августа 1888 г.).

Одной из самых любопытных особенностей "Тевтонской мифологии" Гримма (перевод Сталлибрасса, Лондон, 1882) является отсутствие каких-либо упоминаний об использовании человеческой или животной мочи в медицинских или религиозных целях, а также для борьбы с колдовством. Возможно, он выпустил дополнение, в котором все это было исправлено; но если он этого не сделал, то его работа является крайне неудачной.

Мистер Сильвестр Бакстер утверждает, что в недавнем разговоре с мистером Фрэнком Х. Кушингом, проживающим в окрестностях Темпе, штат Аризона, он узнал, что во времена молодости мистера Кушинга люди в Центральном и Западном Нью-Йорке все еще использовать чары против колдовства, и что мистер Кушинг был лично знаком с семьей, которая готовила отвар, одним из ингредиентов которого была человеческая моча; это служило профилактикой колдовства. Местность, о которой шла речь, находилась примерно в восемнадцати милях от Рочестера, штат Нью-Йорк.

"Плевков в недавно выведенную мочу предотвращает появление "бородавок" на глазах". (Миссис Фанни Д. Берген, Кембридж, штат Массачусетс) Это средство восходит к Плинию.

"Чтобы околдовать заколдованного, нужно плюнуть в горшок, в котором вы готовили воду" (Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 263, art. "Слюна", цитата из "Discoverie" Реджинальда Скота).

"Несколько фетидов и вонючих веществ, таких как старая моча, являются прекрасным средством для отпугивания всех видов злых духов и призраков" (Ринк, "Сказки и предания эскимосов", Эдинбург, 1875, стр. 50, 452).

"Манксмены до сих пор ставят на ночь у своих дверей сосуд, наполненный водой, чтобы феи (которые, как они говорят, были первыми обитателями их острова) могли умыться и не дать им причинить вред" (Brand, "Pop. Ant." vol. ii. p. 494, статья "Мифология фей").

Конечно, необычно обнаружить здесь следы обычая, который, как отмечалось, существует у лапландцев и жителей Сибири, которые ставят кадки с мочой для той же цели, причем моча используется при обычных омовениях.

В Англии существовало суеверие, что женщина, приготовившая воду из крапивы, будет "раздражительной целый день" (Brand, "Pop. Ant.", vol. iii. p. 359, статья "Гадание по цветам").

Фосброк ("Энциклопедия древностей", т. ii.) говорит, что эта пословица древняя. "Крапива в древности считалась афродизиак".

Шуриг ("Chylologia", p. 795) повторяет историю о том, что лапландцы обмазывали внутренние швы своих кораблей навозом девственниц, чтобы увеличить скорость. Лапландцы, когда кто-нибудь из их оленей умирает от болезни, покидают свой лагерь, тщательно "сжигая все

экскременты животного перед отъездом" (Leem's "Account of Danish Lapland", in Pinkerton, vol. i. p. 484). См. предыдущие цитаты из Зауэра о якутах Сибири).

Лет двадцать назад в Калифорнии ходила история о том, что переселенцы в этот штат из Миссури и Арканзаса в дни золотодобычи имели обычай складывать свои вещи, прежде чем отправиться в дневной поход, в костры предыдущей ночи. О значении этого обычая, если оно вообще было, ничего не известно. Кормящие женщины брызгали несколько капель своего молока на горящие угли в камине, чтобы обеспечить обильный приток" (Etmuller, vol. i. p. 68.).

Автору посчастливилось получить копию доклада мистера Джеймса Муни из Бюро этнологии в Вашингтоне, округ Колумбия, о "Медицинской мифологии Ирландии".

Этот интересный и чрезвычайно ценный материал, который можно найти в "Трудах Американского философского общества за 1887 год", не оставляет никаких сомнений в отношении мистической силы, приписываемой кельтскими крестьянами как моче, так и ордуру. Моча и куриный помет показаны как мощные средства, предотвращающие злоключения фей; "огонь, железо и помет" рассматриваются как "три великих средства защиты от влияния фей и inferнальных духов". Навоз носят при себе, как часть содержимого амулетов; а детей, страдающих от конвульсий, в крайнем случае купают с головы до ног в моче, чтобы спасти их от лап преследователей-фей. См. также с. 377, что касается "гномов", которые в Англии, похоже, то же самое, что и феи.

Дю Шайю в своей "Стране полуночного солнца" не упоминает об использовании жителями этого региона экскрементов в каких бы то ни было целях. Его пребывание здесь было столь непродолжительным, что его наблюдения нельзя сравнивать с теми, что были сделаны Лемсом и другими, информация от которых уже была получена.

Любопытное сохранение во Франции парсийского обычая "ниранг" показано в майском номере "Mélusine", Париж, 1888 год, под названием "Le Nirang des Parsis, en Basse Bretagne".

"Я провел свое детство, вплоть до четырехлетнего возраста, в старинной бретонской усадьбе, носящей имя Керамборгн, в коммуне Плуарт, округ Ланнион. В усадьбе проживали злодеи и изверги... которые требовали, чтобы им дали жить и накрыли одеялом. Среди бедных эррантов, которые были лучшими хозяевами Керамборна ... находилась старая женщина по имени Жилетт Керлохиу, которая знала все новости этой страны ... и, кроме того, имела репутацию человека, который может избавить от некоторых болезней с помощью мазей и трав, которые она только знала как секрет..... Утром, когда Жилетт провел ночь за столом... она мармотировала священников.... Une vache s'étant mise à uriner, la vieille mendicante se précipita vers elle, reçut de l'urine dans le creux de sa main et s'en frotta la figure à plusieurs reprises.... Ce que voyant le vacher, il la traita de salope et de vieille folle. Но Жилетт, не смущаясь, говорит: "Нет ничего лучше, мой сын, чем умыть свою фигуру в первой половине дня с помощью мочи из вакуума, и даже с помощью собственной мочи, если не удастся добыть мочу из вакуума. Quand vous avez fait cette allution, le matin, vous êtes, for toute la journée, à l'abri des embûches et des méchancetés du diable, car vous devenez invisible pour lui."

Автор этой статьи, М. Ф.-М. Лузель узнал от других крестьян и нищих, стоявших поблизости, что убеждение, высказанное старухой, было полностью поддержано ее товарищами.

"Nos paysannes de France se lavaient les mains dans leur urine ou dans celle de leurs maris, ou de leurs enfants, pour détourner les maléfices ou en empêcher l'effet." - (Réclus, "Les Primitifs", p. 98.)

Отец Ле Жён, должно быть, находился на пути к чему-то, напоминающему ур-оргию у гуронов, когда узнал, что дьявол навязывает больным во сне обязанность валяться в урне, если они надеются на восстановление здоровья[81].

Это покаянное валяние сохранилось у народов, достигших высокого уровня развития, но в первобытные времена оно было заменено глиной и другими менее грязными веществами.

"Достаточно показать те моменты, в которых греческий язык оказался в гармонии с австралийской, американской и африканской практикой..... 3. Привычка мазать людей, собирающихся пройти инициацию, глиной, ... или чем-либо еще грязным, и смывать это, очевидно, чтобы показать, что старая вина снята, и начинается новая жизнь." - ("Миф, ритуал и религия", Эндрю Лэнг, Лондон, 1887, том ii. стр. 282).

"Плутарх в своем сочинении о суевериях представляет виновного человека, который должен быть очищен, фактически катающимся в глине" (Idem, p. 286).

Абиссинский метод изгнания женщины описывается следующим образом: Экзорцист "кладет амулет на вздымающуюся грудь пациентки, заставляет ее пахнуть какой-то мерзкой смесью и, как только ее безумие несколько ослабевает, начинает диалог с Будой (демоном), который отвечает женским голосом. Дьявола приглашают выйти во имя всех святых, но угроза угостить его раскаленными углями обычно действует сильнее, и после обещания повиноваться он пытается отсрочить свой выход, попросив что-нибудь поесть. *Грязь и нечистоты* смешиваются и прячутся под кустом, после чего женщина подползает к тошнотворному блюду и с жадностью поглощает его" (Из статьи "Абиссинские женщины" в "Ивнинг Стар", Вашингтон, 17 октября 1885 года).

"Красивый приворот или заключение для одного одержимого.... Одержимый должен идти на коленях в церковь, ... и так должен ползти, не сходя с дороги, которая является общим шоссе, в том роде, каким бы грязным и нечистым оно ни было, или что бы ни лежало на пути, не избегая ничего, пока не придет в церковь, где он должен благочестиво слушать мессы." - (Scot, "Discoverie", p. 178.)

Ирландские крестьяне окропляли мочой больных детей[82].

Американские мальчики мочатся на свои ноги, чтобы предотвратить судороги во время плавания.

В Стирлинге, Шотландия, "определенное количество коровьего помета вливают в рот теленку сразу после отела или, по крайней мере, до того, как он получил мясо; благодаря этому, по мнению вульгарных людей, ведьмы и феи не имеют силы причинить теленку вред" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 257, статья "Сельские чары").

Фромманн дает препарат из двадцати пяти ингредиентов для освобождения младенцев от колдовства (fascinatio); но ни человеческий, ни животный эгесты не упоминаются ("Tract. de Fascinat.", p. 449, 450).

Кокс в своей истории Ирландии приводит описание суда над леди Алисой Кеттл из Оссори, обвиненной в том, что она была ведьмой и принесла в жертву знакомому духу ночью на перекрестках девять красных петухов и девять павлиньих глаз, а также подметала улицы

Килкенни, "сгребая всю грязь к дверям своего сына, Уильяма Оутлоу, бормоча и бормоча втайне от себя такие слова: - "...

"В дом Уильяма, сына моего,

Приведи все богатство города Килкенни".

-("История Ирландии", Лондон, 1639, т. i. с. 102. Датируется примерно 1325 годом).

Эта история цитируется Валленси, "Collect. de Rebus Hibernicis", Dublin, 1774, vol. ii. p. 369, и Генри К. Леа, "История инквизиции", Нью-Йорк, 1888, vol. iii. p. 457; первоначально она была найдена в Камдене.

На острове Гернси в течение нынешнего поколения судили "Джона Лейна из Анневилля, приход Лейн" по обвинению в том, что он "занимался некромантией" и "побуждал многих людей в сельских приходах верить, что они околдованы", и что он мог отгонять дьявола и других злых духов "путем кипячения трав для получения определенного аромата, совсем не приятного для обонятельных нервов демонов, ...и окроплением небесной водой" (Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 66, статья "Колдуны").

В ценный сборник суеверных практик, запрещенных римско-католическими соборами, Тьерс включил людей, которые по утрам омывают руки мочой, чтобы предотвратить колдовство или свести на нет его эффект. Он также рассказывает, что святая Люсия считалась ведьмой, и по этой причине римский судья Пасхазий во время суда над ней окропил ее мочой[83].

См. только что процитированный отрывок из "Мелюзины".

Римляне устраивали праздник в честь матери всех богов, Берецинтии, на котором матроны брали своего идола и окропляли его своей мочой[84].

Берецинтия была одним из имен, под которыми Кибела или Рея, первозданная богиня земли, почиталась римлянами и многими народами Востока. Ее жрецы, галлы, эмаскулировали себя в оргиях, неистовство которых было того же общего типа, что и омофаги греков, описанные ранее.

Жрецы Кибелы совершали обряд эмаскуляции с помощью куска саамской керамики (см. сноску к переводу Rev. Lewis Evans "Сатиры Луцилия", lib. vii., издание New York, 1860).

Жрецы Кибелы, по некоторым предположениям, получили имя Галли от реки Галл, "возле которой эти жрецы наложили на себя наказание, о котором мы говорим..... действие воды этой реки заключалось в том, что они впадали в приступы энтузиазма, - "qui bibit, inde furit", как говорит Овидий." - (Аббат Банье, "Мифология", английский перевод, Лондон, 1740, том ii. стр.563).

"Здесь они укладывают свои подстилки на ночь и орошают само изображение богини обильными орошениями, а целомудренная луна наблюдает за их мерзостями" (Ювенал, Шестая сатира, описывающая обряды Бона Деа, перевод преподобного Льюиса Эванса, М.А., колледж Уодхэмс, Оксфорд, Нью-Йорк, 1860).

Отец Боден говорит о тайном обществе под названием "Огбуни": "Из того, что мне удалось узнать, это общество - просто институт, подобный тайным обществам языческих народов древности, где члены были посвящены в позорные тайны великой богини". (Негры Гвинеи.) - ("Фетишизм и фетишисты", Бодин, Нью-Йорк, 1885, с. 64.)

У эскимосов, живущих вблизи Пойнт-Барроу, ежегодно проводится церемония изгнания злого духа, которого они называют Туна. Среди церемоний, связанных с этим событием, есть и такая: Один из исполнителей "приносит сосуд с мочой и бросает его в огонь" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. ii. с. 164, цит. по "Отчету Международной полярной экспедиции в Пойнт-Барроу", Вашингтон, 1885, с. 42).

Странно встретить у столь разных на первый взгляд рас, как греки и готтентоты, одинаковые обряды эмаскуляции и окропления мочой.

Секта "скопцов", или "евнухов", в России "основывает свои особые догматы на изречении Христа: "Есть евнухи, которые родились такими от чрева матери своей, и есть евнухи, которые сделали евнухами от людей, и есть евнухи, которые сделали себя евнухами ради Царства Небесного. Кто может принять его, да примет" (Матф. xix. 12)." - (Heard, "Russian Creed and Russian Dissent", p. 265).

"Эта ересь, самая современная из всех, вероятно, обязана своим происхождением влиянию с Востока, медленно проникающему через низшие слои населения" (Idem, p. 267).

Реджинальд Скот рассказывает историю о шарлатане, который использовал страхи пациентов, страдающих тимпанитом, говоря им, что у них в животе гадюки, которых он пытался тайком подложить в "экскременты" пациента после его очищения" ("Discoverie", p. 198).

Шуриг рассказывает, что деревенские женщины в Германии, если после длительного доения коров они не могли принести должного количества масла, подозревали, что находятся под чарами ведьмы; чтобы снять эти чары, нужно было только смешать немного свежего молока с человеческим ордуcom и выбросить смесь в притвор; или человеческий ордуcom прикладывали к соскам коров, как это делают африканцы в наше время, как показал сэр Сэмюэл Бейкер. "*Quippe quæ, siquando in conficiendo butyro, per tempus frustra laborarunt, suspitione veneficii cujusdam seductæ lac vaccinum recens emulsum stercori humano commixtum cloacæ simul infundunt, atque sic illico a Veneficio liberantur..... Si ferrum ignitum una stercore humano lacte vaccino consperso inseras, veneficæ pustulas inducet.... Contra magicam lactis vaccarum ablationem, ipsarum ubera stercore humano aliquamdiu inungi solent.*" И заканчивает он свой параграф цитатой изречения Иоганниса Михаэлиса: "*Sine omni fascinatione et superstitione proprio stercore efficere possit.*" - (Schurig, "Chylologia", pp. 788, 789, par. 62).

Сравните с информацией, полученной от Пауллини.

Вышеупомянутая практика, похоже, была перенесена в Пенсильванию, опустив ее более неприятные особенности.

"Домохозяйка иногда сталкивается с трудностями при изготовлении масла, поскольку считается, что заклинание - дело рук ведьмы..... Средством было погрузить раскаленную кочергу в содержимое маселобойки, когда заклинание было снято, и масло сразу же начало формироваться." - ("Народные предания пенсильванских немцев.") (Хоффман, в "Журн. амер. народных преданий", 1889).

Из всего этого можно предположить, что "созревание сыра" в человеческой моче изначально было вызвано желанием предотвратить зло колдовства. Обратитесь также к заметкам сэра Сэмюэля Бейкера.

В книге "Магия Южных гор", миссис М. В. Дальгрэн, Бостон, штат Массачусетс, 1882 г., можно найти упоминания о заколдовывании молока и сливок, а также о средстве, используемом для этого: положить горячие камни или "клин из раскаленного железа" (с. 165-167). В этом частичном "выживании" мы видим исчезновение более предосудительных черт практики старой страны. В книге миссис Дальгрэн рассказывается о суевериях пенсильванских немцев, живущих недалеко от границы с Мэрилендом.

"Мочекастеры, шарлатаны, которых мы почти не помним, обладали особым жаргоном, на который нет необходимости обращать внимание" ("Медицинский словарь", Бартоломью Парр, доктор медицины, Филадельфия, Пенсильвания, 1819, ст. "Моча").

Когда скот погибал от колдовства, Реджинальд Скот приводил длинную формулу для выявления преступника; среди прочего, фермеру предписывалось "отнести кишки животного в дом... на кухню, развести там огонь и поставить над ним утюг, а на него положить внутренности или кишки, и как они раскалятся, так и внутренности ведьмы будут растерзаны с сильным жаром и болью" ("Discoverie", p. 198). Следует отметить, что здесь нет указаний о "чистке" кишечника животного).

Среди способов обнаружения ведьм в Англии было "сбривание всех волос на теле ведьмы". Их также обнаруживали, положив волосы, обрезки ногтей и мочу любого заколдованного человека в каменную бутылку и повесив ее в дымоход" (Котта в "Кратком описании ненаблюдаемых опасностей", с. 54, говорит о "сжигании навоза или мочи тех, кто заколдован"). В книге "A Pleasant Grove of New Fancies," by H. R. 8vo, London, 1857, p. 76, мы имеем: - "Амулет, чтобы вызвать колдуна".

"Амулет, чтобы вызвать ведьму,

Чтобы поселить ведьму в доме, нужно сделать следующее:

Смешайте с едой немного п...

Из того, кто околдован; затем сразу же сделайте

Маленькую вафлю или пирог;

И это, редко испеченное, приведет

Старую ведьму в дом; нет ничего надежнее".

Среди других способов, которые приводятся для того, чтобы сбить ведьм с толку и заставить их зло обратить на себя, мы находим: "Взять немного соломы с двери; или тила, если дом обшит тилом ... посыпать ее водой больного..... Положите соль в воду больного и бросьте ее на раскаленный тил". Другой вариант: раскалите докрасна конский башмак и "утолите его в моче больного..... Взяв мочу больного, поставьте ее на огонь..... Положите в нее три конских ногтя и немного соли..... Или нагрейте конский башмак докрасна" и "утолите его несколько раз в моче". Еще один: "закройте мочу больного в бутылке и опустите в нее три гвоздя, булавок или иглы с небольшим количеством белой соли, держа мочу всегда теплой" (Brand, "Pop. Ant." vol. iii. pp. 170 et seq., art. "Колдовство и чародейство").

"Чтобы узнать, околдован ли человек, возьмите его мочу и вскипятите ее в новом, неиспользованном горшке; если она вспенится, то он не околдован; если нет, то это неопределенно. Или возьмите чистый пепел, положите его в новый горшок, пусть пациент помочится на него. Завяжите горшок и дайте ему постоять на солнце; затем разбейте пепел на части; если человек заколдован, в нем будут найдены волоски" (Paullini, pp. 260, 261).

"Я также не могу поверить (я говорю это с уважением к серьезным суждениям), что... сжигание навоза или урины тех, кто околдован, или плавающие тела в воде, или тому подобное, являются каким-либо испытанием ведьмы" ("Краткое объяснение ненаблюдаемых опасностей от невежественных и невнимательных практиков физики в Англии", Джон Котта, Лондон, 1612, с. 54).

Бекериус склонялся к тому, что человеческие зубы, принятые с лечебной целью, разрушат колдовство: "Contra maleficia et veneficia prodesse scribit." ("Med. Microcosmus", p. 265).

"В Новый год они (горцы) сжигают можжевельник перед своим скотом, а в первый понедельник в каждом квартале окропляют его мочой" ("Путешествие Пеннанта по Шотландии", Пинкертон, т. iii. с. 90).

"Les rustres slaves secouaient sur leur bétail des herbes de la Saint Jean, bouillies dans de l'urine pour le préserver des mauvais sorts."-("Les Primitifs", Réclus, p. 98.)

Не стоит забывать, что с самых ранних времен кедр и можжевельник были посвящены в священные должности. "Бог кедра, которому приписывалась особая сила отворачивать роковые влияния и колдовство". (Это относится к аккадийцам, самым ранним из известных жителей Месопотамии.) - (См. "Халдейская магия", Ленормант, стр. 178).

С самого раннего времени моча, по-видимому, символизировала или заменяла святую воду, соль и воду, "небесную воду", "воду предсказаний", можжевеловую воду, вино или воду, в зависимости от обстоятельств. "При легочных заболеваниях у скота... возьмите фенхель и гассок, и т.д..... сделайте пять крестов из гассока, поставьте их по четырем сторонам скота, и один в середине; пойте о скоте Benedicam, и т.д..... окропите их святой водой, сожгите вокруг них ладан" ("Saxon Leechdoms", vol. iii. p. 57; то же средство для больных овец, idem, p. 57).

"Если лошадь или другое животное будет подстрелено (эльфийский выстрел), возьмите семена дока и шотландский воск, пусть священник пропоет над ними двенадцать месс, а на лошадь нанесите святую воду" (Idem, vol. iii. p. 47; снова, vol. iii. p. 157).

"Когда среди скота появляется заразная болезнь, в некоторых деревнях вокруг гасят огонь; тогда разжигают огонь колесом или трением куска сухого дерева о другое и сжигают можжевельник в стойлах скота, чтобы дым очищал воздух вокруг них; также варят можжевельник в воде, которой окропляют скот ." (Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 286, art. "Физические чары", цитируя "Историю провинции Морей в Шотландии" Шоу. Бранд считает, что "это, несомненно, обычай друидов").

Шотландец в своем "Discoverie" (p. 157) говорит: "Люди предохраняются от колдовства окроплением святой водой" и т. д. (Idem, vol. i. p. 19, art. "Sorcery"). "Ибо дьяволы, как замечено, имеют тонкие ноздри, отвращающиеся и летающие от некоторых видов вони; засвидетельствуйте бегство злого духа в отдаленные части Египта, вызванное запахом рыбьей печени, сожженной Товитом". О колдунах сообщается, что они всегда стараются "сначала изгонять вино и воду, которыми они окропляют свой круг" (Idem, vol. iii. pp. 55, 57, art. "Sorcery").

Дурная атмосфера спальных комнат должна была быть исправлена сжиганием можжевельника, иногда розмарина. "Каждое утро он приносит ей в жертву два пенса можжевельника". ("Каждый человек не в духе", Бен Джонсон) "Затем налейте свежей воды в оба горшка с сучьями и сожгите немного можжевельника в дымоходе в холле. Как зверь,

каким я был, я высек огонь прошлой ночью". ("Мэр Тумборо", Бомонт и Флетчер). "Сожгите немного можжевельника в моем муррине; служанка приготовила его в горшке" ("Преподобный Купидон", Бомонт и Флетчер, iv. 3; приводится доктором Флетчером).

Мочегонное действие ягод можжевельника хорошо известно; мы можем предположить, что "вода можжевельника" заменила другую жидкость, вызванную использованием ягод.

"Предсказанная вода", которой окропляют больной скот на Оркнейских островах, до сих пор встречается в горных районах (см. Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 274, статья "Физические чары").

Следующее заклинание взято из "Гесперид" Херрика, стр. 304.

"Святую воду принеси и принеси;

Всыпь соль для приправы;

Кисточку для окропления поставь".

(Idem, vol. iii. p. 58, art. "Sorcerer").

"Заклинатель бормотал над водой какие-то слова, подражая католическим священникам, освящающим святую воду" ("Фил. магии", Сальверте, с. 52. Шетландские острова).

По словам Далелла, эта "предреченная вода" была сделана из воды, соли и слюны фокусника" (см. "Суеверия Шотландии", с. 98).

"За информацией о заветном родственнике и его судьбе в другом мире обращаются к жрецу-фетишу, который берет маленького ребенка и оmyвает его лицо люстральной водой" ("Фетишизм", Боден, с. 65).

Люстральная вода", о которой идет речь в предыдущем абзаце, сделана из "улиток и растительного масла" (Idem, p. 88).

Реджинальд Скот дает "лекарство" для одного "одержимого", один из пунктов которого заключается в том, что жертва "должна смешивать святую воду со своей едой и питьем, и святая соль также должна быть частью смеси". ("Discoverie", p. 178.) Ведьмы должны были пить святую воду на своих испытаниях.

Древние называли соль "божественной". (См. "Мораль" Плутарха, английское издание Гудвина, Бостон, 1870, т. iii. с. 338).

"Греки и римляне добавляли соль в жертвенные пироги; при люстрации они также использовали соль и воду, что породило в последующие времена суеверие о святой воде" (Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 161, art. "Salt Falling").

Шотландское использование соли и воды, как уже отмечалось, описано Блэком ("Народная медицина", стр. 23); и Напьером ("Народные предания", стр. 36, 37).

Соль кладут в колыбель новорожденного в Голландии. ("Таймс", Нью-Йорк, 10 ноября 1889 г.) "Никто не отправится по каким-либо материальным делам, не положив в карман немного соли; и уж тем более не переедет из одного дома в другой, не женится, не родит ребенка и не возьмет его в няньки, не обменявшись солью". (Dalyell, "Superst. of Scotland", p. 96.) Соль не используется восточными инуитами: "Le sel leur répugne, peut-être parceque l'atmosphère et les poissons crus en sont déjà saturés."-("Les Primitifs," Réclus, p. 33.)

Показав, что во Франции, Англии, Шотландии и т. д. ведьм изгоняли с помощью окропления мочой, мы имеем основания утверждать, что следующий способ лечения является, по крайней мере, кузено-немецким по отношению к нашему предмету. На западе Шотландии крестьянин, страдающий от загадочной и упорной болезни, предположительно находился под влиянием "дурного глаза". Тогда прибегали к следующему средству: "Старый шестипенсовик одалживают у кого-нибудь из соседей, не говоря, к какому предмету он будет приложен; столько соли, сколько можно поднять на шестипенсовик, кладут в столовую ложку воды и растапливают; Шестеренка опускается в раствор, а подошвы ног и ладони больного трижды смачиваются соленой водой; затем ее трижды пробуют на вкус, а больной "забивает дыхание", то есть оператор опускает указательный палец в соленую воду и проводит им по лбу. Когда это сделано, содержимое ложки бросают за спину и прямо на огонь, при этом бросающие одновременно говорят: "Господи, сохрани нас от всякой скверны"" (Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 47, статья "Очарование ведьм").

Райт обращает внимание на то, что на собраниях ведьм "иногда перед ними ставили все предметы роскоши, и они пировали самым роскошным образом. Однако часто на стол подавали не что иное, как жаб, крыс и другие отвратительные блюда. В общем, у них не было соли и лишь изредка хлеба". После этих пиршеств наступали "дикие и шумные танцы и веселье..... Их спины, вместо лиц, были обращены внутрь..... Любопытно отметить, что современный вальс впервые встречается на собраниях ведьм и их импов..... Песни, как правило, были непристойными, вульгарными или смешными" ("Колдовство и магия", Томас Райт, Лондон, 1851, стр. 310, 311, 328, 329).

Реджинальд Скот также утверждает, что вальс произошел от танца ведьм (см. "Discoverie", p. 36).

Подарки, которые дьявол дарил ведьмам, наутро превращались в грязь. (См. Grimm, "Teut. Mythol.", vol. iii. p. 1070.)

В качестве примера мерзости в литературе можно привести сон Задора из Веракрусса, который хотел продать свою душу дьяволу, в "El Bachiller de Salamanca", Le Sage, Paris, 1847, part iv. cap. 2, p. 129.

Лучшее объяснение вышеприведенной истории - в которой Задор изображен заключившим договор со своим сатанинским величеством, в котором в обмен на душу Задора дьявол раскрывает золотую жилу на кладбище, из которой бедный дурак извлекает достаточно для своих текущих нужд, а затем пометил место хитроумным способом, только чтобы быть разбуженным своей разгневанной женой с мучительным сознанием того, что он осквернил свою собственную постель - это отражает современное мнение испанцев эпохи Ле Сажа о трансмутальности даров, полученных от лукавого. См. историю о боге "Кутка".

"Народные сказки, которые чаще всего возникают из традиций... являются пережитками былых времен и иллюстрируют их..... Когда в какой-либо сказке или народной традиции упоминается злой дух, я считаю, что это всегда подразумевает воспоминание о некоем существе, которому раньше, во времена господства религии, ныне отвергнутой, поклонялись как богу. Считается, что он приносит пользу своим поклонникам, но вредит тем, кто придерживается другой веры. Человечество, находясь в грубом состоянии, часто приписывает собственную нетерпимость своим богам. Таким образом, человечество создает своего собственного бога по своему образу и подобию" - (Свен Нильсон, "Первобытные жители Скандинавии", под редакцией сэра Джона Лаббока, Лондон, 1868, Предисловие, liii).

Спекуляция не приведет ни к каким выгодным результатам, если мы попытаемся с ее помощью - единственным оставшимся у нас средством - разобраться в неясности, окружающей обряды и танцы, и особенно пищу этих ведьмовских сборищ.

Доктор Дюпуи в книге "Le Moyen Age Médical", которой мы уделяем особое внимание, высказывает мнение, которое, кажется, логично охватывает большую часть вопроса. Одним словом, это сводится к убеждению, что сборища ведьм в Европе не были плодом воображения, а существовали на самом деле, и были обычаями приверженцев культов, вычеркнутых из жизни, и прослеживаются лишь в искаженных и неприглядных чертах, которые наиболее естественно представлялись невежественному крестьянству. Среди этих колдунов были старые пандеры, знавшие по личному опыту все виды разврата и давшие название "бдения" сатурналиям, которым предавались жители деревни в определенные ночи, - сборищам, состоявшим из публичных домов и сутенеров, на которые приглашались многочисленные новички в распутстве. Эти колдуны и ведьмы также знали, какие средства следует принимать молодым девушкам, когда они хотят уничтожить физиологические результаты своей неосторожности, и что нужно старикам, чтобы восстановить свою мужественность. Им были известны лекарственные свойства растений, особенно тех, которые одурманивают" (перевод Т. К. Минора, доктора медицины, под названием "Медицина в Средние века", стр. 40).

Возможно, посвященные в колдовство были вынуждены принимать отвратительную пищу в качестве проверки искренности своих целей, или же они принимали ее, чтобы вызвать опьянение, подобное тому, которое испытывали зуны в Нью-Мексико и дикие племена Сибири. Есть еще одна гипотеза, которую следует рассмотреть, прежде чем отказаться от этой темы. Как известно, лучшая пища всегда предлагалась божествам господствующей секты, а использование любого из сопутствующих обрядов господствующей религии в церемониях вытесненного культа рассматривалось как самое настоящее святотатство и богохульство. Например, использование святой воды на шабаше ведьм считалось худшим преступлением, чем сама ведьма. Поэтому мы можем заключить, что, поскольку приверженцы вытесненной религии не осмеливались использовать лучшее, им неизбежно приходилось прибегать к более низкому материалу для изготовления своих жертвоприношений; и поскольку они собирались, как правило, в горных углублениях, в пещерах и т. д., где не было ничего лучшего, они приносили себя в жертву, то есть возвращались к старой практике человеческих жертвоприношений, если вообще от них отказывались, и давали залог из собственных волос, слюны, мочи и эгестазы.

"Чистая молитва восходит к Тому, Кто высоко восседает,

И падает грязь для адских извергов".

Так ответил отцу лжи один почтенный монах.

"Благочестивый отец сидит на сквозняке,

Чтобы делать то, чему нас учит нужда и природа".

Дьявол упрекнул его в том, что он произносит молитвы в такой момент" (Harington, "Ajax", pp. 33, 34).

Муни рассказывает о случае похищения ирландки феями. Ей удалось передать своему мужу знание о средствах, с помощью которых можно спасти ее: "У него должно быть наготове немного мочи и куриного помета, которые он должен вылить на нее, а затем схватить ее..... Вскоре он услышал приближение фей, и когда шум раздался перед ним, он бросил навоз и

мочу в направлении звука и увидел, как его жена упала с лошади". ("Медицинская мифология Ирландии", Джеймс Муни, Amer. Phil. Society, 1887.) Ирландские крестьяне твердо верят в силу фей, уносящих их детей; чтобы вернуть ребенка, вызывают "мудрую женщину", которая "нагревает лопату в камине, кладет на нее подменыша и выставляет его на навозный холм". (Idem.) "Огонь, железо и навоз - три великих оберега от влияния фей и inferнальных духов" (Idem.).

Крестьяне Ирландии носят при себе "лекарственные мешочки", очень похожие на те, что используются у североамериканских индейцев. Среди содержимого этих мешочков "обычно находятся табак, чеснок, соль, куриный помет, лус-креа и немного пыли с обочины дороги". (Idem.) Это "носится с собой как защита от фей; ... также как защита от сглаза; и нечто подобное зашивается в одежду невесты, когда ее друзья готовят ее к церемонии бракосочетания" (Idem.).

"Амулет, который следует произносить каждое утро постящейся ведьме или, по крайней мере, перед тем, как она отправится за границу: "Огонь кусает, огонь кусает; свиной дерн над ним, свиной дерн над ним, свиной дерн над ним! Отец с тобой, Сын с тобой, Святой Дух между нами, чтобы быть! Этот последний припев повторите три раза; затем сплюньте через одно плечо, затем через другое, а потом три раза прямо вперед" (Scot, "Discoverie", p. 177.).

"Пункт. Они вешают ... garlicke на крыше дома, чтобы отгонять ведьм и духов, ... и так же они делают alicium."- (Idem, p. 192.)

В Голландии чеснок клали в колыбель новорожденного младенца" ("Times", New York, Nov. 10, 1889).

Чеснок нельзя было есть монахам и монахиням Тибета (бхикшуни); есть его считалось грехом. "140. Si une Bhikshuni mange de l'ail" и т. д. Но в сноске говорится, что ее можно есть, когда это единственное средство от какой-то болезни или недуга; но даже в этом случае больной не должен входить в общежитие, в уборную, не может излагать закон, общаться с браминами, входить в парк, на рынок или в храм, пока не пройдет трехдневное очищение, не искупается и не окурится.

XLIV.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ХРАМОВОЙ ИЛИ СВЯЩЕННОЙ ПРОСТИТУЦИИ И О РОГАХ РОГОНОСЦЕВ.

"Амстердамские бабы верили (в 1637 году), что лошадиный помет, брошенный перед домом и положенный свежим за дверь... принесет удачу их домам" ("Le Putanisme d'Amsterdam", p. 56, цитируется по Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 18, статья "Sorcery").

Хотя нельзя утверждать, что проституция в целом имеет священное происхождение, все или почти все храмы в ранние века существования человечества должны были содержать проституток. Необходимость в таком обеспечении очевидна. Суеверие и невежество человека наделяли определенные места или духов-хранителей этих мест властью приносить ему горе или несчастье, если только их не поддерживали в хорошем настроении с помощью жертвоприношений. На таких основаниях возводились храмы, за которыми ухаживали

жрецы, разжиревшие и обогатившиеся, потому что право убежища было связано с их положением, хотя это право не было абсолютно закреплено за маленькими общинами, которые незаметно вырастали вокруг этих храмов. Необходимость государственного управления и международного или межплеменного арбитража, естественно, периодически привлекала в эти храмы законодателей, великих вождей и их последователей, возможно, для разрешения споров или заключения договоров путем личной беседы, возможно, по решению жреца.

На таких сборищах происходило немалое количество бартерных и торговых операций, и многие люди с меркантильным складом ума осознавали преимущества постоянного места жительства. Не всегда можно ожидать, что моряки и купцы из других стран будут вести себя пристойно; временами им будет хотеться "раскрасить город в красный цвет", как ковбою на Западе, когда он получает деньги. Женщины города постоянно подвергались бы опасности оскорбления; поэтому в качестве мудрой предосторожности определенный класс молодых и привлекательных женщин был зарезервирован для служения храмам, то есть для удовлетворения сексуальных страстей чужестранцев и обогащения жрецов.

Действительно, пока не был разработан и введен в действие какой-то подобный способ, а возможно, и долгое время после этого, похоже, все женщины города были обязаны выполнять эту обязанность; мы читаем, что в храме Милитты каждая женщина была обязана хотя бы раз в жизни проституировать с незнакомцем в храме этой богини.

Жрецы передавали проституткам знания о чарах, призванных обеспечить удачу; со временем эти чары переняли проститутки вообще, не имевшие отношения к храму. Аналогичные пережитки можно проследить и среди азартных игроков. Когда-то азартные игры были священным методом гадания. Те, кто занимался гаданием, всегда были начеку: и хорошие, и плохие знаки. Одним из лучших знаков считалась встреча с человеком с горбатой спиной. В наши дни азартные игроки считают себя счастливыми, если им удастся потерять горб калеки.

Эта священная проституция была присуща отнюдь не только вавилонянам. У евреев при храмах существовал класс лиц обоего пола, называемых "кадешим", которым приписывалась позорная обязанность публичной проституции; во многих других частях света сообщалось о том же виде деградации личности. Женщины, посвятившие себя этой службе, носили определенную форму. (См. Dulaure, "Des Différents Cultes", vol. ii. p. 75, где говорится о "Кадешоте". См. также "Библейский словарь" Смита, Нью-Йорк, 1871 г., статьи "Блудница" и "Содомит").

"Сыновья Илия лежали с женщинами, которые собирались у дверей скинии собрания" (1 Цар. ii. 22).

"По всей Индии, а также в густонаселенных частях Азии и современной Турции существует класс женщин, которые посвящают себя служению божеству, которому они поклоняются, а вознаграждение, получаемое от их проституции, направляется на служение храму и жрецам, служащим в нем. В храмах индусов в Деккане были такие заведения. В них были группы освященных танцовщиц, называемых "женщинами идола", которых жрецы отбирали в младенчестве за красоту их лиц и обучали всем изящным приемам, способным сделать их привлекательными" ("The Masculine Cross", частное издание, 1886, p. 31).

У Рекуля есть диссертация на эту тему, которая завершается такими словами: "Aussi Juvénal se permettait de demandander, ... Quel est le temple où les femmes ne se prostituent pas?"-("Les Primitifs", p. 79.)

Ленорман говорит о "священной проституции, которая налагалась один раз, по крайней мере, в течение всей жизни, на всех женщин, даже на тех, кто был свободен" ("Халдейская магия", Франсуа Ленорман, с. 386).

"Каинду - языческий народ, где в честь своих идолов они prostituiруют своих жен, сестер и дочерей для похоти путешественников" (Purchas, vol. v. p. 430). Каинду, по-видимому, была территорией, прилегающей к Тибету).

"Иногда, по приказу волшебника, мужчина приказывает своей жене отправиться в назначенное место, обычно в лес, и отдаться первому встречному. Однако есть женщины, которые отказываются выполнять такие приказы" (Патагония, "Путешествие Авантюриста и Бигля", т. ii. с. 154).

"Жители Хасрована, христианской провинции в Либане, населенной особой развратной расой, также устраивают праздники под знаменитыми кедрами, а их женщины приносят жертвы Венере, как "кадеши" у финикийцев. Это уцелевшее старое суеверие неизвестно миссионерским "справочникам", но вполне заслуживает изучения антрополога" (Бертон, "Арабские ночи", заключительный очерк, т. x. 230).

Религиозная проституция древних вавилонян, похоже, в небольшой степени сохранилась и в мелких деревушках Кесфин и Мартауан, расположенных недалеко от Алеппо в Сирии. Женщины несут свое гостеприимство так же далеко, как и в древнем Вавилоне". Эта разрешенная проституция, похоже, является пережитком старых азиатских суеверий" (Мальтебрун, "Всеобщая география", т. I, с. 353, либ. 28). Дюлор приводит пример Мартауана, а также цитирует Марко Поло в доказательство существования подобной практики в Камуле, близ Тангута ("Des Dif. Cultes", т. II, с. 598, 599).

"В большинстве восточных храмов, особенно связанных с солнечным культом, были и по большей части до сих пор есть храмы "Дэва-Дасис", или "божьих женщин", последовательниц Милитты, хотя обычно они не сидели так открыто и не занимали такого видного места, как те, кого описывает Геродот. Это, несомненно, были женщины с зеркалами (Иезек. viii. 14), которые плакали по Тамузу, богу солнца". Африканская богиня Одудуа обещала защиту "всем, кто поселится в этом месте и воздвигнет ей храм на месте хижины" ("Реки жизни", Форлонг, т. I, с. 329). Многие пришли и обосновались здесь, и таким образом был основан Адо, что означает проституцию в память о богине" ("Фетишизм", Боден, с. 17.) "Храм, возведенный в этом городе, празднуется среди негров. Соседние цари приносят в жертву богине быка в день ее праздника, и, согласно легенде, в ее честь устраиваются нечистые игры."(Idem.)

"В вавилонском поклонении богине Милитте женщины, которые предлагали себя за цену чужеземцу у дверей храма, отличались особым одеянием, согласно Баруху..... Женщины сидят на путях, опоясанные шнурами из камыша и жженой соломы", а "места их отдыха отличаются шнурами" (Purchas's "Pilgrims", vol. v. p. 56, art. "Hondius' Babylonia.").

В Ирландии в наши дни крестьяне используют в гаданиях и колдовстве "шнур Святой Бриджит", сделанный из камыша и похожий на шнур богини Милитты.

Нам не сообщают, что рога были приняты в качестве отличительной черты такой формы, но мы постоянно помним о том, что многие, если не все, божества стран, прилегающих к Средиземноморью, в то или иное время изображались с рогами в качестве символов власти. Поэтому разумнее всего предположить, что женщина была украшена головным убором с рогами? Или что ее муж, без разрешения которого такая проституция была бы невозможна, и для которого это должно было быть актом не меньшей религиозной важности, был украшен подобным образом?

Когда новым религиям удавалось втоптать в пыль священные обычаи прошлого, яростная нетерпимость фанатика не могла не испытывать большего удовольствия, чем высмеивание того, что было отличительной чертой, возможно, недавно свергнутого культа. Поэтому ассоциация с рогами, бывшая типичным атрибутом языческих богов, была перенесена на преданного мужа, и то, что было внешним знаком самого благочестивого самоотречения, превратилось в насмешку и поношение.

Бранд, "Pop. Ant.", vol. ii. pp. 181 *et seq.* дает огромное количество информации по этому вопросу, но ничего очень удовлетворительного или определенного, - Art. "Cornutes".

"Актеон, рогоносец; от рогов, возложенных Дианой на голову Актеона". (Grose, "Dict. of Buckish Slang", London, 1811.) За этим мифом может скрываться история о вторжении Актеона в священные церемонии проституции или его личная связь с ними.

"Хайгейт"; "клясться в Хайгейте". Раньше в публичных домах Хайгейта существовал нелепый обычай приносить смехотворную клятву всем путешественникам среднего класса, которые останавливались там. Клятва давалась на паре рогов, закрепленных на палке; суть клятвы заключалась в том, чтобы никогда не целовать служанку, когда можно поцеловать госпожу; никогда не пить маленькое пиво, когда можно взять крепкое; и множество других запретов того же рода, ко всем из которых добавлялась спасительная оговорка - "если только тебе это не понравится". Человек, дающий клятву, всегда должен был называть присяжного отцом, а тот, в свою очередь, должен был называть его сыном, под страхом бутылки" (Grose, "Dictionary of Buckish Slang").

"Ярмарка рогов" - ежегодная ярмарка, проводимая в Карлтоне, в Кенте, в день святого Луки, 18 октября. Состоит из буйной толпы, которая после печатного призыва, разойдясь по соседним городам, собирается в Рогоносце, близ Дептфорда, и шествует оттуда процессией через этот город и Гринвич до Карлтона, с рогами разных видов на головах; на ярмарке продаются рога баранов и всевозможные игрушки из рога; даже пряничные фигурки имеют рога. Вульгарная традиция дает следующую историю происхождения этой ярмарки. Король Джон или кто-то другой из наших древних королей, находясь во дворце Элтхэм в этом районе и однажды выехав на охоту, забрел из своей компании в это место, бывшее тогда небольшой деревушкой, когда, войдя в коттедж, чтобы узнать дорогу, он был поражен красотой хозяйки, которую он нашел одну; И, одержав верх над ее скромностью, муж, внезапно вернувшись, застал их вместе, и, угрожая убить обоих, король был вынужден обнаружить себя и заручиться для своей безопасности кошельком золота и пожалованием земли от этого места до Роговицы, а также сделать мужа хозяином деревни. Добавим, что в память об этом была учреждена ярмарка для продажи рогов и всевозможных товаров из этого материала" (Grose, *idem.*).

"На Менорке жители питают такую же ненависть к слову "cuerno", как и к слову "diablo"". (См. Brand, "Pop. Ant.", vol. ii. p. 186, art. "Cornutes.") Возможно, здесь мы имеем пример влияния раннехристианской церкви, направленного на то, чтобы сделать отвратительным все, что связано с отброшенной религией Средиземноморья.

Рог до сих пор фигурирует среди африканских племен. Всякий раз, когда один из мелких королей в верховьях Нила "хочет связаться с другим, он посылает на шею гонца рог, ... который служит и для верительных грамот, и для безопасности..... Никто не смеет прикасаться к мбакке с одним из этих рогов на шее" (Speke, "Nile", London, 1863, vol. ii. pp. 509, 521).

Брюс говорит, что после победы абиссинские военачальники надевают головной убор, над которым возвышается рог - конический кусок серебра, позолоченный, около четырех дюймов в длину, по форме напоминающий наши обычные свечные огнетушители. Это называется керн, или рог, и его надевают только на парадах или смотрах после победы. Я полагаю, что это, как и все другие их обычаи, заимствованы у евреев, и в Писании есть несколько ссылок на то, что они возникли из этой практики. "Я сказал глупцам: не делайте глупостей, и нечестивым: не поднимайте рог". И так во многих других местах Псалтири" (Bruce, "Nile", Dublin, 1791, vol. iii. p. 551). См. также "Географическую энциклопедию", Филадельфия, 1845, т. ii. с. 588, ст. "Абиссиния". См. также "Омела"; "Молоко" и "Сперма" в разделе "Аптека"; отрывок из Плиния; отрывок из Лентилиуса; отрывок из Этмюллера; "Пот" в разделе "Аптека" и другие).

Копия "Malleus Maleficarum", написанная черной буквой, одна из "инкунабул" из типографии Петера Шеффера, Майенс, 1487 г., была тщательно изучена; но, кроме того, что она была очень тусклой и крайне трудной для расшифровки, она не содержала ничего, что не было бы уже приведено из других источников.

XLV. ЛЕЧЕНИЕ ПЕРЕСАДКОЙ.

Самым любопытным методом облегчения физических и психических расстройств был метод, названный различными авторами: "лечение путем пересадки", "перевод", "симпатия" и "магнитный перенос".

В этом разделе нашего предмета существует совершенное смятение богатства, и трудность заключается не в том, чтобы выбрать, а в том, чтобы знать, что отвергнуть.

Этмюллер перечисляет пять различных видов лечения с помощью трансплантации: 1. Insemenation, когда "magnes mumia" (спирт, дистиллированный из плоти мумии) используется для полива богатой земли, в которую было посажено определенное семя; но необходимо соблюдать осторожность при выборе растения: одни из них полезны, другие вредны; 2. Implantatio, когда выбирается уже растущее растение или только корень такого растения, и поливается, как описано выше; 3. Impositio, когда часть кожи больного члена, или часть экскрементов пациента, или что-либо другое, тесно связанное с ним, "aut ejus excrementum aut utrumque", вставляется между корой и телом дерева, а отверстие затем утрамбовывается грязью. Но в каждом случае следует помнить, что для медленного, постепенного излечения нужно выбирать медленно растущее дерево, а для быстрого выздоровления - быстрорастущее; 4. Inoratio, при которой ежедневно определенные деревья или растения, пока не наступит излечение, поливают "мочой, судором, фецибусом альви вел лотура мембри аутиус телес"; но рекомендуется каждое орошение прикрывать землей, чтобы не попадал воздух; 5. Inescatio, при которой "мумию" дают съесть животному; животное умрет, пациент выздоровеет.

Человеческий ордура был частым дополнением к "spiritus mumiae".

Фромманн открывает путь к более ясному пониманию принципов, на которых основывалось это лечение. Он утверждает, что не все болезни излечивались таким образом; только те, которые сами по себе были "подвижными". Яд не мог быть излечен таким образом, потому что его смертельное действие происходило слишком быстро для медлительных органов трансплантации. Травмы "жизненно важных способностей", такие как "аневризмы аорты" и т. д., не поддавались пересадке. Черви - тоже, хотя они могли двигаться по собственной воле. "Липотимия", или обморок, не подлежала пересадке. Все "пересаживаемые" болезни назывались "солевыми", поскольку, согласно господствовавшим в те времена медицинским теориям, они возникали из-за какого-то дефекта "солей" в организме (см. Frommann, "Tract. de Fascinatione", pp. 1017, 1018).

Среди самых сильных "магнетических" лекарств, по мнению Парацельса, было одно "ex stercore humano" (см. Etmuller, vol. i. p. 69).

Было и другое: "Возьмите достаточное количество ордуры здорового человека и сделайте из нее припарку с человеческой мочой, к которой добавьте пот, собранный с тела губкой; положите это в чистое место в тени, пока не высохнет, а когда понадобится, смочите человеческой кровью". "Recipe copiosum stercus hominis sani, et hoc cum urina ejusdem misce, redige in consistentiam pultis, adde quantum habere potes sudoris ex hominibus sanis a linteo aut spongia collecti, ponantur simul in loco mundo in umbra donec siccentur, hinc adde sanguinem recentem, misce, sicca, et ad usum reserva."

Этмюллер также упоминает "симпатический" способ лечения квартанной агии, при котором волосы пациента смешивали с пищей и бросали птицам, которые, проглотив пищу, снимали лихорадку.

Другой метод заключался в том, чтобы взять обрезки ногтей на пальцах рук и ног больного, положить их в яйцо и бросить птицам; другие снова заворачивали их в воск и рано утром, до восхода солнца, прикрепляли посылку к двери соседского дома или привязывали ее к спине живого краба, а краба бросали обратно в ручей: "Sunt cui ad curandam febrem segmenta e manibus et pedibus ovo includunt, avibusque devoranda obijciunt; alii eadem ceræ involvunt, matutinoque tempore ante solis ortum januae affigunt, alii dorso cancri vivi alligant, cancrumque fluenti committunt."- (Idem, vol. ii. p. 265.)

Первые экскременты человека, больного дизентерией, смешивали с солью в качестве "магнитного" лекарства; к ним некоторые добавляли порошок из шкур угрей (Frommann, "Tractatus", p. 1012 и др.). Больные желтой желтухой мочились на чистые льняные простыни; если им удавалось окрасить их в желтый цвет, они вскоре выздоравливали, если нет - нет (с. 1012); корни, смоченные мочой больного, сжигали как лекарство от желтой желтухи (с. 1013); вся одежда больного эпилепсией сжигалась, а пепел выбрасывался в ручей, вниз по течению (р. 1013); особенно это касалось тех, кто был осквернен альвиновыми выделениями, извергнутыми в одном из пароксизмов; с той же тщательностью сжигались и эти выделения (р. 1013). (Обратите внимание, что эпилепсия всегда считалась священной болезнью; здесь мы имеем намек на человеческое жертвоприношение).

Метод лечения путем выкапывания земли, помещения в нее какого-либо растения и обогащения окружающей почвы экскрементами больного приводится Фромманом (р. 1016); но деревья или растения для этой цели должны были выбираться лесные или приносящие съедобные плоды, "ut fraxinus, quercus, betula, tilia, fagus, alnus," etc. (ясень, дуб, береза, липа, бук, ольха и т. д.) Животные должны были быть такими, которые не едят человеческую

плоть, например "canes, feles, equi, lupi, vulpes"; другие могли быть использованы по случаю, но результаты не были так уверены (idem, p. 1017). Существовало два общих метода: один, при котором предлагались "sanguis, pili, excrementa" самого пациента; другой, при котором крабы, мясо, яйца, сало, яблоки и другие вещи натирались на пораженные участки и затем предлагались (idem.).

Бекерий дает рецепт "симпатического лечения" лихорадки путем обрезания ногтей на пальцах рук и ног больного и привязывания этих обрезков в тряпке к двери соседского дома. "Si resegmentine unguium e manibus et pedibus deprompta, cera involvantur, matutinoque tempore ante solis exortum alienæ januæ affiguntur." А нечестивые люди имели привычку готовить напиток, состоящий из равных частей их грязных ногтей и кантаридов, и тот, кто пил этот напиток, впадал в состояние атрофии (Med. mic. pp. 15, 16). Когда для лечения использовались собственные волосы пациента, их клали в яйцо и бросали курам (Idem, p. 8.).

Фромман рассказывает о том, что фрагменты ногтей и обрезки волос пациента завязывали в узелки и бросали на дорогу, чтобы их развязал какой-нибудь любопытный человек, который заразится болезнью. - ("Tract. de Fascinatione", p. 1003).

Кровь, мочу или экскременты больного помещали в яичную скорлупу и скармливали дворовым птицам ("Idem.").

"Id quod alio modo per urinam ægri quoque fieri valet; qua ratione cum sanguine, urina, excrementis, ægrotantis multæ sympatheticæ curæ fieri possunt;" и к этому классу относятся такие средства, как разрезание яблока или куска бекона пополам, затем подвешивание этого куска в дымоходе, чтобы он растаял или сгнил; как только это было сделано, болезнь исчезла. Говоря о пересадке, он говорит: "Prioris exemplum est dum applicato stercore humano ad certam aliquam partem transplantatur eo ipso morbo in plantam cujus semen in terram hoc stercore mistam inferitur." Первый пример - когда ордура больного прикладывается к определенному растению, и таким образом болезнь переносится с больного на растение" (Etmuller, "Opera Omnia", vol. i. p. 69, Lyons, 1696).

Этмюллер учит, что обрезки ногтей на ногах и пальцах, привязанные к спине живого краба, который затем должен быть брошен в ручей человеком, который выполнит эту обязанность и вернется домой, не разговаривая, приведут к излечению; точно так же для облегчения подагры он рекомендует закапывать эти обрезки в отверстие, сделанное в коре дуба, которое затем должно быть закрыто клином: "Abscinduntur ungues manuum et pedum, alligantur dorso cancri viventis, et cancer istis unguibus oneratus, immittitur in flumen retrofaciem redeundo sine loquela, donec in domum facta fuerit reversio. Instituuntur qq. transplantationes pro viribus recuperandis per ungues. Sic in podagræ.... R.; Ungues pedis, atque immittuntur in foramen excavatum in quercum et super foramen ponunt cuneum ex quo subito fit, ut remittat dolor ac desinat Podagra" (vol. ii. p. 270.)

В другом месте своих работ Этмюллер упоминает о лечении путем привязывания обломков ногтей на пальцах рук и ног к крабу. Для восстановления ослабленной силы эти обрезки следует закопать в кору вишневого дерева, которую затем следует закрыть ордуrom: "Ad recuperandos vires abscissos ungues et capillos cerasi radici incisæ imponunt, vulnusque fimo co-operiunt." - (Idem, vol. ii. p. 265.)

"Denique si quid aliud singulare est si quis accipiat ovum recens, hoc coquat cum urina propria ad assumptionem medietatis, quo facto urina superstes projiciatur in flumen secundum ejusdem cursum, ovum vel ita coctum leviter apertur immittatur in acervum formicarum. Unde quando formicæ assumpserunt ovum solutem erit fascinum" (idem, vol. i. p. 462). "Наконец, есть такой

необычный метод: берут свежее яйцо и кладут его в немного собственной мочи пациента, которую уваривают наполовину; затем отстоянную мочу выбрасывают в ручей (вниз по течению), а само яйцо закапывают в муравьиную кучу; как только муравьи съедят яйцо, последствия колдовства исчезнут".

Для лечения подагры ногти на ногах и пальцах срезали и помещали в отверстие в коре дуба: "Vel dum ungues pedum abscissi et in quercum terebratam inclusi, hominem liberum reddunt a podagra." (Idem, p. 69, vol. i.)

Моча была очень полезна для лечения людей, укушенных змеями. "Per urinam solent fieri curationes magico-magneticæ morborum, si scilicet lardum vel potius caro porcina coquatur ter in urina ægri et caro ista incoctionis urinæ postmodum propinetur cani vel porco devoranda, sic enim sit, ut quam plurimi morbi curentur per transplantationem in animalia quæ devorant carnem et urinam."-(Etmuller, p. 271.)

Свиное сало или сальная свиная шкура, натертая на бородавки, а затем подвешенная в дымоходе или закопанная в конском навозе, приводила к тому, что бородавки исчезали так же быстро, как и разлагались. "Suspendatur in camino furni, vel in fimo equino sepeliatur.... Sicut exsiccatur in fumo, vel putrescit in fimo lardum ita exsiccetur et putrescat verruca." (Idem.) Приводится полдюжины методов использования свиного навоза.

Фромманн приводит слова Рэтрея о том, что, по его собственным наблюдениям, существовала "симпатия" между мочой пациента, заключенной в стеклянный пузырек, и состоянием самого пациента, - своего рода "барометрическая" симпатия, как мы бы ее назвали. В более ранний период культуры моча помещалась в рог козла или в мочевого пузырь свиньи.

Методы лечения путем помещения мочи пациента в муравьиное гнездо любым способом описаны Иоганном Христианом Фромманом ("Трактат о фасцинации", с. 1004 *и далее*); также метод варки яйца в моче и помещения яйца в муравьиное гнездо (с. 1005); также метод приготовления хлеба из мочи пациента и дачи хлеба собаке для поедания (с. 1005). В Италии существовал вариант этого обычая, заключающийся в том, что хлеб, приготовленный из мочи больного мужчины, давали кобелю, а хлеб, приготовленный из мочи больной женщины, - суке (idem). Желтую желтуху лечили, проваривая кусок мяса в моче больного и давая его собаке (idem); для лечения разрыва больной должен был замочить в моче ячмень, а затем закопать его в кору дерева (с. 1007). Другой способ лечения пересадкой заключался в том, что пациент мочился в стеклянный пузырек, закупоривал его льняной тряпкой или бумажной ваткой и закапывал в землю (с. 1010). Для лечения желтой желтухи больной выкапывал в земле яму и мочился в нее до восхода солнца (с. 1010, 1011); для лечения дизентерии больной клал свои экскременты на кусок пепла и оставлял его в яме (с. 1011); больные лихорадкой бросали свои экскременты в ручей (idem). Другие способы заключались в том, чтобы сделать смесь из мочи больного, смешанной с золой, дать массе высохнуть на солнце, а затем положить ее у углей кухонного костра для выпечки (р. 1012); ордура человека, больного "заклинанием", прикладывалась к месту заклинания, а затем подвешивалась (заключенная в свиной пузырь) на три дня в дыму дымохода (idem).

В своей длинной и интереснейшей главе, посвященной лечению болезней с помощью человеческих внутренностей "магическим или симпатическим способом", Шуриг описывает множество причудливых и любопытных методов использования альвиновых отбросов тех, кто, как предполагается, находится почти в *состоянии articulo mortis*. Например, брали ордуру пациента, помещали ее в дупло кости мертвеца, которую затем бросали в кипящую воду. Это средство, если верить Шуригу, обладало высочайшей эффективностью. Другой

способ заключался в том, что ордуру смешивали с винным отстоем и косточками вишни и давали массе перебродить вместе; или же ордуру собирали и бросали в проточную воду (см. Schurig, "Chylologia", pp. 783, 784). Следует прочесть всю главу "De Stercoris Humani Usu Magico seu Sympathetico", № xiii.).

Козью мочу прикладывали к больным глазам; но более надежное излечение в тяжелых случаях достигалось дополнительно подвешиванием некоторого ее количества в козьем роге на двадцать дней. "Si cum cornu capræ suspenditur diebus viginti." (Секст Плацит, "De Med. ex Animal.", статья "De Capro.").

У Бекхериуса есть "симпатический" способ лечения желтой желтухи. Сделайте припарку из конского навоза и собственной мочи пациента и повесьте ее в дымоходе. "Fimum equinum cum urina ægri sic misce, ut pultis referat consistentiam, hæc linteolo excipe, et in camino suspende ut fumo semper sunt exposita." ("Med. Microcos.", p. 65.) Другой способ заключался в подвешивании мочи больного в пузыре в дымоходе; по мере испарения мочи больной должен был выздоравливать. "Propriam urinam vesica suilla excerpisse et hanc in fumo exposuisse seque observasse ad exsiccationem. Urina in vesica ipsum quoque icteritiam evanuisse". (Idem, p. 65.) Другим средством от желтой желтухи была доза, утром и вечером, смеси человеческой мочи и конского редьки. (Idem, p. 66.) Было еще одно "симпатическое" лекарство: пациент мочился в сосуд, который испарялся на огне, и так продолжалось девять дней" (Idem, p. 66.).

От чахотки Бекерий приводит "симпатический" способ лечения (уже отмеченный в других источниках): яйцо варят в моче больного, пока оно не затвердеет, а затем закапывают в муравейник. (Idem, p. 75.) Такое же средство применялось при лихорадке. (Idem.)

Щепотку соли размером с крупный боб заворачивали в льняную тряпку и окунали в мочу больного на целый день; затем нагревали огне, пока она не становилась красноватого цвета; немного посыпали на хлеб, и больной натирался ею утром и вечером. ("Medicus Microcosmus", pp. 75, 76.)

Свежее яйцо варили в моче больного, а затем бросали рыбам. "Recens ovum in urina ægri quod in piscinam ubi pisces sunt conjiciatur, et momento febrem cessare dicunt."-(Idem, p. 78.)

Еще один способ - сделать лепешку из муки, смоченной мочой больного, и бросить ее рыбам. Рыбы, съевшие ее, заберут болезнь, а больной выздоровеет. "Subige farinam cum urina ægri ad formam placentulæ; coque hæc in forno, instar panis objice piscibus, ut ab iis devoretur; abit febris, maxime quartana."- (Idem.)

Фромманн посвящает длинную главу лечению "пересадкой". Он приводит из Плиния способ лечения сильного кашля путем сплевывания в рот жабы (tree-toad; см. уже сделанные заметки), а также другой способ, при котором моча больного, превращенная в тесто с мукой, давалась собаке или свинье ("Tract. de Fascinat." p. 1002).

Фромманн вместе с фон Гельмонтом считал, что в таких способах лечения нет ничего суеверного, поскольку в них не используются никакие обряды и заклинания. (Но позже он упоминает, что слышал, как женщина (которая пробовала одно из этих лекарств, скатав несколько волос своего сына в воск и закопав восковой шарик в надрез на яблоне) произносила определенные слова, которые она отказалась повторить за ним, когда ее попросили; поэтому у него возникли некоторые сомнения относительно ее конкретного случая (p. 1034). Он приводит слова английского графа Дигби о том, что ему известна кормилица, которая по неосторожности позволила сжечь в огне часть экскрементов

младенца; в результате ребенок ужасно страдал от экскорации основания (с. 1038). В этом случае излечение было достигнуто "симпатическим" способом: экскременты ребенка помещали на три дня в таз, наполненный холодной водой, и выставляли в холодное место (с. 1039).

Водянка излечивалась подвешиванием мочи пациента (заключенной в свиной мочевого пузыря) в дымоходе и пренебрежением всеми другими средствами. "*Urinam ejus recentem vesica suilla conclusam in camino suspendi, curavi.*" (Idem, p. 1047.) Молодую девственницу вылечили от терциевой лихорадки, дав курице хлеб, приготовленный из мочи, вылитой во время пароксизмов. Девушка выздоровела, а курица умерла. "*Virginis cujusdam febre intermittente tertiana laborantis urinam calidam in paroxysmo redditam gallinæ familicæ cum pane mistam exhiberi curavi*" (p. 1047).

См. также заметки Сэмюэля Августа Флемминга в разделе "Пот".

Доктор Джозеф Ланцони не верил, что подвешивание над землей в свином пузыре человеческой мочи приводит к хорошим результатам в случаях подавления мочеиспускания, как это часто можно было наблюдать у евреев и некоторых религиозных орденов. "*Urinæ suppressionem minime referare vesicam suis suspensam, quæ non tetigit terram, quod nonnulli volunt, observavi in quodam Religioso et Hebræo.*"-("Phemer. Physic-Medic.", Leipsig, 1694, vol. i. p. 49.)

Пауллини учил, что всевозможные лихорадки можно вылечить, вылив мочу больного в пруд с рыбами. "Те рыбы, которые будут пить эту воду", - говорит он, - "получат лихорадку, которая покинет больного".

Для "симпатического" лечения эпилепсии вся одежда, которую носил пациент во время пароксизма, даже обувь, должна была быть тщательно сожжена, а пепел брошен в проточную воду. Более того, если во время приступа пациент испражнялся, то испражнения собирались и вместе со всем, чего они касались, сжигались с той же тщательностью.

"*Hominis epilepticum insultum primum patientis sive junior sit, sive senior indumenta omnia et vestes indusium, calcei, tibialis, et similia sub dio comburantur, et in cinerem redigantur; cinis vero in aquam fluvialem secundum flumen projiciatur. Si autem jam ante homo epilepsia laboravit, ad alvi excrementa in ipso paroxysmo reddita attendatur; quæ si adest res commaculata cum ipsis excrementis modo jam dicto comburatur.*"-(Schurig, "Chylologia", p. 1013, цитируя Фроммана).

Шуриг приводит рецепт Иоганна Филиппа аб Хертодта по приготовлению "симпатического" порошка, который служит для того, чтобы проинформировать нас о бессвязных идеях практиков пару столетий назад. В вольном переводе она гласит: "Возьмите здоровую человеческую мумию, смоченную небольшим количеством мочи; пусть ее высушат в месте, защищенном от восточного ветра, но не от солнца, пока она не превратится в порошок; его нужно смешать с равным весом винного камня и "симпатическим порошком витриола", приготовленным по формуле, в дни собак; или с солью венгерского витриола, нагретой до белизны в печи". Щепотку этого сочувственного порошка следует посыпать на кал больного или на ткань, смоченную его мочой, и хранить в прохладном месте. За его эффективность ручались на сайте в самых высоких выражениях: "*Effective curat omnia vulnera, ulcera, febres petechiales, et urina fabulum, periculosissimas hæmorrhagias puerperarum, arthriditem quamcunque, podagram et illam vagam dictam, pulmonis apostemata, hæmorrhoides nimias, narium fluxus immodicos, capitis dolores, catarrhos, fluxos albos mulierum, menstrua copiosa,*

morsus canis rabidi, vel alterium cujuscunque animalis, item mammas ulceratas." - (Schurig, pp. 775, 776.)

Шуриг добавляет ряд таких способов лечения дизентерии, как помещение экскрементов в реторту, используемую для дистилляции витриола, ... посыпание таких экскрементов солью или витриолом, или смешивание их с горячей золой и живыми углями; желательно, чтобы экскременты, которые будут использоваться таким образом, были первыми, имеющими кровавый оттенок.

"Различные способы применения этих средств слишком длинны, чтобы вставлять их сюда, но они ценны для студента тем, что показывают, насколько глубока была вера в оккультные свойства самих экскрементов" ("Chylologia", pp. 785, 786).

Ниже приводится старинный французский "сочувственный" рецепт для лечения всех видов колик: "Для лечения колик здесь приводится рецепт одного из самых древних средств, но в то же время сочувственный для тех, кто страдает от колик, так как, если они будут держать под рукой продырявленную печенку с ароматным молоком, и если они будут мочиться и спускать выделения из брюшка на землю, то при сочувствии без труда они смогут справиться с этой проблемой." - (Лазарь Нейсонье, цитируется Шуригом, "Хилология", стр. 784, 785).

Для "симпатического" излечения грыжи корень травы "настенник" намазывали ордурой больного, а затем закапывали в землю. "Radicem Symphti Oleto Proprio delibutam et in terram defossam." - (Idem, p. 787.)

Чтобы остановить кровотечение "симпатически", будь то из ран или других повреждений, брали немного вытекающей крови, смешивали ее с ордурой пациента, а затем эту смесь выставляли в банке на воздействие воздуха. "Contra hæmorrhagias, sive in læsonibus et vulneribus, ut sanguis sistatur, misce sanguinem ex sanguine profluentem cum proprio stercore et in olla ad desiccandum æri libero expone." - (Idem, p. 787.)

Пациент, страдающий от желтой желтухи, должен мочиться на конский навоз, пока он теплый. Это же средство, по-видимому, использовалось для помощи женщинам в изгнании плаценты. В одном из рецептов Шурига говорится, что конский навоз должен быть от животного, которое не было утомлено во время эвакуации, - "non defatigati" (Idem, p. 812 et seq.).

"Симпатичное" лечение с помощью навоза лошадей, похоже, подразумевается в случае с детской оспой, где мы видим, что его суспендируют в пиве; "pendatur in cerevisiam ... propterea ne fauces affligantur a variolis quod alias solet esse casus periculosissimus." - (Etmuller, vol. ii. p. 264.)

"Нет сомнений, что эта практика в свое время была очень распространена, но сейчас было бы пустой тратой времени вдаваться в подробности относительно различных составов симпатических лекарств; способа приготовления их купороса путем воздействия солнца в течение трехсот шестидесяти пяти дней, примочек из человеческого жира и крови, мумии, мха из черепа мертвеца, бычьей крови и жира и других отвратительных ингредиентов." - ("Медицинские суеверия", Петтигрю, Филадельфия, 1844, стр. 206).

Для лечения агу, "пусть моча больного тела, приготовленная рано утром, будет мягко нагреваться девять дней непрерывно, пока вся не превратится в пар" (Reginald Scot, "Discoverie", p. 196).

В Великобритании и Ирландии "агу у мальчика лечат лепешкой из ячменной муки и его мочи, которую дают съесть собаке; в приведенном случае у собаки прошли приступы дрожи, и мальчик выздоровел". ("Народная медицина", Блэк, с. 35. В сноске добавлено: "Pettigrew, 'Superstitions connected with the practice of Medicine and Surgery,' p. 77.") Мадам де Скюдери упоминает подобное средство от лихорадки в письме графу де Бюсси от 20 октября 1677 года. Говоря об одном известном аббате, она говорит: "Он говорит, что не стоит выливать всю мочу злодеев в лихорадку, которую он держит в руке, а потом бросает ее в ясли к одному щенку, который в это же время вынимает мочу злодея, который, в свою очередь, впадает в лихорадку. C'est une question de fait que je n'ay pas éprouvée."-("Notes and Queries", 5th series, vol. viii. p. 126.)

Ниже приводятся примеры излечения "пересадкой". "Семь или девять - это должно быть нечетное число - лепешек, сделанных из только что выделившейся мочи пациента с добавлением пепла ясеня и закопанных на несколько дней в черноземе, излечат, по словам Парацельса, желтую желтуху". В дневнике доктора Эдварда Брауна, переданном его отцом, сэром Томасом Брауном, мы читаем о "магическом средстве от желтухи: Сожгите дерево под грузом сосудом, наполненным водой; возьмите пепел этого дерева и смешайте его с мочой пациента; затем положите девять длинных куч пепла на доску в ряд, и на каждую кучу положите девять копий крокуса." ("Медицинские суеверия", Петтигрю, Филадельфия, Пенсильвания, 1844, стр. 103).

Нам также сообщают о "лечении желтухи путем закапывания в навозную яму лепешки из пепла и мочи больного". Агу у мальчика вылечили аналогичной лепешкой из ячменной муки и его мочи, которую дали съесть собаке; у собаки прошел приступ дрожи, а мальчик выздоровел".

"Мальчиков излечивали от бородавок, взяв бузиновую палочку и сделав на ней столько зарубок, сколько было бородавок, а затем натерев ею бородавки и закопав ее в земляной холм" (Idem, p. 104).

"Волдыри на языке возникают из-за того, что вы говорите неправду. Если они не желают уходить, применяется следующий способ. Из дерева вырезают три небольшие палочки, каждая длиной с палец и толщиной с карандаш; их вставляют в рот и закапывают в навозную кучу; на следующий день операцию повторяют, как и на третий; после этого три палочки оставляют в навозе, и по мере их разложения жалоба исчезнет." ("Народные предания немцев Пенсильвании", Хоффман, стр. 28).

"В округе Беркс до сих пор практикуется следующая процедура лечения бронхита. В дверной коробке на высоте головы пациента проделывают отверстие, в которое вставляют небольшой пучок волос, и закрывают отверстие деревянным колышком; затем отрезают выступающую часть колышка. По мере того как пациент будет расти в высоту, превышая колышек, болезнь будет уходить" (Idem, p. 28.).

"Подагра может быть перенесена с человека на дерево следующим образом: Подстригите ногти на пальцах страдальца и состригите немного волос с его ног. Проделайте отверстие в дубе, засуньте в него ногти и волосы, снова заделайте отверстие и замажьте его коровьим навозом" ("Золотая ветвь", Фрэнгер, т. ii. с. 153, цит. по Гримм. Бавария).

Любопытный метод облегчения и устранения всех видов колик с помощью "трансплантации" описан Шуригом. Экскременты, извергнутые во время одного из пароксизмов, должны быть закопаны в безлюдном месте. Трава, растущая на почве, куда попали экскременты, будет съедена домашним скотом, который заразится болезнью, облегчив состояние страдальца.

"При вспышках пароксизмов красного цвета отделяют в месте, где часто бывает виатор. Gramen quod enascitur super terram cui stercora commissa fuerint, bovi vel agno pabuli loco offertur, quod ubi comederit, colica transplantatur ab homine in brutum, et nunquam ipsum reaffliget." (Schurig, "Chylologia", p. 785.) Другие люди брали экскременты больного, высушивали их на открытом воздухе, смешивали со сладким вином и давали выпить больному. "Sunt qui illud idem excerptum in ære exsiccant, cum vino edulcorant et patienti propinant."-(Idem, p. 785.)

Кормилиц предупреждали, чтобы они не позволяли экскрементам младенцев, находящихся под их опекой, касаться горячих углей или золы в камине; они должны были бросать все экскременты сразу или не бросать их вовсе. Если мы поймем, что эти экскременты нужно было по привычке бросать в кухонный огонь, то возникнет очаровательное представление об аркадской простоте европейской жизни несколько веков назад.

"Hoc loco monendæ quoque sunt nutrices vel aliæ mulierculæ infantulis administrantes ne infantum excrementibus contegat, aut post modum omnia simul in ignem projiciunt. Exinde enim plurima symptomata exoriri solent."- (Schurig, p. 995.)

Приводится случай, когда врач страдал от маразма, или истощения. "Он взял яйцо и сварил его в собственной моче; затем он проткнул скорлупу во многих местах и закопал ее в муравейнике, где она должна была храниться, чтобы ее пожирали эмметы; и когда они растравили яйцо, он обнаружил, что его болезнь ослабла."(Pettigrew, "Med. Superstitions", p. 102.)

"Среди медиков... известный галенист, о котором пишет Бойл, был вынужден, когда другие средства лечения не помогли, сварить яйцо в собственной моче. После этого яйцо было закопано в муравейник, и по мере того, как оно выходило из строя, врач обнаруживал, что его болезнь проходит, а силы увеличиваются". В Стаффордшире корреспондент говорит, что для лечения желтухи мочевого пузыря часто наполняют мочой пациента и ставят у огня; когда вода высыхает, желтуха проходит, и, если бы потребовалось, можно было бы привести и другие примеры этого суеверия" (Black, "Folk-Medicine", p. 56).

Следующее "сочувственное" лекарство взято из "Камчатки" Стеллера (стр. 362 и 367): Когда человек страдает от недержания мочи, из мягкой травы "эхеу" делается венок; в центр его кладется рыба икра, а затем страдалец делает на нее омовение.

Ордур сам по себе или смешанный с мочой, превращенный в колбасу, которую кладут в мочевого пузыря свиньи и подвешивают в дымоходе, был "магически полезен" при лечении желтой желтухи. Сын самого Кристиана Франца Пауллина вылечился, смешав таким образом свой собственный ордур с мочой ослов. Ниже приведены некоторые выдержки из Шурига, упомянутые в этом параграфе: "Ab Incantatione introductis doloribus externe impositum sulphur hoc occidentale magni usus esse dicitur.... Alii addunt allium, atque elapsis post impositionem viginti quatuor horis fumo culinari hæc committunt.... Contra ejusmodi dolores a veneficio alliis placent cataplasmata ex stercore maleficiati in vesicam porcinam injecto et in Caminum ad suffumigandum suspenso.... In veneficio arcendo notum est, quod stercus humanum sit magni usus si scilicet parti ex veneficio dolenti applicetur stercus humanum vel solum, vel cum allio, vel asafoetida; sic enim est ut alii qui perpetravit veneficium sapiant omnia stercus humanum et allium, adeo ut necessum habeant solvere veneficium.... Pro icteri cura magica stercus, vel perse, vel cum urina mixtum, vesicæ suillæ indunt atque in camino suspendunt, Christianus Franciscus Paullini cujusdam meminit, qui filii sui icterici stercus cum urina asini commixtum modo tractavit."-(Schurig, "Chylologia", pp. 787, 788.)

Когда лечение должно было осуществляться методом, который некоторые авторы называют "оплодотворением", каждая болезнь, казалось, требовала своего особого растения. Так, для желтой желтухи требовались ласточкин хворост и ягоды можжевельника; для водянки - абсент (полынь) и самшит; для плеврита - мак; для чумы - растение, известное как скордиум (это растение пахнет чесноком), и т. д. - (Frommann, "Tract. de Fascinat.", p. 1030).

Следующая проблема представлена для решения или для такого объяснения, которое компетентные ученые сочтут возможным дать.

Мы знаем, что каждая болезнь рассматривалась как удар какого-то разгневанного бога; с другой стороны, мы также знаем, что для каждой болезни существовал какой-то бог, в более поздние времена - какой-то святой, к которому мог обратиться страдающий; мы также знаем, что определенные растения были священны для определенных божеств. Поэтому необходимо ответить на вопрос: были ли указанные выше растения священными для тех богов, которые отвечали за эти болезни? Чтобы исследование было полным, оно должно включать в себя все, что может сохраниться среди европейских крестьян о поклонении римским, финикийским, кельтским, тевтонским или даже египетским или этрусским божествам.

Гримм перечисляет названия деревьев, используемых для лечения различных болезней: эпилепсия - цветки персика; подагра - бузина; подагра - ель; подагра - ива; подагра - молодая сосна.

Почему Аполлон должен был любить лавр и кизилую вишню, "Плутон - кипарис и девичьи волосы, влаголюбивый папоротник, который, как мы полагаем, не мог быть очень обильным в избранном им царстве, Луна - диттани, Церера - нарцисс, Юпитер - дуб, Минерва - оливу, Вакх - виноградную лозу, а Венера - миртовую тень?" - (Выдержка из статьи под названием "Цветы как эмблемы" в "Стандарт", Лондон, скопирована в "Сан", Нью-Йорк, 12 мая 1889 года).

"Пот со лба больного человека, вытертый хлебом и отданный собаке, излечит пациента" (Sagen-Märchen, "Volksaberglauben aus Schwaben", Freiburg, 1861, p. 494).

В качестве лекарства от колдовства возьмите экскременты больного, положите их в свиной пузырь и повесьте в трубу; или пусть он примет внутрь немного своих собственных экскрементов, растворенных в уксусе; или приложите человеческие экскременты к заколдованной части, затем положите эти экскременты в свиной пузырь и повесьте его в трубу, чтобы он дымился три или четыре дня" (Paullini, pp. 260, 261).

У французов моча считалась верным средством от лихорадки. К этой панацее было приложено столько суеверий, что рецепт вполне можно привести полностью: - "Замесите небольшую буханку.

"Замесите небольшую буханку с мочой, выведенной в самой тяжелой стадии лихорадки человеком, страдающим четвертичной агеей. Испеките буханку, дайте ей остыть и отдайте ее на съедение другому человеку. Повторите то же самое во время трех разных приступов, и лихорадка покинет пациента и перейдет к тому, кто съел хлеб".

Другой рецепт звучит так: "Возьмите яйцо, сварите его и дайте другому человеку.

"Возьмите яйцо, сварите его вкрутую и очистите от скорлупы. Проткните яйцо в разных местах иглой, опустите его в мочу человека, страдающего лихорадкой, а затем дайте его

мужчине, если пациент мужчина, женщине, если женщина, и получатель заразится лихорадкой, которая покинет пациента"[85].

Это средство Тьерс восходит к римлянам, приводя в подтверждение своего утверждения цитаты из Горация.

Второй рецепт находит свою параллель в "оливках Чинука", описанных на первых страницах этой работы.

Тот факт, что человеческая сера была панацеей, с помощью которой можно было устранить все последствия колдовства, а также снять все чары и заклинания, легко подтверждается цитатами, которые можно найти у Шурига. "Обычная сера", применяемая наружно к болям, вызванным заклинаниями, была, как говорят, очень эффективна. Другие добавляли чеснок, а через двадцать четыре часа после этого подвергали смесь воздействию дыма кухонного костра. Другие снова брали потроха заколдованного человека, делали из них колбасу и подвешивали ее для копчения в кухонном костре.

Приводятся различные примеры действенности человеческого ордуca для устранения работы ведьм; его применяли отдельно или смешивали с чесноком или ассафетидой.

Возьмите печень, разрежьте ее на части и тайно положите в писсуар больного; если больной бессознательно использует камеру для испражнения, он выздоровеет - ("Sagen-Märchen, Volksaberglauben" и т. д., Drs. Birlinger and Buck, p. 481).

Метод лечения лихорадки путем втирания обрезков ногтей на пальцах рук и ног больного в воск и прикрепления их к дверному косяку другого человека упоминается Плинием (lib. xxxviii. c. 24).

То же самое, наряду с другими, уже отмеченными, приводит Фромманн ("Tractatus de Fascinatione", p. 1003 и далее).

Этмюллер говорит, что дуб был самым высоко ценимым деревом; чтобы получить хороший набор зубов, один из молочных зубов закапывали в дуб; чтобы восстановить выпавшие волосы - несколько волос пациента; чтобы вылечить подагру - несколько обрезков ногтей на ногах и т. д. - (Etmuller, vol. i. p. 127.)

"В Донегаде страдалец должен найти солому с девятью коленями и срезать узлы, образующие суставы каждого из них, все лишние узлы выбрасываются; затем закопать узел в куче навоза или перегноя; по мере того как суставы будут гнить, будут гнить и бородавки" ("Folk-Medicine", p. 57).

Гроуз говорит: "Чтобы вылечить бородавки, украдите кусок говядины из мясной лавки и натрите им бородавки; затем бросьте его в нужный дом или закопайте; по мере того как говядина будет гнить, будут гнить и ваши бородавки" (Brand, "Pop. Ant." vol. iii. p. 276, art. "Physical Charms").

Американские способы лечения бородавок, в которых страдальцу предписывается украсть кусок мяса и т.д., являются совершенным "выживанием" из вышеописанных, а "лекарство", приведенное Марком Твеном в его рассказе "Гекльберри Финн" -

"Ячмень-кукуруза, ячмень-кукуруза, шорты из индейской муки,

Вода, вода, вода, вода, проглотить эти бородавки".

можно отнести к "искаженному выживанию".

"С одной из рук угрожаемого (то есть угрожающего смертью) срезается кусок мяса, с противоположной стороны головы - прядь волос и бросается в огонь; его натирают полынью, смоченной в воде, так как это растение - пища призраков. Эти обряды, за исключением разрезания плоти и волос, должны совершаться четыре ночи подряд" ("Death and Funeral Customs among the Omahas", Francis La Flesche, in "Jour. of Amer. Folk-Lore", Jan.-March, 1889, p. 4.)

"Жители Оркнейских островов моют больного, а затем спускают воду в ворота, веря, что болезнь покинет пациента и перейдет к первому человеку, который пройдет через ворота" ("Золотая ветвь", Фрейзер, т. ii. с. 153).

Эти методы лечения путем "пересадки" до сих пор в полной мере применяются потомками переселенцев из Вестфалии и Пфальца, которые обосновались в штате Пенсильвания.

Для лечения желтухи: "Выдолбите морковку, наполните ее мочой пациента и подвесьте на веревке в камине. Когда моча испарится, а морковь станет дряблой, болезнь покинет пациента". В этом есть очевидная вера в связь между свойствами и цветом моркови и желтой кожей больного желтухой. К этому же классу можно отнести поверье об использовании полоски красной фланели при дифтерии и желтых или янтарных бус при гнойных выделениях из ушей" ("Folk-Med. of the Penn'a Germans", Hoffman, Amer. Phil. Society, 1889).

Следует обратиться к заметкам Блэка о подобном обычае в Стаффордшире, где вместо морковки наполняют мочевою пузырь" ("Folk-Medicine", p. 56).

"Судороги у ребенка иногда объясняются влиянием фей". Муни описывает случай излечения, когда мать "подобрала на обочине дороги десять маленьких белых камешков, известных как "камни фей". Придя домой, она положила девять из этих камешков в сосуд с мочой, а десятый бросила в огонь. Также она положила в сосуд немного куриного помета и три веточки растения (вероятно, плюща или чеснока), которое росло на крыше над дверью. Затем она раздела ребенка и бросила в огонь рубашку и другую одежду, которая была надета на кожу. Затем ребенка мыли с головы до ног, заворачивали в одеяло и укладывали спать. На стропилах над дверью висели девять кур и петух. Через некоторое время у ребенка начались сильные судороги, и девять кур упали замертво на пол. Петух спустился со своего насеста, трижды прокукарекал, а затем снова взлетел на стропила. Если бы женщина положила десятый камень к остальным, он бы умер вместе с курами. Ребенок выздоровел" ("Мед. мифол. Ирландии", Джеймс Муни, "Амер. фил. обществ.", 1887).

Муни замечает по поводу вышесказанного: "Этот единственный случай объединяет в себе ряд важных черт, связанных с народной мифологией: навоз, моча, растение над дверью, цыплята, огонь и одежда, надетая на кожу, а также вносит новый элемент в народную теорию болезни, а именно: идею заместительного лечения или, скорее, заместительного жертвоприношения. Это всеобщее убеждение заключается в том, что никто не может быть излечен от опасной болезни, если, как выражаются люди, "вместо него не будет оставлено что-то, что будет страдать от болезни и смерти".

В случае с "подмененным ребенком" матери предписывалось оставить его "на навозном холме плакать и не жалеть его" (Hazlitt's edition of "Fairy Tales", London, 1875, p. 372).

"В Сукла-Тиртхе, в Индии, глиняный горшок, содержащий накопленные грехи народа, ежегодно пускают по реке" ("Золотая ветвь", Фрейзер, стр. 192, т. II).

См. примечания к статье "Катамениальная жидкость" у Этмюллера.

XLVI.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГАМА В ИНДИИ.

В связи с ритуалом Лингама в Индии сохранились обычаи, ныне выродившиеся в символизм, которые нельзя истолковать иначе, чем как "пережитки" очень непристойных и отвратительных практик в первобытной жизни этого региона. Описывая жертвоприношение, называемое Пуджа, Морис говорит: "Абичегам совершает часть Пуджа. Эта церемония заключается в том, что на лингама льют молоко. Этот раствор затем хранится с большой осторожностью, и несколько капель дается умирающим, чтобы они могли заслужить наслаждения Калаисона". Салаграмма вишнуитов - то же самое, что лингама севитов". "Счастливы те благосклонные почитатели, которые могут пить освященную воду, в которой купался тот или другой" ("Ind. Ant." vol. v. pp. 146, 179).

Дюлор описывает обряд Кочи-курис, в котором священная вода Ганга сначала выливается на лингама; затем она сохраняется, чтобы по каплям раздаваться верующим; она особенно полезна для успокоения в последние часы умирающих. Лингам - это фаллический символ. Вода или молоко, освященные им, могут представлять собой прежнее использование мочи, которое, как будет показано, преобладало по всей Европе. Использование воды лингама, возможно, аналогично использованию воды омелы, о которой говорилось ранее.

Говоря о "мистериях" богини "Котитты", популярной Венеры острова Хиос, Дюлор отмечает: "Посвященные, которые жили в условиях всех этих эксцессов дебоша, использовали фаллос особым образом; они были из верры и служили вазами для кипячения". Он цитирует Ювенала, сатира 2, стих 95, который говорит о крайней свободе этих мистерий: "vitreo bibit ille Priapo." ("Des Divinités Génératrices").

Не скрывается ли в предыдущем абзаце, в строках римского сатирика, под очень пестрой вуалью грязное действо, сродни танцу с мочой у зунисов?

Фромман цитирует приведенные выше строки Ювенала, не пытаясь приступить к их объяснению. (См. "Tract. de Fascinatione", p. 333.) Преподобный Льюис Эванс, стипендиат Вадхэмского колледжа в Оксфорде, в своем издании "Ювенала" переводит их следующим образом.

"Другой осушает бокал в форме Приапа".

Но Гиффорд переводит это так:...

"Питье из огромных бокалов нескромной формы".

Монфокон говорит, что на праздниках Приапа, "отмечаемых женщинами... жрица окропляет Приапа водой" ("l'Antiquité expliquée", lib. i. part 2, с. xxviii.; в первом томе есть изображение фаллической вазы с прикрепленными человеческими ушами).

"Verser quelques gouttes sur la tête dans la bouche des agonisants." - (Dulaure, "Des. Div. Generat.", Paris, 1825, pp. 105, 106, 111.)

"В рукописи церкви Бове около 500 года говорится, что чантер и каноники должны стоять перед воротами церкви, которые были закрыты, держа каждый из них урны, полные вина со стеклянными кубками, из которых один каноник должен начинать календы января." - (Фосброк, "Британский монашество", стр. 81).

В глухих уголках Европы умные наблюдатели все еще могут наткнуться на следы религиозных обрядов, о которых упоминает Ювенал; мистер Маколей из Филадельфии, Пенсильвания, который некоторое время жил недалеко от Монако, на Ривьере, сообщает, что в этой части Италии он лично заметил такой особый обычай, а именно. В канун Рождества все члены семьи собираются полукругом вокруг костра; младший мальчик мочится на пылающее полено; затем отец берет стеклянный кубок, наполненный белым вином, и посыпает полено оливковой ветвью; наконец, все пьют из кубка, содержимое которого, как сказал мистер Маколей, несомненно, символизирует мочу.

Среди людей, живущих еще дальше на севере, такое же поклонение огню через подношение пищи и питье возлияний все еще сохраняется без каких-либо оскорбительных особенностей.

В Швеции и Норвегии "рано утром добрая жена встает, разводит огонь и печет; теперь она собирает своих слуг в полукруг перед дверью печи, все они преклоняют колени, берут по одному кусочку пирога и пьют здоровье огня; то, что осталось от пирога или напитка, бросают в огонь" (Гримм, "Teut. Mythol.", т. ii. с. 629).

"Наши немецкие *sagen* и *märchen* сохранили особенность становиться на колени перед печью и молиться ей..... Несчастные, гонимые прибегают к печи и оплакивают свою горе, они открывают ей какую-то тайну, которую не смеют открыть миру" - (Idem, p. 629.)

"У своей Коледы сербы раскуривают похлебку, натирают ее вином, размазывают по печке и восклицают: "Столько же похлебки, столько же хлеба и хлеба"" - ("Les Primitifs", Réclus, p. 111).

Сходство с обычаями Ост-Индии местами было еще более близким, чем указано выше.

Инман рассказывает о бесплодных женщинах, которые пили "приапическое вино", то есть вино, вылитое на вертикальный конический камень, изображающий лингама, а затем собранное и прокисшее (Inman, "Ancient Faiths," etc., vol. i. p. 305, article "Asher.").

То же самое утверждение можно найти в работе Харгрейва Дженнингса "Фаллицизм", Лондон, 1884, стр. 256, но, похоже, оно повторено у Инмана и Дюлора. Кэмпбелл сообщает, что "среди главных реликвий церкви в Эмбруне была статуя святого Футина. Поклонники этого идола возливали вино на его конечность, которая от этого краснела. Это вино собирали в кувшин и давали ему прокиснуть. Затем его называли "святым уксусом", и женщины использовали его в качестве лосьона для помазания йони" ("Фаллическое поклонение", Роберт Аллен Кэмпбелл, Сент-Луис, штат Монако, 1888, стр. 197).

Среди индейцев апачей Аризоны, зуни, моки и пуэбло автор видел большие куски кремня в форме стрелы или копья, которые были получены при особых обстоятельствах, считались обладающими большими достоинствами и носились на шее женщинами, как правило, теми, кто исповедовал "медицинские" способности. Фрагменты этих камней измельчали в мелкий порошок и давали женщинам во время беременности, чтобы обеспечить благополучные роды; все, что удалось узнать об этих камнях, будет изложено в другой работе; почитание этих камней, по-видимому, тесно связано с поклонением молнии. Валленси в своей "Коллекции ребусов Гибернии", № xiii. 17, говорит: "В Шотландском нагорье жрецы хранили

большой хрусталь, несколько овальной формы, чтобы накладывать на него чары; воду, вылитую на него, в наши дни дают скоту против болезней; эти камни теперь хранят самые старые и самые суеверные в стране" (Brand, "Pop. Antiq." vol. iii. p. 60, art. "Sorcerer.").

XLVII. ФАЛЛИЧЕСКИЕ СУЕВЕРИЯ ВО ФРАНЦИИ И ДРУГИХ ЧАСТЯХ ЕВРОПЫ.

Среди крестьян Ирландии в ходу некоторые доисторические наконечники стрел, которые они считают дротиками фей. "Когда предполагается, что болезнь вызвана влиянием фей, ... этот "дротик феи" ... кладут в тумблер и заливают водой, которую пациент затем выпивает, и если феи виновны в его болезни, он сразу же выздоравливает" ("Медицинская мифология Ирландии", Муни, Amer. Phil. Soc., 1887).

И подобно тому, как уже было показано, что у народов Дальнего Востока вода, вино или молоко, вылитые на лингама, носили священный характер, женщины Франции утешали себя надеждой, что дети появятся у тех, кто выпьет настой, содержащий соскобы с фаллиев, существовавший до начала французской революции в Пюи-ан-Веле, в церкви Сен-Футен, в святилище Сен-Герлишон, близ Брюгге, в святилище Гиньоль, близ Бреста; и в древней статуе Приапа в Антверпене.^[86]

XLVIII. БУРЛЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ.

Теперь возникает новая задача - исследование бурлескных пережитков обрядов и обычаев, которые больше не рассматриваются как вопросы религиозной важности.

Религия не довольствуется сохранением своих церемоний; она часто заходит так далеко, что освящает возвращение к обычаям и способам мышления, которые вышли из памяти людей; при этом часто приходится придумывать какие-то объяснения, поскольку сами иерофанты обычно не знают истинных причин своего поведения; Но чаще всего люди принимают и выполняют ритуальные предписания, не задаваясь вопросом, и даже смутно веря, что чем более архаичной может быть практика, тем более действенной она должна быть в обеспечении защиты и удачи.

Индуистский праздник Холи, Хули или Хулика, знакомый большинству читателей, был описан одним из недавних свидетелей, как он отмечался в провинциях близ Оудейпора.^[87] Процедуры характеризуются как сатурналии, сопровождаемые большой свободой и чрезмерным пьянством:

"Важность изучения народных традиций, хотя и признается учеными, еще не понята широкой публикой. Однако очевидно, что ментальные жетоны, принадлежащие к единому интеллектуальному фонду, несущие на себе печать сменяющих друг друга эпох, связывающие интеллект наших дней со всеми периодами человеческой деятельности, достойны серьезного рассмотрения. Большая часть этой освященной временем валюты

груба и бесформенна, это может быть руда, едва обозначенная штампом; но среди сокровищ нет недостатка в серебре и золоте. Американское суеверие может требовать для своего объяснения ссылки на тевтонскую мифологию, а может быть напрямую связано с философией, памятниками и искусством Эллады. Однако сейчас признано, что высшие формы могут быть постигнуты только с помощью низших форм, из которых они выросли..... Единственная по-настоящему научная привычка ума - это тот широкий и щедрый дух современных исследований, который без презрения и безразличия охватывает все аспекты человеческой мысли и стремится во всех найти целое." - (Профессор У. У. Ньюэлл, в "Журнале американских народных преданий", январь-март, 1889).

"Не слишком ли много, чтобы утверждать раз и навсегда, что бессмысленные обычаи должны быть выжившими; что они имели практическое или, по крайней мере, церемониальное намерение, когда и где они впервые возникли; но теперь впали в абсурд от того, что были продолжены в новом состоянии общества, где их первоначальный смысл был отброшен." - ("Первобытная культура", Э. Б. Тайлор, Нью-Йорк, 1874, том i. стр. 85).

"Я полагаю, что ни один обычай, который мы находим среди ранних рас, не был начат без какой-то очень веской причины, хотя те, кто его практиковал, могли давно утратить ее и даже были вынуждены изобрести новую, совершенно отличную от первоначальной, чтобы объяснить обряд, который они невежественно практикуют." - (Личное письмо от Дж.)

"Можно увидеть, как серьезные дела древнего общества погружаются в спорт последующих поколений, а его серьезные верования сохраняются в детском фольклоре, в то время как вытесненные привычки жизни старого мира могут модифицироваться в формы нового мира, все еще способные приносить добро и зло" ("Первобытная культура", Э. Б. Тайлор, Лондон, 1871, т. i. с. 15).

И снова: "Религия держится с упорством суеверия за все, что когда-либо практиковалось" ("Обычаи и мифы", Эндрю Лэнг, Нью-Йорк, 1885, стр. 241).

Более яркий свет на будущие исследования будет брошен, если рассматривать фольклор и народные обычаи, особенно народную медицину, как кристаллизацию первобытной религиозной мысли и практики.

"Вряд ли можно повторять слишком часто, поскольку это еще не получило всеобщего признания, что, несмотря на свой фрагментарный характер, народные суеверия и обычаи крестьянства являются наиболее полными и достоверными свидетельствами первобытной религии ариев, которыми мы располагаем. Действительно, первобытный ариец, во всем, что касается его ментальных волокон и текстуры, не вымер. Он находится среди нас и по сей день. Великие интеллектуальные и моральные силы, которые произвели революцию в образованном мире, почти не затронули крестьянина. В своих глубинных убеждениях он такой же, каким были его предки в те времена, когда еще росли лесные деревья, а белки играли на земле, где сейчас стоят Рим и Лондон.

"Поэтому любое исследование первобытной религии арийцев должно либо начинаться с суеверных верований и обрядов крестьянства, либо, по крайней мере, постоянно проверяться и контролироваться путем обращения к ним. По сравнению с доказательствами, предоставляемыми живой традицией, свидетельства древних книг на тему древней религии стоят очень мало. Ведь литература ускоряет развитие мысли с такой скоростью, что медленное распространение мнений из уст в уста остается на неизмеримом расстоянии позади. Два или три поколения литературы могут сделать больше для изменения мысли, чем две или три тысячи лет традиционной жизни. Но масса людей, которые не читают книг,

остаётся незатронутой ментальной революцией, произведенной литературой; так и получилось, что в Европе в настоящее время суеверные верования и обычаи, передаваемые из уст в уста, в целом гораздо более архаичны, чем религия, изображенная в древнейшей литературе арийской расы" ("Золотая ветвь", Джеймс Г. Фрейзер, М. А., Лондон, 1890, предисловие, viii, ix).

Жители Рангуна, Сиам, соблюдают особый обычай во время празднования Нового года. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый мальчик или девочка вооружены "сквирт-пушкой", из которой обливают всех людей на улице"[88].

Эллиотт, очевидно, цитируя Загоскина (русский исследователь, 1843 г.), говорит, что аляскинцы устраивают "развлечения" в "кашге". "Иногда случается, что в таких случаях любители повеселиться обрызгивают женщин маслом или жидкостью, которую они используют вместо мыла, выливая ее из маленьких пузырьков, спрятанных на их лицах, и на такие шутки никогда не обижаются" ("Our Arctic Province", Henry W. Elliott, New York, 1887, p. 392).

"С самого начала на воротах города и на главных улицах устанавливаются чучела, представляющие собой самые отвратительные непристойности.

"Войска мужчин и женщин, усыпанные цветами и пьяные в стельку, толпятся на улицах, неся мешки, наполненные ярко-красным растительным порошком. С этим порошком они атакуют прохожих, покрывая их облаками пыли, которая вскоре окрашивает их одежду в поразительный цвет. Группы людей, стоящих у окон, отвечают тем же снарядом или брызгают *из деревянных шприцов красными и желтыми струями воды на улицы внизу*".

Танцы наутч достигают апогея сладострастия, а сопровождающие их песнопения наполнены суггестивностью. Цитируемый здесь автор говорит, что Холика - это индийская Венера.

Выдающийся авторитет говорит, что "этот красный порошок (*гулал*) является признаком дурного замысла прелюбодейного характера". Во время праздников Холи Махарадж бросает *гулал* на грудь женщин и мужчин, а также направляет поток воды желтого цвета из шприца на грудь женщин" (Inman, "Ancient Faiths embodied in Ancient Names", p. 393).

Эта "желтая вода" может быть продолжением и усовершенствованием мочи. У апачей и навахо, близких соседей зуни, до недавнего времени существовал (и, возможно, до сих пор существует) танец Джошкана, в котором клоуны разбрасывают на зрителей из мочевых пузырей, намотанных на их тела, воду, которая, как говорят, представляет собой мочу.

У ацтеков существовал фестиваль, позволявший клоунам, вооруженным пузырями, наполненными красным порошком или мелкими кусочками магуэйской бумаги, прикрепленными веревками к коротким шестам, получать полную свободу действий. Этими пузырями безжалостно избивали всех пойманных на улицах людей, особенно женщин и девушек" (Sahagun, vol. ii. in Kingsborough's "Mexican Antiquities", vol. vi. p. 33, and again vol. vii. p. 83.).

В его рассказе говорится, что в семнадцатом месяце, который назывался "Тититль" и почти соответствовал нашему зимнему солнцестоянию, поскольку мексиканский год делился на восемнадцать месяцев по двадцать дней в каждом, начиная с нашего февраля, ацтекское население играло в игру под названием "нечичикавило".

Все мужчины и мальчики, желающие поиграть в эту игру, делали маленькие мешочки или сетки, наполненные пылью камыша, называемой "эспаданья", или бумагой, нарезанной

мелкими кусочками. Их прикрепляли к шнурам или лентам длиной в полметра так, чтобы ими можно было наносить удары. Другие делали эти мешки наподобие перчаток, которые набивали, как сказано выше, или листьями зеленого маиса. Никому не разрешалось под страхом наказания класть в эти мешки ни камней, ни чего-либо другого, что могло бы причинить боль.

Мальчики сразу же начали играть в эту игру, на манер мнимого сражения, ударяя друг друга по голове или куда попало. По мере того как веселье усиливалось, более озорные из мальчишек стали бить проходящих по улице юных девиц. Порой трое или четверо юношей нападали на одну девушку и били ее так сильно, что она изнемогала и плакала. Более благоразумные из девушек, переходя из пункта в пункт, носили с собой дубинку, чтобы защищаться. Некоторые мальчики прятали сумку, и когда какая-нибудь старуха неосторожно приближалась, они вдруг начинали бить ее, восклицая: "Чичикацинте манце!", что означает: "Наша мать, это сумка для игры!"[89].

Торквемада описывает это следующим образом.

"На празднике в честь богини Яматекухтли, или "главной старухи", в семнадцатом месяце мексиканского календаря все жители города сделали мешки на манер кошельков, набили их сеном, соломой и другими вещами, которые не имели веса и не причиняли вреда, и, привязав их к шнуру, носили спрятанными под плащами. Этими мешками они избивали всех женщин, которых встречали на улице"[90]- (Torquemada, "Monarchia Indiana", lib. x. cap. 29).

Он признает сходство между этой игрой и игрой в буфф со слепым человеком в других странах.

Один из авторов "Азиатских исследований" называет этот порошок на празднике Хули "пурпурным порошком" и утверждает, что он символизирует возвращение весны, которую римляне называют "пурпурной"[91].

В некоторых частях Северной Америки 1 апреля отмечается как День святого Валентина, с той разницей, что мальчикам разрешается наказывать девочек, если они считают нужным, либо словами, либо ударами (Brand, "Popular Antiquities", vol. i. p. 141, статья "April Fool's Day").

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МОЧЕВЫХ ПУЗЫРЕЙ В РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ.

Должен ли был первобытный человек, возбужденный своим ненасытным, всеядным аппетитом к богам, под влиянием которого он обожествлял ветры, воды, деревья и камни и смотрел с почтением, не далеким от набожности, на священные граали, чаши и другие атрибуты своего ритуала, связывать таинственную силу с пузырями, которые он использовал для хранения своей мочи и экскрементов, - вопрос, который сегодня никто не может определить.

Для наших арийских предков, поклонявшихся коровам, мочевые пузыри были естественным средством транспортировки жидкостей, точно так же, как они сохранились у апачей и других индейских племен Америки.

Внедренные по необходимости в религиозные обряды, они с годами, несмотря на улучшения, которые можно было бы привнести в бытовой комфорт людей в целом,

приобрели бы определенную "лекарственную" ценность, строго параллельную той, которую, как мы знаем, приобрела тыква-погремушка, к которой, в немалом числе случаев, обращались как к оракулу и поклонялись как богу[92].

Автор наблюдал ряд случаев использования сиу, апачей и других индейцев с пузырями, завязанными в волосах, в качестве "украшения" долгое время после того, как торговцы положили в доступные места стеклянные бусы, перья и другие средства украшения. Хоттентоты хранили питьевую воду в "кишках животных" (Thurnberg, in Pinkerton, vol. xvi. pp. 38, 73, 141).

О патагонцах нам сообщают, что "единственные сосуды, которые они используют для переноски воды, - это мочевые пузыри" ("Приключения и Бигль", т. i. с. 93).

Нам сообщают, что шаманы Аляски бросают в море надутые мочевые пузыри и наблюдают, как они тонут, в качестве средства гадания ("Наша арктическая провинция", Elliott, p. 393).

В некоторых частях сельской Англии даже до наших дней сохранились определенные праздники или церемонии, связанные с пахотой земли. В разных частях страны эти дни "дурака-плуга" варьировались от начала января до масленичного вторника. Они носили характер веселья, плугом управлял клоун, вооруженный пузырем, которым он подгонял свою упряжку. С этим обычаем были связаны некоторые особенности, указывающие на языческое происхождение. Клоун был одет как женщина, звучала музыка, плуг трижды водили вокруг костра, кузнец получал "точильную кукурузу" за заточку плужных ребер, и все заканчивалось пиршеством, в котором петух фигурировал как один из предметов питания. Все это навело писателя Бранда на мысль о родстве с "Компиталией" римлян и "тремя священными пахотами" афинян, а также со священной церемониальной пахотой китайцев (Brand, "Popular Antiquities", vol. i. pp. 505 et seq., статья "Fool-Ploughs").

Брюс описывает главнокомандующего абиссинской армией во время экспедиции против галласов, когда тот совершал свой туалет. "Один человек заканчивал свой головной убор, заплетая его длинными и маленькими кишками быка, которые, как я заметил, никогда не чистили" (Bruce, "Nile", vol. iv. p. 212).

Галлы Абиссинии, зарезав быка, "вешают внутренности на шею или переплетают их с волосами" (Maltebrun, "Un. Geography", Boston, 1847, vol. ii. p. 47, статья "Abyssinia").

Брюс описывает вождя галласов как имеющего "свои длинные волосы, заплетенные и переплетенные с кишками быков, и так завязанные и скрученные вместе, что невозможно было отличить волосы от кишок..... Кроме того, на шее у него висел венок из кишок, а посередине - несколько кругов из них же" ("Nile", vol. iv. p. 560).

"Их любимое украшение состоит из внутренностей их быков, которые, без излишней заботы об их очистке, заплетаются в волосы и завязываются в виде пояса вокруг талии" ("Encyc. of Geog.", Philadelphia, 1855, vol. ii. p. 588, статья "Abyssinia").

"Норвежская ведьма похвасталась, что потопила корабль, открыв мешок, в котором она заперла ветер. Улисс получил ветры в кожаном мешке от Эола, царя ветров" ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 27.).

Рассмотрение только что приведенных примеров, а также примеров, представленных в разделе "Лечение пересадкой", покажет, что мочевые пузыри использовались вместо столь же доступного и удобного материала, и что, если замена производилась, она всегда осуществлялась рогом или стеклом, прозрачным, как перила, которые, несомненно, должны были напоминать его. Бог Крепит, как мы уже показали, символизировался в виде раздутого пузыря. Клоуны современных цирков вооружены мочевыми пузырями, но почему, пока не смог объяснить ни один антиквар.

Бранд ("Popular Antiquities", vol. i. p. 261 *et seq.*, статья "Дураки") не содержит никакой информации на этот счет.

Использование мочевого пузыря можно отметить в праздниках инуитов. "Après un superbe vacarme, ils suspendent à des cordes une centaine des vessies, prises à des animaux tous tués à coups de flèche."-("Les Primitifs", Réclus, p. 110, "Les Inuits Occidentaux.")

Объяснение, данное Рекулем, следующее: "Нужно ли объяснять, что веси, отблескивающие пламенем, символизируют суфле наступающего дня?... А может быть, они символизируют жизненный дух, который присутствует в нарине?" (Idem.)

Достаточно указать на тщательность отбора пузырей: не всякий пузырь подойдет, а только те, что принадлежат животным, убитым стрелами.

XLIX. ПОКЛОНЕНИЕ ПЕТУХАМ И КУРАМ.

В этот том были включены только те материалы, которые *prima facie* могли считаться имеющими право на вступление; была предпринята величайшая осторожность, чтобы избежать искажения или искажения авторитетов, и было исключено многое, что могло бы быть представлено без риска быть обвиненным в несправедливости.

Например, такой древний авторитет, как Джон де Лаэт, обращает внимание на широкое распространение опьянения и разврата среди индейцев Векстипы, близ Мексики, которые в дни праздников имели древний обычай напиваться как звери и совершать огромные бесчинства[93]. Подобным образом первые миссионеры в Канаде жаловались на жестокие оргии туземцев, в которых под покровом темноты и суеверий совершались деяния, которые перо не смеет описать. О них сохранились многочисленные упоминания в иезуитских записках, а также в точных и интересных американских трактатах, во многом зависящих от них.[94] Однако более вероятно, что сатурналии гуронов и алгонкинов были, в общем, сценами распутного разврата.

Можно привести только два авторитета, отцов Ле Жена и Сагарда, которые упоминают об использовании человеческой мочи или ордура под духовным руководством; все остальные делают вывод, что вакханалия, за которой они наблюдали с неохотой и отвращением, не имела никакой другой особенности, кроме безудержного полового акта.

Трудно найти лучший пример стойкости суеверий, чем тот, который приводится в выдержке из "Ивнинг Стар" из Вашингтона, округ Колумбия, и который существует у нас под носом.

"ЛЮБОПЫТНОЕ ВЕНГЕРСКОЕ СУЕВЕРИЕ.

Корреспондент "Филадельфийской прессы" из Поттсвилля, штат Пенсильвания, рассказывает о любопытной сцене, свидетелем которой он стал в венгерском квартале. Несколько детей бегали вокруг босых ног и били по жестяным сковородкам и коробкам. В центре круга, который они описывали, лежал живой младенец, зарытый по шею в холодную землю, а вокруг его горла была намотана шаль для защиты. Стало известно, что в таком необычном положении младенца поместили для того, чтобы вылечить его от кожной болезни, причем гунны питали ту же веру в целебные свойства матери-земли, которая характерна для многих дикарских племен.

"Пока ребенок испытывал на себе целебные свойства земли, насыпанной вокруг его тела, мальчики били по кастрюлям, чтобы отпугнуть злого духа, вызвавшего болезнь".

Ретроспективный взгляд на длинный список собранных средств от экскрементов показывает, что и болезнь, которую нужно было лечить, и средство, с помощью которого должно было происходить излечение, считались совершенно неподвластными человеческой науке. Даже в тех случаях, когда назначались лекарства, чистые и простые, как мы их сейчас понимаем, к ним добавлялись таинственные мумие и церемонии, первые остатки былой власти знахаря. Так, преступников лечили, очертив вокруг них круг костью мертвеца; но круг, как мы должны помнить, был в первую очередь линией магии[95].

Зубы носили как амулеты или давали в качестве лекарства при болезнях, но было важно, чтобы они были извлечены из челюсти до погребения тела; или чтобы они были первыми, выпавшими у ребенка; чтобы они принадлежали человеку, умершему насильственной смертью; или чтобы они были пойманы до того, как коснутся земли.

Если их нельзя было использовать сразу, их не носили с собой, а закапывали в кору дерева.

Череп мужчины был средством только от мужских болезней; череп женщины - от женских.

Существовали комбинации чисел; ни одно лекарство нельзя было принимать четное число раз; цвета[96], основанные на доктрине сигнатур, которая, среди прочего, учила, что красные лекарства лечат красные болезни, а подкрашенные шафраном - желтушные. Существовали железные формулы сбора лекарственных растений, в которых строго указывался час дня, время года, возраст луны, положение планет, рука, которой следует ошипывать, и тишина, которую следует соблюдать, - все это тщательно прививалось и предписывалось.

Существовали чары и контрчары, такие как Dea-soil и Badershin друидов, в которых одно и то же магическое заклинание, используемое в разных манерах, то есть идущее вместе с солнцем или против него, приводило к противоположным результатам.

Следы всех этих суеверных представлений следует искать в тесной связи с применением экскрементальных лечебных средств или заклинаний, в которых фигурируют такие средства.

Метод лечения недержания мочи путем мочеиспускания в собачью конуру, вероятно, относится к классу друидических бадершинов или видершинов, к которым также можно было бы отнести, если бы мы знали о них больше, очень древнюю и широко распространенную чару или талисман, "Diabolus effodiat" и т. д.

Так, при использовании львиного помета рекомендовалось, чтобы он принадлежал львице, которая принесла потомство; и, продолжая тему, мы находим помет черных коров, помет

быков и коров, "собранный в мае", "воду из коровьего помета, собранную в мае и июне" и т. д., специально предписываемые при составлении рецептов.

Вопросы, представляющие глубочайший интерес, всплывают, как сорняки, по мере того как мы вновь изучаем наш текст. Невозможно перечислить все из них или превратить эти заметки в изыскания по религиозно-медицинской ботанике; один или два, однако, будут названы. Почему гиосциамус (хенбан) добавляли в человеческий ордур и человеческую мочу для уничтожения колдовства? Потому ли, что это растение способно убить куриного бога, священного для многих европейских народов, которого до сих пор можно увидеть на шпилях наших церквей? Был ли куриный бог, или, выражаясь современным языком, бог, символом которого была курица, дружелюбен к ведьмам? Будучи одним из главных божеств вытесненного культа, он обязательно должен был быть силой или одной из сил, к которым обращались ведьмы - тайные приверженцы старого порядка духовных вещей.

Опять же, мы читаем, что при лечении околдованных их конечности купали в собственной моче; к ней, как говорит Фромманн, одни добавляли ассафетиду, другие - чеснок; но ассафетида называлась "merde du Diable". ("Bib. Scat." p. 128.) Была ли эта фекальная камедь священна для какого-то бога, и был ли этот навозный бог, или навозные боги вообще, теми силами, к которым следовало обращаться, чтобы свести на нет нападения ведьм?

В наших цитатах мы показали, что, по мнению старых авторов, ничто не могло сравниться с человеческой мочой в борьбе с ведьмами, а Лютер, по его словам, считал, что сатана в ужасе бежит от человеческого метеоризма.

Это убеждение было перенесено на американскую почву немецкими иммигрантами, поселившимися в штате Пенсильвания.

Хоффман рассказывает о "шарлатане", который дал доверчивому пациенту "некоторые чары и мерзко пахнущие травы, которые он должен был сжечь в своем доме, чтобы изгнать зло и удалить посетителя" (т.е. духа, который беспокоил пациента).

Заметной особенностью перечня животных является отсутствие тех, которые принадлежат к фауне Нового Света; нет упоминания об экскрементах индейки, птицы, неизвестной народам, мигрирующим в Европу; Зато здесь можно найти названия почти всех птиц и зверей, известных египетской, греческой, римской, кельтской и тевтонской расам, за некоторыми заметными исключениями; нет упоминаний о выделениях медведя, лебедя, крапивника, попугая и некоторых других; для удобства приводим полный список, содержащийся в этой работе: Заяц, верблюд, коза, дикая коза, бык, корова и теленок, волк, курица, цыплята и петух, кабан, дикий и ручной, лошадь, осел, бегемот, рысь, барсук, кукушка, ласточка, кошка, ястреб, мышь, павлин, голубь, домашний, лесной голубь, голубь-черепаша, ворон, воробей, еж, собака, кольчатая горлица, мул, ласка, аист, гриф, крокодил, скворец, орел, сова, слон, гусь, ящерица, крыса, утка, лайка, хамелеон, перепел, коршун, кролик, олень, сорока, ворона, обезьяна, гиена, северный олень, лисица, лев, леопард.

При более внимательном рассмотрении можно обнаружить, что предписанные ордура и моча не должны были браться без разбора от каждого животного, но каждое из них было назначено как средство, соответствующее какому-то особому физическому расстройству.

К сожалению, современные знания в области медицины, ботаники, минералогии, химии и агиологии древних не настолько глубоки, чтобы мы могли с уверенностью, оправданной подозрениями, которые порождает внимательное изучение этого вопроса, утверждать, что помет или моча определенного животного были наиболее подходящими для смягчения мук

болезни, связанной с оскорбленным достоинством божества, представителем или символом которого являлось конкретное животное; Но факт, заслуживающий тщательного изучения, заключается в том, что такая связь безошибочно указывается в ряде случаев.

Плиний говорит, что козий помет можно с пользой применять к язвам на половых органах. Не был ли козел священным для Пана (то есть не был ли сам Пан, в первобытные времена, обожествленным козлом)? И не был ли Пан тем богом, которому при определенных обстоятельствах доверялись половые органы?

Когда ноги путешественников покрывались мозолями, их омывали мочой ослов. Считался ли осел, носильщик ноши, в какое-либо время или в каком-либо месте под властью римлян богом путешественников? Фосброк говорит: "Осел нес утварь и статуи при жертвоприношениях Кибеле и при рождении Вакха, бога-новорожденного, но его приносили в жертву только Марсу или Приапу" ("Энциклопедия древностей", Лондон, 1843, т. ii. с. 1009).

Плиний также прописывал навоз ослов при проблемах с маткой - явное признание приапической ассоциации этого животного.

Навоз бегемота давали как средство от лихорадки и агонии. Этот чудовищный пахидерма живет в болотах, которые являются очагами малярии. По ошибочной аналогии этому животному приписывают происхождение болезни, которой всегда страшатся обитатели его логова.

Не желая вступать в ненужные споры о значении терминов, представляется вполне разумным утверждать, что большинство божеств язычества были зооморфными до того, как растущий интеллект человека антропоморфировал их и низвел животное сначала до подчиненного положения головы или конечностей бога, а затем до еще более вспомогательного - быть просто спутником или символом.

Считать животное богом, посланником, сопровождающим, спутником или представителем этого бога; приносить его в жертву этому божеству, а затем ограничивать жертвоприношение только частью животного, такой как его рога, копыта, экскременты, - все это звенья одной и той же психорелигиозной цепи рассуждений.

Миссис Фанни Д. Берген проникательно замечает: "Кажется, есть все основания полагать, что для поиска истоков популярного заблуждения о целебных свойствах выделений некоторых животных мы должны изучить мифологию наших давних арийских предков". И снова: "Часто случалось, что вещества, а также церемонии, которые первоначально имели религиозное значение, в более поздние века превращались в выдуманные лекарства от болезней; поэтому более чем вероятно, что использование экскрементов животных в качестве лекарств среди менее разумных классов Европы, как в более ранние, так и в более поздние времена, а также в нашем новейшем ответвлении от индоевропейского ствола, является выживанием раннего арийского религиозного соблюдения." ("Animal and Plant Lore," in Popular Science Monthly, New York, September, 1888.)

"Car, dans la conception vraiment orthodoxe du sacrifice, l'hostie, qu'elle soit homme, femme ou vierge, agneau ou génisse, coq ou colombe, représente la divinité elle-même."-("Les Primitifs," Réclus, p. 366.)

"Наше общее невежество в отношении народных суеверий и обычаев древних уже признано" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. i. с. 363).

"Замечания Фрэзера представляют собой очень интересное чтение в поддержку теории зоотеистической аптеки. Он не только показывает, что животные, перечисленные в этой главе, были божествами, отвечающими за кукурузу, рожь и другие злаки, но и то, что к ним прибегали для лечения ран, болей и боли, которые случались у жнецов во время сбора урожая. В одном случае кошку, которую выводят в поле, заставляют зализывать раны рабочих; в другом - козу, которую украшают лентами, а затем с большой церемонией убивают и съедают в конце жатвы, превращают в плащ, который фермер должен накинуть на плечи во время сбора урожая... Если же у жнеца болит спина, фермер дает ему козью шкуру, чтобы он ее носил" (Idem, vol. ii. p. 16.).

"Среди животных, чьи формы, как предполагается, принимает дух кукурузы, - волк, собака, заяц, петух, гусь, кошка, коза, корова (бык), бык, свинья и лошадь". (Idem, vol. ii. p. 1.) "Другие формы животных, принимаемые духом кукурузы, - это олень, косуля, овца, медведь, осел, лиса, мышь, аист, лебедь и коршун" (Idem, vol. ii. p. 33.).

Здесь мы имеем почти весь наш список животных, и экскременты каждого из них использовались и используются в рецептах народной медицины, за исключением экскрементов медведя и лебедя.

"Помня, что в европейском фольклоре свинья является обычным воплощением духа кукурузы, мы можем спросить: не может ли свинья, которая была так тесно связана с Деметрой, быть ничем иным, как самой богиней в животном обличье? Свинья была для нее священна; в искусстве ее изображали несущей или сопровождающей свинью; свинью регулярно приносили в жертву в ее мистериях, объясняя это тем, что свинья вредит кукурузе, а значит, является врагом богини. Но после того, как животное было задумано как бог, или бог как животное, иногда случается, как мы видели, что бог сбрасывает свою животную форму и становится чисто антропоморфным; и тогда животное, которое сначала было убито в образе бога, становится жертвой, принесенной богу, на основании его враждебности к божеству; короче говоря, бог приносится в жертву самому себе, на основании того, что он сам себе враг..... По мере того как люди выходят из дикости, тенденция к антропоморфизации или очеловечиванию своих божеств набирает силу" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. I. с. 360).

"Человек мог свободно есть то, что считалось воплощением бога другого человека, но воплощение своего собственного конкретного бога он считал смертью, чтобы ранить или съесть. Предполагалось, что бог отомстит за оскорбление, поселившись в теле этого человека и заставив там вырабатываться то самое, что он съел, пока это не приведет к смерти" ("Samoa," Turner, p. 17.).

"Бараном был сам Аммон. На памятниках, правда, Аммон предстает в получеловеческом облике, с телом человека и головой барана. Но это лишь показывает, что он находился в обычном состоянии куколки, через которое регулярно проходят боги-звери, прежде чем стать полноценными антропоморфными богами" ("The Golden Bough", Frazer, vol. ii. p. 93.).

"У каждого бога есть свое любимое животное, которое посвящено ему и служит ему посланником" ("Фетишизм", Боден, с. 68).

Написать то, что можно назвать агиологией жизни животных, как это было известно древним, было бы невозможно. Наши знания слишком фрагментарны и слишком запутаны из-за неразрывного смешения идей различных рас и культов, вызванного завоеваниями и подрывом Римской империи, когда победитель и побежденный взаимно обменивались богами или добавляли к атрибутам божеств победителя атрибуты побежденного.

Религия в последние годы существования Римской империи представляла собой калейдоскопическую мешанину из догматов и ритуалов многих рас, перенимавших, не заботясь о полном понимании, все, что поражало воображение в религии их соседей.

Поэтому невозможно доказать то, что на первый взгляд кажется легкой задачей, - что выделения какого-либо конкретного животного применялись для лечения болезней, над которыми стоял на страже бог, которому это животное было приписано. Мы не совсем лишены света в этом вопросе - достаточно, чтобы обнаружить, что ни одно животное не было настолько незначительным, чтобы быть абсолютно лишенным обожания, но недостаточно ясно, чтобы точно определить, какие функции выполнял каждый четвероногий или птичий бог.

"Изображение дьявола в виде козла уходит корнями в далекую древность. Что могло дать ему столь бурный рост среди еретиков и ведьм? Все ведьмы представляют себе своего хозяина в виде черного козла, которому на праздниках они воздают божественные почести; и наоборот, белый козел искупил и победил дьявольское влияние..... В клятвах и проклятиях пятнадцатого и шестнадцатого веков козел подражает истинному богу". (Гримм, "Тевтонская мифология", т. iii. с. 395.) "Дьявол, уходя в отставку, вынужден не замечать, что его нога видна". (Idem, p. 994.) "Кобольд (лошадиный змей) также имеет лошадиную ногу..... Для водного спрута вся или половина фигуры лошади является атрибутом..... Поэтому лошадей приносят в жертву рекам..... Британский демон Грант ... явил себя в виде жеребенка.... Локи превратился в кобылу.... Дьявол появляется в виде лошади в историях Зенона и брата Рауша..... В легендах черные кони уносят проклятых.... Рядом с козлом ... кабан - дьявольское животное". (Idem, pp. 994-996.) "Волком, отслеживающим души, дьявол был уже у отцов". (Idem, p. 996.) "Клыкастая форма дьявола поддерживается многими авторитетами". (Idem, p. 996.) "Среди птиц на первом месте стоит ворон, чей облик любит принимать дьявол". (Idem, p. 997.) "В течение последних нескольких столетий только я нахожу стервятника, которого выдают за дьявола..... Еще чаще - кукушку". (Idem, p. 997.) "Другая птица, чья фигура принимается за дьявола, - это петух". (Idem, p. 997), "Когда оленей-жуков и жуков-навозников принимают за дьяволов, ... это дает уверенность в языческой точке зрения." - (p. 999.)

"В Норвегии ягнята и дети, в основном черные, приносились в жертву водяному спруту" (Idem, p. 1009.).

"Это естественный и хорошо известный факт, что боги одного народа становятся дьяволами своих завоевателей или преемников" (Black, "Folk-Medicine", p. 12).

Гладиаторы носили верблюжий помет в качестве амулета; нет ничего маловероятного в том, что для кочевников-бедуинов "корабль пустыни" был богом стойкости.

Фосброк говорит, что это был "символ Аравии" ("Antiquities", p. 1011).

Священность домашнего скота в Индии и других странах слишком хорошо известна, чтобы о ней упоминать; так же как и священность крокодила в некоторых районах Древнего Египта.

Заяц был священным в Китае, и сегодня он так же священен для некоторых племен американских индейцев, как и для бриттов, когда Боадия достала одного из своей груди, чтобы посоветоваться с ним в качестве предзнаменования перед тем, как вступить в бой с римскими легионами.

Кролик и заяц изображались на древних испанских монетах (Fosbroke, "Antiquities", vol. ii. p. 1022).

Помет ястребов, орлов и грифов использовался для изгнания плода из утробы матери. Возможно, это происходило по принципу *similia similibus*, поскольку эти хищные птицы вырывали птенцов других птиц из гнезд и пожирали их. Однако орлу поклонялись римляне, персы и вавилоняне, на чьих штандартах он восседал (см. Фосброк, "Древности", т. ii, с. 1024, 1025, статья "Орел").

"Это был общий символ Юпитера" (Idem.).

Кошка была символом лунной богини у египтян, как и у многих других народов.

Собака была священна для Меркурия как покровитель пастухов.- (Idem, p. 1012.)

Голубь, как известно, был одним из символов Венеры.

Голубю также поклонялись ассирийцы.

Аист "сопровождает сыновнюю набожность... на монетах" (Idem, vol. i. p. 215).

Ласточка была эмблемой Исиды" (Idem, p. 216.).

Древние бритты, англичане до наших дней, древние римляне, венгры, шотландцы и многие другие народы извлекали предзнаменования из пересечения зайцем пути человека. О королеве Боадичее рассказывают, что перед сражением с римлянами она достала из своей груди зайца, которого выпустила, и по его беготне жрецы сделали предсказание, что успех будет сопутствовать ей.

Плиний говорит: "Должно быть, есть что-то в общем убеждении, что после встречи с зайцем человек становится красивым на девять дней" ("Saxon Leechdoms", vol. i. p. 14.).

"Солнце представлялось персами в виде льва, которого они называли Митрой; его жрецов называли львами, а жриц - гиенами" (Fosbroke, "Antiquities", vol. ii. p. 1020).

Гиена, по словам Плиния, была особенно "магическим" животным" (Lib. xxviii.).

Обезьяны "поклонялись в Египте, а теперь в Индии" (Fosbroke, "Antiquities", vol. ii. p. 1008).

"Греки из Пифсекузы поклонялись этому животному" (обезьяны).- (Idem, p. 1020.)

Волк. "Евреи почитали это животное" (Idem, p. 1023.).

Волк был "посвящен Аполлону" (Idem.).

Древнее поверье по всей Европе гласило, что это к счастью, если дорогу пересекает волк. Это соответствует представлениям апачей о медведе. (См. Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 202, статья "Hare, Wolf, or Sow").

Ирландское почитание волка хорошо известно.

Рысь "сопровождала Бахуса" (Фосброк, "Древности", т. ii. с. 1020).

Свинья "приносилась в жертву в Элевсинских мистериях" (Idem, p. 1021.).

Корова у египтян "была символом Венеры" (Idem, p. 1011).

Слон был "свойственен машинам Вакха" (Idem, p. 1014).

Козел. "Маймонид говорит... что Забии поклонялись демонам в образе козлов" (Idem, vol. ii. p. 1015).

"Кони были посвящены солнцу" (Idem, p. 1016).

Ворон, "древний символ Венеры", был "вытеснен совой" (Idem, p. 1024).

Петух был "символом мужества, ... посвящался Марсу; также Минерве, Беллоне, Меркурию, Эскулапу" (Idem, p. 1029).

На Капитолийском холме держали стаю гусей в память о том, что они спасли Рим, - история, которая, как можно с уверенностью сказать, не имела под собой никаких оснований.

Ворон "был прапорщиком датчан" (Idem, p. 1030).

"Он так почитаем (лиса), что ни одно место в манчжурском храме не является для него слишком высоким" (H. E. M. James, "The Long White Mountain", London, 1888, p. 190).

"Змею также очень боятся и поклоняются ей, как и зайцу" (Idem, p. 192).

Павлин был священным для Юноны, чья машина была запряжена этими птицами. Плиний говорит, что павлин, по слухам, глотает свои экскременты, как бы завидуя человеку в обладании столь ценным сокровищем. Когда помет павлина применяли при эпилепсии, головокружении и т. д., лекарство нужно было принимать от новолуния до полнолуния. Юнона была лунным божеством.

"В Европе существовал древний и широко распространенный обычай давать этим трем (медведю, волку и лисе) почетные имена" (Гримм, "Тевтонская мифология", т. ii. с. 667).

"Цыгане называют медведя "vieux" или "grand-père"" (Idem, сноска, цитирует "Собор Парижской Богоматери" Виктора Гюго).

Кровь зайца считалась одним из лучших средств от эризипелаза и кровохарканья, и это благодаря некой "симпатической силе". Полотенце, смоченное в заячьей крови и высушенное, хранилось для прикосновения к больному эпилепсией. (См. фон Гельмонт, "Оротрика", английский перевод, Лондон, 1662, стр. 114, 475).

Остаики Сибири "считают священным дерево, на котором один аигл совершил свой понт много лет назад; и они также очень дорожат этим аиглом. Они не могут поступить с ними более жестоко, чем если бы они загрызли эту сову или разрушили ее гнездо" ("Путешествия Палласа", т. iv. стр. 81, 82).

Само название совы (*googue*) абиссинцы считали несчастливым для использования в качестве сторожевого слова, хотя нам говорят, что оно использовалось.

О том, что вера в зловещий характер ночного улюлюканья совы преобладала по всей Европе, особенно среди римлян, в период их величайшей цивилизации, и что это легкое верие передалось почти до наших дней, см. в Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 206 *et seq.*, статья "Owl". Он цитирует Суетония, Плиния, Овидия, Лукана, Клавдия и различных старых английских авторов: "The crying of the owle by night betokeneth deathe, as divinours conjecte and deme," and

"Когда на верхушках дымоходов квакают вороны.

Тогда уж точно услышишь ты простуду".

В Египте "говорят, что в каком бы доме ни умерла кошка, все члены семьи брили брови" (Idem, vol. iii. p. 38, статья "Колдовство").

"В самый ранний период лошадь, похоже, была любимым животным для жертвоприношений" ("Teut. Mythol.", Grimm, vol. i. p. 47).

У римлян ворон всегда был птицей дурного предзнаменования (см. Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 213, статья "The Crow").

Римские маги утверждали, "что сердце рогатой совы, приложенное к левой груди женщины, пока она спит, заставит ее раскрыть все свои тайные мысли..... Лица, имеющие его при себе в бою, непременно проявят доблесть"; но "видеть саму птицу было зловеще" (Плиний, lib. xxix, c. 26.).

Крокодил, по-видимому, занимает на Борнео то место, которое в других местах обычно занимает змея; хотя мы знаем, что в Центральной Америке почитался аллигатор, а вдоль Нила во многих районах - крокодил (см. Bock's "Head-Hunters of Borneo", London, 1881, passim).

"Заяц, который разделяет с кошкой репутацию знакомого ведьм, естественно, имеет некоторые приписываемые ему достоинства. Так, в Нортгемптоншире и вообще по всей Англии распространено поверье, что правая передняя лапа, которую носят в кармане, безошибочно избавит от ревматизма". ("Народная медицина", Блэк, с. 154.) Китайцы говорят, что заяц сидит у подножия дерева кассии при луне и выколачивает из него снадобья, из которых составляется эликсир бессмертия. В поэме Ту-фу, барда из династии Т'анг, воспевается слава этого зайца, -...

"Лягушка не утонула в реке;

Лекарственный заяц живет вечно".

"Говорят, что дьявольский знак иногда напоминает отпечаток заячьей лапы. В Ирландии считалось, что если увидеть зайца, то у будущего ребенка появятся заячьи губы; и в качестве талисмана женщине, которая, к несчастью, увидела зайца, рекомендовали немедленно сделать небольшую прореху в какой-нибудь части своего платья."(Idem, p. 155.)

"Считается крайне несчастливым, говорит Гроуз, убить сверчка, божью коровку, ласточку, мартину, малиновку или крапивника, - возможно, из соображений, что это нарушение гостеприимства, поскольку все эти птицы и насекомые в равной степени находят приют в наших домах..... Люди, убивающие любую из вышеупомянутых птиц или насекомых или разоряющие их гнезда, непременно в течение года сломают себе кость или встретятся с каким-нибудь другим ужасным несчастьем..... Напротив, считалось удачей, если куницы или ласточки строили свои гнезда на карнизах домов или в дымоходах..... Считалось, что уничтожать ласточек - несчастливая примета, вероятно, языческий пережиток. Мы читаем у Элиана, что эти птицы были священны для пенатов или домашних богов древних, и поэтому их берегли. В древности их почитали как предвестников весны. Говорят, что у родосцев была торжественная юбилейная песня, посвященная прилету ласточки. Хорошо известна ода Анакреона, посвященная этой птице". Бранд также упоминает о до сих пор сохранившихся приметах, связанных с ласточкой, таких как "ласточка, падающая в дымоход", и других ("Popular Antiquities", vol. iii. p. 193).

ИСПАНО-АМЕРИКАНСКИЙ СПОРТ "CORRER EL GALLO" И АНГЛИЙСКАЯ ЗАБАВА "МЕТАНИЕ В ПЕТУХОВ".

Испанцы привезли с собой в Новый Свет жестокий вид спорта, который заключался в том, что они закапывали петуха или курицу в землю по самую шею, а затем позволяли деревенским молодым людям садиться на лошадей и на полной скорости мчаться на несчастную птицу, спускаться с седла и пытаться схватить ее и свернуть ей шею. Этот вид спорта (увиденный автором в индейском пуэбло Санто-Доминго, штат Нью-Мексико, в 1881 году и описанный им в "Змеином танце моки"), очевидно, является искаженной формой жертвоприношения куриному божеству, которое можно обнаружить во многих частях Европы, всегда под видом жестокого спорта.

В Англии была модификация. Гуся подвешивали за ноги, а затем жители деревни подбегали и пытались схватить его за голову, которую в конце концов отрывали. Была еще одна забава из той же серии, когда кошку сажали в бочку, а потом эту бочку били на куски (см. Brand, "Popular Antiquities", vol. iii. p. 40, статья "Sorcery").

Была и другая английская забава, "метание в петухов", во многом схожая по характеру. - (См. idem, vol. i. p. 101, статья "Ash-Wednesday", и p. 72, статья "Shrove-Tuesday").

Гримм описывает "языческий обычай привязывать петухов к вершушкам священных деревьев", который был распространен в Европе в языческие времена. "Венды воздвигали крестовые деревья, но, оставаясь в глубине души язычниками, они ухитрялись прикреплять на самой вершине столбов петуха" (Гримм, "Тевтонская мифология", Лондон, т. ii. с. 672).

"В некоторых частях Германии, Венгрии, Польши и Пикардии жнецы кладут живого петуха в кукурузу, которую должны срезать последней, и гоняют его по полю или закапывают по шею в землю; затем они отрубают ему шею серпом или косой" ("The Golden Bough", Frazer, vol. ii. p. 9). Он приводит и другие примеры из Вестфалии, Трансильвании и т. д.).

См. также Grose, "Dictionary of Buckish Slang", London, 1811, статья "Goose Riding", в которой говорится, что эта игра практиковалась "в Дербишире на памяти ныне живущих людей".

СКАРАБЕЙ ИЗ ЕГИПТА.

Радикальное расхождение во мнениях ученых относительно оснований почитания скарабея жителями дельты Нила вызывает большое недоумение; не удастся найти двух авторов, которые бы согласились в этом вопросе.

В отсутствие каких-либо данных, которые можно было бы считать убедительными, не стоит ограничиваться лишь упоминанием того факта, что это был жук-навозник, к которому проявлялось обожание, и, возможно, потому, что он ассоциировал себя с материалом, столь тесно связанным с живым организмом.

Жук-навозник - "скарабей... носимый как амулет для лечения лихорадки" (Плиний, lib. xxx. cap. 30).

См. также "Saxon Leechdoms", vol. i. p. 16, в котором цитируется предыдущий абзац из Плиния.

"Для египтян жук (скарабей) был священным, являясь эмблемой внутренней жизни и таинственного самозарождения. Они верили, что он происходит из материи, которую он скатывал в шарики и закапывал в навоз" (Grimm, "Teut. Mythol.", vol. ii. p. 692).

"Тебайский жук, первое животное, которое видят живым после того, как Нил уходит с суши". Брюс считает, что скарабей был символом "земли, которая была переполнена и с которой вода вскоре ушла, и не имеет ничего общего с воскресением или бессмертием, о которых в то время не думали" ("Нил", Брюс, Дублин, 1790, т. i. стр. 129).

Сэр Сэмюэл Бейкер говорит: "Он появляется вскоре после начала сезона дождей, и его труды продолжаются до прекращения дождей, после чего он исчезает. Разве не поклонялись ему древние как предвестнику высокого Нила?" ("Альберт Ньянза", стр. 240, 241).

"On sait que l'escarbot ou fouille-merde, qui naît dedans et qui s'en nourrit, était pour les Égyptiens l'image du monde, du soleil, d'Isis, d'Osiris."-("Bib. Scat.", pp. 1 и 2, цитируя Плиния, lib. xxx. cap. 11; lib. ii. cap. 30; Kircher, Prodrom. Egypt. cap. ult.).

По словам леди Уайлд, крестьяне Ирландии не убивали этого жука. См. ее книгу, стр. 175.

Ученые поймут, что представленные замечания о почитании всех этих животных были сделаны лишь для облегчения памяти при рассмотрении этого вопроса, а не для того, чтобы полностью охватить все, что можно было бы сказать по этому поводу.

L. СТОЙКОСТЬ СРЕДСТВ ОТ СКВЕРНЫ

Еще одна особенность, заслуживающая внимания, - это постоянство, с которым одни и те же средства сохранялись на протяжении веков; от Гиппократов, возможно, от Плиния до Секста Пластины, затем до "Саксонских пиявок" и далее до авторитетов, подготовленных сразу после открытия книгопечатания, передаются одни и те же рецепты для лечения одних и тех же болезней.

Араб Авиценна, несомненно, черпал вдохновение для своих знаний из бьющих фонтанов латино-христианской цивилизации.

ЭПИЛЕПСИЯ.

Навоз павлина был одним из излюбленных рецептов для облегчения эпилепсии, болезни настолько божественного происхождения, что римляне называли ее "божественной болезнью"^[98] (Morbus sacer).

Эпилепсию также называли "комиционной болезнью", потому что, по мнению различных авторитетов, с которыми можно ознакомиться, в тот момент, когда на римлянина нападала эпилепсия, "комиции", если они заседали, распускались. Комиции... были собраниями кланов для обсуждения таких важных вопросов, как назначение судей и т. д."^[99] Что именно происходило потом, нам неизвестно; скорее всего, собравшиеся кланы посвящали себя мольбам к богам смилостивиться над пострадавшим родственником. Не исключено, что в

ранние времена больного приносили в жертву, чтобы утихомирить гнев божества, наложившего наказание, или болезнь, как мы ее обозначаем. По крайней мере, это единственный рациональный вывод, который можно сделать из действий, предпринятых с одеждой, которую носили во время припадка, и экскрементов, выводимых в то же время, которые, как мы видели, сжигались, - напоминание о более ранней практике, когда такая участь постигала саму жертву.

Однако мы видим, что вера в перенос или пересадку была одним из основополагающих принципов всей медицинской практики в древние и средневековые времена; и, обратившись к приведенным примерам, можно заметить, что особое внимание уделялось использованию обрезков волос или ногтей пациента, его мочи, мокроты или, в более редких случаях, его слюны или пота; Их помещали в яичную скорлупу и закапывали в муравейниках, бросали в рыбные пруды, отдавали собакам или курам или выбрасывали на перекрестках дорог в надежде, что какой-нибудь путник, движимый любопытством, подберет странный пакет и вместе с ним заберет болезнь у первоначального страдальца.

Считалось, что все болезни - это наказание, наносимое разгневанными богами, поэтому все лекарства изначально были амулетами, то есть жертвоприношениями, призванными умиловить оскорбленных духов или обеспечить вмешательство еще более могущественных богов, которые должны свести на нет злую работу несовершеннолетнего. Иногда используемые чары безошибочно указывают на существование человеческих жертвоприношений; дрожащей жертве приказывали принести в жертву себя или кого-то из своих домочадцев. Но, исходя из принципа, что часть представляет собой целое, другими словами, что фактическое жертвоприношение может быть отложено в обмен на предоставление залога, такой залог предлагался в виде волос, ногтей, кожи, крови, экскрементов, слюны или лоскутов одежды, принадлежащей заинтересованному почитателю, предполагая, конечно, что умиловленное божество может в будущем настоять на выполнении договора или завершении жертвоприношения, которое гарантировал залог.

Поэтому, когда при "симпатическом" лечении мы видим, что человеческие экскременты, экскременты и т.д. бросаются в пруды, мы можем без труда заключить, что рыбы или водные боги, принимая жертву, принимали жертву, как символ, и, будучи умиротворенными, забирали себе болезнь, которую они причинили в своем гневе.

Тот же принцип лежит в основе, когда такие "амулеты", как мы их правильно называем, вешали на деревья, камни или вокруг священных колодцев; это были духи-хранители тех мест, которые были оскорблены и должны были быть успокоены "карменом" или заклинательной одой, которая была неотъемлемым дополнением всех таких вотивных подношений, - откуда и происходит наше собственное слово "амулет"^[100].

Если амулет бросали собаке или клали в поле, где на нем мог пастись крупный рогатый скот, лошади, овцы или дикие звери, то умиловляли бога животных; если же его просто выбрасывали на дорогу или, что еще лучше, на перекресток, то "земные духи" или какие-то гоблины, не определенные точно, по мнению жертвователя, были виновниками его недуга.

Подвешивание этих амулетов в дымоходе собственного дома было, очевидно, обращением к духам клана или семьи с просьбой отвести гнев от страдающего родственника или поспешить ему на помощь. Если смотреть на это с другой стороны, то "чары", которые нам кажутся такими тривиальными, тряпки, клочки волос и т. д., в сознании того, кто их подносил, могли быть подношениями самого священного характера.

LI.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИЧИН ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОЧИ В МЕДИЦИНЕ И РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ.

ПОКЛОНЕНИЕ ПРЕДКАМ.- ПОКЛОНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ.- ВЕЛИКИЙ ЛАМА.

"Homo est medicus, et ex homine medicina paratur", - говорит Флемминг в своем "De Remediis ex corpore humano desumptis", то есть человек - врач, из человека готовится лекарство.

Дикарь, при всем своем страхе перед смутным и неопределенным, все же обладал удивительной верой в себя как величайшее из творений природы; всех своих великих богов он создавал по своему образу и подобию; он шел еще дальше и приписывал жрецам или представителям богов такое же уважение и почитание, какое, как предполагалось, причиталось самим богам; Отсюда возникло человекопоклонство, до сих пор существующее в Тибете в своей наиболее выраженной форме и сохранившееся в Европе почти до нынешнего поколения в модификации, известной как "прикосновение к королевскому злу"; это прикосновение черпало свою эффективность из двойной веры в то, что все недуги исходят из какого-то сверхъестественного и, как правило, зловещего источника и поэтому могут быть лучше всего излечены наложением рук человека, которого вливание небольшого количества освященного жира более тесно связало с Всемогущим.^[101]

Эта вера нашла свое отражение в амулетах и талисманах, которые были не более и не менее чем лекарствами для предотвращения несчастья и лечения болезни, которая сама по себе была проявлением несчастья; или, выражаясь еще более ясно, сами лекарства изначально были не чем иным, как амулетами, при применении которых наши предки обращали меньше внимания на фармацевтические свойства, чем на те оккультные или "симпатические", которые им приписывало их собственное невежество.

Животные, растения и камни, являясь объектами поклонения, вполне естественно были призваны служить лекарством от всех болезней и паллиативом от всех несчастий. Самое великое животное из всех, человек, не могло быть пропущено в *Materia Medica*; каждая вещь, относящаяся к любому полу, как по строению, так и по функциям, должна была произвести впечатление на необученный ум с чувством благоговения; все выделения, твердые или жидкие, были наделены мистическими свойствами и требовались в особо важных случаях.

По вопросу о человекопоклонничестве см. Фрейзер, "Золотая ветвь", т. I, с. 2, с. 8, 9.

"Среди негров королевская власть обожествляется; предполагается, что короли принадлежат к расе богов и после смерти становятся полубогами" ("Фетишизм", Боден, стр. 24).

Слюна, ордура, моча, катамениальная жидкость, кровь, желчь, камни, кости, черепа - все это было таинственным, а потому являлось "лекарством", особенно если его получали от святого или ламы.

Это верование сохранялось среди племен и общин еще долго после достижения высокого уровня цивилизации, и, вероятно, именно на него ссылается святой Марк в двусмысленном отрывке, когда говорит: "Не то, что входит в тело человека, а то, что выходит из него, оскверняет его".

Опять же, лекарственные препараты получали не только из тел живых, но и из трупов мертвых; но в последнем случае в дело вступает еще одно выражение мысли, разделяемое первобытным человеком во всех странах и во все века, а именно: часть всегда является представителем целого, и если целое невозможно получить, то часть будет столь же эффективна. Отсюда та бережная забота, с которой во всех общинах, находящихся на низком уровне культуры, хранятся кости, зубы, лохмотья одежды и другие экскременты священных мертвецов.

LII. ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА.

Постоянное использование яйца для лечения путем пересадки вызывает подозрение, что происхождение красивого обычая раздавать пасхальные яйца, красиво раскрашенные, было вызвано чем-то большим, чем благотворительный порыв. Почти все обычаи, сохранившиеся среди нас как игры или забавы, имеют серьезное происхождение. Пасха была преимущественно праздником христианской церкви, которая наиболее упорно сохраняла обряды язычества. Почему-то считалось, что в это время года человеческое тело, а также дом, в котором оно живет, должны пройти тщательное очищение и избавиться от всех недугов. Окраска яиц наводит на мысль о цветовом символизме, по сути языческой идее, которая до сих пор сохраняется у нас в полной силе, под разными прометеевскими маскировками.

Когда пуритане получили контроль над правительством Великобритании, окрашивание яиц, как мы можем предположить, было временно прекращено. "Выбирание" яиц - это наследие одной из бесчисленных форм гадания по жребию, которыми увлекались языческие умы Рима и других стран.

Поэтому мы можем сделать обоснованный вывод, что обычай, дошедший до нас, является "выжившим" из религиозного использования, предназначенного для передачи по жребию болезней, которыми страдали игроки в яйца.

"Самые древние, самые знакомые и самые универсальные из всех пасхальных обычаев - те, что связаны с яйцами. За сотни лет до нашей эры яйца занимали важное место в теологии и философии египтян, персов, галлов, греков и римлян, среди которых яйцо было эмблемой вселенной, а искусство его раскрашивания было глубоко изучено. Зрелище уличных мальчишек, бьющих яйца друг о друга, чтобы выяснить, какое из них сильнее и победит другое, было таким же обычным на улицах Рима и Афин две тысячи лет назад, если верить антикварам, как и в любом из наших американских городов в наши дни. Эти яйца, которые сейчас называют пасхальными, первоначально были известны как яйца Пасхи, что означает "паштетные яйца", поскольку они были связаны с праздником Пасхи или Пасхи. Одна из причин, по которой яйцо ассоциируется с днем, когда наш Спаситель воскрес из мертвых, может заключаться в том, что маленькие птенцы, замурованные, так сказать, в яйцо, поднимаясь из него к жизни, рассматривались как типичный пример вознесения из могилы.

"На севере Англии принято обмениваться пасхальными яйцами между детьми семей, которые находятся в близких отношениях, - обычай, который также в значительной степени преобладал у древних, и к которому можно отнести отправку пасхальных открыток и других подношений, ставшую столь популярной здесь в последние годы." - (Из "Пресс", Филадельфия, Пенсильвания, 21 апреля 1889 года).

"Тридцать лет назад для всех пожилых людей было обычным делом каждую весну пускать кровь или делать примочки." ("Народная медицина немцев Пенсильвании", Хоффман, в Trans. Amer. Phil. Soc., 1889.)

"Повесить яйцо, снесенное в день Вознесения, на крышу дома, чтобы уберечь его от всех бед" (Scot, "Discoverie", p. 193).

"Современный обычай, практикуемый в Триполи, когда вдова переносит свои несчастья на себя, даря четыре яйца первому встречному незнакомцу" (Dalyell, "Superstitions of Scotland", p. 110).

"Стало считаться желательным проводить всеобщее избавление от злых духов в определенное время, обычно раз в год, чтобы люди могли начать новую жизнь, освободившись от всех вредоносных влияний, которые долго копились среди них" ("The Golden Bough", Frazer, vol. ii. p. 163).

"Современные евреи приносят в жертву белого петуха в канун праздника Искупления, через девять дней после начала нового года. Отец семейства трижды стучит петухом по собственной голове, говоря: "Пусть этот петух заменит меня" и т. д." (Idem, vol. ii. p. 195).

Негры Гвинеи, похоже, имеют свои представления на этот счет, достойные включения в данную главу: "Посылка яйца попугая означает: "Выбирай тот вид смерти, который будет для тебя самым легким; в противном случае мы выберем его за тебя"" ("Фетишизм", Боден, стр. 23).

Во многих частях Европы до сих пор существуют деревенские обряды, которые под маской игр сохраняют в памяти антрополога прежний обряд человеческих жертвоприношений. Среди них можно упомянуть одну из шведских игр, в которой мальчик, который в прошлые века, очевидно, был жертвой, выбранной для жертвоприношения и для передачи богам посланий общины, ходит от дома к дому, неся корзину, в которую собирает дары - яйца и тому подобное. (Frazer, "The Golden Bough", vol. i. p. 78.) Кажется логичным предположить, что эти дары, посланные божествам, чтобы умиловить их, также служили цели унести от дарителей любые недуги, которыми они были поражены, - с той же целью, для которой разбивались пасхальные яйца, и передача болезни происходила по жребию. Незначительность яйца как подношения по сравнению с ожидаемой пользой не является аргументом в опровержение высказанных мнений. Следует помнить о склонности преданного сводить денежную стоимость своей жертвы или подношения к минимуму. Это не свойственно ни одному культу, не ограничено никакими широтами. Поклонение куриному богу было, по-видимому, очень широко распространено, особенно среди частей и подразделений того, что мы решили назвать арийской семьей. Для некоторых из этих ветвей, в частности вендов и кельтов, курица была, пожалуй, главным богом; и он по сей день занимает свое гордое место, откуда первые миссионеры не смогли его сместить, на вершине священного дерева или шпиля деревенской церкви.

Естественно, что при повторении среди этих племен праздника, на котором их главные духовные силы должны были быть призваны изгнать все болезни и зло из их поклонников, мы

должны были ожидать жертвоприношения кур; но бедность или низость жертвователя во многих случаях предлагала замену более дешевым подношением - яйцом, которое, в свою очередь, могло быть заменено перьями птицы.

В некоторых районах Индии и по сей день козлом отпущения в общине является петух. "В южном Конкане при появлении холеры жители деревни шли процессией от храма к крайним границам деревни, неся корзину с вареным рисом, присыпанным красным порошком, деревянную куклу, изображающую мор, и петуха. На границе деревни петуху отрубали голову, а тело выбрасывали. Когда холера таким образом переходила из одной деревни в другую, вторая деревня соблюдала ту же церемонию и передавала бич своим соседям" ("Золотая ветвь", Фрэзер, т. ii. с. 191).

"Когда наступит весна, - сказал Пантагрюэль Панургу, - я устрою чистку".

"Les œufs sont partout fatidiques." ("Les Primitifs", Réclus, p. 356, art. "Les Kolariens du Bengalou.")

LIII.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЧЕВЫХ ПУЗЫРЕЙ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ КОЛБАСЫ ИЗ ЭКСКРЕМЕНТОВ.

Считалось, что моча или моча страдающих эпилепсией, желтой желтухой, четвертичной лихорадкой и т. д. должна быть помещена в свиной мочевой пузырь и подвешена в дымоходе; иными словами, из них делали колбасу из экскрементов.

Следы использования этих колбас встречаются в самые отдаленные времена. У Галена есть абзац, который звучит так, как будто он имел в виду подобную практику. Говоря о человеческих испражнениях, он говорит: "Utitur non modo medicamenti quæ focus imponuntur commiscens, sed iis quoque quæ intro in os sumuntur." По-видимому, он имел в виду смеси в домашней медицине, когда некоторые из таких препаратов ставились на очаги (focus).

О силе этих экскрементов в спасении жертв из лап ведьм, от желтой желтухи, от лихорадки и других бед мы имеем заверения таких серьезных и авторитетных писателей, как Шуриг, Пауллини, Этмюллер, Фромманн и других авторов прошлых веков; Блэк подтверждает их использование в Стаффордшире, а Хоффман рассказывает об обычаях среди немцев Пенсильвании, которые являются явными и неоспоримыми модификациями тех, что передаются из родной страны. Рекомендуется ознакомиться со словами этих авторитетов, которые здесь цитируются; среди них можно выделить следующие.

"Кишки подвергаются коррозии, когда горячие экскременты помещаются в мочевой пузырь" (Frommann, p. 1023).

Шуриг рассказывает о фермере, который, повесив в дымоходе навоз лошадей своего соседа, довел их всех до чахотки ("Chylologia", p. 815).

На острове Нукахива ведьме недостаточно было получить экскременты жертвы; их нужно было положить в "мешок, сплетенный особым образом", и закопать.

Дьявола нельзя унять сильнее, чем если наложить на некоторые его произведения человеческие экскременты или подвесить их в дыму трубы" (Paullini, p. 260.).

"Некий человек околдовал мальчика девяти лет, поместив его ордур в свиной пузырь и подвесив колбасу в трубе" (Idem, p. 261).

В Стаффордшире, чтобы вылечить желтую желтуху, мочевой пузырь часто наполняли мочой больного и ставили у огня. (Блэк, "Народная медицина"). Странно встретить у австралийцев те же идеи, выраженные в идентичных терминах, относительно наложения чар с помощью мочи жертвы, завернутой в рулон или сверток, не совсем похожий на колбасу европейского оккультного искусства.

"Если бангал во время своих скитаний натывается на старое стойбище букинцев, он ищет в нем какие-нибудь обломки (например, кости) от съеденной ими пищи; Но если его поиски костей или других подобных остатков не увенчались успехом, как это часто случается (поскольку все племена аборигенов имеют обыкновение сжигать кости дичи, которой они питались, прежде чем покинуть лагерь), он с тревогой осматривает землю вокруг оставленного лагеря в поисках фекальных экскрементов; И если кто-то из букинцев из-за лени или по другой причине не воспользовался своим веслом или воспользовался им небрежно, бдительный Бангал набрасывается на не спрятанные экскременты, как скупец на сокровища.

"После того как он завладел своей пикантной находкой, он смазывает кусок шкуры опоссума почечным жиром некоторых из своих жертв и тщательно обматывает им свое сокровище, после чего ярды бечевки наматываются вокруг и вокруг, каждый виток - это то, что моряки называют "полузацеп". ... Ночью, когда все в лагере затихает, бангал осторожно достает свой приз из мешка, начиная негромкий монотонный напев, в то время как он засовывает один конец подготовленного рулона в огонь (костер специально делают маленьким); в процессе постепенного сгорания напев продолжается..... Если он хочет убить букина за одну ночь, он продолжает напевать и толкает горящий рулон вперед в тлеющие угли, и когда последний остаток рулона рассеивается в неаппетитном дыму, жизнь жертвы бангала прекращается..... Если бангал, однако, хочет продлить предсмертные муки своего врага, он просто сжигает небольшую часть рулона каждую ночь, напевая во время процесса свое заклинание, и если пройдут месяцы, прежде чем рулон будет полностью израсходован, так долго будут продолжаться мучения его жертвы."-("Аборигены Викт. и Риверины", Беверидж, Аделаида, 1889, с. 169, получено по любезному приглашению Королевского общества, Сидней, Новый Южный Уэльс, Ф. Б. Кингдон, секретарь).

"В Тюрингии колбасу засовывают в последний сноп при обмолоте и бросают вместе со снопом на молотильный пол. Она называется "барренвурст", и ее едят все молотильщики. После того как они его съедят, человека обкладывают соломой и в таком виде ведут по деревне" ("The Golden Bough", Frazer, vol. i. p. 371).

Придавая этому набору фактов то значение, которое должным образом принадлежит каждому из них, и не более, кажется, что Праздник дураков можно лучше понять, рассматривая его как бурлескное и искаженное "выживание" священного, совместного собрания рода или общины, в котором колбаса из экскрементов служила ныне полностью забытой цели избавления людей от зловещего проклятия колдовства, эпилепсии, желтухи, лихорадки и других заболеваний, которые не поддавались быстрому воздействию простых лекарств примитивной терапии.

LIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Наконец, можно сказать, что вдумчивое рассмотрение этого вопроса не останется без результатов, имеющих важное значение для науки. Оно показывает нам, если можно прибегнуть к математическому выражению, что, интегрируя уравнение развития человека между нулевым пределом, в котором эти отвратительные практики имели полную силу, и пределом 1891 года н. э., можно лучше понять точную степень его продвижения во всем, что мы называем цивилизацией.

Биолог и психолог могут найти материал для демонстрации того, в какой степени первобытный человек, находясь в соответствующей среде в разных регионах мира, будет проявлять те же инстинкты и действовать под влиянием идентичных импульсов.

Изучающий сравнительную мифологию, несомненно, обнаружит много интересного и поучительного для себя.

Изучение фольклора должно найти здесь поле, обещающее самые плодотворные результаты. Народный обиход, особенно народная медицина, которая представляет собой просто кристаллизацию мифологии и религиозной медицины самых примитивных веков, должен самым щедрым образом ответить на любые требования, которые могут быть предъявлены по этому и другим пунктам, которые обычный писатель считает слишком нечистыми для своего пера.

Для автора это была работа, связанная с бесконечными исследованиями, в большинстве своем бесплодными, и перепиской с учеными во всех странах, чей вклад имел первостепенное значение для определения того, что грязный обряд питья мочи, наблюдаемый у зуни в Соединенных Штатах, был параллелен оргиям других дикарей и имел свои аналоги и подражания в "выживших", часто искаженных до бурлеска, нациях высокого просвещения.

Воистину, можно сказать в заключение, как и в начале этого тома, что правильное изучение человечества - это человек; изучение человека - это изучение его религии.

ССЫЛКИ.

[1] Иоанн Баптист Пеллегрини, написавший "Apologia... adversus Philosophiæ et Medicinæ calumniatores" в Бононии (Болонья) в 1582 году, использует только это выражение: "Quamvis humanis corporis excrementa conspicienda considerandaque esse præcipiat non tamen propter hoc aliquid suæ nobilitati et proestantiæ detrahitur," p. 190. Он имеет в виду, что благородство профессии врача ни в коей мере не страдает от того, что хороший врач исследует эгесты своей пациентки. "Какой бы отвратительной ни казалась эта тема тем читателям, которые не рассматривают ее в свете науки, статья является ярким примером того, что для научного ума нет ничего слишком ничтожного или незначительного для рассмотрения; кроме того, она иллюстрирует другой принцип, согласно которому для чистого все чисто. Многие обряды, описанные на этих страницах, показывают, насколько глубоко в человеческом разуме выгравирована тенденция к символизации, антропоморфизации и обожествлению абстрактных идей и явлений природы" - (Выдержка из рецензии доктора Альфреда Гатчетта, Бюро этнологии, в "Folk-Lore Journal", Бостон, Массачусетс).

[2] Репутация мистера Кушинга как этнолога теперь настолько прочно утвердилась на двух континентах, что дальнейшее упоминание о его самоотверженном и бесценном труде на благо науки представляется излишним.

[3] "В Зунии существует три тайных ордена: "Зуни", "Нож" и "Нехуэ-Куэ". Цель последнего, как говорят, состоит в том, чтобы научить своих членов стойкости, а также терапии желудочных расстройств и т. д. В своих танцах они прибегают к ужасной практике питья человеческой мочи, поедания человеческих экскрементов, экскрементов животных и других мерзостей, в которые можно поверить, только увидев их." - (Выдержка из личных заметок капитана Борка, 16 ноября 1881 года).

[4] "Я думаю, что в фанатичных танцах арабских бедуинов кроется какая-то ошибка; вероятно, в источнике, который вы потеряли, описана одна из диких практик мусульманских дервишей. Эти обычаи имеют турецкое или персидское, а не арабское происхождение. Рифарские дервиши едят живых змей и скорпионов и, смею предположить, совершают еще более отвратительные действия" (личное письмо профессора В. Робертсона Смита, колледж Христа, Кембридж, Англия).

[5] См. в "Словаре французского и английского языков" Фердинанда Э. А. Гаска, Лондон, Белл и Далли, Йорк-стрит, Ковент-Гарден, 1873.

Литтре, чья работа вышла в 1863 году, в качестве одного из своих определений приводит "все, что имеет форму сосиски".

Бешерель, Спирс и Сюренин, а также Бойер не дают определения Гаска.

[6] И очень вероятно, что это также фаллический символ.

[7] Фабер выдвигает мнение, что "муммеры" или клоуны, которые фигурировали в развлечениях "аббата неразумия" и т.д., имеют сильное сходство со звероголовыми египетскими жрецами в священных танцах, представленных на бембинском или исиакском столе. (См. Faber's "Pagan Idolatry", London, 1816, vol. ii. p. 479.)

[8] "Какой бы ужасной ни была эта профанация, я могу привести отрывок, где в рамках любопытного покаяния на алтарном столе публично совершались самые непристойные действия; и поэтому у наших предков явно не было таких же смехотворных представлений об этих мумиях, как у нас. Они были просто грубыми празднествами эпохи, которая наслаждалась низким юмором" (Фосброк, "Британский монашество", 2-е издание, Лондон, 1817 г., цитируется в основном по Дюканжу).

[9] "Ils mangent des araignées, des œufs de fourmis, des vers, des lézards, des salamandres, des couleuvres, de la terre, du bois, de la fiente de cerfs, et bien d'autres choses." - (Alvar Nuñez Cabeza de Vaca, in "Ternaux", vol. vii. p. 144.)

[10] "Comen arañas, hormigas, gusanos, salamanquesas, lagartijas, culebras, palos, tierra, y cagajones y cagarrutas." - (Gómara, "Historia de las Indias", p. 182.) Он черпает свои сведения из рассказа Ваки. Слово "кагахон" означает лошадиный помет, помет мулов и ослов; "кагаррута" - помет овец, коз и мышей.

[11] "Algunas veces se juntan varios Indios y á la redonda va corriendo el bocado de oneo en otro." - (Orozco y Berra, "Geografía de las lenguas de Mejico," Mexico, 1854, p. 359.)

[12] "Peuplé de sauvages qui vont tous nus, et qui mangent leurs propres ordures." - (Castañeda, in Ternaux, vol. ix. p. 156.)

Кастаньеда де Нагера сопровождал экспедицию Франсиско Васкеса де Коронадо, которая вошла в Аризону, Нью-Мексико и страну бизонов в 1540-1542 годах. Часть этой экспедиции под командованием дона Гарсии Лопе де Кардены прошла вниз по реке Колорадо, которая отделяет Калифорнию от Аризоны; другой отряд под командованием Мельхиора Диаса прошел по реке ближе к ее устью и переправился на территорию нынешней Калифорнии.

[13] Заметки Хармона представляют особый интерес в этом месте, поскольку он говорит о такулли или носителях, которые принадлежат к тому же тиннехскому роду, что и апачи и навахо в Аризоне и Нью-Мексико, липаны в Техасе, умпкау на территории Вашингтона, хупахи в Калифорнии и слокусы в верховьях реки Колумбия.

[14] Лит. "de la maladie froide"; voy. O'Donovan, "Annals of the Four Masters", note à l'année 601, t. 1. p. 228.

[15] La mort subite est regardée comme le plus grand malheur, parce qu'elle ne laisse pas le temps de se confesser et de recevoir l'absolution de ses péchés.

[16] О'Донован, "Три фрагмента ирландских анналов", Дублин, 1860, с. 10-12. Тела индейских вождей в Венесуэле сжигались, а пепел выпивался в туземном ликере. "Tuestanlo, muelenlo, y echado en vino lo beben y esto es gran honra."-Gómara, "Historia de las Indias", p. 203.

[17] Nanacatl, que son los hongos malos que emborrachan tan bien como el vino; y se juntaban en un llano despues de haberlo comido, donde bailaban y cantaban de noche y de dia á su placer; y esto el primer dia porque al dia siguiente lloraban todos mucho y decian que se limpiaban y lavaban los ojos y caras con sus lágrimas.-(Sahagun, in Kingsborough's "Mexican Antiquities", vol. vii. p. 308.)

[18] Hay unos honguillos en esta tierra que se llaman teo-nanacatl; crianse debajo del heno en los campos ó páramos ... dañan la garganta y emborrachan ... los que los comen ven visiones y sienten buscas en el corazon; á los que comen muchos de ellos provocan á luxuria, y aunque sean pocos.-(Sahagun, in Kingsborough's "Mexican Antiquities", vol. vii. p. 369).

[19] Tenian otra manera de embriaguez ... era con unos hongos ó setas pequeñas ... que comidos crudos y por ser amargos, beben tras ellos ó comen con ellos un poco de miel de abejas, y de alli á poco rato, veian mil visiones y en especial culebras.-(Автор "Ritos Antiguos, Sacrificios é idolatrias de los Indios en Nueva España", Kingsborough, vol. ix. p. 17.)

Этим автором, по-видимому, был францисканский брат Торибио де Бенвенто, обычно называемый по своему ацтекскому прозвищу "Мотилиния, нищий". Кингсборо называет его "Неизвестным францисканцем", поскольку из скромных побуждений он отказался подписать свое имя под своими ценными трудами.

[20] A los extranjeros, les diéron á comer hongos montesinos que se embriagaban con ellos y con esto entráron á la danza.-(Tezozomoc, "Crónica Mexicana", in Kingsborough, "Mexican Antiquities", vol. ix. p. 153.)

[21] Ivan todos á comer hongos crudos, con la cual comida salian todos de juicio y quedaban peores que si hubieran bebido mucho vino; tan embriagados y fuera de sentido que muchos de ellos se mataban con propria mano; y con la fuerza de aquellos hongos vian visiones y tenian rebelaciones de lo porvenir hablandoles el Demonio en aquella embriaguez.-(Diego Duran, lib. 2, cap. 54, p. 564.)

[22] Rushton M. Dorman, "Primitive Superstitions," New York, 1881, p. 295.

[23] Слово "маттика" не встречается в англо-индусском словаре Форбса (Лондон, 1848). Возможно, оно принадлежит к вымершему диалекту. Слово "matt", означающее "пьяный", могло бы послужить хорошей целью для этой статьи, если бы было показано, что между ним и "mattika" существует связь. Этого автор, разумеется, сделать не может, поскольку совершенно не знает хиндустани. Не встречается "бадрилата" и у Форбса, который интерпретирует "омелу" как "банда". Автор "Asiatic Researches", который использовал это слово, думал, что оно означает "агарик".

[24] Хиггинс считает, что древние египтяне обнаружили сходство между оболочками лука и планетарными сферами, и говорит, что "он назывался (греками), поскольку был священным для отца веков, οἰονοον-οἰον..... Египтяне обожали лук (как мы обожаем черный камень в Вестминстерском аббатстве) за это свойство, как образ вечного обновления веков..... Лук обожают в Индии и запрещают его есть" (цит. по "Forster's Sketches of Hindoos", p. 35). Higgins' "Anacalypsis", vol. ii. p. 427.)

[25] Но на шестой день возраста луны "женщины ходят по лесам с веером в одной руке и едят *некоторые овощи* в надежде на красивых детей". См. рассказ Плиния о друидической омеле или вискуме, которую нужно было собирать, когда луне было шесть дней, как средство от бесплодия" (Sir William Jones in "Asiatic Researches," Calcutta, 1790, vol. iii. art. 12, p. 284, цитируется Эдвардом Моором, "Hindu Pantheon", London, 1810, p. 134).

[26] Как уже было показано на стр. 93, жертвенная омела собиралась друидами, когда луне было шесть дней, этот день был первым в месяце, году и цикле у друидов.

[27] Это было единственное растение в мире, которое могло причинить вред Бальдуру, сыну Одина и Фриги. Когда ветка растения ударила его, он упал замертво. (См. в "Мифологии Булфинча", пересмотренной преподобным Э. Э. Хейлом, Бостон, 1883, с. 428).

[28] Ленорман говорит о "некоторых заколдованных напитках, ... которые, несомненно, содержали лекарственные препараты, как средство от болезней" ("Халдейская магия", Лондон, 1877, с. 41).

[29] См. также Ellen Russell Emerson, "Indian Myths," Boston, 1884, p. 331, где цитируется Пиджон.

[30] "Legends of the Sioux", Eastman, New York, 1849, p. 210. Читатели, интересующиеся темой индейских алтарей, найдут их описание с цветными табличками в книге "Змеиный танец моки" (Лондон и Нью-Йорк, 1884), написанной автором этого тома; а также в подробной монографии хирурга Вашингтона Мэтьюса, опубликованной в Ежегодном отчете Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия, 1888 год.

[31] "Neypachtly quiere decir 'mal ojo;' es una yerva que nace en los arboles y cuelga de ellos, parda con la humedad de las aguas, especialmente se cria en los encinales y robles."- (Diego Duran, vol. iii. cap. 16, p. 391½, рукописная копия в Библиотеке Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия).

[32] Après avoir donné du riz en pot, à manger aux vaches ils vont fouiller dans la bouze et en retirent les grains qu'ils trouvent entiers. Они сберегают эти зерна и дарят их своим детям, не только в качестве памятного подарка, но и как нечто святое" (Picart, "Coûtures et Cérémonies religieuses," etc., Amsterdam, 1729, vol. vii. p. 18).

Это не лучше и не хуже, чем обычай индейцев Техаса, Флориды и Калифорнии, описанный здесь ранее.

Chez les Indiens, la bouze de la vache est très-sainte.- (Picart, *idem*, vol. vi. part 2, pp. 191-193.)

Пикарт также сообщает, что банийцы клянутся коровой.

Небольшое количество мочи (коровы) ежедневно выпивают некоторые (индусы).

[33] "Les moines de Chivem sont nommés Pandarones. Они накладывают барбуленты на визаж, пуатрин и бюстгалтеры с помощью цандров из ваши; они ходят по улицам, требуют аумоны и воспевают луанги Чивема, повязывая на голову пакет из плюмажей паона и лингама пенду" (Dulaure, "Des Divinités Génératrices", Paris, 1825, p. 105).

[34] "Les Hébreux sacrifiaient et faisaient brûler la vache rousse, dont les cendres mêlées avec de l'eau servaient aux expiations."- (*Idem*, cap. i. pp. 23, 24.)

"Они должны сжечь в огне навоз свой" (Левит. xvi. 27).

"Кровь ее с навозом ее он должен сжечь" (Числа xix. 5).

[35] После публикации своего первоначального памфлета автор познакомился со взглядами г-на Ланга по этому вопросу. Их изучение, приведенное в его книге "Миф, ритуал и религия", т. ii. с. 137, покажет, что он воспринимает недостаток в объяснении, данном де Губернатисом, примерно так же, как это выражено здесь.

"Облака в атмосфере часто рассматриваются как стадо коров" (Введение к т. iv. "Зендавеста", с. 64, Джеймс Дарместер, издание Оксфорда, 1880 г.): "Священные книги Востока", под редакцией Макса Мюллера).

В личном письме, полученном от У. С. Уиндэма, эсквайра, остров Бойн, Квинсленд, Австралия, говорится, что у племен Австралии "звезды расположены так же, как и у нас, только вместо Большой Медведицы и т. д. у них есть Эму, Кенгуру, Собака и другие вещи и люди".

[36] Disons un mot de la manière dont les Proselytes des Banians sont obligés de vivre les premiers mois de leur conversion. Les Brahmines leur ordonnent de mêler de la fiente de la vache dans tout ce qu'ils mangent pendant ce tems de régénération..... Que ne diroit pas ici un commentateur subtil qui voudrait comparer la nourriture de ces proselytes avec les ordres que Dieu donna autrefois à Ezechiel de mêler de la fiente de vache dans ses alimens. Ezekiel iv.- (Picart, "Coûtures et cérémonies religieuses," etc., Amsterdam, 1729, vol. vii. p. 15.)

[37] "Il doit manger du pain, de froment, d'orge, de fèves, de millet, et de couvrir d'excréments humains," etc.- (Voltaire, "Essais sur les Mœurs", vol. i. p. 195, Paris, 1795).

"И будете есть его, как ячменные лепешки, и будете печь его с навозом, выходящим из человека, на глазах их" (Иезекииль, iv. 12).

[38] Подобная экономическая тенденция в жертвенной практике парсов показана Тайлором. Ведическое жертвоприношение, Агништома, требовало, чтобы животные были убиты, а их плоть частично предана богам через огонь, частично съедена жертвователями и жрецами. Парсийская церемония, Изешне, формальный преемник этого кровавого обряда, не требует убийства животного, но достаточно поместить волосы быка в сосуд и показать их огню.- ("Первобытная культура", Э. Б. Тайлор, Нью-Йорк, 1874, том ii. стр. 400)

[39] Дюбуа утверждает, что в Атхарвана-веде "предписываются кровавые жертвоприношения (не исключая человеческие)". ("People of India", London, 1817, p. 341.) А в тех частях Индии, где человеческие жертвоприношения были отменены, практиковалась заменяющая

церемония "путем формирования человеческой фигуры из мучной пасты или глины, которую они несут в храм, и там отрезают ей голову и уродуют ее различными способами в присутствии идолов." (Idem, p. 490.)

[40] После того как Господь смирил иудеев и заставил их смешать *человеческое* мясо со своим хлебом, наказание было смягчено заменой. "И сказал мне: вот, Я дал тебе навоз коровий вместо навоза человеческого, и из него приготовь хлеб твой" (Иезекииль iv. 15).

[41] Паллас считал, что "ламаизм калмуков-монголов происходит из Инда" (Voy. de Pallas, vol. i. p. 535).

[42] Предыдущие заметки о Великом ламе Тибета и об отвратительных практиках агози и гуру представляются уместными в этой связи. См. с. 40-42.

[43] Digo que adoraban (segun San Clemente escribe á Santiago el menor), las hediondas y sucias necesarias y latrinas; y lo que es peor y mas abominable y digno de llorar y no de sufrir, ni nombrarle por su nombre, que adoraban, el estruendo y crugimiento, que hace el vientre quando despidе de si alguna frialdad ó ventosidad y otras semejantes, que segun el mismo santo es verguēza nombrarlas y decirlas.-(Torquemada, Monarchia Indiana, lib. vi. chap. 13, Madrid, 1723.)

[44] Los Romanos ... constituieron Diosa á los hediondas necesarias ó latrinas y la adoraban y consagraban y ofrecian sacrificios.-(Idem, lib. vi. chap. 16, Madrid, 1723.)

[45] Существует и другое мнение относительно Клоацины - что она была одним из имен, данных статуе Венеры, найденной в Клоаке Максима. Смит в своем "Словаре древностей", Лондон, 1850, высказывает эту точку зрения, и, похоже, ее придерживаются Американская и Британская энциклопедии. Лемприер дает следующее определение Клоацины: "Римская богиня, которая управляла Клоаками - некоторые считают ее Венерой - чья статуя была найдена в Клоаках, отсюда и название" (см. также в "Классическом словаре" Энтонa).

Хиггинс говорит, что "знаменитая статуя Венеры Клоацины была найдена в них (Клоаках Максима) Ромулом" (Anacalypsis, сноска к р. 624, Лондон, 1836).

Торквемада настаивает на том, что римляне позаимствовали эту богиню у египтян: "A esta diosa llamaron Cloacina, Diosa que presidia en sus albanares y los guardaba, que son los lugares donde van á parar todas las suciedades, inmundicias, y vascosidades de una Republica."-(Torquemada, lib. vi. chap. 17.)

Торквемада, который в своих трудах демонстрирует глубокое знакомство с греческой и римской мифологией, подкрепляет свою позицию ссылками на святого Климента, Itinerar., lib. 5; Лактанций, Divinas Ejus, lib. 1, гл. 20; Послание св. Климента к св. Иакову Меньшему, Евсевий, de Preparatione Evangel., гл. 1; св. Августин, Civ. Dei, lib. 2, гл. 22; Diod. Sic., lib. 1, гл. 2, и lib. 2, chap. 4; Лукиан, Диалоги, Цицерон, de Nat. Deorum, Плиний, lib. 10, гл. 27, и lib. 11, гл. 21; Феодорит, lib. 3, de Evangelii veritatis cognitione.

[46] "Верна ли ссылка Мориса на Лукиана? Ничего подобного нет в Deâ Syrâ, и я не могу найти это в других его работах, хотя Индекс Ренца - это практически Конкорданс. Тем не менее, я не утверждаю, что его там нет" (Личное письмо профессора В. Робертсона Смита, Крайст-колледж, Кембридж, Англия).

Если обратиться к странице 36, то можно увидеть, что Сакья-муни ест свои собственные экскременты, а один из Бурканов или богов калмуков представлен как пристрастившийся к той же грязной привычке.

[47] Tlaçolteotl, la déesse de l'ordure, ou Tlaçolquani, la mangeuse d'ordure, parcequ'elle présidait aux amours et aux plaisirs lubriques.- (Brasseur de Bourbourg, introduction to Landa, French edition, Paris, 1864, p. 87.)

[48] El dios de los vicios y suciedades que le decian Tlazulteotl.- (Mendieta, in Icazbalceta, Mexico, 1870, vol. i. p. 81.)

[49] Согласно "Веласкесу" Ноймана и Баретти, а согласно Словарю Испанской Академии, значение - "грязь и отбросы, собранные при подметании, - смет и навоз конюшен". Та же идея была найдена в отрывке из древнего писателя, приведенном в "Mélusine", 5 мая 1888 г. (Париж, Гайдос).

"Les Esprits forts de l'Antiquité Classique. Евсевий, в своем "Препарате Евангелия" (XIII. 13), приводит несколько стихов Ксенофана Колофонского о единстве и бессмертии Дья, который не может походить на людей ни формой, ни духом. Эти стихи заканчиваются следующим образом:

"Mais si les bœufs et les lions avaient des mains, -s'ils savaient dessiner avec ces mains, et produire les mêmes œuvres que les hommes, -ils (les dieux) seraient semblables aux bœufs pour les bœufs et semblables aux chevaux pour les chevaux. Et ceux-ci dessineraient les figures des dieux et ils leur feraient des corps semblables à ceux qu'ils ont eux-mêmes."-Patrologie Grecque de Migne, t. xxi. col. 1121, H. G.-Voir aussi J. Bizouard, "Rapports de l'homme avec le démon", Paris, 1864, conçus dans le même esprit."

Эндрю Лэнг считает Тлазолтеотль "Афродитой Мексики" ("Myth, Rit., and Relig." vol. ii. p. 42).

[50] L'adorateur présentait devant l'autel son postérieur nu, soulageait ses entrailles et faisait à l'idole une offrande de sa puante déjection.- (Dulaure, "Des Divinités Génératrices", Paris, 1825, p. 76.)

Филон говорит, что поклонник Ваала-Пеора преподносил идолу все внешние отверстия тела. Другой авторитет говорит, что поклоняющийся не только преподносил идолу все эти отверстия, но и эманации или выделения: слезы из глаз, воск из ушей, гной из носа, слюну изо рта, мочу и отходы из нижних отверстий. Это был бог, к которому присоединились евреи; и, по всей вероятности, именно эти церемонии они практиковали в его поклонении" (Robert Allen Campbell, Phallic Worship, St. Louis, 1888, p. 171).

Еще один авторитет говорит, что поклоняющийся, поднося свой голый зад к алтарю, освобождал свои кишки и предлагал результат идолу: "Eo quod distendebant coram illo foramen podicis et stercus offerebant."- (Hargrave Jennings, Phallicism, London, 1884, цитируя рабби Соломона Ярхи в его Комментарии к Числам xxv).

Эти две цитаты показывают, что поклоняющийся имел в виду не просто церемониальное подношение метеоризма, а реальное подношение экскрементов, такое, как уже говорилось, возлагалось на алтари их ближайших соседей, ассирийцев, при посвящении их Венере.

[51] Вы видели навозных богов, деревянных и каменных (Втор. xxix. 17. См. конкорданс Крудена, статьи "Dung" и "Dungy", но это выражение не проясняет ситуацию).

И вы видели их мерзости и их идолов (отвратительные вещи), дерево и камень, серебро и золото, которые были среди них" (Lange's Commentary on Deuteronomy, edited by Dr. Philip Schaff, New York, 1879. Но в сноске 1 читаем: "Маргинальные боги от формы навоза, буквально тонкие комки или шарики, или то, что можно катать. G.")

[52] В Марциале есть упоминание о таком использовании губки и палки (см. Эпиграмму XLVIII., в английском переводе, издание Лондон, 1871). Марциал также рассказывает о римской даме, чей близкий стул был из золота, а чашка для питья - из стекла.

"Ventris onus puro, nec te pudet excipis auro;

Sed bibis in vitreo, chareus, ergo cacas."

(Эпиграмма XXXVI., цитируется по Harington, "Ajax", p. 37.)

Высшие должностные лица Кореи мочатся на публике в медные чаши, которые слуги носят в сетке или филе и подают, когда требуется (г-н У. У. Рокхилл).

Монастыри и женские монастыри Тибета были оборудованы уборными. Среди грехов, от которых предостерегали монахинь (бхикшунь), были такие: "Si une bhikshuni va seule aux lieux, et est," etc.-("Пратимокша Сутра", тибетская версия, перевод W. W. Rockhill, Paris, 1884, p. 44, "École des langues Orientales vivantes.")

[53] Это напоминает о неприятии магометанами брызг мочи, касающихся их лица или одежды, как уже указывалось.

[54] Бель-Пеор. "Очень мало известно о характере его поклонения, но почти всеобщее мнение, которое подтверждается Числами ххv., гласит, что оно было развратным по своему характеру. Похоже, что ему приносили человеческие жертвы; и можно предположить, исходя из Псалмов cvi. 28, что поклоняющиеся ели жертвы, принесенные ему" ("Словарь религиозных знаний", Эбботт и Конант, Нью-Йорк, 1875, статья "Ваал и Ваал-Пеор").

"В одной из историй Арманьяка Жоан Лу Пек бежит за человеком, которого он считает мудрецом, и спрашивает его, когда он умрет. Тот отвечает: "Joan lou Pec mouriras au troisièmè pet de toun ase," - Осел дважды рвет ветер, и дурак пытается предотвратить третий флатус. 'Cop sec s'en angone cerca un pau (stake) bien pounchut et l'enfouncee das un martet dans lou cou de l'ase. Mes l'ase s'enflee tant, e hasconc tant gran effort que lou pau sourtisconc commo no balo e tuec lou praube Joan lou Pec.'" -("Contes et Proverbes Populaires", recueillis en Armagnac, par J. F. Bladé, Paris, цитируется Angelo de Gubernatis, "Zoöl. Mythol.", vol. i. pp. 397, 398.)

Читатель может заглянуть в рубрику "Мифы" в этом томе и увидеть там аналогичное приключение, связанное с эскимосским, точнее камчатским, богом Куткой.

"И вот кишки мои зазвучат для Моава, как арфа, и внутренности мои для Кир-Ареша" (Ис. xvi. 11).

[55] "Эскимосы называют лучшее существо "Торнгарсук". Они не все согласны с его формой или аспектом. Одни говорят, что у него вообще нет формы; другие описывают его как огромного медведя, или как огромного человека с одной рукой, или как маленького, как палец. Он бессмертен, но может быть убит вмешательством бога Крепита" ("Myth, Ritual, and Religion", Andrew Lang, London, 1887, vol. ii. p. 48.) Сноска к вышеприведенному тексту добавляет: "Обстоятельства, при которых это возможно, можно найти в Crantz, "History of Greenland", London, 1767, vol. i. p. 206."

Кранц говорит о Торнгарсуке: "Он бессмертен, и все же может быть убит, если кто-нибудь ворвется в дом, где происходит колдовство" (Кранц, как указано выше).

[56] Среди китайцев и индусов можно найти идентичное распределение ответственности, приписываемое божествам. Перечисление этих богов и их функций, насколько они нам

известны, потребовало бы специального исследования, но такое перечисление не принесет пользы, поскольку точность утверждения будет признана без споров.

Вырезка из индийской газеты "Таймс", скопированная в "Сандей Геральд" из Вашингтона 2 июня 1889 года, касается этого вопроса:

"Широкая публика не знает о смехотворном обычае, которому до сих пор следуют в индуистских семьях Бенгалии. Последний день Фалгуна, выпавший на 12-е число, был отмечен поклонением Гханту, богу чесотки и кожных заболеваний, от которых страдают туземцы. Очень рано утром этого дня хозяйки семейств, сменив ночной наряд, ставят бесполезный черный глиняный сосуд у порога своих задних дверей, в котором лежит горсть риса и масура дала, четыре коровьих ягоды и кусок тряпки, намазанный куркумой. Дикие цветы, появляющиеся в этот сезон, предлагаются для поклонения. (Эти цветы называются Ghantoo fool.) Молодые мальчики семьи стоят полукругом перед хозяйкой с дубинами в руках. Когда поклоняющиеся женщины подают сигнал об окончании пуджи, мальчики разбивают сосуды на атомы. Веселые дети, стремясь нанести первый удар, иногда ломают пальцы и руки матронам. Кусок тряпки сохраняется над дверями домов в зенане. Вечером этого дня мальчики низшего сословия в деревнях за деньги поют песни, соответствующие случаю, от двери к двери".

Хотя поклонение плотоядию не встречается среди китайцев, им приписывают религиозные обычаи, столь же отвратительные. "Китайцы пристрастились к отвратительному пороку содомии, и грязную практику ее они причисляют к безразличным вещам, которые они совершают в честь своих идолов" ("Путешествия двух магометан по Индии и Китаю", Пинкертон, т. vii. с. 195). Эти магометане путешествовали в девятом веке.

"У негров Гвинеи есть бог оспы". См. "Фетишизм" отца П. Бодена, Нью-Йорк, 1885, с. 74.

По мнению гвинейских негров, "у каждого человека есть три гения, или духа-покровителя. Первый - Эледа, обитающий в голове, которую он направляет..... Второй гений (Ojehun) обитает в области желудка..... Ипори, третий защищающий гений, поселился в большом пальце ноги" (Idem, p. 43.).

"Самоанцы считали, что болезни вызваны гневом какого-то конкретного божества..... Друзья больных обращались к верховному жрецу деревни..... У каждой болезни был свой врач" (Turner, "Samoa", London, 1884, p. 140.) См. в этой связи "Мифологию" Банье, английский перевод, т. i. p. 196 и далее.

"У них (древних) были боги и богини для всех необходимых вещей нашей жизни, от колыбели до могилы; а именно, 1. для сосания; 2. для валки; 3. для еды; 4. для питья; 5. для сна; 6. для земледелия; 7. для вены; 8. для борьбы; 9. для медицины; 10. для брака; 11. для детской кровати; 12. для огня; 13. для воды; 14. для порогов; 15. для дымоходов" - (Harington, "Ajax", p. 27).

Проконсультируйтесь по поводу халдеев: "Халдейский рассказ о Бытии", Джордж Смит, Нью-Йорк, 1880, стр. 11 и 125. Диббара, бог моровой язвы, носит титул "Мрачный", что напоминает отрывок из Псалма xci. 6, "Язва, которая ходит во тьме". ... "У каждого из вавилонских богов был свой город". (Idem, p. 46.) "У халдеев было двенадцать великих богов". (Idem, p. 47.) См. также "Халдейская магия", Lenormant, 35. Об умершем (египтянине) было сказано: "Нет ни одной его конечности без бога". ("Ритуал мертвых", cap. xliii., idem.) Список святых и святынь, исцеляющих от всех недугов, см. в "Le Moyen Age Médical", Dupouy, в Европе, перевод Minor, p. 83. Одержимые утверждали, что находятся во власти демона,

который вошел в их тело через один из естественных проходов, спортивным путем, вместе с их лицами". (Церковь признавала истинность этих верований (Idem, p. 50.); см. также заметки из "Самоа" Тернера.

[57] Эти идеи сохранились среди ранних христиан: "запах приятный; жертва, благоугодная, угодная Богу" (Фил. iv. 18).

Так и у халдеев: "Боги почувствовали аромат, боги почувствовали хороший аромат" ("Халдейское изложение Бытия", Smith, p. 286).

[58] Они также хранят мочу в кадках в своих хижинах для использования при выделке оленьих и тюленьих шкур. (Ханс Эгед; также цитируется в книге Ричардсона "Полярные области", Эдинбург, 1861, с. 304). Такой же обычай был отмечен на Аляске. То же самое упоминает внучатый племянник Эгед, Ханс Эгед Саабие. ("Greenland", London, 1816, p. 6.)

[59] За всем этим процессом внимательно наблюдал капитан Роберт Г. Картер, 4-я кавалерия армии США.

[60] "Todas estas cosas que digo y muchas que no sé y otras que callo se venden en este mercado destos de Mejico."- (Gómara, "Historia de la Conquista de Mejico", p. 349.)

[61] См. Graah, "Greenland", London, 1837, p. 111, и Hans Egede Saabye, "Greenland", London, 1818, p. 256.

[62] Contra la caspa será necesario cortar muy á raiz los cabellos y lavarse la cabeza con orinas y despues tomar las hojas de ciertas yerbas que en indio se llaman coioxochitl y amolli ó iztahuatl que es el agenjo de esta tierra, y con el cuesco del aguacate molido y mezclado con el cisco que está dicho arriba; и на все это положите негритянского барро, о котором идет речь, с количеством кортеса, равным тому, о котором идет речь.-(Sahagun, in Kingsborough, vol. vii. p. 294.)

[63] Father De Smet, "Oregon Missions," New York, 1847, p. 383.

[64] "Le maléfice amoureux ou le philtre" определяется следующим образом: "Telle est la pratique de certaines femmes et de certaines filles, qui, pour obliger leurs galans ... de les aimer comme auparavant ... les font manger du gâteau où elles out mis des ordures que je ne veux pas nommer."-(Jean Baptiste Thiers, "Traité des Superstitions," Paris, 1741, p. 150.)

[65] Quâ occasione vel potius execrabilis superstitionis quadam necessitate coguntur electi eorum velut eucharistiam conspersam cum semine humano sumere.- (Saint Augustine, цитируется Bayle, "Philosophical Dictionary," English edition, London, 1737, article "Manicheans.")

[66] Les Catharistes qui étoient une espèce choisie de Manichéens, pétrissoient le pain Eucharistique avec la semence humaine.- (Thiers, "Superstitions," etc., Paris, 1741, vol. ii. lib. 2, chap. i. p. 216; и Пикарт, "Coutumes et Cérémonies," etc., Амстердам, 1729, vol. viii. p. 79).

Е. Б. Тайлор говорит, что "около 700 г. н. э. Иоанн Осунский, патриарх Армении, написал диатрибу против секты паулианцев" (которые, как считается, были потомками манихеев и, в свою очередь, передали свои доктрины альбигойцам). В ходе диатрибы патриарх заявляет, что "они смешивают пшеничную муку с кровью младенцев и таким образом празднуют свое причастие" (Е. В. Tylor, "Primitive Culture", London, 1871, vol. i. p. 69).

[67] См. в Picart, Coutumes et Cérémonies Religieuses, vol. vii. p. 47.

[68] Au Coromandel, ils mettent le visage du mourant sur le derrière d'une vache, lèvent la queue de l'animal et l'excitent à lacher son urine sur le visage ... Если моча окрашивает лицо больного, то собрание радостно восклицает и объединяется среди благополучных, но... если моча не имеет отвращения к мочеиспусканию, то оно страдает" (Picart, "Coutumes et cérémonies religieuses", etc., Amsterdam, 1729, vol. vii. p. 28.)

[69] Picart, Coutumes et cérémonies religieuses, etc., Amsterdam, 1729, vol. vii., pp. 52, 57.

[70] Элоиза, похоже, ссылается на известную греческую надпись на древнем мраморе, которую до сих пор можно увидеть в Медицейских садах: "θεμῖφ εὐχρὶ θελες εὐπὶ ς". Над ним изящная фигура в альт-рельефе, предположительно изображающая тающую Ниобу, - Элоиза, *en déshabillé*.

[71] "Мы имеем в народной медицине, которая все еще существует, неписаную запись начала практики медицины и хирургии..... Ранняя история медицинской науки, как и все другие достижения культуры, может быть изучена более узко и более точно в фольклоре этой и других стран, чем некоторые студенты современной науки и точных современных записей могут считать возможным." - ("Народная медицина", Уильям Джордж Блэк, Лондон, 1883, стр. 2, 3.)

[72] Бычья урина давалась мужчинам, коровья урина - женщинам.

[73] Garrett, Myths in Medicine, New York, 1884, pp. 148, 149.

[74] El remedio mas usual y eficaz es el de la triaca humana, así calledamada, para mayor decencia, el excremento humano, fresco y disuelto en agua que hacen beber al mordido.- (Clavigero, "Historia de la Baja California", Mexico, 1852.)

[75] Decian que era el antidoto de esta ponçona el Fuego i el agua del mar, la dieta y continencia. Другие говорят, что хес дель херидо томада в пильдорах или в другой форме. (Herrera, "Decades", 2, lib. i. pp. 3, 9, 10.) Они говорили, что противоядиями от этого яда являются огонь, морская вода, пост и непрерывность. Другим средством, о котором они говорят, были экскременты раненого, принимаемые в виде пилюль или иным способом".

[76] Garcilasso de la Vega, "Comentarios Reales", перевод Маркхэма, Hakluyt Society, vol. xli. p. 186.

[77] Il se fit un jour une dance de tous les jeunes hommes, femmes et filles toutes nues, en la présence d'une malade à la quelle il fallut (traict que je ne sçay comment excuser ou passer sous silence), qu'un de ces jeunes hommes luy pissast dans la bouche et qu'elle auallast et beust cette eau, ce qu'elle fit avec un grand courage, esperant en recevoir guérison.-(Sagard, "Histoire du Canada", издание Paris, 1885, p. 107).

[78] "Моча маленьких детей, смешанная с известью и выпаренная до образования твердой массы, лечит общую слабость, а превращенная в жидкость, наиболее полезна в качестве примочек для глаз". (Китай.) - ("Ивнинг Стар", Вашингтон, 11 октября 1890 г.).

[79] Это подтверждает мистер Фрэнк Г. Карпентер, побывавший в Корею.

[80] Pour faire de l'eau bénite le Bouc pissoit dans un trou à terre et celui qui faisoit l'office en arrosoit les assistants avec un asperge noir.- (Thiers, Superstitions, etc., vol. ii. book 4, cap. 1, p. 367. См. ту же историю в Picart, vol. viii. p. 69).

[81] Leur faisant voir en songe, qu'ils ne sçauroient guérir qu'en se veautrant dans toutes sortes d'ordures.- (Père Le Jeune, "Jesuit Relations", 1636, опубликовано канадским правительством, Квебек, 1858).

[82] Бранд цитирует Камдена, который говорит об ирландцах, что, "если ребенок не в порядке, они окропляют его самой черствой мочой, какую только могут достать" (Brand, "Popular Antiquities", статья "Christening Customs", London, 1849, vol. ii. p. 86).

[83] Ceux qui lavent leurs mains le matin avec de l'urine pour détourner les maléfices ou pour en empêcher l'effet. Именно для этого судья Пашас впрыснул мочу Святой Люс, потому что он вообразил, что она была сорциевой" (Thiers, "Traité des Superstitions", Paris, 1741, vol. i. cap. 5, p. 471).

Это утверждение дословно повторяет Пикарт ("Coutumes et Cérémonies," etc., Amsterdam, 1729, p. 35), и добавляет, что судья полагал, что этой предосторожностью он лишит ее возможности избежать мучений, которые ее ожидают. Иоанн Сольсберийский, епископ Шартрский, с полным основанием высмеивает это очарование.

[84] La rociaba con sus orinas.- (Torquemada, "Monarchia Indiana", lib. x. cap. 23.)

[85] Сделать небольшую боль с мочой, которую человек, страдающий недугом четвертого квартала, получил в форте своего доступа, выкурить, высушить, дать в руки одному ... и сделать это трижды за три доступа, и ... получит четвертый квартал, и он покинет человека, страдающего недугом.

Faire durcir un œuf, le peler, le piquer de divers coups d'aiguille, le tremper dans l'urine d'une personne qui a la fièvre ... puis le donner à un ... si le malade est un mâle, ou à une ... (Thiers, "Traité des Superstitions", Paris, 1745, vol. i. lib. v. cap. iv. p. 386, скопировано в Picart, "Coutumes et Cérémonies, etc.", Amsterdam, 1729, vol. x. p. 80).

[86] См. Dulaure's "Des Divinités Génératrices", Paris, 1825, pp. 271, 277, 278, 280, 283. Он говорит, что этот рудимент фаллического культа был замечен во Франции "в эпоху, которая была в три раза хуже, чем нынешняя", и что женщины "с восторгом принимали за фаллическую ветвь статуи святого; они полагали, что эта ветвь, введенная в буссоль, делает их счастливыми".

Но Давенпорт, который глубоко изучил вопрос фаллического культа, утверждает, что такие пережитки существовали в некоторых общинах Франции, Сицилии и Бельгии не только до Реформации, но даже до первых десятилетий девятнадцатого века.

Е. Пейн Найт говорит о таком же случае выживания в Изернии, на Сицилии. Он был известен в этом месте уже в 1805 году.

См. также "Мужской крест и древний культ пола", Ша Рокко, Нью-Йорк, 1874 г. и др.

Дюлор, однако, признает, что не знает ни одного примера в древности, когда бы соскабливали фаллос и пили настой из порошка. "L'usage de racler le phallus et d'avalier de cette raclure avec de l'eau, usage dont je ne connais point d'exemple dans l'antiquité."

Dulaure, как указано выше, p. 300.

[87] См. в книге Руселе "Индия", Лондон, 1876, с. 173, 343. Этот день был идентифицирован как наш День апрельского дурака. См. в "Asiatic Researches", Calcutta, 1790, vol. ii. p. 334;

также в Moor's "Hindu Pantheon", London, 1810, pp. 156, 157; также в Encyclopædia Britannica, и Appleton's Encyclopædia, статья "April".

В воскресенье и понедельник, предшествующие Великому посту, в Лиссабоне люди имеют привилегию разыгрывать дурака; считается очень шуточным *обливать водой* любого прохожего или *бросать* ему в лицо *порох*; но делать и то, и другое - совершенство остроумия" (Southey, цитируется по Hone's "Every-Day Book", vol. i. p. 206, London, 1825). См. Brand's "Popular Antiquities", London, 1849, vol. i., p. 131, статья "April Fool's Day").

[88] Авторитет для этого утверждения можно найти в "The Press" из Филадельфии, штат Пенсильвания, скопированном в "Evening Star" из Вашингтона, 26 июля 1890 года.

[89] Para este juego, todos los hombres y muchachos que querian jugar hacian taleguillas ó redecillos llenos de flor de las espadañas ó de algunos papeles rotos; ataban estos con unos cordeles ó cintas de media vara de largo, de tal manera que pudiese hacer golpe; другие забили их в талегильи и закрепили на них спереди и сзади, как будто из маисового цвета; и пусть никто не вынимает из талегильи пьедру или что-то еще, что может попасть в нее. Comenzaban luego los muchachos á jugar este juego á manera de escaramuza y dabanse de talegazos en la cabeza y por donde acertaban y de poco en poco se iban multiplicando de los muchachos y los mas traviesos daban de talegazos á las muchachas que pasaban por la calle; á las veces, se juntaban tres ó quatro para dar á una de tal manera que la fatigaban y la hacian llorar.

Если кто-то из мучачос, которые были очень осторожны, хотел уйти в какую-то часть города, он брал с собой палочку или другой предмет, который заставлял его напрягаться, чтобы защититься. Algunos muchachos escondian la talega y quando pasaba alguna mujer descuidadamente, dabanla de talegazos y quando la daban un golpe, decian Chichiquatzinte mantze, que quiere decir, "Madre Nuestra, és la talega de este juego." Las mugeres andaban muy recatadas quando iban á alguna parte.- (Sahagun, in "Kingsborough", vol. vii. p. 83.)

На празднике богини Тоны играли в ту же игру.- (См. idem, vol. vi. p. 33.)

[90] Hacia toda la gente de el Pueblo unas talegas, á manera de bolsas, y henchianles de heno y paja y otras cosas que no hacen golpe ni tienen peso y colgavanlas de un cordel y traianlas escondidas debajo de los mantos que les servian de capas. С помощью этих талегов дабан де Талегасос для всех лас мугерес, которые находились на территории каллес".

[91] R. Patterson, in "Asiatic Researches," Calcutta, 1805, vol. viii. p. 78.

[92] Африканское божество, Обатала, символизируется выбеленной тыквой с крышкой, которая ставится в храмах. ("Фетишизм", Rev. P. Baudin, New York, 1885, p. 14.)

[93] John de Laet, lib. vi. chap. vii. p. 202.

[94] См. "Иезуиты в Северной Америке" Фрэнсиса Паркмана, работы Джона Гилмари Ши и "Иезуитские миссии" Киппа.

[95] Плиний содержит ряд упоминаний о растениях, которым придавались мистические свойства, которые можно было выкопать только после того, как вокруг них был очерчен круг мечом, молитвы читались в определенных позах и т. д. - (см., в частности, "Мандрагора", lib. xxv. c. 94).

[96] Многочисленные ссылки на цветосимволизм можно найти в работах фон Гельмонта (стр. 1060); Фрейзера, "Тотемизм"; Дж. Оуэна Дорси; д-ра В. Дж. Хоффмана; Блэка, "Народная медицина"; Pettigrew, "Medical Superstitions"; Andrew Lang, "Myth, Ritual, and Religion"; Garrick

Mallery и многие другие; а также в статье "Notes on the Cosmogony and Theogony of the Mojaves of the Colorado River", опубликованной в "Journal of American Folk-Lore", июль-сентябрь, 1889, автором данного тома. В последней показано, что в сознании аборигенов существует идея, что каждый цвет является лекарством, а радуга, представляющая собой сочетание всех цветов, - панацеей; однако следует отметить, что даже во времена доктора Джозефа Ланцони (1694) находились смелые ученые-медики, которые открыто высмеивали подобные представления как абсурдные и нерациональные.

[97] Вряд ли можно сомневаться в том, что аптека в своем зарождении носила ярко выраженный и недвусмысленный религиозный характер. Гримму это хорошо известно. Он говорит нам, что "сбор и заготовка трав должны были осуществляться в определенное время и в соответствии с давно установленными формами..... Незадолго до восхода солнца, когда день только начинался..... Вискум собирали в новолуние, Prima Luna.... Некоторые травы нужно было собирать в темноте, другие срывать при свете луны, обычно в новолуние; третьи - постывшимся человеком; четвертые - перед тем, как услышать гром в тот год..... Выкапывая траву, римляне по обычаю сначала поливали ее медовухой и медом, как бы умилив землю, затем мечом рубили вокруг корня, глядя на восток (или запад), а когда выдергивали, поднимали ее на высоту, не давая коснуться земли..... Большое значение имело предохранение от прикосновения холодного железа к корню; поэтому при рубке использовали золото или раскаленное железо..... При ковырянии или подтягивании оператор в некоторых случаях использовал левую руку; он должен был делать это без одежды и обуви и указывать, для кого и с какой целью это делается". Гримм сетует на скудость немецкой традиции в этом вопросе; однако он находит, что "гиосциамус", или коноплю, должна была брать с земли обнаженная девственница, используя мизинец правой руки и стоя на правой ноге. Французские формулы для таких целей требуют: "Некоторые из тех, кто, чтобы гарантировать злодеяния или чары, с утра, в день праздника, не омыв головы, не поклонившись Дью, не поговорив с человеком и не посолив его в своей постели, берут определенное растение и бросают его на человека, которому причинили зло или наложили на него порчу. Они носят с собой охапку цикория, которую они тронули в день Рождества святого Жана Баптиста за несколько минут до того, как спустился солнечный свет, и которую они затем высыпали на землю с ферментом и множеством церемоний, после того как изгнали с помощью пера Иуды Махавея". Траву не должна была быть "ни вырвана, ни раздавлена". "У римлян был странный обычай ставить на дороге сито и использовать стебли травы, которые через него вырастали, в медицинских целях". (Grimm, "Teut. Mythol." vol. iii. p. 1195 et seq.) Он полностью описывает церемонию сбора мандрагоры, а также упоминает омелу, но ничего не добавляет к информации, изложенной на этих страницах. Во многих рецептах Марцелла, которые, как правило, носили магический характер (tempus, 380 г. н.э.), содержатся предписания "соблюдать целомудрие" (см. "Саксонские пиявки", lib. i. pp. 20, 29).

Опять же, в "Саксонских пиявках", т. i. с. 11, мы узнаем, что некоторые лекарственные растения должны были выдергиваться предписанным образом, при этом имя пациента должно было быть прошептано в тот же момент (цитата из Плиния, lib. xxi., xxii.; опять же, idem, vol. i. p. 14, цитируя Плиния, lib. xii. с. 16).

Траву мандрагоры в лечебных целях мог срывать только чистый человек. "Ее добродетель столь величественна и знаменита, что она немедленно убежит от нечистого человека" (idem, vol. i. p. 245); при сборе барвинка "когда ты сорвешь эту траву, ты будешь свободен от всякой нечистоты" (vol. i. p. 313).

Поверье о способе выдергивания мандрагоры существует у турок: "Пача рассказал мне о диковинке, которую можно увидеть в Орфе..... Эта диковинка состояла из двух маленьких фигурок, сделанных из особого кустарника, частично обученных, частично скрученных и частично вырезанных в форме мужчины и женщины, очень грубо сделанных, и покрытых пятнами, чтобы создать впечатление, что они выросли в такой форме..... Чтобы добыть их, жители привязывали к каждой фигуре собаку за веревку, а затем уходили на большое расстояние. Как только собака натягивала веревку и вытаскивала существо из земли, производимый им шум убивал собаку" ("Assyrian Discoveries", George Smith, New York, 1876, p. 161).

[98] Гиппократ не верил, что эпилепсия - "божественная" болезнь, посланная богами; такая идея, по его мнению, насаждалась шарлатанами для личной выгоды. (См. издание его работ Фрэнсиса Адамса, Сиденхемское общество, Лондон, 1849).

"Ничто не могло так замедлить прогресс медицины и парализовать все усилия по ее совершенствованию, как мнение, некогда столь распространенное, о небесном происхождении болезней, которое, если его признать, обязательно требует божественного вмешательства для их облегчения. Религия и медицина были преданы забвению в результате принятия жертвоприношений и заклинаний, а также наемной практики жрецов для обеспечения заступничества перед богами" ("Medic. Superstitions", Pettigrew, p. 45).

[99] Эпилепсия называлась комиционной болезнью, "потому что заседания комиций прекращались в случае любого зловещего случая этого расстройства" (White-Ridley, Latin-English Dict. См. также "Классический словарь" Лемприера, статья "Comitia").

[100] Слово "carmen", как показывает Гримм, является происхождением слова "charm" ("Teut. Mythology", vol. iii. p. 1035).

Такое же происхождение дают Вебстер и другие авторитеты.

На островах Самоа "Когда ночью подношения съедали собаки или крысы, предполагалось, что бог решил воплотиться на время в виде таких живых существ" ("Samoa", G. Turner, London, 1884, p. 25).

[101] Помазание королей - это пережиток языческих обычаев; помазанные монархи упоминаются в священных книгах Тибета: "du monarque oint ... Пратимокша Сутра."- (W. W. Rockhill, Société Asiatique, Paris, 1885.)

ДОБАВЛЕНИЕ.

Доктор Томас Г. Мортон из Филадельфии сообщает, что среди невежественных женщин не только до сих пор распространено употребление человеческой мочи во время беременности, но и что, как стало известно, женщины-абортницы имели привычку предлагать нострум для предотвращения беременности, одним из компонентов которого были катамениальные выделения.

Обращаясь к предыдущим замечаниям на [странице 162](#), можно заметить, что любопытный пример выживания путем противопоставления можно обнаружить в том, что Пикар рассказывает о древнееврейском церемониале современности. Он говорит о поведении еврея во время молитвы, что он должен тщательно избегать щелей, плевков, сморкания или каких-либо выдохов: "Il doit éviter autant qu'il se peut de bailler, de cracher, de se moucher, de

laisser aller des vents." (Picart, "Coutumes et Cérémonies," &c., vol. i. p. 126). Все эти сведения, по-видимому, взяты из работы рабби Леона из Модены.

В вышесказанном можно увидеть антиподы практики, характерной для поклонения Ваал-Пеору, которую пророки с таким трудом искоренили в сознании избранного народа.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ, К КОТОРЫМ ОБРАЩАЛИСЬ.

- Аббат, сэр Вальтер Скотт.
- Аборигены Виктории и Риверины, Беверидж, Аделаида.
- Abyssinia, A Visit to, W. Winstanley, London, 1881.
- Абиссинские женщины (в "Ивнинг Стар", Вашингтон, округ Колумбия).
- Акоста, История Индий, издание Лондона, 1604.
- Адансон, Путешествие в Сенегал, в Пинкертон.
- Adventure and Beagle, Voyage of, London, 1830.
- Эсхинс Афинский (389-317 гг. до н. э.).
- Африка, Across, Cameron, London, 1877.
- Африка, наблюдения за Африкой, Джон Лео, в книге Пурчаса.
- Африда, король, в "Арабских ночах".
- Аякс, сэр Джон Харингтон.
- Аляска, Уимпер, Лондон, 1868.
- Аллен, Х. Т., доктор, секретарь Корейского легата.
- Американское антропологическое общество, "Трансакции", Вашингтон, округ Колумбия.
- Американский антрополог, Вашингтон, округ Колумбия.
- Американская ассоциация содействия развитию науки.
- Американское историческое обозрение.
- Американское философское общество, "Трансакции".
- Анакалипсис, Годфри Хиггинс, Лондон.
- Анатомия меланхолии, Бертон, издание Лондона, 1806.
- Античная классика для английских читателей, Филадельфия, 1872.
- Древние верования, Инман, Лондон, 1878.
- Ancient Mysteries Described, Hone, London, 1823.
- Эндрюс, Латинский словарь.
- Животные и растения, миссис Фанни Д. Берген, в ежемесячнике "Популярная наука".
- Антропологический институт Г. Британии.
- Antiquarian, American, Chicago, Illinois.
- Antiquité Expliquée, L', Montfaucon.
- Antiquities, Popular, Brand.
- Апокрифический Новый Завет, Уильям Хоун, Лондон, 1820.

- Apologia adversus Phil. et Med. Клеветникам, Пеллегрини.
- Апулей, цитируется.
- Аравия, описание, Niebuhr, Amsterdam.
- Арабские ночи, издание Бертона.
- Арауканы, Смит, Нью-Йорк, 1885.
- Archer, T. A., Third Crusade and Richard the First, New York, 1889.
- Арктическая провинция, наша, Elliott, W. H., New York, 1887.
- An Artist's Wanderings in British North America, Paul Kane, London, 1859.
- Азиатские исследования, Калькутта, 1800.
- Азиатское общество.
- Ассирия, Рагозин, Нью-Йорк, 1887.
- Ассирийские открытия, Джордж Смит, Лондон, 1877.
- Афанасий, св.
- Аткинсон, Т. У., Восточная и Западная Сибирь, Нью-Йорк, 1865.
- Августин, Святой, Civitas Dei.
- Австралия, Nat. Tribes of S., Adelaide.
- Австралийская раса, Э. М. Кэпп, Мельбурн.
- Автерош, Д', русский путешественник.
- Averrhoes, латинское издание, Лион, 1537.
- Авиценна.
- Бэгерт, Якоб (С. Дж.)
- Бейкер, Джордж, Новый драгоценный камень здоровья, Лондон, 1576 (Black Letter), перевод с Геснеруса.
- Бейкер, сэр Сэмюэл, Альберт Ньянза, Филадельфия, 1869.
- Бальбоа, История Перу, в Терно, Париж.
- Бэнкрофт, Х. Х., Коренные расы Тихоокеанского склона.
- Банделье, профессор А. Е.
- Банье, аббат, Мифология, английский перевод, Лондон, 1740.
- Бэнкс, Дж., преподобный, издание Гесиода, Opera et Dies, Лондон, 1885.
- Барбария, Путешествия по Барбарии, Шоу, в Пинкертоне.
- Baronius, Annales, Lucca, 1758.
- Баррингтон, Замечания о статутах, Лондон, 1775.
- Барроу-Пойнт, Отчет о международной экспедиции в.
- Барри, Людовик, Аллея Рам, Лондон, 1611.
- Барт, Генри, доктор, Путешествия по Африке, Филадельфия, 1839.
- Василий, христианский отец.
- Bastian, Allerlei aus Volks und Menschenkunde.
- Baudin, P., Reverend, Fetichism and Fetich Worshippers, New York, 1885.
- Бодин, преподобный отец П., Фетишизм, Нью-Йорк, 1885.
- Бауэр, д-р, Отчет об использовании урата аммиака в лечении фтизиатра.
- Бакстер, Сильвестр, Бостон, Массачусетс.
- Бейль, Анри, Философский словарь, издание 1737 года.

- Бидл, Дж. Х., Западные дикие земли, Цинциннати, Огайо, 1878.
- Бомонт и Флетчер.
- Бекхериус, Дэниел, Медикус Микрокосмус, Лондон, 1660.
- Би, из Омахи, Небраска.
- Говяжий чай, экстракт Либига и моча, д-р Нил, в "Практике", Лондон, 1881.
- Белетус, цитируется.
- Белл, Путешествия по Азии, в Пинкертоне, т. 7.
- Бениусский, русский исследователь.
- Бенджамин, Г. У., Достопочтенный, Персия, Нью-Йорк, 1888.
- Berchon, Ernest, Histoire Médicale du Tatouage, Paris, 1867, цитируется.
- Берген, Ф. Д., миссис, Кембридж, Массачусетс.
- Берген, Джозеф Й., младший, Кембридж, Массачусетс.
- Берген, миссис Фанни Д.
- Бернар, доктор, Канны, Франция.
- Французский словарь Бешереля.
- Беверидж, Аборигены Виктории и Риверина, Аделаида.
- Беверли, Вирджиния.
- Библия.
- Bibliotheca Scatologica (анонимная).
- Биллингс, Джон С., хирург США.
- Биография слов, Макс Мюллер, Лондон, 1888.
- Bizouard, J., Rapports de l'Homme avec le Démon, Paris, 1864.
- Блэк, Уильям Джордж, Народная медицина, Лондон, 1883.
- Blade, J. F., Contes et Proverbes populaires, цитируется.
- Blambeauseant, Tragedy of the Gout (A.D. 1600).
- Bleekens, Dittmar, in Purchas.
- Blount, Tenures of Land and Customs of Manors (издание Хэзлитта, Лондон, 1874).
Предыдущее издание той же работы называлось "Jocular Tenures".
- Блаунт, Путешествие в Левант, в книге Пинкертон.
- Blower, Ralph, A Rich Storehouse or Treasurie for the Diseased (black letter), London, 1616.
- Blunt, Vestiges.
- Boas, Franz, Thlinkeets, в Journal of American Folk-Lore; также Cent. Eskimo, Rep. on N. W. Tribes, etc.
- Бохарт, цитируется.
- Bock, Carl, Head-Hunters of Borneo, London, 1881.
- Богл, Тибет.
- Бонифаций, письма.
- Пограничные земли Китая, У. У. Рокхилл, в кн.
- Borellus, P., Obser. Medic., цитируется.
- Борлаз, Древности Корнуолла, цитируется.
- Борнео, Охотники за головами, Карл Бок, Лондон, 1881.

- Боскана, Джеронимо, фраер.
- Bourke, John G., Snake Dance of the Moquis, London and New York, 1884; Notes on the Theogony and Cosmogony of the Mojave Indians of the Colorado River.
- Французский словарь Бойе.
- Бойль, философ.
- Бранд, Популярные древности.
- Бранд, Энциклопедия науки, литературы и искусства.
- Брассёр де Бурбур, введение к Ланде.
- Бринтон, Д. Г., доктор, Мифы Нового Света, Нью-Йорк, 1868.
- Британская ассоциация содействия развитию науки.
- Британский монахизм, преподобный Томас Дадли Фосброк, Лондон, 1817.
- Браун, Дж. Росс, Уошо, цитируется.
- Браун, сэр Томас, "Religio Medici".
- Брюс, Джеймс, Путешествия к источнику Нила, Дублин, 1790.
- Брайант, Джейкоб, Мифология, Лондон, 1775.
- Бьюкенен, Путешествие через Майсур, в "Путешествиях Пинкертон".
- Buckish Slang, Dictionary of, Grose, London, 1811.
- Buckle, H. T., Commonplace Book; Contributions to History of the Pet.
- Bullfinch's Mythology (edited by Rev. E. E. Hale), Boston, 1883.
- Буннемайер, перевод Стеллера.
- Бунзен, Analecta, Гамбург.
- Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.
- Бертон, Анатомия меланхолии.
- Бертон, Ричард Ф., Арабские ночи.
- Буш, Ричард Дж., Северные олени, собаки и снегоступы, Лондон.
- Батлер, Гудибрас.
- Калика Пурана, священная книга индусов.
- Калифорния, А. А. Робинсон, Нью-Йорк, 1850.
- Калифорния, История Баха, Клавигеро, Мексика, 1852.
- Кальмет, Дом, цитируется.
- Кэмден, Британия, издание Лондона, 1753.
- Камерон, Через Африку, Лондон, 1877.
- Кэмпбелл, Роберт Аллен, Фаллическое поклонение.
- Канада, История Сагарда, издание Париж, 1885.
- Канада, Отчет о племенах Северо-Запада, Боас.
- Каракалла, Жизнь, Лампридий.
- Карден, Дж. Б.
- Карпентер, Фрэнк Г., Письма в Omaha Bee; также в New York World.
- Карр, Э. М., Австралийская раса, Мельбурн, 1886.
- Картер, Роберт Г., капитан армии США.
- Кастаньеда, в Терно.
- Каталин.

- Катлин, Джордж, художник и писатель.
- Катулл, Эпиграммы.
- Седранус, историк.
- Центральная Африка, Шайе Лонг, Нью-Йорк, 1877.
- Центральные эскимосы, Боас, в отчете Бур. этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.
- Century Magazine.
- Халдейский рассказ о Бытие, Джордж Смит, Нью-Йорк, 1880.
- Халдейская магия, Франсуа Ленорман, Лондон, 1873.
- Книга дней Чемберса.
- Шарлевуа, Новая Франция.
- Шателен, преподобный мистер.
- Chatelet, Parent du, La Prostitution, Paris.
- Чили, Гражданская история Рейно де, дон Хуан Игнасио Молина, издание Мадрид, 1788.
- Китай, экспедиция Бисфама в Китай, Лондон, 1842.
- Китай, Пограничные земли, Рокхилл.
- Китай, история Китая, отец Дю Хальде, (S. J.), Лондон, 1736.
- China Illustrata, Father Kircher, S. J., цитируется.
- Китай, религии, Легге.
- Китайский министр в Соединенных Штатах, Чан Ен Мун.
- Китайский репозиторий, Кантон, 1840 и другие годы.
- Чинигчинич, отец Джеронимо Боскана, в книге А. А. Робинсона "Калифорния", Нью-Йорк, 1850.
- Чипсы из немецкой мастерской, Макс Мюллер.
- Крисфилд, мистер, Библиотека Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия.
- Хроника Лондона (14 г. н.э.), цитируется.
- Хризостом, святой, христианский отец.
- Хилология, Шуриг, Дрезден, 1725.
- Chyrurgeon's Closet, London, 1632.
- Цицерон.
- Цицерон, De Natura Deorum.
- Кларк, Бен, переводчик с языка шайенов.
- Клавигеро, История Баха Калифорнии, Мексика, 1852.
- Клей, Корнуоллис, Семинолы Флориды.
- Клеменс, Сэмюэл (Марк Твен), Гекльберри Финн.
- Кокрейн, Джон Дандас, Пешеходное путешествие по сибирской Тартарии, Филадельфия, 1820.
- Коулман, Мифология индусов, Лондон, 1832.
- Полный английский диспансер, Джон Куинси, доктор медицины, Лондон, 1730.
- Полный английский лекарь, Лондон, 1730.
- Согласования и комментарии, Коуден Кларк, Шекспира; Камден, Писания; Комментарии Ланге (д-р Филипп Шафф).

- Конго, Путешествие отца Мероллы в Конго, в "Путешествиях Пинкертон".
- Конго, Генри М. Стэнли, Нью-Йорк, 1885.
- Библиотека Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия.
- Кук, капитан Королевского флота, в "Путешествиях Хоксуорта", Лондон, 1773.
- Кук, лейтенант, Р. Н.
- Кук, М. К., Британские грибы, Лондон, 1862.
- Корбюзье, Уильям Х., хирург, США.
- Cotgreave's English Dictionary.
- Котта, Джон, "Краткие сведения об опасностях, которые могут возникнуть в результате невежественной и неразумной практики физики в Англии", Лондон, 1612.
- Коттинг, Бенджамин Эдди, М. Д., Профессиональные воспоминания, Бостон, 1888.
- Coutumes et Cérémonies Religieuses de Toutes les Nations du Monde, Picart, Amsterdam, 1729, девять томов.
- Кокс, сэр Ричард, История Ирландии.
- Кокс, Уильям, Русские открытия, Лондон, 1803.
- Croq' Étron, Prince, Hist. Secrète du, M'lle Laubert, Paris, 1790.
- Кросс, Мужественный, 1886.
- Крестовый поход, Третий и Ричард Первый, Т. А. Арчер, Нью-Йорк, 1889.
- Кулин, Стюарт (Филадельфия), Заметки о китайской терапии.
- Калпеппер, Николас, Английский врач, Лондон, 1765.
- Cultes, Traité des Differens, Dulaure.
- Культура, Примитив, Э. Б. Тайлор.
- Месть Купидона, Бомонт и Флетчер.
- Кушинг, Фрэнк Х., этнолог.
- Циклопедия, Американская, Нью-Йорк, 1881.
- Циклопедия, Брэдфорда, Филадельфия, без даты.
- Циклопедии, Johnson's New Universal, Нью-Йорк, 1873.
- Циклопедия древностей, преподобный Томас Дадли Фосброк, Лондон, 1843.
- Киприан, святой, христианский отец.
- Кирилл, святой, христианский отец.
- Дадабхай-Надроси, Описание парсов.
- Дальгрэн, М. В., миссис, Магия южных гор.
- Далл, Маски и лабреты, Этнологическое бюро, Вашингтон, округ Колумбия, ежегодные отчеты.
- Дейлилл, Джон Грэм, Суеверия Шотландии, Эдинбург.
- Дарместер, перевод Зендавесты.
- Дана, Дж.
- Даниэль Эремита, цитируется.
- Данте, Инферно, перевод Кери.
- Дарвин, Чарльз, в "Путешествии Авантюриста и Бигля", Лондон, 1839.
- Дэвенпорт, О силах размножения, Лондон (частное издание).

- Дни, Книга дней, Чамберс.
- Мертвые, египетский ритуал.
- De Bry, Indias Orientales, in Purchas' Pilgrims.
- Де Кандолль, ботаник.
- Де Янон, Патрисио.
- Деккар, Томас, Честная шлюха, Лондон, 1604.
- Де Лаэт, Джон.
- Демокрит, цитируемый Плинием.
- Описание парсов, Дадабхаи-Надроси.
- Описательная социология, Герберт Спенсер.
- Де Смет, отец, миссионер и исследователь, Орегонские миссии, Нью-Йорк, 1847.
- Второзаконие.
- Диас, Берналь, Завоевание Мексики, Лондон, 1844.
- Диас, Мельхиор, испанский исследователь.
- Словарь, Cotgreave's English.
- Словарь бакского сленга, Гроуз, Лондон, 1811.
- Словарь сект и ересей, Оксфорд, 1874.
- Цитируемые словари:- Диспансеризация Соединенных Штатов, Вуд и Бэч (Филадельфия, Па., 1886);
- Лондонский медицинский, издание Бартоломью Парра, М. Д. (Филадельфия, 1819);
- Английский язык Вебстера; Английский язык Вустера;
- Antiquities (London, 1850), Smith;
- Классический, Anthon's;
- Lemprière's Classical;
- Испанско-английский Неймана и Баретти (Валаскеса);
- Испанской академии;
- Испано-английский язык Стивенса (1706);
- Устаревший и провинциальный английский, Томас Райт (Лондон, 1869);
- Медицинский, Данглисон (Филадельфия, 1860);
- Dictionnaire National, Bescherelle (Париж, 1857);
- Dictionnaire Universel du XIX. Siècle, P. Larousse;
- White-Ridley, Latin-English;
- Религиозные знания, Аббот и Конант (Нью-Йорк, 1875);
- Библия, Уильям Смит (Нью-Йорк, 1871);
- греческих и римских древностей, Уильям Смит, LL.D. (Бостон, 1849);
- Секты и ереси (Оксфорд, 1874);
- Гаск, Ф. Г. А., французский и английский языки.
- См. также в разделах "[Циклопедия](#)" и "[Энциклопедия](#)".
- Дидро и д'Алембер, Энциклопедия.
- Диллон, Экспедиция в поисках Лаперуза, Лондон, 1829.

- Диодор Сикулус.
- Диоскорид, *Materia Medica*, издание Куна, Лейпциг, 1829.
- *Discoverie of Witchcraft*, Reginald Scot.
- *Dissertation sur le dieu Pet*, M. Claude Terrain, цитируется.
- Додж, Р. И., Наши дикие индейцы.
- Доменек, аббат, Пустыни.
- *Domesday Book*, цитата.
- Дорман, Раштон, Примитивные суеверия, Нью-Йорк, 1881.
- Дорси, Дж. Оуэн, преподобный, этнолог, Бюро этнологии, США, Народные предания тетонов, в журнале "Американские народные предания".
- Досабхай Фрамдже Карака.
- Douce, Francis, *Illustrations of Shakespeare*, London, 1807.
- Драматурги, английские. См. [Шекспир](#), [Джонсон](#), [Драйден](#), [Бомонт и Флетчер](#), [Людовик Барри](#), [Миддлтон](#), [Гиффорд](#).
- Дрек-апотека, Христиан Франц Пауллини, Франкфорт, 1696.
- Друиды и их религия, Джон Элиот Говард.
- Друиды, преподобный Ричард Смидди, Дублин, 1871.
- Драйден, Сатиры Ювенала.
- Дюбуа, аббат, Люди Индии, Лондон, 1817.
- Дюканж, Глоссарий, Заметки о владении землей по Плоскости;
- Заметки о пошлине, взимаемой с проституток;
- о строительстве мостов.
- Дю Хальде, отец (С. Дж.), История Китая.
- Dulaure, J. B., *Des Différens Cultes; Des Divinités Génératrices*.
- Dupouy, Dr., *Le Moyen Age Médical*. См. раздел "[Минор](#)".
- Дюран, фрау Диего.
- Голландская куртизанка, Марстон, Лондон, 1605.
- Истмен, миссис, Легенды сиу, Нью-Йорк, 1849.
- Итон, Джон Мэтьюс, Трактат о разведении голубей, Лондон, без даты.
- Эгед, Ханс, миссионер и писатель, Гренландия, Лондон, 1816.
- Эгед, Сааби, миссионер и писатель, Гренландия, Лондон, 1816 г.
- Эллиотт, Генри У., Наша арктическая провинция, Нью-Йорк, 1887.
- Эллис, Хэвелок.
- Эллис, Полинезийские исследования, цитируется.
- Посольство в Тибет, Тернер, Лондон, 1806.
- Эмерсон, Эллен Рассел, Мифы индейцев, Бостон, 1884.
- *Encyclopædia Britannica*, издание 1841 года, и другие издания.
- Энциклопедии, помимо Британской, изученные во время подготовки этой работы:.
- Энциклопедия наук и т. д., Нейфшатель, 1765.
- Энциклопедия, Филадельфия, 1797.
- Энциклопедия Дидро и Д'Алембера, Женева, 1779.

- Энциклопедия, Международная.
- Энциклопедия метрополии.
- Энциклопедия географии, Филадельфия, 1845.
- Энциклопедия религиозных знаний, Schaff-Herzog, Нью-Йорк.
- Энциклопедия, Chambers's, издание Филадельфии, 1866.
- Энциклопедия, Брэдбери и Эванс, Лондон, 1854.
- Английская история от современных писателей, Нью-Йорк, 1839.
- Английская реформация, Фрэнсис Чарльз Массингберд.
- Englishman's Treasure, The (black letter), London, 1641 (в коллекции Тонера, Библиотека Конгресса), написанная Томасом Викари, хирургом короля Генриха VIII, королевы Марии и королевы Елизаветы.
- Ephemeridum Physico-Medico, Лейпсиг (напечатано в 1694 г.).
- Эразм, De Civilitate, цитируется.
- Эрлеммайер, А., доктор.
- Эскимос, Центральный, Франц Боаз, в An. Rep. of Bur. of Ethnol.
- Эскимосы, сказки и традиции эскимосов, Генри Ринк, Эдинбург, 1875.
- Этнология, Бюро, Вашингтон, округ Колумбия, ежегодный отчет.
- Этнография западных племен Торресова пролива, А. К. Хаддан, в журнале Антропологического института Великобритании.
- Этнологическое общество, Лондон, Транзакции.
- Этмюллер, Михаэль, Opera Omnia, Лион, 1690, включая Comment. Ludov. and Schroderii Dilucidati, etc.
- Études de la Nature, Bernardin de Saint Pierre, цитируется.
- Евсевий, De Præparatione Evangelii, цитируется.
- Эванс, Льюис, преподобный, Перевод Ювенала, Нью-Йорк, 1860.
- Эванс, С. Б., доктор, Оттумва, Айова.
- Ивнинг Стар, Вашингтон, округ Колумбия.
- Каждый человек не в своем уме, Бен Джонсон.
- Исход.
- Эйр, Журнал экспедиции в Центральную Австралию, Лондон, 1845.
- Иезекииль, Еврейский драматург.
- Фабер, Языческое идолопоклонство.
- Сказки, Хэзлитт.
- Семья, Примитив, К. Н. Старк, доктор философии, Нью-Йорк, 1889.
- Фарс мастера Пателина (1480 г. н.э.).
- Фаргарды, из Зендавесты.
- Fascination, La, J. Tuchmann, in Melusine.
- Featherman, A., Social History of the Races of Mankind, London, 1887.
- Фергюссон, А. В.
- Ферри, майор.
- Фетишизм, Шульце, Нью-Йорк, 1835.
- Фетишизм, отец П. Боден, Нью-Йорк, 1885.

- Финерти, Джон Ф., почтенный.
- Флемминг, Самуэль Август, De Remediis ex Corpore Humano desumtis, Эрфурт, 1738.
- Флетчер, Алиса, Солнечный танец огалла-сиу, Am. Ass. Scien.
- Флетчер, Роберт, доктор, армия США, Татуировка среди цивилизованных людей.
- Флетчер, Роберт, доктор медицины, президент Антропологического общества, Вашингтон, округ Колумбия.
- Народная этимология, преподобный А. Смайт-Палмер.
- Народная этимология, преподобный А. Смит-Палмер, Лондон, 1882.
- Folk-Lore, American Journal of.
- Folk-Lore, in Indo-Mahomedan Folk-Lore;
- Фольклор немцев Пенсильвании, Хоффман, в журнале "Американский фольклор";
- Народная медицина немцев Пенсильвании, Американское философское общество.
- Folk-Lore Journal (of America).
- Folk-Lore, Napier, London.
- Folk-Lore Record, Лондон.
- Народная медицина, Уильям Джордж Блэк, Лондон, 1883.
- Forbes, English-Hindustani Dictionary, London, 1848.
- Форстер, Очерки об индусах, цитируется.
- Forster's Voyages around the World, London, 1777.
- Фосброк, преподобный Томас Дадли, Энциклопедия древностей, британский монашество, Лондон, 1843.
- Фоулк, лейтенант, ВМС США.
- Фоук, Фрэнк Реде, Музей Южного Кенсингтона.
- Франция, Ла Нувель, Шарлевуа.
- Журнал Фрейзера, Лондон.
- Фрейзер, Джеймс, Г. М. А., Золотая ветвь, Лондон, 1890.
- Фрейзер, Дж. Г., М. А., Тотемизм, Эдинбург, 1887.
- Фрейзер, Джон, доктор права, Австралия.
- Фромман, Иоганн Христиан, Трактат об очаровании, Нюрнберг, 1675.
- Грибы, Британия, М. К. Кук, Лондон, 1862.
- Фурлонг, Дж. Г., генерал-майор, Н. В. М. А., Реки жизни, Лондон.
- Гайдос, М. Х., редактор "Мелузины".
- Гален, Opera Omnia (издание Куна, Лейпциг, 1829).
- Ганин, De Simplic. Medicament, цитируется.
- Гатчетт, Альфред, доктор, Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.
- Бытие, халдейское изложение, Джордж Смит, Нью-Йорк, 1880.
- Geografia de las Lenguas de Mejico, Orozco y Berra, Mexico, 1854.
- Герард из Кремоны, издание Авиценны. См. [Авиценна](#).

- Gesnerus, Dr., *Newe Jewell of Health*, London, 1576 (черная буква). См. также в разделе [Бейкер, Джордж](#).
- Гиббон, Эдуард, историк.
- Гиснейн, *De Mater. Medic.*, цитируется.
- Перевод Ювенала, выполненный Гиффордом. См. [Ювенал](#).
- Гилдер, Уильям Х., *Поиски Шватки*, Нью-Йорк, 1881;
- *Ice-Pack and Tundra*, New York, 1883;
- Личные письма от.
- Gilmour, James, Rev., *Among the Mongols*, London, 1883.
- Глоссарий, Дюканж.
- Гмелин, русский исследователь.
- Goclenius, Roderick, *Physiol. Crepitus Ventris*, Frankfort, 1607, цитируется.
- Голдсмит, Оливер, *Письма гражданина мира*, издание 1854 года.
- Gómara, *Historia de las Indias*.
- Гудвин, перевод "Нравов Плутарха", Бостон, 1870.
- Гуге, Барнаби, перевод Наогеоргия, цитируется.
- Гореус, медицинский писатель, цитируется.
- Евангелие младенчества.
- Гренландия, *История Гренландии*, Кранц, Лондон, 1767.
- Гренландия, Граах, Лондон, 1837.
- Гренландия, Ханс Эгед.
- Гренландия, Ханс Эгед Саабие, Лондон, 1816.
- Григорий IX, папа римский.
- Грив, Джеймс, Журнал.
- Гримм, Якоб, *Тевтонская мифология*.
- Гроуз, *Словарь бакского сленга*, Лондон, 1811.
- Гуфер, Джон, *Медицина. Отечественная*, цитируется.
- *Guida alla Chimica*, цитируется.
- Guignas, de, *Voyage de Pekin à Paris*, Paris, 1808.
- Гвинея, Босман, в Пинкертоне.
- Путешествия Гулливера, Джонатан Свифт.
- Хэддон, А. К., *Этнография западных племен Торрессова пролива*, в журнале Антропологического института Великобритании.
- Hagendormius, Ehrenfreid, цитируется.
- Хахан, Теофил, преподобный.
- Хан, Теофил, миссионер.
- Публикации Общества Хаклюйта, Лондон.
- *Nakluyt, Voyages*.
- Хаммонд, бывший хирург, генерал армии США, *Физиологические мемуары*, Нью-Йорк, 1863.
- Харингтон, сэр Джон, "Аякс", Лондон, 1596.
- Журнал Хармана, Андовер, Массачусетс, 1820 г.

- Harper's New Monthly Magazine, New York.
- Гастингс, доктор, О медицинской ценности выделений рептилий при лечении фтизиатра.
- Hawkesworth's Voyages, London, 1773.
- Хейс, доктор, исследователь Арктики.
- Хэзлитт, Сказки.
- Хит, Перри С.
- Хили, Майкл, капитан американского катера "Медведь".
- Херд, Альберт Ф., Русское вероисповедание и русское несогласие, Нью-Йорк и Лондон, 1887.
- Сердце Африки, Швайнфурт, Лондон, 1872.
- Гельвеций, Джон Фредер, Дирижер, цитируется.
- Хеншоу, Х. К., профессор, Бюро этнологии, Смитсоновский институт.
- Геральд, воскресенье, Вашингтон, округ Колумбия.
- Герман, издание Orphei Fragmenta.
- Геродот.
- Эррера, Антонио, Декады, Мадрид.
- Гершон, Пол Исаак, Талмудический сборник, Бостон, 1880.
- Hesiod, Opera et Dies, Rev. J. Banks, London, 1857.
- Hibernicis, De Rebus, Vallencey.
- Хидатса, хирург Вашингтон Мэтьюс, армия США.
- Хиггинс, Годфри, Анакалипсис, Кельтские друиды.
- Индусы, Мифология индусов, Коулман, Лондон, 1832.
- Гиппократ, издание Адамса, Сиденхемское общество, Лондон, 1849;
- Издание Куна, Лейпциг, 1825.
- Histoire de Paris, Dulaure, 1825.
- Histoire Médicale du Tatouage, Ernest Berchon, Paris, 1867.
- Histoire Secrète du Prince Croq' Étron, M'lle Laubert, Paris, 1790.
- Historia de las Indias, Gómara.
- Хиттелл, Джон С., Сан-Франциско, Калифорния.
- Хоффман, д-р У. Дж., Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.
- Хоффман, У. Дж., М. Д., Народные предания немцев Пенсильвании, Народная медицина немцев Пенсильвании, (Американское фил. общество).
- Холдер, А. Б., д-р, Боте, в Нью-Йоркском медицинском журнале.
- Гомер.
- Homer Burlesqued.
- Гомеопатический журнал.
- Hone, William, Ancient Mysteries, Apocryphal Gospels, London, 1820;
- Every Day Book, London, 18-.
- Honest Whore, The, Thomas Dekkar, London, 1605.
- Hoosier in Russia, Perry S. Heath.
- Гораций, латинский поэт, Сатиры.

- Хорсфорд, Э. Н., профессор Гарвардского университета.
- Хоспиниан, de Origine Festorum Christianorum, цитируется.
- Говард, Джон Элиот, Друиды и их религия.
- Гюк, аббат, Путешествия и т. д.
- Гудибрас, Батлер.
- Хуйен-Цанг, буддийский путешественник.
- Хамфри Клинкер, Тобиас Смоллетт.
- Гунервольф, Якоб Августин, доктор (1694).
- Ice-Pack and Tundra, W. H. Gilder, New York, 1881.
- Инамма, падре (С. Дж.), миссионер в Нижней Калифорнии.
- Инки, басни и обряды, падре Кривоваль де Молина (перевод Клементса К. Маркхэма), Hakluyt Society Transactions.
- Индия, Руселе, Лондон, 1876.
- Индия, современная, Монье Уильямс, Лондон, 1878.
- Индейские названия мест вблизи Великих озер, Келтон.
- Indias, Historia de las, Gómara.
- Индо-магометанские народные предания.
- Легенды Инголдсби, американское издание.
- Инман, Древние верования, воплощенные в древних именах, Лондон, 1878.
- Международная полярная экспедиция в Пойнт-Бэрроу, отчет, Вашингтон.
- Ирландия, древние легенды и суеверия, леди Уайлд, Бостон, 1888.
- Ирландия, история, сэр Ричард Кокс.
- Ирландия, Медицинская мифология, Джеймс Муни.
- Irish, Manners and Customs of the Ancient, Eugene O'Curry, New York, London, Edinburgh, and Dublin, 1873.
- Ирвин, Б. Дж. Д., хирург армии США.
- Джек из Дувра "Поиски", в публикациях Перси Сок.
- Ягер, Густав, врач, Штутгарт, Германия.
- Jahrbuch fur Erdkunde, Dresden, 1870.
- Джеймс, Х. Э. М., Длинная белая гора, Лондон, 1888.
- Япония, история, Кемпер, в Пинкертоне.
- Йархи, Соломон Бен, раввин, комментарии, цитируется.
- Дженнингс, Харгрейв, Фаллицизм, Лондон, 1884.
- Иезуитские миссии, епископ Кип.
- Иезуитские отношения.
- Иезуиты в Северной Америке, Фрэнсис Паркман, Бостон, 1867.
- Иудейские войны, Иосиф.
- Джекс-Блейк, преподобный, его рассказ об индуистских храмах.
- Joest, Wilhelm, Tatowinen, Narbenzeichnen und Korperbemalen, Berlin, 1887.
- Иоанн XXI, папа римский, медицинские труды, цитируется.
- Джонсон, Ричард, мастер, в Пурчасе.
- Johnstonus, J., Thaum. admirand. homin., цитируется.

- Джонс, сэр Уильям.
- Джонсон, Бен, драматург.
- Jonson, Ben, Works of, Gifford's edition;
- The Staple of News.
- Josephus, De Bello Judaico.
- Иосиф, Иудейские войны.
- Жуан, Анри, капитан французского флота.
- Журнал американских народных преданий, Бостон, Массачусетс.
- Журнал Антропологического института Великобритании, Лондон.
- Ювенал. Были изучены следующие издания:
- Перевод преподобного Льюиса Эванса, Оксфорд, Нью-Йорк, 1860;
- Перевод Гиффорда;
- Эдвард Уолфорд, М. А., Балиол, Оксфорд.
- Ювенал, Сатиры, переводы Эванса, Драйдена и Гиффорда.
- Калевала, скандинавская сага.
- Камчатка, Стеллер (перевод Буннемайера).
- Камчатка и Курильские острова, Джеймс Грив, Глостер, Англия, 1764.
- Камчатка, история, Стеллер. См. [Стеллер](#).
- Кейн, Пол, Странствия художника по Северной Америке, Лондон, 1850.
- Kelton, Dwight H., Indian Names of Places near the Great Lakes.
- Кемпер, История Японии, в "Путешествиях Пинкертон".
- Кеннард, мистер, Береговая служба США, описывает мочальную оргию.
- Кеннон, Джордж. Палаточная жизнь в Сибири, Нью-Йорк, 1885.
- Кингсборо, лорд, Мексиканские древности.
- Кингсли, Дж. У., доктор, Кембридж, Англия.
- Киплинг, Редьярд, Солдаты-3, Нью-Йорк, 1890;
- Plain Tales.
- Кирхер, отец, (С. Дж.), Китайская иллюстрация, цитируется.
- Найт, Р. Пейн.
- Нокс, Вояжи и путешествия, серия, Лондон, 1777.
- Колбен, Питер, Путешествие к мысу Доброй Надежды, в Knox, Voyage, London, 1777.
- Kotzebue, Voyages, etc., London, 1821.
- Крачениников, русский путешественник.
- Креницин, Путешествие и т. д., цитируется в "Русских открытиях" Кокса.
- Крузенштерн, Кругосветное путешествие (английский перевод), Лондон, 1813.
- Кубари, Религия Пелевских островов, цитируется.
- Кингдон, Ф. Б., секретарь Королевского общества, Сидней, Новый Южный Уэльс.
- Лактанций, Divinarum Institutionum, Институты, Divinas ejus, и т. д., цитируется.
- Лафито, пьер.
- Ла Флеше, Фрэнсис, Американское антропологическое общество.

- Лампридий, Жизнь Каракаллы.
- Лампридий, Жизнь императора Коммода.
- Ланцет, Лондон.
- Landa, Cosas de Yucatan (Trench edition), Paris, 1864.
- Ланг, Эндрю, Миф, ритуал и религия, Лондон, 1887.
- Ланг, профессор, из Германии.
- Langsdorf, Voyages, etc., London, 1814.
- Lansdell, Henry, Through Siberia, London, 1882.
- Ланцони, Иосиф, врач (1694 г. н. э.).
- Лапландия, Дания, рассказ о ней, Leems, в Pinkerton.
- Laubert, M'lle, Histoire Secrète du Prince Croq Étron, Paris, 1790.
- Личдомы, саксонские.
- Леем, Датская Лапландия, в Пинкертоне.
- Легге, Религии Китая.
- Ле Жён, отец, миссионер.
- Lemnius, Levinus, Secret Miracles of Nature (английский перевод), London, 1658.
- Лемприер, Классический словарь.
- Дельта Лены, В дельте, Джордж В. Мелвилл, главный инженер ВМС США, Бостон, Массачусетс, 1885.
- Ленорман, Франсуа, Халдейская магия.
- Лео, Джон, Наблюдения за Африкой, в книге "Пурча".
- Леон из Модены, Рабби, цитируется.
- Lerousse, P., Grand Dictionnaire Universel, Paris, 1875.
- Le Roux de Lincy, Livres des Proverbes Français, Paris, 1848.
- Ле Саж, Эль Бачиллер де Саламанка.
- Левит.
- Льюис и Кларк, исследователи.
- Экстракт Либига, говяжий чай и моча, Ричард М. Нил, доктор медицины, в журнале "Практик", Лондон.
- Линнеус.
- Журнал Липпинкотта, Филадельфия, Пенсильвания.
- Лисянский, Путешествия вокруг света, Лондон, 1814.
- Литтре, Французский словарь.
- Ливингстон, Замбези, Лондон, 1865.
- Лонг, Шайе, Центральная Африка, Нью-Йорк, 1877.
- Лонг, Путешествия;
- Expedition, Philadelphia, 1823.
- Лукиан, Диалоги, цитируется;
- De Dea Syra, цитируется;
- Трагоподагра, цитируется, (издание Уильяма Тука, F. R. S.), Лондон, 1820.
- Лукиан, Трагоподагра, издание Уильяма Тука, F. R. S., Лондон, 1820.

- Луций, Сатиры, перевод преподобного Льюиса Эванса, издание Нью-Йорка, 1860.
- Лукреций, *De Natura Rerum*, перевод Джона Мейсона Гуда.
- Лумхольц, Карл.
- Лайон, Г. Ф., Журнал.
- Маколей, мистер (из Филадельфии, Пенсильвания), его описание фаллического выживания на Ривьере, Италия.
- Маколей, Т. Б., Эссе.
- МакКлинток и Стронг, Циклопедии библейской, теологической и церковной литературы, Нью-Йорк, 1880.
- МакЭлхон, мистер, стенографист Палаты представителей, Вашингтон, округ Колумбия.
- Макфили, Роберт.
- Макгилликадди, В. Т., врач, Дакота.
- Magdeleine, E., *Le Gui de Chêne et les Druides*, Paris, 1877.
- Магия, Халдейская, Ленорман, Лондон, 1872.
- Магия, Южная гора, миссис М. В. Дальгрэн, Бостон, 1882.
- Мэллери, Гаррик, полковник.
- *Malleus Maleficarum (Incunabula)*, Издательство Питера Шеффера, Майенс, 1487.
- Мальтебрун, Универсальная география, американское издание, Филадельфия, Пенсильвания, 1832.
- Мандевиль, сэр Джон, Путешествия.
- Манн, Джон Ф., Австралия.
- *Manners and Customs of the Ancient Irish*, Eugene O'Curry, London, New York, Dublin, and Edinburgh, 1873.
- Мэннинг, Письма о Тибете. См. в [Маркхэме](#).
- Mantegazza, *Gli amori degli uomini*.
- Маори Новой Зеландии, Э. Т. Трегир, в журнале Антропологического института, Лондон.
- Марко Поло.
- Маркхэм, Клементс К., перевод комментариев Гарсилассо де ла Вега;
- его работа о Тибете, Лондон, 1879.
- Марстон, Голландская куртизанка, Лондон.
- Марциал, Эпиграммы, издание, Лондон, 1871.
- Мужской крест, 1886.
- Маски и лабреты, Далл.
- Массингберд, Фрэнсис Чарльз.
- Мэтью из Парижа, Хроники.
- Мэтьюс, Джон, эсквайр, Виктория, Австралия.
- Мэтьюс, Джон, лейтенант Королевского флота, Путешествие в Сьерра-Леоне в 1785 году, Лондон, 1788.
- Мэтьюс, Вашингтон, Хирург армии США, Хидатаса.
- Морис, Индийские древности, Лондон, 1800.

- Максимилиан, принц Вида, Путешествия и т. д., Лондон, 1843.
- Макс Мюллер, Священные книги Востока, Оксфорд, 1880.
- Мэр Тамборо, Бомонт и Флетчер.
- Медицинский журнал, Нью-Йорк.
- Медицинские труды Папы Иоанна XXI, цитируется.
- Лекарства, наиболее возвышенные и наиболее одобренные, Лондон, 1652.
- Мейньянь, от Парижа до Пекина, Лондон, 1885.
- Мелюзина (Гайдос), Париж.
- Мелвилл, Джордж У., главный инженер военно-морского флота США.
- Мендьета, в Иказбальсете, Мексика, 1870.
- Меролла, отец, Путешествие в Конго, в книге "Пинкертон".
- Мью, У. М., хирург армии США, анализ таблеток из ордуры.
- Мексиканские древности, лорд Кингсборо, Лондон.
- Мексика, завоевание, Берналь Диас, Лондон, 1844.
- Мишо, историк.
- Мишлюх-Маклай.
- Средние века, врачи, Т. К. Минор, М. Д., Цинциннати, Огайо, 1889.
- Миддлтон, Томас, Новый способ поймать старого, Лондон, 1608.
- Минделефф, Виктор.
- Минор, Т. К., М. Д., Врачи Средневековья, Цинциннати, Огайо, 1889.
- Minutius Felix, Octavius.
- Miscellanea Antica Anglicana, цитируется.
- Miscellaneous Writings upon Drama and Fiction, Wharton.
- Молина Дон Хуан Игнасио, Гражданская история Чили, издание Мадрид, 1788.
- Молина, Падре Крестоваль де, Басни и обряды инков (перевод Клементса К. Маркхэма), Hakluyt Society Transactions, Лондон.
- Монархия Индианы, Торквемада, Мадрид, 1723.
- Mongols, Among the, Rev. James Gilmour, London, 1883.
- Монтень, Мишель, Эссе.
- Монфокон. L'Antiquité expliquée, Бернар Монфокон, монах-бенедиктинец, прозванный "Ученым бенедиктинцем".
- Муни, Джеймс, Бюро этнологии, Вашингтон, округ Колумбия.
- Мур, Эдвард, Индуистский Пантеон, Лондон, 1810.
- Мур, Джон, генерал-хирург.
- Мур, сэр Джон.
- Мур, Стертевант, бывший помощник инженера ВМС США.
- Мораль, Плутарх, английский перевод Гудвина, Бостон.
- Мор, сэр Томас.
- Мосхайм, Экклезиастическая история.
- Мотилиния, Фрай Торибио де Бенвенто, Неизвестный францисканец.
- Moyen Age Médical, Le, Dupouy, Paris, 1888. См. ["Врачи Средневековья-врачи", "Малые "](#).

- Мойен де Парвенир (1610 г. н.э.).
- Мюллер, Макс.
- Musarum Deliciæ.
- Музей, Армейский медицинский, Вашингтон, округ Колумбия.
- Музей, Национальный, Вашингтон, округ Колумбия.
- Мюнье, Ле, Фарс XIV века.
- Миф, ритуал и религия, Эндрю Лэнг, Лондон, 1887.
- Мифология, Банье. См. [Баньер](#).
- Мифология, Брайант, Джейкоб, Лондон, 1775.
- Мифология, Булфинч (пересмотрено преподобным Э. Э. Хейлом), Бостон, 1883.
- Мифы в медицине, Гарретт, Нью-Йорк, 1884.
- Мифы Нового Света, Д. Г. Бринтон, Нью-Йорк, 1868.
- Наннофф, Виктор, Аляска.
- Нарес, цитируется.
- Национальный музей, Вашингтон, округ Колумбия.
- Коренные расы Тихоокеанского склона, Г. Х. Бэнкрофт.
- Коренные племена Южной Австралии.
- Нил, Ричард, доктор медицины, "Говяжий чай, экстракт Либига и моча", в журнале "Практик", Лондон.
- Neilgherries, Hill Tribes of the, Short, in Ethnol. Soc. Transactions, London, 1881.
- Нью, Чарльз, Жизнь и странствия в Восточной Африке, цитируется.
- Новый Южный Уэльс, Королевское общество, Сидней.
- Новая Зеландия, маори, Трегир, в журнале Антропологического института Великобритании.
- Ньюэлл, В. В., Поклонение вуду в Хайти и Луизиане.
- Новости, Чикаго, Иллинойс.
- Niebuhr, Description of Arabia, Amsterdam, 1774.
- Нил, Спек, Лондон, 1863.
- Нолан, Николас, майор армии США.
- Норденшельд, Путешествия, Лондон, 1882.
- Notes and Queries, London, 1850.
- Нотр-Дам, Виктор Гюго.
- Nouvelle France, La, Charlevoix.
- Nyanza, The Albert, Sir Samuel Baker, Philadelphia, Penn., 1869.
- Оукс, Р. А., профессор.
- Оатман, Алиса, Пленение девочек Оатман, Сан-Франциско.
- Оберштайнер, Г. Б., доктор.
- О'Карри, Юджин, Нравы и обычаи древних ирландцев, Нью-Йорк, Лондон, Дублин и Эдинбург, 1873.
- О'Донован, Три фрагмента ирландских анналов, цитируется.
- Омахас, Смерть и похоронные обычаи среди омахас, Фрэнсис Ла Флеше, в Журнале американских народных преданий.

- О'Рейли, Роберт М.
- Ориген, раннехристианский писатель.
- Ориноко, падре Гумилла, Мадрид, 1741.
- Оритрика, фон Гельмонт, Лондон, 1662, английский перевод.
- Orozca y Berra, Geografia de las Lenguas de Mejico, Mexico, 1854.
- Orphei Fragmenta, издание Германа.
- О'Салливан, Вступление к О'Карри. См. [О'Карри](#).
- Овидий, Фасты, цитируется.
- Овидий, цитата.
- Языческое идолопоклонство, Фабер, Лондон, 1816.
- Pallas, Voyages.
- Палмер, Смайт, преподобный А., Словарь народной этимологии, Лондон, 1882.
- Палмер, Эдвард, эск., Брисбен, Квинсленд.
- Палмер, У. Дж., цитируется Г. Х. Бэнкрофтом.
- Пэнгборн, доктор, агентство Сан-Карлос, Аризона.
- Парацельс, Опыты и т. д., английский перевод, Лондон, 1596;
- Архидоксы, английское издание, Лондон, 1661;
- Secrets of Physicke, английское издание, Лондон, 1633.
- Paris to Pekin, Meignan, London, 1885.
- Парк, Мунго, Путешествия по Африке, в Пинкертоне.
- Паркман, Фрэнсис, Иезуиты в Северной Америке, издание Бостона, 1867.
- Пэрри, капитан, R. N.
- Пателин, магистр, фарс (480 г. н. э.).
- Пауллини, Франц Кристиан, Дрек-аптека (Грязная аптека), издание Франкфорта, 1696.
- Пирс, полковник.
- Путешествие Пеннанта по Шотландии, в книге "Пинкертон".
- Пенсильванские немцы, народные предания, Хоффман; народная медицина, Хоффман.
- Перси, Чарльз, М. Д., Вид на Левант, Лондон, 1743.
- Публикации Общества Перси.
- Персия, Бенджамин, Лондон, 1887.
- Перу, История Бальбоа, в Терно.
- Petræus, Henricus, Nosolog. Хармон.
- Петрофф, Иван.
- Петтигрю, Медицинские суеверия, Филадельфия, Пенсильвания, 1844.
- Пфаннер, Тоб., цитируется.
- Фаллическое поклонение, Роберт Аллен Кэмпбелл, Сент-Луис, 1888.
- Фаллицизм, Харгрейв Дженнингс, Лондон, 1884.
- Путешествия Филлипса, Лондон, 1807.
- Философия магии, Солверт, Нью-Йорк.
- Philosophical Transactions.

- Врачи средневековья, Т. К. Минор, М. Д. См. в разделе [Минор](#) и [Дюпуи](#).
- Пикарт, "Кутюмы и религиозные обряды" и др.
- Pidgeon, Dee-soo-dah, New York, 1853.
- Голуби, Трактат о разведении. Джон Мэтьюс Итон, Лондон (без даты).
- Pinkerton's Voyages, 1814.
- Плиний, Естественная история (перевод Бона).
- Плутарх, Очерки о суевериях, Мораль.
- Плутарх, Нравы, издание Гудвина.
- Покок, Путешествия по Египту, в издании Пинкертон.
- Поло, Марко, венецианский путешественник, жил среди татар в XIII веке.
- Полидор, Вергилий.
- Полинезийские исследования, Эллис, цитируется.
- Помет, История лекарств, Лондон, 1737.
- Лекарь бедняка, Джон Монкриф, Эдинбург, 1716.
- Папа Григорий IX.
- Папа Иоанн XX., цитируются медицинские труды.
- Популярные древности, Бранд, Лондон, 1873.
- Ежемесячник "Популярная наука".
- Порсон, греческий ученый.
- Портер, Дж. Х. Доктор, заметки о колдовстве,
- о грибах,
- о Маха-Бхарате и Ведах,
- об отсутствии туалетов в Мексике,
- о туалетах на Аляске,
- о стирке одежды человеческой мочой.
- Практик, The, Лондон, 1881.
- Пратимокша Сутра, перевод В. В. Рокхилла (Soc. Asiatique).
- Пратц, мистер, переводы немецких работ, упомянутых в этом томе.
- Издательство, Филадельфия, Пенсильвания.
- Primitifs, Les, Elie Réclus, Paris, 1885.
- Примитивная культура, Э. Б. Тайлор.
- Проституция, La, Parent du Chatelet, 1857.
- Psychiatrisches Centralblatt, Вена.
- Purchas, Pilgrims.
- Патнэм, Ф. У., профессор.
- Рабле.
- Рабле, Тринадцатая глава, Анистергес.
- Рагозин, Ассирия, Нью-Йорк, 1887.
- Рейни, Чарльз и Джо, индейцы баннок.
- Рам Аллейн, Людовик Барри, Лондон, 1611.
- Рау, Чарльз Ф., доктор, Смитсоновский институт.
- Рид, У. Уинвуд, Вуаль Изиды, Лондон, 1861.

- Réclus, Elie, Les Primitifs, Paris, 1885.
- Записи о живых офицерах армии США, Хамерсли.
- Rees' Cyclopædia of Arts, Sciences, and Literature, Philadelphia, без даты.
- Размышления, моральные и космические, 1707 г.
- Регнард, Путешествие в Лапландию, в Пинкертоне.
- Религиозные секты индусов, в Asiatic Researches, vol. xvii.
- Отчет Международной полярной экспедиции на Барроу-Пойнт, Вашингтон, март 1885 г.
- Отчеты Бюро этнологии США. См. [Этнология](#).
- Отчет о северо-западных племенах Канады, Франц Боас.
- Рабанус Маурус, богословский писатель.
- Ричардсон, д-р, исследователь Арктики, "Полярные области", Эдинбург; "Экспедиция по поиску Арктики", Лондон, 1851.
- Ридлиниус, Линеар. Medic., 1697, цитируется.
- Ринк, Генри, Сказки и предания эскимосов, Эдинбург, 1875.
- Ritos antiguos, etc., Motolinia, in Kingsborough.
- Ритуал мертвых (Египет).
- Реки жизни, генерал-майор Форлонг.
- Ривес, Амели, Виргиния виргинцев, Нью-Йорк, 1888.
- Рошфуко, Максимы.
- Рокхилл, У. У., востоковед и исследователь Тибета.
- Рокхилл, У. У., переводчик Пратимокша-сутры, [о которой см.](#)
- Рим, история, Виктор Дюруа (английский перевод), Бостон, 1887.
- Ромелий, П., цитируется.
- Розинус, Лентилий, доктор, 1694.
- Рубо, аббат, Ле Петерад, цитируется.
- Королевское общество, Сидней, Новый Южный Уэльс.
- Рубруки, Вильгельм де, францисканский монах, посланный королем Людовиком с миссией к великому хану Тартарии в 1253 году.
- Русская церковь и русское раскольниковство, Альберт Ф. Херд, Нью-Йорк и Лондон, 1887.
- Русские открытия, Уильям Кокс, Лондон, 1803.
- Священные книги Востока, Макс Мюллер, Оксфорд, 1880.
- Жертвоприношение, В. Робертсон Смит, в Encyclopædia Britannica.
- Sagen-Märchen, Volksaberglauben aus Schwaben, Drs. Birlinger and Buck, Freiburg, 1861.
- Саагун, Бернардо, брат, в Кингсборо.
- Сент-Джеймс Газетт, Лондон.
- Сент-Джон, Спенсер, Жизнь на Востоке, Лондон, 1842.
- Сен-Пьер, Бернардин, Исследования природы.
- Саламанка, Бахиллер де, Мудрец.
- Салверте, Эусебе, Философия магии, Нью-Йорк, 1862.
- Самоа, Тернер, Лондон, 1884.

- Сарычев, Гаврила, в "Путешествиях" Филлипса.
- Сатиры Ювенала. См. [Ювенал](#).
- Зауэр, Экспедиция в северные части России, Лондон, 1802.
- Саул, древнееврейский царь.
- Sauvage, Nosologie Méthodique, цитируется.
- Саксонские пиявки.
- Скандинавия, первобытные обитатели, Свен Нильсон, под редакцией сэра Джона Лаббока, Лондон, 1868.
- Шейдерас, Джон, Фармакоп. Med. Chym., цитируется.
- Шафф-Херцогг, Энциклопедия религиозных знаний, Нью-Йорк.
- Scharf, Benjamin, Doctor (A.D. 1694).
- Schultze, Fetichism, New York, 1885.
- Schurig, Chylologia, Dresden, 1725.
- Schwatka's Search, William H. Gilder, New York, 1881.
- Schweinfurth, Heart of Africa, London, 1872.
- Наука, Американская ассоциация содействия прогрессу.
- Склопетариус, цитируется.
- Scot, Reginald, Discoverie of Witchcraft.
- Скотт, сэр Вальтер.
- Secrets, Rare, in Physicke, by the Comtesse of Kent, London, 1654.
- Seebohm, Henry, Siberia in Russia, London, 1882.
- Сили, Ф. А., Антропологическое общество, Вашингтон, округ Колумбия.
- Сенека, римский писатель.
- Сесострис.
- Секст Плацит, медицинский писатель 250-300 гг. н. э., De Medicamentis ex Animalibus, издание Лиона, 1537.
- Шекспир.
- Шекспир, Иллюстрации к Шекспиру, Фрэнсис Донс, Лондон, 1807.
- Шапаст ла Шаяст (Священные книги Востока) Издание Макса Мюллера, Оксфорд, 1880.
- Ша Рокко, Мужской крест и древние сексуальные культы, Нью-Йорк, 1874.
- Ши, Джон Гилмари.
- Сибирь, Эрман, Лондон, 1848.
- Сибирь, Т. В. Аткинсон, Нью-Йорк, 1865.
- Сибирь, палаточная жизнь, Джордж Кеннон, Нью-Йорк, 1885, 12-е издание.
- Сибирь, через Сибирь, Генри Лэнсделл, Лондон, 1882.
- Сиу, Легенды о сиу, миссис Истмен, Нью-Йорк, 1849.
- Сиу, Солнечный танец Огаллалла, Алиса Флетчер.
- Смидди, преподобный Ричард, Друиды, Дублин, 1871.
- Смит, Чарльз, мистер, перевел многие из немецких работ, цитируемых в этом томе.
- Смит, почтенный Э. У. П.

- Смит, Джордж, Ассирийские открытия, Нью-Йорк, 1876; халдейское изложение Бытия.
- Смит, миссис Джеймс, Племена роандиков (Австралия), цитируется.
- Смит, У. Робертсон, редактор Encyclopædia Britannica.
- Смитсоновский институт.
- Smithsonian Contributions.
- Смоллетт, Тобиас, Хамфри Клинкер.
- Smyth, Brough, Aborigines of Australia, London, 1878.
- Snake Dance, The, of the Moquis, Bourke, London and New York, 1884.
- Азиатское общество. См. [Пратимокша-сутру](#).
- Сократ.
- Солдаты-3, Киплинг.
- Соловоф, "Путешествия", цитируется в "Русских открытиях" Кокса.
- Соломон Бен Джарчи.
- Магия Южных гор, миссис М. В. Дальгрэн, Бостон, 1882.
- Колдовство и магия, Томас Райт, Лондон, 1831.
- Саути, Роберт, Commonplace Book, Лондон, 1849. Доктор, Лондон, 1848.
- Испания, Путешествия по Испании, Бурганн, в Пинкертоне.
- Спаррманн, Рассказ об Африке, в Мальтебруне и в Пинкертоне.
- Спек, Нил.
- Спеллман, цитируется.
- Спенсер, Герберт.
- Спирс и Сюренин, Французский и английский словарь.
- Сквайер, Э. Г.
- Standard, of London.
- Stanley, Henry M., Congo, New York, 1885; Through the Dark Continent, N. Y., 1878.
- Staple of News, Ben Jonson.
- Стар, Ивнинг, Вашингтон, округ Колумбия.
- Стеллер, История Камчатки.
- Стеллер, Камчатка, перевод Буннемайера.
- Стивенс, Роберт.
- Стерн, Лоуренс, Тристрам Шэнди, издание Лондон, 1873.
- Стиллингфлит, Защита рассуждений об идолопоклонстве в Римской церкви, цитата.
- Страбон, считал, что волхвы и друиды - одно и то же; его рассказ о кельтиберийцах.
- Страттон, Пленение девушек Оатмана, Сан-Франциско, Калифорния, 1857.
- Стратт, Спорт и развлечения английского народа, Лондон, 1855.
- Struys, John, Voyages, etc., London, 1633.
- Stukeley, Account of Druidical remains, цитируется.
- Суетоний.
- Солнце, Нью-Йорк.

- Солнечный танец огалла-сиу, Элис Флетчер.
- Суеверия Шотландии, Джон Грэм Дейлилл.
- Сван, Дж. Г., Индейцы мыса Флэттери, в Смитсоновских материалах.
- Swietwn, Commentariorum, Lyons, 1776.
- Свифт, Джонатан, Дин, Сочинения.
- Тацит, Анналы (оксфордский перевод, Лондон, 1871).
- Сказки и предания эскимосов, Ринк.
- Талмуд.
- Talmudic Miscellany, Paul Isaac Hershon, Boston, 1880.
- Татуировка среди цивилизованных людей, д-р Роберт Флетчер.
- Тавернье, Ж. Б., Путешествия, Новое отношение к внутреннему пространству
Сериала Великого Сеньора, Париж, 1675.
- Теренций, латинский поэт.
- Терно Кампан, Путешествия и т. д., Париж.
- Тертуллиан, отец христианства.
- Тевтонская мифология, Якоб Гримм (перевод Сталлибрасса), Лондон, 1882.
- Тезозомок, Cronica Mexicana, в Кингсборо.
- Theodoret, De Evangelii veritatis cognitione, цитируется.
- Thevenot, Itinerar. Ориент.
- Thibet, a Description of, in Pinkerton, vol. vii., London, 1814.
- Тибет, Клементс К. Маркхэм, Лондон.
- Thiers, J. B., Traité des Superstitions, Paris, 1741.
- Турнберг, Рассказ о мысе Доброй Надежды, в Пинкертоне.
- Times of India, цитируется.
- Times, New York.
- Тит Ливий, цитируется.
- Толлий, П., цитируется.
- Tooke, William, издание "Трагоподагры" Лукиана, Лондон, 1820.
- Торквемада, Монархия Индианы, Мадрид, 1723.
- Тотемизм.
- Тотемизм, Джеймс Г. Фрейзер, М.А., Эдинбург, 1887.
- Tournefort, Voyage to the Levant, ed. of London, 1718.
- Трагедия подагры, Бламбозан (1600 г. н.э.).
- Три, Ламберт, почтенный, министр США в России.
- Трегир, Э. Т., Маори из Новой Зеландии.
- Трибьюн, Нью-Йорк.
- Трумбулл, Генри Клей, редактор Sunday School Times, Филадельфия, штат
Пенсильвания, его взгляды на посвящение через мочу, "Завет крови", Филадельфия,
1885.
- Тухманн, Ж., Очарование, в Мелюзине, Париж.
- Тернбулл, преподобный Г. Клей.
- Посольство Тернера в Тибет, Лондон, 1806.

- Тернер, Самоа.
- Тайлор, Э. Б., Прimitивная культура, Лондон, 1871.
- Ure's Dictionary of Arts, Manufactures and Mines, London, 1878.
- Танцы с мочой и ур-оргии, Джон Г. Бурке, брошюра, распространенная Смитсоновским институтом, Вашингтон, 1888.
- Валентин, Миш, цитируется.
- Валленси, генерал, Грамматика ирландского языка, *Collectanea de Rebus Hibernicis*.
- Вамбери, Арминий, Очерки Центральной Азии, Лондон, 1868.
- Ван Страленбург, Историко-географическое описание северных и восточных частей Европы и Азии, Лондон, 1736.
- Vega, Garcilaso de la, *Comentarios Reales* (перевод Маркхэма в *Proceedings of Hakluyt Society*).
- Vestiges, Blunt.
- Виктория, аборигены, Brough Smyth, Лондон, 1878.
- Victoria and Riverina, Aborigines of, Beveridge, Adelaide, 1889.
- Институт Виктории, операции.
- Винсент, Дж. Б., моряк, описывает ур-оргии чукчей.
- Virey, *Nouveau Dictionnaire d'Histoire Naturelle*, цитируется.
- Виргиния виргинцев, Амели Ривес, Нью-Йорк, 1888.
- Вольтер, *Essais sur les Mœurs*, Париж, 1785.
- Поклонение вуду в Хайти и Луизиане, У. У. Ньюэлл, в "Журнале американских народных преданий".
- Путешествие "Приключений" и "Бигля".
- Вульгата. См. Библию.
- Иудейские войны, Иосиф. См. Иосиф.
- Уошо, Дж. Росс Браун.
- Вебстер, Ной, Словарь английского языка.
- Велфорд, Эдвард (М. А. Балиол, Оксфорд), издание Ювенала.
- Вепффер, Дж. Дж., медицинский писатель, цитата.
- Уортон, "Разные сочинения".
- Уилер, Дж. Талбойз, История Индии.
- Уимпер, Фредерик, Аляска, Лондон, 1868.
- Уид, Максимилиан, принц, Путешествия, Лондон, 1843.
- Уайльд, Леди (Сперанца), Древние легенды и суеверия Ирландии, Бостон, 1888.
- Уиллоуби, сэр Хью и другие, Путешествие в Сибирь, в Пинкертоне.
- Wilson, Posey, Mr.
- Уинстэнли, У., Визит в Абиссинию, Лондон, 1881.
- Wise, Dr.
- Остроумие, Новая больница для детей.
- Остроумие без денег, Бомонт и Флетчер.
- Witchcraft, Discoverie of, Reginald Scot.
- Волластон, доктор, его теория происхождения сказочных кругов.

- Words, Biography of, Max Müller, London, 1888.
- Мир, Нью-Йорк.
- Wright's Political Ballads, в публикациях Общества Перси.
- Wright, Thomas, Essays on Archæological Subjects, London, 1861. Словарь устаревшего и провинциального английского языка, Лондон. Колдовство и магия, Лондон, 1851.
- Вюртц, г-н, поверенный в делах Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге.
- Ксенократ, родился в 396 г. до н. э.; использовал в медицине человеческую и животную мочу, а также все человеческие и животные секреты и выделения.
- Закут Лузитанус, медицинский писатель, цитата.
- Загоскин, русский путешественник.
- Замбези, Ливингстон, Лондон, 1865.
- Зендавеста. См. [Фаргарды](#).
- Зоологическая мифология, Анджело де Губернатис, Лондон, 1872.

Примечание транскриптора

Этот указатель несовершенен. Вам придется найти некоторые ссылки самостоятельно, так как составитель указателя не включил их.